ГЛАВНЫЕ КНИГИ О ВОЙНЕ

ОФИЦЕРСКИЙ ШТРАФБАТ

АЛЕКСАНДР ПЫЛЬЦЫН

ИСКУПЛЕНИЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — не очередное (уже седьмое по счету) переиздание бестселлера «Правда о штрафбатах», разошедшегося рекордными тиражами. Автор не просто дополнил свои мемуары новыми материалами, но увеличил их объем наполовину и радикально переработал. Фактически у вас в руках новая книга.

Это — самый честный рассказ о боевом пути первого из штрафбатов Красной Армии, в котором Александр Пыльцын служил «офицером постоянного состава» — их отбирали не из штрафников, а из лучших фронтовых командиров.

Это — «окопная правда» заслуженного ветерана, опровергающая клевету на Великую Отечественную и антисоветские фальшивки.

Если вам нужны не лживые мифы «антисталинистов», а подлинные воспоминания фронтовика, прошедшего со своим штрафбатом от Белоруссии до Берлина, — эта книга для вас!

- Александр Васильевич Пыльцын
  - Введение читателя в штрафбатовскую тему
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
    - А. Офицеры постоянного состава 8-го ОШБ, кто оставил след в его истории или кого я лично знал

        - Б. Список офицеров-штрафников 8-го ОШБ, погибших в боях на фронтах Великой Отечественной войны и ценою жизни своей вернувших доверие Родины
    - Глава 21
        -
        - 1. Итак, состав преступлений и меры наказания. Или за что направлялись в штрафбаты
        - 2. Искупление вины и освобождение от наказания
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
    - Глава 26
    - Глава 27
    - Глава 28
    - Глава 29
    - Приложения
        - Приложение № 1
        - Приложение № 2
        - Приложение № 3
        - Приложение № 4
        - Приложение № 5
        - Приложение № 6
    - Библиография
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

Александр Васильевич Пыльцын
Офицерский штрафбат. Искупление

Введение читателя в штрафбатовскую тему

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие.

Александр Пушкин

Разве можно былое забыть?
До сих пор годы мчатся, как пули…
Мы суровой солдатской судьбы
До краев всем народом хлебнули.

Михаил Ножкин

Прежде всего позвольте представиться, хотя многие читатели знакомы со мной по моим книгам о штрафбатах, которые за последние лет 12–13 вышли в разных издательствах России и Беларуси, а также двумя изданиями в Лондоне (Великобритания) в переводе на английский под названием «Penalty Strike». Суммарный тираж моих книг составляет более 70 000 экземпляров. Санкт-Петербургское Законодательное собрание в 2005 году присудило мне Литературную премию им. Маршала Говорова, а Рогачевский райисполком Беларуси присвоил мне звание почетного гражданина района за личный вклад в освобождение его от фашистских захватчиков и большую работу по военно-патриотическому воспитанию населения, что внесено в мою визитную карточку.

«Штрафная» тема долгое время была закрытой в литературе и искусстве, на это многие годы неразумно закрывали глаза. С наступлением безграничной горбачевской «гласности» она вдруг стала модной, ее в большинстве случаев утрировали и исказили до бесстыдства. Об этих необычных формированиях, созданных в самое опасное для Родины время по известному приказу Сталина № 227 «Ни шагу назад!», многие годы идут уже не споры, в которых должна рождаться истина, а все более множатся преднамеренная ложь и всяческие спекуляции на полуправде.

Идет много инсинуаций о штрафбатах, в которые якобы массово «жестоким сталинским режимом» загонялись совершенно невинные, не совершавшие преступлений, но понесшие незаслуженные наказания. Конечно, в какой войне не бывает случаев несправедливости. О них здесь тоже пойдет речь.

Строгий запрет на информацию о штрафных батальонах и ротах был установлен сразу же с приказом Сталина «Ни шагу назад!», издававшимся «Без публикации», а значит, и все, что им определялось, в прессу не поступало. Для предотвращения нарушений этого положения Приказом № 034 от 15.02.1944 года маршала Василевского А.М. подтверждалось запрещение открытой публикации «всех сведений о заградительных отрядах, штрафных батальонах и ротах». Это положение действовало долгие годы после войны и порождало массу всяческих домыслов, затем уже и вымыслов просто любителей всяческих сенсаций да и откровенной лжи разнузданных фальсификаторов об этом непростом явлении в истории Великой Отечественной войны.

Даже крупнейшие военачальники в своих мемуарах по воле политической цензуры либо о штрафных формированиях вообще не упоминали, либо маскировали под «особые отряды» или «лыжные батальоны». Многие научные исследования и исторические справки послевоенного времени базировались только на открытых публикациях, в научный оборот не вводились истинно правдивые сведения о штрафбатах и штрафниках, в те годы в открытую печать не поступавшие.

Известно, реально штрафные батальоны и штрафные роты на фронте были, скрывать это было неразумно. Они активно действовали на фронтах Великой Отечественной войны и, безусловно, внесли свою лепту в Победу. Но, особые в военное время, эти формирования прежде всего внесли огромный вклад в воспитание и становление человеческой личности, реабилитацию и искупление гражданского греха.

Военная судьба предопределила свою часть Великой Отечественной войны мне пройти до самого Дня Победы в составе офицерского штрафбата не штрафником, а командиром взвода и роты. За полтора года моего пребывания в штрафбате в нем никогда не появлялись никакие корреспонденты ни центральных, ни армейских или фронтовых газет. Именно из-за отсутствия официальной информации в народе стали распространяться слухи о штрафбатах, как правило, непременно в связи с заградотрядами, хотя их рядом со штрафбатами никогда не было.

На излете своей уже более чем 90-летней жизни я решился на обобщение всего мною написанного ранее в книге о

ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И НАКАЗАНИЯХ в связи с бывшими в нашей военной истории штрафбатами (штрафротами). Решаясь на это, я никоим образом не покушаюсь на славу великого Достоевского и представляю читателям новый вариант своей военно-исторической были.

Она обогащена многими дополнительными архивными сведениями, очень важными для понимания особенностей того времени и о самих штрафных формированиях, и о заградотрядах, история которых еще мало освещена правдиво, а вымысла о них много. Ради этого я стараюсь доступными мне способами дополнить свой рассказ правдивыми, документально подтвержденными сведениями. Вместе с тем повседневно ворошу свою пока еще не угасшую память, чтобы «допомнить», а не «досочинить», не придумать прошлое, чтобы заполнить пробелы памяти, как образно об этом сказал фронтовой поэт Александр Межиров:

Мне б надо биографию дополнить,
В анкету вставить новые слова,
А я хочу допомнить, все допомнить,
Покамест жив и память не слаба.

В этой, даст бог, не последней книге я попытаюсь сделать основные выводы о больших и малых преступлениях военного времени, о степени вины тех, кого направляли в штрафные формирования, мерах наказания за них, соответствии этих мер составу преступлений, о реальном искуплении вины штрафниками или даже их покаянии. Хочу сразу предостеречь читателя, что это будет не научно-юридический исследовательский манускрипт, а только рассуждения человека, проведшего в офицерском штрафбате командиром взвода и роты полтора года. Поэтому основные положения книги будут рассматриваться на фоне реальных офицерских штрафбатов с использованием некоторых документов и фактов, касающихся отдельных армейских штрафных рот (ОАШР).

Понимаю, что очень нелегко раскрывать истину чего-либо малоизвестного, потаенного, а тем более — уже оболганного, извращенного. Это можно и нужно делать исключительно правдой, основанной не только на личных воспоминаниях и собственных документах войны, но и на документах, сохранившихся у других участников войны, и прежде всего — архивных документах. Это важно не столько для удовлетворения любопытствующих, сколько для того, чтобы вооружить их правдой для борьбы со все более наглеющими как зарубежными,

так и собственными фальсификаторами нашего героического прошлого и его трагических страниц.

Главной целью и основным направлением деятельности этих извращенцев нашей российской истории является искоренение из народной памяти жизненного опыта советских людей, посвятивших себя защите, возрождению и процветанию нашей Родины, борьбе за ее свободу от любого порабощения. Злостная клевета на наше общее прошлое, извращение военной истории Советского Союза — это попытка наглой подмены правды о России ложью, а самого нашего героического советского народа — каким-то сборищем неуправляемого быдла.

Сегодня нам внушают, что все в нашей истории было либо «неправильным», либо вовсе «преступным», пытаясь разрушить в сознании россиян последнее, что сохраняет святость, что объединяет всех нас, — память о Великой Победе. Вместо того чтобы рассказать людям то, что было на самом деле и почему ему навязывается чужое видение вопроса, всячески втолковываются готовые оценки, искусно возбуждается негодование против «советского античеловеческого режима», а правдивая информация затушевывается, скрывается или представляется в нужном лжецам свете.

Газета «Правда» от 8.06.2013 поместила статью Ольги Яковенко «Война окончилась, бой продолжается. Офицер штрафбата опровергает мифы антисоветчиков». В ней отмечается: «Последние пятнадцать лет Александр Васильевич Пыльцын работает над книгами об истинной роли в войне штрафных батальонов. Личность, биография и взгляды Александра Васильевича привлекают внимание большой аудитории, в том числе и молодежной. Вся его жизнь опровергает множество мифов и фальсификаций, которые сегодня навязывают обществу. Причем методы этих мифов и фальсификаций становятся все более изощренными, круг фальсификаторов и приемы их тлетворного влияния расширяются».

По-настоящему правдивый мемуарист — хороший помощник историка, и самым главным в его воспоминаниях должен быть честный исторический подход к обстановке, при которой то или иное явление прошлого происходило. Много лет меня волновала атмосфера умолчания истории штрафных батальонов в литературе, прессе и вообще в средствах массовой информации. Нигде, ни в официальной печати, ни в военных мемуарах видных военачальников, об этих батальонах ничего не говорилось, а в «документальной» и тем более в художественной литературе публиковались сочинительства, мало или вообще ничего не

имеющие с действительностью.

Меня, прошедшего рядом со штрафниками в роли их ближайшего, взводного и ротного, командира, эти извращающие историческую правду «исследования», «романы», фильмы привели к мысли поведать миру истинную, документально подтвержденную правду о реальных штрафбатах, а не о придуманном «Штрафбате» Володарского и Досталя, не об «Утомленных солнцем» Михалкова. Фильмами и публикациями, злостно искажающими фронтовую действительность в штрафбатах, мы, бывшие штрафники и их командиры, оказались фактически оболганными своими же «правдолюбами», чего мы, старшее поколение — фронтовики и твердо стоящие на позициях правды честные люди, не должны оставлять без адекватной реакции. Ныне идет небывалое ранее сражение на военно-историческом фронте, и наша победа в Великой Отечественной войне остро нуждается в защите. К этому стремлюсь и я изданием своих книг-воспоминаний, документально оснащенных ныне открытыми архивными материалами.

Одумайтесь, господа историки, писатели, журналисты, деятели кино и телевидения. История страны есть просто ее история, и ее надо показывать так, как это было на самом деле. Искажение прошлого уничтожает будущее, поскольку прерывает необходимую для развития самобытной страны связь времен и поколений.

Многие послевоенные годы я надеялся на то, что из числа уцелевших фронтовых штрафбатовцев найдется же кто-то из очевидцев, кто сможет как бы изнутри, на фактическом материале правдиво рассказать об этих уникальных формированиях Великой Отечественной. Увы, правдивых публикаций так и не появилось. Мои боевые друзья по штрафбату давно подталкивали меня на этот нелегкий, ответственный труд — написать для современников и потомков свои именно штрафбатовские воспоминания о войне, опровергнуть, дезавуировать ту ложь, которая наслоилась за послевоенные годы.

Дневников на войне мы не вели. Офицерам переднего края, особенно в штрафбате, мягко говоря, это было «не с руки», да и нарушало строгий запрет в то время на распространение сведений о штрафных формированиях. Самое трудное, что вначале казалось мне непреодолимым вообще, — это огрехи и провалы памяти. Она, коварная, с годами растеряла многие детали событий, названия сел и городов, в которых они происходили, фамилии и имена бойцов и командиров, с

которыми бок о бок довелось пережить то нелегкое время.

У талантливого советского поэта Ярослава Смелякова есть такие строки:

И академик сухопарый,
И однорукий инвалид —
Все нынче пишут мемуары,
Как будто время им велит!

Видимо, само время повелело и мне взяться за перо, за это нужное и важное, на мой взгляд, дело. Как в пушкинском «Борисе Годунове»: «При свете лампады умудренный жизнью монах Пимен пишет правдивую летопись…»

И я, как тот монах Пимен, правда, не при лампаде, а с компьютером, тоже решился на документально обоснованную, правдивую книгу о штрафбатах, об этой очень сложной теме, многим еще малоизвестной, но многажды извращенной нечестными писаками и другими «деятелями» современных СМИ. Считаю это важным особенно теперь, когда уже не стало многих реальных свидетелей того времени, почти всех моих боевых товарищей, а тем более самих штрафников, и погибших в боях, и тех, кто выжил тогда, в огне войны, но не дожил до наших дней. Мои настойчивые поиски очевидцев штрафбатов уже малоэффективны, но каждая, хоть и очень редкая удача в этом поиске равноценна золотому слитку или драгоценному камню в сотню каратов.

Время неумолимо, нас, долгожителей, перешагнувших 90-летний рубеж, остается все меньше и меньше. Чувствую себя «последним из могикан», то есть из штрафбатовцев Великой Отечественной. Даже телевизионщики обращаются за интервью ко мне, вероятно, уже как к единственному из тех, кто был сам свидетелем и участником того грозного времени и еще помнит его. Простите меня, дорогой читатель, если я применительно к себе опять приведу слова великого Пушкина из того же «Бориса Годунова», которые он вкладывает в уста Пимена:

Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил.

Как-то в одном из интервью прессе я сказал: наверное, нам Богом дано жить долго именно для того, чтобы успеть рассказать

правду о той Великой войне. Не мне судить, насколько Господь меня «книжному искусству вразумил», но благодарен Ему бесконечно за то, что «многих лет свидетелем меня поставил». Посему считаю долгом своим рассказать о том, какие чувства тогда нас обуревали и какие ценности были в основе патриотизма, в основе безграничной любви к Родине, той любви, которая и обеспечила Великую Победу в невиданно жестокой войне со злейшим врагом всего человечества — фашизмом, разбитым, как нам тогда казалось, окончательно и навсегда. Объективности ради сквозь призму лет и событий я не корректирую во времени ни своих чувств, ни своих впечатлений, ни даже по возможности своих оценок. И если иногда к этому прибегаю, то только со ссылками на авторитетные источники, с которыми согласен.

Полагаю, мне удалось рассказать о том, что нам довелось увидеть, прочувствовать и пережить, показать ту фронтовую солидарность офицеров в штрафбате, штрафников или их командиров, которая действительно была в то грозовое, кровавое время.

Наш штрафбат, как говорят об этом документы войны, формировался одним из первых таких батальонов еще под Сталинградом.

Особо хочу сказать о помощи, которую оказали мои фронтовые друзья-штрафбатовцы еще при их жизни. Теперь из тех, кого мне удалось найти из нашего штрафбата, не осталось никого. Ведь нам, тогда еще совсем молодым, теперь уже за 90, а многие мои друзья-долгожители ушли из жизни, так и не преодолев этот роковой рубеж. Дорогие моей памяти имена друзей, упоминаемые в описании боевых действий и фронтового штрафбатовского быта, могли бы по праву быть среди моих соавторов. Как пелось в одной советской пионерской песне, *«Без друзей меня чуть-чуть, а с друзьями много».* Их фамилии с краткими данными читатель найдет в специальной главе моей книги, где наряду со штатными офицерами я поместил также документально установленный мартиролог офицеров-штрафников нашего батальона, погибших на полях сражений, отдавших жизнь за Родину, за возвращение прав и чести советских офицеров.

И сегодня я в постоянном поиске документов о штрафбатах, а также тех, кто хранит воспоминания, фронтовые фотографии, так или иначе связанные с историей нашего штрафбата документы о своих отцах или дедах, пополняю сведения не только о нашем штрафбате. Дети, внуки моих фронтовых друзей, с которыми мне удалось установить прочную связь, помогают мне

сохранившимися от их героических предков документами и воспоминаниями. От них я получил много драгоценного о своих героических предках, документальные материалы и воспоминания, дополнившие эту документальную повесть.

Итак, собственная, врубившаяся навеки память, переписка с друзьями, их потомками, работа со справочными изданиями, архивными материалами и военными мемуарами и многое другое позволили мне создать уже не одну документально обоснованную книгу о штрафбатах. При этом использованы малоизвестные широкому читателю архивные документы именно по нашему 8-му штрафному батальону, 10, 13, 16-му и другим штрафбатам, некоторым штрафным ротам. Теперь подлинность событий, происходивших в штрафных формированиях Великой Отечественной, значительно расширен и подкреплен архивными документами того времени, множество ксерокопий которых любезно предоставлены мне Центральным архивом МО РФ из Подольска, его добрыми людьми.

Особую признательность выражаю вице-президенту российского общества «Знание», председателю Правления МОО «Общество „Знание“ Санкт-Петербурга и Ленинградской области», доктору экономических наук, академику, профессору, ректору Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права Сергею Михайловичу Климову и главному финансисту общества, заслуженному экономисту России Антонине Васильевне Ружа. Именно они в те переломные и тяжелые годы после развала Советского Союза, в канун 60-летия Великой Победы, отважились финансировать первую публикацию моей книги «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина». Вышедшая двумя изданиями в ленинградском обществе «Знание», эта книга была первой правдивой публикацией о конкретном, 8-м Отдельном штрафном, батальоне, прошедшем с боями от Сталинграда до Победы. Она фактически дала путевку в жизнь многим другим моим книгам, вышедшим не только в России, но и за ее пределами, например в Беларуси, в Великобритании (в переводе на английский). Хотя в эти годы были и прямо противоположные «произведения», изображающие извращенно историю этих непростых формирований Великой Отечественной войны или просто нафантазированные авторами. Законодательное собрание Санкт-Петербурга, «высоко оценив историческое значение книги „Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина“», присудило мне в 2005 году Литературную премию имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова.

Таким образом, вопреки фальсификаторам и злопыхателям вместе с другими честными военными историками мы вводим в научный оборот правдивые сведения о штрафбатах. Чаяния представителей поколения победителей о том, чтобы успеть рассказать правду о нашем прошлом, выразил в своих стихах весьма уважаемый мною ленинградский поэт, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств Анатолий Владимирович Молчанов, которого я часто цитирую. Этот неординарный человек пережил в детстве ленинградскую блокаду и остался ленинградцем на всю свою оставшуюся жизнь. Она, к величайшему сожалению, уже оборвалась, прямо скажем, из-за «перестроенной», «модернизированной» на рыночный лад отечественной медицины. Это был потрясающе правдивый поэт, боровшийся за правду до конца своих дней.

Вот такая нам выпала доля,
Всю советскую правду хранить.
И пока мы живем — не позволим
Нашу правду другой подменить.

Перед памятью автора этих строк, перед памятью воинов, отдавших свои жизни ради свободы Отечества, ради тех поколений, которых долгие годы старательно вводили в заблуждение злонамеренной ложью всякого рода дельцы от истории и литературы, я тоже считаю своим долгом «не позволить нашу правду другой подменить».

За мои довольно долгие годы жизни вообще (уже пройден порог 90-летия), и 40-летней армейской службы в частности, выпало много событий, встреч с людьми, разными и по характерам, и по той роли, которую они сыграли в моей жизни. Главная цель этой моей книги — показать то непростое, но поистине героическое время через людей, с которыми меня сталкивали обстоятельства, через события, которыми заполнялась жизнь. Показать и ту Эпоху, которая осталась теперь лишь в нашей памяти, да еще и в честных произведениях представителей, увы, уже уходящего поколения победителей. Жаль, не отражена она достойно в школьных или вузовских учебниках и даже заменена солженицынскими профанациями. А правду об этом времени нужно знать и помнить всем, кто приходит нам на смену, чтобы не вырасти «Иванами, не помнящими родства».

В отличие от прежних моих изданий в этой новой книге много совершенно новых документальных материалов не только

о штрафбатах, но и штрафротах, вообще о штрафниках, материалов, давших ей новое направление, характерную фабулу, раскрывающую особенности соотношения категорий «преступление-наказание», «вина-искупление». От всякого рода других публикаций на «штрафную тему» без указания «адреса», документальной базы и реальных лиц, описываемых событий, от «романов» или аналогичных «произведений» предлагаемая книга отличается тем, что в ней нет ни одного вымышленного события, ни одного надуманного боевого эпизода, ни одной нереальной фамилии персонажа. Исключениями могут быть только те фамилии, которых память просто не удержала.

Как говорил в свое время великий Маяковский:

Грудью у витринных книжных груд.
Моя фамилия в поэтической рубрике.
Радуюсь я — это мой труд
Вливается в труд моей республики.

Радуюсь и я, что хоть не в «поэтической рубрике», но своими книгами, вливающимися в труд честных историков, открываю правду, пусть об одной только, весьма сложной грани большой и тяжелой войны, выпавшей на долю нашего поколения, к сожалению, извращенной недобросовестными писаками. В отличие от писателей-сочинителей считаю себя писателем-документалистом, писателем-мемуаристом на основе строгой правдивости. Высшей оценкой своих книг считаю мнение известного советского писателя Юрия Васильевича Бондарева, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР, признанного классика советской военной прозы: «Получил Вашу книгу… Материал интересный, скорее всего — не просто материал, а документ Великой Отечественной войны…»

Многочисленные отзывы и публикации моих читателей подтверждают это.

Не без гордости сообщаю, что правду о штрафбатах, изложенную в моих книгах, известный режиссер студии документальных фильмов «Отражение» из зауральского Кургана Александр Голубкин отразил в фильме «Штрафбатя», который с успехом прошел на разных международных кинофестивалях, завоевал Гран-при и множество дипломов.

Жаль, этого нашего «Штрафбатю» не пускают на официальные телеканалы. Зато там злобно-лживый 11-серийный «Штрафбат» Володарского и Досталя объявляли «самым правдивым», а показывать реальную правду о штрафбатах было не

в их антиисторических интересах.

Многие телеканалы России, создавая документальные ленты на тему штрафбатов, непременно обращаются либо к моим книгам, либо непосредственно ко мне. Правда, часть из них в своих фильмах пытались «поправить» домыслами реальность, не совпадавшую с их понятиями, например НТВ, Россия-1. Особенно гадко обошелся со свидетельствами фронтовиков Кирилл Набутов (1-й ТВ-канал, серия его фильмов «Пока не поздно»). Я вынужден был потребовать непосредственно от руководителя канала Константина Эрнста снять с экрана эту поделку, оскорбляющую честь и достоинство ветеранов. Фильм больше не шел, программу закрыли, но даже элементарного извинения от Эрнста или от самого Набутова не последовало.

Из множества откликов на мои книги и публикации помещу здесь лишь несколько, в том числе очень для меня значимый, от коллектива Облученской школы, из которой в 1941 году мне, дальневосточному юноше, довелось шагнуть в войну.

> «Уважаемый Ветеран, дорогой наш выпускник Александр Васильевич! Ваши книги, публикации в газетах, выступления по телевидению помогают нам несколько иначе взглянуть на жизнь, на окружающий нас мир. Мы в школе проводим обсуждения в старших классах, подобные встречи-обсуждения прошли среди ветеранов и коммунистов города. Вы, Александр Васильевич, для нас являетесь примером стойкости, жизнелюбия и оптимизма.
>
> Коллектив учителей, мальчишки и девчонки Вашей родной Облученской средней школы № 3 имени Героя Советского Союза Тварковского».

В 2008 году, после выхода в Москве моей книги «Правда о штрафбатах», а также на ТВ-канале «Россия-1» фильма «Цена победы. Генерал Горбатов», в котором состоялось и мое участие, мне посчастливилось познакомиться с внучкой легендарного командарма Ириной Александровной. Приведу здесь фрагменты ее письма ко мне.

> «Еще раз с большим удовольствием прочитала 3-е издание Вашей книги. Ваши воспоминания производят сильное впечатление своей достоверностью, искренностью и глубиной переживаний. Спасибо Вам за теплые слова, сказанные в адрес генерала Горбатова. Никто не останется равнодушным к Вашей правде и той

боли, которую вы испытываете, когда сталкиваетесь с лживыми „произведениями“ новых „летописцев“ нашей Великой Отечественной. У Вас много союзников и среди молодежи. Все же вы достучались до людей и, несмотря на рекламные кампании, уже редко кто считает тот фильм „по-володарски“ о штрафбате истиной в последней инстанции и смотрит его».

Приведу мнение, заявленное только одним из многих участников форума на интернет-конференции, проведенной на сайте «17 марта», 38-летнего украинца из Запорожья Станислава Валерьевича О… Надеюсь, читатели сопоставят слова молодого жителя Украины с усилиями порошенковско-профашистской пропаганды.

«Моя сердечная признательность Александру Васильевичу за возможность из первых уст узнать правду о самой великой — и самой страшной — войне. Спасибо Вам за то, что взяли на себя этот тяжкий труд. Если бы не вы, фронтовики, нам пришлось бы учить историю по Володарским да по Солженицыным. Желаю Вам вменяемых редакторов в издательствах, которые поймут, что книги писателя Пыльцына нужны не столько лично генералу Пыльцыну, сколько всем нам, живущим сегодня благодаря подвигу многих фронтовиков».

Мои книги не могут, наверное, кардинально изменить что-либо в настоящем. Но они, слава богу, меняют на диаметрально противоположное то, чему успели «научить», что фальшивого, вредного, антиисторического упорно, бессовестно вдалбливают в умы послевоенных поколений.

Очень уместны здесь, полагаю, строки из совсем недавно прочитанного мною сборника стихов современного оригинального поэта-врача Евгения Смолякова, которые очень совпали с моими мыслями о результативности моих усилий в борьбе за правду.

Все же мне удалось, как в сраженье,
Умирая за каждую пядь,
Пусть в недальнем моем окруженье,
Чьих-то душ бастионы занять.

Надеюсь, мои книги тоже «занимают бастионы душ» читателей и как-то выправляют искаженные злонамеренной

ложью представления о прошлом, пусть не у всех, но у многих из них, как об этом сказал нашедший меня в 2014 году внук моего фронтового друга Бориса Тачаева Кирилл Батуркин:

> «От книги Вашей не мог оторваться. Ожидал встретить „сухой“ исторический очерк, а получилось, что сам окунулся в эту тревожную, иногда жуткую атмосферу, где есть место и юмору, и оптимизму. Хочу признаться, до этого мои представления в общем основывались на известных штампах: войну выиграли „горами трупов“, „водкой“ и „заградотрядами“. Да и оценки будто уважаемых людей были категорично очернительными. Я имею в виду вроде бы солидного писателя В. Астафьева, роман „Прокляты и убиты“ которого я и считал образцом „последней правды“ о войне. Да и вообще, нам настойчиво прививалось, что вся „правда“ — она оттуда, с запада, ее и надо слушать, на нее равняться. Последние события показали: такого потока бесстыдной лжи и хамства от западных СМИ и всевозможных „общественников“ на моем коротком веку еще не было. Очень хорошо, что все наконец встало на свои места».

Всем, кто правильно понимает меня и других честных документалистов и это понимание старается донести до широких масс, я очень благодарен. В этом ряду стоят телеканал «Культура», МТРК «МИР», уважительно относящиеся к созданию документальных лент и телеинтервью на «штрафную тему», а также православный сайт «Русская народная линия» и сайт «17 марта», публикующие без искажений и «поправок» правдивые статьи по «штрафным» и другим современным проблемам.

Только добросовестные, честные военные историки и историографы, глубоко исследующие архивные материалы о штрафных формированиях, докапываются до истины. Большинство же современных журналистов, касаясь этих непростых событий, обычно пользуются публикациями того времени, когда по законам строгой цензуры практически о штрафных батальонах и ротах ничего не было в открытой печати, поэтому часто пользуются сомнительными сведениями.

Уверяю читателей, что в своих книгах не отрываю то «штрафбатовское» время от всего, что ему предшествовало, и от того, как оно повлияло на долгую последующую воинскую службу и жизнь вообще. Не скрываю: само определение меня в штрафбат, хотя и на командную должность, как и многое другое, бывшее со

мной на фронте и вообще в моей 40-летней воинской службе, рождали иногда неясные, а то и обоснованные сомнения. Будто меня каким-то образом наказывают за репрессированных в довоенное и военное время отца и брата матери, будто я расплачиваюсь за то, что они были осуждены по общеизвестной тогда 58 статье УК РСФСР.

Во многом такие предположения были просто плодами воображения, но не всегда. О большинстве всех фактов и сомнений по поводу этой связки **преступлений и наказаний** я упоминаю по ходу событий и на фронте, и в своей дальнейшей многолетней воинской службе. С этой целью в книге мне пришлось совершать экскурсы и в «доштрафное» время воинской службы, и даже в детские годы, тем более что все это формировало и взгляды, и сознание, и мировоззрение, которые, так или иначе, проявлялись в боевой обстановке и воинской службе вообще.

Как говорят, и «ежу понятно», что оболванивание масс, особенно через популярное ныне телевидение и некоторые сайты и сети Интернета, привело прежде всего подрастающие поколения к неадекватному восприятию исторических фактов. Налицо довольно печальные результаты, когда весь советский период истории нашей страны в умах многих уже поколений видится через «солженицынский ГУЛАГ» или астафьевских «Проклятых и убитых».

Есть у поэта-фронтовика Василия Дмитриевича Федорова такие строки, написанные еще в 1956 году:

Все испытав, мы знаем сами,
Что в дни психических атак,
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая, займет наш враг.

Займет, сводя все те же счеты,
Займет, засядет, нас разя…
Сердца! — да это же высоты,
Которых отдавать нельзя!

Упустили мы по крайней мере у себя в России да и во многих бывших советских республиках это предупреждение фронтовика. Грянула так называемая перестройка умов, затеянная и во многом довольно успешно осуществляемая злобствующими псевдоисториками и фальсификаторами по «забугорным» рецептам и «дорожным картам». Уже в сердца наших людей проникли со своими антинародными идеями недруги из-за

рубежей и их апологеты доморощенные.

К примеру, Андрей Макаревич, «машинист времени», в свое время надеявшийся, что мир «прогнется под них», нынче, одобряя бандеровско-фашистский путч в Киеве, заявил: «Сейчас важно проявить уважение к историческому выбору соседей и постараться заслужить их уважение». Очевидно, уже сам Макаревич и иже с ним вроде скандально известной Ксении Собчак готовы «прогнуться» под неофашистов!

Главный их азимут — отрицание Великой Победы советского народа над немецким фашизмом — на его реставрацию, на дальнейшее разрушение исторических родственных связей славянских народов в угоду агрессивному Западу. Вставая против тех, кому наша Великая Победа «омрачает» их жизнь, вооружаемся словами поэтессы Клары Аникиной:

День Победы — весенний, прекрасный,
И чернить его ложью напрасно.
Ветеран, пока жив, защищайся,
Гордо встань, правду-матку скажи!
С борзописцами словом сражайся,
Не сдавай, ветеран, рубежи!

Вот мы, фронтовики Великой Отечественной, кто еще жив, не сдаем завоеванные рубежи, не складываем оружия в борьбе за правду о героизме советского народа в той, уже давней, но близкой нам войне, приведшей к разгрому германского фашизма. Даст бог, придем и к разгрому любого другого фашизма, нацизма, в какие бы одежды они ни рядились, какие бы маски ни надевали, бандеровские или им подобные. И вдохновляют нас на эту борьбу наши сверстники, прогрессивные писатели, поэты и наши молодые потомки, верящие в нас.

Растет плеяда честных историков молодого поколения, к которым я отношу и моих друзей — Игоря Пыхалова и доктора философских наук, председателя Петербургского Исторического клуба Андрея Вассоевича, известного доктора исторических наук профессора Юрия Рубцова, — в своих книгах, статьях, теле— и радиопередачах опровергающих злостные измышления вралей-антиисториков.

Когда же наступит и наш, воинов Великой Отечественной, последний час, то, уверен, наши идейные последователи будут так же вместо нас стойко бороться за правду о Священной войне, помня твердо, что «Ведь была она, была Победа, / И недругам ее, своим или чужим, — не отдадим!»

Из этого несколько распространенного введения в тему книги читателю станет ясно, о чем пойдет речь в ней, на какой исторической и нравственной позиции стоит и стоять будет всю оставшуюся жизнь ее автор. Книга эта поможет раскрыть особенности преступлений и наказаний за них направлением в штрафные формирования, а также способов искупления вины в них, перевоспитания и даже покаяния. Автор будет очень рад, если его точку зрения на наше прошлое разделят представители тех, кому жить в будущем, кто уже сменяет наше, увы, уходящее поколение.

Хронологию своего повествования, как уже говорил выше, я прерываю иногда просто необходимыми главами и вставками о своей довоенной и послевоенной жизни. Все это, как мне пишут многие из читателей, им интересно, так как большинство из них активную взрослую жизнь начали либо в конце 20-го века, а то уже и в 21-м, когда канул в анналы истории так важный в ней советский период. А мы, ветераны Великой Отечественной — аборигены прошлого века и прежней социально-политической формации общества — хорошо понимаем, что многим хочется знать, как все это было тогда. Как соотносились в годы войны ПРЕСТУПЛЕНИЕ и НАКАЗАНИЕ, какой ценой добывалось ИСКУПЛЕНИЕ вины в войне и кардинальное перевоспитание оступившихся.

Есть одно очень меткое выражение: «Кто не хочет знать прошлое, тот не имеет права на будущее». Книга эта о прошлом, а читатель может сравнивать это с настоящим и находить пути к лучшему будущему.

Великий Тютчев полтора века назад написал знаменитое:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать…

Да, нам не дано… Но в наше время, когда некоторые «гении» стали СЛОВОМ безответственно сорить и злословить, очень хочется, чтобы каждый, кто оставляет свое СЛОВО потомкам, мысленно продолжил для себя великое завещание Федора Ивановича хотя бы такими словами: «Но чтобы не иметь вины, мы предугадывать должны!» Да простят меня читатели за свое добавление к строкам Федора Ивановича.

Автор сей книги рассчитывает и будет очень рад, если наше доброе слово о прошлом отзовется сегодня и в будущем, как

искреннее выражение любви к своей родине, своему народу. Надеюсь, что у тех, кому жить в будущем, НАШЕ СЛОВО о героическом прошлом, несмотря на кликушество русофобов и антиисториков, вызовет то сочувствие, которое и есть благодать.

Для пожилого человека естественно ностальгировать по времени своей молодости. Эта моя работа — тоже ностальгия, но не столько по нашей молодости и времени, выпавшему на нашу боевую юность. Это ностальгия по любви к Отечеству, за которое полегли в землю мои родные братья, мои боевые друзья, в том числе и офицеры-штрафники, с кем довелось нам, их командирам, делить непростую фронтовую судьбу. Это даже не ностальгия, а скорее скорбь о том, что наше понятие «любовь к Родине» удается все-таки доморощенным лжеисторикам и лжепатриотам выхолостить из душ многих молодых граждан России. К нашей горькой печали, такое высокое чувство все реже просматривается в среде постперестроечных поколений, поглощенных заботами бизнеса и накопления. Так хочется передать нашим потомкам, в будущее, это высокое чувство патриотизма, преданности и любви к многострадальной Родине — России.

Дорогие читатели! Любите Родину, любите истинную, не искаженную ее историю, не извращенное, полное героизма, самопожертвований и Победы прошлое. И счастливого, справедливого будущего Вам!

Глава 1
Сберечь истинную историю войны и Победы

Хватит измываться над Победой,
Крокодильими слезами обливаясь.
Вы там не были, а значит, вы — невежды!
Вам раз плюнуть — прошлое охаять…

Павел Апидамский

О дети словоблудья, — ваш удел
Плести словесной лжи тугую пряжу.
Чернить того, кто был белей, чем мел,
И обелять того, — кто был чернее сажи.

Автор не установлен

Сберечь истинную, а не надуманную историю всего нашего героического поколения так важно сейчас, когда она, эта история, порой бессовестно, тенденциозно искажается, извращается некоторыми «историками», писателями, сценаристами, драматургами.

Особой целью фальсификаторов является тема штрафных батальонов. И, спекулируя на этой мало раскрытой истинными историческими документами теме, лжеисторики, спекулянты на истории чаще всего педалируют соотношения вины и уровня ответственности за нее, то есть ПРЕСТУПЛЕНИЯ и НАКАЗАНИЯ. При этом еще клевещут на установленные на военное время формы ИСКУПЛЕНИЯ вины.

В средствах массовой информации мода охаивать нашу военную историю привела к тому, что необычные воинские

формирования Великой Отечественной войны — штрафбаты — стали представляться как дикая смесь слухов о фронтовых офицерских штрафбатах и армейских штрафных ротах, якобы комплектуемых преступниками-рецидивистами из мест заключения, и царящих в них тюремно-лагерных порядках. В постсоветские годы, а перед юбилеями Победы особенно, в различных российских СМИ усиливался поток публикаций «популярных» авторов, демонстрация «документальных», «художественных» кино— и телефильмов на «штрафную» тему.

Особенно преуспел в фальсификации исторической действительности уже покойный Эдуард Володарский, чей, «с позволения сказать, „роман“ „Штрафбат“, а точнее говоря, „штрафбред“, многотысячным тиражом был „рожден“ издательством „Вагриус“». О покойниках плохо не говорят, но не могу же я говорить хорошо, например, о Геббельсе, хотя он давно уже покойник, да простит меня читатель и за Володарского. Затем по этому «роману» к 60-летнему юбилею Победы с режиссерами В. и Н. Досталь они именно **состряпали** одноименный 11-серийный «художественный» сериал с тем же названием, где все перевернуто с ног на голову.

Самое первое, что во всех таких киноподелках нужно опровергать, — неофицерских штрафбатов просто не было! Штрафбаты состояли только из проштрафившихся (совершивших преступления или серьезные нарушения дисциплины, а иногда просто обвиненных в этом) офицеров. Умышленное смешение провинившихся офицеров, рядовых дезертиров и разного рода уголовников в одно понятие — «штрафбат» — характерно для многих, не желающих знать истину. Никаких «врагов народа» или уголовников-рецидивистов к фронту и близко не подпускали, надо бы это знать и здравствующему Михалкову, да и многим другим, пытавшимся или пытающимся утверждать обратное. Но ведь не читают создатели фильмов, берущиеся за эту тему, не то что правдивых публикаций, но даже много раз уже опубликованного приказа Сталина «Ни шагу назад!», коим и учреждались штрафные батальоны и роты. Или, если и читают, то только для того, чтобы показать обратное.

В канун 60-летнего юбилея Победы мне в составе делегации Межрегиональной организации общества «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области довелось побывать на гостеприимной земле Беларуси, в Минской области. Не стану говорить о тех незабываемых впечатлениях, которые остались у нас от увиденного там. А вот какое впечатление произвел скандальный фильм «Штрафбат» на участников Великой Отечественной, свидетельствуют строки из статьи «А душа

молода» в Белорусской военной газете «Во славу Родины». Там шла речь о бывшей фронтовой медсестре Серафиме Ивановне Панасенко, посмотревшей этот «художественный» фильм. Вот только цитата оттуда:

> «Часть войны стрелковый батальон, где служила медсестрой Серафима Панасенко, прошел плечом к плечу с фронтовым штрафбатом… После того как на российском телевидении был показан нашумевший сериал „Штрафбат“, этот теле-„шлягер“ привел Серафиму Ивановну в негодование. Вместо реальных штрафников, с которыми ее однополчане брали Кенигсберг, шли в атаки на врага с криком „За Родину!“, „За Сталина!“, которых вовсе не нужно было выгонять на передовую под дулом пистолета, фронтовичка увидела бандитов-рецидивистов. Вместо удовольствия от фильма, снятого как раз в канун 60-летия Победы, в душе остались обида и боль».

Этой лживой киноподелке, несмотря на массовое неприятие ее ветеранами из-за оскорбительных искажений исторических фактов, присваивали звучные эпитеты вроде «Шедевр из золотой серии отечественного киноискусства», «Художественное воплощение истинной правды о войне», «Самый правдивый фильм о войне» и т. п. Как будто об этом фильме сказал Воланд из булгаковского «Мастера и Маргариты»: «Интереснее всего в этом вранье то, что оно — вранье от первого до последнего слова».

Несмотря на шквал критики фильма, позиция постановщика 11-серийного «Штрафбата» Н. Досталя, четко им обозначена в «АиФ» № 21 2010 г. Этот киновраль договаривается до того… что в той войне «столько миллионов убито… зазря, по вине командующих наших… Столько народу ушло по вине Сталина и прочих». Оказывается, не по вине Гитлера, напавшего на нашу Родину ради порабощения и уничтожения миллионов славян, евреев, цыган и других «недочеловеков». Досталь в своей философии утверждает, что Гитлер лучше Сталина потому, что уничтожал чужие нации, а Сталин — свою. По Досталю выходит: лучше было позволить Гитлеру уничтожить всю «советскую нацию», чем жертвенно защитить страну и мир от уничтожения и порабощения. Такие идеи безнаказанно пропагандируются и другими русофобами — Гозманом, Хакамадой, Латыниной и им подобными.

Жестко и справедливо критикуют эти фильмы и их идеологов от рядовых фронтовиков до президента Академии военных наук,

честные исследователи документов того времени. Однако российское телевидение ежегодно «крутило» этот злонамеренно лживый фильм фактически и по всему миру, специально подгадывая то ко Дню Победы, то к другой военно-исторической дате. Сегодня, когда «штрафная» тема стала модной, многие коммерческие издательства бросились собирать «сочинения» людей, что-то слышавших о штрафниках или просто способных на выдумки. Видимо, рейхсминистр пропаганды Геббельс, хотя был и не первым, кто поклонялся известному постулату: «чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят», но, оказывается, и далеко не последним.

Общеизвестно, что нынешнее молодое поколение предпочитает получать информацию с телевизионных или смартфоновских экранов, планшетов и т. п. После выхода на телеэкраны сериала «Штрафбат» они эту информацию получили. Очень непросто теперь убедить их в том, что увиденное — злостный вымысел режиссера и сценариста, которые не имели практически даже приближенного представления о реальных штрафбатах и не захотели его получить.

Все-таки нынешние электронные СМИ настойчиво продолжают искажать нашу историю.

Соблазн исказить историю овладел и властным киномэтром Михалковым, отправившим в «Утомленных солнцем-2» своего героя, «врага народа» Котова, и целый лагерь политзаключенных в штрафбат в самые первые дни войны и явно на запредельный срок. Хотя известно, что штрафбаты создавались лишь с августа 1942 года и срок пребывания в них был не более трех месяцев, а «врагам народа» туда путь вообще был закрыт. Этим фильмом-сериалом, особенно «Предстоянием» и «Цитаделью», специально тоже приуроченным к юбилеям Победы, Никита Сергеевич превзошел по уровню фальсификации истории Великой Отечественной войны своего скандального предшественника Володарского.

В 2011 году по телеэкранам прошла кинофальшивка Пиманова **«Жуков»,** вызвавшая у нас, ветеранов, просто омерзение. В главной роли — теперь уже известный актер Александр Балуев. Основой этого фильма является не полководческий гений легендарного Маршала Победы, спланировавшего и выигравшего самые крупные сражения Великой Отечественной войны. В непотребной киностряпне Пиманов повел речь о «сексуально озабоченном» бабнике, выдавая это за «правду, которую утаивали», игнорируя полководческий авторитет военачальника.

Конечно, создавший признанный народом образ Жукова

народный артист СССР Михаил Ульянов, если бы мог встать из гроба, наверняка отвесил бы пощечины и Балуеву, и Пиманову, а Маршал Победы Георгий Константинович Жуков, учитывая его характер, поступил бы, наверное, еще решительнее.

Что касается Пиманова, то у меня с ним тоже был малоприятный контакт. Буквально за неделю до 60-летия Победы меня в Санкт-Петербурге навестила съемочная группа от Пиманова, тогда генерального директора ТК «Останкино». Цель — записать на видео рассказ о штрафном батальоне как человека, прошедшего штрафбатовскую школу. Съемка состоялась, мне даже сразу назвали дату телеэфира, вручили поздравительную открытку от Пиманова и тысячерублевую купюру, которую я воспринял как полагающийся гонорар или как подарок ко Дню Победы.

Но пришло назначенное время, прошел и Победный юбилей, а моего интервью не было. Миловидная женщина, возглавлявшая съемочную группу, на мои телефонные звонки отвечала уклончиво, а потом сообщила, что материал забракован, а ее уволили как не справившуюся с заданием. Я понял, что заказчик, то есть Алексей Пиманов, рассчитывал получить материал в угоду «Штрафбату» Володарского-Досталя или подтверждающий хотя бы основные версии их фильма, уже поставленного в программу телевидения, но ничего подобного не получил и отснятый видеоматериал забраковал.

Тогда я послал ему письмо, в котором написал: «Вас не устроила истинная правда о штрафбате, и вы, пытаясь выхолостить мое интервью, а потом и вовсе затерли его, так как оно не совпадало с точкой зрения не видавших войны авторов „Штрафбата“, да и, как оказалось, вашей личной». Назвал его действия открытой попыткой «подкупить» меня этой купюрой, заявив, что «ни за какие иудины деньги, ни за вашу тысячу сребреников мы, ветераны, ни совесть свою, ни память, ни гордость и честь офицерскую не продаем».

Письмо опубликовала газета «Советская Россия». Так что мою пощечину, хотя и виртуальную, он все-таки, полагаю, получил. От такого «правдолюбца» и «правдоискателя» Пиманова едва ли можно было ожидать чего-нибудь похожего на правду и в фильме о Жукове.

Или другой пример фильмов «наоборот» — лента «Сволочи» Антонесяна. Из арсенала действий фашистов во время войны известны факты, когда они забрасывали подростков с оккупированных советских территорий в качестве диверсантов в наш тыл. Подтверждение этому в ориентировке Особого отдела

НКВД Юго-Западного фронта № 1244/6 от 4 декабря 1941 г.: «Об использовании немецкой разведкой подростков для сбора разведывательной информации о частях Красной Армии в прифронтовой полосе. 15 ноября 1941 г. особым Отд. НКВД 34-й кавдивизии задержаны 3 мальчика в возрасте 8-10 лет. Они рассказали, что в г. Бобруйске немцы собрали до 50 человек детей в возрасте от 8 до 10 лет, не имеющих или потерявших родителей, и обучают их разведывательной работе. После месячного обучения 10 человек были переброшены немецкой разведкой через р. Северный (правильно „Северский“) Донец в районе с. Каменка Харьковской области на нашу территорию…»

Однако режиссер Антонесян в своем фильме по сценарию некоего Владимира Файнберга сделал все наоборот, будто злобные бериевцы засылают диверсантов-малолеток в немецкий тыл или пускают под вражеские пулеметы. По-моему, название фильма больше соответствует характеристике его авторов.

Снова небольшое отступление.

С Файнбергом меня познакомили, когда я только работал над первой своей книгой о штрафбате, и это просочилось в печать. Тогда он что-то сочинял на «штрафбатовскую» тему и решил мне показать фрагменты своих «опусов», видимо, считая, что все в штрафбатах должны затаить зло на Сталина за создание таких батальонов. Его сочинительство было похоже на бред полоумного страшильщика, что я и дал понять Файнбергу. На этом наши контакты закончились, но стремление к осквернению того святого, что было на войне (а на войне случаются и события, далекие от святости), видимо, и привело его и Антонесяна к «Сволочам».

Но то «художественные» фильмы, авторам которых даже на исторические темы ныне почему-то дают право переиначивать историю на свой лад в угоду «режиссерскому видению».

В этом же ряду и телепередачи! Едва ли фронтовики могли простить канал НТВ за передачу «Генералиссимус», посвященную Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину. Это часть многосерийной документальной телеэпопеи «Алтарь Победы», запущенной к 65-й годовщине Победы. Несмотря на положительную, порой даже восторженную оценку фронтовиками роли Верховного, заканчивается эта серия таким «итогом»: «Победа в Великой Отечественной войне достигнута советским народом не благодаря, а вопреки Сталину». Будто он всеми силами противостоял прославленным генералам и маршалам в управлении войсками, мешал всему советскому народу разгромить врага. Судьей Сталина в фильме был известный сталинофоб, киноактер Кваша, в жизни и понятия не имеющий о

значении в войне даже сержантов, не то что командующих.

Один из команды создателей этого фильма (имя не называю по этическим соображениям) на мое возмущение таким «итогом» отреагировал: «Нам была установка не обелять Сталина». Но тем, кто берется за исторические фильмы, очернять историю своей страны только потому, что она в недалеком прошлом была Советским Союзом, — просто подло!

В ленте «Штрафбат» этой же серии судьей мнений фронтовиков, прошедших суровую школу штрафбатов, выступал тоже киноактер Серебряков, утверждавший, что в фильме Володарского с его участием — «все правда». Откуда Серебрякову, родившемуся почти через 20 лет после войны, знать «всю правду» о ней? «А судьи кто?» На НТВ, оказывается, судьями людей воевавших служат лицедеи, что привыкли произносить, порой хоть и талантливо, но чужие слова, жить чужими мыслями. Выходит, лгуны не они с их кинохозяевами, не авторы злостно-лживых киноподелок, а все мы, видевшие и саму войну, и штрафбаты в реальности!

Надо же набраться такого хамства, такой наглости! Хотя после одной из передач «НТВэшники», где было откровенно на весь мир заявлено: «Наш последний аргумент — хамство», — нечему уже удивляться. А с нашим ветеранским возмущением ныне не считаются ни на телевидении, ни во властных структурах.

В 1985 году, узнав из «Комсомольской правды» о долгом моем пребывании в штрафбате командиром взвода и роты, известный писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев прислал мне письмо, где писал, что о штрафниках кое-что слышал, но сам о них ничего не знает, а ему нужно это знать на будущие творческие планы, и просил раскрыть кое-что.

Завязалась переписка, и, читая его публикации о войне, я заметил, что в них почти назойливо выпирало стремление найти выражения похлеще. Явно был заметен какой-то излишний натурализм, о чем я, неискушенный в писательском творчестве, не смел ему «указывать». Но подумалось, как бы он не стал на путь извращения штрафбатовской темы.

Наша переписка, однако, вскоре была омрачена публикацией в «Литературной газете» 1 января 1990 года его комментария «Парии войны» к «документальному» фильму Льва Данилова «Штрафники». Кондратьев в действительности только «кое-что слышавший» о штрафниках вообще, но со склонностями к поиску «острого», «необычного», был, вероятно, обманут такими «знатоками», как Данилов. В той статье Вячеслав Леонидович писал, что поскольку в годы войны Сталину «нужна была армия

бесплатной рабочей силы», то за пустяки давали «чудовищные сроки», а потом пополняли этими зэками штрафбаты. Вот и здесь, как шило из мешка, торчала главная у «знатоков» мысль несоответствия преступлений мере наказания. Ссылался он и на «заградовские» пулеметы. Мне стало обидно, что он поверил Данилову и не принял во внимание свидетельства офицера, варившегося в этом «штрафном котле» до самой Победы.

Написал я Вячеславу Леонидовичу сердитое письмо. В нем позволил себе указать ему, что в кадре, где изображен станковый пулемет за цепью наступающей пехоты, обычный рядовой пехотинец поймет, что это просто огневая поддержка пехоты, а отнюдь не «заградовский» пулемет, как это утверждается в фильме. И еще добавил: «Как это Вы, фронтовик-сержант, опытный боец, да еще с солидным стажем довоенной службы, поверили бредням какого-то киношника, не нюхавшего фронтового пороха». Видимо, Кондратьев обиделся. Ответа от него я не получил и сожалел, что наша переписка оборвалась.

Спустя много времени, 20 сентября 1994 года, в газете «Правда» из статьи В. Кожемяко «Последний выстрел сержанта Кондратьева» узнаю о самоубийстве Вячеслава Леонидовича. Стало как-то не по себе. Подумал, что одной из причин этой трагедии могло послужить и осознание им своей вины перед теми, кого он называл «париями войны», оболганными в фильме Данилова, а также и понимание морального смысла того, чем он стал грешить последнее время. Было трудно понять, как это фронтовик встал на позиции ельцинистов и тех «знатоков», кто считал, что «войну выиграли мясом». Фактически Кондратьев вдруг стал, подобно Виктору Астафьеву, рупором тех, кто видит Великую Отечественную только в черном свете. Его «последний выстрел» мог стать результатом осознания пагубности своего перерождения.

Виктор Кожемяко в этой статье приводит реакцию Вячеслава Кондратьева на «Закон о монетизации льгот», где четко видно его прозрение.

> «Не хочется что-то мне умиляться и выражать восторги по поводу нашего демократического правительства. Не могу <…> петь хвалу „рыночным“ в кавычках реформам, ударившим по самому незащищенному слою нашего народа — по пенсионерам. Представляют ли наши молодые правители из команды Е. Гайдара, кто является ныне пенсионером? Это спасшие Россию на фронтах Отечественной, восстановившие разрушенное войной хозяйство <…>. Мне часто пишет

один голландец<…>, чуть ли не в каждом письме говорит, как они обязаны русским, которые спасли их от фашистской чумы. А родное русское правительство не помнит этого. Позор! И, если хоть один ветеран Отечественной войны помрет от голода, я первый выйду к Белому дому и стану требовать отставки правительства». Вот здесь заговорил прозревший фронтовик-писатель, но «последний выстрел сержанта Кондратьева» показал, что «единожды солгавший» или вставший на сторону лгунов не всегда находит верный путь к возвращению. Правда, его бывший кумир Ельцин тоже обещал «положить голову на рельсы», если…

Владимир Владимирович Путин, став уже Президентом России, говорил 22 июня 2001 года: «Мы будем защищать правду об этой войне и бороться с любыми попытками исказить эту правду, унизить и оскорбить память тех, кто пал, поскольку историю нельзя искажать». Еще через 5 лет, в 2006 году, как и все участники войны, я получил стандартное поздравление с Днем Победы, в котором, напоминая о 65-летии с трагической даты начала Великой Отечественной войны, Владимир Владимирович писал: «Исторический масштаб и значение Победы не подвластны времени. Ведь то, что было истинно великим, останется великим навсегда».

Дмитрий Медведев, сменивший его на посту президента, спустя 3 года в своем обращении к участникам Отечественной войны констатировал: «Мы стали чаще сталкиваться с тем, что называется сейчас историческими фальсификациями… Мы никому не позволим подвергнуть сомнению подвиг нашего народа». Но почему-то бесконечно и безнаказанно позволяем, позволяем, позволяем…

Летом 2009 года Медведев даже издал указ о создании специальной «Комиссии по противодействию фальсификации истории». В составе этой комиссии, как ни странно, не оказалось ни одного ветерана войны или видного и честного военного историка. Зато там нашлось место известному Николаю Сванидзе, одному из самых злобных клеветников на все российское историческое, особенно — советское, и многим его единомышленникам.

Жаль, призывы руководителей нашей страны, указ о «противодействии» не стали рекомендацией для все более наглеющих любителей «свободы слова», подобных Леониду Гозману, скандально известной Ксении Собчак и, к сожалению, уже немалой части других «переоценщиков» нашего героического

и трагического прошлого.

Когда разгул неофашистских сил на Украине стал очевиден, по предложению министра обороны нашей страны Сергея Шойгу наша Госдума, много лет тормозившая принятие «Федерального закона о введении уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, а также распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР во время Второй мировой войны», наконец в апреле 2014 г. его приняла. Конечно, если бы этот закон был принят намного раньше, как давно требовали этого ветераны Великой Отечественной, может, и не случилось бы такого масштабного оживления бандеровщины на Украине, да и русофобов у нас дома. Жаль, что не только они продолжают и сегодня утверждать, что только пулеметные заслоны послужили причиной подвигов бойцов Красной Армии. Отдельные высокие политики, к сожалению, выражают свое, иногда даже не молчаливое согласие.

Позволительно их спросить: не заградотрядовские ли пулеметы принудили 470 бойцов повторить подвиг пехотинца Александра Матросова, закрыв своими телами вражеские амбразуры? Или 506 авиаэкипажей, направляя свои самолеты на войска и технику врага, совершали подвиг Николая Гастелло тоже под угрозой пулеметов мифических энкавэдэвских «заградсамолетов»? И если ни один корабль, ни одна подводная лодка советского ВМФ не спустили боевой флаг перед противником, то это все было эффектом «заградкатеров» или «заградподлодок»?

Однако не я первый восстаю против кинодеятелей, сочинявших злостно клеветнические «художественные» киноподелки, и любителей демонизации заградотрядов. Как и другие честные военные историки, я тоже утверждаю, что и за штрафбатами, в том числе за нашим 8-м ОШБ 1-го Белорусского фронта (бывшего ранее Сталинградским, Донским, Центральным и просто Белорусским), как и за армейскими штрафными ротами, никогда не выставлялись заградотряды, создаваемые в соответствии с тем же Приказом № 227. Современные истинные историки при самом тщательном поиске не обнаружили архивных свидетельств того, что заградотряды гнали в атаку свои войска под дулами пулеметов или расстреливали отступающие войска.

Признанным боссам киноиндустрии давно следует взять за правило максимум исторической точности и строгую взвешенность собственных фантазий, тем более что их выдумки порой переходят даже границы приличия.

Нам, старшему поколению, отрадно, что, несмотря на огромный наплыв антиисторических фальсификаций разного толка, очернителям прошлого не удалось затуманить мозги всем поколениям, приходящим нам на смену. А значит, выживет истина, будет жить славная, не запачканная лгунами и фальсификаторами героическая история нашей Великой Родины!

Как образно и точно сформулировал ленинградский поэт Анатолий Молчанов оценку того действительно немыслимо тяжелого военного времени и для воинов, и для всей страны:

Да, нам было немыслимо плохо,
Путь к Победе был устлан костьми…
Но всегда, до последнего вздоха
Мы советскими были людьми.

Фальсификаторы и очернители героического прошлого нашей истории умело, а часто и небезуспешно формируют у молодых поколений презрение ко всему советскому периоду нашей Родины, негодование по поводу коммунистической идеологии и социалистических ценностей. То ли безнаказанно, то ли прямо по вражеской указке внедряют они в еще не окрепшие умы и души молодежи чувства безразличия, а подчас и ненависти к той великой Родине, которую мы, советское поколение, не жалея ни сил своих, ни самой жизни защищали от фашистского нашествия. По их мнению, и войну-то народ выиграл сам, не благодаря умелому руководству наших маршалов и генералов, не воинским умением победивших фашистов, а «трупами своих солдат врага забросавших», «кровью советских людей заливших Европу».

Может, устроители парадов 9 мая в Москве и других городах в честь Победы, разделяя такие «выводы», не упоминают на этих парадах ни одного командующего фронтом, не говоря уже о Верховном Главнокомандующем. А о том, как поверженные фашистские знамена бросали к подножию Мавзолея на Параде Победы, стараются вымарать из исторической памяти людей, пряча от участников и гостей парадов это историческое место декоративной фанерой, будто какое-то стыдное место.

Дошло уже до того, что организаторы трансляции любых торжеств с Красной площади делают все, чтобы Мавзолей Ленина не попал в объективы телекамер. Конечно, известная всему миру трибуна на Красной площади могла напоминать, что тогда на ней стоял другой, истинный Верховный Главнокомандующий, действительно приведший свою страну и свой народ к Великой Победе.

Заодно можно выразить недоумение и по другому параду, ежегодно проводимому в Москве. Это парад 7 ноября, посвященный Дню проведения исторического военного парада на Красной площади в 1941 году. Тот парад 1941 года по силе воздействия на ход событий приравнивается к важнейшей военной операции. Он имел огромное значение по поднятию морального духа армии и ВСЕЙ СТРАНЫ, показав всему миру, что Москва не сдается и боевой дух армии не сломлен.

А теперь «ПАРАД, посвященный ПАРАДУ»! И больше его никак в этот день не называют ни комментаторы с Красной площади, ни дикторы телепередач, хотя в официальных документах он значится как посвященный «историческому параду в день 24-й годовщины Октябрьской революции». Правда, в 2015 году он уже именовался МАРШЕМ в честь военного парада 7 ноября 1941 года.

В общем, устроители этого парада или марша стараются выхолостить его истинное, не только всесоюзное, но и всемирное значение как посвященного именно Параду в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Мало того, превратили его в локальный московский праздник, в котором ни президент, ни премьер России уже никакого участия не принимают, демонстративно сделав главным его лицом мэра Москвы Сергея Собянина, тем самым снизив его действительно историческое значение. Ведь в 1941 году по брусчатке Красной площади столицы СССР — Москвы — прошли и сибиряки-дальневосточники, кавалеристы дивизии, сформированной в Казахстане, курсанты военных училищ, поступившие в них с разных концов Советского Союза, не только москвичи. Поэтому ограничение этого торжества рамками Москвы, по крайней мере, некорректно.

В последние десятилетия появилось много «искателей правды», которые во всей непростой военной истории нашей страны выискивают и беспардонно преувеличивают только негатив, а если его не находят, то безбожно лгут, выдумывая небылицы. Все советское, так или иначе связанное или намеренно связываемое с именем Сталина, свалено в сточную канаву лжи и клеветы. Забыли, наверное, все эти отрицатели нашего героического прошлого очень меткое выражение: «Тот, кто плюет в свое прошлое, попадает в собственное будущее».

Хотелось бы напомнить этим клеветникам слова фронтового поэта Фатыха Карима, погибшего в боях под Кенигсбергом в 1945 году. Он словно из небытия дает нам потрясающий совет:

Собрать бы мне на площади большой
Всех подхалимов и клеветников,
Отрезать языки тупым ножом
И бросить их голодной своре псов!

Одумайтесь, клеветники и злопыхатели! Ведь если праведники наши с того света хотят провести над вами такую экзекуцию, то уж ТАМ, куда всем нам неизбежно придет время уходить, вам надо будет держать ответ не только перед Богом, но и перед ними. Верить в это предсказание или нет, дело каждого. Но все равно это что-то значит!

К каким только приемам искажения истории Советского Союза не прибегают ныне.

В 2014 году нашим ВГТРК было решено провести новую акцию к Дню Победы 9 мая — общероссийский конкурс «Имя Победы». Учитывая результат предыдущей акции и все возрастающий в народе авторитет имени Сталина как выдающегося военачальника и государственного деятеля, авторы новой акции приняли свои, явно целенаправленные меры.

Во-первых, в список претендентов на имя, наиболее подходящее к Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., не включили имя Сталина, пытаясь отделить, «отвязать» в сознании народа имя Сталина от Победы в Великой Отечественной войне и еще раз утвердить уже много раз провозглашенную антиисторическую идею: «народ победил не благодаря, а вопреки Сталину». Тем самым это имя намеренно и надежно изъяли не только из явных претендентов на первенство, но и вообще из участия в проекте. Можно сказать, переиначивая известную фразу «нет претендента — нет проблемы». Если бы в списках ВГТРК имя Генералиссимуса было, то не нужно быть оракулом, чтобы предугадать итоги голосования.

Во-вторых, несмотря на то что акция «Имя Победы» приурочена именно к годовщине Победы 1945 года в Великой Отечественной войне, в список включили имена многих, даже малоизвестных в истории России. В итоге был сформирован список из ста военачальников, начиная с древнерусских князей — Вещего Олега, Святослава, даже Мстислава Удатного (Удалого), — заканчивая нашими современниками, такими как генералы Лебедь и Шаманов, к Великой Отечественной никакого отношения не имеющими.

Похоже, что этот список ста российских военачальников составлен по примеру американцев, опубликовавших в свое время список 100 великих полководцев мира, в котором Сталина тоже

нет, зато Гитлер там 14-й по «величию». Этот «великий» проиграл войну Сталину! Из советских полководцев Маршал Победы Жуков после Конева, который почему-то впереди, на 54-м месте. Всех туда собрали, даже второразрядных американцев, а Чуйкова, Говорова и многих других наших маршалов и генералов в этом списке вообще нет. Вот откуда наши «знатоки» военной истории получают «установки», ноты чьих песен на их пюпитрах.

Всем ясно, что ни древние Вещий Олег или Удатный, как и современный, уважаемый мною командующий ВДВ генерал Шаманов, да и почти вся остальная сотня из списка, тем более Колчак, Деникин и многие другие, к Великой Победе 9 мая 1945 года никаким образом не причастны. Значит, устроители акции «Имя Победы» таким шулерским способом Победу над фашистской Германией в небывалой в истории мира войне уподобили то ли битве Вещего Олега с «неразумными хазарами», то ли битве Удатного при Калке, то ли даже колчаковскому беспределу в Сибири. Во всяком случае, здесь совершенно ясно видны уши тех, кто хотел бы принизить значение советской Победы 45-го и стереть ее величие из сознания людей.

Наконец, третье: в прежней акции «Имя России» голосовать можно было по телефону, и в ней могли принять участие все, кому доступен телефон, естественно, в том числе и старшим поколениям. Зато в новой акции «Имя Победы» свое мнение смогли высказать только лица, уверенно владеющие компьютерами, что априори выбило из рядов участников голосования ветеранов Великой Отечественной. Ведь известно же, компьютерами из 80-90-летних ветеранов владеют вообще едва ли больше одного-двух процентов. Но именно в памяти этих ветеранов прочно признание выдающейся роли в Победе Верховного Главнокомандующего Сталина.

Похоже, устроители акции «Имя Победы», в дополнение к известным мерам по «монетизации льгот», лишившим участников войны их законных прав и привилегий, решили добавить свое злодейство, искусственно лишили их еще и права высказать свое мнение по далеко не чуждой им проблеме истории России. Генеральному директору ВГТРК Олегу Добродееву вполне обоснованно было бы предъявить обвинение в нарушении прав человека.

В подтверждение предположений о возможных результатах этой акции, будь она проведена честно, надо добавить такой факт. Нижегородское отделение партии «Великое Отечество» и клуб «Суть Времени» справедливо посчитали организаторов общероссийского конкурса «Имя Победы» специально, обдуманно исключившими И.В. Сталина из своего списка. Видя такой

виртуальный беспредел, нижегородцы создали альтернативный проект «Настоящее имя Победы». Намеренно сохранив все правила, по которым проводился конкурс ВГТРК, в том числе и голосование только по Интернету, добавили лишь две кандидатуры претендентов: Петр I и Иосиф Сталин, умышленно не включенные в проект ВГТРК.

Альтернативный проект «Настоящее имя Победы» без затрат на рекламы в СМИ и обычную раскрутку всего за две недели собрал более 65 000 голосов. Как и следовало ожидать, первое место уверенно занял Иосиф Виссарионович Сталин, потеснив в проекте ВГТРК на второе место Александра Васильевича Суворова, а на третье — Георгия Константиновича Жукова. Как видно, и без участия большинства ветеранов Великой Отечественной войны, не владеющих компьютером, имя Сталина первенствует в умах и молодых поколений, чего, надо полагать, больше всего и боятся руководители ВГТРК или те, кто их вдохновляет.

Современные «творцы настоящей правды», хулители нашей Победы, снедаемые страстью подражать «главным победителям» в той войне, Соединенным Штатам, не могут подняться до нравственно-духовных высот поколения победителей. В своих измышлениях эти «творцы» пытаются опустить истинных победителей до своего низкого, обывательского уровня злостных ненавистников героического прошлого собственной страны. Наши СМИ практически захвачены подобными «политологами», «историками», «писателями» и прочая, прочая.

Принятый недавно у нас в России Закон об уголовной ответственности только за реабилитацию нацизма, к сожалению, пока никого не укротил из разгулявшихся русофобов. Явные русофобы типа Гозмана, Венедиктова, Макаревича и им подобные особенно проявляют свою антирусскость в связи с оживлением бандеровского неофашизма в Украине. Видимо, этот закон пока «действует» так же «эффективно», как, например, законы о противодействии фальсификации или коррупции.

И пусть я повторюсь, но еще раз хочу напомнить всякого рода злопыхателям: истина, гласящая, что высшей формой преступления является предательство прошлого, никогда не перестанет быть истиной. И как прекрасно ответил в свое время тем, кто «жалеет» нас, представителей довоенного поколения, известный советский поэт Ярослав Смеляков:

Я не хочу молчать сейчас,
Когда радетели иные

И так и сяк жалеют нас,
Тогдашних жителей России.

Мы грамотней успели стать,
Терпимей стали и умней
И не позволим причитать
Над гордой юностью своей.

Как продолжение мыслей Ярослава Смелякова привожу опять строки выдающегося ленинградского поэта, члена-корреспондента Петровской академии наук и искусств Анатолия Молчанова, горячее и честное сердце которого, к сожалению, уже перестало биться:

Нам говорят, что наше поколенье
Прожило на коленях жизнь свою…
О, как мы пели, «стоя на коленях»!
Теперь так демократы не поют…

А завершить эту главу я хочу тоже стихами, но написанными моим сыном Александром как обращение уже к своим детям, к совсем юному поколению:

Замрите, слушайте, смотрите, ребятишки,
Дыханье затаив, став чуткими втройне:
Ведь вы последние девчонки и мальчишки,
Которым суждено услышать о войне.

К этим строкам стиха своего сына я добавил пару своих строк:

От тех, кто сам все это вынес, пережил,
Кто видел смерть в упор, но победил!

Да, пока мы живы, именно услышать, прочесть в наших воспоминаниях, а не в неоднократно выхолощенных учебниках. Тем более в не совсем правдивых, а то и откровенно лживых книжонках или увидеть в «кривом зеркале» современных электронных СМИ. Узнать непосредственно от тех, кто сам все это видел, кто своим героизмом, своей преданностью Родине смог заслонить страну свою от злейшего врага и обеспечить тем самым

жизнь и будущее многих поколений нашей Родины.

И пусть ваша вера в правдивое слово о героической истории народов страны, которой в недавнем времени был Советский Союз, будет тоже своеобразным штрафным ударом по фальсификаторам всех мастей.

Глава 2
Против искажения Приказа «Ни шагу назад!»

Того, кем путь наш честно прожит,
Согнуть труднее, чем сломать.
Чем, в самом деле, жизнь нас может,
Нас, все видавших, испугать?

Константин Симонов

Потомок мой, не будь холодным к датам
Военных битв сороковых годов.
За каждой цифрой — кровь и смерть солдата,
Судьба страны в нашествии врагов.

Константин Мамонтов

Самым расхожим и наиболее упоминаемым во всякого рода измышлениях о Великой Отечественной войне, в том числе у наших доморощенных ее фальсификаторов, является этот исторический приказ. Как известно, официально он назывался — «Приказ Наркома Обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года. О МЕРАХ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ДИСЦИПЛИНЫ И ПОРЯДКА В КРАСНОЙ АРМИИ И ЗАПРЕЩЕНИИ САМОВОЛЬНОГО ОТХОДА С БОЕВЫХ ПОЗИЦИЙ». В войсках и в народе он получил звучное и емкое название «Ни шагу назад!».

Не вдумываясь в глубину его содержания, в обстановку того времени, когда он принимался, хулители нашего прошлого ничего не видят в нем, только «штрафбаты» и «заградотряды», только «сталинскую жестокость», бесчеловечность по отношению к воинам, от отступления которых могли удерживать только

пулеметы заградотрядов.

Но не создание штрафных подразделений и заградотрядов было самой главной целью Приказа № 227, хотя это и важная составляющая этого необычного документа. Главная побудительная причина и основная задача его — добиться морального перелома в войсках, высокой личной ответственности у каждого воина за судьбу Советской Родины. Не совсем добросовестные историки, вернее — лжеисторики, приписывают Сталину какую-то «дьявольскую», бесчеловечную жестокость в изданном им приказе. Во всех регулярных армиях всегда предусматривалась строгая ответственность за выполнение боевых задач. Возьмем, к примеру, некоторые документы времен Петра Великого, касающиеся русской армии.

Из приказа Петра Первого воинству своему в день Полтавского сражения, июня 27 дня 1709 года: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное… Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого…»

Не правда ли, обращение Сталина в приказе «Ни шагу назад!» очень похоже на петровский документ: «Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам… Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев, — это значит обеспечить за нами победу».

Вот несколько фраз из другого документа петровского времени: «Собственноручные Петра Первого Великого для военной битвы правила».

> «Никто из господ генералов с места баталии прежде уступать не смеет, пока он от своего командира к тому указ не получит. Кто же место свое без указу оставит, или друга выдаст, или бесчестный бег учинит, то оный будет лишен и чести, и живота. И для того как генералам, так и офицерам повелевается, чтоб крепко то солдатам внушали и оных в том удерживали, а хотя б так и случилось, чтоб рядовых было удержать не можно, то генералам и офицерам остаться при тех, кои устоят, хотя конные при пехоте, или пехота при коннице».

К этому, пожалуй, следует добавить еще выдержку из «Артикула 97 воинского 1715 года», опубликованного вместе с текстом «Устава воинского 1716 года»:

> «Полки или роты, которые, с неприятелем в бой вступя, побегут, имеют в генеральном военном суде суждены быть. И есть ли найдется, что начальные притчины тому были, оным шпага от палача переломлена и оныя ошельмованы, а потом повешены будут».

Очевидно, нет необходимости переводить на современный язык этот документ, все предельно ясно. Сравните эти статьи и положения петровского «Устава» со словами сталинского приказа, которые разъясняют причины, вызвавшие такие жесткие меры:

> «Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу. Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования».

Приказ № 227 — один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности. Я, как и многие другие, видел в его содержании и некоторую резкость, и категоричность оценок, но их оправдывало очень суровое и тревожное тогда время. Приказ этот был настолько убедительным, настолько оказался своевременным и крайне необходимым, что только тайным пособникам или сторонникам гитлеровского нашествия на нашу Родину он мог показаться тогда и кажется сегодня жестоким, бесчеловечным.

Вот как вспоминал Константин Симонов о воздействии этого приказа на сознание людей, говоря о своих личных чувствах:

> «Стихи „Если дорог тебе твой дом“ были написаны мной под прямым впечатлением июльского приказа Сталина, смысл которого сводился к тому, что отступать дальше некуда, что нужно остановить врага любой,

самой беспощадной ценой или погибнуть… Теперь движение жизни виделось в будущем прыжком, — или перепрыгнуть, или умереть. Именно это чувство, что выбора нет, что или ты убьешь врага, или он убьет тебя, подтолкнуло меня и буквально заставило написать эти стихи…

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Так что же особенно жестокого, „бесчеловечного“, как любят говорить современные „правдоискатели“, было в Приказе № 227, кроме того, что „нужно остановить врага любой, самой беспощадной ценой или погибнуть“?»

Маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов во время издания этого приказа, как и я, только что окончил военное училище и был командиром взвода. У него, как и у многих из нас, лейтенантов 1942 года, сложилось определенное впечатление от сталинского приказа.

Уже в наше время, 6 ноября 2004 года, в газете «Красная Звезда» Дмитрий Тимофеевич писал: «Сегодня вокруг этого приказа наплели горы лжи, спекуляций. Но можно ли представить себе иную постановку вопроса, когда решалась судьба страны? Разве сумели бы мы выстоять без железной дисциплины?»

Мне в связи с этим приходит на память то ли притча, то ли легенда о том, как нерешительность или непринятие нужных, иногда жестких, именно беспощадных мер в критической ситуации вопреки желаниям всякого рода «советчиков» приведет к непоправимому.

В ней рассказывается, как во время крушения поезда молодому человеку зажало ступню между двумя вагонами. А вагон уже горел, пламя приближалось. Собравшиеся охали, ахали, но помочь бедолаге никто не мог. Вдруг рядом оказался военный с саблей, выхватил ее из ножен и хотел отрубить зажатую и уже размозженную часть ноги. Присутствующие бурно запротестовали и не дали «сделать больно» человеку. Так этот, «спасенный от боли», через минуту заживо сгорел вместе с вагоном.

Не похоже ли это на то, что, если не принять жесткие меры в нужный момент, о которых так злословят нынче «любители

правды», сгорела бы и наша Родина в огне навязанной нам войны? Очень точно выразил мысль большинства фронтовиков бывший офицер-штрафник, полковник в отставке Чернов Николай, персонаж документального фильма «Подвиг по приговору», в котором я тоже принимал участие: «Чтобы судить о штрафных батальонах, надо самому пройти войну, быть военным человеком. На войне идет речь о жизни и смерти всей страны. Штрафбаты созданы своевременно и принесли большую пользу, укрепив дисциплину в армии вообще и предотвратив многие необдуманные поступки военных разных рангов. Считаю, что командир всегда ответственен за дела и поступки своих подчиненных. Я был офицером-штрафником, понес наказание за своих подчиненных, это было уроком и для других».

От имени фронтовиков, от имени погибших на войне штрафников, с которыми вместе сражался на той войне, заявляю, что не могу пройти мимо умышленных искажений истории возникновения и боевых действий штрафных формирований, созданных приказом Сталина «Ни шагу назад!».

Наиболее расхожий миф всех антисталинистов и антисоветчиков возник еще во времена дурдомовской «оттепели» скрытого врага Советского Союза и России — пресловутого Никиты Хрущева. Уже много лет создается и раздувается миф о том, что Верховный Главнокомандующий Сталин умышленно создал штрафные батальоны и роты, чтобы загнать туда побольше воинов и просто уничтожать их в кровавых бойнях.

Пожалуй, самым «выдающимся» по концентрации искажений правды и откровенной лжи о штрафбатах стал известный 11-серийный «художественный» фильм «Штрафбат», заполнивший телевизионные экраны в канун 60-летия Победы и настойчиво, упорно демонстрировавшийся многие последующие годы. Создан он по одноименному «роману» Э. Володарского его единомышленником Н. Досталем, хотя эти «художники» далеко не единственные, кто беззастенчиво покушается на правду о Великой Отечественной. После назойливой демонстрации этого телесериала в течение многих лет, наверное, не найти в России человека, который бы не знал о существовании в Красной Армии штрафбатов и рот. И жаль тех, кто принял «развесистую клюкву» фильма за правду.

В принципе любой (настоящий, добросовестный) писатель или сценарист имеет право на вымысел. Плохо, когда этим правом явно злоупотребляют, полностью игнорируя историческую правду. Особенно это относится к кинематографу. Не секрет, что современная молодежь читать серьезную литературу, мягко говоря, не любит. Приучили их наши издатели к другим книгам.

По данным Российской книжной палаты, в 2011 году самым печатаемым автором у нас был бренд «Дарья Донцова» — 79 изданий за год общим тиражом **более 2 млн 200 тысяч** экземпляров, прочно удерживавшая первенство уже несколько лет. В 2013 году у нее вышло 143 наименования книг общим тиражом 2 млн 831,5 тысяч экземпляров. И по итогам 2014 года самый издаваемый в России автор — Дарья Донцова, что подтверждают и данные ВЦИОМ. Какими фантастическими способностями должна обладать эта дама, если в 2014 году у нее вышло 95 книг общим тиражом 1,683 млн экземпляров! За ней с небольшим отрывом идут Т. Устинова, Т. Полякова и А. Маринина.

В «раскрутке» и навязывании книжному рынку этой «литературы» в погоне за прибылями, к сожалению, участвуют весьма крупные наши издательства, тогда как книга — товар необычный и издатель должен быть скорее просветителем, чем коммерсантом, даже в нынешней рыночно-денежной России. Куда там мне с реальным описанием действовавшего штрафбата со своими 10 книгами за 10 лет общим тиражом чуть более 70 тыс. экземпляров.

Ну а если получать информацию, то нынешняя молодежь, да и не только она, легче всего предпочитает черпать ее из Интернета и кинофильмов. Наиболее доходчивым и эффективным способом внедрения «нужной» информации из всех современных СМИ, естественно, в наше время считается видео или кино, которые охватывают посредством телевидения все возрастные группы населения. Поэтому хозяева массмедиа делают упор именно на этот вид воздействия современной, пока не теряющей своих позиций антиисторической идеологии на умы и сознание людей. Именно потому телеэкраны практически круглосуточно заполнены кино— и видеоматериалами, направленными на безнравственность, аморальность, искажение и извращение исторических событий.

Не так давно на экранах ТВ шел фильм по сценарию того же Володарского — «Последний бой майора Пугачева» по одноименному рассказу Варлама Шаламова, поставщика «фактов» и вымыслов о колымских и других «местах отдаленных» для автора «Архипелага ГУЛАГ», «обустройщика» России Солженицына.

Как утверждал бывший зэк Варлам Шаламов и как это показано в фильме по Шаламову-Володарскому, побег совершили майор Советской Армии и несколько таких же невинно осужденных фронтовиков, гибнущих в финале побега от пуль чекистов-палачей.

В действительности факт дерзкого побега был, только не фронтовики его совершили, а отпетая дюжина в составе 2 полицейских, 7 власовцев и 3 уголовников-рецидивистов. Вот такая «правда наоборот» «впаривается» в мозги обывателю.

Да простит мне читатель личные впечатления, но упомяну и факт, когда молодая, но уже далеко не школьного возраста дама из одной известной российской телекомпании брала у меня телеинтервью для своего ТВ-канала. На мою фразу о том, как мы перехитрили фрицев, эта дама вдруг возмущенно заметила мне, что «это нечестно, не по правилам», будто речь шла не о жестокой войне за свободу и независимость целой огромной страны, а что-то вроде спортивной борьбы по жестким правилам. А ведь эта дама — человек из наших СМИ и должна понимать разницу между спорт-играми и войной со злейшим врагом — фашизмом. Пришлось ей разъяснять, что военная хитрость — одна из составляющих и тактики, и стратегии, и напомнить, что, например, генерал-фельдмаршал Кутузов, когда ему задали вопрос, как ему удастся победить Наполеона, ответил что-то вроде: «Победить не знаю, а обмануть смогу». Факт сам по себе прискорбный, если в наших СМИ сотрудники, делающие материалы для эфира, сами уже со столь «запудренными» мозгами.

Но вернемся к начальной теме этой главы — про спекуляции о Приказе № 227 и обо всем, что при исполнении этого приказа тогда происходило. К сожалению, этому способствовало многолетнее «табу» на официальную информацию о созданных по этому приказу штрафных подразделениях, а также о заградотрядах. В 1944 году даже вышел специальный приказ № 034 маршала Василевского, подтверждающий незыблемый запрет на всякую информацию о них, т. е. «запрещение к открытому опубликованию сведений о заградительных отрядах, штрафных батальонах и ротах».

Все это, конечно, порождало массу недостоверных слухов, но чаще — злонамеренных вымыслов о том, чего не только не было, но просто не могло быть. Именно после Приказа Сталина № 227 по-настоящему стали укреплять дисциплину, бороться с паникерами и дезертирами, отстаивать каждый клочок земли. И цель была достигнута. Эти решительные меры и повысили обороноспособность войск, укрепили в них уверенность в окончательном разгроме врага.

Надо понять всем особенно ярым любителям извращения нашей отечественной истории: если штрафбаты и заградотряды учреждались одним приказом, то это не значит вовсе, что создавались именно одни для других. Однако уж очень хочется

эти события так увязать в своих рассуждениях и публикациях, чтобы все поколения, пришедшие на смену победителям фашистской чумы, поверили этим бредням. К числу таких фальсификаторов следует отнести и известного своей злобностью Сванидзе, автора «Исторических хроник» и «главного судьи» в ныне почившем шоу «Суд времени», да и многих, подражающих этим лжеисторикам.

Откровенная атака средств массовой информации на историю Великой Отечественной войны, ее извращение, фальсификация, к сожалению, оставляют заметные негативные следы в умах тех, кто не знал, не видел всего, что на самом деле происходило в поистине страшные, но и героические годы. И не только в умах школьников, у которых не осталось в живых родных, на себе перенесших лишения и потери тех лет, о которых они могли бы рассказать своим потомкам. Даже люди взрослые, уже с большим жизненным опытом порой поддаются ложным доводам хулителей всего советского.

Хочется сказать всем этим лгунам: поменьше злобы, побольше исторических фактов, господа!

Пожалуй, наиболее употребляемой у лжеисториков является обязательная комбинация штрафбатов и заградотрядов. На страницах этой книги, которая повествует о реальных штрафбатах, реально действовавших от Сталинграда до Берлина без заградотрядов, надеюсь, удастся дать достойный отпор всей этой братии дельцов от истории.

Штрафные батальоны и отдельные штрафные роты в те военные годы оказались не только очень эффективным инструментом в повышении ответственности всех категорий воинов. Они еще, во-первых, минимизировали применение к трусам и паникерам такой формы наказания, как расстрел, которой обладали в военное время на фронте командиры многих степеней, и не только в нашей армии. Во-вторых, штрафбаты и штрафроты давали провинившимся возможность в боевых условиях искупить свою вину, «отмыть» позорное пятно, вернуться в строй честным бойцом, а если он сложит голову в бою за Родину, то тоже павшим, как миллионы честных бойцов Красной Армии. Что касается заградотрядов, то нам, штрафбатовцам, с ними не приходилось не только «взаимодействовать», но даже соседствовать.

Как говорят, «дурной пример заразителен». К 65-й годовщине Победы Никита Михалков выдал продолжение фильма «Утомленные солнцем». Приурочен он был не только к юбилею Победы, чтобы обидеть фронтовиков, но еще и к Каннскому

кинофестивалю в надежде повторить успех своего первого оскароносного фильма под тем же названием. Штрафбат у Михалкова не офицерское подразделение, а сброд зэков-«врагов народа», и лагерники встречают сообщение о начале войны радостно, как избавление от ненавистной советской власти, а эта власть уже в первые дни войны направляет их в штрафбат, чтобы они остановили тех, кто пришел уничтожить ту самую власть.

Благополучно провалился этот фильм в Каннах, как фактически провалился и в отечественном прокате. Никита, однако, не стесняясь, заявил в одной телебеседе: «История не главное. Какое значение для молодого человека имеет то, что штрафбаты создавались не в 1941 году». Все с точностью до наоборот. Недаром известный киноактер Леонид Филатов намного раньше в своем удивительно точном по многим параметрам «Федоте-стрельце» выразил весьма подходящую к данному случаю мысль:

> «А что сказка дурна — то рассказчика вина.
> А у нас спокон веков нет суда на дураков!»

Нашел я как-то в Интернете одно высказывание, которое ну очень точно совпало с моим мнением относительно фильма «Штрафбат». И хотя я не установил подлинного имени автора, привожу это высказывание с некоторым сокращением: «Художественный вымысел? Не смешите, — не такие уж идиоты создатели „Штрафбата“. Если фильм не документальный, а художественный, все позволено? Художественный вымысел тоже имеет границы. Подлость — это и есть предел для художественного вымысла».

Спасибо, дорогой мой единомышленник по этой очень важной теме для меня, штрафбатовского офицера и автора книг о нашем 8-м штрафбате. Значит, не зря мы ломаем копья за настоящую правду, единомышленников наших становится все больше.

Теперь перейдем к нашим боевым действиям, чтобы еще раз опровергнуть бездоказательные домыслы, а часто и откровенную ложь о том, что за штрафниками всегда стояли заградотряды. Никаких заградотрядов, о чем многие хулители нашей военной истории городят небылицы, пишут и стряпают дорогие фильмы, за нами не было. Интересно, как эти псевдоисторики представляли бы заградотряд, понуждающий штрафников действовать там, за линией фронта, во вражеском тылу, как дерзко действовал наш 8-й штрафбат в феврале 1944 года при взятии Рогачева? А тогда была вера и у нас, взводных и ротных

командиров штрафников, и у командующих армией и фронтом в то, что они, бывшие офицеры, хотя и провинившиеся в чем-то перед Родиной, остались честными советскими людьми и готовы своей отвагой и героизмом искупить вину свою, которую в большинстве своем они сознавали или против которой скрепя сердце не возражали.

Я уже упоминал выше о документальном фильме «Подвиг по приговору». Несмотря на некоторые огрехи, этот фильм оказался первым документальным на эту тему, близким к былой действительности. Когда я говорю об огрехах этого фильма, то в первую очередь о том, что некоторые заявления авторов фильма все-таки не соответствуют исторической правде. Например, они говорят, что штрафников предупреждали: «в случае ранений назад из боя выходить нельзя, пристрелят. Такой был тогда порядок».

Враки! Не было такого «порядка». Наоборот, мы разъясняли своим подчиненным, что даже при легком ранении они имеют право самостоятельно покинуть поле боя. К сведению читателей, тогда к легкораненым относились те, у которых нет проникающих ранений полостей (черепа, груди, живота), а есть повреждения мягких тканей без поражения внутренних органов, костей, суставов, нервных стволов и крупных кровеносных сосудов.

Я знаю много случаев в нашем батальоне, когда штрафник, получивший нетяжелое ранение, продолжал выполнять боевую задачу, не оставляя своих боевых товарищей, и даже погибал, не воспользовавшись еще при жизни безоговорочным правом восстановления в офицерах. Известен даже случай, когда находившийся в штрафбате Волховского фронта старший лейтенант Белоножко, будучи тяжелораненым (у него почти полностью оторвало ступню ноги), сам отрезал ее и, не оставив поле боя, продолжал вести огонь по противнику.

И еще об одном заблуждении. Как-то в нью-йоркской газете «Еврейское слово», присланной однажды мне из Америки, было опубликовано интервью Льва Бродского, бывшего штрафника 8-го штрафбата. Он побывал и выжил в немецком плену, несмотря на известную нетерпимость фашистов к евреям. Из плена ему удалось бежать в группе с русскими, прикрывавшими его. А потом, как и многим бывшим пленным, ему досталась штрафная судьба. Впоследствии он эмигрировал в США. В штрафбате, говорил он корреспонденту, могли за неповиновение запросто расстрелять. Когда корреспондент задал ему вопрос о том, многих ли штрафников расстреляли за то время, когда он, Бродский, отбывал наказание в штрафбате, тот ответил: «Представьте себе, никого. Дисциплина у нас была на высоком

уровне. Да и в командовании не было жестоких, кровожадных людей». Однако там, в Америке, Бродский сделал и «открытие», заявив, что во время того самого рейда «штрафниками командовали сами штрафники, а не штатные офицеры». Не думаю, что бывший штрафник посчитал командиров отделений, которые назначались действительно из штрафников, за штатных командиров. Это просто либо больное воображение самого Льва Бродского, либо злобный «забугорный» политзаказ. А где тогда, по его мнению, могли быть штатные командиры рот и взводов штрафников? А любителям «жареного» вопрос: где тогда могли быть те самые заградотряды, если фальсификаторы утверждают, что штрафбаты в бой шли не иначе, как под дулами заградотрядовских пулеметов?

Нам, кто прошел школу штрафбатов, было многие годы настоятельно рекомендовано «не распространяться» о штрафбатах. И мы, когда уже были не в силах нести это тайное бремя правды, терпеть злостное искажение ее некоторыми «продвинутыми» лгунами и стали нарушать этот запрет, часто слышали: «А, штрафбаты-заградотряды — знаем!!!» И вот это «знаем!» сводилось прежде всего к тому, будто штрафников в атаки поднимали не их командиры, а исключительно пулеметы заградотрядов, поставленные за спинами штрафников. Это упорное многолетнее искажение фактов привело к тому, что в обществе сложилось превратное представление о штрафбатах.

Едва ли найдется кто-либо, не знакомый с известной песней Владимира Высоцкого «В прорыв идут штрафные батальоны», где истинные штрафники, на самом деле порой проявлявшие настоящий героизм, представлены некой безликой «рваниной», которой в случае, если выживет, позволялось «гулять от рубля и выше!». С тех пор и пошла гулять молва об уголовной «рванине» в штрафбатах. А это бахвалистое «мы знаем!» чаще всего и громче всего произносили люди, фактически ничего не знавшие о реальных штрафбатах и о реальных же заградотрядах.

Еще один «миф», вернее, злостный вымысел о штрафниках-«смертниках». Ох, и любят наши издатели бравировать каким-то незыблемым правилом, якобы существовавшим в штрафбатах и отдельных штрафротах. При этом они опираются на фразу из того самого приказа Сталина, в котором (специально повторюсь) дословно записано следующее: «…поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины». Однако любители приводить эту цитату почему-то не приводят один из первых пунктов из «Положения о штрафных батальонах действующей армии», который гласит: «За боевое

отличие штрафник может быть освобожден досрочно по представлению командования штрафного батальона, утвержденному военным советом фронта. За особо выдающееся боевое отличие штрафник, кроме того, представляется к правительственной награде». И только тремя пунктами ниже говорится: «Штрафники, получившие ранение в бою, считаются отбывшими наказание, восстанавливаются в звании и во всех правах и по выздоровлении направляются для дальнейшего прохождения службы…»

Итак, совершенно очевидно: главным условием освобождения от наказания штрафбатом является не «пролитие крови», а боевые заслуги. В боевой истории нашего штрафбата были эпизоды очень больших потерь: война, да еще «на более трудных участках фронта», ведь не прогулка. При штурмах самых опасных, наиболее укрепленных участков или позиций противника, куда и бросались штрафные батальоны или армейские штрафроты, боевые потери бывали и внушительными. Официальная статистика оперирует такими цифрами: потери в штрафных подразделениях были в среднем в 3, а иногда и в 6 раз выше, чем в обычных стрелковых частях. Поверим статистике, хотя это ведь очень усредненные величины.

Приведу пример из архивных данных по нашему штрафному батальону. На Наревском плацдарме в Польше или при форсировании Одера, когда в боях участвовали только поротно, потери у нас ранеными и убитыми были очень большими, до 80 %. Сравните: в Рогачевско-Жлобинской операции февраля 1944 года, когда наш 8-й штрафбат в полном составе 5 дней героически действовал в тылу врага, потери были несравненно меньшими: всего убитыми и ранеными мы потеряли 60 человек, т. е. около 8 %. Но зато из более чем 800 штрафников почти 600 были за боевые заслуги без «пролития крови» (не будучи ранеными) восстановлены в офицерских правах досрочно, то есть даже не пройдя срока наказания (от 1 до 3 месяцев), даже если всего-то в боях они были только эти 5 дней.

На примере нашего батальона утверждаю: редкая боевая задача, выполненная штрафниками, обходилась без награждения особо отличившихся орденами или медалями. Конечно, решения эти зависели от комбата и командующих, в чьем боевом подчинении оказывался штрафбат. Резонно заметить также, что слова «искупить кровью» в сталинском приказе не более чем эмоциональное выражение для обострения чувства ответственности на войне за свою вину. А то, что некоторые военачальники посылали штрафников в атаки через необезвреженные минные поля (и это бывало), говорит больше об

уровне их порядочности, чем о законности таких решений.

Приведу официальные цифры, позволяющие судить, кто и как покидал штрафные части.

В декабре 1943 г. из всех штрафбатов и штрафрот выбыло 26 446 штрафников, из них: 4885 — досрочно, то есть за подвиги, боевые заслуги; 5317 — по отбытии срока и по другим причинам. Эти цифры подтверждают фактическую истину, что более 40 % (10 202 человека) покинули штрафные формирования «без пролития крови» в буквальном смысле этого слова, а искупили свою вину кто кровью, а кто и жизнью, около 60 %. Убитых, раненых, больных — 16 244. Соотношение же убитых и раненых, как говорит статистика, обычно 1:3. Но даже если учесть, что штрафников всегда направляли на самые опасные и трудные участки фронта, то число убитых все равно не бывает больше числа раненых. Так что если даже взять число погибших и раненых 1:1, то погибших по отношению к общему числу выбывших из штрафбатов будет не более 30 %. Это не дает права некоторым авторам утверждать, что там были смертники, живыми оттуда редко кто возвращался.

Числом заболевших можно пренебречь, так как штрафники старались даже не признаваться в своем болезненном состоянии, так как время, официально проведенное на больничной койке не по ранению, а по болезни, как и время на формировании, то есть не в боевых условиях, в зачет срока наказания не входило. При этом надо иметь в виду, что если болезнь приводила штрафника к инвалидности или негодности к военной службе, то с учетом проявления его качеств в штрафбате и сути преступления он либо отчислялся из штрафбата со снятием судимости, либо получал «право» отбыть наказание по приговору Военного трибунала вне штрафбата, то есть «обычным» способом.

Теперь о другом «мифе», вернее — о бессовестном вымысле, будто штрафников «гнали» в бой без оружия.

Могу безапелляционно утверждать, что в нашем 8-м штрафбате 1-го Белорусского фронта, как, вероятно, и в остальных, всегда было в достатке современного по тому времени, а иногда и самого лучшего стрелкового оружия, даже по сравнению с обычными стрелковыми подразделениями. Чаще всего наш батальон участвовал в боях, как правило, поротно, т. е. как только успевали сформировать одну роту, она направлялась на выполнение боевой задачи. Но вот в период от боевых действий на Курской дуге и до освобождения Бреста батальон действовал в полноштатном составе. Тогда он состоял из семи рот, в том числе трех стрелковых рот, в которых на каждое отделение в каждом из трех стрелковых взводов был ручной

пулемет. Посчитайте: трижды три — 9 пулеметов Дегтярева, а на батальон — 27, а остальные бойцы были вооружены винтовками-трехлинейками и самозарядными (полуавтоматическими) винтовками Токарева (СВТ). Кроме того, в каждой роте полагалось иметь еще на каждый взвод по ротному (50-мм) миномету, что не всегда у нас в действительности осуществлялось из-за малой эффективности этого вида оружия.

В батальоне в тот период были, кроме 3 стрелковых, еще 4 других: двухвзводного состава рота ПТР (противотанковых ружей) всегда была полностью вооружена этими ружьями, в том числе и многозарядными «Симоновскими», а минометная рота, тоже двухвзводная, — 82-мм минометами. Кроме них — рота автоматчиков, вооруженная автоматами ППД, постепенно заменяемыми более совершенными ППШ, пулеметная рота, на вооружение которой раньше, чем в некоторых дивизиях фронта, стали поступать облегченные станковые пулеметы системы Горюнова, в 2,5 раза легче «Максимов» с водяным охлаждением стволов. Соотношение веса 26,6: 63,3 кг!

Посмотрим на конкретное вооружение штрафбатов. Это к тому, что вооружали их, как в «Утомленных…» у Михалкова, чуть ли не черенками от лопат.

Передо мной «Донесение о численном и боевом составе 8-го Отдельного Штрафного б-на ЦФ по состоянию на 30 июня 1943 года». Убедитесь, что штрафников гнали в атаку не с «черенками от лопат». Наш ОШБ тогда воевал поротно.

Обратите внимание: на 164 штрафника винтовок и автоматов — 173, ручных пулеметов — 8, станковых — 3, ПТР — 4, то есть всего 192 единицы, значит, почти на 30 единиц больше фактической потребности.

Приведем сведения из Донесения 14 ОШБ Ленфронта о вооружении на 1 июля 1944 года. Фактически наличие вооружения, без учета трофейного, было: карабинов 126, автоматов 304, станковых и ручных пулеметов 24, противотанковых ружей 8, пистолетов 30. Обратите внимание: автоматического оружия почти в 2 раза больше, чем карабинов. Известно, что к июлю 1944 года штрафбаты, как правило, вводились в бой уже не в полноштатном составе, а поротно, стрелковыми ротами или ротами автоматчиков со взводами усиления: пулеметным и ПТР. Так что и здесь не могло быть того, чтобы кто-то из штрафников оказался без оружия.

То же следует сказать о диком вымысле, будто штрафники не состояли на пищевом довольствии и вынуждены были совершать налеты на продовольственные склады, чтобы добывать себе еду,

вымогать или просто отбирать ее у местного населения. На самом деле штрафбаты были в этом отношении совершенно аналогичны любой другой воинской организации, и если в наступлении не всегда удается пообедать или просто утолить голод «по графику» — то это уже обычное явление на войне для всех воюющих, штрафники они или гвардейцы.

Еще один неопровержимый факт: неофицерских штрафных батальонов вообще не было. Весьма старательные лжеисторики умышленно, с определенной целью смешивают в штрафбатах провинившихся офицеров, дезертиров-солдат и массу всякого рода уголовников-рецидивистов. На самом деле фронтовые штрафбаты в отличие от армейских отдельных штрафных рот формировались только (и исключительно!) из офицеров, осужденных за преступления или направляемых в штрафбаты властью командиров дивизий и выше — за неустойчивость, трусость и другие нарушения дисциплины, особенно строгой в военное время. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что иногда направление боевых офицеров, например, за «трусость», мало соответствовало боевой биографии офицера, или, как принято говорить сейчас, «суровость наказания не всегда соответствовала тяжести преступления». Вот здесь снова есть повод поговорить о преступлениях и наказаниях в военное время.

О том, какая разница между наказаниями за воинские преступления, совершенные в мирное или военное время, говорит, например, статья 193.11 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года: «Нарушение военнослужащим уставных правил караульной службы и законно изданных в развитие этих правил особых приказов и распоряжений, не сопровождавшееся вредными последствиями, влечет за собой лишение свободы на срок…

То же деяние, сопровождавшееся одним из вредных последствий, в предупреждение которых учрежден данный караул, влечет за собой, если оно было совершено в мирное время, — лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже одного года, если же оно было совершено в военное время или в боевой обстановке, — высшую меру социальной защиты».

Другая категория преступлений, совершаемых только в военное время, не имеет вариантов, и ответственность за такие преступления тоже безвариантна: Статья 193.14. «Самовольное оставление поля сражения во время боя или преднамеренная, не вызывавшаяся боевой обстановкой сдача в плен или отказ во время боя действовать оружием, влекут за собой применение

высшей меры социальной защиты». Наверное, не нужно разъяснять, что такая защита — это смертная казнь, т. е. расстрел или повешение.

Теперь не о статьях УК РСФСР. В недавнем прошлом офицеры-штрафники в большинстве были коммунистами или комсомольцами, хотя теперь у них не было соответствующих партийных или комсомольских билетов. Но чаще всего они не утратили духовной связи с партией и комсомолом и даже иногда собирались, особенно перед атаками, на неофициальные партийные или комсомольские собрания. Конечно, официальных парторганизаций штрафников не создавалось, но политработники батальона знали партийно-комсомольское прошлое штрафников, иногда проводили с ними индивидуальные, а когда позволяла обстановка, и групповые беседы.

И еще один «миф». В фильме Володарского-Досталя штрафбатом командует штрафник, а командиры рот — «воры в законе», за штрафниками неотступно следит рать «особистов», и даже бездарным генералом-комдивом фактически управляет один из них. На самом деле в штрафбатах командный состав подбирался из боевых кадровых офицеров, как и предусмотрено Приказом № 227, а не как у постановщиков 11-серийной лжи. С мая 1943 г. комбатом у нас был подполковник Осипов, орденоносец за участие в войне с Финляндией, ко времени назначения комбатом он закончил обучение в Военной академии имени Фрунзе. А «особистом» батальона, даже когда он состоял из 800 человек, был всего один старший лейтенант, занимавшийся каким-то своим делом и никак не влезающий в дела комбата или штаба.

Чем поднимали в атаку? Конечно же, не угрозами оружием. Некоторые «знатоки» утверждают, что лозунги и призывы «За Сталина!» произносили только политруки, и то оставаясь в окопах. Грязное вранье! Эти «знатоки» сами не поднимали подразделения в атаки, не водили подчиненных в рукопашные. Не ходили они на вражеские пулеметы, когда взводный или ротный командир, поднимая личным примером подчиненных в «смертью пропитанный воздух» (по Владимиру Высоцкому), командует «За мной, вперед!». Уже потом как естественное, само собой разумеющееся было «За Родину, за Сталина!», как за все наше, самое дорогое, советское, с чем и ассоциировались эти слова: «За Сталина!» отнюдь не означало «Вместо Сталина», как иногда трактуют это ныне те же «знатоки», а слова «Родина» и «Сталин» были тогда для всех нас почти тождественны.

Такие же авторы в свое время сочиняли небылицы, будто

перед атакой штрафникам не было положено проводить артподготовку, запрещалось даже кричать «Ура!», а вместо этого исконно русского боевого клича они вроде бы должны были кричать какое-то несуразное «Гу-Га», как в этом убеждали зрителей в «кинодраме» по Морису Симашко, снятой в 1989 году режиссером В. Новаком.

Да, без артподготовки ходили в атаки не только штрафники, когда нужно было нагрянуть на противника совсем неожиданно. Но хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь из тех сочинителей хоть раз сходил в атаку вместе со штрафбатом. «Страшна атака штрафного батальона», как выражался бывший штрафник Семен Басов. А те, кто ее видел, утверждают, что штрафники ходили в атаки, даже не пригибаясь, не используя короткие перебежки. Ничего противоестественного в этом утверждении нет, могу это подтвердить. Знаю по себе: очень трудно встать в атаку под ливень пуль, но, преодолевая страх смерти, встав однажды, нет смысла снова ложиться, а потом опять преодолевать тот самый страх. Вставать под пули всегда нелегко!

А вот возгласы «За Родину, за Сталина!» были не редкостью, а тем более — «Ура!!!». Конечно, за исключением случаев, когда «молчанка» была тактическим приемом.

При единичном случае преодоления необезвреженного минного поля на Наревском плацдарме (Польша) я сам слышал от штрафников, подорвавшихся на минах, определенного смысла «здравицу» «За… такого-сякого… прокурора!». Это вовсе не проклятие советской власти, а только выражение обиды на конкретного служителя военной юстиции, которое сопровождалось в этих случаях и не так уж частой в штрафбате отборной «русской речью», которую те же «знатоки» неправедно считают непременным атрибутом лексики в штрафбате.

И патриотизм был тогда не «квасной» и не «совковый», как любят ныне сквернословить хулители нашего героического прошлого. Был истинный, советский, настоящий патриотизм, когда слова из песни «Раньше думай о Родине, а потом о себе» или «Жила бы страна родная, и нету других забот» были не столько песенными строчками, сколько целым мировоззрением, воспитанным всей системой социалистической идеологии, и не только у молодежи. Здесь я не совсем соглашусь с некоторыми авторами, утверждающими, что эту войну выиграли и Победу обеспечили главным образом школьники, воспитанные сталинской школой в духе советского патриотизма.

Я сам принадлежу к тому поколению, которое шагнуло в войну прямо со школьной скамьи. Но именно он, советский патриотизм, воспитанный не только у школьников, но и у

большинства истинно советских людей самых разных возрастов, был той силой, которая поднимала народ до высот самопожертвования ради победы над врагом.

Что касается армейских штрафных рот, то своих личных впечатлений о них не имею, так как не приходилось с ними на фронте соприкасаться. Но достоверно знаю из документов и от реальных свидетелей, что фронтовые офицерские штрафбаты и армейские штрафные роты в какой-то степени объединяет лишь общая принадлежность к понятию «штрафные» да, может быть, и возлагаемые на тех и на других особо сложные боевые задачи. Штрафбаты и штрафные роты были совершенно разными воинскими организациями, они не были похожи между собой прежде всего по составу и общей военной подготовке.

Штрафные роты, как уже упоминалось, комплектовались рядовыми и сержантами, проявившими трусость и паникерство в бою, дезертирами или совершившими другие преступления. Именно в эти штрафные подразделения направлялись и уголовные элементы, направляемые на фронт из мест заключения. Но это были только те из заключенных, кто не попадал в разряд досрочно освобождаемых за мелкие преступления и направляемых на фронт в обычные, не штрафные, части. В армейские штрафроты направлялись другие осужденные, имеющие более серьезные сроки по приговорам, но кому гражданская совесть не позволяла в тяжелое для страны время быть вне рядов ее честных защитников.

Первые мои представления об армейских штрафных ротах и кое-какие сведения об их составе и поведении в бою я получил от бывшего командира такой роты, майора Коровина, попавшего штрафником на 3 месяца в наш штрафбат по суду Военного трибунала. Но тогда у нас не было времени и условий для подробных бесед, да вскоре трибунал отменил приговор, оправдал ротного, и он убыл в свою ОШР. Хотя из его рассказов я знал, например, что штрафники роты воевали хорошо, никаких заградотрядов за ними не было, оружием, боеприпасами и продовольствием они снабжались исправно, и награждали их за подвиги не густо, но реально.

Значительно позже, уже в самые первые годы нынешнего столетия, в Харькове, когда я там жил после увольнения в запас, мне довелось встретиться с бывшим командиром 5-й штрафроты 64-й армии, переименованной затем в 66-й ОШР 7-й Гвардейской армии, полковником в отставке Михайловым Владимиром Григорьевичем. Времени на длительную беседу у нас тогда тоже не случилось, и мы договорились о том, что несколькими днями позднее обменяемся информацией и примерами из нашего опыта

боевой работы со штрафниками в таких разных формированиях, как штрафбаты и штрафные роты. Однако судьба нам такого шанса не оставила, скоропостижная кончина Владимира Григорьевича помешала этому.

Знакомый мне член Харьковского комитета Международного союза ветеранов войны Станислав Старосельцев дал возможность прочесть его публикацию о В.Г. Михайлове «Командир штрафной роты», помещенную в газете «Панорама» (октябрь 1999 года). Вот несколько строк из этой статьи: «Он принял заключенных, охраняемых усиленным конвоем. К большому удивлению охраны, зэков тут же, после короткой беседы, обмундировали и выдали им оружие с полным боекомплектом. Риск был огромен. По общепринятой логике, ожидать от них следовало чего угодно. Но ни один не оказался впоследствии трусом, дезертиром или членовредителем… Подчиненные лейтенанта Михайлова смело шли на прорыв, штурмуя, казалось бы, неприступные из-за огневой мощи высоты и населенные пункты».

Уже позже, в 2013 году, мои поиски сведений об отдельных армейских штрафных ротах позволили мне дополнить эту часть информации несколько более подробными публикациями командира другой, 11-й, штрафной роты 11-й Гвардейской армии 3-го Прибалтийского фронта, лейтенанта Владимира Ханцевича. Интервью с ним были опубликованы 16.05.2008 в «Независимой газете» и 18.03.2010 в дальневосточной газете «Тихоокеанская звезда».

Приведем фрагментарно выдержки из этих интервью:

> «В ноябре 1944 года сформирована 11-я отдельная армейская штрафная рота (ОАШР). В бой пошли только через несколько дней после серьезной подготовки: обучение владению оружием, рытье окопов и т. п. Нас подняли по тревоге, выдали сухой паек на два дня, и рота покинула лагерь. На позициях одного из наших полков для выбора участка операции и разработки плана разведки боем. Полковая разведка помогла нам в этом. После артподготовки рота поднялась в атаку, мы быстро ворвались в немецкую траншею. Рота понесла большие потери, был ранен командир роты, убит один из командиров взводов. Командование ротой приказали взять мне. Несмотря на потери, результат: двое пленных, засечены огневые точки противника. Через несколько дней был взят Гольдап при минимальных потерях. В районе города Инстенбург общие потери были большими: более половины убитых, рота потеряла трех

офицеров из пяти (один был убит). После боя в строю осталось 10–20 процентов. На раненых составлялись т. н. реляции (письменное донесение). Они рассматривались военным трибуналом, который и принимал решение о снятии с них судимости. Тут было такое условие: подвиг нераненого штрафника должен быть равноценен подвигу бойца, которого оформляли на звание Героя Советского Союза, тогда он искупал свою вину подвигом, и с него снимали судимость».

Пожалуй, это все, что я узнал из общения с бывшими командирами штрафных рот или из публикаций о них.

Полагаю, изложенные в этой главе действительные факты боевого использования штрафных формирований периода Великой Отечественной войны помогут освободиться от злостных вымыслов о них тем, кто еще верит всякого рода псевдоисторикам, недобросовестным авторам и их издателям.

Глава 3
Быт и жизнь до войны, доштрафбатовская служба

Мы — счастливое поколенье:
Есть что вспомнить и чем гордиться,
Перед чем преклонить колени,
Что хранить в серебре традиций.

Анатолий Молчанов, ленинградский поэт

Охватило страну пламя злое
Новых разрушительных боев…
Вовремя пришло ты, боевое
Совершеннолетие мое.

Борис Богатков. Погиб в боях

Начну со своей родословной. На первый взгляд это может представлять интерес для современного читателя лишь как описание быта и социальных условий жизни полвека тому назад. Но это и характеристика той эпохи, в которой формировалось мировоззрение нашего предвоенного поколения. Да и не помешает пролить свет на непростые тридцатые годы, как они складывались на Дальнем Востоке, особенно голодный для населения многих регионов СССР 1933 год. Было мне 10 лет, но я хорошо помню это время.

Драматические события того года некоторые из руководителей послесоветской Украины много лет возводили в ранг умышленного «голодомора» именно украинцев «кацапами» и «москалями» и даже соорудили «музей голодомора», в котором большинство фотографий, выставленных на стендах этого

«музея», отображали не бывший действительно голод 1932–1933 годов в Украине, а Великую депрессию в США. Фальсифицированными оказались и «Книги памяти жертв голодомора», в которые попадали умершие не от голода, а спившиеся, попавшие под лошадь и прочие случайно убиенные или погибшие или даже обычные люди согласно спискам избирателей тех лет.

От голода в разной степени страдали в то время Поволжье, Урал, даже Кубань, Сибирь, да, считай, вся наша страна, но не возводили там это бедствие в ранг умышленного геноцида. Голодный 1933 год коснулся и Дальнего Востока, откуда я родом.

Появился на свет я в конце 1923 года в семье железнодорожника тогда еще Дальневосточного края, на полустанке Известковый, который после войны стал узловой железнодорожной станцией и получил статус городского поселка. От него идет железная дорога на север, на Чегдомын. Когда мне пришла пора поступать в школу, отец добился перевода на станцию Кимкан, где имелась начальная школа, «выросшая» вместе со мной в неполносреднюю (7 классов). На этой станции наш дом стоял очень близко к железнодорожным путям, так что, когда проходил поезд, дом всегда дрожал, будто вместе с ним собирался тронуться в дальний путь. Сегодня Кимкан не узнать: поселок давно уже переименован в село, жителей там от прежних полутора тысяч осталось человек 80, закрыты школа, медпункт, все социально-культурные учреждения. Разруха, как и во всей постсоветской российской деревне.

Отец мой, Василий Васильевич Пыльцын (иногда фамилию он писал через второе «и»), родился еще в XIX веке, в 1881 году, в один год с Ворошиловым, чем я почти гордился. Он, считая себя костромичом, по каким-то причинам (говорил об этом весьма неохотно и туманно), то ли от жандармского преследования, то ли от неудачной женитьбы сбежал на Дальний Восток. Это значительно позже из архивов я узнал, что в Костромскую губернию он попал из Нижегородской, где родился.

Был отец достаточно грамотным по тому времени человеком, дома была многолетняя подшивка дореволюционного журнала «Нива» и большая дешевая библиотека нескольких классиков, которую я в раннем, еще дошкольном детстве почти всю перечитал.

Был отец дорожным мастером на Дальневосточной железной дороге (ДВЖД), он был не только железнодорожным мастером, но и вообще мастером на все руки. Домашняя, довольно замысловатая мебель и многое из металлической кухонной утвари, а также всякого рода деревянные бочки и бочонки под

разные соленья и моченья были сделаны его руками. Все он мог, все умел — кажется, в жизни не было дела или ремесла, которого он бы не знал и не умел.

В семье он был строг, и мы, дети, боялись одного его взгляда, хотя он никогда не пускал в ход ремень и не поднимал на нас свою увесистую руку. Несмотря на общественную деятельность, особенно в области «осоавиахимовских» кружков, он не вступал в ВКП(б) и любил называть себя «беспартийным большевиком». В 1938 году за допущенную его подчиненным оплошность при ограждении участка работ по замене лопнувшего рельса, что едва не привело к крушению пассажирского поезда, отец был за халатность осужден на три года ИТЛ, которые отбыл к самому началу войны.

До 7-го класса я учился в нашей поселковой школе (там я вступил в комсомол), а с 8-го класса и дальше мог учиться только в городе Облучье, расположенном километрах в 40 по железной дороге от нашей станции.

К тому времени старший брат Иван уже служил в армии, а на небольшую зарплату другого брата Виктора маме было невозможно платить за мое обучение и проживание в интернате, что было единственной возможностью удовлетворения моей тяги к знаниям. Тогда я по своему разумению написал наркому путей сообщения Л.М. Кагановичу письмо, в котором рассказал о трудностях в обеспечении моего желания дальнейшей учебы и о том, что отец-железнодорожник осужден за халатность.

Вскоре я, школьник, получил правительственное письмо, в котором распоряжением наркома мне обеспечивались за счет железнодорожного профсоюза все виды платежей за обучение до получения среднего образования и проживание в интернате при железнодорожной школе, а также бесплатный проезд по железной дороге к месту учебы и обратно. Так что учеба в Облученской железнодорожной средней школе на три года до 1941 года мне была обеспечена.

К тому времени отец отбыл положенный срок, но место мастера было занято не имевшим судимости человеком, отцу в свои 60 лет пришлось работать простым путевым рабочим. Где-то на людях негативно высказался по поводу того, что «Гитлер облапошил всех наших „гениальных“ вождей», а самый главный из них (т. е. Сталин) попросту «просПал Россию». (Здесь я из этических соображений заменил одну букву в отцовской фразе.) Кто-то донес куда нужно, и отец в соответствии с тогдашними строгими военными порядками Военным трибуналом ДВЖД был приговорен к 8 годам заключения, выслан куда-то на Север, где и пропал его след. Уже теперь мне кажется, что тот срок, 8 лет, ему

дали еще и в связи с тем, что уже «сидел», да и мой дядя, брат мамы Карелин Петр, по приговору «тройки» еще в 1937 году был расстрелян как «враг народа».

Это значительно позже из «Книг памяти» репрессированных мне удалось в книге по Хабаровскому краю обнаружить такую запись: «Пыльцин Василий Васильевич. Родился в 1881 г., Горьковская обл., д. Крапивник; русский; ст. Кимкан ДВЖД, путевой рабочий 2 дистанции пути. Проживал: ст. Кимкан ДВЖД. Арест. Трансп. Отделом НКГБ ДВЖД 29 апреля 1943 г. Приговорен: Военный трибунал ДВЖД 21 июня 1943 г., обв.: по ст. 58–10 УК РСФСР (ст. 58–10 — статья советского уголовного кодекса, предусматривающая наказания — обычно лишение свободы за разного рода выражения недовольства властями, в том числе, например, за оглашение политических анекдотов). Приговор: 8 лет. Реабилитирован 13 апреля 1990 г. Постановлением президиума Хабаровского краевого суда дело прекращено за отсутствием состава преступления».

Не знаю, не мог или не хотел он о себе что-нибудь нам сообщать, но никаких сведений о нем мы тогда так и не имели. Однако этот факт репрессии моего отца иногда заставлял происходящее со мной или вокруг меня как-то связывать с этим. Но об этом в свое время.

Однако еще не будучи наказанным за это высказывание, но зная о последствиях, он совершил, казалось бы, необъяснимый поступок, осуждаемый всеми жителями нашего небольшого пристанционного поселка. В начале 1942 года, когда я уже был курсантом военного училища, должен стать «лейтенантом», отец вдруг совершенно неожиданно «приревновал» нашу маму, скромнейшую женщину, все три года регулярно ездившую в колонию к отцу. Он ушел из семьи, оставив маму с малолетней дочерью, тогда как мы, все трое сыновей, уже служили в армии.

Значительно позже, уже после войны, я догадался об истинных мотивах его поступка: зная о моем нахождении в военном училище, о том, что я готовлюсь стать лейтенантом, чтобы «не помешать» мне, сыну репрессированного, окончить курс обучения, демонстративно бросил семью, женился на женщине, у которой не было сыновей, которым тоже мог бы помешать в карьере, а только три дочери.

Не знаю, как отреагировали на эту нашу семейную новость мои братья, к тому времени уже фронтовики. Я же, получив письмо сестренки о том, будто отец публично заявил, что мы все для него якобы больше не семья, до глубины души оскорбился, посчитал тогда это предательством. Сгоряча ответил письмом, в котором были, помню, такие слова: «Если у тебя больше нет нас,

детей, то у меня больше нет такого отца». А он, совершив это, как мне тогда показалось, предательское дело по отношению к своей семье, «спокойно» отправился потом в ссылку. Это значительно позже пришла мысль, что отец мой, оказывается, и здесь был на высоте, приняв на себя проклятие родных ради их же благополучия. Его лишение свободы, как мне не раз казалось, сказывалось и на моей судьбе.

Однако пишу я об этом не потому, что нынче стало «модным» хоть чуточку быть причастным к репрессированным, к «врагам народа», а потому что не все было так беспросветно тогда, как стремятся это непростое время размалевывать черными красками современные толкователи нашей истории.

Мама моя, Мария Даниловна, была моложе отца на целых 20 лет и происходила из семьи простого рабочего, железнодорожника-путейца. Ее, не знавшую грамоты, но откуда-то помнящую множество метких народных пословиц и поговорок, учил грамоте я, когда уже сам стал учеником первого класса, хотя бегло и уверенно читал давно, лет с четырех-пяти. По упорному моему настоянию она стала посещать кружок ликбеза — ЛИКвидации БЕЗграмотности, — широко распространенных тогда по всей стране и имеющих большое значение в деле быстрого повышения грамотности основной массы рабоче-крестьянского населения.

Она довольно быстро освоила азы грамоты, стала не бойко, но уверенно читать и, правда с трудом, — писать. На большее у нее не было ни времени, ни терпения. А я с удовольствием и гордостью помогал ликвидации ее безграмотности, считал себя, первоклашку, причастным к сравнительно заметным ее успехам. Однако и этой грамотности ей хватило, чтобы с началом войны, когда мужское население «подчистила» мобилизация, освоить должность оператора автоматизированного стрелочного блокпоста на станции Кимкан. Там она проработала еще не один год после окончания войны, заслужив правительственные медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и высшую профнаграду — знак «Почетный железнодорожник».

Ее отец, мой дед, Данила Леонтьевич Карелин, работавший в то время под началом моего отца, был широкой кости, крепкий сибиряк, как тогда говорили, истинно русский «чалдон», заядлый охотник, рыболов и страстный пчеловод. Моя бабушка Екатерина Ивановна, или как все мы ее звали, баба Катя, пожалуй, единственная в нашей большой семье истинно и глубоко верующая, исполнявшая все положенные религиозные ритуалы и праздники — красный угол в ее доме богато украшен иконами и

лампадками. Дед говорил, что выкрал ее невестой из хакасской деревни. Как и многие люди ее возраста, была совершенно неграмотна, но удивительно ловко пересчитывала деньги из зарплаты, которую ей приносил дед Данила.

Семья наша не бедствовала, но не относилась к разряду богатых. Тогда социальное неравенство было не так заметно, как сейчас, и вообще ни о каких выдающихся богачах даже анекдотов не сочиняли. Тогда просто и не могло быть таких долларовых миллиардеров, как из года в год богатеющие Алишер Усманов, Владимир Лисин, Виктор Вексельберг и иже с ними, потеснившие Романа Абрамовича аж на 11-е место.

Но самый тяжелый, голодный 1933 год мы пережили без трагических потерь. Знали мы, что во всей стране разразилась эта беда. Не было у нас тогда даже радио, но пассажиры поездов, проходящих через нашу станцию, достовернее всяких СМИ сообщали о том, как живут другие области и республики. Тогда и разговоров не было о каком-то особом голоде на Украине, откуда хоть не в массовом порядке, но целые семьи, в том числе и еврейские, переезжали «осваивать» дальневосточные земли, в 1934 году была образована на Дальнем Востоке Еврейская АО.

В основном в эти 30-е годы нас спасала от голода тайга. Отец, тоже умелый охотник, снабжал семью дичью. В особенно трудную зиму почти каждый выходной он уходил в тайгу с ружьем и приносил то одного-двух зайцев, то нескольких белок или глухарей, так что мясом мы были обеспечены. Должен сказать, беличье мясо нам тогда очень нравилось. Да еще я помню, как у нас по квартире были расставлены многочисленные рогульки с натянутыми на них шкурками пушных зверей, которые отец умело выделывал, а затем сдавал в лавки «Заготпушнины», получая взамен весьма дефицитные тогда муку и сахар. Кроме того, с осени он брал небольшой отпуск и уходил в тайгу на заготовки кедрового ореха. Там он сбивал с высоченных кедров шишки, приносил домой орехи мешками. Собственноручно изготовленным прессом давил из них зерен отличное «постное» кедровое масло (ныне считается особо целебным).

Остававшийся жмых от кедровых орехов мама использовала для изготовления «кедрового молока» и добавок в хлеб, который пекла лепешками из очень небольшого количества муки, перемешанной с имевшимся тогда в свободной продаже ячменным и желудевым «кофе» да овсяным толокном (булочки из этого теста не получались). Эти совершенно черные, особого вкуса лепешки как-то заменяли нам настоящий хлеб и хоть на время насыщали наши детские желудки. Молоко от собственной коровы или продукты из него нередко уходили на продажу или

«бартер», как сегодня модно говорить.

Когда я к 13–14 годам вытянулся и ростом перегнал своих старших братьев, у меня возник вопрос: почему я, младший из братьев в семье, стал длиннее их обоих, и среднего, Виктора, и старшего, Ивана? Да и сестра Тоня, младшая в семье, оказалась далеко не самой маленькой по росту из местных девчонок. Это уже через много лет после войны в научно-популярной статье о пользе кедровых орехов я узнал, что этот дар тайги — не только кладезь самых различных витаминов, в том числе и способствующих развитию детских организмов. Они удивительно богаты различными дефицитными микроэлементами. Я даже рискую перечислить их: марганец, йод, медь, титан, серебро, алюминий и другие. Но оказывается, эти орешки еще и богаты веществами, предотвращающими старение организма — антиоксидантами! И это еще не все. 100 граммов ореховых ядрышек — почти 700 килокалорий!

Так вот почему мы сравнительно легко перенесли трудные тридцатые годы, голодные во всей стране, а не только на Украине, как твердят русофобские «историки». Очевидно, наши растущие организмы не только успешно пополнялись тогда необходимыми веществами для своего рода акселерации, но и определенное долголетие тоже тогда в нас заложилось: все-таки мне уже за 90!

Если читатель хочет и дальше знакомиться с нашим взаимодействием с дальневосточной природой, немного еще терпения. Была у нас семейная традиция — ежегодно делать различные заготовки плодов дикорастущих растений, ягод, грибов. Эти заготовки спасали нас не только от голода, но и от свирепствовавшей тогда на Дальнем Востоке, особенно в северных его районах, цинги. Мы с детства были приучены к сбору этих «полезностей» и хорошо их знали. Собирали в большом количестве и сушили грибы — маслята, моховики, главные грибы — белые, солили большие белые грузди! На соления брали также рыжики, но особый деликатес грибных солений был у нас беляночки и волнушечки. Мама всегда наказывала нам, чтобы грибочки эти мы брали не больше медного пятака. Выбор был, благо грибных полян много.

Фруктами Дальний Восток, как известно, небогат. Но зато ягод!!! В ближайшей тайге мы находили земляничные поляны, кусты жимолости, целые заросли малины, которые кроме нас иногда посещали и медведи, о чем нас не уставали предупреждать взрослые, хотя мне лично такая встреча, к счастью, не привалила.

Особый восторг вызывали у нас, ребятни, терпкая

продолговато-крупная ягода. Зеленоватую, когда она даже спелая, по-местному ее почему-то называли «кишмиш», хотя научное ее название «актинидия», да дикий виноград с его исчерна-синими, будто покрытыми легким инеем, продолговатыми ягодами. Собирали, конечно, еще рябину и черемуху — все шло «в дело». А если ходили подальше, на так называемые ягодные мари, то только со взрослыми, хотя «взрослыми» в этих случаях считались и мальчишки лет с 14–15. Оттуда приносили мы полные «туеса» (короба из бересты) голубики, брусники. Также далеко ходили по весне на сбор черемши, этого дикорастущего широколистного растения с острым запахом и вкусом чеснока, кладезя витамина С, главного «доктора» от цинги.

Отец и дед занимались рыбной ловлей, но не на удочку, как мы, мальчишки, а более «производительно», при помощи сплетенных из ивовых прутьев так называемых морд или вершей для ловли рыбы (рыбнадзора не было!). И раз-два в неделю отец или дед ходили на недалеко протекавшую бурную, студеную речку Кимкан забирать улов. Иногда приносили «мелочь», а в период нерестового хода лососевых — и красную рыбу: горбушу, кету или кижуча, некоторые экземпляры которых достигали веса 6–8 килограммов. В этом случае появлялась у нас и красная икра, хотя тогда, до войны, в отдельные годы она не была особой редкостью и в магазинах, причем не в баночках, а развесная в бочках! И все это и варилось, и жарилось, и засаливалось, и сушилось. А в общем — все шло к столу… Можно подумать: «Ну, прямо царский стол!» Да, это таежное, дальневосточное разнообразие помогало не только выживать в трудные годы, но и просто укрепляло здоровье наших растущих организмов, да и выносливость взрослых.

В нашей семье всего родилось семь детей, но трое умерли еще в младенчестве (что по тому времени не редкость), и до начала войны нас дожило четверо: два моих старших брата, я и моя младшая сестра. Пытался я несколько раз составить генеалогическое древо нашего рода, но отец мой никогда не посвящал нас в свою родословную, и дальше своего деда Данилы и бабушки Кати по материнской линии я так ничего и не узнал.

Это сегодня многие уж очень дотошно разыскивают свои дворянские или даже графско-княжеские корни, если даже фактически их и не было, чтобы как-то подчеркнуть свою «белую кость» или «голубую кровь», лишь бы хоть чем-то выделиться из общенародной массы и получить какие-нибудь морально-политические преференции. А вот по боковым ветвям нашего рода я хорошо знал других детей и внуков Карелиных, живших недалеко от нас. Это брат мамы, Петр Данилович Карелин, тоже

дорожный мастер на станции Лондоко, коммунист, угодивший в 1937 году совершенно неожиданно под репрессивный каток как «враг народа».

Как я узнал уже теперь по данным из «Книги памяти» Хабаровского края: «Карелин Петр Данилович. Родился в 1898 г., Енисейская губ., с. Курбатово; русский; дорожный мастер ДВЖД ст. Бира. Проживал: ст. Лондоко ДВЖД. Арест. УГБ УНКВД по ДВК 3 июля 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 15 марта 1938 г., обв.: по ст. 58-1а-8 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 14 мая 1938 г. Место захоронения — г. Хабаровск. Реабилитирован 28 июня 1989 г. По заключению Военной прокуратуры КДВО по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г.»

Остались у него больная жена и пятеро детей, которым удалось выучиться, пережить войну. Одни из них ушли из жизни только недавно, в постсоветское время, другие живы и теперь. Репрессии моего отца и упомянутого мною дяди не затронули нас и родственников дяди, хотя после войны много писали и говорили о том, что жен и даже детей «врагов народа» и в лагеря ссылали, и в тюрьмах гноили. Едва ли только у нас, на Дальнем Востоке, почему-то по-другому было. Или редкие факты прошлого, когда по каким-то особым основаниям и такое случалось, кое-кому выгодно теперь выдавать за массовые явления при «сталинском режиме»?

Внезапные аресты наших близких, за кем никто из окружения никаких преступлений не видел, мы воспринимали как досадные ошибки при таком масштабном деле разоблачения вредителей и вообще всяческих врагов народа. Тогда широко пропагандировалась известная пословица «лес рубят — щепки летят». Но что удивительно: наряду с этой широкой кампанией поиска «врагов» происходило мощное воздействие на умы (и не только молодежи), воспитывавшее любовь к нашему строю и идеалам коммунизма. Достаточно вспомнить только фильмы и патриотические песни того времени. И это необычайно обостряло чувство любви к Родине и сознание высокого патриотизма. С этими чувствами мы вступили в священную войну против фашистской Германии, с ними и победили почти через 4 года тяжелейших испытаний. Вот только теперь, в «новой» России, о патриотизме не только мы, старики, но и многие родившиеся после нас говорим с ностальгией и в голосе, и в душе.

Но вернемся к моей довоенной жизни и нашей семье того времени. Как я уже говорил, у меня было два брата. Иван, старше меня на пять лет, удивлял всех талантом музыканта и рисовальщика, считался одаренным в математике. Его учитель за оригинальные решения задач иногда выставлял ему вместо

«пятерки» — «шестерку». Сразу же по окончании 10 классов он был приглашен на должность учителя математики в нашу поселковую школу-семилетку. В 1937 году он был призван на военную службу в береговую охрану Тихоокеанского флота, где успешно осваивал и специальность радиста и одновременно исполнял роль учителя в группах ликвидации малограмотности среди красноармейцев и краснофлотцев, что в те годы не было удивительным. В начале 1942 года он оказался в действующей армии. Находясь в составе 5-й Ударной армии Южного фронта, участвуя уже в освобождении Запорожья, «гвардии сержант Пыльцын Иван Васильевич… в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 18 сентября 1943 года» — так свидетельствовала «похоронка».

Второй брат, Виктор, старше меня на три года, особыми талантами не выделялся, разве только точность и аккуратность, присущие ему, тоже были своего рода талантом. После окончания средней школы он год поработал на железной дороге помощником дежурного по станции, хотя никаких курсов для этого не проходил. Просто мы, дети железнодорожника, были «хорошо подкованы» в разных направлениях профессиональных познаний. Я, например, учась в 4–5 классе, «на зубок» знал все правила, записанные в инструкциях по «путевому хозяйству», и даже на экзаменах, которые принимал отец у своих рабочих и путевых обходчиков, пытался подсказывать тем, кто затруднялся с ответом.

Виктора в 1939 году призвали в воздушно-десантные войска на Дальнем Востоке. Незадолго до начала войны бригаду ВДВ, в которой он служил, перебросили на Украину, где ему довелось и встретить первые удары фашистской военной машины и испытать горечь отступления. При обороне Северного Кавказа он был ранен, лечился в госпиталях и погиб (вернее — пропал без вести) в декабре 1942 года где-то под Сталинградом.

Сестра моя Антонина Васильевна (1927 года рождения) после 1945 года избиралась в поселковый Совет депутатов трудящихся Кимкана. А после переезда на жительство в Ленинград работала с секретным делопроизводством в одном из райвоенкоматов города. Доверяли ей, несмотря на репрессированного отца и дядю — «врага народа».

В Облученской средней школе, куда я поступил после того знаменитого письма наркома Кагановича, в отличие от нашей поселковой школы мы ежедневно после уроков занимались в разных оборонных кружках, и это фактически была хорошо организованная военная подготовка. Штатных военруков в школе

не было, а в определенное время в школу или в интернат приходили к нам служивые сержанты из воинских частей города и тренировали нас по всем оборонным, как тогда говорили, предметам. Некоторые мальчишки, кроме того, ходили на занятия в аэроклубы, где учились и самолетом управлять, и с парашютом прыгать, что давало им право уже после 9-го класса поступать в летные училища.

За два дня до 22 июня 1941 года, ставшего роковой датой для всей страны, мы окончили 10-й класс. Сразу после выпускного вечера, на следующий день, еще не зная, что завтра будет война, поехали в райцентр Бира (тогда город Облучье входил в Бирский район), чтобы в военкомате определиться в военные училища. В те годы юноши повально увлекались военными училищами: летными, танковыми, артиллерийскими и т. д. Я, будучи учеником 9-го класса, тогда выбрал для себя Новосибирский военный институт инженеров железнодорожного транспорта с учетом семейной традиции и из чувства благодарности Кагановичу за бесплатное обучение.

Все наши планы и мечты сломала заставшая нас в райцентре весть о начале войны. И сразу как по команде к райвоенкомату стеклась огромная очередь людей, стремящихся скорее влиться в ряды вооруженных защитников Родины. Двое суток нас, выпускников школ, держали в неведении относительно наших заявлений. Я тут же «отменил» свое прежнее решение о Новосибирском хотя и военном институте и написал заявление в любое танковое училище. Однако сообщение, что училища уже полностью укомплектованы, подвигнуло нас, кому еще не исполнилось 18, стать добровольцами. Нам объявили, что призываемся как красноармейцы. На сбор нам дали два дня.

Недолгие прощания были с родными, и вскоре эшелоны развезли нас по разным районам Дальнего Востока. Я с несколькими своими школьными товарищами оказался в эшелоне, который вез нас на Запад, и ликовали мы оттого, что едем туда, где вскоре будем беспощадно бить фашистов. Но радость наша была недолгой. Довез он нас на вторые сутки только до города Белогорска, всего километров за триста от места призыва. Там мы все влились во вновь формируемый 5-й армейский запасной стрелковый полк 2-й Краснознаменной армии Дальневосточного военного округа, ставшего из-за японской угрозы уже именоваться фронтом, хотя и недействующим.

Этот спешно развертывавшийся полк еще не имел достаточного количества командного состава, а эшелон за эшелоном привозили сюда, казалось, несметное количество

призванных и мобилизованных. Ротой, в которую я попал, командовал даже не лейтенант, а младший политрук, но тоже с двумя «кубарями» в петлицах, Тарасов Николай Васильевич. Я хорошо запомнил этого, первого в моей армейской жизни, командира: высокий, стройный, подтянутый, но уже успевший устать от бессонных ночей и не потерять при этом мудрого спокойствия.

У нас в средней школе военная подготовка была организована тоже по армейскому принципу, когда каждый класс был взводом, три одноименных класса — рота, все старшие классы (8-9-10-е) — это уже был батальон. Из числа самих школьников назначались командиры взводов, рот и батальона, а поскольку я еще в 9-м классе был избран комсоргом школы, то выполнял роль комиссара батальона. Мы, командиры-комиссары, нашивали на свои пиджачки или курточки петлички, похожие на армейские, прикрепляли на них вырезанные из консервных банок жестяные квадратики («кубари») или прямоугольники («шпалы»), тоже похожие на армейские. И обращались друг к другу на военных занятиях, соответственно добавляя к «званию» слово «юный», например, «товарищ юный лейтенант». А я, как комсорг школы, был произведен в «юные батальонные комиссары», носил две жестяные «шпалы». К воинскому порядку нас приучали «с младых ногтей», нам было легко врастать в воинскую среду.

В запасном полку наш настоящий комроты, всего младший политрук с двумя красными «кубарями», тем не менее успевал справляться с ротой более чем из пятисот человек, в основном необученных разновозрастных людей, большинство из которых были малограмотными. Он сразу выделил тех, кто окончил средние школы, и буквально с первого взгляда определил, кто может временно исполнять обязанности командиров взводов, отделений (мне была определена должность командира взвода). И вся эта вчера еще неуправляемая масса людей стала, хотя и медленно, организовываться в воинские коллективы. На второй день повел он нас в «баню» (палатки с душевыми установками). Там нас постригли наголо, мы помылись и обмундировались, став на первый взгляд настолько одинаковыми, что даже своих друзей не узнавали. Но постепенно рота обретала воинский вид.

Разместили нас в палаточном лагере, который оказался почти в 3-х километрах от общеполковой столовой. И вот всю эту дорогу наш младший политрук Тарасов успевал и ободрять, и обучать строевому или походному шагу, а мы, командиры взводов, старались помогать ему в меру своих сил и умения. Каким-то чудом сумел наш ротный организовать и разнообразные занятия по подготовке к принятию воинской присяги, да еще успевал и

личные беседы проводить со многими из нас. На всю мою жизнь Николай Васильевич Тарасов остался образцом настоящего командира, и многие свои поступки я всю последующую жизнь сверяю с ним и с подобными ему начальниками и политработниками, встреченными мною за долгую 40-летнюю воинскую службу.

На сон нам едва оставалось по 5–6 часов в сутки, а политруку нашему и того меньше. Но через несколько дней в роту прибыли мобилизованные из запаса лейтенант и младший лейтенант, которым ротный поручил по полуроте, состоящей из трех-четырех взводов каждая. Так что рота наша представляла собой почти батальон. Вскоре нас повели на войсковое стрельбище. Я этому событию очень обрадовался, так как еще в школе успешно сдал нормы на значок «Ворошиловский стрелок» второй ступени. Не знаю, то ли это мой сержант-учитель в школе был такой талантливый, то ли сказалась наследственность (мой дед, сибиряк-охотник, бил, как говорят, белку «в глаз»), но стрелком я оказался действительно метким. И здесь, на стрельбище, я оказался лучшим.

Всех, кто хоть как-то выполнил упражнение по стрельбе из винтовки, привели к присяге. Мало было там торжественности в этом ритуале, но запомнилось все до деталей. Тогда мы присягнули на верность нашей Родине — СССР. То был единственный такой день в моей жизни — больше никогда я не присягал ни другому правительству, ни другой стране. Бог миловал. И все 40 лет армейской службы я прошел под этой единственной в моей жизни присягой. Даже счастлив тем, что не принуждали меня, как многих других, после развала СССР и «обретения самостийности» Украины присягать ее президенту Кравчуку, одному из соучастников развала Союза. Ко времени «Беловежского предательства» я был уже уволен в запас.

Со временем в том запасном полку 1941 года мы втянулись в это состояние непрерывных, напряженных учебных будней. Примерно через месяц наша рота стала более или менее слаженным военным организмом, и, как нам казалось, наш командир-политрук гордился уже тем, как эта некогда аморфная масса людей четко рубала строевой шаг, проходя по улицам города. Наши полуротные лейтенанты грубовато, но умело поднимали наше настроение и подбадривали такими, например, шутками: «Выше голову, задрать носы и подбородки! А как на вас смотрят девушки! И чем выше у вас носы, тем интереснее мысли у них в головах!» И действовали такие шутки беспроигрышно! Пришло время, и нашу роту распределили по полкам и дивизиям — «Дальневосточной, опоры прочной», как пели мы в своей

первой строевой песне. А как жаль было расставаться с политруком Тарасовым, успевшим стать для нас поистине отцом-командиром. Спасибо Вам, Николай Васильевич, за науку!

Далее судьба забросила меня в разведвзвод 198-го стрелкового полка 12-й стрелковой дивизии 2-й Краснознаменной армии Дальневосточного фронта под Благовещенск на Амуре. Здесь уже не в запасном, а стрелковом полку регулярных войск Дальнего Востока и нагрузки физические были настоящими, и взаимоотношения устанавливались серьезнее, прочнее. Самым главным для меня командиром оказался помкомвзвода сержант Замятин. От него я схлопотал и свое первое дисциплинарное взыскание — «личный выговор».

А получилось это так. Поскольку я был рослым, то на физзарядке, основной элемент которой был бег, меня поставили впереди всех, даже старослужащих, то есть «направляющим». И вот когда сержант подавал команду «шире шаг», я своими длинными ногами этот шаг действительно делал шире и ускорял бег, а «старики» все одергивали меня, мол, еще успеешь, набегаешься, и я, конечно, снижал темп. После нескольких таких случаев сержант остановил взвод, вывел меня из строя и за невыполнение команд объявил тот самый выговор. Долго я старался заслужить снятие выговора. Во время одного из марш-бросков километров на тридцать по дальневосточным сопкам и падям да еще с полной выкладкой не меньше пуда (16 килограммов) я помог отстававшему красноармейцу: взял себе его винтовку и буквально тащил за руку. Вот за проявленную взаимовыручку на марше сержант и похвалил меня, сняв «прилюдно» свой выговор. Как я был рад этому!

Своего командира взвода разведки лейтенанта Золотова видел редко. Он целыми днями был на своих командирских занятиях, тогда всех офицеров серьезно «доучивали», чтобы они быстрее врастали в обстановку войны. Командира полка совсем не помню, а вот командира дивизии, полковника Чанчибадзе, невысокого плотного грузина, память хорошо сохранила. (К концу войны он уже был прославленным генералом.) Многому научили нас тогда на Дальнем Востоке его изобретательность и требовательность. И вообще, «наука побеждать» давалась обильным потом, когда гимнастерки наши настолько просаливались, что, сняв их, можно было поставить (а не положить), — и не падали!

В детстве у меня случилось какое-то заболевание коленного сустава, и меня долго тогда лечили «от ревматизма» и больничными, и бабушкиными мазями. Здесь же, в армейских условиях, под неимоверными нагрузками этот «ревматизм» будто

улетучился, только на девятом десятке лет стал давать о себе знать. Многие недуги излечивала армия. И не только физические…

В разведвзводе полка я прослужил до 1 января 1942 г. В новогоднюю ночь меня срочно сменили с поста у полкового знамени (был в карауле) и этой же ночью, не дав мне возможности даже почистить винтовку, срочно отправили по комсомольской путевке во 2-е Владивостокское военно-пехотное училище. Я долго еще сокрушался по поводу невычищенной винтовки (все-таки сумели за столь короткое время приучить к армейскому порядку и привить любовь к оружию). Обрадовался было, что увижу Владивосток — город детской мечты, который я еще не видел, но о котором много слышал.

Но оказалось, что это училище находится в Комсомольске-на-Амуре. Проучился я в нем всего полгода. Но до сих пор с особой теплотой вспоминаю те студеные зимние месяцы учебы и с чувством благодарности — всех моих преподавателей, командиров и воспитателей. И старшину роты Хамсутдинова, и командира нашего курсантского взвода, только что выпущенного из Хабаровского училища, совсем молодого лейтенанта Лиличкина, и командира роты, исключительно подтянутого и удивительно стойкого к почти арктическим амурским морозам старшего лейтенанта Литвинова. Он даже на полевых занятиях в самые ветреные зимние дни и ночи не опускал клапаны шлема-буденовки. С благоговением вспоминаю и друзей-курсантов — Колю Пахтусова, вечно не высыпавшегося очкарика Сергея Ветчинкина, нашего ротного запевалу Андрея Лобкиса, способного звонко петь даже в сильные морозы. Эти и многие другие мои сослуживцы-курсанты были теми, кто подставлял свое надежное плечо в трудные для меня минуты, но с которыми, увы, так больше и не суждено было встретиться.

Не могу удержаться, чтобы не вспомнить некоторые подробности быта в училище. Располагалось училище на одной из окраин Комсомольска, именуемой Мылки, недалеко от Амура. Распорядок дня был весьма напряженным. Зарядка начиналась за два часа до завтрака физической подготовкой или штыковым боем (был тогда такой предмет военного обучения). И это, как правило, ежедневно, за исключением случаев, когда нас ночью по тревоге выводили в поле марш-бросками, где вместо завтрака выдавали сухари и консервы, как правило, рыбные или «кашу гречневую с мясом» — одну банку на двоих.

В столовой же завтрак обычно состоял из гречневой, овсяной или перловой каши и сладкого чая, хлеба, вдобавок приличного кусочка масла, которого хватало и на бутерброд к чаю, и на кашу.

Физически мы выматывались сильно, и нам почему-то всегда не хватало (в принципе, достаточно калорийного) курсантского довольствия. Ведь до обеда, как правило, занятия были на воздухе, в поле, где температура в январе-феврале часто опускалась ниже минус 30 градусов. После обеда, когда уже темнело, было 2–3 часа классных занятий (топография, теория стрелкового дела, изучение матчасти оружия, средств связи, минно-саперная подготовка и т. д.).

Перед ужином каждый вечер по 1–2 часа мы занимались или строевой, или лыжной подготовкой. К счастью, лыжный маршрут проходил невдалеке от какого-то магазинчика. В нем, правда, не было ничего, кроме баночек с крабовыми консервами «Чатка», заполнявшими все полочки и витрины, и мы довольно часто покупали этих крабов. Это был наш «доппаек», который либо съедали сразу же по возвращении в казарму, либо сберегали до завтрака, чтобы сдобрить этим деликатесом, стоившим тогда 50 копеек, свою утреннюю порцию перловой или овсяной каши.

Хорошее, скажу вам, сочетание. Вкусно получалось! Обеды были достаточно калорийными. Кроме густого крупяного или макаронного супа либо щей с мясом, к которым регулярно подавалась как приправа какая-то витаминная добавка (вроде размолотого шиповника как средства против цинги), давали добрую порцию каши или макарон с мясной тушенкой или с соленой кетой, а чаще — с горбушей… Конечно, Дальний Восток — рыбный край!

Однако, несмотря на довольно калорийный рацион, крепкие морозы и огромная физическая нагрузка делали свое дело, выматывая, вымораживая из нас эти калории. Досыта удавалось наедаться только тем, кому выпадало идти в наряд по кухне. Может, именно поэтому тех, кто получал наказание в виде наряда вне очереди, на кухню не назначали. Для этого были в основном солдатские нужники, мытье полов в казармах после отбоя да расчистка строевого плаца от снежных заносов.

Когда модным стало чернить наше советское прошлое, появились такие «художественные» фильмы, как «Курсанты», где командиры у них без нравственных устоев, офицеры КГБ-МВД надзирают почти за каждым курсантом, а те, голодные, воруют и прелюбодействуют. Все это домыслы авторов множества и других современных фильмов, в которых они считают просто необходимым гипертрофировать роль «кагэбэшников». Ничего подобного в военных училищах того времени не было даже в первом приближении. Строгость была, нагрузки неимоверные тоже, но голодных, способных на преступления курсантов и бесчеловечных командиров-солдафонов не было. Это

умышленное, сознательное вранье.

Да, хотелось нашим молодым организмам и поспать подольше, и поесть послаще, но прекрасно мы понимали, что эти желания просто от «запредельной» физической нагрузки на дальневосточных морозах, без которой не подготовить в короткий срок грамотного и умелого командира, который будет способен вести подразделения в бой.

Еще немного подробностей о быте училищном и о запомнившихся мне преподавателях. Особенно часто вспоминаю преподавателя топографии, младшего лейтенанта Эльмана, призванного из запаса эстонца. Это он научил нас ориентироваться по звездам, определять фазы Луны и с точностью до дня вычислять, когда наступит новолуние или полнолуние. Вообще-то этой премудрости меня научил еще в детстве мой дед Данила, но с теоретическим обоснованием и четкой логикой это сделал наш училищный топограф. Настолько он был интересным, знающим человеком, умеющим вкладывать в наши головы нужные знания, что мы все поголовно с нетерпением ждали его занятий. Практическое хождение по азимуту он организовывал так, что при правильном и с меньшими затратами времени прохождении маршрута нас ждал какой-нибудь приз вроде пачки махорки или флакона одеколона. А это, надо сказать, по тому времени были весьма ценные призы. Ну а на крайний уж случай, когда и такого приза не оказывалось, устраивал просто забавный сюрприз вроде того, что нужно разыскать его самого, забравшегося на высоченное дерево и подающего звуки, имитирующие крик какой-то птицы.

Запомнился навсегда и преподаватель артиллерии и стрелкового вооружения майор Бабкин. Острослов и шутник, он никому не давал шансов вздремнуть на классных занятиях. Если кого-то после занятий на крепком морозе в тепле клонило ко сну, он так умел встряхнуть взвод или роту, что общий хохот надолго прогонял дремоту у виновного. Устраивал он и занятия-состязания по разборке и сборке вслепую, с завязанными глазами, ручного пулемета, еще мало знакомой тогда самозарядной винтовки Токарева (СВТ) или автоматической винтовки Симонова (АВС), и тоже с какими-нибудь призами.

В училище я пробыл с первых дней 1942 года до середины июля, когда окончил полугодичный курс обучения «по первому разряду» (то есть на «отлично») и получил, как и другие семнадцать «перворазрядников», свое первое офицерское звание — лейтенант. Остальных выпустили младшими лейтенантами, а тех, кто не выдержал выпускных экзаменов, — даже сержантами. Выдали нам комсоставские (потом их стали называть

офицерскими) удостоверения и снаряжение (ремень с портупеей), полевую сумку с планшеткой для топографической карты и кобуру для нагана, который полагалось получить уже в части назначения. Обмундировали нас в новые суконные гимнастерки, на которые были нацеплены новенькие петлицы с двумя красными эмалевыми квадратиками («кубарями») и пришиты на рукава шевроны. Выдали брюки с кантом, фуражки с малиновым околышем. И мы с непривычной гордостью ходили во всем этом, ужасно поскрипывая кожаным снаряжением и хромовыми сапогами.

Однако радость наша была омрачена тем, что почти всех младших лейтенантов и сержантов отправили в действующую армию, а нас, отличников-лейтенантов, — в войска на Дальнем Востоке. Небольшая группа выпускников, куда вошел и я, получила назначение командирами стрелковых взводов в 29-ю Отдельную стрелковую бригаду на позициях вблизи села Комиссарово, у озера Ханка на границе с Маньчжурией, где тогда хозяйничали японцы. Там мы стали подавать рапорта об отправке в действующую армию на западные фронты. Вскоре нас собрал комбриг и спокойно, но убедительно сумел нам доказать, что наш «недействующий» Дальневосточный фронт может совершенно неожиданно, в любое время превратиться в «очень даже действующий»! И японцы своими нередкими провокациями тоже убеждали нас в этом.

Наступила зима. И, хотя это была южная часть Советского Дальнего Востока, морозы были немалыми, а в сочетании с почти постоянными сильными ветрами в тех краях становились особенно неприятными. Так что на длительные лыжные переходы, которым уделялось немало времени, нам выдавали надеваемые под шапки-ушанки трикотажные шерстяные подшлемники с отверстиями для глаз и рта, чтобы уберечь от обморожения щеки и носы, а иногда такие же мешочки для других, не менее нежных частей тела.

И все-таки к концу 1942 года, когда немецкие войска были остановлены под Сталинградом и угроза японского нападения на дальневосточных границах Советского Союза стала менее вероятной, по одной роте с каждого батальона нашей бригады в полном составе были переформированы в маршевые (для фронта). Не знаю, был ли дан ход моему рапорту или это просто было не более чем совпадение, но такой маршевой ротой нашего батальона оказалась именно рота, в которой одним из взводных командиров был я. Погрузили нас в эшелоны и в первые дни января 1943 года отправили на Запад. Как потом стало известно, направлялись мы для формирования частей Югославской армии

по примеру уже создававшихся дивизий Войска Польского вместо неудачи с армией Андерса и Чехословацкого батальона Людвига Свободы, вскоре выросшего до бригады.

До Байкала, а точнее — до какой-то станции на нем наш эшелон не шел, а летел так, что на многих узловых станциях паровозы меняли настолько стремительно, что мы иногда не успевали не только получить горячую пищу из следовавшего в нашем эшелоне вагона с полевыми кухнями, но даже прихватить ведро кипятка. Во время смены паровоза на станции Бира, где мне часто приходилось бывать и где в свое время завершали обучение в средней школе мои старшие братья, я увидел хорошо знакомого мне дежурного по станции. Это был друг и одноклассник моего брата Виктора. Он передал по железнодорожной связи на мой родной полустанок Кимкан, где жили родные, весть о том, что я вскоре проеду эшелоном на Запад. Все мои родные вышли к железнодорожным путям. Но поезд промчался с такой скоростью, что я едва успел разглядеть своих, а дед Данила, пытавшийся бросить мне подарок — кисет с табаком, не попал в открытую дверь теплушки. Как потом мне рассказывала сестренка, дед, крепкий, не слезливый сибиряк, по этой причине расплакался.

На этой прибайкальской станции наш эшелон вдруг остановили, и мы там простояли почти неделю. Что-то тогда не заладилось с формированием югославских частей, и нас «затормозили». (Только осенью 1943 года был создан Отдельный пехотный батальон, который к августу 1944 года вырос в отдельную 1-ю Югославскую бригаду.) Дальше нас везли так неспешно, что мы почти полмесяца добирались до столицы Башкирии Уфы. Миновав ее, на станции Алкино ясной, морозной, лунной ночью весь наш эшелон выгрузили, и мы влились в состав 59-го запасного стрелкового полка 12-й запасной стрелковой бригады Южно-Уральского военного округа. Помню хорошо, что командиром полка был в то время фронтовик, майор Жидович с весьма приметным шрамом во всю левую щеку, казавшимся издалека большим бакенбардом. Одним из его заместителей был подполковник явно немолодого возраста, а другим — фронтовик с нашивками о ранениях, красавец богатырского роста и телосложения, майор Родин.

Командиром батальона, куда влилась наша маршевая рота, был тоже фронтовик, всегда какой-то нервный, взвинченный, всего-навсего младший лейтенант (вот фамилию его не помню), а командиром роты, казарму которой заменяла большая ротная землянка — удивительно спокойный, невозмутимый старший лейтенант Нургалиев. И я часто наблюдал, как наш ротный

терпеливо и стойко переносил грубости и «разносы» своего комбата, на две ступени младшего по званию. Вообще там я заметил разницу в отношениях между фронтовиками и теми, кто еще «не нюхал пороху». Может, тогда еще сильнее стало проявляться желание попасть на фронт.

Запомнилась и старший врач полка, тоже фронтовичка, капитан медслужбы с фамилией Родина. Это была очень яркая, красивая брюнетка, на удивительно стройной фигуре которой так ладно сидела недавно только введенная в нашей армии офицерская форма с не совсем привычными погонами. Особенно восхищали нас, молодых лейтенантов, ее классической формы ноги в аккуратненьких хромовых сапожках. Это всеобщее восхищение привело к тому, что почти вся офицерская молодежь стремилась научить свои подразделения петь в строю «Песню о Родине», в которой были слова «Как невесту, Родину мы любим»… Да еще то и дело находили причины посетить санчасть, чтобы испытать судьбу. Я сам как-то раз осмелился осуществить посещение санчасти, правда, не с амурной, а с другой целью: во-первых, убедиться в правоте восторженных баек о ней, а во-вторых, просто поближе рассмотреть этого медицинского капитана Родину, о красоте которой в полку ходили легенды.

Но она сразу распознавала эти мужские хитрости и умела так «отшивать» мнимых больных, что охота повторить подобный маневр пропадала надолго. Да все, наверное, догадывались, что заместитель командира полка, рослый майор Родин, не иначе как ее муж, так что и это обстоятельство наверняка было хорошим сдерживающим началом от попыток амурных приключений особо жаждущих поволочиться за красивой женщиной. Мой визит был обставлен убедительной причиной, мне она дала хороший врачебный совет, но я убедился в том, что те легенды были чистой правдой.

Но самое мистическое во всем этом то, что теперь, когда мне стали доступными из Центрального архива Минобороны некоторые документы по истории нашего 8-го штрафбата, я узнал, что с первых дней его существования (еще под номером ОДИН), начсанслужбы того штрафбата была военврач 3-го ранга Родина Юлия Александровна! Есть в архивных документах несколько донесений, подписанных военврачом Родиной, например, о полном обеспечении батальона теплыми зимними вещами или о недостатках в организации продовольственного снабжения и т. п.

Вот еще один любопытный документ:

Приказ по 1-му ОШБ Донского фронта

№ 102 от 27 ноября 1942 года:

Военврачу 3 ранга Родиной за проявленную смелость и решительность, оказание первой помощи под огнем противника раненому начальнику финдовольствия, спасение и сохранение при этом ценностей, находившихся при нем, от лица службы объявляю благодарность.

Командир батальона Гв. майор Бурков,

батальонный комиссар Ларенок

Так что наверняка наш доктор-капитан Родина из Алкино и военврач 3 ранга из 1-го, а затем и 8-го штрафбата Донского фронта — одна и та же! Значит, она из штрафбата № 8 — в запасной полк ЮжУрВО, а я из этого полка — в тот же штрафбат! Ну, разве не мистика? Да она, эта мистика, кажется, на этом и не завершилась, о чем станет ясно несколько позже.

В этом запасном полку главным нашим делом была подготовка нового пополнения для действующей армии, в основном из немолодых уже людей (чаще всего из мусульманских республик), обучение этих новобранцев азам военного дела, формирование из них маршевых рот для фронта. Долго, более полугода, я, как и многие другие офицеры, своими регулярными рапортами добивался отправки на фронт. После каждого такого рапорта командир полка также регулярно объявлял мне, вначале по 5, а затем и по 10 суток домашнего ареста, а арест этот заключался в удержании из лейтенантского месячного оклада 50 % за каждые сутки ареста.

Здесь, в этом полку, кроме того что я вступил кандидатом в члены партии, происходило много других событий. Одним из таких запомнившихся случаев было то, что однажды меня вежливо пригласили в особый отдел полка. Как и все солдатские «казармы» и штабные помещения нашего полка, это заведение тоже располагалось в землянке. После небольшого, вроде бы ни к чему не обязывающего предисловия мне прямо предложили сотрудничество с этим отделом. Я должен был регулярно информировать определенных офицеров отдела о негативных настроениях или высказываниях как солдат моего взвода, так и моих товарищей-офицеров. Ну, коль мне прямо такую роль «стукача» предложили, может, просто проверяя «сына

репрессированного», я так же прямо и категорично отказался от такого «сотрудничества», наверное, еще не понимая последствий этого отказа. Жизнь показала, что эти последствия я чувствовал и на фронте, и даже через 20 лет после войны.

Другим событием, оказавшимся значительным в моей жизни, было знакомство с девушкой, эвакуированной из Ленинграда, которая в 1944 году оказалась медсестрой эвакогоспиталя на одном фронте со мной и там стала моей женой.

В августе или начале сентября 1943 года очередному из многих моих рапортов был дан ход, и нас, небольшую группу офицеров, направили вначале в ОПРОС (Отдельный полк резерва офицерского состава) округа, а затем в такой же полк, но уже Белорусского фронта. Находясь в этом 27-м ОПРОСе фронта, мы несли боевую службу по охране важных объектов от возможных диверсий противника, патрулирование участков прифронтовой полосы. Но это все-таки была не передовая, куда мы стремились. Вскоре произошло то, чего даже я, так стремившийся на передний край, не ожидал: я попал в штрафной батальон. О том, как это было, я уже рассказал в предыдущей главе, а тому, что в штрафбате было и что распространялось о них в домыслах разного качества и пошиба, посвящены следующие главы.

Глава 4
Без вины в штрафбат. Наказание без преступления?

О, сколько горьких испытаний
На долю выпало твою!
И шел ты в бой с одним призваньем —
Отчизну защищать свою.

Олег Дымов

Штрафные батальоны — наказанье.
И кровью смыть ошибки мы должны!
За мужество дарили оправданье.
А кто был без вины, терпели мы.

Анатолий Сучков

На фронт я попал после долгих попыток выпроситься из запасного полка под Уфой. В ноябре 1943 года после сложных и сравнительно долгих переездов мы, группа офицеров, оказались в 27-м ОПРОСе (Отдельный полк резерва офицерского состава) Белорусского фронта, уже на белорусской земле. Конечно, это еще не передовая, куда мы стремились, где ведут бои с противником, ходят в атаки, хотя мы и здесь выполняли боевые задачи по охране и обороне арсеналов фронта. Чаще патрулировали прифронтовую территорию, выполняя некоторые функции заградотрядов на предмет выявления отставших от войск и задержания дезертиров или диверсантов противника, что не всегда обходилось без применения оружия.

Каждый из нас наряду с этим ждал своего звездного часа, который определит, где и в какой роли станет настоящим фронтовиком, а вестниками судьбы почти каждый день или ночь являлись гонцы из частей переднего края, отбиравших

пополнение вместо выбывших из строя офицеров. Знали мы, конечно, что выбывают они там не на курорты или в отпуска, а в госпитали или в братские могилы.

Несколько строк о моей службе до этого. С началом войны мы, выпускники средней школы на Дальнем Востоке, были зачислены в Красную Армию. Вместо наших отчаянных просьб направить нас на фронт борьбы с немецкими захватчиками многих из нас определили в войска Дальневосточного фронта, пока не действующего. Полгода мне пришлось закаляться рядовым в полковом разведвзводе одной из дивизий ОКДВА (Особой Краснознаменной Дальневосточной армии). Оттуда с группой комсомольцев со средним образованием, по комсомольским путевкам — в военно-пехотное училище в Комсомольске-на-Амуре. Уже лейтенантом послужил снова на Дальнем Востоке, затем в Южно-Уральском военном округе и только в ноябре 1943 года я наконец попал на Белорусский фронт, в 27-й ОПРОС (Отдельный полк резерва офицерского состава).

Однажды, в двадцатых числах декабря, меня вызвали в штаб этого полка на беседу к офицеру из действующих войск. Майор был со строгими чертами лица, обветренным почти до черноты, и я обратил внимание на его заметно поврежденную раковину правого уха. Просмотрев мое еще тощее личное дело и задав несколько вопросов о семье, об училище и о здоровье, он вдруг сказал: «Мне все ясно. Пойдешь, лейтенант, к нам в штрафбат!» У меня, молодого лейтенанта, какое-то представление о штрафбатах и за что туда направляют провинившихся офицеров уже имелось из Приказа наркома обороны № 227, зачитанного нам в воинской части вблизи озера Ханка в Приморье. А тогда, заикаясь от неожиданности, я спросил: «З-з-за что?» И в ответ услышал: «Неправильно задаешь вопрос, лейтенант. Не за что, а **зачем**. Будешь командовать штрафниками, помогать им искупать их вину перед Родиной. И твои знания, и хорошая сибирско-дальневосточная закалка для этого пригодятся». Немного отлегло, поняв, что не штрафником иду в штрафбат, хотя в моих мыслях появилась ниточка рассуждений, связывающих отбор меня в штрафбат с совсем недавним прошлым. А в том прошлом, всего за год с лишним до этого, мой отец попал под строгие законы военного времени. За нелицеприятные высказывания о руководстве страны и лично в адрес Сталина отец был, как принято ныне говорить, репрессирован, то есть осужден к 8 годам лишения свободы по известной тогда 58-й статье УК РСФСР. Подробнее об этом я расскажу в одном из экскурсов в свое прошлое.

Я ничем не могу подтвердить верность тех моих предположений, но тогда, как молния, просверлила мозг мысль: а не за отца ли это наказание? Конечно же, сразу и контрдовод появился, известные нам с детства слова Сталина «Сын за отца не отвечает». О том, что это были слова из Библии, я слышал еще со слов моей набожной бабушки, и знал я, что Сталин, учившийся в детстве в духовной семинарии, тоже не мог их не знать. Спонтанно родилась мысль и о том, что причиной мог быть также и арест в 1937 году старшего брата моей матери. По той же 58-й статье мой дядя был объявлен «врагом народа», и его судьба была тогда нам неизвестна.

Оказалось, что из 18 офицеров, отобранных этим майором на командные должности в штрафбат, оказался я один, еще не имеющий боевого опыта, «необстрелянный», а остальные имели не только боевые ранения, но часть даже наградами отмечены. Зная из того сталинского приказа, что на командные должности в штрафбаты назначаются лишь лучшие из имеющих боевой опыт офицеры, эта навязчивая мысль о «тени предков», о наказании за совершенные не мною преступления еще не раз за время моей долгой воинской службы посещала меня, но каждый раз находился и «контрдовод». В этом же случае одновременно с сомнениями и с определенной степенью недоумения вина предков не позволяла оправдать мое определение в штрафбат только моим «сибирским здоровьем», а «контрдовод» заставлял считать это событие скорее не наказанием, а чем-то вроде своеобразного доверия. Возникло даже ощущение почти гордости за то, что меня приравняли к боевым офицерам.

Как оказалось, майором, отбиравшим нас для штрафбата, был помощник начальника штаба 8-го Отдельного штрафного батальона, майор Лозовой Василий Афанасьевич. С ним мне довелось и начать свою фронтовую жизнь в 1943 году и совершенно неожиданно встретиться через четверть века после войны на оперативно-командных сборах руководящего состава войск Киевского военного округа, куда всех, более или менее крупных военачальников, раз в год собирали на декадные сборы. Тогда я был уже в чине полковника и его, тоже полковника, узнал по приметному правому уху.

А тогда, в декабре 1943 года, после тяжелых боев под Жлобином (Белоруссия) тот штрафбат понес большие потери, в том числе и в постоянном офицерском составе. Вот майор Лозовой и отобрал нас, восемнадцать офицеров, от лейтенанта до капитана, кроме меня, уже бывалых боевых фронтовиков, возвращавшихся из госпиталей на передовую. Буквально через час мы мчались тревожной декабрьской ночью в кузове открытого

грузовика с затемненными фарами в сторону передовой, хорошо определяющейся по всполохам от разрывов снарядов, по светящимся следам разноцветных трассирующих пуль, по висящим над горизонтом немецким осветительным ракетам. Скупо освещенная неверным светом идущих все ближе боевых действий, изуродованная войной земля Белоруссии казалась ох какой неприветливой. Это потом, когда нам пришлось на этой земле повоевать, мы почувствовали приветливость и этой почти полностью сожженной и разграбленной врагами земли, и ее жителей, перенесших неимоверные страдания от оккупантов. А где-то там, под огнем противника, на земле, о которой в одной популярной советской песне говорилось «Белоруссия родная», держал оборону пока неведомый, но вскоре ставший родным на долгое время, до самой Победы, до самого Берлина наш 8-й Отдельный (офицерский) штрафной батальон.

Перед рассветом 25 (или 26) декабря наш грузовичок остановился на окраине какого-то небольшого, всего из нескольких хаток, населенного пункта. Изрядно продрогнув в открытой машине на декабрьском ночном, морозном ветру, выскочив из нее, мы стали энергично двигаться, толкать друг друга, чтобы хоть немного согреться. Майор Лозовой быстро вбежал в домик с едва светящимся, завешенным, словно прищуренным, окошком и так же стремительно вскоре из него выбежал. Подойдя к нам, он скомандовал «За мной!» и зашагал, не оглядываясь, к другому домику. Мы, еще не размяв как следует свои ноги, едва успевали за ним.

Вошли через сенцы в большую, хорошо натопленную комнату, скупо освещенную каким-то примитивным светильником, сооруженным из артиллерийской гильзы. Вдоль глухой стены на длинной лавке лежат кучей полушубки, от которых знакомо пахнет овчиной, рядом большая стопка новых валенок, тоже издающих приятный, знакомый с детства оригинальный аромат. Подумалось, что это для нас. Теплее стало на душе, ведь это проявление заботы о тех, кто станет теперь членом этой большой и очень необычной фронтовой семьи, о которой у меня, в частности, было еще приблизительное представление.

Посреди комнаты — длинный, грубо сколоченный стол с рядом коротких скамеек. Не успел я подумать о том, что пора бы и пожевать чего-нибудь, как вошел молодой солдатик, принес стопку алюминиевых то ли мисок, то ли глубоких тарелок и поставил их на стол. Еще одно приятное ощущение заботы. Спустя несколько минут к нам вошел какой-то щупленький на

вид старшина в несвежем, местами засаленном полушубке и предложил позавтракать. Вслед за ним тот же солдатик внес кастрюлю с гречневой кашей, сдобренной поджаренной с луком американской тушенкой, к запаху которой я успел уже привыкнуть, находясь в резервном офицерском полку, откуда мы и прибыли сюда. В запасном полку, в Алкино под Уфой, наша офицерская столовая такими запахами, за все время моего пребывания там, не баловала!

Довольно плотно позавтракав и попив крепкого горячего чая, вконец отогревшись, захотелось после бессонной ночи хоть немного вздремнуть, но вошедший к нам еще один офицер, поздоровавшись и представившись как командир комендантского взвода старший лейтенант Киселев, сообщил, что нас приглашает на личную беседу командир батальона, подполковник Осипов Аркадий Александрович. Потом Киселев положил на стол аккуратный листок бумаги со списком, по которому мы должны были поочередно идти к комбату. Я в нем оказался четвертым. А первым пошел капитан Матвиенко, самый старший из нас и по званию, и по возрасту. Минут через 10 капитан вернулся, какой-то возбужденный, раскрасневшийся и стал выбирать себе полушубок и валенки. На наши красноречиво вопросительные взгляды Иван (так звали капитана) многозначительно отмалчивался.

Я с каким-то трепетным волнением дожидался своей очереди. И, когда третий по очереди, старший лейтенант Мусь Гольдштейн, ушел к комбату, я не стал ожидать его возвращения и пошел вслед за ним, оставшись у крыльца дома комбата, чтобы не заставлять его ожидать моего прихода.

Таким странным именем «Мусь» Гольдштейн назвал себя при знакомстве, и это имя так на все время и прилипло к нему, превратившись в среде равных просто в Муську. Это потом мы узнали, что по удостоверению его настоящее полное имя Моисей. Через какое-то время мы стали называть его просто Муся и даже привычным для слуха русским именем Миша. Компанейским он был, или как бы теперь сказали — коммуникабельным.

Вскоре Мусь вышел из домика комбата, я набрался духу, поправил на себе снаряжение, как можно тверже вошел к комбату и постарался точно по уставу доложить о прибытии в его распоряжение для прохождения дальнейшей службы. Комбат встал, вышел из-за стола, стоявшего напротив входа, подошел ко мне и молча протянул руку. Пожимая его ладонь, я вначале остерегался сильно пожать ее своей, вовсе не маленькой ладонью потомственного сибиряка, но оказалось, что рука у комбата крепкая, жилистая, и мне самому довелось почувствовать ее

твердость. Как нас учили еще в разведвзводе на Дальнем Востоке, начальство нужно «есть глазами». Мой взгляд встретился с не менее внимательным и твердым взглядом подполковника.

Какое-то время, может, секунду, а может, больше мы разглядывали друг друга. Мне показалось, будто комбат изучает каждую черточку лица моего, чтобы навсегда его запомнить. А я успел заметить, насколько усталыми кажутся его глаза с едва заметным прищуром и покрасневшими от бессонных ночей белками. На этом фоне очень выделялся кажущийся ослепительно белым, свежеподшитый подворотничок у видавшего виды его кителя с несколькими орденами. Да и возраст его произвел на меня впечатление довольно пожилого по нашим тогдашним почти юношеским меркам человека, лет так близко к 50. Это, как оказалось, ошибочное впечатление держалось у многих все то время, когда Осипов был нашим комбатом. Только когда я стал работать над рукописью моей первой книги «Штрафной удар…», Рогачевский райвоенкомат сообщил мне, что Аркадий Александрович Осипов родился в 1908 году. Значит, в 1943 году ему было всего-то тридцать пять лет! Верно говорят: война не красит и не молодит человека!

Потом комбат пригласил меня сесть к столу, взял мое личное дело, пролистал его несколько страниц, останавливая взгляд на интересующей его информации. Затем медленно встал (я тоже вскочил со своего места) и неспешными широкими шагами стал ходить по комнате, задавая мне время от времени вопросы и внимательно выслушивая мои ответы. Как мне показалось, его больше заинтересовала моя служба рядовым разведчиком еще до училища, хотя потом он подробно расспрашивал, чему нас учили в нем, что мне больше нравилось и на какие детали практической подготовки обращалось внимания в училище. Беседа эта, как мне показалось, была более продолжительной, чем с моими предшественниками.

А завершилась она снова крепким рукопожатием, добрыми напутственными словами и запомнившейся мне фразой: «Ну что же, товарищ лейтенант, привела судьба нас повоевать вместе. Будем надеяться, доведется нам и успешно встретить Победу. А пока побудьте в моем резерве у майора Кудряшова Александра Ивановича», — и сделал едва заметный кивок в сторону.

Только тут я заметил, что у стены слева сидел майор и рядом с ним старший лейтенант, который быстро то ли записывал, то ли просто помечал что-то в толстой тетради или конторской книге. Кудряшов оказался тем майором, а старшим лейтенантом, как я узнал позже, — уполномоченный Особого отдела «Смерш». Кудряшов сказал мне, чтобы я шел в расположение (значит, понял

я, в отведенный нам домик) и ждал команды. Четко повернувшись кругом, я вышел. Только спускаясь с невысокого крылечка, я заметил, что под шапкой моя, тогда еще очень густая, шевелюра изрядно взмокла.

Так закончилась наша первая встреча. Но с комбатом Осиповым мне довелось обрести не только настоящее боевое, но и водное крещение, чуть не утонув в ледяной купели реки Друть при ее преодолении в бою. Был за время нашей общей службы в штрафбате и случай, когда я едва не перешел из офицера-командира в разряд офицера-штрафника. Это было через полгода в Полесье, где я в стремлении улучшить нашу оборону превысил свои права, снимал мины с одного участка и ставил их лично перед нашими окопами. Дважды при выполнении боевых задач в составе осиповского батальона мне пришлось самому перенести серьезные ранения и даже получить очередное воинское звание.

Этот мой первый фронтовой комбат стал примером боевого командира на всю мою воинскую службу, оказавшуюся довольно долгой. Как когда-то образцом для меня стал первый мой командир роты — политрук Тарасов, о котором я рассказал уже в предыдущей главе.

В этот первый штрафбатовский день нас ознакомили с организацией и штатной структурой батальона, его вооружением, с категориями переменного состава, узнали мы, что наш батальон воюет в составе 48-й армии генерал-лейтенанта П.Л. Романенко. Тогда же мы узнали, что до боев под Жлобином, на 20 декабря, в батальоне штрафников состояло 918 человек (это же почти полк!). И не совсем правы те «исследователи», которые утверждают, будто в штрафбатах «по определению» не могло быть ни на одного человека больше 800 человек, установленных штатным расписанием, так как никто пайков больше положенного не выдаст. Выдавали на всех, сколько было «едоков», и никогда не было в этом проблем, как врали в 11-серийном фильме «Штрафбат» Володарский с Досталем.

После ожесточенных боев под Жлобином, 23 декабря, потери составили: убитых — 144, раненых ровно в 2 раза больше — 288, пропавших без вести — 59. Итого 591 человек. В боевом донесении «Штабат 8 Отд. с-з Майское 7.00 24.12.43», полученном мною из ЦАМО РФ, записаны эти же цифры, только есть еще одна фраза: «Налицо людей 349». Элементарный подсчет обнаруживает разницу в 78 человек, которые, вероятно, составили боевые потери (убитых и раненых) за период 20–22 декабря. Значит, и эти 3 дня не были спокойными. При соотношении потерь аналогично тому, какими они оказались 23 декабря (1:2), можно предположить, что не указанные в том донесении потери,

вероятно, составили: убитых — 26, раненых — 52. Так что возможные потери за весь период 3 дней боев могли составить убитых — 170, раненых — 340. По предварительным, далеко не точным подсчетам (не было времени для точных подсчетов трупов противника!), как говорилось в донесении, на поле боя осталось около 300 трупов фашистов, в том числе 1 генерал, 22 офицера и 250 солдат. Как правило, штрафники немцев в плен не брали, но здесь в плен было взято 2 унтер-офицера и 24 солдата. Наверное, так сложились обстоятельства.

Может, я утомил читателя обилием цифр, но этим мне хотелось показать, какова общая картина жестокости и напряженности боев, которые приходится вести штрафбату, если только за один день боевые потери составили почти 600 человек. Это же более 65 процентов!!! Эти цифры подтверждаются и архивными документами ЦАМО РФ. Вот почему на пополнение офицеров батальона понадобилось сразу 18 человек только в командный состав.

В этот же первый наш «штрафбатовский» день мы познакомились с командованием и штабом батальона, некоторыми его тыловыми службами и частью политаппарата. Из тех первых встреч из политработников сразу запомнился высокий, богатырского телосложения старший лейтенант Желтов Александр Матвеевич, который представился мне, лейтенанту, как парторг батальона и сразу же, без каких-либо формальностей поставил меня, кандидата в члены ВКП(б), и многих других на партийный учет. Наверное, я запомнил сразу тогда вместе с парторгом Желтовым начальника штаба майора Носача Василия Антоновича, командира комендантского взвода Филиппа Киселева да еще начальника службы вооружения, старшего лейтенанта Бабича Анатолия Григорьевича, из рук которого я получил свое личное оружие — пистолет системы «наган».

Запомнились и агитатор батальона (были и такие штатные должности у нас), капитан Пиун Павел Ильич да помощник начпрода, старшина Червинский, накормивший нас с дороги по прибытии в батальон. Это потом постепенно круг знакомств расширялся, хотя многих офицеров из других подразделений, тыловых служб, из политсостава я так и не успел не то чтобы хорошо узнать, но даже узнать об их существовании вообще. Разные были у нас задачи. Эти офицеры из политсостава были закреплены за разными подразделениями, и с некоторыми из них так и не удалось хорошо познакомиться. Да, честно говоря, некогда было нам, взводным, отвлекаться на широкие знакомства.

Майор Кудряшов, видимо, ссылаясь на мнение комбата,

определил мне должность командира нештатного разведвзвода. Наверное, моя служба еще до военного училища красноармейцем в разведвзводе на Дальнем Востоке оказала влияние на принятие такого решения. Да и обрадовало то, что мне доверили разведывательное подразделение, несмотря на «преступный» шлейф отца и дяди.

Этот разведвзвод, оказывается, формировался сверх штата еще до декабрьских боев под Жлобином, он не входил в состав какой-либо роты. Кудряшов познакомил меня с начальником разведки батальона Борисом Тачаевым, старшим лейтенантом, как мне показалось, старше меня по возрасту, а как я узнал уже от него самого, имеющим боевой опыт и ранение под Сталинградом. Он как-то сразу, с первых же слов и жестов, расположил к себе и, несмотря на то что он был моим прямым начальником, я почувствовал себя почти как равный с равным. Его открытое лицо и приятная улыбка, какой-то внимательный взгляд на все, что он видел в данный момент, говорили, что передо мной опытный разведчик. Дельные, компетентные и неназойливые советы вызывали желание делать все в лучшем виде.

На второй день нашего пребывания в батальоне нас развели по окопам переднего края, и начальник разведки представил меня, нового командира, разведвзводу численностью… 11 человек. Все бойцы этого взвода оказались из бывших боевых офицеров. Побывавших в немецком плену, «окруженцев» или даже тыловых офицеров там не было. Это и понятно: взвод специально комплектовался из имеющих боевой опыт, обстрелянных бойцов. Только я, их командир, оказался в этом отношении «салагой», которому еще предстояло набираться боевого опыта. Первым делом, сказал Борис, мне предстоит довести его состав как минимум до 25 бойцов и что в этом поможет он сам.

Здесь я впервые увидел тех, кто составляет главную силу штрафбата, бойцов, которых (как-то мне непривычно) называли штрафниками, но не при обращении к ним, а «заочно». Я говорю «заочно», потому что уже в первый день нам разъяснили, что ко всем им следует непременно обращаться, как и принято в нашей армии, со словом «товарищ», но все-таки по-особому: официально — «боец-переменник», так как в отличие от нас они относились к переменному составу, а мы — к постоянному.

Тогда до меня дошло, что он, боец-переменник, покинет штрафбат, либо совершив подвиг, либо по ранению, или, в конце концов, по истечении срока, на который направлен офицер в штрафники за свои прегрешения, а он больше 3 месяцев не бывает. Мы же, постоянный состав, остаемся в нем постоянно, не на 1–3 месяца, как штрафники, а кое-кто из нас, как оказалось,

даже на год-два и более!

Вскоре я убедился, что слово «боец-переменник» не привилось. Офицеры постоянного состава сами считали более справедливым не напоминать им об «особом ранге» и, как было принято во всей армии, говорили, например, «боец Иванов, ко мне». И многие из штрафников с нескрываемым удовольствием применяли это «звание», например, при докладе: «Товарищ лейтенант, боец Иванов по вашему приказанию прибыл».

Эти факты в пух и прах разбивают домыслы всяких недобросовестных писателей и киношников о тюремно-лагерных взаимоотношениях в штрафбатах. Никаких «гражданин начальник» или «гражданин лейтенант», как домысливают это современные «знатоки» нашей военной истории, не было и в помине.

Во всем чувствовалось совершенно нестандартное уважение тех, кто вчера еще был майором, а то и полковником, не раз бывавшим в огненной перепалке боев, даже ко мне, еще необстрелянному лейтенанту, ставшему их командиром. Со временем и эта особенность мне стала понятна: ведь штрафбатовский командир поведет их в бой, от него зависит во многом судьба и даже жизнь штрафника, а может, и возвращение «бойца-переменника» в офицерский строй.

Среди штрафников и комсостава не утихали эмоциональные разговоры о самом Рокоссовском. Оказалось, буквально сразу же после тяжелых боев под Жлобином, в декабре 1943 когда, когда батальон понес большие потери и в переменном, и в командном составе, буквально за день-два до моего появления в штрафбате в окопах батальона побывал сам командующий фронтом генерал Рокоссовский. Сколько было впечатлений у тех, кому посчастливилось поговорить с ним, увидеть его! Буквально все восторгались его манерой разговаривать спокойно и доброжелательно и со штрафниками, и с их командирами. Мне оставалось только сожалеть, что я не был свидетелем этого эпохального события.

Несколько дней мы прожили в окопах вместе с начальником разведки Борисом Тачаевым, там мы и познакомились поближе. Я узнал, что он, как и я, в армии с первых дней войны, даже упредив ее на день: 21 июня поступил вначале в интендантское военное училище, а затем удалось перевестись в пехотное, чтобы воевать, а не обеспечивать бои. Воевал под Сталинградом, после ранения и госпиталя получил назначение в штрафбат в отличие от меня — как имеющий боевой опыт.

Большинство бойцов моего взвода были не только по возрасту старше меня, но по их временно отнятому званию —

тоже. Одеты они были практически одинаково, в шинелях на телогрейки, на ногах — сапоги, шапки, как правило, офицерские, не новые, но цигейковые, серые. Вообще бойцы батальона, как я успел обратить внимание, обмундированы как-то разношерстно: большинство — в солдатских или офицерских шинелях, бушлатах или телогрейках, но все без погон и с солдатскими ремнями. Значительная часть носит шапки-ушанки солдатского образца из искусственного меха. Это теперь во многих «документальных» и постановочных фильмах у них снимали звездочки с головных уборов, чего на самом деле не было, ведь это символ Красной Армии. Вот офицерские ремни заменены на солдатские. На ногах тоже у многих сапоги, а значительная часть — в ботинках с обмотками.

Оказывается, те, что в ботинках, — как правило, бывшие военнопленные и вышедшие из окружения или из освобожденных от оккупации территорий (всех их здесь называли «окруженцами»), а в сапогах — бывшие офицеры фронтовых или тыловых подразделений, осужденные Военными трибуналами или направленные в штрафбат решением начальства. Между собой все они общались привычно, как равные, может быть, только подчеркнуто уважительно, на «вы» с теми, кто в прошлом носил более высокие воинские звания. Я даже слышал иногда негромкие обращения штрафников друг к другу по их воинскому званию в прошлом, особенно к старшим офицерам.

Вот здесь мне хочется привести свидетельство «постороннего» человека, то есть не состоявшего ни в постоянном, ни в переменном (штрафном) составе батальона, минского пенсионера, послевоенного работника аппарата Президиума Верховного Совета Беларуси. Он в 1944 году был начальником радиостанции, прикомандированной к нашему батальону из штаба 3-й армии генерала Горбатова на период выполнения нашим штрафбатом боевого задания при взятии Рогачева. Старшина-фронтовик Григорий Власенко. Его мнение совпадает с моим удивлением от первого впечатления о штрафниках-офицерах.

> «Мое личное впечатление от их поведения на передовой таково, что в абсолютном большинстве это были люди порядочные. Скажу даже — высокого долга и высокой воинской морали. Конечно, изначально все они были разные, и прежняя вина у каждого была своя. Рядом могли находиться растратившийся где-то в тылу пожилой интендант и юный балбес-лейтенант, который опоздал из отпуска или по пьянке подрался из-за

смазливой медички.

Но наступал момент внутреннего преображения, момент осознания готовности к самопожертвованию, и эти люди становились едины в том, что в бой шли, как на молитву.

Запомнилась мне деталь: между собой они обращались на „вы“. Матерная брань считалась дурным тоном. Ну а если отринуть высокопарность, то допустим и такой мотив: „Пусть меня ранит, пусть погибну, так ведь реабилитируют! И семья в тылу получит деньги по восстановленному офицерскому аттестату“.»

Личные отношения у меня с подчиненными складывались вопреки опасениям неожиданно хорошо. Я как-то сразу почувствовал заботу о себе в том, что командиры отделений, более степенные и солидные бойцы, как-то старались оградить меня на первых порах от принятия скоропалительных решений. Да и от любопытства некоторых подчиненных тоже, желавших понаблюдать, как неопытный в боях командир будет вести себя в этой среде. То есть помогали мне на первых порах «держать дистанцию». А поскольку наступил период, когда мы стояли в обороне, и пока ни мы, ни противник не вели активных боевых действий, мне было удобно постепенно «врастать» в обстановку, понимать непростую ситуацию, сложившуюся уже в таком необычном воинском коллективе.

Между тем и сам я стал привыкать к боевой обстановке. Научился ходить вдоль окопов, не провоцируя своим ростом вызова огня противника на расположение взвода. Научился различать свист летящих мимо пуль, шорох снарядов и мин противника, летящих мимо или могущих разорваться в опасной близости.

Как-то раз по вызову того самого майора Кудряшова, которому комбат меня поручил, нужно было вечером покинуть окопы и прибыть в штаб. По ходу сообщения я прошел какое-то расстояние, а затем предстояло пройти метров 300 по открытому месту. Были уже сумерки, приближалось время, обычное для немецкого артналета, и я, честно говоря, подумал, не попаду ли под него. И надо же, попал! Не пробежал буквально и нескольких десятков шагов, как загрохотало и эту поляну накрыло несколько разрывов, вздыбивших заснеженную землю серией фонтанов, больше похожих на извержение каких-то мини-вулканов.

Наверное, нет людей, не ощущавших страха, тем более — на войне.

Ощущая впервые в жизни этот всепоглощающий, даже

животный страх оттого, что я один, никого нет рядом и в случае чего мне никто не поможет, я бросился на землю, укрытую плотным, утоптанным снегом. Разрывы снарядов или мин (еще не научился их уверенно различать) не становились реже, но мой страх, казалось, забирался постепенно куда-то внутрь. Единственным моим желанием стало: «Ну, пусть, раз уж суждено, только сразу в меня, а не рядом. Пусть будет „мой“ снаряд, пусть огромная, все раздирающая боль ворвется в меня, но ведь это только „на мгновение“.»

Однако именно эта мысль неожиданно успокоила меня, а чувство страха куда-то вовсе улетучилось, и я решил больше не дожидаться своего конца лежа: какая разница, в куски разорвет лежачего или бегущего тот снаряд. Да к тому же меня ждет замкомбата, и не подумает ли он, что я прячусь где-то, как трусливый кролик.

Как будто какая-то внутренняя пружина подбросила меня, я вскочил и, не обращая внимания на вздымавшиеся то тут, то там фонтаны взрывов, побежал вперед. И будто по мановению волшебной палочки почти сразу же прекратились разрывы. От неожиданности я даже остановился, не веря, что весь этот кошмар закончился. Видно, судьбе моей или богу (тогда мы отождествляли эти понятия) было угодно прервать это испытание моей воли и психики. Это значительно позже, уже после войны, мне врезалось в память изречение основоположника научной педагогики в России К.Д. Ушинского: «Не тот мужествен, кто лезет на опасность, не чувствуя страха, а тот, кто может подавить самый сильный страх и думать об опасности, не подчиняясь страху». Мне кажется, что до знакомства с этим положением Ушинского к такому выводу мы на фронте приходили сами.

Придя в себя, побежал дальше. И, пока бежал, периодически переходя на ускоренный шаг, чтобы перевести дыхание, почувствовал, что все еще дрожащие мои нервишки постепенно перестают вибрировать и я смогу спокойно доложить майору о своем прибытии. Так и произошло: майор Кудряшов, показавшийся мне вначале не очень приветливым, довольно тепло принял мой доклад, не преминул заметить, что мог бы и не спешить, а переждать эту вражескую канонаду. Борис Тачаев, присутствовавший здесь же, кивнул одобрительно, сопровождая свой кивок дружеской, хотя и сдержанной улыбкой.

Совершенно неожиданно для меня пошел разговор о том, не хотел бы я перейти на штабную работу, хотя и временно. Мне вначале показалось, что именно Борис Тачаев засомневался, справлюсь ли я, не имеющий боевого опыта, с должностью командира взвода разведки. То ли оттого, что я еще не отошел от

возбуждения, что только сейчас преодолел в себе неведомый мне ранее барьер страха, то ли от простого нежелания менять живое общение с такими необычными бойцами на бумажно-канцелярское, как мне подумалось, дело, я твердо ответил, что если имею право отказаться, то не согласен. Улыбнувшись, майор одобрил мое решение. А Борис, услышав мой уверенный ответ, настолько откровенно обрадовался, что взял мою руку и крепко пожал ее, сказав что-то вроде «молодец, так держать!». Майор, подумал я, сделал это предложение вовсе не ради действительно требующегося в то время перемещения, а только для проверки: узнав о моем хорошем почерке и высокой по тому времени грамотности, решил узнать, не было ли у меня мысли занять менее опасное место. Вернулся в свой окоп я снова с Тачаевым.

Понемногу знакомился я и с командованием батальона, все ближе узнавал Александра Ивановича Кудряшова, еще сравнительно молодого (правда, на 10 лет старше меня), но уже в звании майора с веселым нравом, грамотного, имеющего солидный доштрафбатовский боевой опыт командира роты и даже командира стрелкового батальона. У него уже было два ранения, медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. Как и я, он любитель стихов, окончил до войны и рабфак, и учительский институт, поработал учителем и даже заведующим сельской школой. Несмотря на свое превосходство в образованности над комбатом Осиповым (институт по сравнению с начальной сельской школой), таких качеств, как у него, не всегда самокритичный Александр Иванович себе все-таки не приписывал.

Наш комбат Осипов не переставал удивлять меня какой-то доступностью и отеческим отношением к нам, командному составу, и к штрафникам. Видимо, не зря и те и другие между собой называли его просто Батя. Вероятно, это была закономерная реакция бойцов на атмосферу доверия к ним со стороны комбата и штатного состава батальона, уважения их к тем, кто считался преступниками, штрафниками. Что касается личности Аркадия Александровича Осипова и его отношения к подчиненным, то только на одном примере, ставшем мне известным, я сделал вывод об удивительной его сдержанности. Заодно и о высоком моральном духе, о советском патриотизме большинства воинов-переменников, не очень обласканных той же советской властью и оказавшихся в не очень ласковом же штрафбате. Вот этот пример.

Однажды накануне нового 1944 года, из окопов на полевую кухню был направлен с термосом за горячим обедом боец-переменник. Случилось так, что ему встретился другой

штрафник, направлявшийся из штаба батальона в окопы с каким-то поручением. Так вот, «кухонный» (так назовем первого) говорит «посыльному» (так назовем второго): «Не хотел бы ты иметь хорошие трофейные золотые часы в качестве новогоднего подарка?» Тот подумал, что ему предлагают практиковавшийся на фронте обмен типа «махнем, не глядя», когда обмениваются вещами, не видя их, и кто из менял окажется в выгоде, покажет сам обмен. Поэтому он заявил инициатору, что у него нет ничего равноценного.

В ответ на это «кухонный» предложил «посыльному»: «В обмен на часы „подари мне пулю“.» И разъяснил: «Я тебе часы, а ты мне прострели руку, и будем квиты». «Посыльный» снял с плеча автомат, а «кухонный», истолковав это движение как согласие на «обмен», поднял вверх руку. Тогда его визави, направив свой автомат в грудь желающему получить вожделенное ранение, сказал примерно следующее: «А теперь, сволочь продажная, такую твою растакую… (и т. д., и т. п…) поднимай и вторую руку! Я тебе покажу, что таких б…, как ты, не столько среди нашего брата, как тебе показалось!»

И повел его прямо в штаб батальона к комбату Осипову. Не было у честного в недавнем прошлом офицера жалости к подлецу, хотя знал, что того могут и расстрелять.

Комбат практически имел право на расстрел такого негодяя, но отобрал у него те самые часы, как оказалось, вовсе и не золотые, тут же вручил их «конвоиру», объявив ему благодарность. А этого несостоявшегося членовредителя (так называли в армии «самострелов» и им подобных) под конвоем и в сопровождении уполномоченного Особого отдела (в просторечии — «особиста» батальона) отправил куда-то, то ли в трибунал, то ли в Особый отдел старшей инстанции. Какова дальнейшая судьба этого «менялы», сомнений в этом ни у кого не возникало. Да и не в этом суть, а в том, на каких основах строились взаимоотношения между самими штрафниками, и не важно, в каких ипостасях они были до того, как попали в штрафбат, из «окруженцев» или боевых офицеров.

Забегу немного вперед. Когда нас вывели из боевой ситуации под Жлобином, мы вдруг заметили, что один из заместителей Осипова, начальник штаба майор Василий Носач, всегда общительный, вдруг заметно изменился. Пройдя с этим батальоном в боях от Сталинграда от замкомроты до начштаба, вдруг стал замкнутым, избегал неформальных встреч или бесед, перестал реагировать на шутки офицеров, а через некоторое время убыл из батальона.

Недавно я получил из Центрального архива Министерства

обороны документ, приказ № 0210 от 8.05.44 по 1-му Белорусскому фронту, проливающий свет на причину такой странности в поведении начальника штаба. Оказывается, в нашем штрафбате в дни боевых действий под Жлобином произошел беспрецедентный случай, на котором я остановлюсь несколько подробнее.

В декабре 1943 года под Жлобином, когда батальон понес большие потери, семеро штрафников, угодивших в штрафбат за то, что долгое время находились на оккупированной территории (проверкой не было точно установлено их тайное сотрудничество с немцами), воспользовавшись суматохой боя, сбежали к противнику. Майор Носач, не проверив дошедших до него ложных сведений об их мнимой гибели или ранениях, направил донесение в отдел кадров фронта о том, что трое из них погибли, один пропал без вести, а трое ранены и госпитализированы. Как оказалось в действительности, эти штрафники сдались в плен и перешли на службу к фашистам. Потом они были пойманы на другом участке фронта, уже со шпионским заданием. Так невольный обман майора Носача был обнаружен, и над ним нависла угроза серьезного наказания.

Видимо, чувствовал Носач свою вину и перед комбатом, и перед коллективом товарищей, хотя нам об этом так тогда и не было известно. А тогда майор Носач приказом по фронту был наказан откомандированием из батальона с понижением в должности.

Штрафники, кто дезинформировал майора Носача, покрывая предателей, были выявлены, осуждены военным трибуналом, лишены по суду офицерских званий и направлены в армейскую штрафную роту.

Уже после войны, когда я разыскивал своих сослуживцев по штрафбату, нашел и майора запаса Носача, проживавшего в Киевской области. Но Василий Антонович как-то нерадостно откликнулся на результат моего поиска и не проявил желания поддерживать с нами связь. Видимо, ему, так и оставшемуся майором, было неудобно предстать в этом звании перед одним из бывших подчиненных лейтенантов, ставшим уже полковником. А может, он все еще стыдился своего прошлого проступка, из-за которого всеми любимый комбат Осипов получил тогда, правда, самое малое взыскание — «предупреждение» от генерала К.К. Рокоссовского, но все-таки… Вскоре генерал Рокоссовский присвоил Осипову звание полковника.

Пусть простит меня читатель за столь обширный экскурс вперед. А тогда, в декабре 1943 года, еще задолго до нашего рейда в тыл противника, казалось, неожиданно наступил новый,

1944 год. Новогодняя ночь и первый день его ничем особым не отличались от предшествующих, разве только немцы особенно много навешали над нашими позициями осветительных ракет на парашютиках да продолжительнее и как-то гуще вели артиллерийско-минометный обстрел траншей, занятых нашими войсками, и не только на участке штрафбата.

Дней через десять остатки нашего батальона вывели во второй эшелон, разместили штаб в селе Майское, за которое еще недавно батальон вел жестокие бои. Подразделения и хозяйственные структуры расположились в окрестных деревнях.

Батальон отчислял отвоевавших, принимал новое пополнение. Основная часть его снова состояла из числа бывших военнопленных, вышедших из окружения и тех, кто, оставаясь длительное время на оккупированной территории, не принимал участия в борьбе с оккупантами. Весь этот контингент назывался у нас одним словом — «окруженцы», хотя это слово произносилось без тени презрительности или унизительности, как это может показаться поначалу. Полицаев и других открытых и скрытых пособников врага в штрафники не направляли. Им была уготована другая судьба.

Главным делом нашим стала боевая подготовка, т. е. обучение их заново владению штатным оружием, элементарным приемам переползания, окапывания, особенно в случаях, когда нужно «на виду у противника» отрыть «ячейку для стрельбы лежа» малой саперной лопаткой, неизменной помощницей солдата. Многому надо было учить из того, что ими было забыто за годы плена или оккупации, или даже было неведомо вовсе, если они ранее не служили в пехоте. Не знали мы тогда, что еще древний китайский мыслитель и философ Конфуций говорил: «Посылать людей на войну необученными — значит предавать их», но неуклонно следовали этому правилу.

Видимо, по распоряжению комбата его заместитель майор Кудряшов и начальник разведки старший лейтенант Тачаев курировали мой разведвзвод (а может, именно меня, его командира, еще не имеющего боевого опыта?). Из прибывающего пополнения они отбирали кандидатов в разведчики, направляли их ко мне, весьма тактично предоставляя право окончательного решения самому взводному. В общем, моя главная командирская задача состояла в том, чтобы разведвзвод был укомплектован бойцами, способными выполнять любые боевые задачи, вплоть до саперного дела, вождения мотоциклов, автомобилей и даже танков. Естественно, что первыми кандидатами в мой взвод отбирались крепкие здоровьем пехотинцы, а также танкисты,

автомобилисты, саперы, связисты и бойцы, имеющие спортивные навыки, а также владеющие немецким языком хотя бы немного лучше, чем я сам, знающий его в пределах школьной программы. Вспоминая изучение этого предмета в школе, я пожалел, что без должного старания относился к «языку фашистов», более широкое его знание теперь пригодилось бы.

Конечно, подходящих бойцов оказывалось немного, но взвод мой, значительно поредевший после тяжелых боев под Жлобином и после освобождения отличившихся в тех боях от пребывания в штрафбате, пополнялся медленно, но подходящим составом. Уже нужно было начинать с ними практические занятия, которые на первых порах заключались в проверке тех умений, что могут понадобиться разведчику.

Некоторых бойцов-переменников, предварительно зачисленных во взвод, если кто-то из них боялся гранаты, оказавшейся в руках, недостаточно метко стрелял, не умел обезвредить противопехотную немецкую мину и т. д., пришлось вернуть, их с удовольствием забирали в другие подразделения. Это было похоже на порядок, памятный еще по 1941 году, когда нашу роту запасного полка 2-й Дальневосточной армии разбирали по полкам дивизии полковника Чанчибадзе. Но только здесь все это делалось уже для реальных боевых действий в соприкосновении с противником. Оставшиеся до получения боевой задачи дни и ночи были заполнены тем, что называлось в армии боевой и политической подготовкой.

И вот это время реальной боевой задачи наступило.

Тогда, в феврале 1944 года, к участию в захвате Рогачевского плацдарма, взятию Рогачева и был привлечен наш батальон. Пополнение батальона, пока мы находились на формировании в Майском и окрестных деревнях, шло довольно интенсивно. Некоторые наши историки упорно заявляли, что бывших военнопленных и «окруженцев» **всех** якобы «загоняли» уже в советские концлагеря, всех военнопленных объявляли врагами народа в соответствии с приказом Ставки № 270-1941 года, инициатором и автором которого, как многие историки полагают, был не сам Сталин.

В те годы и среди штрафников, особенно бывших политработников старших возрастов, ходили слухи, что истинным автором того приказа был начальник Политуправления Красной Армии Лев Мехлис, с чьим именем связывались необоснованные аресты таких проявивших полководческий талант генералов, как Рокоссовский, Горбатов, и многих других.

Объявление попавших в плен воинов «врагами народа» прямо связывал с именем Мехлиса маршал Г.К. Жуков, который говорил:

«Позорность мехлисовской формулы состояла в том недоверии к солдатам и офицерам, которая лежит в ее основе, в несправедливом предположении, что все они попали в плен из-за собственной трусости». (Симонов К.М. «Глазами человека моего поколения». М., 1989.)

О том, что такие утверждения не соответствуют истине, говорит тот факт, что переменный состав нашего штрафбата в период от Курской битвы до конца «Багратиона» пополнялся именно штрафниками из бывших военнопленных, «окруженцев» и оставшихся на оккупированной территории. А «врагов народа», то есть осужденных или арестованных по политическим статьям, в штрафбате за все время войны вообще не было. В который раз утверждаю: их к фронту и близко не подпускали вопреки домыслам Володарского, Михалкова и им подобных.

Примером тому может служить и судьба «политического зэка» Александра Солженицына, бывшего командира артиллерийской батареи звуковой разведки на нашем 1-м Белорусском фронте, а затем 2-м Белорусском в Восточной Пруссии. О его аресте нам рассказывал особист нашего батальона уже незадолго до Победы, в марте 1945 года. Осужденный за антисоветскую пропаганду и попытку создания преступной группы, Солженицын был препровожден именно в тюрьму (где-то под Москвой, а не в ГУЛАГ на Колыме), но никак не в штрафбат.

Какая-то часть офицеров, бежавших из немецкого плена, или вышедших из окружения, или просто долгое время находившихся на оккупированной территории, подвергалась проверке «на благонадежность» в спецлагерях. Сама система этой проверки на благонадежность не могла быть в то время совершенной и не всегда давала окончательный ответ на то, не завербован и не заслан ли противником с определенными целями проверяемый. Не запросит же наш энкавэдэшник немецких Мюллера или Кальтенбруннера, имеет ли шпионское задание такой-то бывший пленный.

Бывшие военнопленные офицеры, чье несотрудничество с врагом у проверяющих органов не было доказанным, действительно направлялись в штрафбаты. Правда, как правило, не по приговорам военных трибуналов, а по решениям армейских или фронтовых комиссий, которые руководствовались приказом Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 1 августа 1941 года, квалифицировавшим **сдачу** в плен как измену Родине. Беда, однако, была в том, что эти комиссии редко различали, кто **сдался в плен**, то есть добровольно перешел на сторону врага, пусть даже в критической обстановке, а кто попал в плен, будучи раненным, контуженным или по трагическому стечению не

зависящих от него обстоятельств.

И если к тем, кто по своей вине попал в плен или окружение, правомерно было применить наказание за их вину перед Родиной, за нарушение присяги, то вторые фактически не имели перед своим народом никакой вины. Узнать, остался ли он верен Присяге, можно только поставив его в условия исключительной опасности на переднем крае, в боевом соприкосновении с противником, в котором и приходилось воевать штрафным подразделениям.

Мне вначале тоже казались несправедливыми факты приравнивания одних к другим. Хотя после долгих размышлений на эту тему, и особенно после того, как мне стали известны случаи вербовки военнопленных, засылки их за линию фронта под видом бежавших из плена со шпионскими заданиями, этот вопрос перестал вызывать недоумения. Тогда «презумпция невиновности» не могла быть основополагающей. Что было, то было. И в наш батальон в тот период все пополнение из бывших пленных и «окруженцев» было «делегировано» либо из фильтрационных лагерей, либо фронтовыми, а иногда и армейскими специальными комиссиями. Наверное, некогда было этим комиссиям докапываться до истины.

Часто к числу штрафбатов многие причисляют и так называемые штурмовые стрелковые батальоны, хотя это совсем другие воинские формирования. Более чем через год после приказа «Ни шагу назад!» был издан приказ об отдельных штурмовых стрелковых батальонах ОШСБ. Они (не путать со штрафными) создавались по другому, специальному приказу № Орг/2/1348 от 1.08.1943 г. наркома обороны «О формировании отдельных штурмовых стрелковых батальонов» (см. приложение 5), в котором предписывалось: «В целях предоставления возможности командно-начальствующему составу, находившемуся длительное время на территории, оккупированной противником, и не принимавшему участия в партизанских отрядах, с оружием в руках доказать свою преданность Родине». Обратите внимание, не «искупить кровью свои преступления против Родины», как в приказе о создании штрафбатов, а только «доказать свою преданность Родине».

Эти штурмовые стрелковые подразделения формировались только из командно-начальствующего состава, содержащегося на проверке в специальных фильтрационных лагерях НКВД. Вначале было сформировано 4 таких штурмовых батальона, численность которых по штату № 04/331 устанавливалась в 927 человек каждый. Впоследствии формирование штурмовых батальонов было продолжено. Всего за время войны было создано 29

штурмбатов, через них прошла примерно одна треть офицеров, побывавших на оккупированной территории. Определенная их часть прошла через штрафбаты, а тех, кто на оккупированной территории сотрудничал с оккупантами, постигла, естественно, другая участь.

Эти штурмбаты предназначались для использования на наиболее активных участках фронта. Для сравнения: штрафбаты предписывалось «поставить на более трудные участки фронта». Понятно, что «наиболее активные» — это все-таки не «более трудные». Срок пребывания личного состава в отдельных штурмовых стрелковых батальонах был установлен два месяца участия в боях, либо до награждения орденом за проявленную доблесть в бою или до первого ранения, после чего личный состав при наличии хороших аттестаций может быть назначен в полевые войска на соответствующие должности офицерского состава.

В отличие от штрафников «штурмбатовцы» не лишались офицерских званий, а семьям личного состава, назначенного в эти батальоны из спецлагерей НКВД, были предоставлены все права и преимущества, определенные законом для семей начальствующего состава РККА, в том числе денежное довольствие им и их семьям выплачивалось и во время пребывания в этих «штурмбатах» (см. Приложение № 5). Это такие ярые, матерые антисоветчики, как некто Юрий Нестеренко, навоображали на тему Великой Отечественной всякую непотребщину, где все сложившие голову за Родину «…гибли зря, / А вышедшим из окружений / Светил расстрел иль лагеря».

И никакие факты и документы не убеждают антисоветчиков-клеветников, не доказывают им, что всем, кто не запятнал себя сотрудничеством с врагом или услужливостью к оккупантам, была предоставлена возможность с оружием в руках в штрафбатах или штурмбатах доказать верность своему народу.

Срок пребывания в штурмовом батальоне, как известно, составлял два месяца (в штрафбате до трех месяцев), после чего личный состав восстанавливался на соответствующие их офицерскому званию должности в обычные части Красной Армии. На практике это нередко происходило даже раньше. В перечне Генштаба № 33 таких ОШСБ имеется 29, но один из них — 3-й — из-за малочисленности был обращен на укомплектование 4-го ОШСБ.

Сроки их существования от начала формирования до ликвидации были разными, у одних много времени уходило на полное укомплектование, например, 4, 16, 20, 23, 25-й и 27-й батальоны числились по 4–5 месяцев, хотя в боях участвовали

многие и менее 2 месяцев. Так, например, 11 из 28 ОШСБ существовали с учетом времени на формирование и боевые действия суммарно от 20 до 45 дней. После окончания срока боевых действий или после ранений бывшие бойцы штурмбата (офицерский переменный состав) назначались на соответствующие должности в обычные войсковые части фронта или направлялись во фронтовые ОПРОСы (отдельные полки резерва офицерского состава). Иногда, как это было с 14-м ОШСБ, который провел успешный бой, где весь личный состав проявил героизм, не отвоевав установленных 2 месяцев, целиком в полном составе передавался в 63-й ОПРОС 3-го Белорусского фронта на укомплектование войск фронта офицерским составом.

Шестой отдельный штурмовой стрелковый (не штрафной!) батальон, освобождавший в феврале 1944 года Кривой Рог Днепропетровской области, состоял из офицеров, не лишавшихся своих званий и прав, но бывших долгое время на захваченных врагом территориях и не участвовавших в активной борьбе с оккупантами.

Криворожская городская организация ветеранов Великой Отечественной войны 22.06.2011 года открыла на благотворительные средства памятник воинам 6-го отдельного офицерского штурмового стрелкового батальона. На открытии присутствовали пять внуков воинов этого батальона. Памятник в виде постамента из гранита с элементами пятиконечной звезды и трех колонн, на которых три металлических журавля в полете. На постаменте имена 150 погибших воинов батальона и посвящение на украинском:

> **«Воинам 6-го отдельного штурмового стрелкового батальона, погибшим при освобождении Кривого Рога от фашистских захватчиков в феврале 1944 года, от благодарных криворожцев».**

«Они выступили против немецких танков и смогли отбить самое сильное нападение немцев в битве за Кривой Рог, но за это отдали жизнь 150 героев», — говорилось при открытии памятника.

В связи с событиями на Украине, где захватившая власть прозападная бандеровско-фашистская клика законодательно запретила в 2015 году всякую советскую символику и развязала руки вандалам, крушащим любые памятники воинам Великой Отечественной, пока неизвестно, сохранился ли этот памятник, как и другие символы героизма и жертв, принесенных на алтарь Победы.

Надеюсь, после прочтения этого материала рухнут все мифы

о миллионах штрафников, многих сотнях штрафбатов, приписываемых к ним штурмбатов, развеются бредни нечестных и просто злостных фальсификаторов нашей военной истории.

Скорее всего эти ускоренные меры по формированию штрафных и штурмовых подразделений были продиктованы необходимостью привлечения сотен тысяч воинов, имеющих военную подготовку, но оказавшихся на долгое время вне военных действий. Это делалось на благо срочного и более полного укомплектования штрафбатов и штурмбатов, а что касается не офицеров из этой категории «окруженцев», то соответственно — штрафных рот. Тем более если учесть, что массовое освобождение советских территорий проходило в период перехода наших войск в решительное наступление.

Слишком долгая проверка могла и вообще до конца войны отодвинуть возвращение проверяемых в боевой строй в то время, когда боевые потери войск нужно было восполнять. Я знаю случай, когда офицер (Усманов Ф.Б.) находился долгое время на оккупированной территории, в партизанском движении не участвовал и «проверялся» в фильтр-лагере НКВД целых 7 месяцев. Однако его другая патриотическая деятельность в оккупации была доказана, и он был восстановлен в офицерских правах без пребывания рядовым в штрафбате.

Кстати, направление боевых офицеров в штрафбаты без судопроизводства, по приказам командиров соединений, то есть такое расширение власти командиров крупных воинских формирований можно считать оправданным, но только в отдельных случаях. Это когда для судопроизводства не было времени либо совершенные ими нарушения прямо подпадали под действие некоторых специальных приказов Народного Комиссариата Обороны.

Конечно, процесс судопроизводства требовал больше времени, поэтому некоторые командиры часто прибегали к более оперативному решению виновности или невиновности офицера. Однако знаю по своим наблюдениям, что были случаи принятия таких решений «нетерпеливыми начальниками» без достаточного выяснения обстоятельств, в которых произошло нарушение, или даже простого сведения счетов отдельных начальников с непокорными подчиненными. Может, поэтому почти всегда количество направленных по приказам командиров фактически превышало количество осужденных военными трибуналами.

В феврале 1944 года наш батальон принял столько пополнения, что по численности приближался к составу стрелкового полка. Во взводах было до 40 человек, роты иногда

насчитывали до 200 бойцов, а батальон — около 800 «активных штыков», как говаривали тогда, то есть в 3 раза больше обычного пехотного батальона. Были сформированы все предусмотренные по штату роты, в том числе — пулеметная, противотанковых ружей и 82-мм минометов, в которой взводным оказался наш Муся-Миша Гольдштейн. Командиром этой роты был запомнившийся какой-то немногословной общительностью капитан Тавлуй Павел Семенович, немного медлительный, и, казалось, его было трудно вывести из состояния спокойного равновесия.

Несколько слов «по поводу». Павел Тавлуй, водивший в Рогачевский рейд минроту без тяжелых 82-мм минометов как стрелковую, был настолько одержим получением боевого опыта во всех ипостасях, доступных в штрафбате, что попросился у комбата после освобождения Рогачева дать ему, минометчику, покомандовать стрелковой ротой. В этом качестве он хорошо проявил себя и в обороне, и при взятии Бреста. И вот тогда, когда со взятием Бреста мы завершили уже и освобождение от фашистских оккупантов всей Белоруссии, майор Тавлуй вместе с начальником разведки, тогда уже капитаном Тачаевым, был направлен на фронтовые курсы комбатов. Место командира минометной роты занял один из командиров взводов этого подразделения, капитан Пекур Федос Ильич, белорус огромного роста, невозмутимостью характера не очень отличавшийся от своего предшественника.

Забегая вперед, скажу, что Тавлуй, получив после курсов назначение комбатом в обычную часть, в батальон к нам больше не вернулся, а вот Борис Тачаев, наоборот, отказался от такой перспективы и настоял на возвращении в штрафбат, хотя и только на должность командира пулеметной роты.

Но это был «экскурс в будущее». А тогда, к середине февраля 1944 года, наш начальник разведки Борис Тачаев получил звание капитана, и однажды вечером небольшая группа офицеров отметила это дружеским коллективным ужином, не без спиртного, но в очень скромном количестве, не более привычной «наркомовской сотки».

Буквально через день-два нам показалось, что по какой-то неофициальной команде стали сокращать, казалось, безразмерные по времени и физической нагрузке часы боевой подготовки, стали больше времени отводить на отдых. Появились даже часы личного времени, в которые рекомендовали и письма родным написать, и обмундирование и обувь подремонтировать, для чего были организованы мастерские из умельцев-штрафников. Бывалые штатные офицеры и бойцы стали

поговаривать о том, что через день-два получим боевую задачу, о которой — в следующей главе.

Глава 5
Рождение 8-го офицерского штрафбата

Сталинградская битва, враг рвется за Волгу,
Захватил Дон, Кубань, занимает Кавказ,
Только русские верят:
«Теперь уж недолго,
Как начнем наступать — жди, Германия, нас!»

Анатолий Молчанов, ленинградский поэт

Артобстрел, минометы, винтовка и штык,
Зубами к победе сквозь этот ад,
Перед глазами победа — один только миг:
Только вперед — и ни шагу назад!

Рамиль Биктимиров

Когда меня из резерва офицерского состава Белорусского фронта назначили в командный состав 8-го офицерского штрафного батальона, у меня какое-то представление о штрафбатах уже имелось, но как далеко оно оказалось от реального! Это был тот самый штрафбат, который формировался одним из самых первых, еще на Сталинградском фронте в 1942 году, всего только через полмесяца после объявления исторического документа, Приказа НКО № 227 от 28 июля 1942 года, получившего в армейской среде название Приказ Сталина «Ни шагу назад!».

Многие из читателей, наверное, помнят, что мы, штрафбатовцы, «для внутреннего пользования» нарекли эту дату, 28 июля, как «День штрафника» в честь того самого знаменитого

сталинского приказа, не только учредившего штрафбаты. Это дата издания эпохального приказа в самые критические для Родины дни, который наметил и обеспечил коренной перелом в тяжелой, с долгими отступлениями войне.

Наверное, не случайно эта дата удивительным образом очень точно совпала с Днем крещения Руси, важнейшим историческим событием, о котором не мог не помнить автор приказа Сталин, учившийся в свое время в духовной семинарии. Безусловно, день 28 июля 1942 года тоже можно считать днем своеобразного «Огненного крещения» нашей страны. Вместе с праздником Крещения нашей России нам есть что отметить, есть что вспомнить и есть КОГО вспомнить в этот столь значимый ДЕНЬ РОССИИ. Может, придет еще время, когда в нашей стране этот день, 28 июля, будет если и не праздничным, то важной датой исторического календаря Великой Отечественной войны.

Наш штрафбат первым был создан на Сталинградском фронте в соответствии с приказом по фронту № 073 от 13.08.1942 года и имел тогда № 1. Ему предстоял особо долгий боевой путь от Сталинграда до Берлина. На этом фронте началось формирование штрафбатов потому, что именно там, на Волге, решалась тогда судьба Советского Союза.

Первым командиром этого батальона был гвардии майор Григорьев Яков Федорович. Почти одновременно с ним формировался штрафбат Воронежского фронта и еще некоторые другие. На любом фронте, где потом появлялись штрафбаты, их нумерация начиналась с № 1.

Первым комиссаром нашего штрафбата был Ларенок Павел Прохорович — батальонный комиссар по воинскому званию.

Я постоянно ищу документальные материалы о 8-м ОШБ. К сожалению, мне пока не удалось «добыть» более подробных сведений о первом комбате Григорьеве, но мои поиски иногда приводят к очень важным подробностям. В архивах газеты «Советская Россия» за 11.11.2007 года нашел статью о том самом батальонном комиссаре, Павле Прохоровиче Ларенок, присланную в газету его сыном Анатолием, к сожалению, уже покинувшим наш мир. Полагаю, он не был бы на меня в обиде, если часть его статьи я включу в эту главу, тем более что свидетельства первого комиссара только усилят документальность моей книги. Вот некоторые фрагменты из воспоминаний комиссара Ларенка.

Фрагмент первый о том, как подбирались командиры и политработники в командный состав штрафбата. Я привожу его с некоторыми сокращениями:

«В первых числах августа 1942 года меня вызвали к начальнику политуправления фронта тов. Галаджеву. После непродолжительной беседы он предложил мне должность… комиссара штрафного батальона. Я согласился и через два часа был представлен Командующему фронтом Рокоссовскому. Был час ночи, когда я впервые в жизни увидел прославленного генерала. — Не струсите? — спросил Рокоссовский. — Это более опасная служба, чем в обычных частях. В бой поведете командиров. И сами пойдете рядом. — Не струшу, — ответил я. Дальше разговор велся в непринужденной форме. Рокоссовский расспросил меня о родителях, о семье, которая оказалась на оккупированной территории, о службе в армии. Потом Рокоссовский вызвал адъютанта и распорядился подготовить два приказа: один — о присвоении мне звания батальонного комиссара (я был старшим политруком), другой — о назначении меня комиссаром штрафного батальона. Рокоссовский встал из-за стола, крепко сжал мою руку и поздравил с присвоением очередного звания и назначением на новую должность».

Фрагмент второй — о дисциплине, вооружении и снабжении штрафников, искуплении ими вины:

«Дисциплина у нас была железная. Не помню ни одного случая неповиновения. Мы были хорошо вооружены, отлично обмундированы, ежедневно получали традиционные сто граммов. Ни в чем не было недостатка. Получивших ранение, даже незначительное, или совершивших героический поступок без промедления отправляли в тыл, он восстанавливался в прежнем звании. Если отличился в бою, награждался и по выздоровлении направлялся на фронт в обычную часть».

Далее Анатолий Ларенок рассказывает, что его отец в августе 1943 года был тяжело ранен. С поля боя его вытащил штрафник по фамилии Попелыш, который сам получил ранение в ногу. Их вместе доставили в госпиталь. Войну закончил в Берлине, там он встретился с… майором Александром Попелышем, который участвовал в штурме Рейхстага. Так обычно складывались взаимоотношения офицеров-штрафников с офицерами постоянного состава. Примеров этому в моей книге читатель встретит немало.

Сын моего фронтового товарища, политработника майора Пиуна прислал мне воспоминания отца, в которых рассказывается, как был назначен в сентябре 1942 года в постоянный состав штрафбата тогда еще политрук Пиун Павел Ильич. Он воевал в 8-м ОШБ вначале политруком минометного взвода (по штату штрафбата политработники были предусмотрены и во взводах, чего не было в обычных подразделениях), а после упразднения политруков — агитатором батальона:

> «Офицерский состав 27-го ОПРОСа Сталинградского фронта построили для получения назначений в боевые подразделения. Представитель кадрового аппарата фронта был, видимо, человеком, любившим пошутить. Объявив, что требуется командный состав в штрафной офицерский батальон, он спросил, есть ли добровольцы. Вперед никто не шагнул. „Тогда, — продолжил кадровик, — добровольцы такие-то, выйти из строя“. И назвал несколько фамилий, в том числе фамилию Пиун».

Возвращаясь к первым дням формирования нашего штрафбата, можно утверждать, что днем рождения штрафного батальона, одного из первых в истории Великой Отечественной войны на Сталинградском фронте, надо считать не 15 августа, когда майор Григорьев, назначенный приказом по фронту, прибыл в батальон и издал приказ № 1 о вступлении в должность комбата, а 2 августа, буквально на 5-й день после издания Приказа № 227.Хотя в перечне Генштаба ОШБ № 1 Сталинградского фронта его существование обозначено 1.08.1942 года, но именно 2 августа прибыла первая группа офицеров командного состава и стало поступать пополнение батальона в село Самофаловка Сталинградской области. Кто не помнит известной фразы Яшки-артиллериста из фильма «Свадьба в Малиновке»: «Был бы начальник, а гарнизон приложится». Здесь же вначале был «гарнизон», а его командир «приложился» только на 13-й день. Вот он и продолжил формировать свой «гарнизон» и делал с ним первые шаги непростого боевого пути.

Пользуясь тем, что мы располагаем сегодня ксерокопией приказа № 2, считаю целесообразным в основном привести его содержание, как документа по формированию первого в истории Красной Армии штрафного офицерского батальона, созданного по приказу «Ни шагу назад!».

Приказ

По 1-му Штрафному батальону Сталинградского фронта

15 августа 1942 г. № 2 с. Самофаловка

По части строевой

§ 1

Прибывший 2.08.42 г. старший и средний начальствующий состав назначаю на следующие должности:

Капитан Чернявский Григорий Петрович — зам. командира батальона.

Капитан Лобань Григорий Иванович — адъютант старший.

Старший лейтенант Заборовский Николай Петрович — адъютант.

Капитан Черный Спиридон Григорьевич — командир 1 стр. роты.

Капитан Юхта Иван Лукич — командир 2 стр. роты.

Капитан Блинов Григорий Иванович — командир 3 стр. роты.

Лейтенант Носач Василий Антонович — заместитель командира 1 стр. роты.

Ст. лейтенант Новиков Александр Яковлевич — заместитель командира 2 стр. роты.

Ст. лейтенант Колитвинцев Михаил Андреевич — зам. командира 3 стр. роты.

Ст. лейтенант Лебедев Алексей Степанович — командир 1 стр. взвода 1 стр. роты.

Лейтенант Титенко Иван Алексеевич — командир 2 стр. взвода 1 стр. роты.

Ст. лейтенант Пономарев Тихон Тимофеевич — командир 3 стр. взвода 1 стр. роты.

Лейтенант Иванов Федор Андреевич — командир 1 стр. взвода 2 стр. роты.

Лейтенант Майский Владимир Васильевич — командир 2 стр. взвода 2 стр. роты,

Лейтенант Пичугин Василий Григорьевич — командир 1 стр. взвода 3 стр. роты.

Лейтенант Соколов Евгений Леонидович — командир 2 стр. взвода 3 стр. роты.

Лейтенант Филиппов Василий Иванович — командир взвода снабжения.

Капитан Кучеренко Михаил Петрович — командир роты ПТР.

Ст. лейтенант Чесноков Степан Матвеевич — командир 1 взвода роты ПТР.

Лейтенант Терещенко Михаил Григорьевич — командир 2 взвода роты ПТР.

Военфельдшер Винник Даниил Акимович — командир санитарного взвода.

Интендант 3 ранга Перельман Яков Моисеевич — помощник командира по снабжению.

Техник-интендант 2 ранга Измайлов Иван Петрович — начальник ПФС.

Техник-интендант 2 ранга Кукоякин Стенарий Иванович — начальник ОВС.

Военврач 3 ранга Синонов Виктор Яковлевич — начальник санслужбы

Начальникам ПФС и ОВС зачислить прибывший начальствующий состав на все виды довольствия согласно имеющихся аттестатов.

§ 2

Лейтенант госбезопасности Ефимов Павел Тимофеевич приступил к исполнению служебных обязанностей Оперуполномоченного Особого Отдела НКВД Сталинградского фронта по обслуживанию 1-го Штрафного батальона.

Командир 1-го ОШБ Сталинградского фронта Гвардии майор Григорьев

Военком батальона батальонный комиссар Ларенок,

Начальник штаба капитан Лобань.

Уже тогда батальону предписывалось иметь в своем составе 3 стрелковых роты по 3 взвода, роту противотанковых ружей (ПТР) двухвзводного состава. Для управления и обеспечения боевых действий батальона в нем были сформированы штаб, тыловые службы, хозяйственный и санитарный взводы. Несколько позже, когда стала совершенно ясной необходимость надежной охраны штаба с огромным количеством персональных документов (в том

числе личных дел на каждого офицера-штрафника), было предусмотрено иметь и комендантский взвод. При этом все эти отдельные взводы обеспечения и охраны комплектовались рядовыми и сержантами постоянного состава. Даже в самих ротах штрафников были не только старшина роты и писарь-каптенармус из постоянного сержантского состава, но по самому первому штатному расписанию полагалось еще и отделение (5–6 человек) санитаров-рядовых, не штрафников, во главе с санинструктором-сержантом.

Когда командовал ротой уже я, в роте кроме офицеров были из постоянного состава только старшина да писарь-каптенармус. Был период, когда в ротах штатные санитарные отделения комплектовали уже не санитарами-рядовыми, а **штрафницами** из числа женщин. Так как направление в штрафбаты женщин со временем было прекращено, в дальнейшем и это положение претерпело изменения. Оказание помощи раненым стало возлагаться на самих бойцов-переменников при равномерном распределении по подразделениям медицинских специалистов-штрафников, выдавая на каждое отделение дополнительное количество ИПП (индивидуальных перевязочных пакетов).

О том, насколько строго подбирался командный состав в боевые подразделения батальона, говорят и следующие документы:

«Приказ по 1-му ОШБ № 8 от 21.08.1942 г.

…Находящиеся на должности командиров взводов Манский Владимир Васильевич и Соколов Евгений Леонидович показали себя неинициативными, слабо подготовленными, нетребовательными командирами, что не дает возможности справляться со взводами 1-го Штрафного батальона. Лейтенантов Манского В.В. и Соколова Е.Л. от должности командиров взводов отстраняю с направлением в распоряжение Отдела кадров. Одновременно прошу Отдел кадров прислать замену.

Командир 1-го ШБ Гв. майор БУРКОВ,

Батальонный Комиссар ЛАРЕНОК,

Начштаба капитан ЛОБАНЬ».

Или вот выписка из другого приказа по штрафному батальону:

> «За попытку уклонения от командировки к передовой линии фронта командира стрелковой роты капитана Юхту Ивана Лукича от занимаемой должности отстраняю, направляю в Отдел кадров фронта и ходатайствую перед Военным Советом о снижении его в воинском звании до лейтенанта».

Первый бой батальона, вернее, только роты, сформированной из имеющегося в нем личного состава, произошел 9-10 октября 1942 года. На этот бой командир батальона получил боевое распоряжение Донского фронта № ОУ/0127 от 2.10.42 г. и в тот же день издал приказ № 47:

> «1. Сформировать маршевую роту численностью 116 человек <…> с вооружением: станковых пулеметов — 2, ручных пулеметов — 12, ППШ — 36, винтовок — 60. В 16.00 отправить по маршруту <…> и к исходу 3.10.42 сосредоточиться в Садки.
>
> 2. Для сопровождения роты и передачи ее в распоряжение Командующего 24-й Армией выделяю своего заместителя — капитана Чернявского».

Я специально привожу текст этого приказа, чтобы дезавуировать вымыслы досужих сочинителей о том, что штрафников гнали в бой даже без оружия. Обратите внимание: на 116 человек — 110 единиц стрелкового вооружения, не считая наганов, полагавшихся первым номерам пулеметных расчетов. При этом автоматического оружия — 50 %! Да, к слову, и никаких заградотрядов: сопровождает роту штрафников всего-то один капитан, заместитель комбата. Первые боевые потери: погибли три штатных офицера (командир роты капитан Блинов Григорий Иванович, командиры взводов лейтенанты Герасимов Александр Прокопьевич, Иванов Федор Андреевич) и 21 офицер-штрафник.

Обратите внимание еще на один документ ЦАМО РФ:

Приказ по 1-му ОШБ № 70 от 26.10.1942 года

> «Полагать убывшими в действующую армию 1-ю стрелковую роту в составе:
>
> Комсостава — 14 чел; младшего начсостава и

рядовых — 3 чел., переменного состава — 37 чел.; итого — 54 чел.»

Слова «в действующую армию» подчеркивают, что все остальные, числящиеся в штрафбате, к боевым действиям не были причастны. Да и рота в 37 бойцов — это фактически только полный взвод. Наверное, некогда было ждать достаточного пополнения, хотя со времени отправки роты в составе 116 бойцов прошло три недели.

Вероятнее всего, еще даже не полностью сформированную роту тоже потребовалось «пустить в дело». Не так уж много было тогда «проштрафившихся» офицеров, хотя время под Сталинградом было напряженное. Зато на 37 бойцов — 14 офицеров постоянного состава! Все-таки «активные штыки»!

Первые серьезные боевые потери наш штрафбат (вернее, его одна рота) понес на высоте 108,4 в районе села Котлубань в полосе действий 24-й армии генерала Галанина Ивана Васильевича.

Уже значительно позднее, изучая труды военачальников, я обнаружил в книге генерала Горбатова «Годы и войны» данные о том, что, получив тогда назначение заместителем командарма-24 генерала Галанина, он постоянно держал под контролем наиболее ответственные участки армии. Конечно, в этой книге из тогдашних строгих цензурных ограничений не могло быть упоминаний о штрафбатах. Но мне кажется вполне естественным, чтобы А.В. Горбатов, с его неугомонным характером, да еще имевший за плечами годы лишения свободы, поинтересовался и участком, на котором впервые действовала только что сформированная рота офицерского штрафного батальона.

Это допущение я делаю на основе того внимания к штрафбату, которое проявил Александр Васильевич при действиях нашего штрафного батальона в составе его 3-й армии при освобождении белорусского города Рогачева в феврале 1944 года. Там командарм Горбатов проявил истинную заботу о сохранении и досрочном освобождении штрафников за боевые заслуги «без пролития крови». Но об этом подробнее в свое время.

Из донесений 8-го ОШБ (фонды ЦАМО РФ) можно представить тогдашний штрафной контингент. Например, за период со 2.10.1942 г. по 1.01.1943 года в батальон поступило всего 331 человек: 154 осужденных Военными трибуналами и 177

— по приказам комдивов и выше — за трусость, неустойчивость и другие прегрешения на поле боя. За это же время было 71 убитый и 138 раненых (209 человек, или более 60 %!). Они, как говорят, искупили свою вину кто кровью, а кто и жизнью. А вот еще один документ из Архива Минобороны:

Донесение Начштаба 8-го ОШБ

начальнику Отдела укомплектования Донского фронта № ОУ/027:

«Доношу, что рота, сформированная в количестве: старший и средний начсостав — 16, младший начсостав — 2, рядовых — 1, переменников — 111.

12 января 1943 года в 5.00 отправлена в распоряжение 252 сд 65 А для выполнения боевых задач.

НШ 8-го ОШБ майор Лобань».

Как видно, батальон едва успевал формировать полнокровные роты, а их уже ждали боевые задачи. Кстати сказать, 8-й штрафбат за свою боевую историю по крайней мере трижды передавался в 65-ю армию для выполнения боевых задач. Отмечу, однако, что штрафники, да и мы, их командиры, каждый раз чувствовали неприязненное отношение командарма Батова.

Читателю, безусловно, интересно, какая категория офицеров попадала в штрафники. Вот несколько цифр из другого донесения за период с первых дней существования 1-го ОШБ Донского фронта по 30 декабря 1942 года:

Начальников штабов дивизий, бригад и им равных — 6;

Командиров полков, батальонов, дивизионов — 274;

Командиров рот, батарей взводов, зам. ком. роты — 152;

Штабных офицеров полка, батальона — 12;

Политработников — 37;

Офицеров военно-воздушных сил — 24;

Начальников служб, складов, арт. и автотехников — 17;

Работников райвоенкоматов, военторга — 2;

Секретарь Военного трибунала — 1;

Оперуполномоченный Особого Отдела НКВД — 1.

По воинским званиям:

Полковник и равные ему — 1;
Подполковник и равные — 4;
Майор и равные — 5;
Капитан и равные — 26;
Старший лейтенант и равные — 44;
Лейтенант, младший лейтенант и равные — 199;
Лейтенант госбезопасности — 1.

Как видно из приведенных списков, «неприкасаемыми» не были ни политработники, ни сотрудники военных трибуналов, ни даже уполномоченные Особых отделов. А вот бывших военнопленных или вышедших из окружения тогда еще в штрафбате не было. Они в значительном количестве появятся позже, когда наши войска станут освобождать временно оккупированные территории.

Во исполнение приказа № 09/125 от 30.09.1942 года командующего войсками Донского фронта генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского 1-й ОШБ переведен с временного на постоянный штат № 04/393. Этим же приказом личный состав расформированного 2-го ОШБ в количестве 36 человек передавался в состав 1-го ОШБ.

Значит, вначале было сформировано в составе Донского фронта два штрафных батальона в пределах норм, установленных Приказом № 227, но, видимо, сам приказ уже сработал на укрепление дисциплины, и подходящего числа трусов и паникеров недоставало, чтобы заполнить всю предусмотренную емкость штрафбатов до 800 человек! И свели эти два штрафбата в единый. При этом переведенных из второго оказалось всего 36 человек вместе с командным составом!

Менее чем через 3 месяца, 3 ноября 1942 года, произошла смена комбатов. В должность командира 1-го штрафбата на основании приказа войскам Донского фронта № ОКФ/3010 вступил майор Бурков Дмитрий Ермолович. Но Бурков, в свою очередь, был заменен уже более чем через 7 месяцев. Видимо, твердых норм здесь не существовало. Все диктовалось обстановкой.

Теперь еще раз о том, как штрафные офицеры освобождались от наказания и смывали свою вину перед Родиной. Ходили слухи, а многие современные СМИ и теперь продолжают муссировать всякого рода «факты» о штрафниках как о «париях войны», то есть «отверженных, бесправных, жалких», как трактуется это слово в

толковом словаре русского языка Д.И. Ушакова.

Но вот пока один из многих документов, где «переменниками» называются штрафные офицеры, ставшие на время пребывания в штрафбате «временными солдатами».

Из донесения командира 1-го ОШБ за ноябрь 1942 года.

21 ноября 1942 года пали в бою 3 замкомвзвода[1] и 5 переменников, ранены 1 комроты, 2 комвзвода и 11 переменников. 22 ноября погибло 3, ранено 10 переменников, 27 ноября ранено 17 переменников.

29 ноября из батальона по результатам предыдущих боев отчислено: по ранениям — 18 чел.; досрочно как проявивших себя в боях — 5 чел; отбывших срок — 9 чел.

Этот документ ЦАМО РФ опровергает слухи о том, что штрафникам тогда было лишь два выхода: ранение или смерть. Как видно из этого донесения, были еще и третий, и даже четвертый выходы — проявить себя (**как надо!**) в бою и, наконец, по истечении «отмеренного» срока.

О звании штрафников. Я много раз слышал, будто в других штрафбатах просто к бывшему воинскому званию штрафника добавлялось слово «штрафной» (например, «штрафной майор») или вообще все именовались «штрафными рядовыми». Скорее всего то были либо «местные» решения — в каждом батальоне свое, либо выдумки несведущих, такие же, как сдирание с пилоток и шапок армейских звездочек или «безоружные штрафники». Но у нас в батальоне, и как мне удалось установить, в других штрафбатах, например в 9, 10, 13, 14 и 16-м ОШБ, был такой же порядок: официально было принято название всех штрафников одинаково: «боец-переменник». Как говорили ветераны, чтобы лишний раз не травмировать психику «временных солдат», не подчеркивать их «штрафное» положение, едва ли способствующее их «перевоспитанию», было принято всех относящихся к переменному составу батальона называть именно «бойцами-переменниками», в действительности просто «бойцами», а не «штрафниками». К своим командирам они обращались, как обычно принято в армии, например «товарищ капитан», а не «гражданин начальник», как это демонстрировали киношники в телесериале «Штрафбат» Володарского-Досталя, или «гражданин капитан», как утверждают многие писаки, не знающие истинной правды о штрафбатах. Видимо, они полагают, что штрафные формирования — это не что иное, как военная тюрьма на фронте, со всеми тюремными или лагерными манерами. Бедная же у них фантазия!

Что касается нумерации штрафбатов, то со временем и это

было приведено к единым правилам в масштабе всей Красной Армии. Штрафбат Донского фронта № 1, как таковые и на других фронтах, получили единую нумерацию. Приказом по батальону № 120 от 14.12.1942 года было объявлено, что «на основании Распоряжения Начальника Оргштатного Управления Главного Управления Формирования Красной Армии № ОРГ/2/789500 от 25.11.1942 года Отдельному Штрафному батальону Донского фронта присвоен № 8».

Присваивали им номера, начиная с правого, северного, фланга. На Ленинградском фронте ОШБ получил номер 1-й, на Волховском — № 2, 3-й номер достался Северо-Западному фронту, 4-й — Карельскому, 5-й номер получил батальон Калининского фронта, и так далее. Нашему батальону присвоили № 8, а батальону Воронежского фронта — № 9. Так сложилась военная судьба этих двух последних штрафбатов, что они оказались в числе первых из созданных по приказу № 227, и последних, дошедших до конца войны, до Берлина, до Победы. И прекратили они свое существование после сдачи всех документов в архив в августе 1945 года, 8-й под Берлином, 9-й — под Прагой.

Ко времени Курской битвы батальон уже состоял из штаба, трех стрелковых рот, роты автоматчиков, пулеметной, минометной и роты противотанковых ружей, взводов комендантского, хозяйственного, связи. Был в батальоне и медико-санитарный взвод с батальонным медпунктом. И конечно же, представитель «Особого отдела СМЕРШ».

Оклады денежного содержания офицерам постоянного состава были установлены штатным расписанием и составляли

Командир батальона и его заместитель по политчасти — 900 рублей[2]

Заместители командира батальона по строевой части — 1300 рублей

Начальник штаба батальона — 1200 рублей

Помощники начальника штаба (ПНШ) — 1000 рублей

Командиры рот, их заместители по политчасти — 1000 рублей

Заместители командиров рот — 900 рублей

Командиры взводов в ротах, ком. санвзвода (врач) — 800 рублей

Фельдшер медпункта батальона — 750 рублей

Оклады ротных и взводных командиров были на 100 рублей выше, чем в стрелковых батальонах, то есть такие же, как в

гвардейских частях. Это и послужило поводом для шутки о том, что наш батальон — «почти гвардейский!». О штатной структуре батальона того времени написал мне в своих памятных записках и мой фронтовой друг по штрафбату Петр Загуменников, включенный в состав батальона перед Курской битвой. Тогда еще в каждой роте и каждом взводе, кроме их командиров, предусматривались офицерские должности заместителей по строевой части и комиссаров рот, политруков взводов. Вскоре офицерские должности комиссаров рот, заместителей командиров взводов и политруков этих подразделений упразднили.

Я никогда не имел личного представления об армейской штрафной роте, поэтому тут приведу часть публикации полковника юстиции Андрея Мороза в «Красной звезде» 11 апр. 2007 года.

> «Штатом роты кроме командира и его заместителя предусматривались должности трех командиров взводов, трех их заместителей по строевой части, заведующего делопроизводством — казначея и фельдшера в офицерском звании. Предусматривался и внушительный состав политработников: военный комиссар, агитатор роты и три взводных политрука. В октябре, после восстановления в Красной Армии единоначалия, политработники начали поступать уже не военными комиссарами и политруками, а заместителями командиров по политчасти».

Видимо, такое значительное насыщение командного звена и политсостава штатными офицерами в штрафных подразделениях предполагалось исходя из того, что иначе управляться со штрафниками, а в штрафбате особенно, где все они в бывших офицерских званиях до полковника, будет невозможно. Однако, как оказалось, эта проблема была перестраховочной, и в ротах оставили по одному «строевому» заместителю, и то не всегда, во взводах же их вообще заменили двумя замкомвзводами из числа самих штрафников.

Правда, подобное сокращение количества намечавшихся ранее политработников в батальоне позволяло, оказывается, содержать сравнительно большой политаппарат при заместителе комбата по политчасти.

Вот в таком уже «причесанном» по опыту боев штрафном **офицерском** батальоне я и оказался в декабре 1943 года. Еще раз утверждаю, что неофицерских штрафбатов в те годы на фронте

просто не могло быть, если только местное командование не шло на какое-нибудь упрощение, выгодное на данный момент! И попытки некоторых, с позволения сказать, «историков» навязать мысль о том, что из штрафных рот формировались штрафбаты, из них штрафные полки, а из последних даже штрафные дивизии и чуть ли не целые штрафные армии, не более чем бред психически нездоровых людей. А этими «откровениями», например, пытались убедить телезрителей авторы «документального» фильма «Воры в законе», кажется, еще в 90-х годах.

Поскольку я находился в штрафбате только с конца 1943 года, то боевых действий батальона до этого времени буду касаться лишь по документам Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО РФ) и воспоминаниям моих «одноштрафбатовцев», в том числе того же Петра Загуменникова, а также бывшего штрафника, полковника в отставке Семена Басова. Он угодил в «переменники» нашего штрафбата под Курском, как и многие другие бежавшие из немецкого плена, вышедшие из окружения не в составе подразделений. Сюда же направлялись те, кто долго был на оккупированной территории и не участвовал в партизанском движении, хотя основная часть из них направлялась в Отдельные штурмовые (не штрафные) стрелковые батальоны, о них пойдет речь особо.

Восьмой Отдельный штрафной (офицерский) батальон, как я уже говорил, начал свою «биографию», как 1-й ОШБ Сталинградского, а затем Донского и Центрального фронтов. На Центральном фронте ему предстояло принять участие в Курской битве уже не поротно, как прежде, а в составе батальона по полному штату, до 800 человек, как это было определено Приказом № 227. Стал он таким в конце марта 1943 года в селе Змиевка, недалеко от города Орел. Постоянный состав управления батальона и его подразделений пополнялся в основном за счет офицеров, получивших боевой опыт в Сталинградской битве. А пополнение переменным составом шло обычным, «явочным» порядком, когда штрафники самостоятельно прибывали в батальон, и даже целыми подразделениями, сформированными при запасных полках. Так 26 апреля 1943 года комбат, тогда еще майор Бурков в приказе по батальону № 115 записал: «сформированную новую роту штрафников при фронтовом запасном полку подчинить мне».

Вот когда батальон был пополнен по полному штату до 800 человек и в нем было уже 7 полнокровных рот, у комбата (штатная категория «полковник») стало два общих заместителя, начальник штаба и замполит (по штатному расписанию

«подполковники»), а также помощник по снабжению. У начальника штаба — уже четыре помощника (ПНШ-1, -2, -3, -4) — майоры. Можно только представить, сколько штабной, канцелярской работы по учету офицерских документов, личных дел, всякого рода аттестатов, приговоров, постановлений, справок, выписок из приказов и т. п. на почти тысячу офицеров с учетом текучести переменного состава… Поэтому и штат штаба такой, да еще много делопроизводителей, писарей.

В каждой роте могло быть до 200 бойцов, они по численному составу фактически приближались к обычному стрелковому батальону, а штрафбат в полном составе скорее приближался к стрелковому полку первого эшелона, которые почти никогда не бывали укомплектованными полностью. Штатная должность командира роты — «майор», его заместителей и командиров взводов — «капитан», что на одну ступень выше, чем в обычных частях. И дисциплинарная власть всех командиров подразделений по отношению к штрафникам, что на время пребывания в штрафбате становились рядовыми, была также соответственно выше на ступень. Командир батальона имел права командира дивизии, то есть мог за какие-нибудь провинности назначать новые или дополнительные «штрафные» сроки, предавать суду военного трибунала и т. д.

Батальон начал формировать по полному штату под Курском еще майор Бурков, но когда штрафбат стал приобретать вид самостоятельной боевой единицы, способной выполнять автономно боевые тактические задачи, командование фронтом решило передать его в руки более опытного командира.

Приказом войскам Центрального фронта № 0272 от 11.05.1943 года, подписанного его Командующим генералом Рокоссовским, назначен командиром 8-го Отдельного штрафного батальона подполковник Осипов Аркадий Александрович.

К концу мая батальон был в основном сформирован и занял оборону на участке Малоархангельское (Орловской области) — Поныри (Курской области). Здесь, на Курской дуге, впервые штрафной батальон был введен в бой по штату № 04/393, где и принял боевое крещение уже в полном составе как полнокровная, самостоятельная боевая единица. Под командованием подполковника А.А Осипова 8-й ОШБ в упорных, жестоких боях в течение почти двух месяцев надежно держал оборону и отстоял позиции, отведенные ему.

Здесь приведу один приказ по батальону, которым буквально за 3 дня до перехода в наступление комбат Осипов поднял дух личного состава.

Приказ по 8-му Отдельному штрафному батальону Центр. фронта

12 июля 1943 г. № 160 Д. Армия

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22 декабря 1942 г. за участие в героической обороне гор. Сталинграда награждены медалью «За оборону Сталинграда» бойцы, командиры и политработники 8-го Отдельного штрафного батальона ЦФ.

Вручая высокую награду от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, выражаю полную уверенность, что личный состав батальона в борьбе с коварным врагом всего человечества — немецким фашизмом — покажет образцы мужества и отваги. (Медали «За оборону Сталинграда» вручаю согласно прилагаемого акта на выдачу таковых.)

Командир 8-го ОШБ ЦФ подполковник Осипов.
Начальник штаба капитан Рубилов.

15 июля, прорвав вражескую оборону, батальон перешел в наступление на Тросну. Уже в первые дни наступления штрафбат понес существенные потери: погибло 88, пропало без вести 23, ранено 159.

Ранее, как уже говорилось выше, в бой отправлялись не только отдельные роты численностью 100 и более человек, как это было в первом бою в начале ноября 1942 года, но и малокомплектные роты численностью едва более 50 человек.

К началу Курской битвы в числе «переменников» находились только 39 человек по приказам командиров, зато 207 по приговорам Военных трибуналов и 452 бывших в плену, окружении и на оккупированной территории (почти 65 %!), или как мы их всех потом привыкли называть, «окруженцы», избегая термина «пленные» и т. п. Вот они и были тогда основной составляющей штрафбата! Среди бойцов-переменников находилось и 8 женщин. Это потом, говорят, было личное указание командующего фронтом генерала Рокоссовского о запрете направлять в штрафные формирования женщин, которое впоследствии узаконено специальной Директивой Генштаба № 1484/2/орг 19.09.1943 г.

Вот некоторые данные о составе штрафников батальона по родам войск и служб, воевавших на Курской дуге:

Пехотных командиров — 270
Артиллеристов и минометчиков — 131
Офицеров бронетанковых войск — 22
Офицеров инженерных подразделений — 17
Офицеров военно-воздушных войск — 8
Офицеров остальных родов войск и служб — 126
Офицеров политсостава, юристов — 59
Административной и интендантской служб — 65

А вот данные о штрафниках того времени по возрасту (полных лет):

18–21 лет — 65
22–26 лет — 188
27–31 лет — 234
32–36 лет — 117
37–46 лет — 86
47 лет и старше — 8

Таким образом, в то время самый «популярный» возраст штрафников — от 22 до 36 лет, что составляло 77 % от всего переменного состава. Наверное, тогда эта цифра соответствовала и возрастному составу офицерского корпуса Красной Армии.

Теперь некоторые данные о вооружении батальона.

Передо мной «Донесение о численном и боевом составе 8-го Отдельного штрафного б-на ЦФ по состоянию на 30 июня 1943 года». Если по штату батальону полагалось 435 винтовок, то в наличии было на 100 больше, правда, автоматов вместо 139 имелось на 44 меньше. Ручных пулеметов было 27, что полностью покрывало потребность 9 стрелковых взводов в 3 ротах. Противотанковых ружей — 16, ротных 50-мм минометов — по одному на каждый взвод и т. д. Эти данные для тех, кто пытается убедить, что штрафников гнали в атаку даже вовсе безоружными.

Ну и еще в дополнение к этим цифрам: лошадей в батальоне был тогда некомплект. Вместо 49 предусмотренных по штату имелось только 29. Зато было 2 грузовых автомобиля. Это потом, с ходом боевых действий, парк автомобилей неуклонно прирастал. Между прочим, в батальоне даже был один легкий танк! Но скорее он не был боевой единицей, а представлял собой «гордость» батальона. Экипаж этого советского танка, подбитого немцами, погиб, а штрафники-танкисты сами восстановили его, вот так он и «вошел в штат» батальона.

Знакомый уже читателю военинженер 3-го ранга Басов, бывший тогда штрафником 8-го ОШБ, в этих боях был ранен в

голову. Как он рассказывал, рану перевязал ему его командир взвода, вскоре погибший в тех же боях (фамилия его накрепко у Басова забылась). По возвращении в батальон после госпиталя Басов был ознакомлен с приказом командующего Центральным фронтом за подписями генерала армии Рокоссовского и члена Военного совета фронта генерала Телегина, и ему вручили выписку из этого приказа. Вот она:

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА

ВОЙСКАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА

25 августа 1943 г. № 0601 Действующая Армия

В соответствии со статьей 18 Приказа Наркома Обороны СССР № 298 от 28.09.42 г. переменный состав 8-го Отдельного Штрафного батальона Центрального фронта, проявивший в боях на фронте мужество, отвагу и получивший ранение в бою, отчисляется из Штрафного батальона, восстанавливается в правах начальствующего состава и препровождается на ранее занимаемую должность:

3. Бывший инженер технической роты 409 Отдельного строительного батальона Киевского укрепрайона военинженер 3 ранга тов. Басов Семен Емельянович, 1915 года рождения г. Фатеж Курской области, русский, служащий, образование высшее общее, Ленинградский автомобильно-дорожный институт в 1938 году, военного не имеет, в Красной Армии с 1941 года, в батальон поступил 11.05.43 г. на 2 месяца по решению Комиссии в соответствии с Директивой Военного Совета Центрального фронта № 00553 от 11.03.43 г., в боях действовал смело и решительно, будучи наблюдателем, смело выдвигался за траншеи переднего края, своим наблюдением добывал ценные сведения… 15 июля 1943 года ранен и госпитализирован.

Командующий войсками Центрального фронта
Генерал армии РОКОССОВСКИЙ

Член Военного Совета фронта Генерал-майор

ТЕЛЕГИН

Верно: Зав. Делопроизводством 8 ОШБ ЦФ. лейтенант а/с Хмелев И.Г.

Прибыв в часть, которая была определена ему в Инженерном управлении фронта, Басов С.Е. был восстановлен уже в новом звании — инженер-капитан.

Бои на Курской дуге, как и ранее, показали беспримерную стойкость штрафного батальона, способность вести решительное наступление и, несмотря на потери, упорно пробиваться вперед. В Курской битве батальон потерял только в день начала наступления погибшими 55 и ранеными 84 штрафника, а за неделю боевых действий в списке погибших оказалось еще 53 и пропавших без вести — 23 переменника.

Приказы о восстановлении в правах офицерского состава и воинских званиях составлялись раздельно по погибшим, раненым, освобожденным досрочно за подвиги, проявленные на поле боя, и по тем, кто отбыл определенный за преступление срок пребывания в штрафном батальоне.

Вот, например, пункт 2-й из приказа по батальону № 167 от 2.08.43 г., изданного сразу же по горячим следам боев на Курской дуге и подписанного комбатом, подполковником Осиповым:

> «На основании приказов Военного Совета Центрального фронта отчислить из батальона переменный состав:
>
> — получивших ранения в бою — 159 человек;
>
> — досрочно отчисляемые, как особо отличившиеся в боях — 68 человек;
>
> — погибшие в боях — 88 человек.
>
> Согласно пофамильного списка».

Чтобы читатель представил себе сравнительные цифры потерь, приведу данные из донесения штаба 8-го ОШБ за 19 сентября 1943 года о потерях противника в его полосе: «убито обер-офицеров — 12, унтерофицеров — 41, солдат — 450. Взято в плен — 1 солдат».

Как видите, штрафники, как правило, в плен немцев не брали, а уничтожали их.

Нужно сказать и о том, что некоторых штрафников, особо проявивших себя в боях, командование батальона рассматривало (с учетом их желания и согласия) на замещение вакантных должностей офицеров постоянного состава.

В том же приказе по 8-му ОШБ № 167 от 2.08.1943 года в

параграфе 4 записано:

Восстановленных во всех правах офицерского состава допустить к исполнению обязанностей:

— командира взвода младшего лейтенанта Ляхова Василия Николаевича, лейтенантов Соклакова Алексея Иосифовича, Краснова Александра Васильевича;

— фельдшера батальона — военфельдшера Деменкова Ивана Климовича.

Боевой путь 8-го ОШБ от Сталинградского фронта проходил далее в жесточайших сражениях на Донском и Центральном фронтах, а начиная с Курской битвы — по землям Курской области, Северной Украины, включая бои за Путивль, Бурынь, и далее по Сумской и Черниговской областям до Днепра, получая пополнение в ходе боев. И только в районе Чернигова впервые после боев на Курской дуге батальон был выведен на отдых и доформирование в село Добрянка. Надо сказать, что большие потери вынудили командира батальона Осипова прибегнуть к прежнему способу поротного боевого применения. Так Приказом № 200 от 6.09.1943 года была сформирована и передана в распоряжение командира 24-го стрелкового корпуса усиленная рота, состоящая из 3-х стрелковых взводов, взводов автоматчиков, пулеметного, противотанковых ружей и даже взвода 82-мм минометов! Численность такой роты составляла 306 штрафников и 11 офицеров. Это же почти обычный стрелковый батальон! Ей было передано 4 пароконные повозки и (важная деталь!) — только ОДНА пехотная кухня. Естественно, она не могла обеспечить горячей пищей роту такой численности, и понятно, что эта усиленная рота вставала на кухонное и прочее довольствие в части 24-го корпуса, а собственную походную кухню комбат Осипов выделял «на всякий случай». И это была важная деталь характера комбата, проявлявшего заботу о подчиненных в любой обстановке.

Получив в Добрянке непродолжительный отдых, пополнившись бойцами-переменниками, вооружением и боеприпасами, батальон был переброшен на Лоевский плацдарм реки Днепр для расширения и углубления плацдарма.

Отсюда начинаются боевые действия 8-го офицерского штрафного батальона по освобождению Белоруссии от фашистской оккупации. Как отмечалось в военно-исторической литературе об этом периоде боевых действий, бойцы дрались отчаянно. Понимая, что для многих из них эти бои станут последними, они шли вперед, выполняя приказ. Несмотря на сравнительно большие потери, батальон в составе войск 65-й

армии успешно справился с новой задачей. В результате этих боев 17 октября 1943 года был освобожден город Лоев, штрафбат перешел в наступление по направлению к Гомелю. В эти дни Центральный фронт был переименован в Белорусский, а батальон перешел вначале в состав 53-й армии генерала Колпакчи В.Я., а впоследствии — **в состав 48-й армии генерала П.Л. Романенко.**

С боями штрафбат дошел до города Речица и в составе 132-й стрелковой дивизии участвовал в завершении окружения гомельской группировки немцев. Однако в Гомель наш штрафбат с боями не входил, а был выведен из боя буквально у самых его окраин. По цензурным законам того времени нельзя было штрафбату участвовать в освобождении такого крупного областного центра Белоруссии! Да как показали события, и в другие, менее крупные города батальону входить как освободителю тоже было непозволительно, не объявлять же потом в приказе Верховного о штрафбате…

По воспоминаниям Петра Загуменникова, после освобождения Гомеля батальон маршем прошел через этот город, вышел в район села Майское Жлобинского района и занял там оборону на левом берегу Днепра. Вскоре войска перешли в наступление, и батальон продвинулся на четыре-пять километров. Но случилось так, что соседи справа и слева продвинуться не смогли, и штрафбат остался с открытыми флангами. Этим сразу же воспользовался противник, начав окружать и отрезать штрафбат. Пробившись с тяжелыми боями из окружения, после больших потерь батальон снова был поставлен в оборону. Вот туда, в этот уже оборонявшийся штрафбат, с группой офицеров из резерва фронта прибыл и я в середине последней декады декабря 1943 года. Оказавшись на передней линии фронта, на самой что ни на есть передовой, при освоении всего, что было в новинку, мне не приходило осознание того, что через несколько дней наступит новый, 1944 год.

Это потом, 60 лет спустя, в книге *«Памяць»*, подаренной мне руководством Жлобинского района Гомельской области, нашел подтверждение факт, что там, под Жлобином, кроме нашего батальона, действовал еще и срочно сформированный 33-й ОШБ, командиром которого был туда назначен заместитель командира нашего штрафбата майор Мурза И.М.

В весьма сокращенном собственном переводе с белорусского приведу здесь статью Б.К. Андрушкевича из Книги Памяти Жлобинского района об этом 33-м штрафбате. Вот что было в этой статье:

«33-й Отдельный фронтовой штрафной батальон на

Жлобинщине.

33-й ОШБ скрытно провел ускоренный ночной марш и вышел в район 20–25 км восточнее Жлобина с задачей оседлать дорогу на Жлобин. Перед батальоном немецкая оборона представляла три сплошных траншеи, 30 пулеметных гнезд, 6 дзотов с тяжелыми перекрытиями и множество блиндажей. Перед траншеями были проволочные заграждения в 3 ряда, противопехотные и противотанковые минные поля. На рассвете 22 декабря 1943 года после залпа „катюш“ батальон пошел в атаку, пустив в ход „карманную артиллерию“. Первая рота В.И. Козырева смело и напористо ворвалась в траншею и, прокладывая путь гранатами, штурмом овладела селом Майское, создав условия для продвижения всего батальона. Комбат майор Мурза умелым маневром захватил Малые Козловичи, где батальон встретился с танками противника. В этом бою особо отличился боец Прохоров. Он, вооруженный бутылками с горючей смесью, пополз навстречу танкам. Но одна бутылка, разбитая вражеской пулей или осколком, воспламенилась. Прохоров вспыхнул, как факел, но не повернул назад, а, встав во весь рост, рванулся к танку и упал на него, разбив о броню вторую бутылку. Танк загорелся. Задача батальона была выполнена. Военный Совет Белорусского фронта отметил героизм и мужество 33-го ОШБ и снял судимость со штрафников, которые были восстановлены в офицерских званиях, назначены на командные должности. 33-й ОШБ обеспечил успех 348-й стрелковой дивизии.

Б.К. Андрушкевич».

Когда наш Белорусский фронт был разделен на Первый и Второй Белорусские, мы предположили, что этот штрафбат передан в состав 2-го Белорусского, а наш 8-й остался у генерала Рокоссовского. Однако по имеющимся у меня теперь архивным документам о 33-м ОШБ известно:

Первое: 8 декабря 1943 года распоряжением Штаба фронта на должность командира 33-го штрафного батальона был направлен заместитель полковника Осипова, комбата нашего 8-го ОШБ, майор Мурза Илья Митрофанович, прибывший в наш штрафбат вместе с Осиповым с должности зам. командира полка. Вместе с ним убыл в 33-й ОШБ командир 1-й роты капитан Калитвинцев Михаил Афанасьевич, ставший там начальником штаба, а также еще несколько офицеров с разных командных должностей. После

событий, изложенных Андрушкевичем, майор Мурза 16 января 1944 года передал батальон подполковнику Кащенко, которому досталась честь вскоре расформировать этот героический батальон, а сам убыл на курсы командиров полков.

Здесь я поделюсь неожиданной для меня новостью об Илье Митрофановиче. Совсем недавно мне удалось установить, что, став после штрафбата командиром стрелкового полка, подполковник Мурза И.М. за успешное форсирование в апреле 1945 года Западного рукава реки Одер (West-Oder) получил звание Героя Советского Союза.

Второе: В наш батальон 2 марта 1944 года была переведена из 33-го штрафбата часть офицеров постоянного состава, среди которых были лейтенанты Усманов, Булгаков и Сисенков, а также большая группа штрафников, не успевших отвоеваться по прежнему месту пребывания. Усманов Фуад Бакирович (просил называть его по-русски Федей), Булгаков Дмитрий Иванович стали командирами взводов в 1-й роте у капитана Матвиенко Ивана Владимировича, Сергей Сисенков принял пулеметный взвод в роте у майора Анатолия Бабича. Из группы штрафников, прибывших из 33-го ОШБ, в моем взводе стал одним из моих заместителей бывший старший лейтенант Петров С.И., старше меня по возрасту на 9 лет и имеющий большой боевой опыт.

Эти сведения о 33-м ОШБ я привел лишь как дополнение к рассказу о том, как формировались штрафные батальоны. А обо всем, что происходило при мне в 8-м Отдельном штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта, чего я был участником или свидетелем, расскажу в последующих главах этой книги.

Глава 6
Беспримерный штрафрейд во вражеский тыл

Мне ночью настороженной и грозной
Идти с разведкой к вражескому краю.
Мне сумерки принадлежат и звезды,
А вот рассвет увижу ли, не знаю.

Но ты найди своим далеким взглядом
Моих друзей из лыжного отряда,
Что на снегу лежат со смертью рядом,
Щекой прижавшись к ложе автомата.

Мирза Геловани. Погиб на фронте в 1944 г.

Как предвидели, так и случилось. Вскоре комбат объявил срок готовности к выступлению, как оказалось потом, для участия в освобождении его родного города Рогачева. Как мы считали тогда и как кажется нам теперь, наш 8-й Отдельный штрафной офицерский батальон сыграл довольно важную роль в освобождении районного центра г. Рогачева Гомельской области Белоруссии. Дело в том, что неоднократные попытки наших войск в начале 1944 года перейти в наступление в этом районе, преодолеть сильно укрепленные рубежи противника на реках Днепр и Друть, ликвидировать Рогачевский плацдарм немцев на Днепре успеха не имели. А через Белоруссию пролегал путь в Польшу, Восточную Пруссию и Прибалтику, и плацдарм этот, как оказалось потом, был важным для начала одной из крупнейших операции Великой Отечественной «Багратион», которую успешно осуществили 4 фронта, главным из которых был наш, 1-й Белорусский.

В ночь на 19 февраля батальон в срочном порядке, оставив все свои тыловые подразделения и соответствующую охрану в селе Майское, совершил ускоренный пеший марш со строжайшими мерами маскировки. Прошли за довольно долгую февральскую ночь километров 25–30, минуя хорошие дороги, а порой и напрямик, через заснеженные участки леса, чтобы не дать противнику, ведущему постоянное авианаблюдение, разгадать наши приготовления.

Сосредоточились уже утром ближе к линии фронта, в лесу западнее села Гадзиловичи. Там нам срочно стали выдавать боеприпасы, белые маскхалаты, сухие пайки, придали батальону взвод огнеметчиков и радиостанцию более внушительных размеров с экипажем радистов, а также подчинили временно группу саперов. К середине дня мы уже были в боевой готовности, еще не зная, какую задачу будем выполнять.

Теперь я располагаю сравнительно большим количеством архивных документов по нашему штрафбату, любезно предоставленных мне Центральным архивом Минобороны. Среди этих документов имеется «Схема № 5» — приложение к документу штаба 3-й армии под названием «Схема движения и действия 8-го штрафного офицерского б-на… в тылу противника». Становится понятным, что тактическая задача проникновения в тыл к немцам именно штрафного батальона была заранее продумана командующим 3-й армией генералом Горбатовым и его штабом и свидетельствует о том доверии, которое они оказывали штрафникам, веря в их истинный патриотизм.

А там, западнее Гадзиловичей (Гадиловичей), вскоре нас построили на опушке большого лесного массива. Кроме нашего батальона рядом была еще одна большая группа военных, правда, раза в 4 меньше нашей, но тоже в маскхалатах, да еще вся полностью «вооруженная» лыжами. А нам выдали лыжи из расчета сделать «санки» для станковых пулеметов да по 1–2 пары волокуш на взвод на случай, если окажутся убитые или раненые: не оставлять же их в немецком тылу.

Как оказалось, то был лыжный батальон 120-й гвардейской стрелковой дивизии. Видно было, что батальон батальону рознь. Только здесь до меня дошло, каким большим оказался в то время наш штрафбат, так как стойкое представление об обычных батальонах у меня сложилось еще по военному училищу, службе в 29-й Отдельной стрелковой бригаде близ озера Ханка в дальневосточном Приморье, да и в запасном полку близ Уфы. Но, как удалось установить только теперь, действовать этому лыжному батальону пришлось отдельно от нас, а о причинах этого будет сказано ниже.

Через какое-то совсем непродолжительное время к нашему общему строю подъехала на «виллисах» группа больших начальников — генералов и офицеров. Оказывается, к нам прибыл командующий 3-й армией генерал-лейтенант Александр Васильевич Горбатов. Это означало, что батальон передан не только из состава 63-й армии генерала Колпакчи В.Я., но уже и из состава 48-й армии генерала П.Л. Романенко в 3-ю армию А.В. Горбатова. Рослый, статный, этот генерал довольно четко, но как-то не по-генеральски мягко называя всех нас просто «ребятами», почти по-отечески рассказал о сути боевой задачи, которую предстояло нам выполнить. Я обратил внимание на то, что генерал почему-то опирался на большую, крепкого дерева суковатую палку. Подумал, что он, наверное, еще не оправился от ранения. Потом я слышал не то легенду, не то быль о том, как «учил дураков» этой палкой генерал.

Он сказал, что перед нами ставится необычайная по сложности и ответственности боевая задача проникновения в тыл противника и активных действий там. И он надеется, что эту задачу наш штрафбат, бойцам и командирам которого доверяют и командование армии, и сам командующий Первым Белорусским фронтом (так со вчерашнего дня стал именоваться наш фронт) генерал армии Рокоссовский, выполнит. Горбатов выразил уверенность, что поставленную задачу мы выполним с честью. А характер задачи, еще раз повторил он, свидетельствует о том большом доверии, которое оказывает командование фронта и армии такому необычному офицерскому батальону, это он особо выделил голосом. Вместе с этим он твердо сказал, что если поставленная задача будет выполнена образцово, то всех штрафников, проявивших себя стойкими бойцами, независимо от того, будут ли они ранены, «прольют ли кровь», он, командарм, представит к досрочному освобождению как совершивших подвиг, а командующий фронтом генерал Рокоссовский освободит от дальнейшего пребывания в штрафном батальоне. Всех их восстановят в прежних воинских званиях и во всех правах, а особо отличившиеся, кроме того, будут награждены орденами или медалями. Надо только представить, какой общебатальонный, будто усиленный молчащим лесом вздох надежды раздался после этих слов!

Детали этой задачи нам, командному составу, объяснил несколько позже наш комбат, подполковник Осипов Аркадий Александрович. Я уже говорил, что это был офицер всегда со спокойным лицом и мудрым взглядом, с заметной сединой, казавшийся всем нам весьма пожилым, хотя было ему, как оказалось потом, едва за 35.

Задача состояла в том, чтобы ночью 20 февраля не замеченными противником перейти линию фронта и, избегая боевого соприкосновения с ним, смелым броском выйти ему в тыл, к западной окраине Рогачева. А там во взаимодействии с лыжным батальоном захватить город и удерживать его до подхода основных сил 3-й армии.

В мемуарах генерала Горбатова из-за строгости цензуры военного времени и долгих послевоенных лет упоминание штрафных батальонов в открытой печати полностью исключалось, и командарм Горбатов вынужден был и наш штрафбат именовать «лыжниками», «лыжным отрядом». Только уже в посмертном издании его книги «Годы и войны» наш 8-й штрафбат упоминается.

Штрафбат передавался в оперативное подчинение 41-го стрелкового корпуса для взаимодействия со 120-й Гвардейской стрелковой дивизией. На выполнение боевой задачи нам отводилось трое суток. Из этого расчета были щедро выданы боеприпасы, а также и далеко не богатый сухой паек (консервы, сухари и сахар). Взводу разведки, который фактически сформировал уже я, была поставлена задача авангарда, то есть подразделения, идущего первым и прокладывающего путь всему батальону. За своих подчиненных я был спокоен, но больше волновался за себя, смогу ли владеть собой, не растеряюсь ли в сложных ситуациях, смогу ли управлять подчиненными. Лыжному батальону, подумали тогда мы, наверное, будет легче на лыжах-то! Мне лично глубокие снега не казались особенно отягчающим обстоятельством. Еще не забылись впечатления от военного училища на Дальнем Востоке.

Здесь я прибегну к небольшому отступлению от хронологии своего повествования и вернусь в 1942 год. Тогда, в начале февраля, нам, курсантам пехотного училища в Комсомольске-на-Амуре, предстояло выйти в зимние лагеря на 18 суток. Снег там, особенно в тайге, был, как говаривал наш училищный преподаватель-балагур майор Бабкин, «по самые, я… извиняюсь!». То есть чуть ли не до пояса, а морозы в феврале там обычно и за 35°зашкаливали! В глубь тайги на 50–60 километров мы совершали марш в ботинках с обмотками, имея с собой в ранце, кроме всего прочего, еще и пару валенок. По прибытии на место устроили лагерь из шалашей (один на взвод), сооруженных из молодых, высоких то ли кедров, то ли елей. В этом шалаше разрешалось жечь небольшой костер, чтобы при возможности, особенно ночью, можно было по очереди согреваться. Ботинки уложили в ранцы, обули валенки. Беда только в том, что вокруг

этого костерка могло более или менее эффективно обогреваться одновременно из взвода в 30 человек не более 5–7 курсантов, остальным тепла не доставалось.

Постепенно добавляли в костер «топливо», пока подсохшие наверху хвойные ветки вдруг не вспыхнули все разом. Спустя буквально несколько минут от шалаша остались только угли да растаявший вокруг снег. Комвзвода наш с очень ласковой фамилией Лиличкин получил довольно неласковое взыскание, а мы лишились права строить другой шалаш. Правда, потом сообразили: днем очень небольшие костры разрешалось жечь практически без ограничений, так как по условиям военной игры «противник» мог заметить открытый огонь только ночью. Ну а это уже был выход из положения. Расчистили до грунта снег, и на этом месте целый день остававшиеся в лагере дневальные жгли групповые костры, разожженные на каждое отделение. Вечером головешки убирали, а земля от костров так прогревалась, что, положив на нее слой хвойного лапника, мы в своих солдатских шинелях и валенках плотно укладывались на эту теплую «постель» и довольно «комфортно» несколько часов «блаженствовали», минут через 30 по команде поворачиваясь на другой бок, чтобы и его погреть. Днем мерзнуть было некогда: то отражение атак «противника», то длительные лыжные переходы, то взятие высот и сопок, то марш-броски по пояс в снегу…

А когда кончились эти долгие 18 суток перед походом к «родным пенатам», то есть в казармы, нам приказали снова переобуться в ботинки. А они, мокрые после перехода в лагерь, оказывается, за это время смерзлись. Пришлось оттаивать их у костра. И тут я нечаянно «переборщил»: ближе, чем нужно, придвинул к костру один ботинок, и от огня его носок съежился. Однако идти в валенках мне не разрешил ни командир роты старший лейтенант Литвинов, сам даже не надевавший валенки за все эти 18 суток, ни комбат майор Панов.

Пришлось надевать скукожившийся ботинок. Большой палец ноги за время обратного похода оказался обмороженным, и его подушечка даже лопнула, хотя кровь из этой трещинки даже не выступила. В санчасти училища мне оказали нужную помощь и на две недели освободили от ношения обуви, а значит, и от наружных занятий. Подобное в то строгое время могли расценить и как членовредительство, но меня даже не наказали, думаю, потому, что командир курсантского батальона почувствовал в этом ЧП и свою вину тоже (повезло мне!).

Такие экскурсы в прошлое, думаю, помогут читателю XXI века понять, чем мы жили, в какой атмосфере формировались наши характеры.

Но вернемся в февраль 1944 года. В случае неудачи с захватом Рогачева или отмены этого задания нам предстояло в тактической глубине противника (до 20 километров), в его войсковом тылу, активно нарушать коммуникации, взрывать мосты, по которым могут проходить гитлеровские войска, громить штабы и подходящие из глубины резервы.

Одним словом, дезорганизовать управление, воспретить подход резервов из глубины, рассеивать их или при возможности уничтожать. Главное было — посеять панику и отвлечь внимание немецкого командования от передовой линии фронта, где должно было начаться более успешное наступление наших войск с задачей ликвидировать плацдарм противника на Днепре и освободить город Рогачев. О предполагаемых наших действиях в документах штаба 3-й армии записано:

> «Опыт применения специально выделенных отрядов для действия в тылу противника во время наступления, чрезвычайно поучителен.
>
> Отряд в составе 8-го офицерского штрафного батальона имел задачу проникнуть через передний край противника и совершить налет на Рогачев…»

В разведку, а тем более — в тыл врага, как меня посвятил капитан Тачаев, да я и сам уже об этом был осведомлен еще в училище, нельзя было брать с собой награды, партбилеты и другие документы. Была организована сдача всего этого в штаб и аппарат замполита, остающиеся на месте дислокации тылов батальона. Наград у меня еще не было, но свое офицерское удостоверение и кандидатскую карточку принадлежности к ВКП(б) я тоже сдал. Была возможность написать короткие письма родным. Вся эта процедура заняла несколько часов оставшегося дня. Потом был обильный обед, совмещенный с ужином, и отдых, о которых мы, пока были в немецком тылу, вспоминали с особым чувством.

В своих воспоминаниях «Годы и войны» генерал Горбатов писал об этой операции, называя «лыжниками» всех нас в силу существовавших долгие годы цензурных ограничений. Не позволялось тогда, да и многие годы после войны в открытой печати упоминать о штрафбатах. Вот только одна цитата из воспоминаний генерала:

> «В 18 часов они сытно поужинали и легли отдыхать. Лишь у двух батальонов отдых был коротким. В 23 часа их подняли, и они пошли на запад. Этому сводному отряду лыжников выпала ответственная задача: перейти

линию фронта и той же ночью ворваться в город Рогачев».

На выполнение этой нелегкой да и необычной задачи и повел наш батальон его смелый и опытный командир, подполковник Осипов. А был он местным уроженцем, рогачевцем, да к тому же ранее за недолгие отпуска во время военной службы уже исходившим вдоль и поперек всю местность Рогачевского района, примыкавшую к Днепру. Он прекрасно знал места, где можно было незаметно приблизиться к позициям фрицев, точно указать место обеспечивавшим наш переход армейским саперам, где они ножницами незаметно для немцев вырежут звено колючей проволоки между двумя колами. А нам — где между этими кольями пролезть, преодолеть передний край обороны немцев и перейти линию фронта.

До сих пор я не перестаю удивляться, как нашему мудрому комбату столь удачно удалось выбрать это место недалеко от деревни Гадиловичи и почти весь огромный по тому времени батальон провести так искусно, хотя и по хорошо знакомой комбату, но занятой врагом местности.

Идут лавиной славные ребята
Через лес и кочки, топи и снега.
Русская смекалка нашего комбата
Распознает хитрость лютого врага.

Эти слова Цезаря Солодаря очень похоже отразили и смекалку, и мудрость нашего комбата.

Безлунная ночь очень хорошо прикрывала нас. Думается, командование армии специально выбрало время действий наших батальонов в период наступления новолуния, а не только ко Дню Красной Армии, как утверждали потом многие. Мне с моим разведвзводом выпала честь первым преодолевать проволочное заграждение, в котором приданные нам саперы проделали проход между двумя колами, и первые траншеи противника.

Хотя немцы периодически подвешивали на парашютиках «фонари», как называли на фронте их осветительные ракеты, но жесткий предварительный инструктаж, армейская смекалка служилых бойцов, в недалеком прошлом офицеров, желание выжить заставляли всех нас замирать, не двигаться во время свечения этих «фонарей». Да и наши белые маскхалаты делали нас безлунной ночью практически незаметными. Конечно же, этому способствовала и излишняя уверенность немцев в надежности своей обороны на берегу Днепра, притупившая их

бдительность. Тем более что по всей длине проволочного заграждения они навешали большое количество пустых консервных банок, предательски гремевших, если задеть проволоку. Иногда немцы простреливали некоторые особо опасные места своими дежурными пулеметами. Я помню, например, что при преодолении прохода в проволочном заграждении почувствовал какой-то удар. Только уже днем я обнаружил, что пуля пробила мне солдатский котелок, притороченный к вещмешку («сидору», как их называли тогда).

А вот как об этом вспоминал уже в 1984 году лейтенант запаса Медведев Данила Александрович, бывший штрафник, участвовавший в том знаменитом рейде нашего батальона. И ему помнились эти подробности в деталях. Орфографию подлинника сохраняю:

> «Враг вел пулеметную стрельбу из нескольких дзотов, причем трассирующими пулями, что было в нашу пользу. Подойдя к трассе пуль, можно было видеть, как высоко летят пули. Достаточно было пригнуться и свободно преодолеть сектор обстрела. А вот с одного дзота пули летели не более одного метра над землей, и, чтобы преодолеть этот обстрел, нужно было переползать по-пластунски. Командир батальона и командиры рот были впереди».

В такой узенький проход, по меткому выражению генерала Горбатова, «как канат сквозь игольное ушко», наш умелый комбат провел почти весь батальон, основную часть которого фактически враг не заметил! Для меня это было, по существу, первым настоящим боевым крещением, хотя в обороне я уже кое к чему присмотрелся. Наверное, поэтому многие детали этого перехода и тем более действий в немецком тылу мне запомнились довольно прочно и более или менее подробно.

Замыкала колонну батальона рота капитана Матвиенко, уже имевшего значительный боевой опыт, о чем свидетельствовали два ордена Красной Звезды. Он прибыл в батальон вместе со всей нашей группой офицеров в 18 человек еще в декабре. Кто-то из бойцов последнего взвода его роты, наверное, задел проволоку немецкого заграждения, зацепился за ее колючки и, пытаясь вырваться из их цепкой хватки, «оживил» эту консервно-баночную сигнализацию. Понятно, это всполошило немцев, они, выскакивая из блиндажей, открыли все нараставший по плотности ружейно-пулеметный огонь по этому участку. Теперь нужно было проявиться и нам, чтобы отвлечь внимание все больше появляющихся фрицев, вызвать их огонь на себя и тем самым

помочь попавшей в беду части роты Матвиенко. Все, кто был близко, практически без чьей-либо команды открыли огонь по немцам, а взвод огнеметчиков выпустил несколько мощных огненных струй по скоплениям немцев и по выходам из блиндажей. Впервые в моей жизни я видел горящих и безумно орущих людей! Жуткое зрелище…

А генерал Горбатов, оказывается, все это время переживал за нас. Вот как он об этом писал в своей книге «Годы и войны»: «Я долго прислушивался к малейшим звукам с запада, пока на том берегу не послышалась беспорядочная стрельба, взрывы гранат. В небо взлетело множество ракет… В два часа ночи мы получили по радио условный сигнал: сводный отряд находится в тылу противника и выполняет задачу».

Рота Матвиенко понесла ощутимые потери, но все-таки тоже прорвалась к основным силам батальона. В подразделениях же, преодолевших линию фронта раньше, потерь вовсе не было, легко раненные не признавались в этом. Теперь батальону надо было срочно покидать этот район. Здесь комбат поставил моему взводу, в котором были только опытные, боевые в прошлом бойцы, другую задачу — замыкать колонну батальона. Ведь поскольку противник обнаружил наше проникновение, не исключена возможность попытки преследования нас. Таким образом, взвод превращался из авангарда в арьергард. Это мне показалось даже более ответственным, так как теперь взводу пришлось действовать уже вдали от командования батальона и мои решения должны стать более самостоятельными, хотя майора Кудряшова, моего прежнего опекуна, комбат Осипов тоже назначил старшим начальником во всю тыловую часть батальонной колонны. Функции разведки взял на себя энергичный и опытный Борис Тачаев, взяв из моего взвода в свою разведгруппу по 2–3 бойца из каждого отделения.

У меня снова возникла мысль: не по совету ли «особиста» поручено это тщательное наблюдение за мной, сыном и племянником осужденных по известной 58-й статье? Мелькнувшая было эта мысль о каком-нибудь недоверии мне, о **наказании за преступления, которые не совершал,** тут же была опровергнута тем, что в замыкании батальона, кроме моего взвода, был взвод ПТР под командованием Петра Загуменникова, пулеметный взвод и отделение ранцевых огнеметов. Конечно, в случае осложнения обстановки нужно было единое командование этими, хотя и не такими уж большими силами, но ни Петр Загуменников, ни тем более я не могли квалифицированно обеспечить это. Скорее всего именно для этого комбат поручил своему заместителю быть в этой части батальонной колонны. Так

что мое опасение о каком-то недоверии тут же погасло, тем более мне как-то стало спокойнее, имея рядом такого опытного боевого офицера, как Кудряшов. Хотя иногда мысль о возможном недоверии у меня возникала и в других схожих ситуациях.

В боевых документах штаба 3-й армии по поводу действий нашего штрафбата записано следующее: «В 23.00 20.02.44 года сводный отряд в составе 8-го офицерского штрафбата… переправился на западный берег р. Днепр против Гадиловичи, преодолел после сопротивления противника передний край и стал продвигаться на Рогачев».

На каком участке преодолевал линию фронта наш сосед, лыжный батальон, я тогда не знал, и во время боевых действий в тылу противника соприкосновения с лыжниками не видел. Я полагал, что характер их задачи или сложившаяся обстановка заставили этот батальон действовать самостоятельно. Но вот не очень давно этот вопрос для меня, кажется, прояснился. В газете «Советская Белоруссия» за 1.04.2005 года была опубликована статья Сергея Крапивина «Я был радистом штрафбата». В ней приводятся некоторые подробности того знаменитого рейда штрафников во вражеский тыл, рассказанные Григорием Власенко, бывшим начальником расчета радиостанции из полка связи штаба 3-й армии, переданного нашему батальону на время выполнения этой необычной боевой задачи. Эту радиостанцию генерал Горбатов в качестве усиления штрафбата придал для обеспечения связи со штабом армии. Поскольку радисты постоянно находились рядом с нашим комбатом, то старшине Григорию Андреевичу Власенко, постоянно передававшему радиограммы о ходе продвижения батальона и его боевых действиях, я доверяю больше, чем даже своей памяти. Тем более что сразу же после преодоления переднего края немцев мой взвод был назначен в арьергард колонны батальона и многому, что происходило на других участках, я лично не был очевидцем. Так вот, старшина Власенко свидетельствует: «Следом за штрафниками двигался особый лыжный батальон 120-й дивизии, однако гвардейцам не удалось прорваться в тыл противника, их отсекли. Все! Штрафбат единственный оказался по ту сторону фронта…»

Вот почему не знал я ничего о действиях батальона лыжников! Многие годы спустя из «Советской военной энциклопедии» я узнал, что наши соседи-лыжники были именно из 120-й стрелковой дивизии полковника Я.Я. Фогеля. Но оказывается, в те же февральские дни в лесах под Рогачевом, только значительно севернее нас, в районе Нового Быхова, действовал еще и другой лыжный батальон под командованием

капитана Бориса Коваленко, от 5-й стрелковой дивизии. Он тоже переходил тайно линию фронта, правда, под прикрытием наступления одного из полков (кажется, 336-го) этой же дивизии. Происходило это сутками позже и с более узкой и конкретной задачей — захватить железнодорожную станцию Тощица, что они успешно сделали во взаимодействии с 336-м полком.

Многим известен советский писатель, лауреат Государственной премии СССР Виталий Александрович Закруткин, автор таких громких в советское время произведений, как «Матерь человеческая», «Сотворение мира» и другие. Так вот, он, писатель Виталий Закруткин, в главе «Лесной рейд» книги «Дорогами большой войны», вышедшей в издательстве «ДОСААФ» в 1974 году, рассказал подробности действий этого лыжного батальона.

Думаю, читателю небезынтересна одна деталь биографии Закруткина. Получив в начале войны уведомление о броне от призыва как научный работник одного из институтов, он прямо в военкомате порвал его и вскоре оказался на фронте в роли военного корреспондента. В этом качестве он прошел всю войну до самого Берлина, в том числе и по Белоруссии. Так что в том, что он отражал в своих книгах, все было реальным.

Те же лыжники, которые должны были действовать с нами, оказывается, тоже выполнили свою задачу, но только на другом участке фронта и во взаимодействии с другими частями. Наш батальон действовал совершенно самостоятельно. Как видите, командарм Горбатов широко использовал маневр войсками с выходом во фланги и даже в тыл противника, что в нем особенно ценил командующий фронтом Рокоссовский.

Я продолжаю собирать материалы о боевом пути нашего батальона, и мне сын Павла Ильича Пиуна, агитатора нашего батальона, Владимир Пиун сообщил, базируясь на воспоминаниях своего отца, следующее: «Я хорошо помню, отец рассказывал, что батальон ушел в тыл к немцам без офицера Особого отдела. Он был в замыкающей группе, и, когда она себя обнаружила, прорвались к основному ядру 8-го ОШБ не все. Не успел прорваться и особист. При повторной попытке перехода линии фронта офицер Особого отдела получил ранение и в рейде батальона по тылам противника так участия и не принял».

Я позволю себе несколько дополнить воспоминания политработника Пиуна своими соображениями. Никогда я не видел нашего особиста непосредственно на передовой, даже в окопах на оборонительных позициях, не говоря уже о более активных боевых действиях. Другая у него была работа… И ему было, наверное, приказано своим, «смершевским» начальством, не

совсем уверенным в наших штрафниках (а зря!!!), быть в замыкающей группе, чтобы наблюдать, не побежит ли кто-нибудь из штрафников назад, то есть исполнять роль своеобразного «одиночника-заградчика»? А поскольку часть замыкающей роты была отсечена вражеским огнем, то и особисту пришлось остаться. По тем условиям ранение было естественным и лучшим выходом для человека, не особо стремящегося к реальным и весьма опасным подвигам. Ну, да бог с ним, особистом.

После разгрома какого-то крупного немецкого штаба в деревне Мадора и еще в Старом Селе бои были особенно горячими. Продвигаясь с боями, батальон к рассвету 21 февраля стал приближаться к Рогачеву с северо-запада, перерезав развилку шоссе на Бобруйск и Жлобин, наткнувшись на крупные силы хорошо окопавшихся фрицев. И как только наш батальон вышел в район, близкий к северо-западной окраине Рогачева, комбат связался по радио со штабом армии. Вот как это событие отражено в воспоминаниях генерала Горбатова: «Получили весть от сводного отряда лыжников. Он дошел до Рогачева, но перед самым городом высланная вперед разведка встретилась с противником, засевшим в траншеях. Командир отряда поступил правильно: поняв, что внезапность утрачена, он не стал ввязываться в неравный бой, а отвел отряд в лес и начал действовать по тылам противника».

Да если бы мы и попытались овладеть городом, тем более — удержать его, нам бы это не удалось. Ведь основные силы немцев не были разгромлены, а у нас ни артиллерии, ни бронетанковой техники, ни даже минометов не было! Наша минометная рота под командованием Тавлуя, читатель уже знает, действовала в этом рейде как стрелковая. А двухвзводной роты противотанковых ружей и пулеметной роты да взвода ранцевых огнеметов в этих условиях было явно недостаточно! Ведь и в самом Рогачеве, и вблизи него у немцев было много мощных укреплений, сосредоточено большое количество войск и техники.

Вскоре поступила команда «действовать», как и было предусмотрено заранее — громить тылы. Панику в стане врага нам удалось посеять большую, или как потом многие штрафники говорили: «Ну и наделали мы там шороху!» Батальон действовал и группами, и собираясь в один довольно мощный кулак. Среди штрафников были артиллеристы, танкисты, даже летчики, поэтому произвести несколько выстрелов из орудий не составляло труда, попались бы самолеты — может, и ими бы овладели. Захваченные орудия, предварительно перебив их прислугу, поворачивали в сторону заметных скоплений вражеских

войск, складов и пр. и, если удавалось, делали несколько выстрелов. Затем эти орудия и минометы взрывали или приводили в негодность другим способом.

Поджигали захваченные склады боеприпасов и продовольственные, брали под контроль перекрестки дорог, уничтожали подходящие войсковые резервы противника и перерезали линии связи. Временно взятые в плен немцы («временно», потому что после допросов их, естественно, не отпускали, а уничтожали, не таскать же их в их тылах с собой) говорили, что их командование считает, будто в тылу действуют откуда-то взявшаяся дивизия да много партизан.

Так проходили наши оперативные действия в тылу. Генерал Горбатов в своих мемуарах отмечал, видимо, имея в виду действия и лыжных батальонов 120-й и 5-й стрелковых дивизий, и нашего штрафбата. По условиям строгой цензуры называя нас «лыжниками», так оценил наши действия командарм Горбатов: «Лыжники перекрыли все дороги, идущие от Рогачева на Мадору и Быхов, в том числе и железную дорогу, тем самым лишив фашистов путей отхода и подтягивания резервов».

Одним из эпизодов наших боевых действий было освобождение угоняемых в рабство жителей Белоруссии. Кажется, на вторые сутки, ближе к полудню, наши передовые подразделения заметили, что по дороге на запад немцы конвоируют большую группу мужчин и женщин с целью угона в Германию (мы уже знали о массовом угоне в рабство трудоспособного населения). Комбат принял решение отбить у немцев своих земляков. Немецкий конвой был сравнительно малочисленным — человек 15, и буквально в минуты с ним было покончено. Мы освободили таким же образом еще и около 300 советских граждан, которых гитлеровцы под дулами автоматов заставляли рыть в промерзшей земле траншеи. Все освобожденные, как нам показалось, бросились врассыпную, чтобы скрыться в лесу или уйти по своим селам.

Однако я заметил, что группа из пяти-шести женщин неотступно следует за нами. Конечно же, по своей одежде эта группа уж очень заметно отличалась от нас, одетых в белые маскхалаты и, безусловно, демаскировала нас. Мне пришлось не раз им это растолковывать, но, увы, всегда безуспешно. До самых сумерек они так и шли за нами. Боялись, видно, снова попасть в лапы к немцам. С наступлением темноты я снова им разъяснил, что теперь они могут под покровом ночи отстать от нас и незаметно возвратиться в свои села. Показалось, что моя «разъяснительная работа» вроде бы подействовала на них, они вроде бы отстали от нас. Но, едва забрезжил рассвет, мне

доложили, что за нами движется какая-то странная группа людей. Подумалось, не сели ли «на хвост» немцы? Присмотревшись, мы с удивлением узнали своих «старых знакомых», но одетых в какое-то подобие маскхалатов. Оказалось, что, воспользовавшись темнотой, они в мороз, раздевшись донага, сняли свое нижнее белье, а затем, одевшись в свои немудреные зипуны и шубейки, поверх них натянули свое белое исподнее. Часть полушубков, имеющих внутри белый или просто светлый мех, они вывернули наизнанку, и вот в таком «замаскированном» виде предстали перед нами. И жалко было их, и нельзя было удержаться от смеха! Пришлось смириться с их находчивостью и позволить следовать за нами еще какое-то время. Вскоре было обнаружено движение в сторону Рогачева большой автоколонны немцев. Завязался бой, и это женское «отделение» как ветром сдуло!

Бывая часто в Рогачеве, в его селах, мне так и не довелось встретить ни одной из тех, кого мы тогда отбили от немцев и кто почти сутки шел за нами тогда, в 1944 году.

Надо сказать, что колонна нашего батальона была построена так, что и в ее голове, и в основном составе, и в хвосте следовали и пулеметчики, и подразделения противотанковых ружей (ПТР), и огнеметчики. Последние были вооружены малознакомыми нам «РОКСами» — (ранцевый огнемет Клюева-Сергеева) с самовоспламеняющейся жидкостью КС.Почему-то теперь, через много лет, эту жидкость, как и бутылки с горючим, называют «коктейль Молотова». Тогда мы и понятия не имели о таком названии. Наверное, его придумали досужие фантазеры уже в то время, когда война давно закончилась, или переняли подобное название от финнов, которые во время «зимней» войны подобную смесь делали и называли именно так.

Когда была замечена большая немецкая автоколонна, батальон замер, и как только передние машины поравнялись с нашими замыкающими подразделениями, по фашистам был открыт шквальный огонь из всех видов имевшегося у нас оружия. В хвосте, или иначе — в арьергарде нашей колонны, как я уже говорил, находился взвод ПТР под командованием 19-летнего старшего лейтенанта Петра Загуменникова, но уже имевшего солидный боевой опыт и ранение. С ним я уже успел подружиться, и его бойцы подбили здесь два передних автомобиля, возглавлявших немецкую автоколонну.

Так как и замыкающие автоколонну машины тоже уже были подбиты бронебойщиками, находившимися в голове колонны батальона, вся эта немалая вереница машин оказалась запертой с обеих сторон на узкой дороге, ограниченной с обочин канавами с глубоким, рыхлым снегом. Попав под плотный огонь, успевшие

выпрыгнуть из кузовов автомашин фрицы в панике бросились в разные стороны. Кто-то из них, обезумев, кинулся даже в нашу сторону, навстречу свинцовому вихрю от пулеметчиков и автоматчиков батальона. Вдруг один из немецких солдат, бежавший по направлению к нам, бросив оружие и подняв руки, закричал по-русски: «Не стреляйте, я свой, русский, из Калуги!»

Я дал команду подпустить его, просто интересно было узнать, как это русский, калужанин, оказался у немцев с оружием в руках. Но едва он поравнялся со мной и успел сказать, что год назад попал в плен и добровольно пошел в гитлеровскую армию, чтобы при первом удобном случае перейти к своим, как один из ближних ко мне штрафников резко выругался в его адрес и разрядил в него под челюсть снизу, наверное, полдиска автомата. Не состоялась моя беседа, не узнал я, сколько наших солдат на его счету за этот год. Да и жалеть об этом было некогда. Не до того было.

Одного из убегавших немцев, ловко метавшегося от дерева к дереву, я никак не мог достать огнем из автомата. Наверное, потому, что в запале боя стрелял «с бедра», не целясь. И тогда, выхватив из кобуры свой наган, тщательно прицелился и с первого выстрела, на расстоянии уже около ста метров попал! Это был мой первый личный «трофей», и усилившаяся надолго вера в действенность не только в ближнем бою своего верного «нагана», как считалось по всем инструкциям. И этот мой первый «трофей», которого я, кажется, наконец уложил из личного оружия, вызвал во мне какое-то необъяснимое, скорее даже радостное удовлетворение. А ведь я убил человека — сам, собственноручно! Впервые в своей жизни, сознательно, умышленно.

Тут вспомнилось мне событие, которое произошло еще во время моего командования взводом в запасном полку под Уфой, всего каких-нибудь полгода назад, когда мы готовили для фронта маршевые роты. Пополнение для них тогда приходило, в частности, из Татарии, Башкирии и некоторых союзных мусульманских республик. Случались, конечно, и дезертирства. И вот однажды я был свидетелем, когда пойманного дезертира-«рецидивиста», то есть совершившего дезертирство уже во второй раз, приговоренного к высшей мере наказания, расстреляли перед строем полка.

На краю поля, где мы обычно проводили занятия с пополнением, к свежевырытой яме подвели человека в легкой гражданской одежде (было лето, июль). Видимо, увидев свою могилу, он как-то безвольно сам опустился на колени, опустил голову и как-то тихо, мелко дрожал. Запомнилось все это мне, потому что я со своим взводом оказался напротив места

экзекуции. Прежде всего бросились мне в глаза его стриженая голова и большие, торчащие уши, красно просвечивавшие на склоняющемся уже к заходу солнце.

Офицер — наверное, из Военного трибунала — зачитал приговор о смертной казни за повторное дезертирство и предложил выйти из строя добровольцам для приведения приговора в исполнение. Ответом была жуткая тишина… Добровольцев не нашлось. Тогда от группы, стоявшей несколько в стороне, отделились два человека с погонами сержантов с наганами в руках и подошли к приговоренному, который стал трястись, то ли тихо рыдать, то ли так крупно дрожать. Будто по неслышимой команде эти двое одновременно выстрелили ему почти в упор в голову. Тот словно клюнул головой и свалился в яму. Полк замер. Где-то из строя прорывались не то стоны, не то сдавленные рыдания. И, пока солдаты не зарыли яму и не укрыли образовавшийся холмик заранее заготовленным дерном, полк стоял в каком-то страшном оцепенении.

Наверное, многих посетила в это время мысль, что лучше погибнуть на поле боя, пусть и не как герой, но как защитник своей Родины, чем вот так, как бешеному псу, бесславно окончить жизнь, опозорив не одно колено своих потомков или родных. Мне бросился в глаза невдалеке еще один такой же, только пониже, холмик, уже хорошо поросший травой. Видимо, здесь, на этом своеобразном «лобном месте» свершилась не первая смертная казнь. Стало как-то неуютно на душе. Ведь только что убили просто малодушного, струсившего человека. Своего, советского.

А здесь, на войне, я сам убил человека… Но это был враг, посягнувший на жизнь и свободу нашей Родины, несущий смерть советским людям, включая даже стариков и грудных детей. И здесь уже действует правило: «лучший враг — мертвый враг» или, как любил говорить один из моих послевоенных подчиненных, повторяя слова какого-то римского императора: «труп врага хорошо пахнет». Немцев, пытавшихся сдаться в плен здесь, под Рогачевом, и кричавших «Гитлер капут!», штрафники, конечно, в плен не брали, стреляли в них, приговаривая: «И тебе… такую-растакую, тоже!» Да и что бы мы с ними делали, проявив к ним гуманность в этих специфических условиях действий в их же войсковом тылу?

Вместо запланированных двух-трех суток наш рейд продолжался целых пять. За это время были разбиты еще несколько вражеских пеших и автомобильных колонн, двигавшихся к линии фронта, подорваны мосты на дороге, подходящей к Рогачеву с запада, а в одну из ночей разгромили штаб какой-то немецкой дивизии, возглавляемый генералом,

которому даже на лошади убежать не удалось. Два охранявшихся склада с боеприпасами были подожжены «РОКСами», и еще долго эхо взрывов с этого склада доносилось до нас.

При помощи схемы № 5, о которой речь шла выше, мне удалось восстановить в памяти названия некоторых населенных пунктов, перечисленных здесь и через которые проходил наш батальон за время памятного 5-суточного рейда в тыл немецких войск. Это кроме Мадоры, Старого Села еще и Зборов, Щибрин, Озерище, кажется, какие-то Коноплицы (не помню, Малые или Большие), Близнецы, Кистени, Вищин и другие. В общем, батальон действовал настолько активно, что практически уже к концу третьего дня были израсходованы почти все боеприпасы к пулеметам и автоматам. Поступил приказ: на каждый автомат оставить НЗ (неприкосновенный запас) по 10–20 патронов, но у многих этого количества уже не было! О ходе наших действий комбат докладывал в штаб армии по радио. Доложил он и о почти полном расходовании боеприпасов к стрелковому оружию. Там, видимо, решили сбросить нам на парашютах какое-то количество патронов.

И когда во второй половине дня два «кукурузника», как называли тогда маленькие двукрылые самолеты У-2 (ПО-2), подлетали к указанному квадрату, вдруг заговорили немецкие зенитные установки. К нашему удивлению, оказалось, что ночью ни мы, ни немцы не заметили того, что батальон наш очутился в том участке леса, который был избран фашистами для размещения одной из их зенитных батарей. Летчики, правильно оценив ситуацию, быстро развернулись и улетели. А нашим огнеметчикам с группой ручных пулеметчиков удалось выйти на звуки выстрелов и буквально испепелить и пушки, и обслугу. Кстати, выручили огнеметчики нас еще раз, когда уже в конце четвертого дня была замечена большая пешая колонна противника. Огнеметы практически уничтожили и эту колонну даже почти без наших пулеметов и автоматов. Не буду описывать тот жуткий рев горящих фрицев…

Технику, которую бросали немцы, мы, конечно, не могли тащить с собой. Брали только автоматы-«шмайссеры» да ручные пулеметы МГ. Ну и конечно, пистолеты, в большинстве «вальтеры» и «парабеллумы». Так что у многих уже было по два автомата — свой и трофейный, хотя и тот и другой с весьма малым запасом патронов. Остальные трофеи, как могли, приводили в негодность, а некоторой частью захваченного продовольствия пополняли свой скудный сухой паек, которого почти не осталось. Особенно удивил нас трофейный хлеб, запечатанный в прозрачную пленку с обозначенным годом

изготовления: 1937–1938. Сколько лет хранился, а можно было даже мороженый не рубить топором, а резать и есть! Не сравнить с нашими сухарями, хотя и сегодня, спустя более 70 лет, их вкус вспоминается с определенной степенью ностальгии. Такое же удивление вызывал у нас какой-то гибрид эрзац-меда с такого же рода «сливочным маслом» в больших брикетах. Бутерброды из того «хлеба» с таким «масло-медом» были как нельзя кстати и оказались довольно сытными.

Мне повезло, что я могу в дополнение к собственным воспоминаниям использовать и публикации других очевидцев. Вот, например, свидетельство того же Григория Андреевича Власенко, «прикомандированного» радиста: «В той операции был эпизод, когда батальон захватил совершенно целым грузовик, кузов которого был полон ящиками с бутылками шнапса и питьевого спирта. И вот помню картину: бойцы остервенело расстреливают кузов, в направлении Днепра текут огненные ручейки, и на февральском ветру мечется синее спиртовое пламя…»

Даже несмотря на то что не каждый штрафник находился в поле зрения своего командира, распоряжение комбата о запрете употребления трофейного спиртного соблюдалось строжайше. И это еще один показатель высокого уровня дисциплины в штрафбате вопреки домыслам тех, кто создает, мягко говоря, неправдивые «творения» о штрафниках.

Много было непредвиденного и неожиданного в этом рейде, но потерь у нас после Мадоры и Старого Села было сравнительно немного. На волокушах везли тяжело раненных да несколько убитых, среди которых был командир взвода 3-й роты лейтенант, не помню его фамилии, да парторг батальона, старший лейтенант Желтов, погибший во время преследования убегавшей группы немцев из той большой автоколонны. Когда я потом пытался описать в стихах эту часть боевого пути нашего штрафбата, храброму парторгу-агитатору Александру Матвеевичу Желтову были посвящены такие немудреные строки:

Вспомним мы Днепр, Рогачев и Мадоры,
Смертью героя погиб здесь Желтов.
Дорого подлая, мерзкая свора
Нам заплатила за смерть и за кровь.

Желтов был отличный мужик, намного старше нас, лейтенантиков, и редкой душевности политработник. Как бы теперь сказали, очень коммуникабельный человек, которому хотелось верить и подражать, какие в среде политработников в

моей длинной армейской службе и в войну, и в послевоенное время, к счастью, встречались чаще, чем это может показаться.

Всего теперь о том рейде в тыл противника и не вспомнить, но достаточно сказать, что за все эти 5 дней и ночей мы не могли нигде обогреться, разве только кое-кому это удавалось накоротке у горящих штабов и складов, подорванных или подожженных. Но какой это был «обогрев», если нужно было немедленно уходить, чтобы не навлечь на себя ответной реакции фрицев. О горячей пище даже и не мечталось, спать приходилось тоже урывками и только тогда, когда ночью на какое-то время батальон приостанавливал движение. Многие умудрялись иногда хоть минуту-две поспать на ходу, что мне было знакомо еще по службе красноармейцем-разведчиком на Дальнем Востоке в дивизии полковника Чанчибадзе, да и курсантом военного училища в Комсомольске-на-Амуре.

В конце четвертых суток наших действий в тылу противника комбат передал приказ без крайней необходимости бои не завязывать, беречь патроны. Нам, находящимся на некотором удалении от комбата, еще не было известно, что войска нашей 3-й армии давно перешли в наступление и стали продвигаться вперед, а это значит, что немцы будут отступать. В этих условиях приходилось маскироваться, чтобы отступающие в массовом порядке немецкие части не обнаружили нас, почти безоружных, то есть с израсходованными патронами. В один из таких моментов невдалеке затрещали пулеметы, стали слышны выстрелы из пушек. Я еще не мог по звуку пушечных выстрелов определить даже калибр пушки, а один из штрафников, наверное, в прошлом артиллерист, закричал оказавшемуся в это время поблизости заместителю комбата майору Кудряшову: «Товарищ майор! Это же наша сорокапятка противотанковая бьет! Наверное, уже наши наступают!»

Александр Иванович решил проверить предположение штрафника: его и еще одного бойца моего взвода послал в качестве то ли разведчиков, то ли парламентеров. Они очень осторожно стали продвигаться в сторону стрельбы. Время, казалось, остановилось. Тогда нам уже было известно и о «власовцах», и об украинских «бандеровцах», «бульбовцах». Действовали тогда они по приказам своих немецких хозяев не только на Украине, но и по всей Белоруссии. Ну а нам, фактически находившимся за линией фронта, многие опасности, естественно, казались страшнее, чем были. Опасались, что вдруг напоремся на них, а патронов-то у нас нет! И вот мы видим вскоре, что наших парламентеров ведут по направлению к нам не власовцы или бандеровцы, а несколько советских офицеров и

красноармейцев! Вероятно, они тоже заподозрили нас в причастности к тем же предательским войскам, тем более что штрафники не имели погон. Но все вскоре прояснилось, и радости нашей не было предела! Все вскочили и бросились к ним, к нашим, к своим!

Горячие объятия вскоре закончились. Командование батальона поговорило с офицерами встреченных нами подразделений, и нас ввели в курс боевой обстановки. Наша 3-я армия и сосед ее, 50-я армия, все-таки прорвали оборону немцев (правда, несколько позже намеченного срока) и в ночь с 23 на 24 февраля штурмом овладели Рогачевом. Как стало потом известно, 3-я армия очистила тогда от противника плацдарм на правом берегу Днепра шириной по фронту 45 км и в глубину до 12 километров, понеся сравнительно небольшие потери. И до сего времени чувство нашей сопричастности к этому событию, в котором боевые потери батальона были минимальны, наполняет душу радостью и гордостью. Вот что пишет сам генерал Горбатов о своих взглядах на возможные боевые потери личного состава:

> «Я всегда предпочитал активные действия, но избегал безрезультатных потерь людей. Вот почему при каждом захвате плацдарма мы старались полностью использовать внезапность; я всегда лично следил за ходом боя и когда видел, что наступление не сулит успеха, не кричал „Давай, давай!“, а приказывал переходить к обороне».

Так случилось, что только из мемуаров Горбатова я узнал эти подробности. А тогда, в момент соединения со своими войсками, нам еще не было известно, что Москва уже салютовала войскам 3-й армии в честь освобождения Рогачева из-под ига оккупантов. Не знали мы тогда и о том, что уже был образован 2-й Белорусский фронт. В него, естественно, вошла часть войск 1-го Белорусского.

Известие о разделении нашего Белорусского фронта на 1-й и 2-й и то, что наш штрафбат остался у прославленного генерала Рокоссовского, вскоре ставшего маршалом Советского Союза, обрадовало нас. Тут же подумалось о судьбе 33-го штрафбата, для формирования которого были откомандированы еще 8 декабря 1943 года заместитель нашего комбата майор Мурза с несколькими офицерами. Оказалось, что этот батальон не был передан вновь образованному 2-му БФ, как мы тогда подумали, а был вскоре расформирован, а оставшаяся часть его, штрафники и некоторые командиры, были переданы 2 марта 1944 года в наш ОШБ.

А то, что наш батальон остался в 1-м Белорусском, которым

по-прежнему командовал Рокоссовский, было тем более приятно, что еще свежо было в памяти многих счастливое событие, о котором уже было сказано ранее. Надо сказать, что восторженные отзывы о командующем фронтом, тогда еще генерале армии Константине Рокоссовском, не единичны. Они подтверждаются многими мемуарами его сослуживцев также и в период, когда он носил уже маршальские погоны. Вот что пишет Кирилл Константинов в своей книге «РОКОССОВСКИЙ. Победа не любой ценой»:

> «Рокоссовский много беседовал с младшими офицерами, солдатами, политработниками. Всем им льстило такое внимание со стороны маршала, который не стеснялся шутить с рядовыми бойцами, находиться с ними в грязном окопе или мерзлой землянке. Кстати, известны случаи, когда Рокоссовский приходил даже в штрафные роты и благодарил воинов за службу — беспрецедентный случай для высшего офицера Красной Армии». Наверное, автор этой книги имел в виду именно тот случай, когда Рокоссовский посетил наши окопы под Жлобином, тем более что штрафных рот для провинившихся сержантов и рядовых в войсках Белорусского фронта Рокоссовского было по 2–3 на каждую армию, а офицерский штрафбат такого состава и такой боевой биографии был только один, наш 8-й.
>
> А вот другая цитата из той же книги: «Многое из того, что рассказывали о Рокоссовском, соответствует действительности. Спокойная и уважительная манера общения с подчиненными, ясность и четкость формулируемых задач, творчество и находчивость при разрешении сложных. А еще многих подкупала его улыбка. Открытое и добродушное лицо, сияющие глаза сразу располагали к этому человеку».

Многие и многие фронтовики, которым, прямо скажем, посчастливилось иметь контакты с этим прославленным полководцем, вспоминают именно эти особенности одного из выдающихся военачальников, маршала Советского Союза Рокоссовского, которого, без сомнения, нужно отнести к Маршалам Победы наравне с Георгием Константиновичем Жуковым. Наверное, одних только восторженных отзывов о нем набралось бы не на один том. В своем повествовании я еще не раз буду говорить о нем, но позвольте пока остановить здесь свое упоминание об этих отзывах.

Закончился этот действительно беспримерный рейд

батальона штрафников в тыл противника освобождением древнего, прекрасного и многострадального города Белоруссии Рогачева. По окончании боевых действий во вражеском тылу нас сразу же разместили в хатах нескольких деревень под Рогачевом. Как потом стало мне известно, это было правилом: штрафбат не должен с боями входить в более или менее крупные города, чтобы не создавалось впечатление, что город этот освобождали преступники. Как не входили мы в Гомель, а в последующем — в Брест, в Варшаву и прочие города. Даже Рогачев мы не видели, хотя очень хотелось. Но правило это соблюдалось неукоснительно.

Измученные, смертельно уставшие за 5 суток изнурительных переходов, когда спать на снегу в лесу доводилось не каждую ночь и не более 2–3 часов, многие, с кого уже свалилось то неимоверное напряжение, державшее еще их на ногах, не дождавшись подхода ротных кухонь с горячей пищей, засыпали на ходу прямо перед хатами. К великому огорчению, нас уже здесь настигла потеря нескольких человек. На теплой печи в одной хате разместились три штрафника, заснули, не успев снять с себя все боевое вооружение. У одного из них, видимо, на ремне была зацеплена граната Ф-1 — «лимонка» или РГ-42, и, видимо, повернувшись во сне, он сорвал с ремня гранату, и она взорвалась. Только одного из этих троих удалось отправить в медпункт, а двое погибли. Вынести такую нагрузку, такие испытания и погибнуть уже после боя, накануне полного своего восстановления в офицерство…

За успешное выполнение боевой задачи, как и обещал командующий армией, почти весь переменный состав (штрафники) был, как сказали бы теперь, реабилитирован, то есть восстановлен во всех офицерских правах и отчислен из батальона либо в свои части, на прежние или равные им должности, либо в кадровые органы фронта или армий. По документам ЦАМО РФ значится, что всего по итогам рейда в тыл противника было восстановлено в офицерах около 600 человек. Сравните, дорогой читатель, эти цифры, и оцените масштабы той лжи, которую стремятся наши доморощенные фальсификаторы вдолбить в головы тех, кто не был участником Великой Отечественной, будто из штрафбатов было только два выхода: ранение или бесславная гибель.

Все участники того беспримерного рейда во вражеский тыл под Рогачевом находились в ожидании приказа командующего фронтом, которым и приводилось в действие само освобождение. Многим уже были вручены боевые награды: медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», редко другие ордена, в том числе и Славы III

степени. Это были герои, из подвигов которых будто «вычитали» числящуюся за ними вину, но и после этого хватало этих подвигов еще и на награды. Надо сказать, что штрафники не очень радовались ордену Славы. Дело в том, что это был по статусу солдатский орден и офицерам он вообще не полагался (кроме младших лейтенантов авиации). И конечно, многим хотелось скрыть свое пребывание в ШБ в качестве рядовых, так как это считалось пятном на офицерской репутации, а такой орден был свидетельством этого. Командный состав батальона в основе своей был награжден орденами. Сам комбат был удостоен ордена Кутузова III степени.

А я и еще несколько офицеров в этот раз были обойдены наградами. Наверное, мы еще недостаточно проявили себя. В то время мне вновь пришла мысль о «без вины виноватом» за отца и брата матери. Тяжелое тогда было время для раздумий, тем более что мне уже из писем матери стало известно, что мой брат Виктор пропал без вести где-то под Сталинградом в конце 1942 года. Не попал ли он в плен, не числится ли он в «предателях», как многие бывшие военнопленные, оказавшиеся в нашем штрафбате?

Да и что я мог поставить себе в заслугу, достойную правительственной награды? Вот Петя Загуменников — его подчиненные столько немецких автомобилей с фашистскими солдатами подбили! И не я один оказался без награды, Муська Гольдштейн, например, — тоже. Зато вскоре приказом командующего фронтом генерала Рокоссовского мне было присвоено звание старший лейтенант. Это я и воспринял как награду.

Возвращаясь к упомянутой выше книге Виталия Закруткина «Дорогами большой войны», проведу некоторую параллель в наградном деле: командиру отдельного лыжного батальона 5-й Орловской стрелковой дивизии 3-й армии 1-го Белорусского фронта, захватившего станцию Тощица, капитану Коваленко Борису Евгеньевичу было присвоено сразу два звания — Героя Советского Союза и внеочередное воинское — майор. Почти весь личный состав этого лыжбата (около 400 человек) получили ордена и медали. И это естественно, не штрафники же они!

В приказе Верховного Главнокомандующего в честь освобождения Рогачева была объявлена благодарность и присвоено наименование «Рогачевских» большому числу частей и соединений, принимавших участие в этих боях. А наш штрафбат — 800 офицеров — будто и не присутствовал при этом, естественно, даже не был упомянут, хотя, например, 141-я рота огнеметчиков, всего один взвод которой, 25 бойцов, действовал с нами, в приказ вошла и получила наименование «Рогачевской».

Конечно же, она не штрафная! Такое незыблемое правило ничего не публиковать о штрафниках действовало всю войну и даже многие годы после.

Да, было еще какое-то «неписаное правило» определять степень награждения командира в зависимости от того, сколько его подчиненных представлено к наградам. Понятно, штрафников к наградам представляли в редких, исключительных случаях. Отсюда и их командиры не попадали в ранг особо заслуженных, так как по тому же «правилу», подумаешь, всего каких-нибудь 2–3 его бойца медалями отмечены!

В деле награждения многое, если не все, зависело от командования, в распоряжении которого оказывались штрафные подразделения. Вот генералы Горбатов и Рокоссовский освободили от наказания штрафбатом почти 75 % штрафников, участвовавших в боевой операции во вражеском тылу, независимо от того, искупили кровью они свою вину или не были ранены, а просто честно и отважно воевали, да и награждение их тогда было не единичным.

Я об этом говорю уже не один раз потому, что постоянно в некоторых СМИ продолжают муссироваться домыслы, будто у штрафников было только два выхода: смерть или ранение, другого не дано. К сожалению, были на фронте и другие начальники разных рангов, у которых жизнь подчиненных на войне высоко не ценилась. К этой категории мы, фронтовики-штрафбатовцы, относили даже некоторых командующих армиями, в составе которых батальону приходилось выполнять разные по сложности и опасности боевые задачи. Реакция таких и на награждение штрафников весьма отличалась от горбатовской. Но об этом в соответствующих местах моих воспоминаний.

Возвращаясь ко времени написания нами, взводными командирами, боевых характеристик на штрафников, скажу, что эти документы после подписи командиров рот сдавались в штаб батальона. Там уже составляли списки подлежащих реабилитации, выбирали бойцов, достойных наград. Путь этих бумаг лежал дальше на осужденных — через штаб армии в армейский или фронтовой трибунал, а на направленных в штрафбат по приказам начальников или на «окруженцев» — непосредственно в штаб фронта. Приказы о восстановлении в офицерском звании и отчислении из штрафбата подписывались, как уже говорилось ранее, лично командующим фронтом и членом Военного совета. Отдельно составлялись в штабе батальона наградные листы и на штрафников, и на штатных офицеров. Эти наградные документы направлялись, как правило, командующим армиями, в составе которых на этом этапе боевых

действий находился батальон. Так что и награждение тех и других зависело тоже от командармов, которым было предоставлено такое право на время боевых действий.

Пока этот документально-бюрократический процесс шел, а шел он здесь, к удивлению, настолько быстро, что его едва ли можно было еще ускорить, штаб батальона снова передислоцировался в село Майское Жлобинского района, а подразделения — в близлежащие села, из которых уходили в тыл врага. Немногочисленное еще население деревень и сел встречало нас очень тепло. Главным угощением в белорусских хатах была бульба (картошка) с разного рода соленьями и… конечно, самогон (самагонка) из той же бульбы. С радостью встречали местные девчата и одинокие женщины вернувшихся живыми и здоровыми штрафников и их командиров. Ведь наши бойцы-переменники, как официально они назывались, были хоть и временно разжалованными, но все-таки офицерами, грамотными и с достаточно высоким уровнем культуры. Кстати, их у нас и не стригли наголо, а сохраняли нормальные офицерские прически. А некоторые, особенно из боевых или тыловых офицеров, даже продолжали «щеголять» офицерским обмундированием, только без погон и офицерских ремней. Погоны не надевали даже те штрафники, которые назначались на должности командиров отделений или замкомвзводов, и, согласно положению, им приказом по батальону присваивались сержантские звания.

В основе своей наши бойцы оставляли по себе добрые впечатления у всех слоев населения, а не насильников и грабителей, как это подчеркивается в пресловутом фильме-фальсификации «Штрафбат» и подобных киноподелках и публикациях. Надо еще помнить, что у славян испокон веков жалеют обиженных властью. А именно такими наши бойцы были в глазах женщин и девиц этого основного населения прифронтовых деревень. Ну а офицеры постоянного состава батальона, в большинстве своем молодые мужчины в возрасте 20–25 лет, тоже пользовались еще большим вниманием и уважением.

В Майском оставались наши тылы, вооружение и боеприпасы, склады, штабные документы, а также отправленные сюда партбилеты и награды офицеров, командовавших штрафниками. Оставалось там и некоторое число штрафников для охраны всего этого. А к ним за время нашей «командировки» в немецкий тыл добавилось немало новых приговоренных к пребыванию в штрафном батальоне или направленных сюда по приказам командиров. Конечно, приходили и не совсем честные тыловые офицеры — за другие прегрешения.

Так как шло освобождение ранее оккупированной территории, рос и контингент штрафников из числа «окруженцев», оказавшихся в свое время там или бежавших из фашистского плена. Ну и боевая обстановка на фронте, некоторые неудачи, предшествовавшие наступлению, увеличили, наверное, число направленных офицеров за невыполнение боевых задач. Это, в частности, косвенно подтверждается и материалами по истории войны. Например, в справочнике «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история». (М.: Воениздат. 1967. С. 334) говорилось: «Войска Белорусского фронта к концу февраля 1944 г. овладели Мозырем, Калинковичами, Рогачевом, форсировали Днепр и захватили плацдарм на его противоположном берегу. Занять Бобруйск и развернуть наступление на Минск, как это от них требовалось, они оказались не в состоянии».

Кстати, о том, что не был взят Бобруйск, на фронте ходили легенды, об одной из которых будет рассказано в разделе о легендах про генерала Горбатова.

Во всяком случае, на место подлежащих освобождению от наказания уже прибыло пополнение для формирования новых подразделений штрафбата. И даже еще не началась длившаяся затем несколько дней реабилитация отвоевавшихся штрафников, а уже были сформированы две новые роты. Процедура такой массовой реабилитации, впервые проводимой в нашем ОШБ, заключалась в том, что в батальон прибыли несколько групп представителей от армейских (фронтовых) трибуналов и от штаба фронта. Они рассматривали в присутствии командиров взводов или рот наши же характеристики на освобождаемых штрафников, принимали решения о снятии судимости с осужденных, восстановлении в воинских званиях.

Затем буквально через несколько дней поступал приказ командующего фронтом, по которому эти предварительные решения, отдельно по каждому бойцу вступали в законную силу. Мы просто не переставали удивляться, как это удавалось так оперативно штабу фронта решать эту огромного объема и не менее значимой морально-политической важности задачу. Наверное, командующий фронтом понимал, как ждут его решения бывшие штрафники, считающие не дни даже, а минуты, когда смогут снова надеть офицерские погоны и вернуться в офицерский строй, и как ждут войска нового офицерского пополнения. За всю дальнейшую боевую историю нашего штрафбата такую оперативность никто из нас не мог вспомнить.

Наряду с этим представители старших штабов выносили постановления о возвращении наград и выдавали

соответствующие документы. После всего этого восстановленных во всех правах офицеров направляли, как правило, в их же части, а бывших «окруженцев» — в полк резерва офицерского состава, из которого, кстати, недавно прибыл и я со своими теперь уже боевыми товарищами. Часть штрафников-«окруженцев» имела еще старые воинские звания, например военинженер или техник-интендант разного ранга. Тогда им присваивались новые офицерские звания, правда, в основном на ступень ниже. Такое же правило применялось часто и в регулярных войсках при переаттестации на новые звания.

Конечно, на этом не завершилась боевая деятельность батальона в окрестностях Рогачева, но об этом в главе о «Коварной Друти…».

Глава 7
Коварная Друть, рокировка. Легенды о генерале Горбатове

Все стерплю: и зной, и слякоть,
Редкий сон, с песком еду,
От атаки до атаки
Я несу в себе войну.

Владимир Шпадарук (Рогачев)

Я знаю, что каждый в эти часы
Вспомнил все песни, которые знал,
Вспомнил о сыне, коль дома сын,
Звезды февральские пересчитал.

Всеволод Багрицкий, погиб на Ленинградском фронте в 1942 году

К сожалению, в процедуре «очищения» штрафников от их вины перед Родиной мне в этот раз довелось участвовать недолго, так как во вновь сформированных двух ротах места командиров взводов пришлось срочно занять мне и другим офицерам, только что вернувшимся из Рогачевского рейда. Наверное, я оказался здесь скорее как имеющий фактически только одно настоящее боевое крещение и не получивший еще достаточно боевого опыта. Были у меня по этому поводу и другие мысли, все о тех же *преступлениях* и своеобразных *наказаниях* за отца и дядю, но я их гнал, как ничем пока уверенно не подтвержденные.

Сразу же после завершения боевых действий по освобождению Рогачева нам пришлось участвовать в выполнении другой задачи, полученной от командарма-3 генерала Горбатова. Двум нашим вновь сформированным ротам дали задание уже 25

февраля захватить у немцев плацдарм на реке Друть, впадающей в Днепр у Рогачева.

Днепр, как известно, на всем своем протяжении «многонационален». Это река чисто славянская, протекающая по территории России, Беларуси и Украины. Греки ее называли Борисфен, первые славяне — Славутич. И берет она свое начало из небольшого русского болотца на границе Смоленской и Тверской областей, в сорока километрах от райцентра Сычевка и в шести — от ближайшей деревни Бочарово. Зато Друть, на слиянии которой с Днепром и стоит Рогачев, — чисто белорусская река: ее исток — на Оршанской возвышенности в Витебской области, а устье — при впадении в Днепр около Рогачева на Гомельщине. После Днепра она кажется небольшой речушкой. А для нас и маленькая Друть — все-таки водная преграда.

Буквально на второй день после освобождения Рогачева этим ротам было приказано преодолеть эту речку-невеличку и захватить плацдарм на ее западном берегу, что оказалось не такой уж легкой задачей. Для этого нужно было ночью скрытно преодолеть по льду эту реку, без артподготовки и криков «ура!», совершенно внезапно атаковать противника в направлении деревни Заполье, выбить немцев из первой траншеи и, развивая наступление, обеспечить ввод в бой других армейских частей с захваченного плацдарма. Генерал Горбатов отмечал:

> «На реке Друть особенно сильной была первая полоса обороны немцев глубиной 6–7 км, с тремя позициями… Ширина реки кое-где до 60 метров, глубина 3,5 метра. Заболоченная, слабопромерзающая долина до полутора километров».

Ночь была почти безлунной и пасмурной. Но немцы, видимо, не ожидая нашего наступления или по какой-то другой причине вовсе не применяли здесь своих осветительных «фонарей». В отличие от Днепра лед на этой реке был изрядно продырявлен, и потому приходилось в ночной темноте нащупывать его ногами, чтобы не угодить в полыньи, пробитые снарядами и минами. Может, это состояние льда успокоило немцев, и они не освещали ближайшие подступы к своим траншеям, хотя минометный огонь по льду они изредка вели и теперь. Однако, как назло, мне довелось именно здесь принять ледяную купель. Ведь угораздило же меня провалиться на побитом, но успевшем слегка спаяться на морозе льду. Наверное, еще и потому, что отвлекся от собственной безопасности — вглядываясь под ноги, одновременно старался в темноте разглядеть, как движется мой

взвод.

Ухнул туда я сразу, и мои попытки выбраться из этой «проруби» были долго безуспешными, потому что лед, за который я почти в кромешной темноте хватался, состоял из мелких, едва схваченных ночным морозом ледяных осколков, да еще припорошенных снегом, и легко крошился в моих руках. Ощутимое течение все заметнее тянуло под лед, а телом уже чувствовал ледяной холод Друти. Набухли водой ватные брюки, телогрейка, тоже ватная, промокла почти до ворота, да еще ППШ весом более 5 кило, все это уменьшило мою естественную плавучесть.

Тут надо бы вспомнить русскую поговорку: «Все, что ни делается, — к лучшему». Когда мы в срочном порядке готовились к выполнению этой задачи, была команда выдать всем валенки. Незнакомый мне старшина, занимавшийся этой процедурой, когда бойцам всего взвода валенки были выданы, вдруг заявил, что они кончились. Надо же, командиру валенок не хватило!

Ну, мне всегда «везет», всю жизнь на мне что-нибудь кончается, даже дефицитные сигареты после войны в каком-нибудь табачном ларьке, или билеты на поезд, или очередь на троллейбус (когда такие очереди еще были в послевоенное время). Вот и валенки на мне закончились. Ладно, хоть бойцам всем достались. Ждать, когда старшина принесет дополнительную пару со склада, не было времени, и я увел свой взвод к назначенному месту.

Здесь же, в этой полынье на Друти, я поблагодарил судьбу за то, что на мне не валенки, а сапоги. Валенки бы быстро наполнились водой, набухли и еще сильнее тянули бы ко дну или вовсе могли сползти, и я бы остался босой. А если прибавить к этому, что плавать я вовсе не умел, то, переиначивая слова славного русского поэта Сергея Есенина о вере в Бога, можно было сказать:

Стыдно мне, что я раньше не плавал,
Горько мне — не умею теперь!

Понятно, что неизбежным следствием всех этих драматических обстоятельств могло быть только полное окончание моей фронтовой да и не только фронтовой жизни. Спасло тогда меня то, что поблизости постоянно шел штрафник-ординарец, которого я выбрал и назначил для этого в срочном порядке во время получения валенок. Срочность, с которой мне подчинили взвод, не дала возможности тогда узнать, а тем более запомнить фамилию этого бойца. Помню только, что это бывший

младший лейтенант, моложе меня и по возрасту, но запомнил только имя его — Женя, — наверное, потому, что из-за его молодости все именно так к нему обращались. Это теперь, изучая архивные документы ЦАМО РФ, присланные мне в сентябре 2014 года, удалось определить его фамилию — Вдовин, награжденный за бои под Брестом медалью «За отвагу».

Увидев, а скорее, услышав мое барахтанье в воде и безуспешные попытки выбраться из ледяного крошева, оставаясь на твердом льду, он догадался лечь и как можно ближе подползти на край этой злосчастной полыньи. За мушку протянутого им автомата, к которой мне с трудом удалось дотянуться, я уцепился вначале буквально двумя пальцами, а затем уже и покрепче, как утопающий за соломинку. Женя медленно потянул меня к краю полыньи, которая едва не стала моей могилой. Наконец, обламывая непрочные ее края, я с помощью моего спасителя выбрался на твердый лед. Всю остальную часть пути по реке мы преодолевали уже осторожнее, чтобы не повторить случившегося.

Командиром нашей роты был капитан Михаил Сыроватский, кстати сказать, сам недавний штрафник, восстановленный в офицерских правах за боевые заслуги в боях под Жлобином и принявший предложение комбата Осипова остаться в батальоне на должности ротного командира. Это был невысокого роста худощавый офицер, кажется, еще не совсем освободившийся от ограничений, наложенных на него прежним положением бойца-переменника, и как-то особенно уважительно относящийся к взводным своей роты да и к вчерашним коллегам-штрафникам, ко всем обращался на «вы». Как потом мы его «разглядели», был он человеком спокойным, невозмутимым, не чуждым разумного компанейства, но не допускающим и близко панибратства. Его распоряжения подчиненным носили характер просьб, но твердых, настоятельных.

Тогда, на Друти, он ждал, когда подтянется со льда вся рота, чтобы не дробить тот кулак, которым собирался прорвать оборону на своем участке. Преодоление реки проходило, как было установлено, почти бесшумно, без единого слова, да и берег штурмовали тоже молча. Но сосредоточение роты у крутого берега Друти не прошло незамеченным для противника, и он открыл огонь минометами по льду, а ружейно-пулеметный вначале под крутым берегом нас не доставал.

Это уж потом мы удивлялись, как нам всем удалось так быстро, без специальной обуви, без штурмовых лестниц, «кошек» и канатов или каких-либо других приспособлений преодолеть обрывистый и обледенелый склон берега. Его ледяной покров разрушали только при помощи штыков, финских ножей да

саперных лопаток, проделывая в сравнительно нетолстой корке льда углубления, если удавалось, даже до грунта.

Здесь возьму на себя смелость сказать, что в полной мере подтвердились слова в документе штаба 3-й армии о чудесах, которые творит пехота, особенно офицерская, да еще и штрафная. Документ этот называется «Описание боевых действий 3-й армии в Рогачевской операции в период с 21 по 25 февраля 1944 г.», и в нем записано, в том числе и о штрафбате:

> «Лишний раз подтвердилось, что при ясном понимании своей задачи и хорошем руководстве со стороны офицерского состава наша пехота способна творить чудеса. В штурме неприступного Днепровского берега русская пехота лишний раз показала присущие ей блестящие качества. Это упорство, смелость и ярость, с какой она штурмовала отвесные обрывы под огнем противника».

Немцы, оказывается, специально поливали этот крутой, очень высокий берег Друти водой и превратили, по их мнению, в недоступный ледяной барьер, своеобразную большую «горку». Неожиданно вспомнилась известная фраза Сталина: «Нет в мире крепостей, которых большевики не могли бы взять!» Временами приходилось съезжать с этой «горки», почти как суворовские солдаты при переходе через Альпы. Только те съезжали вперед, а мы — назад! И все-таки успели! Рота начала атаковать передний край немцев, несмотря на усиливающийся пулеметный огонь, подавляемый огнем наших автоматчиков и гранатами. И вот уже вместе с разрывами гранат стали слышны крики, среди которых рядом с «ур-р-а-а-а» заметно выделялись весьма крепкие русские выражения. Нагрянув на еще не опомнившегося противника, штрафники завязали бой. Наверное, только достигнутая внезапность и самоуверенность немцев в недоступности для нас их позиций избавили роты от больших боевых потерь.

Кстати сказать, замусоленный штамп о том, что штрафники вообще без мата не обходились в любых ситуациях, также надуман, как и многое другое, что некоторыми авторами публикаций о штрафбатах перенесено в свои измышления из тюремно-лагерного бытия. Мои предположения о том, что мат есть выражение высшего эмоционально-стрессового напряжения именно в острых боевых ситуациях, нашло подтверждение в будущем. И если он имел место, то был скорее адресован врагу, и то при близком соприкосновении с ним, а не в общении между собой.

Мы с ординарцем вместе со своим взводом и еще человек 5–6

неудачников, испробовавших неласковую воду коварной Друти, мокрые, но еще не лишенные подвижности, участвовали в захвате и первой, а затем и второй траншей противника. На себе убедился, что промокшая ватная одежда очень тяжела!

Как отмечал генерал Горбатов, немецкая оборона на реке Друть была мощной. Были там и доты с металлическими колпаками, и плотные минные поля, и проволока в три кола. Но на нашем участке минного поля не оказалось, траншеи были отрыты на небольшом удалении от обрывистого берега, поэтому берег на значительном его участке немцами не простреливался, а проволочные заграждения были слабыми, в один ряд. Может быть, это потому, что противник понадеялся на казавшуюся ему недоступность этого крутого склона, превращенного в ледяную горку.

Но то, что для нашей атаки было выбрано одно из таких слабых звеньев обороны немцев, было еще одним свидетельством стремления генерала Горбатова в любой ситуации избежать неоправданных потерь. По всему было видно: жалел он именно штрафбат, понимая, что этот батальон штрафников-офицеров по аналогии с известной уже читателю аббревиатурой ОПРОС (отдельный полк резерва офицерского состава) наш командарм может посчитать как своеобразный ОБРОС — «Отдельный батальон резерва офицерского состава». Реабилитированные офицеры из этого ОБРОСа, приобретя боевой опыт рядовыми, будут весьма ценным пополнением для войск его 3-й армии. Да и разведка у генерала Горбатова хорошо поработала, сумела обнаружить наименее укрепленный участок немецкой обороны: минного поля не было, а проволока вместе с кольями сравнительно легко была опрокинута.

Первая траншея уже была очищена от живых фрицев, убитых было много и в самой траншее, и за ней. Наши подразделения, преследуя убегающих немецких солдат, захватили не только вторую траншею. В результате решительных действий наших двух рот (не могу вспомнить, кто командовал другой ротой) образовался уже заметный плацдарм.

После того как мы выполнили задачу по захвату плацдарма, поступила команда перейти к обороне. Промокший до нитки и продрогший, как говорится, до самых костей, я пытался согреться хотя бы энергичными движениями, но тщетно: к рассвету не на шутку начинало понемногу леденеть мое обмундирование, да и тело переохлаждаться. А если учесть, что в этой обороне я пробыл и весь день до следующей ночи, можно представить, во что превратились моя одежда и я сам. Почему-то вспомнилась песня о

ямщике, который замерзал в степи. Конечно, я не до такой степени окоченел, меня немного выручала трубка, которую я курил уже довольно давно, еще до фронта. Она была массивной, солидной вместительности, с классически изогнутым чубуком и долго хранила тепло. Мой табак размок, и мне доброжелательно предлагали свою «махру» соседи по окопу. Кто пробовал курить махорку в трубке, поймет, что это за «удовольствие». Трубка хорошо грела кисти рук, но остальные части тела от довольно крепкого, державшегося всю ночь и целый день мороза стали терять подвижность. Мои пропитавшиеся водой ватные брюки и такая же телогрейка постепенно превращались в ледяной панцирь.

Вначале мне пришло сравнение образовавшегося панциря с рыцарскими доспехами, а потом более точное — с черепашьим панцирем, в котором только голова еще вертелась на шее довольно свободно да кисти рук, гревшиеся от трубки. Сапоги мои тоже скоро превратились в ледяные, и я опасался, как бы ноги не обморозились хуже, чем палец во время долгого зимнего похода в училище в дальневосточном Комсомольске ровно два года тому назад. Командир роты, капитан Сыроватский, видя, что толку от меня немного, приказал, пока не стемнело, двоим легко раненным штрафникам доставить меня в медпункт батальона. И поволокли они меня, как ледяную колоду, назад через Друть.

В батальонном медпункте, а он размещался в не очень вместительной палатке с печкой, орудовал наш доктор — капитан-медик Степан Петрович Бузун, небольшого роста, со старомодной бородкой. Его, наверное, никто, даже штрафники, не называли по воинскому званию — «доктор», и все. Он и его помощник, лейтенант медслужбы Ваня Деменков, с помощью больших саперных ножниц сняли с меня этот панцирь и сапоги, тут же энергично растерли всего от головы до пят смесью, кажется, спирта со скипидаром. Конечно, еще после кружки горячего чая влили внутрь и дозу спиртного, одели меня во все сухое.

Надо же, наш заботливый комбат предусмотрел и здесь запас всего: и белья, и ватных телогреек с брюками! Меня даже обули в валенки, наконец-то и мне доставшиеся! Так как в палатке было полно раненых, рядом с ней, в глубоком снегу мне отрыли яму, дно которой устелили хвойным лапником, прикрыли его частью плащ-палатки. Улегся я туда, меня закрыли второй половиной плащ-палатки, «утеплили» ее сверху тоже еловыми ветками и… засыпали толстым слоем снега, оставив там, где голова, отверстие для доступа воздуха. Хорошо разогретый растиранием да и внутренним «компрессом», совершенно не спавший эти

злосчастные две ночи, я мгновенно заснул мертвецким сном. Конечно, сказалось еще и то, что фактически не удалось хорошо отдохнуть и от трудного пятисуточного рейда в тыл к немцам.

Уже к полудню меня разбудили, сам бы еще долго спал. Выбрался из своей «берлоги» с чувством хорошо отдохнувшего, выспавшегося в удобной постели и снова полного сил и энергии человека. Я не получил даже банального насморка, обычного для таких переохлаждений, не говоря уже о воспалении легких или каком-либо бронхите. Последствием моей купели и заметного переохлаждения был выступивший у меня через несколько дней на шее и некоторых других частях тела мелкий очаговый фурункулез. Как мне объяснил потом наш доктор Степан Петрович, эта стойкость организма была результатом мобилизации его внутренних сил, возникающая именно в условиях моральных и физических сверхнапряжений. В моем случае, наверное, сыграла свою роль, кроме того, и моя дальневосточная закалка, как с детства, так и при воинской службе там. И даже, как я узнал позже, инфекционными болезнями во время войны люди болели реже и легче, не говоря о том, что вовсе не возникали какие-либо масштабные эпидемии.

Пока я отсыпался в своей снежной «берлоге», наши подразделения выполнили свою задачу и там был введен в прорыв стрелковый полк. Как мне потом рассказали, ввод полка был обеспечен мощным залпом гвардейских минометов — «катюш». Однако несколько их снарядов взорвалось в непосредственной близости от штрафников, и, к сожалению, при этом не обошлось без потерь среди наших бойцов. Как говорили многие очевидцы этого инцидента, всем стало понятно, почему немцы так панически боялись залпов «катюш». Возможно, причиной этого могло стать то, что какие-то реактивные снаряды просто сорвались со своей траектории или одно подразделение штрафников успешнее других продвинулось еще до ввода полка, а расчетам гвардейских минометов — «катюш» могли не успеть об этом сообщить. Артиллеристы-штрафники предположили, что, может, в батарее «катюш» кто-то ошибся в расчетах при подготовке данных для стрельбы.

В связи с этим фактом я несколько нарушу хронологию своего повествования.

К 50-летию Победы в 1995 году российское телевидение подготовило большую серию передач под общим названием «Моя война». Я тоже был участником этих передач. По итогам бесед с персонажами этих телепередач, от маршала Язова Дмитрия Тимофеевича до рядовых, газета «Комсомольская правда» печатала обширные материалы об их боевых буднях. В рассказах

многих участников этих передач была, как правило, честная, порой потрясающая правда о войне!

Однако одна публикация поразила меня откровенным лукавством. Это помещенный в газете за 14.12.1994 г. рассказ бывшего начальника разведки дивизиона «катюш» Георгия Арбатова, «готовившего иногда данные для стрельбы». Лукавство в его рассказах заключалось хотя бы в том, что он «видел, как летят куски человеческих тел» от взрывов их реактивных снарядов. Каким же сверхъестественным зрением обладал рассказчик, если с закрытых позиций (что для «катюш» было строгим правилом!!!) он «видел это», а мы, находясь на зрительном удалении от немецких траншей, видели в этих случаях только сплошную полосу огня и вздыбленной земли. И никаких «кусков» тел человеческих! Или, например, как он, Арбатов, «пару раз из личного оружия попадал в немцев». Из пистолета? И тоже с закрытых позиций? Пусть эти утверждения ныне уже покойного академика Георгия Арбатова останутся на его совести.

Но если среди готовивших «катюшам» данные для стрельбы попадались не совсем честные и добросовестные, а порой случайные, как Арбатов, люди, то результатами этих стрельб могли быть и такие, как у нас в этот раз за рекой Друть. Кстати, о другой неправде из уст академика Арбатова упоминает в своей книге «Записки командира штрафбата» Михаил Сукнев, который опровергает его утверждения о том, что *«штрафников караулили сзади заградотряды»,* и говорит прямо: *«Неправда! У нас их не было»*. Да и нигде за штрафниками они не стояли, сообщаю вам в тот мир, куда ушли, господин Арбатов!

Теперь о другом. Как я узнал позднее, кроме капитана Михаила Сыроватского некоторые наши командиры не только взводов и даже рот были недавно штрафниками. Сыроватский, пробыв штрафником всего 12 дней в боях под Жлобином, за особые боевые заслуги досрочно, без ранения был восстановлен в офицерских правах и 26.12.1943 года уже назначен командиром роты. Наш батальонный доктор Бузун Степан Петрович, как я уже говорил — тоже из этой категории. Попал он к нам штрафником-военврачом 3-го ранга после выхода из окружения. В боях под Жлобином проявил героизм, был ранен, представлен к ордену. По возвращении из госпиталя и восстановления в офицерских правах уже капитаном медицинской службы добровольно остался в офицерских кадрах штрафбата. Да и его помощник, лейтенант медслужбы Ваня Деменков тоже из бывших штрафников, отличился на Курской дуге и с августа 1943 года — в постоянном составе штрафбата. Так что наша штрафбатовская медслужба

была, образно говоря, дважды штрафной.

О таких случаях почему-то в батальоне не принято было распространяться, хотя я, как и все остальные офицеры, с большим уважением относился к этой категории вошедших именно в штрафбатовский офицерский строй, которому «на роду» написано бывать там, где жарче, где опаснее. Мне удалось установить, что из восстановленного мною списка офицеров постоянного состава батальона (см. соответствующую главу) по крайней мере 11 офицеров перед этим прошли испытание в роли штрафников, досрочно восстановлены во всех офицерских правах за особые боевые заслуги и зачислены в штат постоянного состава штрафбата.

Однако вернемся в февраль 1944 года. После ввода в бой стрелкового полка наши подразделения были отведены в расположение батальона. К сожалению, дальнейшего значительного развития это наступление не получило. Зато, как стало известно позже, была именно здесь тогда заложена основа летней операции «Багратион». А пока мы, вернувшиеся из-за Друти, практически не получившие ни часа отдыха, но с новым пополнением срочно погрузились на поданные автомобили и убыли в район восточнее города Быхов.

Был уже конец февраля, хотя и високосного года, но природа разразилась таким мощным «снеговалом» (снег поистине валил несколько дней!), что едва мы прибыли в назначенный район, как все дороги и подъездные пути уже стали просто непроходимыми, а не только непроезжими. Как говаривали наши остряки, погода тогда была «диетической», потому что почти неделю из-за невозможности подвезти продовольствие наш суточный рацион горячего питания состоял из растопленного в походных кухнях снега (вот в чем недостатка не было!) и приготовленного из него «бульона». А он, этот «диетический» бульон, кроме кипятка талой воды (говорят, очень полезной для здоровья), содержал довольно редко плавающие какие-то вкрапления от американской свиной тушенки, называемой нами тогда «Второй фронт» (одна литровая банка на 100-литровый котел полевой походной кухни!). К этому добавлялось по одному сухарю. И никакой возможности чем-то сдобрить это «диетическое» блюдо!

После прекращения многодневного снегопада и расчистки дорог намечавшееся было наступление, видимо, отменили, и нас снова отвезли, но уже не в Майское, а в соседнее село Городец, хорошо знакомое многим еще по пребыванию нашему в Майском и окрестных селах, ибо расстояние между ними большим не назовешь. Так что многим восстановить старые связи с жителями не составляло трудностей.

В штрафбате переменный личный состав да и постоянный менялись чаще, чем в других подразделениях переднего края. Но штрафникам, которые пришли в штрафбат и полгода спустя, каким-то непостижимым образом передавались впечатления сыновней любви их предыдущих собратьев по судьбе к этому поистине народному генералу. У меня еще не раз будет повод напомнить читателю об этих качествах командарма Александра Васильевича Горбатова.

После Рогачевской операции и боев за Друть период формирования батальона и обучения нового пополнения несколько затянулся. Естественно, за это время завязались более тесные отношения и связи с местным населением. Да и не только с местным. Оказалось, что невдалеке был расположен аэродром, а около него базировался БАО (батальон аэродромного обслуживания), основным солдатским составом которого были девчата.

Помню, в один теплый весенний день, уже в середине апреля, вдруг на дороге, почти в центре села, прогремел взрыв. Оказалось, это оттаявшая земля обнажила давно установленную немецкую противотанковую мину. И на нее наступила копытом лошадь, везущая «не хвороста воз», а целую повозку артиллерийских снарядов. Только накануне, дня за два до этого, так же на мине в деревне Фундаменка того же Буда-Кошелевского района подорвалась другая повозка, на которой объезжал подразделения наш новый замполит батальона капитан Никон Соломатов. Погиб он там, пробыв в батальоне всего 2,5 месяца. Всех удивляло, что эти снаряды не детонировали, а то солдат-возничий не отделался бы просто ранением, его тоже могла постичь участь нашего замполита.

Конечно, эти два взрыва вызвали настороженность, но в результате наши походные кухни за счет погибших лошадей получили возможность увеличить калорийность солдатских блюд, а мой ординарец Женя успел отхватить солидный кусок конины от погибшей лошади. Оказавшись неплохим кулинаром, он сумел с активным участием хозяйки нашего жилища, щедро снабдившей его бульбой, цибулей и какими-то сухими пряностями, приготовить солидный казан вкуснейшего жаркого. К необычному ужину, конечно, пригласили соавтора этого блюда, хозяйку с ее малышней, а Женя, с моего разрешения, — еще и знакомых ему солдаток из БАО. Все были довольны, хвалили кулинара, особенно солдатки-аэродромщицы. Видимо, паек у них был не как у летчиков, а поскромнее. Зато как их, бедных, выворачивало, когда они узнали, что это конина от той, подорвавшейся, лошади!

То ли они были воспитаны в неприятии конины, то ли непривычны еще были к фронтовой экзотике.

Вообще за столь продолжительное время нашего пребывания в Городце иногда с наступлением сумерек боевая подготовка сокращалась, и по чьей-нибудь инициативе в большой хате, вернее в большом кирпичном доме, где у немцев была в годы оккупации комендатура, а то и во дворе устраивали хоровые пения.

Песня на фронте, если ей находится место и время, да еще не в строю и не по команде, как-то особенно проникает в души. Она очищает исполнителей от многого негативного, что скапливается в них, какие нелегкие дни боевые, когда жизнь человеческая висит на таком тоненьком волоске, а душа исковеркана видением множества смертей… А как самозабвенно пели в такие минуты!

Невольно снова вспоминаются строки ленинградского поэта Анатолия Молчанова насчет того, как мы пели, «стоя на коленях»:

Нам говорят, что наше поколение
Прожило на коленях жизнь свою.
О, как мы пели, «стоя на коленях»!
Теперь так демократы не поют!

Конечно, Анатолий Владимирович в этих строках имел в виду наши патриотические довоенные песни. Но и песни штрафников, людей, поставленных вроде бы на колени перед военной властью, если вдуматься, звучали не как подневольные, а как поднимающие дух, очищающие сердца и души от пережитого прошлого и ожидания тревожного завтра. Очень сожалею, что не было тогда звукозаписывающей аппаратуры, я бы непременно записал эти песни — и с каким волнением слушал бы их сегодня!

Ведь не было ни дирижеров, ни хормейстеров, но сами собой проявлялись и тенора, и басы, первые и вторые голоса, и так слаженно они звучали, так мощно и многоголосно, даже почти профессионально, что внутри хаты и около нее собирались местные жители и слушали эти импровизированные концерты со слезами благодарности. Правда, один из политработников, агитатор батальона, капитан, а потом майор Павел Ильич Пиун как-то незаметно появлялся в самый нужный момент, подхватывал мелодию, начинал вовремя куплет, если вдруг он забывался запевалой, или даже сам начинал какую-нибудь бодрящую песню.

Вспомнил я здесь о нем, потому что фамилия его, хотя и не Певун, но уж очень подходила к этим случаям, да и среди документов, присланных мне, оказалась характеристика на этого

офицера, в которой отмечалась его склонность к организации самодеятельности. Честно говоря, только теперь приходят мысли, что, наверное, эти хоровые «посиделки» умело и незаметно «агитировал» тот же майор Пиун.

Может, именно потому, что «нештатным» и незаметным организатором этих песенных вечеров был украинец Пиун, чаще в репертуаре были украинские про «вийсько Запоризьско», про «Зеленый гай, густесенький», где «вода як скло блыщить», да еще «Ой ты, Галю» или «Роспрягайте, хлопци, кони». Но больше всего любили раздумчивые русские песни, например, «Бежал бродяга с Сахалина» и «Славное море, священный Байкал», а особенно про Ермака («Ревела буря»), в которой с каким-то особенным чувством произносились слова: «И пала грозная в боях, не обнажив мечей, дружина». Чаще других запевали любимую чапаевскую из известного всем фильма: «Ты добычи не добьешься, черный ворон, я не твой», и даже про гибель «Варяга»: «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает». Наверное, эти песни отвечали тому состоянию души, которое было тогда у штрафников, готовящихся к своему, как многим из них казалось, «последнему параду», к боевым действиям «во искупление вины своей» перед Родиной, какова бы эта вина ни была…

Во время формирования в Городце столько песен перепели, а местные девицы своими чистыми, звонкими, высокими голосами так часто их украшали! Все это настолько сближало, что свидания, чего греха таить, изредка переходили в почти свадьбы, пусть и не настоящие, но уж что было, то было. Жалостливые были женщины: и сами натерпелись, и мужчин жалели: кто знал, сколько жизни им оставалось…

В один из послевоенных приездов в ставший мне родным Рогачев, уже в 2009 году, с помощью председателя райсовета Риммы Геннадьевны Ястремской удалось найти этот песенный дом. Какие чувства и воспоминания всколыхнуло это событие! Вспомнилось, как местные жители рассказывали о зверствах фашистов в этой комендатуре, сколько там погибло жителей, подозреваемых оккупантами в связях с партизанами, и как потом выскабливали кровавые пятна с пола и стен, какими-то травами выкуривали немецкий «дух» из этого дома. Да и песни, которые там пели, были от этого чаще грустными.

Когда поступила команда срочно грузиться в железнодорожный эшелон, можно себе представить, сколько слез было пролито, и не только девчатами. Плакали и старушки, привыкшие к физической помощи молодых, здоровых мужчин. Наш комбат, рогачевец Осипов, помню, говорил нам,

командирам, чтобы мы не в ущерб боевой подготовке, но оказывали помощь его землякам, благо наступила весна, когда «день год кормит». Поэтому так открыто выражалось местными людьми сожаление об утрате той сердечности, которая сложилась в общении с нашими непростыми бойцами. Да и наши бойцы относились к ним уважительно, старались, как только можно, помогать им возрождать порушенное оккупантами. Ни одной жалобы на бойцов! А Володарский и Досталь убеждали в обратном!

До места погрузки мы добрались под вечер. Погрузка шла слаженно и довольно быстро, так что вскоре эшелон уже отправился в путь по наскоро восстановленной железной дороге. Оказалось, почти с правого фланга нашего фронта мы должны были переместиться на его левый фланг, то есть на самый юго-запад освобожденной части Белоруссии.

Это потом, в мирные послевоенные годы, мне стало ясно, хотя у меня и нет этому документальных подтверждений, что эта рокировка была задумана автором плана «Багратион» Рокоссовским как элемент дезинформации противника о всесторонней подготовке к этой летней стратегической операции. Противник знал, что штрафные батальоны у нас, как правило, используются на направлениях главных ударов или хотя бы на ответственных участках будущих наступлений. Естественно, он должен был воспринять передислокацию штрафбата, участвовавшего в битве за Рогачев, на левый фланг фронта, да еще со многими другими подобного рода мерами маскировки, как подготовку направления главного удара. Может, именно поэтому наши пешие переходы совершались в светлое время суток, а не по ночам, как перед походом в немецкий тыл.

Ехали сравнительно быстро, как позволяли железные дороги, едва восстановленные после немцев. Бросались в глаза два приема, какими они железнодорожное полотно разрушали. Один — когда приспособлением, закрепленным свободно на головке одного рельса, на ходу вся колея поднималась вертикально, на попа и становилась похожей на огромный штакетник из шпал, длиною в несколько километров. Другой — когда каким-то устройством вроде гигантского крюка-плуга (на платформе, прицепленной к паровозу), опущенного на полном ходу между рельсами, каждая деревянная шпала ломалась этим «шпалоломом» пополам, как спичка. И так на протяжении сотен метров.

Следовали мы по Гомельщине через Речицу, Калинковичи.

Затем уже наш путь лежал по Украине, через Овруч, Сарны и до Маневичей. Дальше железнодорожные пути еще не были восстановлены, и нам пришлось уже в пешем строю в течение двух суток, в том числе и в светлое время, пройти более 100 километров. Это теперь я думаю, что и этот марш штрафбата по украинско-белорусскому Полесью, местности, которую знатоки называли Пинскими болотами, тоже был продолжением мер дезинформации противника.

Шел уже к концу период нашего пребывания в составе 3-й армии генерала Горбатова. Наверное, здесь уместно привести то ли быль, то ли легенду о действительно легендарном генерале.

После взятия Рогачева через уже разбитый и непрочный лед Днепра армейские саперы навели временный деревянный мост. По своей ширине он допускал одностороннее движение нетяжелой техники только в одну сторону. Поэтому коменданту переправы был передан приказ командарма пропускать в первую очередь автомобили с войсками, боеприпасами, артиллерию и другую легкую технику в сторону фронта. Когда у переправы скопилось много машин, идущих к передовой, на другом берегу несколько «виллисов» намеревались проскочить в обратном направлении. Комендант переправы, крепкий и рослый майор, выполняя приказ, не пускал их на мост. Ведь для этого нужно было остановить поток машин к фронту. Из одного «виллиса» вышел генерал и потребовал срочно пропустить его машину. Майор, ссылаясь на приказ командарма Горбатова, отказался сделать это.

Разозлившись на непослушного коменданта, генерал вдруг огрел его своей всем известной палкой. Реакция майора была мгновенной и неординарной: он резко повернулся и, то ли не признав Горбатова, то ли просто не раздумывая, наотмашь ударил его. Генерал скорее от неожиданности потерял равновесие и, проломив невысокие и непрочные перильца моста, упал в снег. Что тут началось! Из машины командующего и сопровождающих его «виллисов» выскочило несколько офицеров. Одни бросились поднимать генерала, другие схватили майора и скрутили ему руки. Генерал, отряхиваясь от снега, подошел к майору, приказал отпустить его и велел принести свою флягу.

Вся армия знала, что их Батя-командующий вообще ни при каких обстоятельствах не пьет спиртного и даже не курит и не употребляет крепких русских ругательств. Об этой своей особенности Александр Васильевич не один раз упоминает в своих мемуарах. Прочитав их, я узнал, что это еще в юности он дал слово никогда не пить, не курить и не сквернословить. Вот

его слова о куреве из книги «Годы и войны»:

> «Сам я никогда не курил, но для особо симпатичных посетителей у меня всегда имелась пачка хороших папирос».

Если мне здесь будет позволена некоторая нескромность напомнить о себе рядом с таким общеизвестным командармом, то скажу, что я вот курил всю войну (и даже трубку!) и долгие послевоенные годы. Несколько раз бросал эту вредную привычку, но всегда почти по Марку Твену: «Бросить курить очень легко, по себе знаю. Сто раз бросал». И только более чем через сорок лет по настоятельному требованию медиков бросил навсегда.

И помогло мне преодолеть эту многолетнюю тягу к табаку то, что, решившись на этот шаг серьезно, я всем своим сослуживцам и знакомым заявил, что на этот раз бросил окончательно. В моем характере с детства укоренилось правило: не сорить словами, и уж если дал слово, держать его во что бы то ни стало! Примером в этом для меня стал и командарм Горбатов, свои слова он всегда твердо держал. Во время войны, когда за отказ от спиртного за дружеским столом его упрекали в некомпанействе, он говорил, что выпьет только в День Победы. И только тогда действительно, как утверждалось в мемуарной литературе, он позволил себе выпить бокал красного вина.

Поэтому распоряжение принести «его флягу» вызвало у наблюдавших эту сцену не меньшее удивление, чем все, что этому предшествовало. Горбатов лично отвинтил с не совсем обыкновенной фляги крышку-стаканчик, наполнил его водкой, поднес ошеломленному майору со словами: «Молодец, майор! Выпей, считай это за мое извинение и личное поощрение. Скольких дураков учил и воспитывал этой палкой, первого умного встретил. Продолжай службу, а за настоящей наградой дело не станет».

Необычная это легенда о генерале Горбатове, но так хотелось верить в ее реальность. А может, это и не легенда вовсе, может, все так и было! Ведь у человека с доброй душой и поступки добрые.

О судьбе легендарного командарма Александра Горбатова, одного из наиболее талантливых полководцев Великой Отечественной, известно не так много. Хотя именно в честь его армии прозвучал первый победный салют летом сорок третьего после победы на Курской дуге. В 2006 году на российском телевидении был показан документальный фильм «Цена Победы. Генерал Горбатов» (главный режиссер Валерий Ткачев). Для участия в этом фильме были приглашены внучка генерала Ирина

Александровна Горбатова и я. Ирина Александровна говорила мне, что, по ее данным, генерал никогда не возил с собой водку. Но я подумал: если у некурящего Горбатова «для особо симпатичных посетителей всегда имелась пачка хороших папирос», то почему же непьющему Александру Васильевичу «для особых случаев» не иметь флягу с «наркомовской», как на фронте иногда называли положенную в отдельных случаях по нормам снабжения водку?

Кстати, в этом фильме есть кадры, где наш генерал, шагающий во весь рост, своей палкой «поднимает» лежащих бойцов в атаку, боящихся встать под пули. Постановщики фильма, к месту сказать, тут «перегнули палку». Генерал Горбатов не был «заговоренным» или заколдованным и зря под огонь противника не лез. Если он и применял свой «метод воспитания» палкой, то очень выверено и скорее к командирам, которые плохо организовали разведку, бой, допустили неоправданные потери солдат, о чем в этом фильме говорил один из его участников.

Генерал Горбатов всегда имел свою точку зрения на стратегию ведения войны.

Он не один раз отказывался выполнять требования Рокоссовского и самого Жукова, когда уже был командармом, если от него требовали рисковать ради сомнительного успеха. Победа «любой ценой» была не для него. И Горбатову удавалось брать города, избегая больших потерь, как это было и с Рогачевом. Три года на Колыме научили его ценить жизнь — свою и чужую.

Вот один случай «непослушания», который долгое время ходил у нас тоже как легенда. Сразу же после взятия, когда еще не спала эйфория в связи с удачным освобождением Рогачева и захватом плацдармов на Днепре и Друти, командующий фронтом генерал Рокоссовский передал Горбатову приказ продолжать наступление с целью захватить и Бобруйск. Командарм, взвесив все данные, которые ему были доложены разведкой, ответил Рокоссовскому, что это не только не целесообразно, но и не приведет к успеху. Тогда генерал Рокоссовский сам прибыл к Горбатову и еще раз, уже лично, приказал наступать. В ответ на это командарм снова повторил свои соображения. Комфронта тогда решился на крайнюю меру, не свойственную Рокоссовскому, встал и произнес: «Встать! Смирно! Приказываю немедленно начать наступление на Бобруйск!» Горбатов уже стоя ответил: «Стоять смирно буду. Но армию на погибель, на тот свет не поведу!!!» Командующий фронтом тут же послал докладную в Ставку о невыполнении приказа командармом Горбатовым. Тот, в

свою очередь, через штаб фронта в тот же адрес послал свою докладную о том, что генерал Рокоссовский преступно хочет загубить 3-ю армию.

Тот фильм «Цена Победы. Генерал Горбатов» подтверждает этот факт, ссылаясь на воспоминания жены Горбатова Нины Александровны. Она была свидетельницей этой сцены и, как жена военного, боялась сурового наказания за невыполнение боевого приказа в военное время. Но Ставка и Сталин на обе докладные, видимо, зная компетентность Горбатова в боевых делах, никак не среагировали, а через несколько дней обстановка показала правоту Горбатова, и генерал Рокоссовский перед ним извинился.

Многие, с кем я делился этой легендой, не верили в ее достоверность, зная доброту, справедливость и заботу о солдате генерала Рокоссовского, считали, что на такой шаг он мог пойти только под «давлением сверху». И действительно, он тогда ссылался на директиву Ставки. Эта легенда подчеркивает те качества этих военачальников, за которые и любили их воины.

Уже после войны меня продолжала интересовать необычная легендарность любимого командарма, и я находил все больше подтверждений этому.

В марте 1942 года командующий 38-й армией генерал Москаленко К.С. в докладе главнокомандующему юго-западным направлением маршалу С.К. Тимошенко характеризует действия строптивого комдива Горбатова как «преступные». Горбатов так описывает объяснение, состоявшееся у маршала Тимошенко: «Доведенный оскорблениями до белого каления, в запальчивости я, показывая рукой на командарма, ответил: — Это не командарм, это бесплатное приложение к армии, бесструнная балалайка».

Кстати, личность генерала Москаленко можно характеризовать тем, что в Великой Отечественной войне с 1942 года он командовал 38-й армией, которая не стала ни гвардейской, ни ударной. Поделюсь и моими личными впечатлениями о маршале Москаленко. В 1956-1960-х годах я проходил службу замкомдивом 105-й воздушно-десантной дивизии (Московский военный округ), и мне иногда приходилось участвовать в служебных совещаниях, проводимых командующим МВО, которым был тогда маршал Москаленко. Помню случай, когда на одном из таких совещаний он то и дело спрашивал у начштаба округа генерал-полковника Баскакова В.Н. фамилии того или другого командира дивизии округа, что красноречиво говорило о «знании» им подчиненных.

Вот еще даже не легенда о Горбатове, а легендарный факт. Узнав о том, что разоренному немцами Донбассу для восстановления шахт остро не хватало крепежного леса, Горбатов

решает помочь шахтерам. Но вырубка леса будет нарушением Постановления ГКО о запрете вывозить лес из Польши (интересно, знают ли польские чины, обвиняющие нас за вымышленную «Катынь»). Ответственность за это генерал Горбатов решил взять на себя и приказал вырубить и отправить в Донбасс около 50 тысяч кубометров леса. По «сигналу» представителя Ставки Льва Мехлиса прибыла комиссия из Москвы, доложили Сталину о факте. Сталин, узнав, что личной выгоды Горбатов не имел, сказал: «Да, это на него похоже. Горбатова только могила исправит. Преступление налицо, но, поскольку он не преследовал личной выгоды, на деле надо поставить точку».

Между прочим, некоторые неумные фальсификаторы, выдергивая из общесмыслового контекста часть фразы Сталина «Горбатова только могила исправит», трактуют ее почти как сталинский приговор, а не подчеркивают умение Сталина точно и к месту использовать знание русских пословиц и поговорок. А приписывание Сталину неприязни к Горбатову опровергает следующий факт. Командующий 2-м Белорусским фронтом маршал Рокоссовский за умелое руководство войсками армии в ходе Восточно-Прусской операции и проявленное личное мужество, представил генерала Горбатова к награждению орденом Суворова I степени. К этому времени А.В. Горбатов уже был награжден орденами Суворова I и II степеней, Кутузова I и II степеней. Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин сам лично пересмотрел представление, и А.В. Горбатову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Наверное, достаточно фактов, подтверждающих особенности характера и саму легендарность нашего любимого командарма. Что же касается профессиональных качеств и полководческих способностей генерала Горбатова, не мне о них судить, слишком мал был тогда мой опыт и кругозор. Но вот что пишет о нем маршал Рокоссовский:

> «Александр Васильевич Горбатов — человек интересный. Смелый, вдумчивый военачальник, страстный последователь Суворова, он выше всего в боевых действиях ставил стремительность, внезапность, броски на большие расстояния с выходом во фланг и тыл противнику. Горбатов и в быту вел себя по-суворовски — отказывался от всяких удобств, питался из солдатского котла».

Мне кажется, что рейд нашего штрафбата и лыжных батальонов в тыл немецких войск, боевые действия там

подтверждают сказанное. Жаль, нам больше не приходилось воевать под началом Александра Васильевича Горбатова. Но вот еще несколько сведений о нестандартном характере легендарного генерала Горбатова из воспоминаний генерал-лейтенанта танковых войск Попеля Н.К.:

> «…Я поехал в дивизию, которую недавно принял Горбатов… Когда вошли в горницу, навстречу не спеша поднялся худой, высокий человек… на столике лежал раскрытый томик с узкими колонками стихов. Я уже слышал, что комбриг книголюб, что он не употребляет крепких слов и крепких напитков… Начальник штаба нехотя выдал „секрет“. Горбатов часто отправлялся по ночам с истребительным отрядом в тыл к немцам. Уезжая из дивизии, я сказал: — Пожалуй, не следует Вам самим возглавлять ночные рейды по тылам врага. Горбатов вспыхнул так, словно его уличили в чем-то нехорошем. Потом рассмеялся: — Разумеется, не следует. Да руки чешутся… В последних числах декабря я повез Горбатову генеральские петлицы. Провел у Горбатова несколько дней. И каково же было мое удивление, когда узнал, что Горбатов и комиссар дивизии Горбенко по-прежнему ходят ночью в тыл противника и громят немецкие гарнизоны».

Это из того времени, когда Александр Васильевич еще командовал дивизией. А вот свидетельство начштаба 105-й гвардейской стрелковой дивизии И.Г. Попова из периода командования Горбатовым корпусом: «Командир корпуса генерал-лейтенант А.В. Горбатов был человеком громадной энергии, дотошным и въедливым. Не признавал он в военном быту слова „мелочь“, не переносил равнодушно-сонных физиономий».

Не могу удержаться, чтобы не процитировать и маршала Советского Союза А.М. Василевского о нашем генерале-любимце:

> «…На фронтах империалистической войны проявились его превосходные качества. Смелый до дерзости и одновременно расчетливый разведчик…В годы гражданской войны он сформировался как командир армии нового типа, пройдя путь от рядового конной разведки до командира кавалерийской бригады… Я пристально следил за боевой работой Александра Васильевича в годы Великой Отечественной войны. Вскоре после Сталинградской битвы он был выдвинут на должность командующего армией и стал

одним из лучших в прекрасной плеяде наших командармов. Неоднократно проявлялись самобытность и оригинальность полководческого мышления Александра Васильевича… Войска, руководимые А.В. Горбатовым, как правило, ранее намеченных сроков выходили на новые рубежи, действовали так, что враг оказывался в мышеловке…»

Вот таким был наш легендарный командарм, под началом которого были мы фактически лишь в одной операции, но добрую память о себе он оставил на всю жизнь у всех, кому судьба подарила хоть один счастливый случай быть под его началом.

В дальнейшем и в послевоенное время я стремился не терять из виду прославленного генерала Горбатова, оставившего в моем сознании незабываемые впечатления и воспоминания. По сводкам Информбюро и газетам я знал, что 3-я армия нашего командарма начала в июне 1944 года ту знаменитую операцию «Багратион» и именно с тех плацдармов, за которые 4 месяца назад, в феврале, сражался в составе армии Горбатова и наш 8-й штрафбат. Достойно прошла эта армия весь путь до Победы, принимала участие во взятии Берлина, одной из первых вышла на Эльбу. Сам генерал Горбатов даже был одно время военным комендантом поверженного Берлина. Затем, пройдя ряд высоких должностей, он был назначен командующим Воздушно-десантными войсками.

Когда после войны я учился в ленинградской Военно-транспортной академии, еще на третьем курсе просил командование факультета, когда окончу академию, при возможности получить назначение в ВДВ, в войска, которыми командует мой любимый командарм. Эта моя просьба в 1955 году была удовлетворена. Но, к моему сожалению, за год до этого Александр Васильевич Горбатов передал командование десантниками генералу Маргелову Василию Филипповичу, тоже легендарному человеку. Я горжусь тем, что хоть и не долго, но послужил в этих войсках и мысленно благодарил всегда Александра Васильевича Горбатова за то, что именно память о его добром имени привела меня в Воздушно-десантные войска, о которых рассказ впереди.

Глава 8
Отповедь лгунам о числе штрафного войска. О штурмбатах

Считает враг — морально мы слабы.
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!

Владимир Высоцкий

За землю русскую штрафные батальоны
Дрались отчаянно с захватчиком-врагом.
Стояли насмерть, до последнего патрона,
И шли на танки с автоматом, напролом.

Виктор Калагин

Владимир Высоцкий, конечно, талантливый поэт, многие его стихи настолько образны, что вызывают у слушателей и читателей полное представление о том, что воспевает он. Вот и стихом, взятым мною в эпиграф к этой главе, создается впечатление, будто враг уже почти добился своего, но не знает еще, что «в прорыв идут штрафные батальоны!» и теперь им понадобятся гробы. Вот безудержные фантазеры типа Володарского и представляют тысячи таких батальонов по всей линии фронта.

Но батальон — не полк, даже не бригада и тем более не армия. Ну а как же быть тем фантазерам, которые уверяют, будто штрафбаты выиграли Отечественную войну? Вот они и множат их число. Например, к концу своего длинносерийного «Штрафбата» его создатели превращают батальон в штрафную бригаду, не

ведая, видимо, что бригада как армейское соединение состоит из большего числа батальонов, чем полк.

Наш 8-й штрафбат от Курской битвы до битвы за Брест в течение года воевал в полном составе, до 800 человек, имея по штату 7 рот и еще несколько отдельных взводов. Конечно, его нельзя сопоставлять с обычным стрелковым батальоном, скорее можно было в какой-то мере сравнивать со стрелковым полком, но уж никак не с бригадой. Но «Штрафбат» еще не рекорд. В начале 2000-х годов по телевидению показали «документальный» фильм «Воры в законе», где авторы «просвещали» нас, утверждая, что из штрафников собирали взводы, из них — роты, а далее штрафные батальоны, штрафные полки, дивизии и даже целые армии. Дескать, такая штрафная армия была у Рокоссовского. Не иначе как такая идея в авторских черепах могла родиться только потому, что созданной в их воображении штрафной армией кому и командовать как не бывшему «зэку»-генералу.

Понятно, что это в русском переводе принято называть «бредом сивого…». Мне хочется довести до читателя высказывание президента Академии военных наук, весьма авторитетного военного историка, генерала армии Махмута Ахметовича Гареева, советского военачальника, доктора военных и исторических наук, профессора, военного теоретика, по поводу таких «фантазий»:

> «В одной из телепередач, посвященных обсуждению фильма „Штрафбат“, Володарский лихо ссылается на мемуары маршала Рокоссовского, который будто бы писал, что в состав Брянского фронта еще до подписания приказа № 227 прибыла „штрафная бригада“. Но у Рокоссовского речь идет совсем о другом. Он пишет (цитирую по мемуарам полководца „Солдатский долг“): „В августе к нам на пополнение прибыла стрелковая бригада, сформированная из людей, осужденных за различные уголовные преступления. Вчерашние заключенные добровольно вызвались идти на фронт, чтобы ратными делами искупить свою вину“. Маршал ведет речь об обычной стрелковой бригаде, укомплектованной бывшими осужденными, а автор сценария „Штрафбата“ превращает ее в „штрафную бригаду“, что отнюдь не одно и то же. У меня сложилось впечатление, что организаторы теледебатов вообще не были заинтересованы хотя бы в относительной объективности. Главным „историком“ и „военным

> экспертом“ выступал… филолог Борис Соколов (известный своими антиисторическими книгами. — *А.П.*). В то же время в студию не пригласили ни одного участника войны, которые всю войну прослужили в штрафных подразделениях. Могли позвать хотя бы писателя Владимира Карпова, вышедшего Героем Советского Союза из штрафной роты, в которой воевал, или Александра Пыльцына, который… написал книгу „Штрафной удар“.»

Мне лестно, что генерал Гареев назвал меня в числе людей, достойных быть экспертами. Но ценно его очень меткое замечание о том, что авторы фильма и их покровители сознательно искажают правду о войне, фальсифицируя исторические события. К сожалению, ни мнения видных военных историков с опорой на неопровержимые документы, ни мнения фронтовиков, даже прошедших суровую «штрафбатовскую» школу, таким киноагрессорам вовсе не нужны. Приведу свидетельство и рядового фронтовика, ныне подполковника в отставке Григория Григорьевича Никанорова:

> «Когда режиссера Николая Досталя спросили, что же вы показываете ерунду, почему не взяли в консультанты военного специалиста, он ответил: мол, нарочно не захотел брать, чтобы он меня не одергивал и не говорил: то не так, это не эдак».

Тот же Володарский высказался однажды, прямо скажем, даже кощунственно по отношению к ветеранам войны. Дескать, «всю правду о войне мы расскажем, когда не останется ее участников», которые пока еще мешают им это сделать. Не льстите себя надеждой, злопыхатели. Во-первых, несмотря на ваши «мечтания» и старания ваших покровителей, кое-кто из нас, даст бог, вас переживет, как пережили мы уже враля-Володарского. Во-вторых, растет движение молодых, честных исследователей нашей истории. В-третьих, наши дети и внуки верят нам больше, чем вам, число верящих нам растет с каждым поколением, приходящим на смену поколению победителей.

Перейдем теперь к главному «мифу», вопросу о «миллионах» штрафников. Для этого я просто повторю большинству читателей еще малоизвестные цифры из других источников, поименованных в Библиографии. Конечно, если считать, как фальсификаторы, перемножая официально числящиеся в «Перечне Генштаба» 65 штрафбатов, будто находящихся беспрерывно в боях в течение всех 3 лет существования, да еще перемалывающих штрафников

со скоростью 800 человек в 2–3 месяца, то… Многие так и считают: минимальное наполнение штрафбатов — 800 чел., как в Приказе № 227, и ни на одного человека меньше «напихивают» их, дескать, кто же посмеет перечить приказу Сталина! При полной сменяемости переменного состава через каждый бой, т. е. не более чем через месяц, то в итоге по-володарски получится: 65 штрафбатов × 800 человек × 3 года × 12 смены в год = 1 296 000 только одних штрафников-офицеров. Между прочим, в свое время один из пробившихся в крупнейшие политработники Советской армии и академики генерал-полковник Волкогонов, который по должности и званиям, полученным от Советской власти, должен был знать фактические данные, тоже считал, видимо, по своей арифметике, что «в штрафбаты было направлено 600 тысяч человек», само собой понятно — офицеров, коль речь у него идет именно о штрафбатах.

Ну, а если еще так же, по-володарски, посчитать количество штрафников в числящихся по Перечням 1048 армейских штрафротах, то в сумме со штрафбатами получится ужасная цифра, соразмерная всему воюющему составу Красной Армии.

Порой даже некоторые «специалисты» Института военной истории (как они туда попали?) оценивают общее число штрафников с учетом направляемых в штрафроты «зэков» тоже полуторамиллионной суммой, скрупулезно включая в число штрафников также освобожденных из мест заключения с отправкой на фронт в обычные подразделения Красной Армии. Известно же, что заключенные, которым «не светило» попасть на фронт в обычные части, настойчиво писали заявления с просьбой отправить их на фронт штрафниками. Однако далеко не всем была оказана эта честь, брали только тех осужденных, которые не из «врагов народа», рецидивистов, бандитов, «воров в законе», в ком не сомневались, что не станет перебежчиком.

Известно, что в штрафбаты направляли не только Военные трибуналы, такое право было и у высокого ранга командиров. Но со временем появился еще контингент, пополняющий штрафбаты. Это побывавшие в плену, окружении и на оккупированной территории офицеры Красной Армии. По сводным данным спецлагерей, с октября 1941 г. и до 1 марта 1944 г. проверку проходили 44 784 офицера и 11 602 военнослужащих всех категорий, вышедших из окружения. Всего 312 594 человека. В среднем из рядового и сержантского состава благополучно проходили проверку свыше 91 % бойцов.

К офицерам относились строже, ибо им доверялась судьба целых воинских подразделений. Свыше трех процентов их было

арестовано, более 35 % направлялись в штрафбаты. Но более 60 % проверки проходили благополучно, из них почти две трети возвращались в обычные части армии, остальные почти 20 % направлялись в конвойные войска, в оборонную промышленность или в госпитали.

Фактически по архивным отчетно-статистическим документам Генерального штаба через все штрафные формирования прошло: в 1942 г. 24 993 человека, в 1943 г. — 177 694, в 1944 г. — 143 457, в 1945 г. — 81 766. Суммарно за всю войну — 427 910 человек переменного состава офицерских штрафбатов и армейских штрафрот.

Приведу слова авторитетного военного, маршала Дмитрия Тимофеевича Язова:

> «Один из высоких военачальников недавно сказал, что „победили мы потому, что за разведотрядами штрафные батальоны шли на острие главных ударов наших войск“. Но это же чистая ложь. Всего через штрафные батальоны и армейские штрафроты за всю войну прошло, как видно из официальных цифр, около 430 000 человек. Немного, если сравнить, что наша армия насчитывала в годы Великой Отечественной 7 миллионов солдат, младших командиров и офицеров, а всего через советские вооруженные силы за время войны прошли 34 млн 476,7 тыс. человек. Поэтому говорить о том, что Красная Армия победила за счет штрафбатов, это неверно. Победил наш тогдашний общественный строй, наш государственный строй, победил народ, сплоченный в единую, необоримую силу. Армия пользовалась тем, что народ ценой неимоверных лишений выполнил свой долг перед всем человечеством, а Вооруженные Силы, ее солдаты, офицеры и высший командный состав сумели преодолеть все преимущества, которыми обладала объединенная Германией Европа».

Получается, что доля военнослужащих, побывавших в штрафных ротах и батальонах, составляет всего лишь 1,24 % от общего числа воевавших. Таким образом, вопреки уверениям недобросовестных публицистов, оказывается, не «трупами штрафников» завалили агрессора, не они были главной силой, добывшей Победу.

Вклад штрафбатов в боевые действия всей Красной Армии был относительно скромным, хотя в полковом, дивизионном, а иногда даже и в армейском масштабах их роль оказывалась весьма заметной. Так, например, оказался весьма заметным вклад

нашего 8-го штрафбата в Рогачевско-Жлобинской операции 3-й армии в феврале 1944 года или в боях с брестской группировкой немцев во взаимодействии с 38-й гв. сд в конце июля 1944 года.

Теперь о количестве штрафных частей. Для примера возьмем только наиболее активный в военном отношении 1944 год, используя данные доктора исторических наук Юрия Рубцова, опубликованные в книге «Генеральская правда. 1941–1945» (с. 33).

Общее число имевшихся за тот год в Действующей армии штрафных батальонов на каждый фронт было не по 2–3, а в основном только по одному. Суммарно их было 11 на всех фронтах.

Среднемесячное число армейских штрафных рот было равно 243. При этом средняя численность штрафников в ОШБ составляла 225 человек, а не 800, как предписывалось Приказом, и они в боевых действиях использовались, как правило, поротно. В штрафной роте средняя численность штрафников составляла 102 человека, а не 200. Общая среднемесячная численность штрафников во всех штрафных частях — 277 326 человек. Для сравнения, среднемесячная списочная численность Действующей армии в том же году — 6 млн 550 тыс. человек. Легко подсчитать, что доля штрафников была меньше полпроцента численности действующей армии.

Сколько же было в действительности штрафбатов в те огненные годы?

Известно, что за все годы войны, то есть не одновременно, в официальном документе Генштаба «Боевое расписание штрафных частей Красной Армии из Перечня № 33 стрелковых частей и подразделений (отдельных батальонов, рот и отрядов) Действующей армии», на всех фронтах всего было в разное время 65 ОШБ и 1037 отдельных штрафных рот, АОШР. Эти цифры уже не раз публиковались в открытой печати.

Перейдем сейчас к более или менее глубокому анализу этого и других перечней штрафных воинских формирований периода Великой Отечественной войны, чтобы дать представление об истинном их числе и периоде активных боевых действий. Это даст возможность убедительно опровергнуть измышления злостных фальсификаторов о том, что якобы после Приказа № 227 все 65 числящихся штрафбатов «перемалывали многие сотни тысяч неугодных сталинскому режиму офицеров» до самого последнего дня войны.

Возьмем историю нашего 8-го штрафбата. Сформирован он был еще под № 1 на Сталинградском фронте, сразу же после издания известного Приказа Сталина № 227 или «Ни шагу назад!»

и участвовал в боях почти три года, в отличие от многих штрафбатов других фронтов, существовавших от нескольких месяцев до 1–2 лет. Завершилась трехлетняя боевая биография нашего батальона только с победоносным окончанием Великой Отечественной войны, уже как 8-го ОШБ 1-го Белорусского фронта.

Постараемся сделать краткий анализ Перечня Генштаба, в котором перечислены все штрафные формирования Великой Отечественной войны с указанием периодов их боевых действий на всем фронтовом пути. В этих Перечнях значатся штрафбаты и штрафроты, номера которых во многих случаях повторяются из-за переименования фронтов, смены нумерации или слияния и т. п. Некоторые штрафные подразделения вобрали в себя по 3–6 фактически существовавших наименований. Естественно, простое их перечисление дает повод не совсем честным людям принимать эти данные за фактическое количество штрафбатов или рот.

Что касается истинного числа штрафных подразделений, сформированных за время войны по Приказу № 227, то здесь я сошлюсь на опубликованные в «Красной Звезде» 16.09.2009 года уточнения, которые сделал на основе изучения и анализа многих архивных документов полковник юстиции Андрей Витальевич Мороз.

В «Боевом расписании» Перечня, как известно, числятся 65 отдельных штрафных батальонов (ОШБ) и 1048 отдельных армейских штрафных рот (ОАШР). Но работники Генштаба, составляя Перечень, больше заботились о том, чтобы документом было удобно пользоваться в военкоматах, в архиве. Одна и та же штрафная часть упоминается в нем дважды, трижды и даже больше, в зависимости от переименования или смены нумерации.

Полковник Мороз утверждает, что сегодня, разумеется, можно определить истинное число штрафных частей, сформированных в Красной Армии. Но только путем изучения фондов этих частей, хранящихся в Центральном архиве Минобороны РФ. И он впервые называет эти цифры. «В годы Великой Отечественной войны на разных ее этапах было сформировано 38 отдельных штрафных батальонов и 516 отдельных штрафных рот». Как видите, число штрафных формирований по подсчетам профессионального военного юриста почти в 2 раза меньше упомянутых в Перечне.

Поскольку мой анализ Перечня будет касаться только офицерских штрафных батальонов, то посмотрим, как образовались обусловленные юристом Морозом эти тридцать восемь ОШБ и как участвовали они в активных боевых действиях. Например, в Перечне числится «1-й Отдельный штрафной

батальон Сталинградского, Донского фронтов (1.08.1942–12.12.1942)», в состав которого вошел и расформированный 2-й ОШБ Донского фронта. Числится там и «8-й Отдельный штрафной батальон Донского, Центрального, Белорусского, 1-го Белорусского фронтов (12.12.1942-9.05.1945)». Просто распоряжением начальника Оргштатного управления Главного упраформа Красной Армии № Орг/2/78950 нумерацию всех штрафбатов Действующей армии в ноябре 1942 г. привели «к общему всеармейскому знаменателю», и 1-му ОШБ Донского фронта присвоили постоянный № 8, с которым он и находился в действующей армии до самого Дня Победы. Между тем это не 6 штрафбатов, если считать по-володарски, а одна и та же штрафная часть. Этот номер, как и номер полевой почты 07380, присвоенный ему еще со Сталинградского фронта, не менялись, хотя менялось название ОШБ вместе с изменением наименования фронта.

Если продолжить подобный анализ того списка 65 штрафбатов из перечня Генштаба, то можно установить, что аналогичными были и «биографии» многих других штрафбатов. Например, штрафбат Воронежского фронта, сформированный 30.07.1942 г., вначале не имел своего номера, а на основании той же Директивы переименован в 9-й ОШБ Степного, а затем и 1-го Украинского фронта. Под этим номером до 11.05.1945 года он участвовал в боях, завершив свой путь под Прагой, хотя в перечне он под разными названиями упоминается трижды.

Переименование штрафбатов в свое время происходило на всех фронтах. Например, на Юго-Западном фронте ОШБ, начавший свой боевой путь 7.11.1942 года, не имея номера, закончил его тоже в конце войны, но уже под № 13, значит, дважды упомянут в перечне.

1-й ОШБ Западного фронта, сформированный 4.08.1942 г., переименован в январе 1943 г. в 10-й ОШБ 3-го Белорусского фронта и действовал до конца войны. Тогда же сформированный 25.11.1942 г. на Западном фронте 2-й ОШБ был переименован в 11-й, а затем, в августе 1943 г. — в 16-й ОШБ, который существовал как боевая единица 3-го Белорусского фронта тоже до конца войны. По данным исследователя историй штрафбатов 3-го Белорусского фронта Геннадия Полубедова, «В 45-м на 3-м Белорусском фронте вместо трех отдельных штрафбатов, которые имел его предшественник — Западный фронт, было два ОШБ. И только один из них, 10-й, был воюющим, а другой, 16-й, выполнял роль запасной в/ч и находился в тылу».

Так что этот 16-й штрафбат значительное время, особенно в период боев в Восточной Пруссии, был резервным и формировал

подразделения штрафников для активно действующего в то время 10-го штрафного батальона и занимался отчислением отвоевавших. Хотя понятие «находился в тылу», приведенное исследователем, конечно, здесь нужно понимать условно, просто недалеко от передовой линии фронта.

Перечисленные выше штрафбаты, как понятно читателю, фронтовыми дорогами шли до Победы почти по 3 года. Кроме них до конца войны дошел еще 15-й ОШБ, сформированный в августе 1943 года, то есть на целый год позже тех штрафбатов. До конца войны дошли также 38-й и 39-й штрафбаты, сформированные уже во второй половине 1944 года, и боевой их период составлял менее года. Таким образом, всего до Дня Победы дошло **девять** офицерских штрафбатов, но с разными сроками их боевого использования.

Несколько необычна судьба 3-го ОШБ 1-го Прибалтийского фронта, сформированного 11.10.1942 года еще на Калининском фронте. В апреле 1944 года из-за недостаточного пополнения он единственный был преобразован, по данным А. Мороза, в офицерскую 358-ю штрафную роту, воевавшую на правах ОШБ до 2.04.1945 года. В общем, этот ОШБ в разных своих формированиях в общей сложности существовал два с половиной года.

Штрафбаты: № 14 Ленинградского фронта (бывший 28-й) и № 4 Карельского фронта были расформированы в октябре-ноябре 1944 года после двух с небольшим лет от их создания. Штрафбат № 1 Ленфронта, переименованный из 2-го ОШБ Волховского фронта, был расформирован еще раньше, в марте 1944 года, просуществовав 1 год 8 месяцев. Почти столько же был «на боевом дежурстве», например, 6-й ОШБ 4-го Украинского фронта, переименованный в свое время из 76-го ОШБ Южного фронта.

Интересна судьба и 33-го ОШБ (в/ч 06039) Белорусского, а затем 1-го Белорусского фронта. Он был срочно сформирован в первой половине декабря 1943 года под Жлобином временно, из тактических соображений. Комбатом туда был откомандирован один из заместителей командира нашего батальона, майор Мурза Илья Митрофанович, и уже 22 декабря батальон принял боевое крещение, а 25-го провел свое сражение, ради чего фактически и создавался. Далее этот 33-й батальон в боях уже не участвовал, и после тех декабрьских тяжелейших боев он был поставлен в оборону под Жлобин, а затем ему командующим фронтом Рокоссовским, как и нашему батальону, было дано время на расформирование за ненадобностью и для оформления документов на восстановление в офицерских правах отличившихся штрафников. В марте-апреле 33-й ОШБ был на

стадии расформирования, в результате чего уже 2 марта 1944 года некоторая часть его штрафников и их командиров были переданы в наш ОШБ.

И Перечень Генштаба, и копии приказов по 33-му ОШБ, свидетельствуют, что он вообще существовал всего немногим более 4 месяцев, хотя в боях участвовал еще меньше, а после выполнения поставленных ему задач, ради которых и создавался, был расформирован.

А вот 5-й ОШБ Северо-Западного фронта существовал всего 1 год 4 месяца. Примерно столько же боевого времени было отведено и 7-му ОШБ Закавказского фронта. Еще более короткие сроки отвела судьба тем штрафбатам, которые формировались лишь для участия в отдельных операциях, как и 33-й. На Калининском фронте 2-й и 6-й штрафбаты существовали всего 25–26 дней, после чего расформированы, фактически не успев стать боевыми единицами.

Необходимо еще заметить, что часть числящихся штрафбатов вовсе не были офицерскими. Видимо, в некоторых армиях, как, например, во 2-й Гвардейской армии, создание отдельных штрафных рот проводилось децентрализовано, и эти подразделения почему-то именовали вначале штрафными батальонами. В Перечне Генштаба они числятся с 1-го по 8-й ОШБ. ВОСЕМЬ штрафбатов в одной 2-й Гвардейской армии, тогда как на фронт фактически было по одному, редко — по два ОШБ! На 19-й день все эти 8 штрафбатов одновременно передали своих штрафников на укомплектование ЧЕТЫРЁХ отдельных штрафрот той же гвардейской армии, а сами были упразднены. Ясно, что эти «батальоны» не были офицерскими, если их состав передан армейским штрафротам, комплектуемым не офицерами. Из списка 65-ти сразу минус 8!

Примерно такая же ситуация сложилась и вокруг пяти штрафных батальонов 56-й армии (со 2-го по 6-й), здесь тоже целых 5 на одну армию! Возьмем на себя смелость предположить, что после этих месяцев они были сведены в одну или несколько штрафрот, как и во 2-й Гвардейской, либо вообще расформированы. Правильнее посчитать их за 5 штрафных рот неофицерских, но никак не за офицерские штрафбаты.

Конечно, нельзя упустить еще два штрафбата, сформированных в августе 1945 года для войны с Японией: 3-й ОШБ Забайкальского фронта и 40-й ОШБ Дальневосточного фронта. Существовали они, естественно, только до конца войны с Японией, причем 3-й всего 14 дней, а 40-й — 25 дней. Да и успели ли они вообще повоевать, ведь война эта была сравнительно скоротечной. И не сравнить же их с теми

штрафбатами, которые не одну смену штрафников пропустили через себя в боях с германским вермахтом. Итого по моим подсчетам получается даже не 38, а всего около 25 реально существовавших офицерских штрафбатов. Я не настаиваю на этой цифре, видимо, истина лежит где-то между ними.

Остается выяснить вопрос о потерях. Поскольку штрафникам, как правило, поручались наиболее сложные боевые задачи, потери как переменного, так и постоянного состава штрафных частей были довольно высокими. Так, в 1944 году по статистическим данным среднемесячные потери переменного состава убитыми, умершими, ранеными и заболевшими были в 3–6 раз больше, чем уровень потерь личного состава обычных войск в тех же наступательных операциях.

Однако не следует считать штрафников обреченными на неминуемую гибель смертниками, как нас пытаются убедить «знатоки». Например, известны случаи о рядовых дважды и даже трижды (!) попадавших в штрафную роту, тем не менее оставшихся в живых.

Полковник юстиции Андрей Мороз, как я уже отмечал ранее, не один раз публиковал в газете «Красная Звезда» истории штрафных формирований, основанные на строго документальных материалах. Это статьи «Искупление кровью» о нашем 8-м штрафбате, «Штрафной удар с неба» и «Обожженные небом» о штрафных эскадрильях. В нашем 8-м ОШБ штрафники-авиаторы не были исключением, и для меня были неожиданностью эти публикации.

Конечно, такие штраф-авиа-эскадрильи были, естественно, не только в 8-й Воздушной армии, но и в других авиационных объединениях. Однако, поскольку их формирование было делом инициативы самих авиаторов, они не числились в Генштабе, и данные об их количестве и сроках существования могут определить лишь энтузиасты, подобные Андрею Морозу.

Есть еще одна неясность: существовали ли специальные штрафные формирования на Военно-морском флоте? В наш 8-й штрафбат моряки-офицеры попадали нередко. Летом 1944 года у меня, тогда еще командира взвода, был штрафником капитан-лейтенант Виноградов с Северного флота, а когда я командовал уже ротой и мы вели бои в Польше и Германии, у нас было образовано отделение в основном из моряков.

Как читатель понимает, Приказом № 227 не предусматривалось создание штрафных подразделений ни в воздушных армиях, ни на флотах или флотилиях. В нашем 8-м штрафбате было немалое количество разжалованных офицеров из авиаторов и моряков. Но жизнь вносит свои коррективы даже в

строгие сталинские приказы.

Наряду с Наркоматом обороны во время войны существовал еще и Наркомат Военно-морского флота, все-таки подчиненный Ставке. Нарком ВМФ адмирал флота Н.Г. Кузнецов 28 декабря 1944 года издал приказ № 0935 «О порядке направления в действующий флот, флотилию офицеров, осужденных военными трибуналами…», где были указаны места дислокации штрафных частей ВМФ. Скорее, это были «сборные» подразделения для отправки штрафников в обычные штрафбаты, а может, и для выполнения специфических флотских задач. Один из авторов книги «Штрафбаты по обе стороны фронта» Игорь Васильевич Пыхалов из Перечней Директивы Генштаба №№ 17–21 от 2.04.1960 г. приводит список семи штрафных рот и шести штрафных взводов, числящихся на флотах и флотилиях:

Балтийский флот — 487-я, 612-я ОШР и 587-й Отдельный штрафной взвод (ОШВ);

Черноморский флот — 613-я ОШР и 588-й ОШВ;

Северный флот — 614-я ОШР;

Волжская военная флотилия — 610-я ОШР;

Дунайская военная флотилия — 472-я ОШР и 473-й ОШВ;

Днепровская военная флотилия — 845-я ОШР, 732-й и 846-й ОШВ;

Северный оборонительный район — 589-й ОШВ.

Мне неизвестны даты их формирования и периоды участия в боевых действиях, но из перечисленных флотских штрафных подразделений до конца войны, т. е. до 9 мая 1945 года дошли две ОШР и два ОШВ, остальные закончили свое существование раньше.

Если военный юрист Андрей Мороз добрался до архивных документов, проливающих свет на штрафные эскадрильи, то, может быть, кто-нибудь из военных историков, которые занимаются изучением истории советского Военно-морского флота, доберется до архивов и откроет еще оставшиеся белые пятна истории Великой Отечественной войны.

Теперь о штрафных полках. Действительно, существовал один кавалерийский полк, который был своеобразно наказан Верховным Главнокомандующим за утрату Боевого знамени. Я кратко перескажу здесь публикацию в «Красной Звезде» полковника юстиции Андрея Мороза.

Уже за восточной границей Венгрии 23 октября 1944 г. ночью противник перешел в наступление, атаковал 214-й кавалерийский

полк во фланг танками и большой группой пехоты в стык между двумя полками разной подчиненности. 214-й кавполк решал задачу, поставленную ему с вечера командиром 63-й кавдивизии. А соседу справа, 42-му гвардейскому кавполку 10-й гвардейской кавдивизии, комдив-10 в то же время поставил новую задачу на перегруппировку сил и передислокацию. Свои действия в тот момент командиры 10-й и 63-й кавалерийских дивизий не согласовали ни на уровне дивизий, ни на уровне полков.

В угрожаемой обстановке ответственный за охрану полкового знамени офицер решил спасти его тем, что, с целью вынести из опасной зоны, взял его сам, но то ли погиб, то ли попал в плен (числится без вести пропавшим). Найти знамя не удалось. Военный совет фронта, посчитав, что оно утрачено безвозвратно, донес об этом наркому обороны. По положению о Знамени полк подлежал расформированию, а офицерский состав, виновный в этом, отдан под суд Военного трибунала. Надо сказать, что этот 214-й полк всю свою боевую биографию проявлял мужество и героизм. Сталин отреагировал Приказом № 0380 от 23.11.1944 г. и перевел полк в разряд штрафных. Приказ был объявлен всему личному составу Красной Армии.

Что же на практике означал перевод 214-го кавалерийского полка в разряд штрафных? Если не считать снижения в звании на одну ступень командира полка — ничего, кроме чисто морального наказания. Наград у личного состава, как это делалось в штрафных батальонах и ротах, не отбирали, наоборот, на следующий день после объявления приказа Сталина от имени Президиума Верховного Совета СССР были вручены ряду офицеров и красноармейцев ордена и медали, которыми те были награждены еще за прежние бои. Орден Красного Знамени получил «штрафник», начштаба майор Климов, орден Красной Звезды — комполка Данилевич, хотя и пониженный в звании до майора. Вскоре ничто не помешало присвоить штрафнику Г.А. Климову звание подполковника и выдвинуть его командиром 223-го кавполка.

Этот приказ Верховного Главнокомандующего не обязывал переводить весь личный состав в штрафники, а командование — использовать полк, переведенный в разряд штрафных, на самых опасных участках фронта, поскольку он и так постоянно находился на острие наступления, на передовой линии. В феврале 1945 г., пробыв в штрафном разряде чуть более 3 месяцев, по ходатайству Военного совета 3-го Украинского фронта за проявленные боевые заслуги полк был выведен из разряда штрафных с правом получения вновь Боевого Красного знамени. Штрафной кавалерийский полк расформирован после

окончания войны, в сентябре 1945 года.

Вот и вся история с единственным штрафным полком, который был в этом значении фактически условно, и никаких других штрафных полков или бригад за время войны не было. Факты же о количестве штрафников и штрафбатов, о боевом их использовании убедительно развенчивают злостные вымыслы о них.

Часто к числу штрафбатов многие причисляют и так называемые штурмовые стрелковые батальоны, хотя это совсем другие воинские формирования. Отдельные штурмовые (не путать со штрафными) стрелковые батальоны — ОШСБ — создавались практически через год после Приказа Сталина «Ни шагу назад!», по другому, специальному Приказу наркома обороны № Орг/2/1348 от 1.08.1943 г. «О формировании отдельных штурмовых стрелковых батальонов» (см. приложение 5), в котором предписывалось: «В целях предоставления возможности командно-начальствующему составу, находившемуся длительное время на территории, оккупированной противником, и не принимавшему участия в партизанских отрядах.» Обратите внимание, не «искупить кровью свои преступления против Родины», как в приказе о создании штрафбатов, а только «с оружием в руках доказать свою преданность Родине».

Эти штурмовые стрелковые подразделения формировались только из контингента командно-начальствующего состава, проверяемых в специальных фильтрационных лагерях НКВД. Вначале было сформировано 4 таких штурмовых батальона, численность которых по штату № 04/331 устанавливалась 927 человек каждый. Впоследствии формирование штурмовых батальонов было продолжено. Всего за время войны было создано 29 штурмбатов, но один из них — 3-й — из-за малочисленности был обращен на укомплектование 4-го ОШСБ.

Через штурмбаты прошла примерно одна треть офицеров, побывавших на оккупированной территории. Определенная их часть прошла через штрафбаты, а тех, кто на оккупированной территории, без сомнения, сотрудничал с оккупантами, постигла, естественно, другая участь.

Эти штурмбаты предназначались для использования на наиболее активных участках фронта. Для сравнения: штрафбаты предписывалось «поставить на более трудные участки фронта». Понятно, что наиболее активные — это все-таки не более трудные.

В отличие от штрафников, «штурмбатовцы» не были осуждены или лишены офицерских званий после проверки их

показаний в соответствующих кадровых органах, им выдавали временные удостоверения офицеров и направляли в штурмбаты. Семьям назначенных в эти батальоны из спецлагерей НКВД были предоставлены все права и преимущества, определенные законом для семей начсостава РККА. Оказавшихся в госпиталях по ранению, где это было возможно, размещали в офицерских палатах, а при выписке, как правило, выдавали офицерские знаки различия соответственно их воинским званиям.

Это такие ярые, матерые антисоветчики, как некто Нестеренко, навоображали на тему Великой Отечественной всякую непотребщину, где все, сложившие голову за Родину, «… гибли зря, / а вышедшим из окружений / светил расстрел иль лагеря» («*Почему 9 мая — не праздник*»). И никакими фактами и документами не изменить убеждений таких клеветников, не доказать им, что всем, кто не запятнал себя сотрудничеством с врагом или услужливостью оккупантам, была дана возможность с оружием в руках, в штрафбатах или штурмбатах, доказать верность своему народу.

Были еще некоторые отличия: если в штрафбатах (как и в штрафных ротах) постоянный состав занимал все должности, начиная с командиров взводов, то в штурмбатах должности командиров взводов и им равных занимали офицеры из спецконтингента и носили соответственные знаки различия.

Срок пребывания личного состава в отдельных штурмовых стрелковых батальонах был установлен — два месяца участия в боях. После окончания срока боевых действий либо после награждения орденом за проявленную доблесть в бою или при первом ранении, при наличии хороших аттестаций, офицер мог назначаться в полевые войска на соответствующие должности командно-начальствующего состава.

Периоды существования штурмбатов от начала формирования до ликвидации были разными, у одних много времени уходило на полное укомплектование, например 4, 16, 20, 23, 25-й и 27-й батальоны числились по 4–5 месяцев, хотя в боях участвовали, как правило, многие и менее 2 месяцев. Так, например, 11 из 28 ОШСБ существовали с учетом времени на формирование и боевые действия от 20 до 45 дней или после ранений, офицерский переменный состав, бывшие бойцы штурмбата назначались на соответствующие должности в обычные войсковые части фронта или направлялись во фронтовые ОПРОСы (Отдельные Полки Резерва Офицерского Состава). Иногда, как это было с 14-м ОШСБ, проведшим успешный бой, в котором весь личный состав проявил героизм и, не отвоевав установленных 2 месяцев, целиком в полном составе

был передан в Отдельный Полк Резерва Офицерского Состава (ОПРОС) на укомплектование войск фронта офицерским составом.

Надеюсь, после прочтения этого материала все мифы о миллионах штрафников, многих сотнях штрафбатов, штрафных полков и бригад окажутся мыльными пузырями нечестных их надувателей и просто злостных фальсификаторов нашей военной истории.

Глава 9
Заградотрядовский бред «искателей правды»

Вошли в эпоху Третьей мировой.
Отныне все мы на передовой.
И в свете указующей бравады
Все те же за спиной заградотряды.

Александр Зорин

О заградотрядах, как и о штрафбатах, бродит тоже много черных мифов и вымыслов, особенно в недобросовестно состряпанных кинолентах, подобных «Штрафбату» Досталя-Володарского. Там заградотряд расстреливает даже не отступающий штрафбат, а просто так, видимо, ради развлечения заградотрядчиков или даже ради удовольствия садистов — создателей этой фальшивки.

Грязные мифы о заградотрядах активно использовали враги СССР для очернения памяти о Великой Отечественной войне при подготовке развала Союза. Всякого рода фальсификаторы с пеной у рта доказывали, что наша Победа обеспечивалась энкавэдэшниками с пулеметами заградотрядов. Даже под юбилейные годы Победы тема заградотрядов, как основного стимула наступательного духа войск не ослабевала. Этот подлый миф не что иное, как плевок в душу всем воевавшим. По этому мифу, если бы не заградотрядовские пулеметы в спину всей Красной Армии, не было бы Великой Победы! Разве это не подлость по отношению к победителям, ко всему народу-победителю?

Поэтому правда о заградотрядах сегодня так же актуальна, как и о штрафбатах. Она просто необходима, чтобы отдать должное живущим ветеранам и тем, кого уже нет, чтобы сохранить историческую память всех последующих поколений.

Как офицер, воевавший в штрафбате, свидетельствую: у штрафбатов даже близкого соседства с заградотрядами никогда не было. Единственное близкое «соседство» с ними оказалось

только в строках Приказа Сталина. Как известно, 28 июля 1942 года увидел свет Приказ наркома обороны СССР № 227, известный как «Ни шагу назад!», которым и установлено появление в Красной Армии заградительных отрядов.

Вот строки из того приказа: «сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной».

Сравним с этим исторический факт времен Петровской эпохи. Карл XII двинул свою армию в глубь России после поражения русских под Нарвой, Петр I не был уверен, что войско, терпевшее до этого времени поражения, устоит перед шведами. Он поставил в тылу регулярных полков отряды казаков и калмыков с приказом: «Убивать без милосердия всякого, кто побежит вспять, и даже его самого, Петра, если он это сделает». Видите, и раньше в российской истории подобные прецеденты бывали, и советские заградотряды не такая уж новинка.

Сразу же приведем документ, по которому формировались они: «Штат 04/391 Отдельного заградительного отряда действующей армии», утвержденный Приказом НКО СССР № 298 от 26 сентября 1942 г.

По этому штату в нем предусматривалось: командование, два взвода автоматчиков, два стрелковых взвода, пулеметный взвод, санитарный и транспортно-хозяйственный взводы. Личного состава полагалось: офицеров 12 человек, сержантов 41 и рядовых 147. Вооружения на все 200 человек: автоматов 107, винтовок 71, ручных и станковых пулеметов 14. Итого 192 единицы. Недостающие 8 единиц — личное оружие офицеров.

Как известно, долгое время тема штрафных подразделений и заградотрядов, определенных Приказом № 227, была запретной, и историки старались обходить ее стороной. Она была любимой лишь лжеисториками. Даже в последние 25 лет публикации добросовестных историков со ссылкой на бесспорные архивные документы не смогли заглушить канонаду массированной фальсификации этой темы. Заградотряды продолжают оставаться не только малоизученным явлением, но наравне со штрафбатами и одним из главных предметов нечистоплотной спекуляции «правдоискателей».

Рисуется зловещий образ то «палачей из НКВД», то «Сталин придумал заградотряды, в которые набирали тюремный сброд, за

обещанную свободу расстреливавший своих при отступлении».

А ведь как показала действительность, заградотряды фактически еще и прикрывали войска с тыла от диверсантов и вражеского десанта. Вот в силу всех этих специфических задач в заградотряды набирали лучших из лучших: имеющих боевой опыт, спортсменов (лыжников, борцов, пловцов, гребцов, альпинистов), милиционеров. При возможности включали также охотников, лесников, преимущественно из сибиряков и дальневосточников.

Видимо, этим и объясняется миф «о тюремном сброде», который «ладно устроясь за боевыми порядками боевых частей, особенно штрафбатов, только и ждал, когда нужно будет пулеметами погнать их в атаку или безжалостно расстреливать отступающих», как в этом пытались убедить зрителя в известном «Штрафбате» его создатели.

Да и не только они порочили заградотряды. Как вредные насекомые, развелись такого же пошиба «поэты», которые «неотступно» видят вместо героики Великой Отечественной сплошные заградотряды.

Например, Ю. Арестов: «И неотступно с нами рядом / Неотвратимый смерти глаз, / Ведь позади заградотрядом / Наведены стволы на нас».

Или, например, Д. Дарин убеждает: *«А до заградотряда / Одна спина всего».* Ну, почти прямо в спину, в упор! Не отстает от них и В. Воронцов: «Идут десантник и моряк, / А сзади шел заградотряд».

Есть еще более одиозный Ю. Нестеренко, истеричный кликуша, который называет себя русскоязычным американцем, «более не считающим себя русским». «На нашей улице — не праздник./Мы проиграли ту войну». Его позиция: «Россия — это зло в его чистом, беспримесном виде». В русофобских воплях Нестеренко наша Великая Отечественная и Победа у него *«так называемые»,* и пишет он их специально с малых, прописных букв. Русское общество — для него «Твари. Мерзкие двуногие твари. Ненавижу их… Насколько чище был бы мир без них… Все, что они умеют — это жрать, гадить и размножаться… А до чего наглые! Даже и не думают уходить с дороги. Лезут прямо под колеса. Тупые наглые гнусные твари».

Да был ли он когда-нибудь русским, этот Нестеренко? Мир чище был бы без таких, как он! В его серии «антипобедных» стихов все те же заградотряды: «И взрывы бомб не так страшны,/ Как меткий взгляд заградотрядов,/ В тебя упертый со спины».

Когда так «уперто» твердят о заградотрядах, то надо представить, каковы должны быть их численность и вооружение?

Ведь чтобы остановить, а уж тем более открыть огонь по отступающему полку, дивизии или даже штрафбату, надо иметь сил более, чем у них. В таком случае не исключено, что отступающие ответят огнем на огонь, а штрафники от них бы и «мокрого места» не оставили! Да и пока заградчики будут расстреливать отступающую часть, они неизбежно встретятся с наступающим противником. Получается, что эти надуманные заградотряды должны быть сильнее своих войск и сильнее наступающих немецких частей, ибо в противном случае и они будут уничтожены наступающим неприятелем.

Итожа такие предположения, можно прийти к совершенно фантасмагорическому бреду: суммарно заградотряды должны и в численности, и в вооружении превосходить все наши воюющие фронтовые войска. Это похоже на другой миф о том, что «в СССР одна половина населения сидела в ГУЛАГЕ, другая ее охраняла».

Ради истины скажем, что версию о заградотрядах при штрафниках запустила во время войны геббельсовская пропаганда, а позднее эта версия использовалась в определенных интересах фальсификаторами нашей военной истории, либо была некоторыми принята на веру по незнанию истории Великой Отечественной. Но самый большой вред, считаю, нанесли сознательные и «умелые» лгуны — «писатели», «поэты», некоторые кинодеятели.

В «Литературной газете» № 11 (6362) 21.03. 2012 Софья Андреева в статье «Ратоборцы. Победа не любой ценой» по поводу выхода моей книги «Штрафбат в бою… без заградотрядов» отметила: «Эту книгу написал человек, которому… выпало служить в 8-м отдельном штрафном офицерском батальоне 1-го Белорусского фронта. И никаких заградотрядов, о чем многие хулители нашей военной истории говорят и пишут, не было, а была вера в то, что эти бывшие офицеры, хотя и провинившиеся в чем-то перед Родиной, остались честными советскими людьми и готовы своей отвагой и героизмом искупить вину».

Даже американский военный историк *Альберт Акселл* («Герои России». 1941–1945. М.; Интерстамо, 2002) еще в начале этого века отмечал: «Некоторые авторы подчеркивают присутствие заградительных отрядов вдоль линии фронта позади русских войск, делая вывод, что героические поступки были далеко не добровольными, что «русский мужик» сражался хорошо только из-за страха наказания. Эти аргументы неправдоподобны. Один только страх не способен сделать людей героями. Ни одна другая нация в мире не была готова к такому подвигу, к такому самопожертвованию, как ваш народ».

Читатель уже знает в подробностях из предыдущих глав, как командарм Горбатов и командующий фронтом Рокоссовский решили послать штрафбат в тыл противника и как там дерзко и смело действовал наш 8-й офицерский штрафной батальон. Ну как там, в немецком войсковом тылу, могли «подгонять» штрафников пулеметы заградчиков?

Однако основная масса «разоблачателей» и «обличителей», даже по возрасту своему не обладая фактическим представлением о штрафбатах или заградотрядах, не считает нужным хоть сколько-нибудь подкреплять свои утверждения ссылками на документы. Этих «обличителей» едва ли нам удастся переубедить, они «запрограммированы» на вранье.

Надеюсь, используя архивные материалы, документы и свидетельства авторитетных участников войны, нам удастся отделить «зерна от плевел», правду от вымысла в интересах тех, кто хочет знать истинные данные и о заградотрядах.

Юрий Бондарев, Герой Соцтруда, многократный лауреат Государственных и Ленинской премий СССР, известный военный прозаик и сценарист многих исторически правдивых фильмов о Великой Отечественной войне, воевал и на Сталинградском, и на 4-м Украинском фронтах. Едва ли найдется хоть один сомневающийся в его правдивости и честности человек, но пусть и эти его слова будут известны читателю: «Когда мы драпали, заградчики нас останавливали, собирали, велели занять оборону, но ни единого выстрела никто из них не сделал. В этом я клянусь».

Маршал Язов воевал на Волховском фронте. Дмитрий Тимофеевич утверждал почти то же самое, что и Бондарев, но еще добавил, что «на Ленинградском, Карельском, Прибалтийском фронтах заградотрядов не было вообще».

Юрий Рубцов в книге «Штрафники… в жизни и на экране» (М., ВЕЧЕ, 2013) приводил свидетельства очевидцев: «Генерал Бараболя: Штрафники воевали мужественно, никто не гнал их в бой силой оружия… В нашей роте я не помню ни одного случая, чтобы штрафников заставляли идти в атаку силой оружия. Полковник Рощин, служивший в штрафной роте в тяжелейшую пору осени 42-го — зимы 43-го, свидетельствует: „Да, штрафные подразделения ставили на трудные участки, и потери были немалые, но никогда нас не расстреливали заградотряды. Это злостный вымысел авторов „Штрафбата“».

За постсоветские годы во многих СМИ, к сожалению, появилось много лживых публикаций, авторы которых

утверждают, что штрафники шли в бой под страхом пулеметов заградительных отрядов. Словом, что-то вроде отчаяния обреченных. Да, была отчаянная храбрость, ведь даже легкое ранение штрафника расценивалось, как искупление им вины с правом перевода в обычную действующую часть. Но чувства обреченности не было, как не было и стоящих заградотрядов за спиной штрафников.

Молодой, энергичный историк Игорь Пыхалов («Великая Оболганная война», «Штрафбаты по обе стороны фронта» и др.) опубликовал о Великой Отечественной войне немало малоизвестной правды, которую либо замалчивают, либо намеренно извращают любители «жареного» в нашей советской историографии. Он, в частности, напоминает, что, начиная с хрущевской «оттепели», в фольклор так называемых «шестидесятников» прочно вошли душераздирающие рассказы о сталинских заградотрядах. В сидящих на кухнях компаниях вольнодумствующих интеллигентов нередко можно было услышать исполняемую под гитару песню на слова Ю. Михайлика такого содержания:

«Эта рота наступала по болоту,
А потом ей приказали, и она пошла назад.
Эту роту расстрелял из пулемета
Свой же заградительный отряд».

И сегодня такие михайлики, нестеренки, дарины и прочая литературная нечисть не могут принять тот неоспоримый факт, что Победа в Великой Отечественной войне достигнута героизмом советского народа, высоким воинским мастерством офицерского состава и генералитета, Ставки, возглавляемой Верховным Главнокомандующим. Они продолжают активно мусолить тему штрафбатов и заградотрядов. Беда в том, что им вторят вроде бы грамотные общественные деятели. Маршал Язов как-то заметил, что «наш главный омбудсмен, правозащитник Лукин, утверждал, что в Великой Отечественной победил народ. Никто этого не опровергает. Но народом кто-то руководил». Если отрицать роль Ставки и Сталина, Жукова и генералов, то получается, что народ сам одержал победу и под Москвой, и в Сталинграде, Ленинграде, а в конце концов, сам неорганизованной толпой пришел и взял Берлин.

Даже один из очень высоких государственных политиков однажды сказал, что победили мы потому, что за разведотрядами (?) на острие главных ударов наших войск шли штрафные

батальоны. Ладно, хоть не под дулами заградотрядовских пулеметов.

Стоит подумать над той фразой с учетом того, что всего через **все** штрафные батальоны и армейские штрафные роты за всю войну прошло около 450 тысяч человек. Немного, если сравнить, что наша армия насчитывала в годы войны максимально 7 миллионов солдат и офицеров. Поэтому говорить о том, что Красная Армия победила за счет штрафбатов, да еще подгоняемых заградительными отрядами, это злостное вранье.

Победил тогда под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!» именно наш общественный и государственный строй! Победил весь советский народ под руководством компетентного правительства, преодолевая лишения и неимоверные трудности, обеспечивая армию всем необходимым, вооружал, кормил и одевал ее. Победила армия, ее солдаты и офицеры, под командой преданных Родине офицеров и генералов, талантливых полководцев при умелом руководстве войсками их Верховного Главнокомандующего. Не стояли и за ними на заводах, выпускающих танки, самолеты, патроны и снаряды энкавэдэшники с пулеметами.

Наш народ выполнил свой долг перед человечеством, и оно обязано ему разгромом гитлеровского фашизма.

Давайте разберемся, в чем же состояло действительное предназначение заградотрядов и какие они действительно имели полномочия.

Прежде всего, следует отметить, что армейские заградотряды, созданные по 227-му Приказу, это не те заградительные отряды, которые действовали с первых дней войны. В самом начале войны в соответствии с Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 24 июня 1941 года создавались заградотряды НКВД по образцу тех, что создавались еще в годы Гражданской войны. Но те заградотряды начала войны были расформированы уже в конце 1941 — начале 1942 года, не о них речь.

Известно, однако, что инициатива создания заградительных отрядов в годы Гражданской войны принадлежала Троцкому. В книге «Вокруг Октября» в 1924 году он воспоминал: «Наспех сколоченные полки и отряды, преимущественно из разложившихся солдат старой армии, как известно, весьма плачевно рассыпались при первом столкновении с чехословаками. Чтобы преодолеть эту гибельную неустойчивость, нам необходимы крепкие заградительные отряды из коммунистов и вообще боевиков. Надо заставить сражаться. Если ждать, пока мужик расчухается, поздно будет. Возрастала решимость, а где

нужно — и беспощадность. На фронте политические отделы рука об руку с заградительными отрядами и трибуналами вправляли костяк в рыхлое тело молодой армии».

Что же касается созданных осенью 1942 года по Приказу Сталина «Ни шагу назад!» не энкавэдэвских, а армейских заградотрядов, приведем фрагмент сообщения Особого отдела НКВД Сталинградского фронта от 14 августа 1942 года.

«О ходе реализации Приказа № 227 и реагирования на него личного состава 4-й танковой армии»:

> «Сформированы три армейских заградотряда, каждый по 200 человек. Указанные отряды полностью вооружены винтовками, автоматами и ручными пулеметами. Указанными заградотрядами на 7.8.42 г. по частям и соединениям на участках армии задержаны 363 человека. В результате тщательной проверки: 187 человек направлены в свои подразделения, 43 — в отдел укомплектования, 73 — в спецлагеря НКВД, 27 — в штрафные роты, 2 — на медицинскую комиссию, 6 чел. арестованы и 24 чел. расстреляны перед строем. Например, командиры отделений 414 сп Стырков и Добрынин во время боя струсили, бросили свои отделения и бежали с поля боя. Оба были задержаны и Постановлением Особдива расстреляны перед строем. Красноармеец того же полка Огородников произвел саморанение левой руки, в совершенном преступлении изобличен, за что предан суду Военного трибунала…»

Во время обороны Сталинграда заградотряды сыграли важную роль в наведении порядка в частях и предупреждения неорганизованного отхода их с занимаемых рубежей, возвращении значительного числа военнослужащих на передовую линию фронта. Обратите внимание на следующие примеры из «Материалов НКВД СССР и Военной цензуры»:

> 1. «14 сентября противник предпринял наступление против 399-й сд 62-й армии. Бойцы и командиры 396-го и 472-го полков стали в панике отходить. Начальник заградотряда младший лейтенант госбезопасности Ельман приказал своему отряду открыть огонь над головами отступающих. В результате личный состав этих полков был остановлен, и через два часа полки заняли

прежние рубежи обороны».

2. «20 сентября немцы заняли восточную окраину Мелеховской. Сводная бригада под натиском противника начала самовольный отход. Действиями заградотряда в бригаде был наведен порядок. Бригада заняла прежние рубежи, и по инициативе политрука того же заградотряда Пестова совместными действиями заградотряда с бригадой противник был отброшен от Мелеховской».

Еще пример другого рода боевых действий заградотрядов:

«В 6-й армии Воронежского фронта 2 заградотряда 4 сентября 1942 года были приданы 174-й стрелковой дивизии и введены в бой. В результате заградотряды в бою потеряли до 70 % личного состава, оставшиеся бойцы были переданы названной дивизии».

Как видите, располагаясь в ближнем тылу, заградотряды нередко сами оказывались под ударами вражеской авиации и под огнем артиллерии, иногда даже вынуждены были вступать в бой с противником.

Во время обороны Сталинграда заградотряд 62-й армии двое суток вел бой с превосходящими силами противника за оставленный нашими бойцами железнодорожный вокзал.

Или 27 октября 1942 года 2-й взвод 2-й роты заградотряда 8-й армии занял оборону в промежутке боевых порядков двух полков и много часов отбивал атаки немцев станковым пулеметом, оставленным бойцами одного полка.

Вот так же, «не по назначению» использовал заградотряды и командующий 3-й армией 1-го Белорусского фронта генерал армии А.В. Горбатов. В феврале 1944 г. при подготовке наступательной операции по форсированию Днепра и захвату плацдарма на его западном берегу (а в этой операции участвовал и наш 8-й штрафбат) он, высвобождая линейные части для наступления, поставил в оборону заградотряды и заградроты. Генералу Горбатову удалось настолько убедительно аргументировать свое предложение, что с ним согласился командующий фронтом генерал армии К.К. Рокоссовский.

К подобным нестандартным мерам А.В. Горбатов прибег и летом того же 1944 г. уже в ходе операции «Багратион». Чтобы использовать для развития наступления на одном из главных направлений 40-й стрелковый корпус трехдивизионного состава полностью, а не держать его для обороны северного участка между реками Днепр и Друть, он заменил эти стрелковые

дивизии тоже заградотрядами и запасными полками.

Систематическая ложь с телеэкранов и из прессы о пулеметных заслонах и заградотрядах превратились в умышленное зомбирование масс. Даже некоторые издательства стали снабжать книги о штрафбатах красочными иллюстрациями, навеянными этой ложью. Так случилось и с моей книгой «Правда о штрафбатах» (М, «Яуза», 2007), которую издательство «Эксмо» решило в 2009 году переиздать под названием «Главная книга о штрафбатах». В аннотации на последней странице обложки этой книги «Эксмо» вроде бы согласилось с автором, что «показ по государственному телевидению скандального сериала „Штрафбат“ — насквозь лживая агитка».

Сама эта «Главная книга…» афишировалась издательством как «Военно-исторический бестселлер, выдержавший несколько изданий и разошедшийся рекордными тиражами! Уникальные мемуары советского офицера, с декабря 1943 по май 1945 года воевавшего в 8-м Отдельном штрафном батальоне, прошедшего с ним от Белоруссии до Берлина и подробно, обстоятельно и честно рассказавшего об этом боевом пути — не приукрашивая „окопную правду“, но и не очерняя прошлое. Правдивые книги о советских штрафниках можно пересчитать по пальцам одной руки. И эта среди них — лучшая».

И вот после такой хвалебной аннотации, вопреки главному содержанию и смыслу книги, без согласия автора, издательство разместило яркую, броскую картинку. А там изображено ложное событие, никогда не имевшее места в действительности, когда в спину штрафникам нацелен пулемет «Максим». Крепко, видимо, въелись в сознание людей намеренно искаженные современными «искателями правды» многие страницы той Священной войны.

Насколько искаженные или умышленно извращенные данные о заградотрядах повлияли на сознание людей, свидетельствуют несколько слов из большого и очень эмоционального письма, присланного мне в июле 2012 года петербурженкой Инной Сарафоновой: «В школе нас учили, что заградительные отряды были угрозой отступающим солдатам, расстреливали их нещадно и т. п.».

В 2005 году по Первому каналу российского ТВ прошел более или менее правдивый документальный фильм «Подвиг по приговору», в котором принимал участие и автор сей повести. Там приводились свидетельства тех, кто лично имел касательство к штрафбатам, то ли штрафниками, то ли их командирами. Все они отрицали хотя бы разовое наличие заградотрядов за

штрафниками. Однако и здесь создатели фильма вставили в свой, авторский текст, фразу: «ранят — не ползи в тыл, пристрелят, такой был порядок». **А вот это — ложь!**

Никогда такого «порядка» не было! Как принято говорить ныне — все в точности наоборот. Мы, командиры штрафников, от взводных до самого комбата, не только разрешали, но даже убеждали их, что ранение — законная основа для их самостоятельного, оправданного оставления поля боя. Другое дело, что не все штрафники этим пользовались при первой царапине, хотя и таковые изредка бывали. Чаще были случаи, когда штрафник, получивший ранение, из боевой солидарности с товарищами оставался в строю. Иногда такие раненые и погибали, не успев воспользоваться тем, что «кровью искупили свою вину».

Приведем далее в изложении некоторые фрагменты статьи «К вопросу о заградотрядах в Красной Армии» Евгения Ковыршина, опубликованную на сайте Министерства обороны:

> «Назовем „характерные черты“, которые обычно приписываются заградотрядам:
>
> — это были формирования Наркомата внутренних дел (НКВД) СССР;
>
> — они оснащались новейшим автоматическим оружием и транспортными средствами, были способны уничтожить живую силу в значительных количествах, причем всегда успевали развернуться на путях отхода воинских частей (подразделений.) т. е. являлись высокомобильными;
>
> — практически все, попавшие в поле их зрения, расстреливались на месте».

Теперь выясним, насколько все вышеупомянутое в этой цитате противоречит истине.

В Приказе № 227 заградотрядам посвящен лишь один абзац:

> «…военным советам армий, и прежде всего командующим армиями, сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их „в случае беспорядочного отхода и паники частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам выполнить свой долг перед Родиной…“»

Как видим, формирование таких отрядов возлагалось на военные советы и командиров, т. е. на армейские органы управления, а НКВД, представленный в прифронтовой полосе войсками по охране тыла, здесь вовсе не упоминается, хотя в некоторых случаях командирами заградотрядов и назначались офицеры НКВД.

Далее: расстреливать требовалось только «в случае паники и беспорядочного отхода», да и то лишь «паникеров и трусов». На указание производить массовые расстрелы это никак не похоже.

Как явствует из документов, созданные по Приказу № 227 заградотряды не имели отношения к НКВД, а состояли из военнослужащих Красной Армии. Они несли службу на постах, патрулями, при этом основным видом их деятельности были не карательные действия, а выполнение задач по поддержанию порядка и пресечению незаконного передвижения военных в ближнем тылу.

Обратимся к архивным материалам о самих заградотрядах. Возьмем в качестве примера 8-ю армию Волховского фронта. Согласно приказу № 78 от 31 октября 1942 года по 3-му отдельному армейскому заградотряду 8-й армии, он считался сформированным численностью 202 человека. Единственным из 12 командиров, в прошлом связанным с НКВД, был начальник штаба лейтенант А.Д. Киташев (в свое время закончивший школу ОГПУ), беспартийный.

В то же время, например, в 7-м отдельном заградительном отряде 54-й армии из командиров ни один не имел отношения к НКВД. Из всех бойцов и младших командиров, проходивших службу в отряде почти за год, с НКВД были связаны лишь трое: сержант Толкачев, до призыва прошедший службу в НКВД, и красноармейцы Иванов — ранее был «охранником НКВД» — и Елисеев — был следователем.

Однако вернемся к 3-му заградотряду 8-й армии, который еще с конца августа 1942 года приступил к выполнению служебно-боевых задач. Он выставлял посты на дорогах и мостах, патрулировал местность. В период с 22 августа по 31 декабря 1942 года им было задержано 958 военнослужащих, в основном без документов, заблудившихся или отставших от частей, в редких случаях «самострелы» и дезертиры и несколько человек «за грубости». Судьба задержанных была следующей: переданы в особый отдел НКВД 141 человек, еще один — в 4-й отдел (борьба с диверсантами и парашютными десантами). Остальные 816 человек (85 %) отпущены сразу или после установления личности. На массовые расстрелы это тоже не похоже.

На основании всего вышеизложенного можно сказать, что ни одна из приведенных несколько выше «характерных черт» загрядотрядов документально не подтверждается, даже опровергается. В подтверждение этого приводим большую, но несколько сокращенную статью капитана 2-го ранга С.Г. Ищенко «Я из заградотряда», опубликованную еще в 1988 году в «Военно-историческом журнале» № 11.

> «Наверное, сейчас у нас не сыщешь равнодушного к истории. Мы пристально вглядываемся в минувшее, и словно туман рассеивается. Среди прочего является вдруг такое, что многих повергает в шок. Уж и не победителями, а побежденными готовы во всеуслышание объявить нас некоторые в разоблачительном азарте. Сегодня, когда настало время раскрыть всю правду, в том числе и о войне, многое, что было доселе под лаком, пугает и возбуждает бурные страсти. Например, заградотряды.
>
> В одной из передач московской программы Центрального телевидения принимали участие работники архивов. Они справедливо сетовали на излишнюю закрытость их ведомств. Дело доходит до того, сказал один, что видные историки не могут добиться опубликования памятного многим Приказа № 227, известного под названием „Ни шагу назад!“. Ведущий понимающе кивнул: „Ну да, про заградотряды“. Сказано это было таким тоном, что стало ясно: заградотряды — это нечто настолько жуткое, настолько бесчеловечное и дискредитирующее нас и нашу армию, что вспоминать о них страшно. Хотя, дескать, уж мы-то знаем…
>
> Вот этот лейтмотив — „уж мы-то знаем“ — достаточно часто встречается в письмах именно о заградительных отрядах. Возьмем некоторые из них. „Заградотряды сталинские были созданы из НКВД. Они присылались из тыла и стреляли в своих без всякого разбора. Сами сидели в тылу, наедали морды. Они искусственно заталкивали людей в мясорубку…“ „Из-за Приказа № 227 часто бывало, что войсковое подразделение, у которого кончились боеприпасы либо вышло из строя орудие, вынуждено было погибнуть или сдаться в плен. Ведь при отступлении бойцов ждали стволы заградотрядов. Это ли не глупая смерть людей?“»

Самое примечательное в этих письмах, на мой взгляд, тон. Без сомнений, не допускающий возражений. «Уж мы-то знаем…» И еще, полагаю, подобная «правда» черпается из чьих-то устных «воспоминаний», сочиненных не без злого умысла. Какой вывод из них напрашивается? Вполне очевидный: «Вы говорите о массовом героизме и самопожертвовании наших бойцов? Не щадили себя в бою? А что им оставалось делать, если в затылок смотрели стволы автоматов заградотрядчиков? Своя пуля не слаще немецкой…» Так под сомнение ставится святое.

Пишут многие, но ни разу — ни разу! — не слышал, чтобы кому бы то ни было из коллег довелось встретить письмо, в котором были бы слова: «Я из заградотряда».

Что ж мы молчали-то столько лет? Эта мысль не раз мелькала у меня, когда знакомился в Подольске с архивными материалами, относящимися к действиям заградительных отрядов в годы Великой Отечественной войны.

Чего мы боялись? Признать, что на фронте были не только герои, но и трусы, малодушные, шкурники, мародеры и дезертиры? Но на какой, скажите, войне, в какой армии их не было? Такого сорта людей и в мирные дни достаточно. Что уж говорить о фронте, где стреляют, калечат, убивают, а случается, приказывают идти на смерть. Однако в нашей армии шкурников и дезертиров было гораздо меньше, чем у врага, героев же во сто раз больше. Поэтому победили мы, а не фашисты.

Что за обстановка была на фронте, когда вышел Приказ № 227? Мне удалось разыскать несколько человек, которые воевали в заградительных отрядах. Один из них — Николай Антонович Сухоносенко, член КПСС с мая 1943 года, награжденный орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и несколькими медалями. Он написал:

> «В то время, когда зачитывался Приказ № 227, я был курсантом школы младших специалистов топографической службы, которая после эвакуации из Харькова находилась в Ессентуках. Был свидетелем и участником того страшного отступления наших войск (если можно так назвать беспорядочный отход массы людей в военной форме) от Ростова-на-Дону на Кавказ. Тогда, совсем еще юношей, я воспринимал это страшное бегство под натиском вооруженного до зубов фашистского войска как катастрофу. Теперь, по прошествии стольких лет, становится еще страшней от одной мысли: что могло бы произойти, если бы не были приняты суровые, но необходимые меры по организации

войск, оборонявших Кавказ? С созданием заградотрядов курсанты школы, в том числе и я, привлекались к их действиям. Мы участвовали в задержании бегущих с фронта солдат и командиров, а также охраняли находившиеся в Ессентуках винный погреб, склад, консервный завод и элеватор, которые подвергались набегам этой неорганизованной массы военных людей. Двое суток под Ессентуками останавливали мы отступавших. По мере комплектования групп, примерно человек по 100, отступающие сопровождались на сборные пункты. Затем ставились в оборону».

Возможно, те, кто наслышан о расстрелах на месте без суда и следствия, о прочих ужасах, якобы связанных с заградительными отрядами, к этим воспоминаниям ветеранов отнесутся недоверчиво. Мало ли кто что помнит и кто что видел. А может, другие видели и помнят совсем другое? В таком случае, думаю, нет ничего убедительнее документов, писанных в окопах.

Передо мной журнал боевых действий 4-го Отдельного заградительного отряда 52-й армии. Начат он 5 августа 1942 года, когда армия входила в состав Волховского фронта. Чем занимался отряд летом и осенью этого года? Формировался. Согласно Приказу № 227, в заградительные отряды должны были направляться лишь самые опытные и обстрелянные бойцы. Однако, оказывается, в чем-то жизнь на фронте была похожа на нашу, нынешнюю. Кто ж, какой директор по доброй воле отпустит хорошего работника со своего завода или фабрики? Командиры тоже не хотели отдавать лучших бойцов. Ежедневно, пока шло формирование, в заградотряд прибывали двадцать-тридцать бойцов и командиров. Каждый день одного-двоих отправляли назад, как не отвечающих строгим требованиям. Только абсолютно надежным и отчаянно храбрым солдатам фронт мог доверить свой ближайший тыл. Две трети в отряде были коммунистами и комсомольцами.

Тот, кому доводилось бывать в лесах под Волховом, знает, что заплутать там немудрено, тем более когда стреляют, а вокруг минные поля. Таких сбившихся с пути возвращали в части. Скажете, для подобных дел не надо быть обстрелянным солдатом. Но ведь задерживали и дезертиров, а те, как известно, часто были вооружены и знали, что, если попадутся, им грозит трибунал.

А вот, к примеру, боевые донесения 3-го Отдельного заградительного отряда 8-й армии Волховского фронта. Разница в них только в датах, фамилиях, цифрах да географических названиях. Поэтому приведу одно — за 27 сентября 1942 года:

«1. За истекшие сутки противник вел слабый артиллерийский огонь.

2. Отряд расположен на старом месте.

3. Отряд занимается несением службы заградительных постов…

5. За 27 сентября отрядом задержано 38 человек без документов. Направлены в свои части».

Я намеренно пропустил четвертый пункт, потому что он, наверное, совсем уж удивителен для тех, кто жаждет разоблачительной правды о заградительных отрядах. А правда в 3-м Отдельном заградительном отряде в тот день была такова:

«4. При отражении вражеской атаки пали смертью храбрых во второй роте сержанты Тарасюк Алексей Савельевич, Белашев Семен Васильевич, красноармеец Кулешов Иван Васильевич. При артобстреле в районе платформы Русановской были убиты сержант Истомин Ефим Гаврилович, старшина Николаев Василий Лаврентьевич, красноармейцы Гордеев Василий Александрович и Косаченко Василий Евдокимович».

Мне трудно удержаться от частого цитирования документов. Как иначе переубедить тех, кому кажется, что он знает о заградотрядах «всю правду», тех, чьи злые письма приведены выше? Поэтому позволю себе еще одну выдержку из журнала боевых действий 4-го Отдельного заградительного отряда 52-й армии. Сделана эта запись 30 мая 1944 года. Армия тогда уже дошла до Румынии, вела бои на реке Прут.

«В 9.00 началось наступление немцев на высоту 197,0. Часть бойцов из разных частей армии устремилась к реке Прут на переправы, где и задерживалась заградпостами нашего отряда. В результате было задержано и возвращено на передний край около 300 человек. Во время несения службы у переправы были убиты ст. сержант Николаев А.Г., мл. сержант Юрченко И.Т., контужены ст. лейтенант Михалев Н.Г., ефрейтор Офицеров С.И.».

Никаких пояснений к этому нет. Но представьте на минуту охваченную паникой толпу в три сотни человек, оставившую окопы и рванувшую к переправе в едином стремлении спастись. Представьте, что стоило ее, вооруженную, вернуть в окопы, повернуть лицом к врагу, заставить биться. Какая это была

свалка, если в заградотряде двое убито, еще двоих контузило. А теперь скажите: нужны ли были заградотряды?

Меня да и многих других интересует вопрос: стреляли ли бойцы заградотрядов по своим? По бегущим, отступающим, дезертирам — стреляли? Или нет? Прямое свидетельство на этот счет удалось найти лишь только одно, в письме Н.А. Сухоносенко. Он пишет:

> «Оружие было применено один раз, когда легковая машина не остановилась по нашему сигналу. Огонь был открыт по колесам. В результате нами оказались задержаны командиры, сидевшие в машине, старший — в чине полковника. Других случаев я не знаю».

Больше ничего — ни в архивных документах, ни в воспоминаниях. Правда, заставляет задуматься та запись в журнале боевых действий 4-го Отдельного заградительного отряда, которая относится к 30 мая 1944 года. Как удалось задержать на переправе три сотни бросивших окопы? Может быть, силой оружия? Не знаю. Но если даже и так? Неужто и это должно нас шокировать? Неужто этого стыдиться? Не того, что бежали, что бросили фронт, а того, что привели в чувство трусов всеми доступными средствами? Нет, надо было остановить труса любой ценой, иначе Родина могла погибнуть. Война-то шла уже у Волги. А тот полковник, видимо, готов был тормозить лишь за Уралом. Трусов и паникеров расстреливали всегда, во всех армиях мира. Или мы этого не знаем? Что ж тогда молчали о заградительных отрядах?

Еще одну запись из журнала 4-го Отдельного заградительного отряда позволю себе привести. Она сделана 7 августа 1944 года, незадолго до расформирования отряда. В ней — итог большей части пройденного заградотрядом пути:

> «Готовились к празднованию дня образования части. Личный состав помыт в бане, сменил белье и привел в порядок оружие и обмундирование… В 18.00 было проведено торжественное собрание, на котором с докладом выступил командир отряда майор Борисичев, осветив итоги работы отряда за год. За год отряд задержал 1415 человек, в том числе 30 шпионов, 36 старост, 42 полицейских, 10 переводчиков и др. За отличное выполнение заданий командования в отряде награждено 29 человек орденами и 49 медалями. Отряд прошел путь от Дона до реки Прут, покрыв расстояние в 1300 километров… За год прочесано 83 населенных

пункта, в том числе 8 городов. Личный состав вел и наступательные, и оборонительные бои в районе Днепра, села Белозерье, города Смела и других. В результате освобождено 7 населенных пунктов… За год отряд потерял убитыми 11 человек, ранеными 40. Выросла партийная организация отряда. Принято в члены ВКП(б) 29 человек, в кандидаты — 30.

Я не вижу тут ничего недостойного нашей славной военной истории. Кого и от чего загораживали заградительные отряды? В конечном счете нас с вами, страну свою загораживали от врагов и трусов, которые, впрочем, на фронте тоже враги. Кого и почему должно это шокировать?

Обо всем не расскажешь. Но в деталях помню рассказ бывшего заградотрядчика Цветкова Д.Е. о том, что происходило в ноябре 1942 года на Калининском фронте. „На опушке залег заградотряд. Позади никого, лишь открытая дорога в наш тыл. Впереди жидкая линия окопов, грохот стрельбы и рев вражеских танков. Задача стояла в соответствии с Приказом № 227: „Ни шагу назад!“. Если наши, те, что впереди, побегут, не выдержат — остановить, вернуть назад, в оборону. Но никто не побежал. Оборона перед заградотрядом была смята. На заградотрядчиков через кусты ломились танки с крестами. Рукой ощупывал ребристый бок гранаты… Дальше было страшно…“

Цветков дважды принимался рассказывать, да так и не смог: душили спазмы и слезы. Махнув рукой, собрался уходить. Надел пиджак, висевший на стуле. На нем орден Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, медали и нашивки за ранения — четыре тяжелых и два легких. А кто-то говорит: „Отсиживались в тылу…“ Не верьте!»

Да, такие документы напрочь опровергают измышления досужих «любителей правды», а вернее — любителей поисков всякого рода развесистой клюквы в истории Великой Отечественной войны, а еще точнее — патологических врунов.

Часто заградотряды вообще использовались вовсе не для «наведения порядка». Начальник политуправления 3-го Прибалтийского фронта генерал-майор А. Лобачев, к примеру, в августе 1944 г. доносил в ГлавПУР: «Большая часть личного состава заградотрядов используется для охраны штабов армий,

линий связи, дорог, прочесывания лесов и т. д. Характерна в этом отношении деятельность 7-го заградотряда 54-й армии. По списку в отряде 124 человека. Используются они так: 1-й автоматный взвод охраняет второй эшелон штаба армии; 2-й автоматный взвод придан 111-му стрелковому корпусу для охраны линии связи от корпуса до армии; стрелковый взвод придан 7-му стрелковому корпусу с той же задачей; пулеметный взвод находится в резерве командира заградотряда, а командир этого взвода назначен комендантом управления тыла армии…» Похожими были донесения и с других фронтов. Наступление на всех фронтах шло успешно.

За ненадобностью заградотряды были упразднены весьма лаконичным приказом НКО № 0349 от 29.10.1944 г.:

> 1. Отдельные заградительные отряды к 13 ноября 1944 г. расформировать. Личный состав расформированных отрядов обратить на пополнение стрелковых дивизий.
> 2. О расформировании заградительных отрядов донести к 20 ноября 1944 года.

В завершение этой темы сошлюсь еще только на два свидетельства участников войны.

Кавалер ордена Александра Невского Анатолий Ефремов: «Теперь сочиняют небылицы те, кто знает о войне по картинкам. Да, на угрожающих участках выставлялись такие отряды. Эти люди не какие-то изверги, а обычные бойцы и командиры. Играли они две роли. Прежде всего готовили оборонительный рубеж, чтобы отступающие могли на нем закрепиться. Во-вторых, пресекали паникерство. Когда наступил перелом в ходе войны, я не видел больше этих отрядов».

Из воспоминаний Героя Советского Союза, генерала армии Петра Лащенко, командовавшего 322-й дивизией в Курской битве:

> «Заградотряды находились в удалении от передовой, прикрывали войска с тыла от диверсантов и вражеского десанта, задерживали дезертиров, которые, к сожалению, были; контролировали порядок на переправах, направляли отбившихся от своих спецподразделений солдат на сборные пункты. Но я не знаю, чтобы кто-нибудь из них стрелял по своим. Я запрашивал документы на этот счет, но таковых не нашлось».

Может, достаточно всех этих документов, касающихся заградотрядов, чтобы доказать абсурдность всего, чем так любят

стращать современного читателя записные «знатоки», фальсификаторы да и просто платные «искатели правды»?

Будем считать, что тему, которую вынуждены были затронуть, несмотря на то что книга эта вовсе не о заградотрядах, мы убедительно раскрыли, и читатель имеет теперь правдивое, документально подтвержденное, а не искаженное злостными выдумщиками представление об этих формированиях, учрежденных тем же приказом «Ни шагу назад!», что и штрафбаты и штрафроты.

Действительно, приказ-то один, а назначения создаваемых по нему формирований — совершенно разные, так же как и армейские штрафные роты никогда не были подразделениями офицерских штрафбатов, хотя учреждались одним с ними приказом.

Глава 10
Редкий для штрафбата вид боя в операции «Багратион»

Ах, ратный труд — опасная работа,
Не всех ведет счастливая звезда.
Всегда с войны домой приходит кто-то,
А кто-то не приходит никогда.

Юлия Друнина

Я шел в атаку, твердо шел туда,
Где непрерывно выстрелы звучали,
Чтоб на земле фашисты никогда
С игрушками детей не разлучали.

Джек Алтаузен. Погиб в бою под Харьковом в 1942 году

Итак, в конце мая 1944 года наш батальон передислоцировался в район, близкий к еще занятому немцами небольшому городку Ратно (Северная Украина), что севернее тоже украинского, но более крупного и тоже еще не освобожденного города Ковель. Здесь мы заняли оборонительные позиции на реке Выжевка, сменив какой-то гвардейский стрелковый полк, видимо, переброшенный на направление главного удара будущей операции «Багратион». Окопы были отрыты еще нашими предшественниками и оказались добротными, полного профиля, с достаточно хорошо укрепленными крутостями. На некоторых участках даже были устроены крепкие, «в три наката», землянки. Как писал маршал

Рокоссовский в своих мемуарах «Солдатский долг», «Левое крыло Первого Белорусского фронта уперлось в огромные Полесские болота». **Их еще называли чаще Пинскими.**

Теперь мы были уже в оперативном подчинении 38-й Гвардейской Лозовской стрелковой дивизии 70-й армии, и нашим командармом стал уже не генерал Горбатов Александр Васильевич, а генерал Попов Василий Степанович.

Эта Выжевка, у берегов которой занял окопы наш штрафбат, была невелика, еще меньше Друти, с низменными болотистыми берегами. Именно здесь нам предстояло держать оборону, нехарактерную, даже скорее необычную для штрафбата. Ведь ему чаще всего приходилось бывать «на острие атак», пришлось больше месяца ожидать этого самого «острия».

Это потом, значительно позднее, нам стало известно, что переброска нас на левый фланг фронта была одной из мер дезинформации противника в связи с подготовкой к операции «Багратион», и стояли мы здесь так долго тоже из тех же соображений.

Наша 1-я рота встала на правом фланге батальона. Командовал ротой капитан Матвиенко Иван Владимирович, а его заместителем был энергичный, еще совсем молодой (всем нам, взводным, было тогда едва за 20 лет) старший лейтенант Янин Иван Егорович. Мой взвод был третьим и потому расположился на левом фланге роты. Справа от нас занял оборону второй взвод во главе с лейтенантом Усмановым Фуадом Бакировичем, башкирином, как упорно он себя называл и которого мы звали просто Федей. Он был переведен из расформированного 33-го штрафбата нашего фронта еще в марте. Первый взвод возглавлял лейтенант Дмитрий Иванович Булгаков. Оба они были старше на 2–3 года меня с Яниным.

Несмотря на сравнительно долгий перед этим период формирования, наши подразделения были недоукомплектованы. По документам, полученным из ЦАМО РФ, значится: «за май 1944 года поступило пополнения всего 172 человека, а за это же время отчислено вернувшихся из госпиталей 56 искупивших свою вину кровью, да по отбытии срока еще 20 человек». Это, если читатель помнит, к тем 600, освобожденным и восстановленным без ранений еще за Рогачев.

Сравнительно небольшой приток штрафников в этот период отчасти объяснялся отсутствием в то время активных боевых действий в войсках фронта и, конечно же, в связи с этим — определенным затишьем в деятельности военных трибуналов. Кроме того, в связи с тем что наступательные операции на территории Белоруссии в это время не проводились, новые

территории не освобождались, то и «окруженцев», главной составляющей пополнения штрафбата, тогда стало несколько меньше.

По мере прибытия пополнения эти цифры, конечно, изменялись. По штатному расписанию у нас было положено по два заместителя командира взвода. Они по предложению ротных командиров назначались приказом по батальону из числа штрафников. Им и командирам отделений присваивались на это время сержантские звания, хотя погоны с нашивками они не носили, как вообще не было погон на плечах у всех штрафников. Но те из них, что попали в штрафбат из кадрового офицерского состава Красной Армии, как правило, где-то в дальних карманах хранили оставшиеся от прежних времен свои офицерские погоны. Надежду когда-то снова водрузить их на свои плечи, жаль, не всем им удавалось осуществить. Война без жертв не обходится, тем более в штрафбатах.

Одним из моих взводных заместителей был назначен опытный боевой офицер, на 6 лет старше меня. Это бывший старший лейтенант Петров Семен Иванович, хотя некоторые «переменники» взвода, без юмора, видимо, из особого уважения к нему называли его подполковником.

В дальнейшем я постараюсь избегать слово «бывший». Это, наверное, читателю и так понятно. У всех нас было какое-то прошлое, бывшее, но какое будущее ждало каждого из нас, этого никто не знал. А на стыке прошлого и будущего тогда были все мы, и каждый день, и каждый час войны. Это уже потом, после войны, из фильма «Земля Санникова» в нашу жизнь вошли, врезались созвучные тому опасному времени, просто гениальные слова: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь!»

Да, тогда жизнь каждого слагалась именно из прожитых мгновений, каждый жил только тем мигом, который дарила военная судьба. А старший лейтенант Петров незадолго до штрафбата с должности командира отдельной разведроты был переведен на должность командира учебной роты дивизии, где и проштрафился. Попал он вначале в 33-й штрафбат нашего же фронта, но вскоре тот штрафбат был расформирован, и группа штрафников, не успевших там «отвоеваться», была переведена в наш 8-й.

Другим моим заместителем был осужденный военным трибуналом снабженец тыла дивизии. Истинного его звания, фамилии, а тем более имени точно не помню. Он и у меня отвечал за снабжение взвода боеприпасами, продпитанием и вообще всем, что было необходимо для боевых действий. И делал

это умно, инициативно, со знанием тонкостей этого непростого дела, фактически освободив меня от беготни по снабженческим ступеням роты и батальона.

Честно признаться, мне льстило, что у меня, еще малоопытного 20-летнего лейтенанта, всего-навсего командира взвода, в заместителях ходят боевые офицеры, старше меня по истинному их воинскому званию. Но главным было то, что я надеялся использовать боевой и житейский опыт этих уже немолодых людей.

Командиром одного отделения назначили рослого богатыря с запоминающейся, несколько необычной фамилией — Пузырей. Поскольку он был на целых 10 лет старше меня, да и по званию, кажется, капитан, я называл его по имени-отчеству — Владимир Михайлович. Другим отделением командовал капитан-пограничник Омельченко, худощавый, с тонкими чертами лица, быстрым взглядом и постоянной, едва уловимой улыбкой. Третьим отделением командовал (архивные документы поправили мою несовершенную память!) бывший майор, по фамилии Челышев Михаил Георгиевич, служивший до ШБ начальником связи бригады. Он тоже был старше меня лет на 7–8.

Посыльным к командиру роты, а заодно и моим ординарцем, в обязанности которого входила забота о своем командире, стал еще со времен Друти и Городца разжалованный младший лейтенант, которого за его молодость (по сравнению с другими штрафниками) и ярко выраженную «детскость» все называли просто Женей (фамилию его я установил лишь в 2014 году по документам из ЦАМО РФ — Вдовин). Это был тот самый Женя, который спас меня из ледяного плена злосчастной речки Друти под Рогачевом в конце февраля 44-го. Расторопный, всюду успевающий боец, он оказался в штрафбате из-за лихачества на трофейном мотоцикле. Получилось так, что его срок никак не убавлялся. Ведь этот коварный «штрафной срок» начинал исчисляться только с дней активных боевых действий, а у Жени пошли в зачет только те три дня на Друти, потом оказалась неучтенная неделя «диетической» погоды близ города Быхов. А там и вовсе почти два месяца на формировании в Городце. И только теперь, в окопах Белорусского Полесья, пошли ему, как и многим другим, зачетные дни. Многие тогда оказались в таком «отсроченном» положении, когда общее календарное пребывание в штрафном батальоне, в том числе и вне боевых действий, превышало установленный срок наказания.

Своим нештатным «начальником штаба» (проще говоря — взводным писарем) был у меня капитан-лейтенант Северного флота Виноградов. Взял я его в качестве писаря потому, что он

обладал почти каллиграфическим почерком. К тому же, хорошо владея немецким языком, он мог сгодиться и как переводчик, хотя я сам немецкий знал на приличном школьном уровне. Как ни странно, именно это знание языка противника и привело Виноградова в ШБ. Будучи начальником какого-то подразделения флотской мастерской по ремонту корабельных радиостанций, во время проверки отремонтированной рации на разных диапазонах и частотах он наткнулся на речь Геббельса. И по простоте душевной стал ее переводить на русский в присутствии подчиненных. Слух об этом дошел до Особого отдела, и в результате получил Виноградов свои два месяца штрафбата «за пособничество вражеской пропаганде».

Конечно, законы военного времени очень строги, это естественно. Но в случае с Виноградовым скорее сыграла роль не строгость закона, а преувеличенная подозрительность некоторых начальников. Тогда от этого больше страдало людей случайных, допустивших самые обыкновенные ошибки, просчеты, без которых не бывает ни одного серьезного дела. В те годы почему-то было правилом, да и осталось, наверное, и сейчас обязательно найти, в крайнем случае «назначить» конкретного виновника-ответчика. И это невзирая на то, что нередко повинны бывают не люди, а обстоятельства.

На отведенном нам участке обороны остались хорошо оборудованные окопы, даже со стенками, укрепленными жердями (на военном языке это «одежда крутостей»). А на моем участке — еще просторная, как в популярной послевоенной песне, «землянка наша в три наката», которая уже при мне выдержала прямые попадания нескольких снарядов и мин.

Как сразу нам объявили, перед нашими окопами не было минных заграждений. Зато непосредственно за нами, на всем протяжении занятых ротой траншей, был заминированный лесной завал, который мы нанесли сразу же на свои карты и довели эту информацию до каждого подчиненного. Это местами поваленный молодой хвойный лесок, усеянный замаскированными противопехотными минами. Большинство из них составляли мины в деревянных корпусах с 200-граммовыми толовыми шашками, а часть — со 100– или 75-граммовыми. Некоторые мины оказались для меня необычными. В деревянные ящички обыкновенной конструкции вместо обычных толовых или тротиловых шашек с отверстием под детонатор были вложены заполненные порошкообразной взрывчаткой — тротилмелинитом — плоские стеклянные толстостенные бутылочки, в горлышко которых и вставлялись взрыватели-детонаторы. Бутылочки эти были обернуты в хорошую пергаментную бумагу. Эта бумага

оказалась очень ценной находкой — на ней можно было писать письма родным. И под стихи, которые иногда рождались там, она тоже годилась.

Тогда я еще не сообразил, что этот заминированный участок не просто забыли наши предшественники. Он был элементом эшелонированной обороны, устроенным по плану старшего командира или командующего. Мне же пришла авантюрная идея — переставить эти мины на передний край обороны роты, на полосу между нашими окопами и берегом реки Выжевка. Тем более что оборона казалась мне да и всем офицерам нашей роты «жидковатой» из-за малочисленности бойцов в наших подразделениях и отсутствия минных полей и даже проволочных заграждений перед нашим передним краем. Один участок этого лесного завала, видимо, минировался еще зимой, установленные здесь мины были окрашены в белый цвет, и теперь, уже летом, под пожелтевшими хвойными веточками их обнаруживать было совсем не трудно. А вторая часть, отделенная от первой протоптанной тропинкой, оказалась с минами, окрашенными в цвет хаки. В траве и хвое их обнаруживать было значительно труднее.

Во взводе у меня специалистов саперов не оказалось, а я еще в военном училище как-то особенно заинтересованно изучал и свои, и немецкие мины (всегда следовал правилу: «лишние знания никогда лишними не бывают»). И потому решил сам заняться этим небезопасным делом. Поручать кому-то из штрафников, не владеющих этим небезопасным делом, не хотелось, да и морального права, строго говоря, не имел.

Тогда я не подумал, что этот минированный завал обозначен не только на наших картах, но даже на картах армейского штаба как важный элемент полосы обороны на особо опасном направлении. Конечно же, этот минированный участок за нашими позициями, установленный давно, не был заграждением специально за штрафниками. К слову еще раз сказать, за нашим батальоном никогда не было заградотрядов, не применялись и другие устрашающие или заградительные меры. Смею утверждать, что офицерские штрафные батальоны были образцом стойкости в любой боевой обстановке.

Свою «саперную» деятельность я, конечно, начал с участка с белыми, «зимними», минами. Днем снимал, обезвреживал, а ночью выставлял в 30–50 метрах перед своими окопами, хорошо маскируя дерном, всегда помня при этом золотое правило, которому наставлял нас в военном училище командир роты Литвинов: *«Боишься — не делай, делаешь — не бойся».* Мой командир отделения Омельченко (из пограничников), которого я

привлек себе в помощники, с нашими противопехотными минами был знаком и быстро освоил дело постановки их. У нас вскоре определилось своеобразное разделение труда: я искал, разряжал и снимал мины на одном месте, а он устанавливал их на другом!

Обследуя местность в районе обороны, бойцы обнаружили в маленьком полуразрушенном сарайчике забытые нашими предшественниками несколько десятков неиспользованных мин натяжного действия. Официальное название их было «ПОМЗ-2» — «противопехотная осколочная мина заградительная». Эти мины напоминали насечкой на их металлической «рубашке» наши ручные гранаты Ф-1 («лимонки»), убойная сила их осколков была тоже не менее 200 метров. Устанавливались они на высоте 20–30 см над землей на вбитые в землю колышки. От детонаторов-взрывателей отводились проволочные нити-растяжки, при достаточно ощутимом прикосновении к которым мина срабатывала. Установка таких мин требовала особой осторожности, тщательности и аккуратности. Они представляли более реальную опасность, чем обычные противопехотные мины. И все-таки я решил: чем добру пропадать, пусть с большим риском, но и эти мины буду устанавливать! Но только сам! Никому, даже уже набравшему опыта минирования Омельченко этого дела не доверю, не могу переложить ответственность на подчиненного штрафника, не имеющего специальной подготовки. Подорвусь — так сам!

Конечно, со временем и не без помощи нашего командира роты капитана Матвиенко, более опытного и старшего возрастом офицера, мы стали понимать, что не имеем права снимать мины с участка, заминированного по распоряжению старших начальников. И поэтому я уговорил ротного доложить в штаб батальона, что мы минируем участок перед своими окопами только минами-растяжками ПОМЗ. Неожиданно командир роты согласился, но на всякий случай решил составлять подробную схему минного поля перед окопами с учетом постановки всех мин.

Все шло хорошо, пока я работал на участке завала с «зимними» минами. Нам удалось без происшествий переставить и хорошо замаскировать около двухсот белых мин. И плюс к тому я успел установить добрую половину из найденных нами мин-растяжек. Так что перед нашими окопами образовалось довольно плотное минное поле.

Прошло уже недели две, как мы встали на этом участке в оборону. Наши тыловики разведали и грибные места. Так что даже грибные супы из походной кухни были для нас хотя и большой редкостью, но приятной. Меню изысканное для фронта!

В моей памяти в связи с этим вставало весьма небогатое меню в офицерской военторговской столовой в запасном полку под Уфой. Видимо, тогда и родился анекдот о том, что работники военторга купили на свои деньги для фронта самолет, как прогремевший тогда на всю страну колхозник Ферапонт Головатый, купивший истребитель на свои сбережения. Но летчики будто бы наотрез отказывались вылетать в нем на боевые задания, так как, глядя на бортовую надпись «Военторг», свои же собьют! Такой «любовью» пользовался этот «Ванькинторг», как его чаще величали на фронте.

У нас в запасном полку ходили слухи, что такое питание офицеров в запасных полках будто было «запрограммировано» на «подъем патриотизма», и именно оно поднимало волны рапортов офицеров, рвущихся на фронт. Но рвались мы на фронт вовсе не поэтому. Хотелось не опоздать, быстрее принять участие в разгроме фашистов, в чем сомнений уже ни у кого не было. В то же время офицеры как праздника ждали очередного наряда дежурным по солдатскому пищеблоку, что случалось примерно 1–2 раза в месяц. Там для солдат, кому всего через месяц предстояло уже быть на фронте, готовилась совсем другая пища: мясные супы с толстыми, белыми, очень аппетитными трубочками макарон и гречневая или перловая каша с мясом… Хоть раз в две недели, снимая обязательную пробу со всех котлов, наедались вкусно и вдоволь.

Возвращаясь в белорусско-украинское Полесье того времени, еще раз подчеркну, что именно здесь наши тыловики развернулись по-настоящему и показали, на что они способны. А может быть, армейские снабженцы действовали так умело, как ни раньше, ни позднее на фронте не было. А может, просто нам раньше не приходилось так долго «обороняться», а в наступлении иногда не до обедов.

И с табачным довольствием было неплохо. Нам, офицерам, привозили папиросы «Беломорканал». Может, это были специальные указания нового командарма, генерала В.С. Попова, понимающего, что мы переданы в состав его армии не просто так, что нам предстоит выполнять очень сложную задачу в интересах его армии. Да, в конце концов, бойцы штрафбата в скором времени станут офицерами и в его армии.

Штрафникам, как рядовым, выдавали строго по норме моршанскую махорку, а некурящим вместо табака — дополнительный сахар. Это немаловажная деталь для тех, кто верит байкам о том, что штрафники вообще ничем не снабжались, должны были «добывать» себе пищу набегами на продсклады или на частные хозяйства жителей прифронтовой полосы.

Летом 1944 года здесь нам повезло и с погодой. Дни стояли жаркие, сухие, воздух был густо напоен хвойным ароматом. Если бы не ежевечерние артналеты противника и другие события, связанные с выполнением боевых задач, можно было бы по сравнению с другими периодами боевых действий, наполненными атаками и отражением контратак, приравнять наше здесь пребывание с неожиданно доставшимся нам отдыхом. Интенданты с нашим батальонным доктором даже раза два или три устраивали вблизи от окопов полевую баню со сменой белья, о чем мы благостно вспоминали в других, менее приятных ситуациях.

Однако там, на южном фланге нашего Белорусского фронта, порой жара была, как говаривали многие, почти африканская. У одного из моих штрафников даже случился то ли солнечный, то ли тепловой удар, и он потерял сознание. Мне вспомнился аналогичный случай, который произошел со мной еще в августе 1941 года, и мы быстро привели его в чувство.

А вспомнил я тогда, как в конце лета 1941 года во время строевых занятий в разведвзводе полка на Дальнем Востоке тоже был жаркий солнечный день и я, стараясь лучше выполнять строевые приемы, вдруг заметил, что все у меня в глазах раздвоилось, я потерял равновесие и «выпал» из строя. Меня подхватили, занесли в тень, окатили грудь холодной водой и заставили выпить хорошо подсоленную воду.

Причиной этого, оказывается, стало то, что утром я не стал глотать соль, которую наш помкомвзвода сержант Замятин принуждал употреблять во время завтрака перед чаем. Оказалось, что это был самый простой и надежный способ предупреждения тепловых ударов перед тяжелой работой или походом в жару. Как нам разъяснял тогда сержант, соль удерживала воду в организме, и он не обезвоживался вследствие обильного потоотделения, равномерно и «экономно» выделяя пот, способствующий охлаждению тела. А это, наверное, и было тогда основой армейского способа профилактики тепловых ударов.

И вот здесь, на фронте, мой личный опыт пригодился. Я приказал всем командирам отделений строго следить за неукоснительным выполнением этого утреннего «солевого» ритуала. Случаев тепловых ударов в дальнейшем ни в обороне, ни в изнурительном наступлении больше не было. Помогло!

В то время там, в обороне, я почти все белые мины переставил и перешел (аппетит приходит во время еды!) на зеленые. Их обнаруживать стало значительно труднее, так как разглядеть их, замаскированных зелеными веточками в зеленой траве, оказалось не так просто. Где-то на втором или третьем

десятке этих неудобных мин мне не повезло, и я… подорвался на одной из них! Произошло это 26 июня, когда, получив разрешение ротного, я пошел продолжать уже почти привычную работу по разминированию. В этот раз я успел снять несколько мин, положил их на пенек, сделал шаг в сторону и… взлетел в воздух!..

«Полет» мой от взрыва был краток, почти мгновенно я оказался лежащим на земле плашмя, лицом вниз. Первое ощущение — болезненно печет левую ногу. Значит, думаю, ноги этой уже нет, а ощущение это — просто фантомная боль. Решил повернуться, посмотреть, что от нее осталось. Но когда поднял голову — обомлел! Сантиметрах в десяти, прямо перед глазами — мина! Как я не угодил на нее головой, это просто чудо! Овладев собой, я уже привычно, почти автоматически (все-таки опыт: я разрядил более двухсот мин!), осторожно вынул взрыватель, разогнул в сторону усики чеки и стал внимательно осматриваться вокруг.

Сбоку, справа, увидел еще одну мину, тоже совсем близко. Только после того, как разрядил и ее, повернулся и обнаружил, что моя нога на месте, только носок сапога неестественно повернут внутрь. Попробовал пошевелить пальцами — кажется, удалось. Значит, нога не оторвана! Видимо, наступил на «маленькую», 75-граммовую мину. Потом, анализируя этот факт, я понял, что, к счастью, наступил, видимо, не на саму мину, а на какую-то толстую ветку, лежавшую одним концом на мине, и взрыв произошел сбоку, сантиметрах в 20–30 от ноги.

Командир отделения Пузырей ожидал меня на тропе у края заминированного участка, чтобы отнести на импровизированный взводный склад обезвреженные мною и вынесенные к нему мины. Услышал он взрыв и с криком «Лейтенант, живой?» бросился напролом ко мне. Я понял, что он может сейчас тоже напороться на мину, и заорал что было мочи: «Стоять! Не двигаться! Я выберусь сам!» Кое-как встал и, еще не чувствуя острой боли, опираясь на какую-то палку или толстую ветку, волоча поврежденную ногу, стал выбираться по уже разминированной части завала к тропе. В сапоге что-то хлюпает, понял: кровь. Вот и первое ранение!

Меня подхватили Пузырей и ординарец Женя, уволокли к землянке, разрезали и сняли сапог, перевязали, на какой-то тачке, невесть откуда взявшейся, отвезли на батальонный медпункт километрах в полутора от окопов в селе с запомнившимся названием Выдраница, недалеко от штаба батальона, находившегося в Замшанах. В тот же день к вечеру меня, перевязав уже профессионально, доставили в медсанбат.

Вывих, если можно так назвать выскочившую из своего нормального положения ступню, хотя в справке о ранении было написано «ушиб», мне там вправили (вот когда ощущение боли пришло ко мне в полной мере!), противостолбнячный укол сделали, рану обработали и ногу забинтовали основательно, с шиной, как при переломе. Однако коварство этих мин из стеклянных бутылочек мне довелось узнать не сразу. Если крупные стеклянные осколки, обнаруженные на ощупь при обработке раны, удалили тут же, то те, что помельче, остались в ноге. Их даже не обнаруживали после и под рентгеном, а оставшиеся в ноге стекляшки выходили из нее еще много лет после войны через долго не заживающие свищи.

В медсанбате несколькими днями позже я стал, хотя и с трудом, ходить, опираясь на костыль. Вскоре я заменил костыль палкой, с которой расстался только недели через две после выписки уже у себя, в штрафбате. Недели лечения мне оказалось достаточно, чтобы настоять на выписке, и я кое-как уговорил медсанбатовское начальство отпустить меня в мой батальон.

Тем временем надо мной сгущались тучи. Наш особист, почти ежедневно посещавший меня в медсанбате, подробно выспрашивал у меня, кто принял решение снимать мины с лесного завала.

Мне нужно было отвечать за самовольную ликвидацию этого элемента обороны, не бросая никакой тени на ротного, согласившегося на это. А тут еще за время моего лечения случилась беда. Уже набравшийся опыта мой помощник по минному делу штрафник Омельченко решил сам без меня продолжить установку ПОМЗов. И погиб, когда по неосторожности в темноте задел нить только что взведенной им мины. А она, как назло, сработала, да как! Истинно: минер и сапер ошибаются один раз. Для Омельченко эта ошибка с минами была тоже единственной. Но на этих минах однажды ночью подорвались фрицы, пытавшиеся проникнуть в наше расположение за «языком». Для них минное поле здесь тоже оказалось неожиданностью.

Как потом рассказали мне друзья, комбат с заместителями всерьез обсуждал возникшую проблему, как уберечь меня от трибунала за это хотя и с благими намерениями, но умышленное «вредительство» и не дать свершиться моему переходу из категории командира штрафников просто в штрафники. Наш комбат, тогда уже полковник Осипов, после беседы со мной в медсанбате лично ездил к командующему 70-й армией генералу

В.С. Попову хлопотать за меня.

К слову сказать, в нашем комбате полковнике Осипове удивительно и счастливо сочетались немногословие, твердость и строгость с одной стороны, и доброта, отеческая забота — с другой. Недаром все его иначе не называли между собой, как Батя, отец-комбат. И визит комбата к командарму снял этот вопрос с повестки дня. Заступничество комбата даже завершилось награждением меня орденом Красной Звезды.

Выписали меня. А в справке написали: «Выписывается по настоятельной просьбе больного с амбулаторным лечением при части». Когда я вернулся из медсанбата, Семен Петров, командовавший взводом без меня, предложил командиром отделения вместо погибшего Омельченко бывшего лейтенанта Федора Шерстунова, начальника инженерной службы полка, которого он знает еще по 33-му ОШБ и который неплохо знает минное дело. Я твердо решил, что этим минным делом заниматься без приказа свыше больше не буду, но совет Петрова поддержал.

Уже говорилось, что немцам как-то удалось определить, что перед ними штрафбат. Через свои громкоговорители они в начале каждой агитпередачи на русском языке стали обязательно включать нашу знаменитую песню «Катюша» и даже исполняемую по-немецки «Вольга-Вольга, Мутти Вольга», а затем уже призывали штрафников повернуть оружие против своих «командиров-притеснителей» и вместе с тем называли нас «бандой Рокоссовского». Как нам было и раньше известно, это прозвище нашему батальону дали немцы еще в 1943 году, когда батальон впервые в полном составе вступил в бои на Курской дуге, тогда еще на Центральном фронте, которым командовал генерал Рокоссовский.

В свободное время (а оно в обороне иногда все-таки бывало) офицеры вели с бойцами беседы о боевом опыте — и своем, и самих штрафников. Это было, если хотите, что-то вроде обмена опытом или курсов повышения квалификации. Помню, как-то вечером после таких бесед, когда уже порядком стемнело, я обходил по брустверу свои окопы, еще опираясь на палку, выструганную в медсанбате. И вдруг услышал, как один штрафник, наверное, старше других по возрасту, почти шепотом продолжал делиться с небольшой группой бойцов своими пехотными навыками. Его слушателями, курящими по привычке в ладонь, видно, были представители других родов войск, жадно ловящие его инструктаж, касающийся малой саперной лопатки. Наверное, его урок подходил к концу, так как я услышал его

слова о том, что без нее земля не спасет. Остановился я, стою тихонько, чтобы не спугнуть инструктора, самому интересно. А он дальше ведет, прямо скажем, умную, образную речь, которую я запомнил примерно так: «Переправились через речушку, закрепились, надо бы окопаться, хлоп рукой — а лопатки нет. Заскучал я: ни окопаться, ни в рукопашную, которая вот-вот — но повезло, обошлось. Говорите, при чем здесь рукопашная? Да еще до рукопашной без нее грустновато. Ну, бежишь в атаку, ее, родную, в руке держишь, лезвием грудь прикрываешь, будто лата большая сердце от дурной пули защитит. Или черенок за пояс: мне, низкорослому, — сердце, а кто повыше ростом — живот прикроет, тоже важное место, может, еще важнее, чем грудь, недаром говорят на Руси „живот — это жизнь“. Ну а в рукопашной лопатка не хуже штыка, да если ее хорошо наточить с боков — хорошая секира получается, получше топора. Изловчишься, так и фрицу голову срубить можно».

До чего же мудры наши бойцы. Вот не учили нас этим премудростям в училище, а поди ж ты, как здорово! Назавтра я видел не одного своего штрафника, кто напильником, неизвестно откуда добытым, кто камнем, но точили свои лопатки! Этот урок я взял себе на вооружение и не раз использовал в обучении пехотному бою не только летчиков.

На тех «курсах повышения квалификации» штрафников, которые ненавязчиво организовал наш ротный командир, капитан Матвиенко, из рассказов бывалых воинов о боевых действиях я почерпнул многое и, в частности, узнал, что мой случай подрыва на мине не такой уж исключительный, что-то аналогичное со счастливыми исходами случалось и с другими. Хотя с минами вообще мое «взаимодействие» случалось не раз, но всегда удивительно удачно, по ходу описания боевых действий я еще об этом расскажу.

Мне запомнился и рассказ самого комроты Матвиенко, как его однажды подкараулил в засаде здоровенный фриц, зажал под мышку и потащил. Ухитрился Иван свою болтающуюся где-то внизу ногу вставить между ног фрицу. Тот не ожидал такой «подножки», упал и на мгновение выпустил Ивана, а тот успел сапогом ему «врезать между глаз» и убежать. Много поучительного было в этих беседах и рассказах. Но наверное, главной мыслью, главным содержанием таких бесед были симоновские стихи: «За чужой спиной не сидят, из чужой винтовки не мстят».

А между тем немцы активизировали свою информационную войну против нас. Они постоянно забрасывали к нам и с

самолетов, и специальными снарядами большое количество разных листовок. В них штрафников призывали сдаваться, бросить своих командиров — «сталинских энкавэдэшников» — и перейти к ним, где займут офицерские должности в вермахте в соответствии с их званиями, будут жить в фешенебельных гостиницах с офицерским питанием. Масса листовок была о том, будто «сыновья Сталина и Молотова уже сдались в плен и проклинают своих отцов», чему мы не верили.

Бросали и стандартные для всех фронтов листовки-пропуска в плен, так называемые «ШВЗ» — «Штык в землю». Надо сказать, что наш особист, да и некоторые политработники поначалу очень ревностно следили за тем, чтобы штрафники не подбирали и не прятали листовки (тем более — «пропусков ШВЗ»). Видимо, сомневались в стойкости бойцов или был такой приказ. Но вскоре убедились, что эти листовки штрафники брезговали пользовать даже на махорочные самокрутки, а пускали только по известной «нужде», и тогда поостыли в своем рвении.

Поскольку меня за рогачевский рейд до моего ранения на мине даже медалью не отметили, мне не раз приходила мысль, что меня «обошли» наградой. Может быть, думал я, из-за того, что мой отец репрессирован за нелестное высказывание в адрес руководства страны о неудачах на фронте в начале войны, дядя был объявлен «врагом народа». Думалось тогда, что, может, и потому, что один из моих братьев, Виктор, пропал без вести на фронте в конце 1942 года под Сталинградом. Не попал ли он в плен и не смалодушничал ли там? Хотя, зная его твердый характер, я в корне отвергал такую возможность, да и воспитаны мы были в неприятии плена как альтернативы смерти.

Если говорить дальше о немецких листовках, то были и такие, которые утверждали, будто есть приказ Сталина не награждать тех, кто еще не получил ранения. Чушь это, думал я. Ведь живым примером обратного был наш Ваня Янин, имевший уже несколько орденов и медалей, хотя ни разу не был ранен. Но в то же время командующий 70-й армией генерал Попов наградил меня орденом Красной Звезды после того, как я подорвался на мине. Ну, просто совпадение: вместо ожидаемого наказания за самовольное разминирование завала — награда «за решительность, инициативу и смелость по укреплению обороны и за умелые боевые действия в боях за город Рогачев», как сказал мне при вручении ордена наш комбат Осипов. Так сказать — «по совокупности». Вообще чаще всего у нас награждали не за отдельные бои и боевые достижения или подвиги, а именно «по совокупности». Так счастливо для меня закончилась эта минная история.

Этот оборонительный период на левом фланге 1-го Белорусского фронта был насыщен и другими боевыми эпизодами. Были и события, которые прошли как-то мимо моей памяти, не задержавшись в ней, но почти все, что происходило здесь и потом в наступлении, отпечаталось в ней прочно. Впечатление «нечаянного отдыха» было, конечно, далеким от истинного смысла этих слов. Постоянные артналеты, интенсивные обстрелы приводили и тогда к серьезным потерям. Так однажды во время артиллерийско-минометного налета крупная мина угодила в легкое перекрытие подбрустверного блиндажа, где размещался мой друг еще по Рогачевскому рейду Петя Загуменников, командир взвода ПТР. Результат — трое убитых, двое раненых. А друг мой тоже чуть не погиб, отделавшись контузией, после которой он долго почти не слышал. Видимо, распознав по губам мой вопрос «Почему не в медсанбате?» — ответил: «Так пройдет!» И прошло же! И такое случалось довольно часто, так что потери были и в обороне.

Как я уже говорил, немцы всяческими методами, в том числе и авиаразведкой, пытались раскрыть систему нашей обороны и определить изменения в ней, происшедшие за последнее время. Над нами нахально повадилась летать «рама». Так на фронте прозвали фашистский двухфюзеляжный разведывательный самолет-корректировщик «Фокке-Вульф-189». Один штрафник-пулеметчик приспособил колесо перевернутой телеги под вращающуюся турель ручного пулемета Дегтярева и в очередной пролет на низкой высоте этой «рамы» так удачно запустил в нее длинную очередь трассирующих, зажигательных и бронебойных пуль, что самолет «клюнул», резко стал снижаться и, едва перелетев через речку, упал и взорвался. Летчик даже не смог воспользоваться парашютом.

Сколько было радости у нас! И не только потому, что «наша взяла». В первую очередь радовались штрафники, ну и мы за них. Знали, что за сбитый самолет или подбитый танк надлежало награждение орденом Отечественной войны! Причем без тех условий, когда за боевые отличия награждали медалями или орденами, если подвиг бойца был выше по своему значению, чем основания для снятия с него вины. А для штрафника награждение орденом — это и освобождение от штрафбата за подвиг без пролитой крови, без ранения!

За этот оборонительный период открылись и другого рода «подвиги» штрафников. Как уже упоминалось, фашисты

ежедневно совершали на нас мощные артналеты. Наша артиллерия на них, как правило, не отвечала, так как на период подготовки к активным действиям к операции «Багратион» была жесткая установка на максимальную экономию артбоеприпасов, да и патронов тоже. Мы и раньше замечали особенность пресловутой немецкой аккуратности — совершать эти налеты в определенное время суток, почти каждый раз после 9 часов вечера. И хотя к этому времени все старались находиться, как правило, в окопах, вдруг стали появляться среди штрафников легко раненные осколками в мягкие ткани, как правило, в ягодицы. Ну а коль скоро штрафник ранен, пролил кровь — значит, искупил свою вину со всеми вытекающими отсюда последствиями. Здесь, в обороне, где время пребывания в штрафбате текло как-то медленнее, число таких случаев стало подозрительным. Особисту нашего батальона через других штрафников, презрительно относившихся к таким хитрецам, удалось узнать технологию этих ранений.

Оказывается, во время артналета под грохот разрывов снарядов изобретатели этого способа бросали в какой-нибудь глухой окоп ручную гранату, а затем из стен сарайчика или обшивки окопа выковыривали ее осколки. Вынимали из автоматного патрона пулю, высыпали половину пороха и вставляли в гильзу подходящего размера осколок. А дальше — дело техники. В очередной артналет из этого автомата выстреливали заряженный осколок в мягкое место — и получали легкое ранение, а значит, вожделенную свободу. Правда, когда эту хитрость раскусили, почти всех хитрецов выловили в войсках и вновь судили, теперь уже за умышленное членовредительство и фактическое дезертирство из штрафбата. Не все «умники» возвращались в ШБ. Некоторых с учетом их прежних «заслуг» приговаривали к высшей мере. К подобным изобретателям в офицерском штрафбате относились, мягко говоря, негативно.

Не могу не рассказать об одном «выдающемся» штрафнике, прибывшем во взвод в начале июля 1944 года, когда мы стояли в обороне. Запомнил о нем многое, такой он был «особенный». Это бывший инженер-майор Гефт Семен Давидович, прибывший к нам уже в оборону. Читал копию его приговора с чувством брезгливости: он был осужден, как теперь сказали бы, за сексуальное домогательство и принуждение к сожительству в извращенном виде.

Будучи начальником автобронетанковой службы кавдивизии, Гефт создал себе возможность питаться отдельно от всех и не только заставлял девушек-солдаток, приписанных к этой службе,

выполнять дополнительно обязанности официанток, но и принуждал их во время приема пищи удовлетворять его всякие сексуальные прихоти. При этом он угрожал бедным солдаткам, что если они откажутся или пожалуются кому-нибудь, то он загонит их в штрафную роту (девушки не знали, что женщин в штрафные части уже не направляют).

По всем меркам это было насилием с использованием служебного положения. Приговор был суров: 10 лет ИТЛ с заменой тремя месяцами штрафбата, что было вполне справедливо.

В те годы не только армейские законы, но и законы морали были значительно строже, чем сейчас, когда у нас стало модным подражать «цивилизованным» странам. Особенно после того, как современные идеологи ухватились за горбачевские «общечеловеческие ценности», в том числе и «сексуальную революцию», невиданно уронившую мораль не только среди молодежи. «Сексуальное просвещение» детей, навязанное нам Западом, привело к тому, что даже младшим школьникам все обо всем разъясняют в подробностях. Поэтому перестали быть редкостью неединичные случаи детской проституции и беременности, валютная проституция кажется некоторым девочкам лучшей профессией в мире, а наши «правозащитники» нет-нет да и заговаривают о легализации этой «древней профессии». Мне кажется, что в наше время «сексуальной продвинутости» половой извращенец и насильник Гефт в лучшем случае отделался бы штрафом или простым осуждением.

Представляясь мне, видя мои звездочки старшего лейтенанта на погонах, Гефт подчеркнуто нарочито называл себя инженер-майор. Пришлось ему напомнить, что он лишен своего прежнего звания и, чтобы его вернуть, ему нужно еще очень постараться. А пока его воинское звание здесь, как и у всех, кто попал в штрафбат, — боец-переменник. Определил я Гефта в отделение Пузырея на отдаленный участок взводной траншеи и предупредил «новобранца» о том, чтобы всегда, а прежде всего во время вечерних немецких артналетов он внимательно наблюдал за немцами в своем секторе с целью не допустить проникновения их в наши окопы под прикрытием артогня. Предупредил, что фрицы уже давно здесь охотятся за «языком».

В первый же вечер Владимир Михайлович Пузырей доложил мне, что Гефт во время артналета ложился на дно окопа, накрывался плащ-палаткой, за что заметившим это соседним штрафником был бит. Я приказал Пузырею постараться основательнее убедить этого «е…рь-майора», как по аналогии с обер-майором ему успели дать кличку штрафники. И как только

они успели узнать о его похождениях? Видно, «солдатский телеграф» здесь тоже работал.

Еще не успел я забыть об этом разговоре, как через день-два под вечер, почти сразу после немецкого артналета, в землянку влетел командир отделения Пузырей и выпалил: «Ничему не удивляйтесь и пока молчите». Едва я успел отреагировать на это неожиданное появление взволнованного командира отделения, как буквально вслед за ним по ступенькам скатился большой клубок связанного таким образом человека, что голова его и руки закутаны плащ-палаткой и обвязаны вместе какой-то веревкой. Вслед за ним, неестественно что-то крича по-немецки, быстро перебирая ногами ступени, ввалился мой «переводчик» Виноградов. Ну, думаю, «языка» приволокли! И как же это удалось им, да еще почти засветло!

Эта мысль пришла мне потому, что был понятен смысл нескольких фраз Виноградова, обращенных к плененному, да и его торопливых ответов «Ya… Ya… Я…», что соответствовало русскому «Да» и означало в данном случае полное и безоговорочное согласие на что-то. Потом Виноградов четко по-немецки, обращаясь к несуществующему какому-то «обер-лёйтнанту», что-то доложил и с помощью другого штрафника стал развязывать стоящего на коленях плененного. Я понял, что этот доклад обращен ко мне, и ожидал увидеть пленного фрица, но увидел… Гефта!

Тут «развязал язык» Пузырей и рассказал, как Гефт, снова закрыв голову плащ-палаткой, спрятался в окопе. У них, наблюдавших за ним, родился план имитировать захват языка немцами. Струсившего в очередной раз и снова накрывшегося плащ-палаткой, так его и связали Пузырей и несколько штрафников, по дороге снова надававшие ему изрядное количество крепких тумаков. Говорят, современные преступники не терпят в своей среде сексуальных насильников. Это «действо» было тоже местью штрафников-офицеров половому развратнику.

Сам Гефт, до которого стала доходить ситуация, где он при мне давал согласие сотрудничать с немцами, стал вначале будто завывать, потом просто выть, а под конец упал на пол землянки и зарыдал в голос. Понял, наверное, что с ним станет, если обо всем я доложу комбату или хотя бы особисту, ведь дело может принять весьма печальный для него оборот.

Я понимал, что мой наказ «основательно убедить» был выполнен таким образом. Поэтому я приказал отобрать у Гефта оружие (как бы чего он сдуру или со страха не наделал), а его самого посадить в отдельный окоп и приставить охрану.

Получилось что-то вроде гауптвахты. До утра его, дрожащего от страха и пережитого, продержали там, а назавтра я имел с ним продолжительную беседу, от которой, честно говоря, не получил удовлетворения (хотя от наглости Гефта не осталось и следа). Просто мне никогда еще не приходилось иметь дело с таким патологическим трусом. Пузырею я приказал вернуть ему оружие, но на все время пребывания в батальоне установить за ним наблюдение. После этого случая Гефт перестал прятаться во время артобстрелов, и мне показалось, что он переборол свою трусость.

Тогда я вспомнил кого-то из классиков, говоривших, что первая, даже ничтожная, победа над собой — это уже хотя и маленький, но все-таки залог будущей стойкости. И я надеялся, что уж после этого события, если будет жив и не ранен, то с учетом своего «подвига» он отбудет все свои три штрафных месяца полностью. Правда, этому моему предположению не суждено было сбыться. Однако об этом в свое время.

Полевая почта в годы той военной поры работала четче, чем, например, обычная почта сейчас. Сегодня письмо между Санкт-Петербургом и Харьковом может идти более месяца, а то и вовсе где-то затеряется. А тогда письма даже из далекого тыла, например, от мамы с сестренкой с моего родного Дальнего Востока успевали доходить до наших окопов дней за 15. Вот здесь я получил от родных горькое письмо о том, что мой самый старший брат Иван (я был очень похож на него, а он был во всем примером для меня) погиб на фронте еще в 1943 году. Фронтовые треугольники от моей знакомой девушки Риты приходили вообще быстро, дня за 3–4, значит, была она где-то недалеко. Да мы еще условились «обходить» военную цензуру и сообщали друг другу места, откуда отправляли письма. Обычно сообщали, с кем встречались или кому передаем приветы, и из первых букв их имен или фамилий составляли название пункта дислокации. И цензура ни разу не разгадала нашей хитрости!

Надо отметить, что в этом сравнительно длительном оборонительном периоде боевых действий нам регулярно доставлялись, хоть и в небольшом количестве, даже центральные газеты «Правда», «Звездочка» (как называли «Красную звезду»), «Комсомолка» и другие. Интенсивно работал тогда и политаппарат батальона, особенно в деле информирования о событиях в стране и на фронте. С большим интересом читали мы газеты и передаваемые нам рукописные сводки «От Советского информбюро». До нас, хотя и с большой задержкой, дошло известие о гибели генерала Ватутина, смертельно раненного под

городом Сарны группой бандеровцев, действующей по эту сторону линии фронта.

Со смешанным чувством, в котором все-таки было больше радости, чем досады, мы встретили известие об открытии союзниками наконец давно обещанного второго фронта. Три года ждали — наконец дождались. Если бы не двухлетние отговорки и проволочки, сколько бы жизней наших воинов и советских людей, погибших на оккупированных территориях и в концлагерях, могло бы быть сохранено! А теперь всем было ясно, что наше продвижение на запад стало уверенным и необратимым, и для Советского Союза такой острой необходимости во втором фронте, как год-два назад, уже не было. Но… «дареному коню зубы не смотрят».

Центральные газеты сообщали о начале наступательной операции, получившей название «Багратион», начавшейся 24 июня 1944 года, почти день в день, через три года после нападения фашистов на нашу Родину. Она стала еще одним сокрушительным ударом по фашистской военной машине. Этот «Багратион» после его завершения был оценен выше Сталинградской битвы: если там была пленена армия Паулюса, то здесь была разгромлена и перестала существовать целая группа армий «Центр». И это было убедительное свидетельство силы, стойкости, мужества и решительности не только Красной Армии, но и всего советского народа.

Уже после войны я узнал, какую роль сыграл наш командующий фронтом, тогда еще генерал армии Рокоссовский, отстояв перед Ставкой и Сталиным свой замысел операции «Багратион». А она вошла в историю как «Битва за Белоруссию».

Особенно приятным было известие об освобождении Жлобина, в районе которого наш батальон воевал еще в декабре 1943-го, и там его посетил сам Рокоссовский. Совершенно неожиданным, но от этого не менее впечатляющим было сообщение в середине июля о том, что по улицам Москвы провели под конвоем огромную массу немецких военнопленных генералов, офицеров и солдат. Не таким «парадом» своей солдатни в нашей столице бредил когда-то бесноватый Адольф.

Маршал Победы, как его теперь вполне заслуженно именуют, Г.К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» констатирует: «Для обеспечения операции „Багратион“ в войска надлежало направить до 400 тысяч тонн боеприпасов, 300 тысяч тонн горюче-смазочных материалов, до 500 тысяч тонн продовольствия и фуража… Все это следовало перевезти с большими предосторожностями, чтобы не раскрыть подготовку к

наступлению… Несмотря на большие трудности, все было сделано в срок».

Маршал Рокоссовский, которого тоже многие заслуженно называют вторым Маршалом Победы, говоря о подготовке этой беспримерной стратегической наступательной операции, в своих мемуарах писал: «Наше счастье, что в управлении тыла фронта у нас подобрались опытные, знающие свое дело работники… С чувством восхищения и благодарности вспоминаю генералов… Н. К. Жилина — интенданта фронта, А. Г. Чернякова — начальника военных сообщений… Они и сотни, тысячи их подчиненных трудились неутомимо».

Привожу эту цитату еще и в связи с тем, что, когда через 5 лет после войны я поступил на учебу в Военно-транспортную академию в Ленинграде, носившую тогда имя Л.М. Кагановича, начальником этой академии был генерал-лейтенант Черняков Александр Георгиевич, тот самый, что был начальником ВОСО у Рокоссовского. И там я узнал о неординарности его решений проблем срочного и бесперебойного пополнения войск фронта всем необходимым.

Только теперь, изучая те события, мы понимаем весомость нашего 1-го Белорусского фронта во всей войне. Он имел протяженность с севера на юг около 900 километров, а против него стояли 63 немецкие дивизии и другие войска общей численностью 1 млн 200 тыс. человек. Конечно, нас радовало, что на нашем фронте в районе Бобруйска в конце июня были окружены 5 пехотных и танковая дивизии немцев, а пленены более 20 тысяч фашистских вояк.

Маршал Рокоссовский об этих событиях пишет так: «Враг, развязавший войну, в полной мере ощутил на себе силу наших ударов. Ему теперь пришлось испытать поражение за поражением и без всякой надежды на более или менее благоприятный исход войны».

По всем признакам было видно, что и необычный для штрафбата оборонительный этап боевых действий вскоре тоже должен перейти в наступательный. К тому времени, фактически перед началом предстоящего наступления, в батальоне насчитывалось 670 бойцов-переменников. Да и, судя по массе новых задач по выявлению огневых точек противника, по захвату «языков», чувствовалось приближение наступления и на нашем участке фронта.

Между тем наша активность по выявлению данных о противнике тоже разнообразилась все более. Например, был у нас в роте, как я уже говорил, 20-летний старший лейтенант Иван

Янин, человек безграничной, просто безумной храбрости, не имевший ни одного ранения, трижды получивший правительственные награды. Для того чтобы, например, выявить размещение огневых точек противника, наш Ванюша цеплял начищенные до блеска награды и имевшиеся у него в запасе золотые погоны, которые ему где-то удалось достать (у всех нас, его друзей, были только полевые, защитного цвета). В таком «парадном» наряде он поднимался на бруствер окопа и в яркий солнечный день не спеша прогуливался по нему на виду у немцев, фактически вызывая огонь на себя. Не думаю, что в минуты эти Ванюша не боялся пуль. Просто он умел преодолеть страх ради важных данных о противнике. Фрицы, думая, что это какой-то большой чин (погоны на солнце блестели), открывали огонь, часто даже минометный или артиллерийский, а наши наблюдатели засекали места, откуда велся огонь, определяли виды оружия — и так собирали материал для составления подробной схемы огневых точек противника.

И как ни странно, ни одна пуля не трогала этого храбреца. Он был как заговоренный! Получил он за всю войну, и то несколько позже, лишь одно легкое ранение во время отражения бесчисленных атак немцев при окружении брестской группировки, а погиб Иван позднее, и вовсе не от пули или осколка. Но об этом в свое время.

Иногда удавалось вызвать огонь немцев и намеренным поддразниванием их пулеметчиков. Наши виртуозы наловчились на пулеметах «выбивать» дроби, деля пулеметную очередь на серии «та… та… та-та-та». И на 5-6-й серии какой-нибудь разозлившийся фриц не выдерживал и запускал в нашу сторону длиннющую очередь. Как говорится, что и требовалось доказать!

Чаще, чем обычно, в эти дни наши окопы стали посещать комбат Осипов и начштаба Лозовой со своими помощниками, а также политработники. Кстати, за мою фронтовую жизнь и долгую армейскую службу я встретил немало смелых, умных, ответственных и добросовестных работников политаппарата. В описываемый мною период чаще всех, почти не вылезая из окопов, бывал у нас майор Семен Тарасович Оленин, который сменил погибшего под Рогачевом старшего лейтенанта Желтова. И, надо сказать, это была достойная замена. Звания тут не имели значения. Был он таким же смелым, не отрывался от нас, агитировал своим личным примером. На нем и на подобных ему политработниках мы видели, что умело проводимая в войсках политработа всегда имела огромное значение и поднимала дух.

Я далек от мысли, высказанной тем же Г. Арбатовым в телепередаче 1994 года «Моя война», будто «все политработники

— это политбездельники». Неправда это, как и многое другое, высказанное Арбатовым о войне. Не стоит всех политработников, как и других представителей разнообразных служб, стричь под одну гребенку. Мы, офицеры командного звена, тоже вели каждый свою политработу всеми доступными нам воспитательными средствами: и беседами, и личным примером, как коммунисты.

В это время несколько попыток разведроты дивизии захватить немецкого «языка» оказались неудачными. Тогда задача добыть пленного была поставлена нашему батальону. Вначале была идея комдива 38-й сд генерала Г.М. Соловьева, которой наш батальон был придан, провести силами штрафбата или хотя бы одной его роты разведку боем. Однако комбат, всегда имевший собственное мнение, нашел другое решение. Огневые средства противника в основном уже были выявлены, а «языков» добыть решено было по-другому, так как разведка боем могла привести к ненужным потерям перед наступлением. Жалел штрафников наш Батя!

Вот что я прочел уже потом о разведке боем в книге генерала Горбатова «Годы и войны»: «Такой способ разведки я ненавидел всеми фибрами души — и не только потому, что батальоны несут при этом большие потери, но и потому, что подобные вылазки настораживают противника, побуждают его заранее принять меры против нашего возможного наступления». Генерал упоминает и об указаниях маршала Рокоссовского, который требовал «для сохранения внезапности и экономии боеприпасов разведки боем накануне наступления не предпринимать».

Видимо, наш комбат полковник Осипов хорошо усвоил «науку побеждать», которой так уверенно владели и маршал Рокоссовский, и генерал Горбатов. По замыслу комбата, наша 1-я рота и подразделения роты ПТР, которой тогда командовал капитан Василий Цигичко, отличавшийся удивительно пухлыми губами и обладавший негромким, но сочным басом. На участке, где оборонялся мой взвод, мы должны были создать шумовую видимость сооружения моста через реку.

По мнению Осипова, немцы могли предположить, что болотистая местность и эти гиблые места Пинских болот вынудят нас строить хотя бы настилы или укладывать гати из жердей и бревен даже для легких орудий и нетяжелых автомобилей, как это было сделано на направлениях главных ударов «Багратиона» даже для танков.

С целью создания у врага впечатления о нашей аналогичной подготовке к наступлению на берег реки мы притащили несколько бревен (благо часть лесного завала уже была неопасна,

мины там я поснимал!) и ночью малыми саперными лопатками стали по ним стучать, имитируя то ли обтесывание бревен, то ли их сколачивание. А на противоположном берегу в прибрежных кустах, прямо напротив этого места, организовали мощную, хорошо замаскированную засаду из восьми человек моего взвода. Наши действия было поручено прикрывать соседней 2-й роте капитана Павла Тавлуя, который был перемещен с должности командира минроты на роту стрелковую. Все уже знали, что Павел Семенович уговорил комбата сделать эту рокировку, чтобы получить боевой опыт и в этом качестве. Все понимали, что минрота — боевое подразделение, и хотя без ее поддержки стрелковым ротам трудно выполнять боевые задачи, но минометчики все-таки ведут свой огонь с позиций второго эшелона, в атаки ее бойцы не ходят. А вот капитану Тавлую, командиру минометной роты, постоянно рвущемуся на передний край, наверное, надоело сознавать себя офицером второго эшелона.

В первую ночь «улова» не было. Зато во вторую, выдавшуюся светлой от почти полной луны, наши наблюдатели заметили группу немцев, ползком пробиравшихся по болотистому берегу к месту «строительства». Тихо, без шума, накрыла их наша засада. Штык-ножами от самозарядных винтовок Токарева (СВТ) закололи сопротивлявшихся или пытавшихся подать сигнал своим. А троих — связанными, с кляпами во рту, доставили на этот берег. Тут мы не удержались, чтобы с помощью писаря моего взвода Виноградова, хорошо владеющего немецким, немного «поговорить» с пленными, хотя необходимости в этом никакой не было, а потом отправили дальше — в штаб батальона. Сразу три «языка», и один из них — офицер! И пошел на восемь штрафников, участвовавших в засаде, материал на досрочное восстановление без «искупления кровью» и на награждение некоторых из них пусть не орденами, а только медалями.

После участия в захвате вражеских «языков», чувствуя какой-то необычный душевный подъем перед нашим переходом в наступление, я написал заявление о приеме в члены партии. Одну рекомендацию дал мне мой командир капитан Матвиенко Иван Владимирович, а вторую — начальник штаба, майор Лозовой Василий Афанасьевич.

В партию тогда принимали прежде всего отличившихся в боях. Быть коммунистом считалось не столько почетным, сколько ответственным. И не только за себя, но и за порученное тебе дело, за доверенных тебе людей и за выполнение боевых задач. Одна привилегия была у тех, кто по-настоящему дорожил этим

званием, — первым вставать в атаку, первым идти под пули врага. Очень точно, очень емко выразил эту мысль Александр Межиров:

Повсеместно, где скрещены трассы свинца,
Где труда бескорыстного — невпроворот,
Сквозь века, на века, навсегда, до конца:
Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!

А заявления писали немногословные: «Хочу быть в первых рядах защитников Родины…», понимая, что именно означало быть в первых рядах, что значил этот призыв «Коммунисты, вперед!». Это уже значительно позднее я стал отличать коммунистов реальных, истинных от тех, кто вступал в ВКП(б), а потом и в КПСС ради карьеры или чтобы пролезть хоть и в небольшие (батальонные, полковые, а на гражданке — в районные), но руководящие партийные органы, на более или менее высокие должности. Особенно они стали наглеть, эти псевдокоммунисты, во времена Хрущева — Брежнева, а особенно — Горбачева. Но и там, на фронте, они выделялись своей неискренностью и лицемерием.

Хотя кандидатом в члены ВКП(б) я был с осени 1943 года, но только теперь, когда мне присвоили очередное воинское звание, а на моей груди красовался первый боевой орден, я решил, что мне не стыдно вступать в члены партии. Я и теперь, в начале XXI века, горжусь тем, что именно тогда, в середине XX века, перед решительными боями по завершении освобождения Белоруссии, за один день до перехода в наступление, в политотделе 38-й Гвардейской Лозовской стрелковой дивизии мне вручили новенький партбилет. Это было для меня равноценно самой высокой правительственной награде.

Принадлежность к партии большевиков была огромным стимулом офицера переднего края быть первым в бою, в атаке, в рукопашной. На фронте, особенно в частях переднего края, вступление в партию надо было заслужить, и писали мы, командиры, тогда в заявлениях «Хочу быть в первых рядах защитников Родины», хотя штрафбаты и так были не вторыми.

И я считаю: те, кто теперь говорит о том, что тогда, вставая в атаку, вовсе не кричали «За Родину», «За Сталина!», а если эти слова и произносились, то только политруками, не правы. Просто им самим никогда не приходилось личным примером поднимать взводы или роты в атаку под пулеметные дожди. Нечасто звучали эти слова и у нас, не всегда для них были подходящие обстоятельства, но я, например, не раз произносил их, хотя и не был политработником по должности. Так было, и не стоит теперь

открещиваться от этого.

Не надо и корректировать свои тогдашние чувства во времени, как делали и делают, ставя себе такую мимикрию в заслугу, многие наши политики и историки, как, к слову, главный в прошлом «коммунистический» идеолог Александр Яковлев, да и не менее главный (тоже в прошлом) «политработник» Советской Армии генерал Волкогонов. О покойниках плохо говорить не принято, но других слов для них у меня просто нет.

Вот и закончился мой, будем считать, начальный период фронтовой жизни, длившийся пока только чуть более полугода, но по штрафбатовской «выслуге» 1:6 — более 3 лет. Теперь она пойдет под другими ощущениями, под другими собственными оценками. Теперь я — **коммунист** и гораздо больше отвечаю за успехи, а еще больше — за неудачи или промахи. Теперь я во сто крат больше должен служить личным примером в бою. Да и не только в бою, во всем остальном — тоже. И я был горд этой возросшей моей ответственностью.

Глава 11
«Багратион». Рядом с гвардейцами. Битва за Брест

Когтями терзает
стервятник проклятый
Великое сердце страны.
Пылают в ночах
белорусские хаты,
Деревни врагом сожжены.

Муса Джалиль

За последние две недели нас хорошо пополнили боеприпасами. Видимо, не зря в обороне призывали экономить патроны. Теперь, перед наступлением, боеприпасы выдавали без ограничений. На каждый автомат ППШ мы получили по 200–250 патронов в «цинках», металлических упаковках из тонкого оцинкованного железа, или в картонных просмоленных пачках. К автоматам было по два магазина, каждый емкостью 71 патрон. Бойцам, у кого были винтовки-трехлинейки, выдали в дополнение к табельным подсумкам еще по два.

Выдали нам и сухие пайки, объем которых остряки именовали по-другому, совсем немного меняя буквы в слове «сухой». Мало чем эти пайки отличались от тех, что выдавали нам в феврале, перед рейдом в тыл к немцам под Рогачевом. Разве что теперь туда входили небольшие баночки с американским, непривычно остро пахнущим сыром (все американское и английское по-прежнему у нас именовалось «вторым фронтом») да соленое, немного пожелтевшее, но не потерявшее от этого своей прелести свиное сало. Все это было выдано на 3–5 суток активных боевых действий. Правда, предусматривалось хотя бы раз в сутки, если будет позволять боевая обстановка, горячее питание из наших походных кухонь, к регулярности и полновесности порций из которых мы привыкли в обороне. Тыловые службы хорошо позаботились даже о ремонте и замене износившейся обуви: впереди были длительные боевые походы по болотистой и песчаной земле Полесья. Только до границы с Польшей предстояло пройти с боями более сотни километров.

Поскольку переменный состав из боевых офицеров был обут в основном в сапоги, а «окруженцы» почти все в ботинки с

обмотками, то изношенное, как правило, заменялось равнозначной обувью, если не считать, что многим пришлось поменять свои вконец истрепанные «хромачи» на «кирзу». На замену давали и новенькие английские ботинки (тоже «второй фронт»!). Они были не черными, привычными для нас, а коричневыми и даже оранжевыми, парадно блестящими, но зато грубыми, неэластичными, с непривычно толстой, негнущейся подметкой. Как потом оказалось, подметки эти, на первый взгляд прочные, были сделаны из прессованного и чем-то проклеенного особого картона, который через 2–3 дня передвижения по белорусским болотам разбухал, а сами ботинки напрочь теряли и былой лоск, и прочность. А вот обмотки, прилагавшиеся к этим ботинкам, тоже не черные, как наши, советские, а цвета хаки оказались достойными похвалы — прочными, долговечными. Длинные, плотные, двойные, они годились даже на подарки девушкам прифронтовых деревень и армейским связисткам или медсестрам вместо чулок.

Ремонт обуви, наверное, везде в армейских условиях отличался определенной изобретательностью в экономии починочного материала. Помню себя еще красноармейцем разведвзвода в 1941 году на Дальнем Востоке в дивизии полковника Чанчибадзе, на фронте ставшего генералом, а к концу войны — командующим 2-й Гвардейской армии.

То дальневосточное время вспоминается очень напряженной боевой учебой, одной из главных составляющих чего была маршевая подготовка. Ей были подчинены и физзарядка, и всякие передвижения в строю, не говоря уже о марш-бросках по пересеченной местности. А что это такое на Дальнем Востоке — кто там бывал, знает: сопки, тайга, болота даже на сопках! А марши эти совершались с «полной выкладкой», то есть кроме винтовки (пулемета) — вещмешок с грузом не менее пуда!

В одном из таких тяжелых марш-бросков, где соревновались все разведподразделения дивизии, нашему взводу удалось прийти первым. И хотя к финишу мы, особенно новобранцы, пришли, еле передвигая ноги, зато со строевой песней! Вконец обессилевшие после завершающего, почти километрового марш-броска бегом, от усталости мы были уже «никакие». И не попадая в такт нестройного шага, хриплыми голосами, пересохшими ртами, но пели! Пели через все свои, казалось, последние силы. Правда, вначале песня звучала слабо, но с каждым шагом ее сила крепчала, она сама поднимала дух и силы, становилась громче, бодрее, а колонна взвода — ровнее, и шаг ее четче.

Пели мы почти всегда «Дальневосточная, опора прочная…». Комдив Чанчибадзе, встречая на финише разведчиков, был,

наверное, тронут тем, что пели мы песню, которую сам очень любил, да и шагали уже в ногу, с поднятыми головами и приличным равнением. Остановил он взвод, объявил всему взводу благодарность и добавил со своим кавказским акцентом: «…и награждаю взвод адным пара новий батынок!» Надо сказать, что обувь, особенно у «стариков», которым уйти в запас помешала война, порядком износилась, так что сроки носки их сапог давно уже истекли. И вот эту «пара батынок» наш взводный лейтенант вручил красноармейцу, самые потрепанные сапоги которого были затем пущены на починку тех, что еще можно было починить. И не одну пару починили!

Вот таким же методом делался ремонт «ходовой части», обуви, и здесь, на 1-м Белорусском. Бывало и удивительное: привезли несколько пар новеньких трофейных немецких сапог. Пусть, мол, не желающие брать ботинки с обмотками поменяют их на добротную обувь, путь-то предстоит неблизкий! В это время у нас, в том числе и на фронте, появился красочный плакат, на котором изображен советский солдат, надевающий новый сапог, и подпись: «Дойдем до Берлина!» И ведь не нашлось никого, кто бы захотел совершить этот обмен, уж очень свежи, наверное, были в памяти другие плакаты, на которых изображены эти кованые фашистские сапоги, топчущие священную землю нашей Родины, а бежавшим из немецкого плена, они, наверное, навевали недобрые воспоминания.

Во второй половине июля 1944 года наконец настал и наш черед подключиться к уже набравшей силу операции «Багратион» по освобождению Белоруссии. Батальон вместе с левофланговыми частями 1-го Белорусского фронта переходил от обороны к наступлению. Многие публикации о штрафбатах говорили, что их предназначением были лишь разведка боем да атаки без артподготовки. Надеюсь, мы убедительно опровергли такое представление.

В ночь на 19 июля 1944 года мне как главному «минеру», устроителю «нашего» минного поля, было приказано в определенных местах сделать несколько проходов, так как была уже объявлена готовность к наступлению. Хотя я сам месяц назад с погибшим при этом пограничником Омельченко минировал тот участок, оказалось, что снять и обезвредить мины тоже ой как не просто.

Тогда я впервые услышал выражение «инициатива наказуема!». Наступало очередное новолуние, и ночь в июле, и так не очень длинная, была еще и темной. Фонариком не воспользуешься — демаскирует, приходилось все делать на ощупь. Привлечь к этому делу кого-либо из взвода я не хотел,

чтобы не повторилась трагедия, как с Омельченко.

Конечно, самым сложным в этой работе было снятие мин-растяжек, и пока я благополучно сделал проходы, обозначил их вешками с белыми тряпочками, мою гимнастерку, совершенно промокшую от пота, впору было выжимать. Таково было напряжение! Но к рассвету все-таки успел!

Как только стало светать, разразился мощный грохот артподготовки. Пока она шла, наши подразделения преодолели по проходам это минное поле, успешно перешли болотистые берега и неглубокую Выжевку. Завершающий залп «катюш» был условным сигналом «В атаку!». В зареве взрывов были видны дружно поднявшиеся бойцы и их стремительный рывок к немецким окопам. Но очень уж удивительным было то, что немец не вел встречного огня. Ну, думаем, хорошо поработала наша артиллерия, все огневые точки подавила! И какая-то гордость, что за время окопного бездействия мы точно разведали эти огневые точки. Когда с громогласным «ура!» в ожидании рукопашной схватки бойцы вскочили в немецкие траншеи, удивились еще больше: траншеи были пусты!!!

Нам еще в обороне говорили, что перед нами вместе с венгерскими вояками (их тогда называли мадьярами) оборонялась и отборная дивизия фашистов «Мертвая голова». Куда же они все подевались? Фрицы уже знали, что перед ними советский штрафбат, — может, поэтому они нас просто боялись? Так что наше «ура!», когда мы ворвались в окопы, как-то сразу заглохло. Вроде бы и хорошо, что так случилось, но настрой-то был другой!

Наступление, как позже нам стало известно, началось по всему левому флангу фронта. Это было частью операции «Багратион». Задача нашему штрафбату тогда была вместе с 38-й дивизией замкнуть кольцо окружения мощной Брестской группировки немцев с юга.

Вскоре стало понятно, что противник, оставляя отряды прикрытия, в эту ночь начал отход, минируя дороги, разрушая мосты и переправы. Но как далеко увели они эти силы? После того как мы достигли второй траншеи, посыльный от командира полка, на фланге которого мы действовали, передал нашим ротам приказ резко изменить направление наступления с задачей овладеть частью городка Ратно. В нем противник довольно сильно сопротивлялся, нужно было захватить пока еще целый мост через Припять, не дать немцам взорвать его.

Не успели мы пройти метров 200–300 по более или менее сухому месту к берегу Припяти, как вдруг по нашим колоннам ударили несколько плотных пулеметных очередей. Наша 1-я рота

и рота Павла Тавлуя залегли и сразу же принялись готовить к предстоящему ближнему бою оружие, в том числе и ручные гранаты. По условленному ранее сигналу ракетами роты мощным рывком бросились вдоль берега реки, прикрывая себя шквальным огнем собственных автоматов и пулеметов, и, не останавливаясь, ворвались в Ратно.

Гранатами забрасывали места, откуда фрицы вели огонь, в том числе и несколько дзотов. И буквально не отрываясь от убегавших гитлеровцев, сравнительно большая группа нашей роты, в основном взвод Усманова и мой, влетела на мост, удалось быстро перебить и его охрану, и тех, кто пытался заложить взрывчатку в опоры моста и подорвать его. Захватив мост, мы сосредоточились на западной окраине городка.

Потери у нас, конечно, были. Но, как оказалось, среди наступающих штрафников было несколько человек, получивших ранения еще до штурма моста, но не покинувших поля боя, хотя право на это они уже имели: вину «кровью искупили». Но могли еще воевать — и воевали, такие случаи были не единичными и говорили о высокой сознательности бойцов-штрафников. Конечно, иногда бывало, что малейшую царапину выдавали за «обильно пролитую кровь». Но это уже было дело офицерской совести и чести. У кого-то они успели выветриться, а у кого-то были основой фронтового братства и боевой солидарности.

Как только мы вышли на западную окраину Ратно, вслед за нами по мосту уже мчались танки. Теперь нам нужно собрать свои подразделения и, пользуясь тем, что противник своими уцелевшими силами вновь успел оторваться от нас, уточнить потери и уяснить дальнейшую задачу. По шоссе на Брест уже подтягивались войска и техника, а до границы с Польшей было еще далеко.

Взвод мой, к сожалению, заметно поредел. Погибли 3 человека, раненых тоже было трое, но среди них всех не оказалось нашего уникума Гефта. И никто не видел его ни среди убитых, ни среди раненых. Включили Гефта пока в список «без вести пропавших». После боев за Брест, где я сам был тяжело ранен, вернувшись из госпиталя, узнал, что Гефт благополучно объявился с какими-то справками об участии в боях с другими частями, да еще с полученным легким ранением и с «проявлением героизма». Комбат у нас тогда сменился, Гефт был отчислен из батальона с восстановлением во всех правах.

Когда за мостом мы собрали свои взводы, перемешавшиеся в ходе атаки и штурма моста, отправили в тыл раненых, поступила команда соединиться вновь с полком, форсировавшим реку Припять южнее. Значит, нам опять вместе с ним продолжать

наступление в направлении села Жиричи и далее, к озеру Турское.

На подступах к Жиричам полк снова встретил упорное сопротивление. Наши подразделения были срочно переброшены на самое опасное направление, усилив собой боевые порядки полка. Перемешавшись с его солдатами, мы заметили, что в рядах гвардейцев возникло оживление. Поняли они, что рядом с ними в роли рядовых бойцов находятся недавние офицеры и в атаку они пойдут вместе. И в этих солдат будто влилась какая-то новая, свежая сила. Все-таки мудрым было это решение — слить воедино такие разные контингенты воинов. Ведь и у большинства штрафников, наверное, повысилось чувство ответственности за свое поведение на поле боя в присутствии вчерашних, а может быть, и завтрашних подчиненных.

Находившийся рядом со мной, не помню его фамилии, штрафник-пулеметчик заметил, что в нашем направлении особенно интенсивно ведут огонь несколько пулеметов немцев, засевших на чердаке большой хаты с соломенной крышей. Ответный винтовочный огонь полковых солдат должного эффекта не давал. А так как место было открытое и большинство бойцов не успели отрыть даже «ячейки для стрельбы лежа», то от этих пулеметов еще до атаки можно было ожидать немалых потерь. Ну а во время атаки они еще многих бы положили.

И вот этот штрафник-пулеметчик говорит: «Сейчас я их оттуда выкурю», подбирает и заряжает магазин патронами с зажигательными и трассирующими пулями. Я понял, что он хочет поджечь крышу этой злополучной хаты. Вроде и жалко, ведь добротная хата сгорит, но… война есть война. И так четко при свете еще не совсем угасшего дня были видны впивающиеся в эту крышу огненные трассы, посланные славным моим пулеметчиком!

Буквально через несколько минут крыша задымилась, а затем и заполыхала. Огонь немецких пулеметов прекратился (жарко им там стало!), и тут взвились ракеты, означавшие начало атаки. Штрафники, а за ними гвардейцы полка поднялись и устремились к селу. Бой был опять скоротечным, и через 15–20 минут село было полностью нашим. Уже в начинавших сгущаться сумерках ярко горела зажженная пулеметными очередями хата. Немецких трупов было много, но они вдруг как по команде пользуясь сумерками и густым лесом западнее Жиричей, исчезли из виду.

По команде снова кратковременный отдых, снова сбор подразделений, подсчет потерь. С огорчением я узнал о гибели пулеметчика, что «выкурил» немцев с крыши теперь догорающей хаты и фактически спас во время атаки многих наступающих

солдат полка и наших бойцов.

Уже совсем стемнело, когда нашли нас походные кухни и подвода с боеприпасами. Как кстати, ведь за целые сутки фактически не было возможности даже погрызть сухарей, да и боеприпасы уже надо пополнить. А тут полкотелка наваристого супа, приличная порция гречневой каши с мясом, да еще и боевые сто граммов!

Подкрепились добрым «обед-ужином», разобрали патроны и гранаты, а посыльный от полка принес новую задачу: не дать противнику оторваться далеко и не позволить ему за ночь закрепиться на каком-нибудь рубеже. Наши роты вновь выводились из состава полка на его правый фланг, и фактически штрафбату предстояло теперь действовать самостоятельно. Стало ясно, что немцы и впредь будут не просто отступать, но, оставляя группы прикрытия, стараться сбивать темп нашего наступления, укрепляться на выгодных рубежах. Конечно же, предполагалось, что главным из них может стать крупная преграда — река Западный Буг, впадающая в реку Нарев в отличие от Южного Буга, устье которого у Черного моря. На этом Нареве, забегая вперед, скажу: через 3 месяца мы «хлебнули» лиха, еще невиданного.

А здесь, в ночь на 20 июля, наступал период новолуния, видимых звезд было неисчислимое множество, как бывает вдали от освещенных улиц, когда звездный свет ничем не забивается. Глядя на эту звездную бесконечность, становилась понятнее безграничность мироздания и то, какая песчинка в нем — судьба одного человека, особенно на войне.

Мы медленно, почти ощупью продвигались вперед, ориентируясь по звездам и слабо подсвечиваемому компасу, опасаясь напороться на вражескую засаду, пока не уткнулись в озеро Турское. Осторожно двигаясь в темноте, мы потеряли непосредственный контакт не только с полком, который теперь должен был действовать слева от нас, но и с остальными ротами батальона. Получилось, что у нашей группы из двух рот оба фланга оказались открытыми. Это очень опасно, а вдруг немцы ударят во фланг? Но, как говорится, и на этот раз «пронесло»!

К рассвету колонна из двух рот приблизилась к селу Тур. Противник встретил наше походное охранение пулеметным огнем, основные силы наших рот вступили в бой. Где были остальные силы батальона, мы тогда еще не знали и вдруг услышали бой на другой окраине села. Это как раз и была та часть батальона, с которой у нас было утрачено соприкосновение, она обошла озеро слева, и общими силами штрафбата немцы были выбиты из села Тур. Так как немцы опять от нас оторвались

и их заслону здесь спрятаться было негде, наши взводы снова свернулись в колонны, чтобы идти по дорогам легче и быстрее.

И тут нас поджидал «сюрприз», подготовленный отступающими фрицами. По одной из дорог, ведущей из села Тур на Хотислав (новое направление), двигалось наше передовое охранение. И вдруг там прогремел взрыв: подорвался боец на мине. Командир роты вызвал меня на место взрыва (в роте я уже считался «специалистом» по минам), и мы обнаружили еще несколько мин. Наверное, передовое охранение от взвода Булгакова, занятое наблюдением за возможным появлением противника, не обращало должного внимания на саму дорогу, вот и результат. Оказали помощь раненому, доложили в штаб и медпункт батальона, из винтовочных шомполов соорудили щупы, и движение возобновилось. Теперь внимательнее смотрели и под ноги, урок был дан. Темп движения, естественно, снизился.

Неожиданно в небе возникла довольно значительная группа немецких «мессеров» с крестами на крыльях и фюзеляжах. Быстрое рассредоточение позволило избежать серьезных потерь, огонь по ним бойцы вели, но, к сожалению, без результата. Не успела скрыться эта группа фашистских стервятников, как с более мощным гулом моторов и заметно выше в небе появились бомбардировщики. Как подсказывали бывшие авиаторы, то были «хейнкели» и «юнкерсы». Вскоре стало видно, как с них вниз посыпались какие-то разной конфигурации предметы, стремительно увеличивающиеся, приближаясь к земле. Я впервые видел бомбежку, но вместе с бомбами летело всякое другое железо! Даже для усиления устрашения порождающие леденящие душу звуки продырявленные металлические бочки.

Задержали нас эти налеты, тем не менее мы приближались к селу Хотислав. Немцы не успели укрепиться и потому опять ограничились заслонами, которые, открыв огонь и заставив нас развернуться в цепь, вскоре покинули свои позиции. На этом рубеже снова попробовали налететь «мессеры», но их отогнали краснозвездные «ястребки». Мне здесь впервые довелось увидеть воздушный бой, хотя и короткий. Фашистские «асы» сразу ретировались, как только один из них был сбит.

Форсирование небольших речушек, протекавших как-то параллельно друг другу и на небольшом расстоянии между собой, проходило без особых трудностей вброд. К вечеру село Хотислав мы прошли с ходу, не встретив в нем немцев. Нужно сказать, что многие села, поселки, деревни были как-то неправдоподобно похожи друг на друга: у всех одна и та же участь — либо разбомблены, либо сожжены, часто вместе с людьми. Таким оказался и Хотислав, как и многие другие деревни Белоруссии.

Спустя более 60 лет после этих событий, в 2005 году, нам с санкт-петербургской делегацией общества «Знание» довелось посетить печально знаменитую белорусскую Хатынь. На мемориальной стеле там значилось, что фашисты сожгли в Белоруссии вместе с жителями более 500 деревень, 186 из которых после войны так и не были возрождены. «Корней» не осталось!

Развивая успех, батальон продолжал движение, в котором нашей роте было определено направление на шоссе севернее села Олтуш. Немцы там оказали нам сильное сопротивление. Но мощный бросок туда поднявшейся в атаку роты фактически не дал убежать большинству фрицев, и их добивали в острой, жестокой рукопашной. Фашисты были, казалось, ошеломлены яростью, с какой бросались на них наши бойцы. Многие, наверное, помнят слова замечательной поэтессы-фронтовички Юлии Друниной, обидно рано ушедшей из жизни, не выдержав трагедии ликвидации СССР:

Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву… И тысячу — во сне!
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

А мы вступали в рукопашные бои за ту войну не один раз, и снились они нам еще долго…

Итак, немецкий заслон на этот раз был, кажется, разгромлен. Но сразу после угасшего боя мы услышали шум моторов. Подумалось, что сейчас из-за леса невдалеке от шоссе выскочат танки и нам придется туговато. Однако шум этот постепенно угасал, и пришла разгадка: они же отрывались от нас на машинах! Вот бы танков нам! Но танки, естественно, избегали болотистых мест и теснили врага на других участках и направлениях.

Темпы нашего наступления стали с каждым часом, с каждым километром заметно снижаться. Ведь позади была уже третья бессонная ночь (в ночь перед наступлением тоже было не до сна), вконец вымотавшая и штрафников, и нас, их командиров. Мы ведь не просто шли, а наступали, вели бои, и у бойцов нет крыльев, да и ходят они не напрямик. Это в геометрии есть аксиома: кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая. А на войне все дороги кривые, а то их и вовсе нет, одни болота,

да сколько других препятствий! Ох, какими длинными порой бывают фронтовые солдатские километры!

Наш комбат, все понимающий и чувствующий Батя Осипов, хотя сам большую часть времени продвигался на своем «виллисе», точно оценил, что совсем немного отделяет нас всех от той последней черты, когда люди вообще теряют способность выполнять уже любую задачу, ведь сон может просто сморить и свалить их!

Близко к полудню наши роты преодолели широкую полосу леса и вышли на сухое поле, с которого на 1–2 километра просматривалась местность и дальнейшее направление наступления — село Радеж. Вот здесь комбат приказал приостановить движение и дать короткий, часа на три, отдых. Место для этого было выбрано удачно еще и потому, что немецкому заслону тут негде было притаиться, практически исключалась внезапность его нападения.

Все были основательно уставшими от почти безостановочного передвижения по заболоченному украинско-белорусскому Полесью, чаще — под огнем противника. Одна мысль владела: упасть, заснуть хотя бы на час, на минуту… Ведь за эти трое суток с начала наступления не было фактически ни минуты, чтобы сомкнуть глаза, вздремнуть и хоть чуть-чуть тем самым восстановить свои силы. Тем более что от обеда-ужина у села Жиричи остались лишь воспоминания.

Как же трудно оказалось установить очередность отдыха, организовать охранение спящих силами тех, кто не меньше нуждается в отдыхе и сне. Мой заместитель, сильный физически и не менее сильный духом, Семен Петров понимал, как мне нелегко было шагать, успевать со всеми, когда боль в недолеченной ноге все сильнее давала о себе знать. Заботясь о своем командире, он предложил мне отдыхать первым, пока он будет бодрствовать и организует охранение на неожиданном биваке.

Понятно, что рядовые наши штрафники да вскоре и мы, офицеры, как только осознали смысл команды «отдыхать», тут же попадали, и буквально через мгновение всех сморил долгожданный, но тревожный сон. И я тут же, как и многие бойцы наши, почти мгновенно провалился в глубокий сон, хотя ускользающим сознанием успел услышать многоголосый солдатский храп. Теперь, много лет спустя, мне кажутся очень подходящими к тому времени известные слова Фатьянова из знаменитой песни Соловьева-Седого «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат! Пусть солдаты немного поспят…». Только время тогда было уже не соловьиное, конец июля.

Через те полтора часа, которые мне достались на отдых,

Петров едва меня разбудил. Еще несколько минут я не мог стряхнуть остатки сна, но, окончательно проснувшись, сообразил, что нужно срочно менять охранение, чтобы и ему дать отдохнуть, поспать! Оказалось, мой зам это уже сделал, тем самым дав мне несколько лишних минут отдыха. Спасибо тебе, Семен Иванович, за заботу!

Наши тыловики к этому времени подоспели с кухнями и боеприпасами. Несмотря на опустевшие желудки, многие в первую очередь бросились пополнять свой боезапас, а уж потом шли к кухне. Пожалуй, все наши «временные» солдаты хорошо усвоили истину, что жизнь в бою зависит в первую очередь не от того, набит ли твой желудок, а от того, хорошо ли набит диск твоего автомата или магазин пулемета.

На этот раз комбат приказал разъяснить бойцам, что наркомовская «сотка» водки, если ее принять на пустой желудок и при такой степени усталости, только усугубит физическое состояние. Поэтому водку всем нам выдали только после обеда, перед тем как снова поступила команда «Вперед!», и уже без риска опьянеть.

Дальнейшее наше наступление шло через село Радеж, оказавшееся небольшой, но удивительно сохранившейся от разрушений и пожаров, почти целой деревенькой, каждый дом которой был густо обсажен фруктовыми деревьями. Подумалось, что название это, возможно, сродни слову «радость» или «радуга». Редкие жители, выползавшие из подвалов и погребов, успевали угощать нас на ходу уже поспевшими плодами. Что-то, видать, помешало фрицам сжечь эту красоту. Или эту деревню война обошла стороной?

Мы снова спешили вперед, чтобы не дать фашистам укрепиться на крупном водном Бугском рубеже. По ширине, глубине и скорости течения он был серьезнее, не шел ни в какое сравнение с оставшейся уже позади Припятью и другими многочисленными речками с заболоченными поймами, а также каналами, превращавшими эту заболочь в пригодную для земледелия ниву. К вечеру нас снова обстрелял противник, засевший между шоссейной и железной дорогами. Нам удалось перерезать эти дороги южнее Бреста и Домачево. Только в 2005 году, посетив мемориальный комплекс «Хатынь», мы узнали, что в этом Домачево гитлеровцы сожгли, повесили и расстреляли около двадцати тысяч человек!

А тогда, в июле 1944 года, мы подошли вскоре довольно близко к тому самому Бугу, на котором стояла еще не известная нам своей легендарностью Брестская крепость. В том месте, куда

мы подошли, Буг оказался сравнительно нешироким, со спокойным течением. На другом его берегу среди уже заметно пожелтевших полей вилась грунтовая дорога, уходящая в синеющий недалеко лесок. Вроде бы знакомый русский пейзаж, с березками, но там, за Бугом, уже «заграница», Польша.

Между тем нас разыскал мой друг, ПНШ по разведке капитан Боря Тачаев, который привел сюда одноконную подводу с боеприпасами. Целую подводу на один мой взвод! Оказывается, наш Батя-комбат «мобилизовал» почти всех офицеров штаба и хозяйственных служб на доставку боеприпасов и даже индивидуальных перевязочных пакетов. Вот это был подарок! Подарком для меня лично было то, что именно Борис доставил нам боеприпасы. К нему я давно, еще с Рогачевского рейда батальона в немецкий тыл, испытывал чувства благодарности и какого-то особого уважения к его улыбчивости и дружелюбию. Знал он и о моем неумении плавать, особо волновавшем меня перед Бугом, более опасным, чем Друть… Но именно его дружеское ободрение придавало уверенность и перед этой рекой.

Борис рассказал мне, что где-то в километре за нами ждут наступления еще несколько повозок, но груженные пограничными столбами, уже раскрашенными по стандарту, и даже с металлическими гербами Советского Союза и соответствующими надписями «СССР». Молодцы пограничники, знают, что штрафбат уверенно преодолеет границу-реку и отвоюет Советскую землю, а наши пограничники вновь (и навсегда!) будут стойко стеречь границы Родины.

Форсирование реки планировалось с рассветом, мы располагали каким-то резервом времени, чтобы дать дополнительный отдых бойцам, хотя определенная часть ночи ушла на дозаряжание оружия, подготовку к форсированию и к предстоящему бою. Для преодоления реки вброд нужно было так расставить бойцов, чтобы каждый не умеющий плавать (на солдатском жаргоне — «топор») находился между двумя умеющими. Кто-то из штрафников, уже имевший опыт, предложил собрать обмотки от ботинок, связать их на каждое отделение в длинную связку, чтобы за нее могли держаться все, как за импровизированный спасательный канат.

Да мало ли какие еще меры надо было предусмотреть, а главное — дозарядить оружие. В нашей роте, вооруженной в большинстве автоматами ППШ (по-солдатски — «папашами»), дозаряжание оружия, особенно ночью, было сопряжено с большими неудобствами. С винтовками проще, а чтобы дозарядить дисковый магазин автомата, нужно снять крышку, завести пружину выталкивающего устройства, ухитриться при

этом не рассыпать патроны из улитки магазина, на ощупь дополнить ее до предела. А предел у него — 71 патрон.

Не каждому это удавалось сделать сразу, как и солдату, впервые обувающему ботинки с обмотками. Прежде чем их намотать, он не раз убеждался в том, что они, коварные, иногда выскакивали из рук и разматывались во всю длину. И тогда начинай все сначала! А ночью-то найти обмотку проще, чем семь десятков патронов!

В течение этой ночи нужно было незаметно для противника разведать и обозначить броды, вместе со снаряжением подготовить оружие к преодолению сравнительно крупной водной преграды. Я, да и все мы были обрадованы, когда к нам из соседнего полка прибыл офицер с двумя солдатами и сказал, что ему приказано подорвать несколько крупных деревьев, стоящих прямо на берегу, чтобы облегчить переход реки вброд. Подрыв они будут делать в целях маскировки во время артподготовки, но пообещал, что комли деревьев при этом оставят на берегу, а кроны — в воду. Сомневался я в такой точности подрыва и лихорадочно искал способ преодолеть наиболее глубокую часть реки у нашего берега. После рогачевской Друти меня мучила мысль, почувствую ли я ногами твердь дна у того берега.

С рассветом заговорила артиллерия, подорвали саперы деревья, но так, как задумывалось, удалось только (опять везение!) на участке моего взвода. Дерево действительно легло в точном соответствии с обещанием — поперек прибрежной части русла реки, комлем на берегу. Крона его упала в воду, к нашей радости, ее не сносило течением, своими ветвями дерево легло на мелкую часть дна реки и упиралось в него широкой кроной. Я снова подумал: то ли судьба опять мне благоволит, то ли какая-то высшая сила меня охраняет. Ведь мои «успехи» в плавании после февральской купели в Друти не улучшились.

Немцы почему-то отстреливались довольно вяло, в основном из стрелкового оружия. С началом форсирования дерево, подорванное на нашем участке, значительно облегчило нам действия. Для «топоров» это был почти мост. Кроме того, и обмотки сыграли свою роль. Да и предыдущий месяц без дождей сделал эту реку сравнительно маловодной, что также было подарком всем нам, и мне в частности.

Фашисты уже в который раз практически серьезно не сопротивлялись, оставили свои позиции, отступили, испугавшись штрафбата, того напора и той быстроты, с которыми мы, пешие, успевали догонять немецкие моторизованные заслоны.

Заняв прибрежную часть западного берега, бойцы быстро стали приводить себя в обычное состояние, даже обмотки кое-кто

успел намотать. Была передана команда преследовать противника параллельными маршрутами ротных колонн. Особое внимание уделялось разведке, в том числе и на предмет обнаружения мин.

Теперь мы были на территории Польши, граница СССР позади! Нам досталась почетная и вместе с тем нелегкая миссия вернуть Советскому Союзу его западную границу, а многострадальной Белоруссии — ее славный город Брест, героизм защитников которого был, к сожалению, по достоинству оценен лишь через много лет после войны. Еще в окопах, в ожидании, когда окажемся «за границей», на земле другой страны (а очень многие из нас никогда даже и не собирались побывать за рубежами Родины), мы много говорили об этом.

Среди штрафников были участники освобождения Западных Белоруссии и Украины в 1939 году. Живые участники тех походов, они рассказывали о разных происшествиях. Говорили, например, будто в колонны красноармейцев из толп населения бросали букеты цветов, в которые иногда были упрятаны… гранаты! Не очень верилось в это, но настораживало.

А сейчас наша ротная колонна была построена так, чтобы при необходимости можно было быстро развернуться в цепь. Вперед высылалось усиленное походное охранение, в состав которого входили и бойцы с самодельными щупами для обнаружения мин. Всего через километр-полтора встретился пожилой поляк, сносно говоривший по-русски. От него мы узнали, что немцы уехали на машинах, как только на реке загремела канонада. Значит, прошло уже около двух часов. Никаких признаков засад или заслонов не было. Пройдя от берега километров 5–7 на запад, мы должны были повернуть на север и выйти восточнее Бяла-Подляски на автостраду Брест — Варшава. Главная задача этого маневра была оседлать автостраду, завершить окружение в Бресте большой немецкой группировки, перекрыть коридор и отрезать им путь возможного отхода. Нашему батальону и полкам 38-й дивизии как раз и ставилась эта задача.

Полные решимости поскорее достичь этого шоссе, мы безостановочно двигались по проселочной дороге сквозь все более сгущавшийся лес. И вдруг в середине колонны второго взвода раздался сильный взрыв! Было похоже, что разорвался крупный снаряд. Сразу пришла мысль, что заслон на этот раз нам поставили мощный. Прямо у меня на глазах люди из взвода моего друга Феди Усманова падали, как снопы, ногами к месту взрыва. Упало несколько человек и в моем взводе. Я сам почувствовал такой сильный удар в грудь, что еле устоял на ногах. Почти одновременно с этим взрывом стали раздаваться менее мощные хлопки по обе стороны дороги, куда бросились оставшиеся. Будто

по хорошо пристрелянному месту немцы теперь били из минометов небольшого калибра. Творилось что-то невероятное.

Оказалось, тогда просто сработал стереотип мышления: вовсе это был не артиллерийско-минометный обстрел, взвод подорвался на шпринг-мине, то есть немецкой «прыгающей» мине, знакомой мне еще по занятиям в училище. Она зарывается в грунт, а над его поверхностью остаются торчать два совсем незаметных проволочных усика, если задеть которые, произойдет взрыв. При этом вначале срабатывает вышибной заряд, основная мина «выпрыгивает» из металлического стакана и уже на высоте одного-полутора метров взрывается. Эта часть мины напичкана не одной сотней металлических шариков и поражает, как шрапнель, больше всего область живота. Ранения часто смертельные, если в течение короткого времени не сделана радикальная хирургическая операция, что в боевых условиях практически невозможно. Вот такая коварная мина покосила нас там.

Страшная картина, к ней даже на войне привыкнуть нельзя. Расхожие мнения о том, что смерть — просто переход в жизнь в другом измерении, что после земной смерти душа переселяется куда-то в царство небесное и даже реинкарнирует в последующие индивидуумы, были многим из нас чужды. И если шли в бой, рискуя жизнью, то не ради этого эфемерного представления о загробной жизни, а ради своей Родины, ради своего долга перед ее народом. По крайней мере, тогда так думали мы.

С обеих сторон дороги фашисты установили больше двух десятков обычных противопехотных мин. Просто рассчитали, что уцелевшие сразу бросятся с дороги в лес, примыкающий к ней, а там… Из всего здесь случившегося странным было то, что по дороге вначале прошло походное охранение со щупами, затем — командир роты с группой 5–6 человек, за ними прошел целый первый взвод. И никто из этих людей не задел коварных усиков. Второму взводу не повезло, а ведь и мой взвод мог не избежать этой участи!

Не знаю, какая чудодейственная сила уберегла лично меня на этот раз. Никаких талисманов я не носил, никаких заговоров не знал, хотя был крещеным.

Посудите сами: буквально за несколько минут до взрыва я почувствовал неловкость оттого, что висевший у меня на груди автомат своим круглым магазином набивал на ходу одно и то же место на груди. Заметив, что я то и дело поправляю автомат, мой ординарец Женя посоветовал мне подтянуть ремень, поднять автомат повыше, что я и сделал, укоротив его ремень на одну дырочку. И почти сразу же прогремел взрыв, один из многих

стальных шариков этой мины угораздил прямо в мой автомат, сделав в его металлической части солидное углубление. Так вот отчего я чуть не был сбит с ног. Вся убойная сила этого кусочка металла распределилась по стальной массе моего ППШ.

Конечно, если бы автомат оставался на прежнем месте, то не в его стальном теле углубление, а солидная дырка во мне была бы обеспечена, и как раз в районе сердца. А так отделался я большим синяком поперек всей груди. Что ж, на войне как на войне. Кому-то везет, а другим — нет. Феде Усманову здесь не повезло, пробило грудную клетку навылет. Ранение тяжелое. А как считать, повезло или нет? Могло ведь и убить, как многих его бойцов.

Здесь я немного расскажу о моем друге Феде Усманове. В числе переданных нам в марте 1944 года остатков 33-го ОШБ оказался и лейтенант Фуад Бакирович Усманов, которого назначили командиром взвода в роту капитана Матвиенко, где уже числились я и Ваня Янин.

Как я вскоре узнал, Усманов еще под Сталинградом попал в окружение, пробыл на оккупированной территории немногим более 3 месяцев, вышел оттуда, и его направили в Рязанский спецлагерь НКВД. Там почти 7 месяцев его проверяли, после чего, не найдя компромата, направили в запасный полк офицеров Белорусского фронта, а оттуда — на должность командира взвода в 33-й ОШБ. Хотя и не нашли за ним никакой вины, хоть и на командную должность, но все-таки в штрафбат. Не очень похоже на выбор «из числа волевых и наиболее отличившихся в боях». Похоже на мой случай: хоть и нет моей вины в отцовских делах, но на всякий случай тоже в штрафбат, хоть и не штрафником. Правда, это только мои догадки.

Командир роты оставил тогда с ранеными небольшую группу легко раненных бойцов, по радио доложил в штаб батальона о потерях и о месте, куда нужно прислать медпомощь и средства для транспортировки раненых. Наспех захоронили убитых и так же наспех обозначили, кто зарыт в братской могиле. Нужно было идти дальше.

Здесь я опять отступлю немного от хронологии тех событий и отмечу, насколько важно определиться по карте, сориентировав ее верно на местности, чтобы место захоронения было правильно указано в извещении родственникам. И вот почему я остановлюсь на этом.

Лет через 25 после Победы военная служба занесла меня на восточную часть Украины, в Харьков. И я решил найти могилу моего старшего брата, погибшего на Украине в 1943 году. В

«похоронке», полученной тогда на него, было сказано, что захоронен он «на северной окраине хутора Шевченко Шевченковского района Запорожской области». Чего проще: бери карту — и вперед! Но не тут-то было: такого района в этой области вообще никогда не было, а хуторов Шевченко в области было аж 11. Скольких трудов и времени мне и облвоенкомату понадобилось, чтобы с помощью архива Министерства обороны СССР по датам прохождения с боями той воинской части, которая прислала «похоронку», выяснить, в каком из хуторов Шевченко она вела бои в день гибели брата. Потом нужно было установить, в какую братскую могилу уже после войны сносили останки погибших, из каких одиночных могил. Только спустя многие месяцы мне удалось наконец припасть к земле, навечно укрывшей моего старшего брата в Пологовском районе Запорожья. А ведь многие потомки погибших спустя уже 70 лет после войны так и не могут найти могилы героев, чтобы им поклониться.

Тогда, в 44-м, после взрыва той злополучной мины, рота уже в двухвзводном составе двинулась дальше выполнять поставленную задачу. На закате нас снова неожиданно обстрелял противник. Огонь велся со стороны березовой рощи, получившей у нас из-за ее очертаний на карте название Квадратная. Мы находились на западной окраине какого-то села. Расстояние до рощи было приличным, и многие надеялись, что пули нас не достанут, и не очень-то беспокоились об укрытии.

Однако вдруг в роще заговорил немецкий крупнокалиберный пулемет, и стоявший у стены деревянного сарая, рядом со мной, высокого роста штрафник вдруг медленно стал оседать вниз, сраженный этой очередью, едва не задевшей также нас, кто стоял рядом. Пуля пробила ему грудь насквозь. Замечу, что в штрафбате к тому времени санинструкторы назначались в каждом отделении из штрафников — медицинских, или даже ветеринарных специалистов; им выдавались дополнительные перевязочные пакеты.

Перевязали раненого и оттащили за сарай, а потом его перенесли на батальонный сборный пункт раненых. Оттуда уже наш начальник батальонного медпункта (БМП) Степан Петрович Бузун занимался эвакуацией раненых на медпункт полка или в медсанбат.

Роща Квадратная, которой мы наконец овладели, оказалась одним из рубежей, с которых противник перестал уходить со своих позиций, оставляя маневренные заслоны и минированные участки. Рубежи эти приходилось теперь брать с боями, отбивая по 3–4 контратаки за день, но наступательный порыв, несмотря

на ощутимые потери, не угасал. Казалось, не было тогда нужды в политработниках для поднятия боевого духа бойцов, он и не иссякал, хотя физическая усталость от многодневных маршей и боевых столкновений уже граничила с изнеможением. Но заметная фигура майора Семена Оленина да менее крупного телосложения майора Павла Пиуна, ветерана батальона со сталинградских боев, будто незаметно, но добавляли уверенности.

Теперь наступление штрафбата стало идти труднее и значительно медленнее. Достаточно сказать, что иногда за день продвигались с тяжелыми изнурительными боями и ощутимыми потерями всего на 8-10 километров, а то и меньше. В ночное время и наш комбат, и командир полка 38-й гвардейской, снова действовавшего рядом, останавливали движение, давали бойцам хоть немного отдохнуть и принять пищу, а иногда и подбодрить «наркомовскими» дозами (т. е. 100 граммов называли по-медицински «дозами»). Кстати, водка в бою при таком физическом и эмоциональном напряжении была только лекарством от сильнейших стрессов, от нее не пьянели, но дух и силы она все-таки поднимала.

Только к полудню 24 июля мы выбили немцев с их последнего оборонительного рубежа между железной дорогой и автострадой Брест — Варшава в районе села Залесье, что в 20 километрах западнее Бреста. Здесь нам было приказано стоять насмерть, лишить противника возможности вырваться из клещей, в которые были зажаты войска его брестской группировки. Вот теперь уже оседланная нами автострада снова стала главным участком нашей обороны. Бои здесь сразу стали жестокими, упорными. С первых минут мы почувствовали на себе отчаянное стремление немцев с удесятеренной силой вырваться из замкнутого кольца, боясь русского плена, полагая, что он будет не слаще того, что испытали русские у них.

Срочно окопаться — вот главное, что было важно, учитывая особенности местности, тем более что никаких траншей, никаких окопчиков, которые можно было использовать нам, здесь не оказалось. Местность неудобная, кругом густой, сравнительно молодой лес, а из-за этой густоты видимость плохая. Грунт сухой, плотный, трудно поддающийся нашим малым лопаткам. Особенно если окапываться лежа, что, как известно пехотинцам, очень непросто делать вообще, а под огнем противника — тем более. Ситуация складывалась острая, опасная.

Немцы вели интенсивный, почти сплошной огонь, в том числе и разрывными пулями. Попадая в деревья, в их стволы или густые ветви, они взрывались, создавая впечатление, что

выстрелы звучат совсем близко, рядом. Пришлось нам, командирам, побегать от бойца к бойцу, проверяя состояние спешно организуемой обороны, чтобы убедиться, что те, кто не из «царицы полей» — бывшие летчики, интенданты и другие, кто еще не осознал спасительной миссии земли-матушки, если правильно с ней обращаться, заняли удобные позиции.

Враг лез напролом. И бойцам пришлось еще до вечера этого дня отразить 5 или 6 вражеских атак! Это же почти каждые полчаса сплошные огневые вихри, несметные толпы орущих и безостановочно стреляющих, подчас до одури пьяных фрицев, которым, казалось, не будет конца! Жуткая ситуация, когда вроде бы и головы не поднять под автоматно-пулеметными вихрями, а нужно в этом аду вести огонь еще более результативный, чтобы уложить врага, не дать ему шанса пробиться. То тут, то там у нас появлялись убитые, а многие раненые оставались сражаться дальше. Могли законно уйти, но не уходили…

При отражении третьей или четвертой фашистской атаки во время моей очередной перебежки меня сбросило на землю сильным ударом по ноге, еще не успевшей окрепнуть после подрыва на мине в той, казалось, уже очень давней обороне на Выжевке. Ну вот, подумал я, опять этой ноге досталось! Упав, осмотрел ногу, увидел отверстие в голенище сапога. Полез в сапог рукой проверить, нет ли крови, но наткнулся на непривычно изогнутую ложку из нержавейки, которую носил за левым голенищем. Вынул ее — и удивился: она была странно изогнута, изуродована. Видимо, пуля была на излете и, уже не имея убойной силы, пробила сапог и, попав в ложку, всю свою оставшуюся кинетическую энергию превратила в удар, сбивший меня с ног.

Ну, опять повезло! Поистине эта ложка, как и спасший меня от шпринг-мины автомат, принявший на себя удар начинки той шпринг-мины, и были моими талисманами. Жаль, ложку эту и пулю, которая за нее «запнулась», мне не удалось сохранить. Тем более не мог присвоить и автомат с глубокой вмятиной.

К вечеру наши тыловики подвезли много боеприпасов, организовали их доставку бойцам, и каждый хорошо пополнил их запас. Большинство бойцов даже набивали гранатами и патронами противогазные сумки, безжалостно выбрасывая противогазы, которые, по мнению многих, оказывались лишним грузом. Наступавшая ночь была очень беспокойной. По автостраде под покровом темноты пытались прорваться бронемашины, с которыми наши пэтээровцы и пушки-сорокапятки полка справились даже в темноте. К рассвету на автостраде со стороны немцев показалась большая группа верховых на лошадях,

а также повозок на резиновых колесах и даже орудий на конной тяге. Но встреченные огнем полковой артиллерии и наших минометчиков быстро ретировались.

С утра мы продолжали сдерживать рвущиеся из окружения превосходящие силы немцев, их атаки следовали с неослабевающим ожесточением одна за другой. В одну из них немцы бросили более 20 танков и САУ, до двух батальонов пехоты. Их поддерживала авиация. Вздымалась земля, разрывы бомб и снарядов сливались в сплошной грохот. На этот раз двум танкам все-таки удалось прорваться, и то их уничтожили, подбив с кормы. Вся остальная армада уперлась в стойкость наших бойцов и гвардейцев дивизии. Сражались они упорно, и моральный дух их, несмотря на все похожее на ад кромешный, оставался высоким. И может, именно это боевое соседство поднимало дух и силы тех и других.

В некоторых трудах военных психологов отмечалось, что в остром, напряженном бою возникает состояние какого-то опьянения боем, когда уже нет ни страха, ни даже опасения за себя, а только радость битвы! Да, здесь психологи правы: именно что-то похожее на безотчетную, но весьма ощутимую радость возникало в этих условиях. В таком боевом экстазе часто боец даже не замечает ранений. Знаю это по моим боевым товарищам, офицерам постоянного командного состава и по многим бойцам-переменникам.

Не осуждайте, читатель, меня за чужие стихи, но так метко автор, к сожалению, мною не установленный, выразил мысль о том, как «вставали стеной офицеры», а в штрафбате были сплошь офицеры. Одни провинившиеся, другие их командиры, помогавшие первым искупать их вину, но все в одном строю.

Вставали стеной офицеры,
Где билась свинцовая пыль,
Вставали, вставали, вставали
И падали в жесткий ковыль.

Приведу несколько строк из военно-исторического очерка Н.В. Куприянова «С верой в Победу» о боевом пути 38-й Гвардейской Лозовской дивизии, с которой действовал наш штрафбат, приданный ей на этот период. В описании боев за Брест здесь нет ни слова о штрафбатах из-за строжайшего в то время табу на подобную информацию. «…Основной удар пришелся по 110-му полку. Вражеские самолеты непрерывно висели над боевыми порядками. Казалось, в этом кромешном аду

никто из бойцов и головы поднять не сможет. Так, вероятно, думали и вражеские танкисты, которые перешли в атаку. Но стоило танкам и пехоте противника приблизиться, как они были встречены плотным огнем гвардейцев. По танкам вели огонь 45-мм орудия батареи полка и взвод противотанковых ружей. Гвардейцами было отражено шесть вражеских контратак».

Куприянов по известным причинам не упоминает, что вместе с гвардейцами 110-го полка там насмерть стояли и офицеры-штрафники, а пэтээровцы были тоже наши.

Потерь у противника тогда было очень много. Поле боя было усеяно трупами немецких вояк, горели несколько танков, была подбита и самоходка «фердинанд». Штрафники-танкисты сумели его «реанимировать» настолько, что развернули в сторону пытающихся прорваться фрицев и даже сделали несколько удачных и весьма полезных выстрелов по ним. Когда я после этих боев оказался в госпитале, у меня о случае с немецкой самоходкой начали слагаться стихи, названные потом «Эх, крепки ребята-штрафники» и ставшие со временем песней-маршем штрафников.

Наши потери здесь тоже были значительными. Как будто нам была дана своего рода «компенсация» за сравнительно более успешные боевые действия в предыдущие дни и за менее ощутимые потери, которые мы несли на прежних этапах наступления. Имеющиеся в моем распоряжении ксерокопии архивных документов, в том числе приказы по батальону, свидетельствуют о том, что только за 26 июля из числа офицеров комсостава погибли 4 человека: старшие лейтенанты Георгий Пильников и Илья Остапенко, лейтенант Николай Грачев и младший лейтенант Владимир Анисимов.

Точными документами о числе погибших там штрафников, к сожалению, я пока не располагаю. Но представить это можно, если в тот же день, согласно архивным данным ЦФМО РФ, получили ранения 10 офицеров постоянного состава, в том числе автор этих строк и близкие мне друзья, старшие лейтенанты Иван Янин, Владимир Архипов, Василий Бондарев, Сергей Сисенков и еще несколько офицеров. Это только за тот день, 26 июля, а потери были и до, и после. Надо полагать, что потери бойцов в те же приказы просто «не уместились», есть в них только ссылки на списки в «делах разной переписки», до которых сотрудники ЦАМО пока не добрались.

До дня, когда окруженная с нашим участием группировка немцев была пленена войсками фронта, гитлеровцы трое суток отчаянно пытались прорваться на запад. Но гвардейцы и штрафники стояли действительно насмерть. Только теперь я

начинаю полностью осознавать, до какого же предела напряжения дошли мы и наши бойцы в те дни, если у всех нас под конец исчезло само чувство страха погибнуть!

В середине очередного дня боев за Брест, 26 июля 1944 года, немцы шли плотной массой в бесчисленную из атак, предпринятых с самого утра, пытаясь прорваться через наш участок. Теперь уже без прежней спеси они шли не в полный рост, а ползли, прижимаясь к земле, то ли под угрозой расстрела своими же офицерами, то ли в отчаянии. Им удавалось иногда приблизиться к нашим позициям на расстояние броска гранаты, однако, несмотря на их шквальный огонь, гранатами забрасывали фашистов мы.

Тут у меня возникла возможность подкрепить сказанное конкретным документом. Меня, офицера комсостава штрафбата, по моим книгам о 8-м штрафбате, как читатель, вероятно, уже отметил, часто находят дети или внуки бойцов-штрафников, смывавших допущенную ими вину (какой бы степени она ни была) в нашем штрафбате. В феврале 2016 года меня нашел Прохоров Сергей, внук Прохорова Федора Глебовича — бойца-переменника, служившего в 8-м ОШБ летом 1944 года. По завязавшейся с Сергеем переписке и присланным им документам удалось установить, что офицер вет/сл (звание не установлено) Прохоров Ф.Г. в боях периода операции «Багратион» проявил исключительное воинское мастерство и обыкновенной винтовкой без оптического прицела действовал как снайпер и, судя по наградному листу, в составе взвода в течение суток принимал участие в отражении 8 контратак противника, пытавшегося прорваться по шоссе Брест-Варшава. Будучи ранен, ни на шаг не отступил с занятых позиций и продолжал упорно сражаться. За 26 июля с меткостью снайпера уничтожил 17 немцев и был представлен к ордену Славы III степени. Приказом командарма Белова был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Возвращаясь к тому, пожалуй, самому напряженному бою 26 августа, скажу: когда я поднялся из своего небольшого укрытия и швырнул в эту ползущую массу очередную гранату, рядом со мной погиб пулеметчик, так и не успевший отрыть достаточно надежное углубление в земле.

Бросился я к замолкшему «Дегтяреву» и в этот момент почувствовал сильный удар в пах правого бедра, как мощным электротоком. Падая, как-то совершенно непривычно перестал ощущать всю правую ногу. Кое-как перекатился к пулемету, выпустил несколько очередей из пулемета по ползущим к нам и беспрерывно стреляющим фрицам, но почувствовал, что нога потеряла способность не только повиноваться моим попыткам

двигаться, но стала ощущаться как лишний, тяжелый, очень неудобный груз. Я не мог пошевелить ею, сдвинуть ее с места, чтобы переползти для смены позиции хоть на один шаг. Только тут ясно почувствовал липкое тепло в правом паху, увидел кровь, проступившую через брюки. Понял: теперь уж точно ранен. Как потом было записано в госпитальной справке о ранении, это было «слепое пулевое ранение в верхнюю треть правого бедра с повреждением нерва». Потому нога мне и не повиновалась, и ощущал ее как что-то чужое.

Атака к тому времени была отбита. Фрицы, оставшиеся в живых, поползли назад. В образовавшемся затишье мой верный ординарец Женя Вдовин оттащил меня в какое-то углубление вроде воронки и побежал искать полковую санитарку. Тут я и обнаружил обильное пульсирующее кровотечение. Значит, повреждена еще и какая-то артерия. С моими скромными медицинскими познаниями догадался: чтобы хоть немного уменьшить кровотечение, нужно как можно сильнее большими пальцами обеих рук давить на место ранения.

Вскоре Женя тащил за руку санитарку, совсем юную, почти девочку, в военной форме, волочившую огромную по сравнению с ней самой сумку с большим красным крестом. Моего собственного перевязочного пакета (ИПП) и перевязочного материала, который был у санитарки, явно не хватало для тугой, давящей повязки, которая одна могла остановить кровотечение. Жгут — верное средство для этого — на место моего ранения никак нельзя было наложить, хотя очень симпатичная и, видимо, еще малоопытная сестричка милосердия пыталась это делать. Место для повязки было тоже неудобным, тем более что эта девушка заметно стеснялась оголенного тела в том самом месте. От предложенного мне Женей его ИПП я отказался. Ведь никто не застрахован, что он ему самому не понадобится!

Чтобы остановить кровотечение из раны и наложить тугую повязку на очень неудобное место, пришлось нам использовать мою пропотевшую, просоленную нательную рубаху, которую помогли мне снять Женя и эта миниатюрная чернобровая санитарка. Закончив перевязку, поволокли они меня на полковой пункт сбора раненых, который был метрах в двухстах от линии огня. Бросив прощальный взгляд на столь памятное мне поле боя, я увидел, что оно было на самом деле лесом, но каким-то изломанным, изуродованным многодневным боем. Горячий металл, прилетавший от противника пулями и осколками, как жуткий смерч, расщепил не только ветки, но и стволы деревьев, опустивших будто в смертельной печали свои перебитые

верхушки и повисшие ветви.

Как мне теперь стало известно по архивным материалам ЦАМО РФ, после завершения боев по окружению брестской группировки противника в нашем батальоне из 670 бойцов переменного состава, пошедших в наступление при операции «Багратион», осталось всего 378 человек, в том числе:

Ком. полков, их замов и им равных — 5, а было 6 (потери 1, или 16,7 %)

Начштабов дивизий, полков и им равных — 20, а было 43 (потери 23, или 53,0 %)

Комбатов и им равных — 11, а было 20 (потери 9, или 45,0 %)

Замкомбатов, ком. рот, батарей их замов — 72, а было 140 (потери 69, или 49,3 %)

Зам. ком. рот, ком. взводов и им равных — 129, а было 202 (потери 73, или 60,5 %)

С других должностей — 141, а было 259 (потери 118, или 45,6 %)

Общие потери 293 чел., или 43,7 %. Получается, что почти 44 % — боевые потери, но сколько из них ранено, а сколько погибли, такими данными я пока не располагаю. Если же принять соотношение раненых и погибших 2:1, как это примерно бывает, то получится: раненых около 200, погибших около 100. Вполне правдоподобно, хотя неизвестно, сколько раненых умерло от этих ран в медсанбатах и госпиталях. А кому известно, скольких раненых просто не довезли до них?

Представляете, каков был накал тех боевых дней и часов, как проявили себя там «парии войны», которых, по мнению «знатоков», в атаку поднимали только «пулеметы заградотрядов». И как высоко оценило командование 70-й армии подвиг этих истинных героев, хотя давно известно, что далеко не все представленные к наградам попадают в приказы или указы о награждении.

Заметьте, только на первом листе приказа № 078/н от 8.08.44 из 14 награжденных орденом Отечественной войны 7 человек — штрафники (всего 9), а всего орденом Красной Звезды — 4, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» — 57 человек. Другая примечательность: из 70 награжденных штрафников — ни одного орденом Славы. Учли все понимающие комбат Осипов и командарм генерал Попов, как реагировали на награждение солдатским орденом искупившие свою вину офицеры.

Но эти данные о наградах я получил только более чем через 65 лет после Победы и то благодаря старательному поисковику

Геннадию Каплину.

А тогда, 26 июля 1944 года, после того как я осознал, что выведен из строя серьезно и надолго, я отослал ординарца Евгения Вдовина к своему заместителю Семену Петрову, который, кажется, еще был цел, чтобы передать ему, **что** теперь он полностью отвечает за взвод. Наверное, через час подъехала повозка, на которую погрузились мы, человек 15. Трофейная лошадь, эдакий здоровенный битюг-тяжеловоз, конечно, увез бы не одну такую телегу. Рядом со мной сидели бойцы и моего взвода. Один из них (фамилию его не помню) со страшным ранением лица. Разрывная пуля попала ему сбоку в переносицу и превратила его левый глаз в зияющую кровоточащую дыру, кое-как прикрытую спешно наложенной повязкой. Сколько мужества и терпения было в его до меловой бледности сжатых кулаках. Молчал он как-то необычно отрешенно, преодолевая, видимо, неимоверную боль и боясь разжать плотно стиснутые зубы, чтобы не дать вырваться стону или крику.

Рядом с ним удивительно спокойно полулежал-полусидел другой мой штрафник по фамилии, кажется, Петухов. До ранения это был весьма подвижный, словно ртуть, весельчак, и даже в условиях тяжелейшего боя он отличался каким-то ухарством, беззлобными ненормативными шутками и безадресными околоматерными ругательствами. В свое время этот Петухов, бывший старший лейтенант-авиатор, много интересного и как-то особенно весело рассказывал о своей боевой службе, о своем комдиве, которого они между собой называли «полковник Василий».

Оказалось, служил он авиатехником в одном из полков дивизии, которой командовал тогда еще полковник Василий Сталин, сын нашего Верховного. Мне было интересно слышать его рассказы об этом неординарном, по словам Петухова, летчике «от Бога», способного на любые неожиданные поступки и решения. Я тогда никак не представлял себе, что в моей послевоенной жизни доведется близко видеть и общаться уже с генерал-майором авиации Василием Иосифовичем Сталиным. О случившейся встрече с ним и известными военачальниками, да и просто интересными людьми — в отдельной главе.

Доставили нас на ПМП (полковой медпункт), а там заполнили на каждого первичный документ о ранении, так называемую карточку передового района, которая подтверждала, что ранение получено в бою. Оттуда уже на грузовичке, забитом до предела лежачими и сидячими ранеными, отвезли в ближайший медсанбат. Разместили нас там уже в очень длинном

сарае, «под завязку» заполненном ранеными, на толстом слое расстеленной на земляном полу ароматной соломы и сена, строго-настрого предупредив, чтобы никто не вздумал курить. Сгорим ведь все! Ощупав свои карманы, я понял, что трубку, которая мне долго и верно служила, где-то в этом бою потерял.

Какой родной, почти забытый мирный запах шел от этой нашей общей постели!

Он так отличался от пропитавшей всех нас пороховой гари, запаха пота и крови, и я сладко заснул, так и не почувствовав боли и не дождавшись хоть кого-нибудь из медперсонала, чтобы показать «карточку», документ, где было указано на необходимость первоочередной врачебной помощи.

Спал недолго, разбудила меня медсестра. Увидев ее, я понял, что снова попал в тот же 79-й медсанбат, где меня ставили на ноги после моего злополучного подрыва на мине ровно месяц тому назад, день в день — 26 июня. Вот такое совпадение и по времени, и по месту. Будила меня уже знакомая сестричка Таня (помню, она была из города Калинина), с которой во время моего первого пребывания в этом медсанбате мы развлекали раненых исполнением под гитару русских романсов. Тогда больше других нашим слушателям нравился тот, в котором пелось про каких-то чаек над озером. Помнится только, то ли быстрые чайки были от рассвета розовые, то ли вода румянилась… Все забылось, даже песня. Не забылись только бои, страшные, кровавые!

Потом, после войны, я упорно искал этот романс, напоминавший мне войну и ранения, и, кажется, нашел что-то похожее:

Вот вспыхнуло утро, румянятся воды,
Над озером быстрая чайка летит.
Ей много простора, ей много свободы,
Луч солнца у чайки крыло серебрит.
Но что это? Выстрел! Нет чайки прелестной,
Она умерла, трепеща в камышах…

Как-то этот романс больше трогал не румянящимися водами и серебристыми крыльями, а выстрелом и смертью в камышах. Война ведь, и кто знает, что будет завтра с каждым из нас…

Радостно было сознавать, что попал в руки уже знакомых медиков, и сразу же родилась надежда, что с моим нынешним ранением они справятся так же успешно и я скоро смогу вернуться на фронт. На носилках отнесли на операцию в здание, которое мне показалось небольшой школой. Операцию пришлось

ждать в предоперационной, видимо, в одном из классов этой школы. Из другой комнаты доносились стоны, крики, там была операционная. Оттуда, перекрывая стоны раненых и строгий женский голос врача «Наркоз! Глубже наркоз!», гремел отборный русский мат. Какие-то особенности интонаций и даже произносимых в этих тирадах слов, доносившихся до меня, показались мне знакомыми. Вскоре все стихло, и оттуда на носилках вынесли укрытого с головой человека. Таня мне объяснила, что у него было очень тяжелое ранение, но его почему-то не брал наркоз. И то ли от передозировки его, то ли от тяжести ранения он скончался на операционном столе. А это был тот мой штрафник с «петушиной» фамилией из дивизии, которой командовал полковник Василий Сталин.

Следующим на тот же несчастливый операционный стол доставляли меня. Вспоминаю, как неприятное чувство страха снова овладело мною. Так не хотелось, чтобы и со мной произошло на этом столе то же, что и с моим предшественником. Именно здесь, а не на поле боя. Одно дело, если в похоронке напишут: «погиб смертью храбрых в бою», совсем другое — «умер от ран»… Примерно такое же ощущение страха я испытал в обороне под Жлобином, когда впервые на лесной поляне, где не было никаких окопов, попал под артиллерийский налет немцев. Но ведь вся «хитрость» на войне — не отсутствие боязни, страха. По-моему, не обладают такой естественной реакцией на опасность, как страх, только люди с особого рода, исключительной, вернее — ненормальной психикой. Они если и встречаются, то очень уж редко. Главное на войне — способность преодолеть боязнь, подавить в себе страх смерти.

Позвольте от боев за Брест совершить экскурс в будущее и в прошлое разом. Во второй половине 50-х годов прошлого века я служил в Воздушно-десантных войсках заместителем командира воздушно-десантной дивизии в Костроме. Там мне довелось познакомиться с Героем Советского Союза Гавриловым Петром Михайловичем, тем самым майором Гавриловым, который в 1941 году, будучи командиром 44-го стрелкового полка, все 32 дня возглавлял героическое сопротивление бессмертного гарнизона Брестской цитадели.

В 1956 году вышла книга Сергея Сергеевича Смирнова о героических защитниках Брестской крепости. Выжившему в немецком плену Петру Михайловичу Гаврилову, восстановленному в офицерском чине полковника Красной Армии и уже уволенному в запас, почти через 12 лет после окончания войны было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Иногда честные писатели помогают

восстанавливать истинную правду.

А наша битва за Брест закончилась 28 июля 1944 года. По существовавшим в то время строжайшим правилам штрафникам не положено было входить в города, за которые воевали и которые освобождали. Например, принимая самое непосредственное участие в освобождении Лоева, Гомеля, Рогачева, многих других городов и до белорусских земель, и после штрафным частям не было позволено вступать в них как освободителям. Ни в городе Бресте, ни в самой крепости тогда нам не довелось побывать еще и потому, что на момент освобождения Бреста батальон оказался значительно западнее, на территории Польши, под Бяла-Подляской.

Узнать же все подробности защиты и освобождения Бреста и его героической крепости, увидеть саму легендарную цитадель мне удалось, только когда я был приглашен на юбилейные празднования 60-летия освобождения Бреста в 2004 году. Обошел тогда всю территорию крепости, поклонился памятным монументам и братской могиле. Перечитал на ее камнях фамилии почти всех 300 человек из более 900 похороненных там павших героев обороны крепости и ее освобождения. Пусть хоть так звучат их имена, пусть это будет заслуженное поминание погибших. И дай бог, чтобы такое поминовение не прекращалось никогда, сколько бы ни сменилось поколений.

Поклонился я тогда и моему костромскому знакомому, Герою Советского Союза Петру Михайловичу Гаврилову, который скончался 26 января 1979 года и, по завещанию, похоронен на территории Брестской цитадели.

Увидел там и потрясшие меня экспонаты всех залов Музея обороны цитадели. Детально знающая всю историю крепости милая девушка-гид в течение нескольких часов показывала все экспозиции. Рассказывала она о тех, кто героически больше месяца не сдавал крепость врагу, о ее последнем защитнике майоре Гаврилове и о том, какие воинские части и соединения сражались, чтобы изгнать фашистов со священной земли. Но ни намека на то, что принимал участие и немало голов сложил за это вместе с гвардейцами 38-й дивизии наш 8-й штрафбат под польской Бяла-Подляской, замкнув кольцо окруженных в Бресте немцев. Я подарил музею «Крепость-герой Брест» свою книгу «Штрафной удар…», изданную в Санкт-Петербурге в 2003 году, а потом и другие мои книги вплоть до «Страниц истории 8-го Штрафного батальона 1-го Белорусского фронта», изданные уже в Беларуси в 2009–2010 годах. Так что теперь хоть «намек» на участие штрафбата в освобождении Бреста там есть, да и свое

место в других музеях Беларуси книга тоже заняла.

Глава 12
Дезертиры к фронту. Чужой орден. Про ксендза

По скольким же она прошла,
Война — катком тяжелым!
А сколько горя принесла
И матерям, и женам…

Юрий Огуз

Итак, после того как из операционной вынесли тело скончавшегося штрафника с «петушиной» фамилией, наступила моя очередь идти «под нож». С помощью медсестры я доковылял до операционного стола. И мне нужно было набраться храбрости лечь на стол, на котором только что умер мой раненый штрафник, с которым нас вместе везли сюда. Прямо скажем, не очень комфортное ощущение. Страшновато было, правда, страх этот был не таким, какой возникает перед атакой или под артобстрелом. Здесь проявился страх совсем другого свойства, но креплюсь, стыдно будет, если проявлю хоть в чем-то малодушие. Да, наверное, и больше, чем самой смерти, боялся того, что вдруг под наркозом, как и у моего предшественника, в этом «дамском обществе», коей оказалась операционная медсанбата, тоже вырвется, пусть не многоэтажный, но все-таки мат, который не так уж часто, в других условиях, бывал более уместен… Только бы не здесь!

День светлый, в окна брызжет яркое солнце. Хирург женщина, из-под маски видны только глаза и четкие линии тонких, с изломом бровей. Видимо, в медсанбате это новый человек, при первом моем пребывании здесь я ее не видел. Подошли ко мне еще несколько человек. Все в халатах, показавшихся мне ослепительно белыми после многодневной пыли и не смывавшейся долго грязи и копоти на лице и руках. Они бережно раздевают меня, привязывают к операционному столу мои руки и ноги, чтобы не брыкался во время операции. Не сопротивляюсь.

Одна из сестер в маске, видимо, уже немолодая, становится у изголовья и набрасывает мне на лицо тоже марлевую маску, а остальные снимают пропитанную кровью и уже подсохшую, уж очень массивную повязку, почти шепотом и беззлобно ругают того, кто ее соорудил. А я с благодарностью вспоминаю ту, еще

немного неумелую, милую, симпатичную чернобровую девочку-санитарку. Все-таки кровь она остановила! А значит, остановила и то, к чему могло привести это ранение — летальный исход. Мы себе просто объясняли тогда этот медицинский термин: значит, «улететь» на небо или под землю, что в общем-то без разницы.

Сестра начинает понемногу лить эфир на мою маску, а хирург пока ровным, приятным голосом говорит: «Даем вам наркоз, вы уснете и саму операцию не почувствуете. Так что расслабьтесь и начинайте считать: раз, два, три…» Какой-то бес вселился в меня, и я ответил: «Считать не буду. Делайте так!» Но постепенно, с каждым очередным моим вдохом голоса окружающих стали отдаляться. Сестра у изголовья что-то меня спросила, но отвечать мне стало лень, и я почувствовал, что к моей ране уже прикоснулся скальпель. Боли никакой, будто режут не кожу, а распарывают брюки на мне, хотя знаю, что их уже давно сняли. И все, почти мгновенно проваливаюсь в глубокий черный омут. Все исчезло.

Уже в помещении, где лежат прооперированные, очнулся от легких шлепков по щекам и хорошо знакомого голоса сестры Тани: «Проснись, проснись! Все уже закончилось». Первое, о чем я спросил и что меня больше всего волновало, — как вел себя на операционном столе и не вырывался ли мат. И рад был услышать: «Ты был абсолютно спокоен и ничем не мешал хирургу». Или от воздействия наркоза, или от безмерной усталости за последние несколько бессонных суток, но я снова уснул. Спал беспробудно остаток дня, ночь и только к обеду следующего дня окончательно проснулся. Непривычное ощущение непослушной ноги несколько обеспокоило меня. Однако мои опасения по этому поводу уже знакомый врач, который когда-то «опекал» мою другую ногу при первом визите сюда, развеял словами: «Подумаешь, нервик один поврежден! Срастется, все войдет со временем в норму».

А еще этот врач сказал, что я должен благодарить судьбу за то, что пуля задела лишь несколько миллиметров крупной артерии. Если бы этот сосуд был пробит сильнее, то мне не суждено было бы выжить, истек бы кровью. А если бы на несколько миллиметров пуля отклонилась в другую сторону, то мой частично поврежденный нерв был бы перебит полностью и восстановить управление ногой было бы даже теоретически маловероятно. И тогда финал — калека с высохшей ногой на всю оставшуюся жизнь.

Но судьбе или кому-то повыше, видно, угодно было снова оберечь меня. Пулю из раны во время операции, оказывается, не извлекли. Она как-то хитро обошла кости таза, сразу ее не нашли (рентгена не было) — объявилась она через год, выйдя заметным

бугорком под кожей правой ягодицы, и стала мешать мне сидеть и даже лежать. Вырезали ее вскоре после Победы совсем в другом госпитале.

После операции нас, большую группу тяжелораненых, эвакуировали в армейский тыл, в эвакогоспиталь, который находился еще на территории Белоруссии. Судя по тому, что за эти дни в медсанбат поступило большое количество раненых, бои шли ожесточенные: из надежного кольца окружения все еще пыталась вырваться большая группировка немецких войск. Наш штрафбат вместе с 38-й Гвардейской дивизией, которой мы были приданы и с которой плечом к плечу шли в операции «Багратион», в последующие дни надежно продолжали замыкать кольцо окружения, соединившись с войсками, обошедшими Брест с севера.

Москва салютовала доблестным войскам Первого Белорусского, освободившим город Брест, областной центр Белоруссии, двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий! Радостно было сознавать, что и наша кровь была пролита не зря. Всем участникам этих тяжелейших боев за овладение городом Брест, последним городом Советской Белоруссии, и фактически за завершение очистки советской земли от фашистской нечисти, приказом Сталина, Верховного Главнокомандующего, была объявлена благодарность.

И впервые нам, воинам штрафного батальона, были вручены специальные документы об этом, хотя раньше мы этой чести не удостаивались. Подумалось, что маршал Рокоссовский, понимая, что штрафбат по определенным соображениям не может включаться в приказы Верховного Главнокомандующего, но принимает активное участие в освобождении или взятии крупных городов, важных рубежей, дал указание вручать и нам такие документы. И это правило вручать нам Благодарности Верховного выполнялось в дальнейшем неукоснительно, до самой Победы. Нетрудно догадаться, какое значение имели для поднятия духа эти типографские бланки с портретом Верховного и вписанной твоей фамилией, какие положительные эмоции тогда рождались в наших душах, сердцах, умах.

Уже после войны из множества военных мемуаров я почерпнул сведения о подробностях боев, свидетелем которых из-за ранения уже не был. Привожу опять строки из книги Н.В. Куприянова «С верой в победу», наиболее подробно описывающего этот период, который прямо касался и нашего батальона.

«Противник силами более дивизии атаковал части

> 38-й дивизии и к утру 28 июля потеснил их. Подразделения дивизии (а значит, и штрафбата) сражались самоотверженно. Получив ранения, гвардейцы (и многие штрафники тоже) оставались в строю и продолжали выполнять боевую задачу. В уничтожении врага существенную помощь оказала штурмовая авиация фронта. Гвардейцы 110-го полка (а с ним действовал и наш штрафбат. — *А.П.*) мужественно и стойко оборонялись и отбили десять контратак численно превосходящих сил противника. Его пехота и танки, не добившись успеха с фронта, обошли полк с флангов…»

Далее из книги явствует, что к утру 29 июля, преследуя уже разгромленные и расчлененные в этих очень сложных условиях группы противника, наши войска завершили полное их уничтожение и вошли в Бяла-Подляску, восточнее которой столько дней упорно стояли мы с гвардейцами. Так что, пока я находился в медсанбате, завершились памятные бои штрафбата и 38-й Гвардейской Лозовской стрелковой дивизии за легендарный город Брест.

Ну а в госпитале — снова ежедневная обработка раны, перевязки. Дня через два не то чтобы разрешили, а настоятельно рекомендовали не только вставать, но и по мере возможности двигаться. Однако нога продолжала оставаться непослушной, и я с помощью изобретенного мною «привода», шлеи вначале из бинта, а потом уже из ремешка, пропущенного в сапог под ступню, приспособился довольно уверенно ходить, хотя и не так быстро, переставляя ногу этим ремешком. Наши койки и нары были двухъярусными. Меня, «безногого», конечно, разместили на нижнем этаже, а надо мной лежал симпатичный, моих лет старший лейтенант Николай, рука которого была в гипсе — раздроблена кость.

Наша медсестра — симпатичная татарочка Аза, была девушка образованная, много знающая, с ней было интересно общаться. Вскоре между Николаем и Азой завязались очень дружеские отношения. Я попросил Азу, если возможно, достать что-нибудь почитать, благо время, свободное от перевязок и других лечебных процедур, было, да и соскучился по возможности вдоволь насладиться чтением. Рад был, что в госпитале библиотека оказалась приличной.

Свободное время на чтение как-то незаметно вернуло мою память к своему детскому отношению к чтению, к самой книге вообще. Читать я полюбил очень рано, лет с четырех. Научил меня этому, как говорили у нас в семье, мой старший брат Иван,

хотя я этих уроков не помню, наверное, было это за пределами моей детской памяти. Оказывается, он не только научил меня читать задолго до моего пятилетнего возраста, но и сумел привить любовь к этому важному для человека делу. У меня никогда не было проблем, чем занять время, свободное от игр со сверстниками. Я всегда находил что-нибудь для чтения, читал отцовскую железнодорожную газету «Гудок». Даже обрывки других газет представляли для меня интерес, хотя многого ни в «Гудке», ни в этих обрывках не понимал.

Отец, видя мое увлечение, выписал детский журнал «Мурзилка», страницы которого я зачитывал до дыр. Зато уж каким праздником для меня были нередкие случаи, когда я развлекал своим чтением взрослых, многие из которых читать просто не умели — тогда это было не в диковинку. Усаживали меня вечером на стол перед керосиновой лампой, и я вслух, не признавая еще других знаков препинания, кроме точки, читал далеко не детские книжки. До сих пор помню книгу «Житье-бытье», автора которой почти запомнил, не то Дорохов, не то Шорохов. Это теперь в интернет-поиске нашел, что то была повесть Дорохова Павла Николаевича «Житье-бытье», изданная в Москве в 1923 году, моя, так сказать, ровесница! Содержание книги этой хорошо помню и теперь понимаю, что она отнюдь не была предназначена даже для подростков — такие в ней натуральные подробности деревенского быта живописались…

Когда пошел в школу, то уже со второго или третьего класса стал читать среди множества разных книг и «Айвенго» Вальтера Скотта, и «Всадника без головы» Майн Рида, плакал и сокрушался о судьбе Эсмеральды и Квазимодо из «Собора Парижской богоматери». Потряс меня тогда Максим Горький «Старухой Изергиль», пылающим сердцем Данко и своими «Университетами». Вместе с Коленькой Иртеньевым прожил «Детство. Отрочество. Юность» Льва Толстого. В нашей сельской библиотеке, кажется, уже в 4-м классе я увидел на библиотечной полке целую шеренгу «Сочинений» Ленина.

Удивился, ведь для меня тогда авторами сочинений были Мамин-Сибиряк, Короленко, Гарин-Михайловский и другие, чьи томики в недорогих переплетах стояли в отцовском книжном шкафу. В моем понимании тогда: сочинения — это интересные сказки, рассказы, повести, романы, и только. Тогда и решил я, что Ленин — не только наш вождь, но еще и писатель, в моем тогдашнем понимании — сочинитель интересного! Несмотря на сопротивление библиотекарши, выпросил у нее первый том. Конечно же, с первых строк ничего там не понял и с огорчением вернул. Помню, «выкрал» у старшего брата-десятиклассника еще

запретную для меня книгу «Золотая голытьба» Алексея Кожевникова, которую читал запоем по ночам, тайком от матери.

Вообще, выражаясь словами Максима Горького, «читал я много, с восторгом, с изумлением, книги… развивали способность наблюдать, сравнивать, разжигали жажду знания жизни». Наверное, многие читатели помнят его же слова «Всем хорошим во мне я обязан книгам». Кстати сказать, и плохому в себе многие обязаны тоже книгам, но только плохим. Полагаю, что и определенный уровень лексикона и грамотности человека тоже есть производное от любви к чтению, правда, не современных низкопробных и вульгарных романов и детективов, заполнивших нынешний книжный рынок.

Наверное, даже раньше, во втором или в третьем классе, когда я еще не был пионером, попросил отца выписать мне «Пионерскую правду», так как в отцовской газете «Гудок» и в нашей дальневосточной «Тихоокеанской звезде» мало находил интересного мне. Газеты, как и книги, я читал тогда все подряд. Когда стал получать «Пионерку», был удивлен и даже слегка гордился тем, что на самой газете, на верхнем обрезе первой страницы, фиолетовым шрифтом (наверное, на пишущей машинке, о которой я тогда и представления не имел) были напечатаны моя фамилия и мой адрес, по которым почта и доставляла мне эту газету. «Пионерка» мне настолько понравилась, что я решил откликнуться на приглашение стать ее корреспондентом. Мое «сотрудничество» с ней я попробовал начать со стихов, наверное, потому что почти в каждом номере публиковались авторы примерно моего возраста. Что-то сочинил насчет нашей «крепкой Дальневосточной границы», но почему-то это слово рифмовалось только со словами «не пролетят и птицы». Получил ответ, в котором редакция рекомендовала советоваться со своим учителем и посылать только с его одобрения.

Так что первая моя поэтическая проба пера не удалась. Это потом, на фронте, мне кое-что, кажется, удавалось, и я даже дважды рискнул издать в Санкт-Петербурге небольшой сборник под названием «Стихи штрафбатовцев». Но зато из того детства помню, как меня похвалила наша учительница Екатерина Кузьминична за мой афоризм «Не обижай обиженного природой», который родился у меня в ответ на то, что мальчишки постарше дразнили моего друга Мишку Пугачева, с очень раннего детства сильно заикавшегося. Да еще мне всегда было жалко, когда над жившим у нас в поселке, как бы теперь сказали бомжем, полоумным старичком, которого все звали Колей Белозёровым, иногда зло подшучивали даже взрослые дяди. Все это было в таком уже далеком детстве.

В госпитале же, где недели через две в связи с продвижением линии фронта к нашему госпиталю, предстояло перебазироваться на новое место, поближе к передовой. Поэтому многие из тяжелораненых подлежали эвакуации в тыловые госпитали на долговременное лечение вместе с теми, кто уже был без ноги или руки.

Бытовала тогда модная фраза «Мужчину шрамы украшают». Но не каждый шрам мог служить украшением, тем более культя вместо руки или ноги. Эта эвакуация для нас означала, что по выздоровлении (а в этом у нас сомнений не было) нас направят не только не в свои части, но, может, даже и на другие фронты, а нам хотелось вернуться именно в свои части, в боевой коллектив, с которым сдружился, в свою фронтовую семью. Такое желание в те боевые годы было почти повсеместным.

Я уже говорил, что мой романтизм и юношеское самоуважение рождали во мне определенную гордость за то, что мне, совсем еще молодому офицеру, всего только старшему лейтенанту, доверено командовать даже старшими офицерами, хотя и штрафниками, вести их в бой. И я, честно говоря, несмотря на то что в штрафбате гибнут чаще и больше, чем в других подразделениях действующей армии, никак не хотел лишаться этого своего необычного статуса. Да и у моего соседа по «коечному этажу» Николая было настроение после госпиталя тоже обязательно вернуться в свой родной боевой коллектив. Нас даже не уговорил один солидного возраста майор из раненых, начальник штаба какого-то гвардейского полка, просивший нас обоих после излечения прибыть к нему в полк на должности командиров рот или в штаб.

Но мы были непреклонны! Меня это предложение не прельщало еще и потому, что в штрафных батальонах моя должность командира взвода и так приравнивалась к должности командира роты, даже штатная категория была — капитан. Кроме того, еще один «пустяк»: денежный месячный оклад был у нас, как у гвардейцев, на 100 рублей выше, чем в обычных частях, поэтому в шутку мы называли свой штрафбат «почти гвардейским». И если в обычных и даже гвардейских частях один день на фронте засчитывался за три, то в штрафбатах — за шесть дней! Правда, это практически считалось «преимуществом» только при выходе на пенсию, но со своей возрастной полочки мы не представляли даже, когда это время наступит. Да до него, тем более в штрафбате, еще дожить надо, ведь и погибали там тоже, наверное, в шесть раз чаще. Но это уже другое дело, об этом старались вообще не думать.

И вот, чтобы избежать нежелательной для нас эвакуации, мы

решили сбежать из госпиталя поближе к фронту, с тем чтобы там попасть в какой-нибудь другой прифронтовой госпиталь долечиваться. Понимая, что без первичного документа о ранении, «Карточки передового района», нам будет сложно объяснить свое появление там, мы решили попросту выкрасть эти карточки. Но не хотелось подставлять под нежелательный удар медсестру Азу, у которой они находились. Уговорили ее содействовать нашему побегу тем, что она на некоторое время отойдет от картотеки, а мы в это время сделаем свое «черное дело» и сбежим.

Под шум и неразбериху при свертывании госпиталя и отправке раненых, забрав эти карточки и предварительно собранный нехитрый свой багаж, мы скрылись из виду. Смешно, наверное, было видеть со стороны двух молодых лейтенантиков: одного с рукой в гипсе и на перевязи, а другого — ковыляющего при помощи странного устройства из поясного брезентового ремня. Крадучись, медленно, но упорно мы удалялись от госпиталя.

Удалось незамеченными пройти километра два до перекрестка, на котором стояла прехорошенькая регулировщица. Подумалось тогда: в регулировщицы берут только таких стройненьких, хорошеньких! Уговорили ее остановить машину, идущую в сторону фронта, и вскоре, неуклюже взобравшись в кузов, мы стремительно удалялись от своего госпиталя. Передвигаясь с переменным успехом, мы через двое суток, совсем недалеко от линии фронта увидели полковой медпункт артиллеристов и попросили сделать мне перевязку, тем более что под повязкой появился неприятный зуд. Гипс на руке Николая решили пока не трогать.

Сравнительно молодой, хотя и очень усатый капитан-медик завел нас в палатку, и, когда разбинтовал мою рану, я в ужасе увидел копошащихся в ней белых, жирных, не менее двух-трехсантиметровых червей. Наверное, моя физиономия сказала о моем испуге больше, чем я мог выразить словами, потому что доктор сразу стал меня успокаивать: «Не бойся, старшой, это хорошо, что эти два-три дня они тебе чистили рану и не дали ей загноиться. Опасности никакой нет». Обработали рану и отпустили, показав направление к медсанбату.

Каково же было мое изумление, когда я узнал уже знакомый мне санбат! Опять невероятное совпадение! Там вначале подумали, что я успел получить еще одно ранение, но, когда мы рассказали, почему сбежали из госпиталя, нас поняли. Николай свой путь раненого проходил через другой медсанбат, но и его приняли хорошо. Это произошло числа 15 августа. А уже 18-го нас снова эвакуировали в ближайший госпиталь. На фронте

наркомовские «сотки» выдавали не только в наступлении, но и даже по праздникам. Хотя мы к авиации никакого отношения не имели, 18-го был праздник День Военно-воздушного флота. Перед отправкой нас накормили обедом и выдали положенные по этому случаю наркомовские.

Везли нас недолго. Не знаю, только ли у меня случалась такая странная череда совпадений, но привезли нас в небольшой польский город за Бяла-Подляской (теперь уже не вспомню какой), в тот же госпиталь, из которого мы бежали! Перебазировавшись, он уже принимал раненых на новом месте. Здесь нам снова предложили обед, а по случаю праздника — и по «сотке». Естественно, фронтовики не отказались и от второго обеда, и от второй чарки.

Отобедав, Николай сразу же бросился искать Азу. Но не успели мы опомниться от всего случившегося, как нас срочно повели к начальнику госпиталя. Это был небольшого роста и будто высохший подполковник, на тщедушной фигуре которого узкие положенные тогда медикам погоны казались даже широкими. Однако он обладал «громовым» басом, удивительно не подходящим к его росту и щуплости. Как он на нас кричал! Казалось, стены комнаты, в которой это происходило, вибрировали и дрожали, как во время артналета или бомбежки. И дезертирами нас называл, и грозился нас направить в штрафбат, поскольку уже донес в Особый отдел о нашем побеге, совестил нас тем, что по нашей вине жестоко наказана медсестра, а для крепости внушения разбавлял свои тирады специфическими сочными выражениями.

Мне почему-то (может, частично виной тому была двойная «сотка»?) все происходящее казалось скорее смешным, чем грозным. В ответ я спокойно ответил ему, что штрафбат, куда я и стремился, мне давно и хорошо знаком, а дезертируют обычно не к фронту, а от фронта. Медсестра же тут вообще ни при чем, так как мы просто-напросто элементарно выкрали свои документы во время предэвакуационной суматохи. Видимо, несмотря на свой оглушительный бас, подполковник был отходчив. Сравнительно быстро он смягчился, но все еще строгим тоном взял с нас слово, что если нам заблагорассудится повторить наш «подвиг», то мы поставим его в известность, и он сам поможет нам сделать это более разумно.

Ну и слава богу, все обошлось. Только сестричку Азу было жаль. Зла она на нас не держала, так как мы втянули ее в эту авантюру с ее же согласия. А радость Азы от встречи с Николаем была такой, что мне подумалось, будто и хорошо, что так получилось.

Через день-другой мне показалось, что мой новый лечащий врач, весьма миловидная женщина-капитан, лет, наверное, тридцати с небольшим гаком, была чересчур внимательна ко мне. Вначале это мне льстило, и я вспомнил, что, когда проходил службу под Уфой в Южно-Уральском военном округе, у нас в полку была тоже врач-капитан. В нее буквально все офицеры полка были влюблены и часто по явно надуманному поводу старались попасть к ней на прием. Понять их можно было. Капитан медслужбы Родина была удивительно стройной брюнеткой необыкновенной красоты, с пышной прической под кокетливо надетой пилоткой, большими карими глазами под летящими крыльями бровей. Эту капитаншу с ней не сравнить.

Это внимание моей докторши казалось мне неестественным и даже каким-то навязчивым. Однажды во время перевязки, которую она делала в моем паху то ли уж очень тщательно, то ли нарочито медленно, доктор-капитан попросила, чтобы я вечером, как стемнеет, пришел в назначенное место «поговорить». Возможно потому, что она была не менее чем лет на 10 старше меня, я не пошел на это свидание, придумав назавтра отговорку что-то насчет расстроенного желудка. Конечно же, отношение ее ко мне сразу изменилось, и я был передан для дальнейшего «досмотра» врачу-мужчине, чему был весьма рад.

Через какое-то время в госпитале снова начали формировать команды для отправки в тыл. Только собрались мы, помня слова нашего громогласного начальника, идти к нему, как наша «попечительница» Аза сама нас разыскала, чтобы радостно сообщить, что по распоряжению подполковника мы зачислены в команду выздоравливающих и будем переезжать на новое место вместе с госпиталем. Поняли мы, что начальник госпиталя своим распоряжением упредил нас от повторения того «фортеля», который мы выкинули раньше.

Да мы и действительно стали уже похожи на выздоравливающих. Молоды мы еще были очень, а в молодости легче срастаются переломы, рубцуются и заживают раны, быстрее рассасываются шрамы на коже и… рубцы на сердце тоже. У Николая сняли гипс, но рука его еще не освободилась от марлевой подвески через шею, и он ходил на лечебную физкультуру. А я стал понемногу ощущать первые признаки появления самостоятельных движений ноги.

На следующий день всех нас погрузили на автомобили и перевезли уже теперь в польский городок Калушин, освобожденный еще 1 августа. От него до Варшавы было километров 65, но передовые войска фронта, вырвавшиеся вперед, уже кое-где форсировали Вислу южнее польской столицы.

Разместили нас в хорошо сохранившемся здании на втором этаже, в небольших комнатах по 5–6 человек (к такому комфорту мы не привыкли!).

И вот к нам, в офицерскую палату, поступил раненый офицер из нашего штрафбата (он после ранения не вернулся в батальон) и сообщил мне приятную новость, будто приказом командующего 70-й армией состоялось награждение за бои по окружению брестской группировки немцев, и я награжден орденом Отечественной войны. Думаю, вам понятна моя радость от этой новости.

Вскоре как по заказу по нашим палатам проходил хиленький поляк-очкарик, местный фотограф. Все мы с удовольствием принимали его приглашения запечатлеть себя. А ребята уговорили меня сфотографироваться уже с двумя орденами: моей Красной Звездой и предложенным мне для этого случая чьим-то орденом Отечественной войны II степени. Не особенно раздумывая, я согласился на это, и понятно было мое волнение, когда я получил довольно приличного качества фотографии «дважды орденоносца». Не выдержал и тут же послал письма с фотографиями маме с сестренкой на Дальний Восток и моей уфимской знакомой Рите, которая к тому времени была на нашем же фронте медсестрой военного госпиталя. В том, что эта авантюра сняться с чужим орденом вскоре поставила меня в весьма «пикантное» положение, я убедился довольно быстро. И это был хороший урок на будущее.

Между тем нога моя медленно, но верно становилась все более послушной. Стойким оставалось только полное отсутствие поверхностной чувствительности в боковой мышце правого бедра, кажется, ее правильное название — четырехглавая мышца. Ощущение такое, будто поверх кожи приклеена толстая брезентовая заплата. По совету и методике врачей я каждый день делал этой мышце длительный и довольно жесткий массаж, превозмогая сильные болевые ощущения под этим верхним нечувствительным, довольно толстым слоем не только кожи. И такой массаж мне пришлось в действительности делать в течение 10 лет, пока эта методика в какой-то степени не оправдала себя! Прав был доктор из медсанбата: со временем, хотя и немалым, все восстановилось.

Время подходило к выписке из госпиталя. Николая выписали немного раньше, мы обменялись номерами полевых почт, но переписка между нами так и не завязалась. Я очень жалею до сих пор о том, что наша дружба, казалось, такая неожиданно крепкая, так скоро прервалась, хотя память о ней держится всю оставшуюся жизнь.

В первый день осени, 1 сентября, с утра нас, большую группу, выписали из госпиталя. В моей справке о ранении было записано: *«выписывается в часть с санаторным лечением до 17 дней».* Видимо, никогда мне не понять некоторых медицинских рекомендаций: почему 17, а не 15 или 20 дней? И что означало это «санаторное лечение»? Где, какой санаторий на фронте? Так я тогда и не понял этого.

Что же касается прибытия в часть, то до сих пор удивляюсь, как нам удавалось разыскивать своих в той обстановке, на незнакомой территории, да еще в другой стране. Ну, когда тебе дают точку на карте — это понятно. Но вот из госпиталя, да еще найти ШБ, который, возможно, был передан в другую армию, не говоря уже о том, что он вышел из состава той дивизии, с которой воевал, когда я его покидал по ранению? Топографические карты, как правило, оставались с нами и в госпитале, но за время лечения не только батальон наш, но и весь фронт, как и в данном случае, давно уже ушел за пределы листов карты.

Оставалось надеяться на офицеров дорожно-комендантских участков (ДКУ), организующих регулирование передвижения войск по крупным дорогам. Они знали и дислокацию некоторых воинских частей. Еще надеялись мы на указки, устанавливаемые на перекрестках и развилках дорог. Указки эти, фанерные или из дощечек, элементарно просто показывали, в каком направлении проследовала, скажем, «Полевая почта № 07380» или просто «Хозяйство Осипова» (так обозначали наш штрафбат), а уж «Восьмую образцовую школу баянистов Первой белорусской филармонии», как сами штрафники расшифровывали 8-й ОШБ 1-го Белорусского фронта, знали почти во всех войсках фронта Рокоссовского. Если кто-то говорит, что он из «Школы баянистов», то дополнительных уточнений уже не требовалось.

Попутными машинами, не очень охотно бравшими пассажиров, с пересадками, медленнее, чем нам хотелось, мы все-таки постепенно двигались к линии фронта. Мы — это трое из нашего батальона, я и два теперь уже бывших штрафника, правда, еще без офицерских погон, решивших передвигаться вместе. Видимо, какая-то привычка быть «под командой» штатного офицера штрафбата уже сформировалась у них. Да и мало ли какая ситуация возникнет в дороге у штрафника, пусть для всех он и солдат, но без погон. Я не помню фамилии моих попутчиков, но оба они были и возрастом, и своими офицерскими званиями старше меня, всего только еще старшего лейтенанта. Тем не менее оба вели себя так, будто и теперь я их начальник, хотя они уже «смыли кровью» свою вину, но просто еще не восстановлены в

офицерстве.

Добравшись часам к трем дня до какого-то городка с большой церковью (вернее, костелом), мы решили остановиться, где-нибудь пообедать. Зашли, как нам показалось, в далеко не бедный дом и попросили хозяина чем-нибудь нас накормить, имея в виду, что свой сухой паек, полученный в госпитале, мы присовокупим к тому, чем попотчует нас хозяин. Но напрасны были наши надежды… «Ниц нема! Вшистко герман забрав» («Ничего нет! Все немцы забрали») — вот такой обычный ответ здесь, а потом и почти везде в Польше звучал при любой просьбе. Но позже мы убедились, что если поляку предложить что-то стоящее на обмен или деньги, то «забрав» немец не «вшистко», находились и «курка» или «гуска», и «бимбер».

«Бимбер» — это польский самогон, настоянный, как правило, на карбиде кальция. Дрянь первостатейная этот самогон. А карбид не столько перебивал стойкий сивушный «аромат» своим не менее неприятным запахом, сколько употреблялся для того, чтобы обжигающим эффектом заменять недостающие градусы. Желудки у нас тогда еще были «огнеупорными», но головная боль потом мучила заметно. Познали это все мы гораздо позднее.

А сейчас поляк нашел хитрый выход из положения. Он ловко переадресовал нас к ксендзу того костела, ворота забора которого были как раз напротив. У него, дескать, немцы ничего не брали, он очень богатый и «советы» (так называл нас поляк) примет и угостит хорошо. Ради интереса мы решили воспользоваться случаем посмотреть на живого ксендза.

Подошли к воротам, подергали за цепочку с кольцом, с той стороны зазвенел колокольчик, и вскоре в воротах откинулась своего рода форточка, и в ней показалась круглолицая, веснушчатая девица с ярко-рыжей копной волос, с любопытством разглядывающая нас. Поняв, что мы хотим видеть ксендза, бросилась от этой амбразуры, забыв ее захлопнуть.

А мы тоже стали с интересом разглядывать чисто убранный двор с разными постройками около костела. Успели разглядеть и нескольких, таких же румяных и пышных девиц, которым, оказывается, тоже было интересно, кто там пришел. Несколькими минутами позже та девица, что побежала доложить о нас, открыла калитку и с приветливым «Пр́ошу, панове», провела нас к одной из построек во дворе, видимо, добротному жилищу ксендза. Тот с широкой улыбкой встретил нас у входа и не менее широким жестом пригласил: «Прошу пройти ко мне, господа офицеры Красной Армии». Мы были изумлены его чистым русским языком и обрадованы, что нам не придется подбирать

слова и жесты для общения. И внешне он был благообразен, улыбчив, а глаза его казались спокойными и даже мудрыми.

Провел он нас в скромно, но хорошо обставленную комнату, видимо столовую, или по-церковному трапезную, усадил нас на диван, сам сел в кресло напротив, и потекла у нас беседа. Собеседником он оказался весьма интересным, сыпал цитатами из «Вопросов ленинизма» Сталина, из «Краткого курса истории ВКП(б)», часто ссылался на Маркса… Ну и ну, подумали мы! Он же не одну фору даст даже некоторым нашим политработникам!

В общем, во всех этих вопросах нам он показался более сведущ, чем его гости, хотя мы вроде бы тоже не лезли за словом в карман. С его слов мы сделали вывод, что польский народ благодарен за освобождение, ему нравятся и Красная Армия, и сама советская власть. Вот только если бы у нас не было колхозов. До конца тогда мы так и не поняли, почему поляки так люто ненавидели эту форму сельского хозяйства. Мы считали колхозы самой правильной организацией сельхозпроизводства. Без них, тем более потеряв столько крепких хозяйств на Украине, в Белоруссии да и в России, не устоять бы нам против такой силы, какой была Германия со многими европейскими экономиками. А наша страна все-таки выстояла и оказалась способной обеспечить свою армию всем необходимым не только для успешного отпора, для освобождения не только своей земли, но уже и части Польши. В этом мы были твердо уверены тогда и теперь, в XXI веке, несмотря на злобные атаки современных псевдоисториков, клевещущих на коллективизацию в СССР.

Это потом, значительно позже, уже через несколько дней после Победы, там, в Германии, нам показали геббельсовский пропагандистский фильм, оболванивавший головы и самим немцам, да и полякам тоже. Фашистская пропаганда долго, изощренно и разнузданно клеветала на Советский Союз, пытаясь разжечь и в немцах, и в поляках ненависть к нашей стране и к советским людям вообще.

Пока шла наша беседа с ксендзом, девицы поочередно (а их было, наверное, с десяток!) мелькали туда-сюда, накрывая на стол. И когда гостеприимный хозяин пригласил нас к столу, мы просто обомлели. Такого обилия разнообразных блюд, вин и закусок никому из нас до сих пор не доводилось видеть вообще. Мы, конечно, не упустили случая. Узнали мы вкус и настоящей фирменной польской водки «Выборовой» (отборной), и «Монополъки», которые не очень отличались от нашей «наркомовской». Многие блюда были в диковинку. Да, поляк наш

не ошибся: здесь «герман» ничего «не зáбрав», а может, даже и добавил кое-чего.

И беседа, и застолье продлились почти до темноты. Галантно, как умели, мы поблагодарили ксендза за гостеприимство, за отменный обед и за содержательную беседу и сказали, что эта встреча нам запомнится надолго. И верно, до сих пор помнится! Вышли мы, сопровождаемые этим католическим священником и почти всеми девушками, следовавшими за нами в почтенном отдалении, вежливо попрощались с ксендзом, раскланялись и с девушками. Вернулись к поляку, который нас так удачно отфутболил, чтобы и его поблагодарить за добрый совет. Ну а здесь под действием ксендзового угощения нам захотелось поговорить и с этим поляком. Но, поскольку уже стемнело, попросились переночевать у него.

Тертым калачом, веселым мужиком оказался этот поляк. На наш вопрос, почему у ксендза столько служанок, рассказал он нам солененький анекдот: «Когда Бог создавал ксендза, он запретил ему жениться как своему наместнику на земле. Но как смертному человеку разрешил иметь женщину один день в году. Но то ли ксендз забыл, в какой именно день даровано Богом это право, то ли Бог не указал конкретно этого дня, так вот, чтобы не пропустить того дня…»Дал понять нам этот хитрый поляк, что не такой уж он набожный католик, как, видимо, и другие его соотечественники.

После беседы с хитрым поляком у нас, еще не остывших от застолья у ксендза, какое-то время продолжались разговоры на «внутренние» темы. Один из моих попутчиков оказался скорее не собеседником, а «сомолчальником», зато второй разговорился настолько, что проговорили мы до глубокой ночи. Из всего им поведанного я запомнил, что он и его друг были легко ранены, добрались до медпункта, им оказали нужную помощь, перевязали раны и предложили самостоятельно добраться до эвакопункта, с которого их отвезут в медсанбат. Его друг вдруг заявил, что хочет вернуться в свой взвод и помогать боевым друзьям, которых из-за того, что оба они ранены, осталось меньше. Потом предложил идти с ним, заявив: «У тебя совесть-то, наверное, еще не убита, а только тоже ранена!» И оба вернулись на линию огня, сражались, пока его друг, инициатор возвращения к боевым товарищам, не погиб, а мой собеседник получил второе, уже тяжелое, ранение, с которым и попал в госпиталь.

Этот его рассказ взволновал меня тем, что я увидел лично такого бойца-переменника «с неубитой совестью» и убедился, что

они далеко не редкость. Переночевали мы у поляка, утром позавтракали своим сухим пайком с «кавой», которой угостил нас раздобрившийся хозяин. Оставили за «каву» и ночлег баночку американского плавленого, по выражению многих, «вонючего» сыра и тронулись дальше в путь.

Как ни странно, но нашли мы свой штрафбат более или менее легко, хотя нас несколько обескураживали указки «Хозяйство Осипова-Батурина». Подумали, что рядом с нашим батальоном разместилась еще и какая-то часть неведомого нам Батурина. А оказалось, что наш комбат, полковник Осипов, решением маршала Рокоссовского переведен от нас на должность то ли командира стрелковой дивизии, то ли замкомдива. Вот это скачок! С командира батальона, пусть отдельного, тем более — штрафного, сразу на дивизию! Хотя, как мы знали, Осипов и звание полковника получил на должности комбата штрафников. Наш начштаба Василий Лозовой тоже получил повышение. На его место назначили ПНШ-1 Филиппа Киселева, моего ровесника.

Я уже говорил, положением о ШБ предусмотрено, что наши командиры подразделений имели дисциплинарные права и возможности получать очередные воинские звания на ступень выше, чем в обычных войсках. Комвзвода, например, имел права командира роты и звание капитана, комроты — права комбата и звание майора, комбат — права командира дивизии и звание полковника. Такова была особенность штрафбата по его правовой иерархии.

Немного освоившись после долгой разлуки с батальоном, я узнал от помначштаба Николая Гуменюка о гибели в день моего ранения нескольких взводных командиров из других рот, в том числе недавно появившихся в батальоне старшего лейтенанта Пильника, лейтенантов Остапенко и Грачева. Тогда же были ранены кроме меня еще 9 офицеров из командного состава. Ранен был в ногу, правда, легко и замкомбата, уже подполковник Кудряшов. Он отказался от госпитализации, хотя даже на короткое время покинуть этот кромешный ад штрафбатовский было надеждой не иметь более тяжелых последствий. Некоторая часть раненых уже возвратилась из госпиталей и медсанбатов, и я был рад снова увидеть друзей Ванюшу Янина и Сережу Сисенкова, залечивших свои, хотя на этот раз и нетяжелые раны.

Успел что-то узнать и о некоторых моих штрафниках. Славный мой командир отделения Пузырей выжил и даже не был ранен, в числе многих восстановлен во всех офицерских правах досрочно как проявивший достойно себя в боях и давно убыл в свою часть. Он и сейчас, уже очень много лет спустя, стоит перед

моими глазами — худощавый, подтянутый, четко очерченные губы, аккуратные усики, острый взгляд, собранность во всем, весь в движении. Сожалею, что не сохранил адреса его родственников и не смог восстановить с ним связь.

Ранен был мой заместитель Семен Петров, который смешил всех, кто еще не знал, что указательный палец его левой руки, в результате ранения, полученного до штрафбата, был укорочен на две фаланги. А смешил он тем, что прикладывал этот обрубок к ноздре и делал якобы вращательные движения им. Впечатление этим «фокусом» производил потрясающее! О моем взводном писаре Виноградове и ординарце Жене узнать тогда не удалось. Но, как и мой Пузырей, тогда был досрочно за боевые отличия отчислен из ШБ и восстановлен во всех офицерских правах 231 человек! **То есть почти все воевавшие за Брест.**

Это еще одно подтверждение того, что кроме «искупления вины кровью», как это образно сказано в приказе «Ни шагу назад!», широко применялось и освобождение от «штрафа» искуплением вины подвигом. Это правило противоречило широко распускаемым слухам о том, что все штрафники — смертники, у них всего два выхода: как правило — смерть, а как счастливое исключение — ранение. Мой попутчик из госпиталя и «сотрапезник» у ксендза, убывая из батальона в свою часть, разыскал меня, показал документы о досрочном восстановлении офицером и… медаль «За отвагу». Рад я был этому очень и еще больше сожалею, что не запомнил ни его фамилии, ни звания. И хотя теперь у меня есть копия приказа, которым 35 штрафников награждены медалью «За отвагу», моя нынешняя память не смогла «зацепиться» ни за одну фамилию.

Только одним Приказом № 078/н от 8.08.1944 года командующий 70-й армией генерал-полковник В.С. Попов по представлению комбата Осипова наградил из числа штрафников орденами Отечественной войны II степени 9 человек (пом. комвзвода, 2 минометчика, 3 пэтээровца, 2 стрелка и пулеметчик). Орденом Красной Звезды — 4 (разведчик, пэтээровец, пулеметчик и стрелок). Медалью «За отвагу» награждено 35 человек и «За боевые заслуги» — 17, а всего 65 бывших штрафников получили правительственные награды! Все они в приказе названы бойцами-переменниками, кроме тех, кому были на время присвоены сержантские звания. Но видимо, щадя офицерское самолюбие, в этот раз никто не был награжден орденом Славы. Учли и комбат, и командарм особое отношение к этому славному солдатскому ордену офицеров, побывавших рядовыми в штрафбате.

Заметили, только орденами награждено 13 штрафников.

Чтобы не возникли сомнения в истинности этих цифр, назовем награжденных по фамилиям, как они поименованы в приказе:

Орденом Отечественной войны II степени:
Антипов Александр Васильевич — минометчик;
Басенок Иван Ефремович — номер ружья ПТР;
Ерохин Никонор (так в Приказе) Михайлович — номер ружья ПТР;
Зеленин Александр Васильевич — сержант, пом. ком. стр. взвода*;
Калугин Василий Андреевич — номер ПТР;
Марченко Алексей Гаврилович — минометчик;
Прохоров Федор Глебович — стрелок;
Пупенин Петр Гаврилович — ручной пулеметчик;
Савин Сергей Тихонович — минометчик.
Орденом Красной Звезды:
Воробьев Георгий Михайлович — разведчик;
Сидоров Виктор Иванович — стрелок;
Слабунов Степан Павлович — пулеметчик;
Щудро Валентин Степанович — номер ружья ПТР.

Не перечисляя всех 35, награжденных медалью «За отвагу», отмечу только, что там поименован и штрафник Семыкин Валерий Захарович. Он остался потом в постоянном офицерском составе батальона, а затем стал одним из моих самых близких друзей. Правда, в приказе он упомянут как сержант, замкомвзвода связи. Я уже пояснял, что по положению о штрафбатах штрафнику, назначенному на сержантскую должность, присваивается и соответствующее звание, как и в случае, помеченном значком*. И вовсе не следует слепо верить тем, кто считал, что правительственную награду даже в виде медали мог получить только штрафник, совершивший подвиг, равный подвигу Героя Советского Союза.

Как видите, и досрочное восстановление в офицерском корпусе, и неединичные награждения отличившихся в боях — вовсе не миф, а реальность. Для сравнения тем же приказом награждено офицеров постоянного состава всего орденами 6 человек и 5 человек медалями «За отвагу», в том числе и я сам, как оказалось, вовсе не орденом Отечественной войны. Так что и офицеры комсостава ордена «корзинами» не загребали.

Итак, я вернулся в батальон, командиром которого не представлял никого, кроме Осипова. Конечно, все мы были рады повышению нашего Бати, но и сожалели, что ушел от нас заботливый, умный и честный командир. Вместо него комбатом был назначен подполковник Батурин Николай Никитич. Пришел

он к нам с одной медалью «XX лет РККА». Как мы вскоре догадались, он был из числа пожилых кавалеристов, прослуживших где-то в глубоком тылу страны почти всю войну.

Считаю необходимым здесь сделать некоторый экскурс и вперед, и в прошлое, хотя в отдаленное. Вперед, потому что узнал я подробности из биографии Аркадия Александровича Осипова уже через много лет после войны, когда побывал в памятном нам Рогачеве. А в отдаленное прошлое, потому что мне удалось тогда заинтересовать и местные музеи, и Тихиничскую среднюю школу, в которой давно учился будущий командир штрафбата, освобождавший свой родной район и город от фашистов. Узнал я больше и о прошлой жизни своего комбата.

Горячие отклики на эту мою инициативу районной власти, в первую очередь заместителя председателя райисполкома Риммы Геннадьевны Ястремской, породили цепную реакцию поисков сведений о знаменитом земляке. А такая энтузиастка, как бывший директор той самой Тихиничской школы Людмила Александровна Гулевич, нашла такие факты и документы, о которых я даже не догадывался и которые подкрепили наши представления о комбате, полковнике Осипове, как о человеке незаурядном, талантливом и необычайно скромном.

И все, что я знаю о нем теперь, что связано с увековечением его памяти на родной земле Рогачевщины, изложено в следующей главе, которую так и назвал: «Ком-Батя полковник Осипов».

Глава 13
Ком-Батя полковник Осипов Аркадий Александрович

Нас не нужно жалеть, ведь и мы
никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом,
как пред господом богом,
чисты.

Семен Гудзенко

Комбат батяня, батяня комбат,
Ты сердце не прятал за спины ребят.

Из песни группы «Любэ» «Комбат». Слова А. Шаганова

В истории нашего 8-го штрафбата было 4 командира батальона. Первый комбат, майор Григорьев Я.Ф., командовал батальоном всего 2,5 месяца. Сменивший его второй комбат, майор Бурков Д.Е., — чуть больше полугода. Все это время батальон ни разу не был сформирован до полного штата и в боевых действиях участвовал только поротно, когда одна сформированная рота передавалась для выполнения конкретной боевой задачи в конкретную армию, а там — в дивизию, полк. Комбаты в этих случаях в боевых действиях участия не принимали. Может быть, именно из-за того, что при этом они могли утратить боевые командные навыки, они так часто сменялись.

И только третьему комбату, Осипову А.А., впервые довелось командовать батальоном полного состава, да и значительно дольше своих предшественников — 1 год и 3 месяца. Поэтому мы по праву считали его первым настоящим комбатом. А пришедшему на место Осипова в августе 1944 года четвертому командиру батальона, подполковнику Батурину, при котором, как

и у первых двух, батальон воевал поротно, история отвела тоже немного, как и первым двум. Всего 9 месяцев оставалось до Дня Победы.

Как предшественники Осипова, так и последний комбат Батурин только номинально считались командирами штрафбата, так как батальон при них воевал поротно, когда роты, иногда усиленные, а иногда даже неполные, передавались в полное распоряжение войсковых командиров. В этих случаях комбаты только формировали, вооружали и готовили эти роты, а боевые задачи ставились им теми же войсковыми командирами, куда они передавались для выполнения боевых задач. Конечно, на них лежала ответственность за учет потерь и представление данных на восстановление штрафников в офицерских правах.

Как уже сказано, только полковнику Осипову довелось непосредственно руководить боевыми действиями штрафбата, когда тот действовал как самостоятельная тактическая единица, начиная с боев на Курской дуге и кончая участием в завершении операции «Багратион» в августе 1944 года при окружении брестской группировки противника уже на территории Польши.

Безусловно, и личность комбата Осипова заслуживает того, чтобы посвятить ему отдельную главу и подробнее показать его жизнь не только в рамках нашего штрафбата. Я здесь представляю читателю то, что мне удалось узнать об этом незаурядном человеке, нашем Бате, как сердечно называли его и офицеры постоянного состава батальона, и офицеры-штрафники.

Родился Аркадий Александрович Осипов 20 апреля 1908 года в деревне Лейчицы, по прежнему административному делению Тихиничской волости Рогачевского уезда Полесской губернии (ныне, соответственно, сельсовета и района Гомельской области). Его отец, Александр Корнеевич, всю жизнь занимался крестьянством. Трудолюбивый человек, он содержал свое семейное хозяйство по общепризнанным меркам как середняцкое, но работниками в нем были только члены семьи, в которой у них было пятеро детей. Как писал сам Аркадий Александрович в своей автобиографии, это были его сестра Софья, затем брат Николай, еще две сестры — Анастасия и Надежда и самый младший — он, Аркадий.

Брат Николай прошел всю Отечественную войну, был ранен, награжден, а после войны работал в органах МВД в Магадане. Сестры работали в Тихиничах, одна зубным врачом, другая учительницей. Во время Отечественной войны они были связными с Быховскими партизанскими отрядами. Отец семьи Осиповых, несмотря на то что неожиданно овдовел (жена умерла в 1926 году от укуса змеи), сумел воспитать детей, дать им

достойное образование. Правда, младшему Аркадию удалось окончить в 1922 году только 4 класса начальной школы в Тихиничах, после чего он с 13-летнего возраста работал в домашнем хозяйстве. После смерти матери начались его «рабочие университеты»: чернорабочим на кирпичном заводе и в совхозе. Трудное было время, но Аркадий находит возможность для самостоятельного повышения грамотности.

В 1931 году он определился на военную службу. Вскоре его отобрали в полковую школу. Успешно окончив ее и показав прилежность в службе, подающий серьезные надежды в военном деле, он направляется в Минское военно-пехотное училище, носившее тогда название «Объединенная Белорусская военная школа имени М.И. Калинина Белорусского военного округа».

Окончив эту школу лейтенантом, быстро продвигается по службе. В 1938 году ему присваивается воинское звание старшего лейтенанта и доверяется руководство учебной группой на дивизионных Курсах младших лейтенантов Ленинградского военного округа.

Став уже опытным ротным командиром горнострелкового полка в том же Ленинградском военном округе, участвует в боевых действиях в войне с Финляндией, а по окончании ее — капитан, командир батальона в Ленинградском военном округе. С началом Великой Отечественной войны — на Карельском фронте, где в звании майора тоже командует батальоном.

В августе 1942 года, несмотря на свое невысокое образование, официально только в объеме начальной школы, с учетом уровня его развития и фактической грамотности, он направляется в Военную академию имени Фрунзе, эвакуированную из Москвы в Ташкент. Успешное окончание ускоренного курса академии завершается присвоением воинского звания подполковника. Несколько месяцев состоит в резерве Главного управления кадров Красной Армии в Москве, а затем, в мае 1943 года, получает назначение на должность командира 8-го Отдельного офицерского штрафного батальона Центрального фронта. Штрафбат впервые комплектовался по полному штату в составе семи рот: трех стрелковых, пулеметной, минометной, а также рот автоматчиков и противотанковых ружей, не считая нескольких отдельных взводов.

С того времени подполковник Осипов командует снова батальоном, но уже штрафным, офицерским. Дисциплинарные права у него здесь даже не как у комполка, а как у командира дивизии. В этом батальоне рядовыми бойцами были не обычные солдаты, а только офицеры, от младшего лейтенанта до полковника включительно, пусть и временно разжалованные. Вот

какой необычной тактической войсковой единицей доверили вопреки вралю Володарскому командовать недавнему выпускнику академии. К тому же батальон этот впервые более чем наполовину состоял из тех, кто долгое время был в немецком плену или в окружении и невольно утратил многие воинские качества и умения. Никому тогда не было известно, как эти бывшие офицеры, да еще побывавшие в фашистском плену, поведут себя в бою. У командующего фронтом генерала Рокоссовского, наверное, тоже мог возникнуть вопрос, как справится с самостоятельными боевыми задачами в специфических обстоятельствах новый комбат.

Справился! Как позже все убедились, тогда еще 35-летний подполковник Осипов справился и с формированием такого необычного батальона, и с боевыми задачами, выпавшими на его долю в обороне и в наступлении на Курской дуге. Успешно справился он и со всеми последующими задачами по освобождению захваченной немцами территории Страны Советов, и в частности, своего родного города Рогачева и всей Советской Белоруссии, во время боев за которую ему было присвоено воинское звание полковника.

Здесь я напомню читателю кое-что о результатах нашего знаменитого рейда в тыл противника за Рогачев. Тогда по представлению комбата почти 600 из 800 штрафников решениями командарма Горбатова Александра Васильевича и командующего фронтом генерала Рокоссовского Константина Константиновича покинули батальон с погонами офицеров. Все они были восстановлены в правах офицеров в соответствии с пунктом 1 «Положения о штрафбатах», то есть без «пролития крови», а только за боевые заслуги, за примерные боевые действия. И только за 5 дней боевых действий! Перефразируя известные строки пушкинского «Памятника», можно сказать, что об этом решении командующих фронтом и армией и комбата Осипова «слух прошел по всей Руси Великой», по крайней мере по всему Белорусскому фронту. Основанием для таких «слухов» было все: и успех самой операции по вводу полноштатного батальона штрафников в тыл врага через его передний край, и результативные боевые действия во вражеском тылу.

Но самое важное для бойцов, то бишь штрафных офицеров — массовое освобождение их от отбывания установленного каждому персонально срока пребывания в штрафбате (от 1 до 3 месяцев) и восстановление в офицерских правах. Те, кому суждено было «смывать вину» в штрафбате даже значительно позже, уже в большинстве своем не считали себя потенциальными смертниками. Свидетельства об этом факте устойчиво витали в

войсках, тем более после прихода нового комбата, подполковника Батурина. Но об этом — в соответствующем месте моего повествования.

Или другой пример. В операции «Багратион» батальон совместно с одним полком 38-й Гвардейской дивизии завершал окружение брестской группировки немецких войск из 4-х дивизий. В течение более 4 суток, отражая бесчисленное количество атак немцев, батальон пресекал их попытки вырваться из кольца. По представлению комбата Осипова, командующий 70-й армией генерал Попов В.С. Приказом № 078/н от 8.08.1944 года «За образцовое выполнение боевых задач командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» наградил орденами и медалями 65 бойцов-переменников (штрафников).

Только по этим двум эпизодам видно, как относился к бойцам наш Ком-Батя — полковник Осипов Аркадий Александрович. Вообще все те огненные дни и ночи, которые нам довелось провести под началом любимого комбата, оставили в памяти моей и моих боевых друзей самые восторженные воспоминания. Да и не только мы, офицеры постоянного состава, давали такую высокую оценку своему комбату. Многие штрафники и почти все штатные офицеры батальона за глаза называли его не комбат, а Ком-Батя или просто Батя.

Приведу строки из письма лейтенанта в отставке Медведева Данилы Александровича, одного из бывших штрафников, участвовавшего в том легендарном походе в тыл врага в феврале 1944 года при освобождении Рогачева, написанное под впечатлением статьи «Даешь Рогачев», опубликованной в «Сельской газете» 25.02.1984 года: «Когда я прочел строки „Отважно действовал в тылу врага специально направленный через линию фронта 8-й батальон 120-й Гвардейской стрелковой дивизии…“, невольно смахнул с ресниц слезу. В газете из особых соображений скупо сказано о 8-м батальоне. Но это был не простой батальон, а штрафной…»

Видимо, автор той статьи так и не обратил внимания на то, что этот 8-й штрафной не входил в состав 120-й Гвардейской, а был Отдельным штрафбатом фронта. А далее автор этого письма просит переслать его своему комбату.

> «Убедительно прошу направить это мое письмо тов. А.А. Осипову. Прошло 40 лет, отрезок времени для человеческой жизни солидный. Мы сейчас с тов. Осиповым живем в разных уровнях, но он для меня был и остается командиром. Навсегда остается его образ в

моей памяти. Пусть знает тов. Осипов, что я и теперь низко кланяюсь перед его образом как перед бывшим моим командиром. В самые трудные военные минуты, когда ему смотрела смерть в глаза, он обходил ее и обводил своих подчиненных. Все, кто был в 8-м штрафбате и кто не забудет его. Пусть знает тов. Осипов, как его бойцы вспоминают давно минувшие дни.

Медведев Данила Александрович, лейтенант в отставке, инвалид Отечественной войны 2 группы».

Или вот еще другое свидетельство моего многолетнего друга, тоже бывшего штрафника, полковника в отставке, Басова Семена Емельяновича, ныне уже умершего на Украине, в Харькове. Он, несмотря на свои почти 95 лет и немалый букет недугов, был до конца своих дней подвижным и очень активным. В нашем 8-м штрафбате он воевал на Курской дуге: «Скромным и человечным был командир 8-го отдельного офицерского штрафбата подполковник Аркадий Александрович Осипов. Когда батальон стоял в обороне почти 2 месяца под Понырями на Курской дуге, все мы видели в окопах нашего комбата чуть ли не чаще, чем своего командира роты. Он всегда был с подразделениями и передвигался с нами в пешем строю, даже на длительных форсированных переходах батальона. Был он заметно старше нас, и штрафники просили его сесть на сопровождавшую нас телегу, везущую штабную документацию, но он отказался. На привалах, когда мы все хоть немного отдыхали, комбат переходил из роты в роту, контролируя состояние бойцов и личным примером подбадривая их. Многие из нас даже уговаривали его воспользоваться своим штатным транспортом в одну лошадиную силу, но он отказывался, говоря, что ему с бойцами легче понять, когда необходим привал. Он хотел быть рядом с нами, хоть и бывшими, но офицерами. Знал он, что будет с нами во время атаки. Батальон 15 июля 1943 года прорвал под Тросной сильно укрепленную оборону немцев и, несмотря на большие потери, перешел в наступление, занял важную высоту. И я уверен, что этому успеху батальон был обязан личному примеру своего Бати, как уважительно стали называть нашего комбата его бойцы. Все штрафники с большим уважением относились к нему за его чуткость и справедливость. И память о нем осталась на всю мою жизнь».

В 2007 году в московском издательстве «Яуза-Эксмо» вышла книга Кирилла Константинова «РОКОССОВСКИЙ. Победа не

любой ценой». Интересная цитата с 92-й страницы:

> «Использовать машины было невозможно: во-первых, они то и дело застревали в грязи, а во-вторых, всем было бы не разместиться в них. Рокоссовский со штабом тоже шагали по осеннему бездорожью, как и простые бойцы. Тут имел значение и психологический фактор: командир понимал, что вселить надежду и уверенность можно только личным примером, поэтому и месил сапогами грязь, как все, а пустой штабной автобус ехал следом».

Привел я это свидетельство для того, чтобы читателю было ясно, каков вес в боевой обстановке личного примера командира. Полковник Осипов был из плеяды понимающих ценность личного примера в обстановке нелегких боевых будней, знал этому цену. Судя по книге Константинова и некоторым другим публикациям, Рокоссовскому месить грязь сапогами было непросто. Если верить таким источникам, за время его содержания в тюрьме в течение более 2,5 лет (с августа 1937 года по март 1940 года) у него «выбивали» признания в сотрудничестве с польской разведкой, «выбили передние зубы, сломали ребро и даже молотком размозжили пальцы ног, изуродовав их на всю жизнь».

Вот еще одно свидетельство Василия Тавлуя, сына моего фронтового друга, командира роты майора Тавлуя. Василий Павлович нашел меня по прочтении одной из моих книг, и вот что он мне написал: «Слова „8-й Отдельный штрафной батальон 1-го Белорусского фронта“ в моей памяти с самого раннего детства. Эти слова постоянно упоминал мой отец Тавлуй Павел Семенович, бывший командир минометной и стрелковой рот этого батальона в разговорах с детьми, внуками, с собеседниками-фронтовиками. Слова „…Восьмой ОШБ…“ он произносил с нескрываемой гордостью до самых последних дней, видимо, потому, что 8-й ОШБ оставил значительный след в его жизни. С раннего детства в моей памяти звучат имена его боевых друзей-товарищей и уж, конечно, глубоко почитаемого отцом полковника Аркадия Александровича Осипова, командира этого штрафбата».

Недавно появилось у меня еще одно свидетельство незаурядности нашего комбата Осипова. Это воспоминания майора Павла Ильича Пиуна, политработника батальона, написанные уже в 1946 году и любезно предоставленные мне его сыном Владимиром Павловичем из Москвы. Майор Пиун прошел со штрафниками от Сталинграда, где он начал службу в только что сформированном штрафбате № 1 Донского фронта в

должности политрука минометного взвода, до Белоруссии и Польши.

Я почему акцентирую внимание читателя на этой дате. Их автор, майор Пиун, почти полтора года служивший под началом Аркадия Александровича Осипова, летом 1944 года убыл из батальона по замене. Воевал он еще до Победы, вливался в другие фронтовые воинские коллективы, был в подчинении других командиров, но добрая память о командире 8-го штрафбата закрепилась у него на всю жизнь. Вот небольшая часть этих драгоценных строк:

> «С подполковником Аркадием Александровичем Осиповым я встретился в деревне Щуклинка вблизи Курска, где офицерский штрафной батальон находился на отдыхе и формировании. Старое командование батальона (имелся в виду комбат майор Бурков) сменялось новым в связи с боевыми задачами, предстоящими батальону, формируемому впервые по полному штату. Когда в батальон прибыл подполковник Осипов, недавно окончивший академию им. Фрунзе в Ташкенте, первое, что бросилось в глаза всему офицерскому составу, — это его простота, скромность и внимательность. Стройная и плотная фигура нового командира, у которого на широкой груди красовались ордена Красного Знамени и Красной Звезды, внушала всем, и офицерам постоянного состава, и штрафникам, что с таким командиром будут успешными и боевые дела. И, как оказалось, никто не ошибся. Подтверждалось это во всех боях под командованием Аркадия Александровича. Его мужественное лицо всегда выражало простоту и великодушие. Серые, внешне суровые его глаза излучали отцовскую доброту. Унаследовал он не только особенное белорусское наречие, но и обычаи белорусов. Как командир-воспитатель, он был всеми уважаем, особенно ярко в нем была во всем выражена справедливость. Он сам не раз говорил „Люблю правду сказать в глаза, не терплю неправду“ и возмущался, когда слышал ложь».

Есть свидетельство и заместителя комбата майора Кудряшова Александра Ивановича, под кураторством которого мне, тогда еще необстрелянному лейтенанту, довелось и формировать нештатный взвод разведки батальона, действовать по выполнению боевых задач во время того знаменательного рейда в тыл врага под Рогачевом. Кудряшов, имея полное среднее

образование, учительскую практику, высоко ценил умение подполковника Осипова найти правильный подход к любому офицеру — штрафнику или его командиру. Александр Иванович считал, что никто не может сравняться с нашим комбатом в этом важном вопросе воинской этики, даже из имеющих более высокую, чем у комбата, общую грамотность, в том числе и сам Кудряшов.

Я же, когда узнал, что Аркадий Александрович Осипов официально считался окончившим всего 4 класса сельской школы, сделал вывод, что он был образованнейшим человеком в нашем штрафбатовском коллективе. Ведь уровень образованности каждого человека определяется не тем, сколько классов или институтов прошел или окончил он в своей жизни, а как эта грамотность определяет его полезность делу.

Так же как и культура человека не всегда зависит от его образования или от того, сколько опер он слышал, каких мудреных книг начитался. Скорее это проявляется в том, как он ведет себя в обществе. Мои дед и мама были неграмотными, но я считал их высококультурными людьми, они были весьма авторитетными в той общественной среде, которая окружала их, умели ценить коллектив и контакты с ним, прислушиваться к его мнению.

И своего комбата мы все (может быть, за редким исключением) считали не только умелым командиром, но и человеком высокой культуры. Вот только один пример. Пришедший к нам в августе 1944 года вместо убывшего на высшую должность полковника Осипова новый комбат, подполковник Батурин, не стремился к личным, душевным контактам с подчиненными, как это характерно было для его предшественника. Управлял он батальоном в основном тем, что сыпал взыскания направо и налево. Редко кто из офицеров постоянного состава за время его командования не получил выговора или домашнего ареста. Даже своего заместителя, равного ему по званию, подполковника Филатова он не обошел выговором в приказе по батальону за какую-то надуманную провинность.

Или вот пример, когда комбат Осипов «управлял» подчиненными больше поощрениями. Был у нас командиром роты уже упомянутый майор Тавлуй Павел Семенович, очень добросовестный, весьма общительный офицер, вошедший в комсостав батальона вместе с комбатом Осиповым в мае 1943 года.

Тогда, будучи еще старшим лейтенантом, Тавлуй стал командиром минометной роты. Надо себе представить, какие

трудности пришлось преодолевать комсоставу батальона, обновленному более чем наполовину, в период, когда он формировал полноштатный штрафной батальон. А штрафбат тогда впервые заполнялся штрафным контингентом из числа бывших военнопленных и «окруженцев», которые по году-два не держали оружия в руках. И если учесть, что батальону предстояло участвовать в Курской битве — впервые как самостоятельной тактической войсковой единице, — то понятным станет напряжение, которое выдерживал весь комсостав батальона. И не было кучи приказов о наказании нерадивых! Зато вот такая выписка из приказа по батальону о поощрении отличившихся, которую мне любезно предоставил сын Павла Семеновича Василий:

Выписка из Приказа № 213 по 8-му ОШБ ЦФ

18 сентября 1943 года,

По части строевой

В боевых действиях и в период формирования батальона офицерский состав добросовестно выполнял все задания командования, используя каждую минуту на боевую подготовку личного состава, в результате чего батальон в целом показал себя в боях стойким и мужественным. Особо отличившийся офицерский состав в добросовестном выполнении заданий и отличном несении воинской службы,

НАГРАЖДАЮ:

…7. Старшего лейтенанта Тавлуй Павла Семеновича, командира минометной роты — карманными часами.

Командир 8-го ОШБ ЦФ подполковник Осипов.

Начальник штаба майор Рубилов.

Не бог весть какая награда — карманные часы, хотя в то время и они были заметным приобретением. Тем более речь идет о периоде, когда уже было известно, что эти офицеры представлены к правительственным наградам. Но ведь внимание начальника и его доброе слово не бывают лишними, чем заметно отличался Аркадий Александрович Осипов вообще, а от своего преемника, подполковника Батурина — особенно.

К августу 1944 года, приходу в батальон Батурина, почти иссяк источник массового пополнения штрафбата большим количеством освобождаемых «окруженцев», и батальон снова перешел на боевые действия поротно. Комбат Осипов, уже полковник, показавший умение выполнять самые сложные боевые задачи отдельной воинской единицей тактического масштаба, решением командующего 1-м Белорусским фронтом назначен, как теперь мне удалось установить, заместителем командира 312-й Гвардейской стрелковой дивизии. Умел ценить способных офицеров маршал Рокоссовский.

Под командованием полковника Осипова полки дивизии успешно выполняли боевые задачи и в Польше, и в Германии. Документы свидетельствуют о том, что под личным командованием полковника Осипова советские воины полностью уничтожили вооруженный до зубов немецкий гарнизон в городе Альт-Церштыгель. В апреле 1945 года, за месяц до Победы, полковник Осипов в бою за немецкий город Лебус был тяжело ранен в обе ноги.

Аркадию Александровичу пришлось встретить День Победы на госпитальной койке. И после почти полугодового лечения он получает назначение военным комендантом немецкого города Гюстров. Надо вспомнить, что в то время военные коменданты городов и поселков Германии осуществляли всю полноту власти в поверженной стране, решали вопросы восстановительных работ, обеспечения жителей всем крайне необходимым, в том числе продовольствием, водой, топливом, электроэнергией. Это требовало от них определенной политической, экономической да и психологической грамотности, организаторских способностей. Успешно справлялся гвардии полковник Осипов и с этой необычной для него работой, когда надо было целыми днями быть то тут, то там. Последствия тяжелого ранения сказывались все сильнее.

Дальше пошла уже другая полоса жизни. Как известно, армия сокращалась, многих офицеров увольняли в запас или ради сохранения их в кадрах убеждали соглашаться на должности, ниже достигнутых. Так произошло и со скромным, непритязательным Осиповым. Полковник вначале согласился на должность командира полка (это с замкомдива!), а через полгода — и на должность заместителя командира батальона, хотя и отдельного, хотя и в особую гвардейскую бригаду. Ну, почти как по ходившему тогда в офицерской среде анекдоту:

«Ради сохранения в кадрах армии опытного

> военачальника кадровики высокого штаба предлагают боевому, заслуженному генералу должность командира полка и спрашивают, как он смотрит на это предложение. Тот, не задумываясь, отвечает: „Положительно!“ На другой день ему предлагают уже батальон. И опять: „Положительно!“ Побежали кадровики докладывать высокому начальству о генерале, удивительно легко соглашающемся на все предложения. Начальство само решило побеседовать с ним и на вопрос: „Вы действительно согласны на батальон?“, тот удивился и в свою очередь спросил: „А кто вам это сказал?“ Тут происходит такой диалог. Начальство: „Ну вот кадровики говорят, что вы на все предложения отвечали „положительно“. Генерал: „Они меня не поняли. На все эти предложения и на вас всех я… положил! Ухожу на пенсию. Заслужил!“».

Нечто похожее произошло в те годы и со мной. В 1948 году я, боевой майор, аттестованный на комбата, да еще со штрафбатовским опытом вынужден был согласиться на должность категории «старший лейтенант» в один из райвоенкоматов Тульской области. Тогда я еще не мог «положительно» отвечать на предложения кадровиков и думать о пенсии: моей воинской службы насчитывалось всего календарных 7 лет!

Полковнику Осипову обязанности замкомбата не позволяли давать больным ногам покоя, ему с каждым днем становилось все труднее. Следствие этого — увольнение в августе 1948 года в запас всего в 40-летнем возрасте.

После увольнения из армии Аркадий Александрович вернулся в родной Рогачев, к своей семье, и вскоре ему было предложено возглавить районный дорожный отдел. Руководителем этого отдела Аркадий Александрович проработал почти 10 лет! Понятно, что эти 10 лет — годы тяжелейшей работы по восстановлению разрушенных войной дорог. Ведь и техники дорожной, и квалифицированной рабочей силы тогда было далеко не в избытке. А от состояния дорог зависело все: и восстановление промышленных предприятий, и жилья, а в аграрном районе — и сельхозпроизводства.

Естественно, за эти годы подросли молодые, грамотные специалисты, и Осипову, не имеющему специального образования, тем более — соответствующего диплома, предложили перейти на менее квалифицированный участок работы — возглавить районный отдел коммунального хозяйства, всегда и везде, и тогда и сейчас, во многих регионах не

блещущий успехами.

Взялся отставной полковник и за это хлопотное дело. Проработал там почти 2 года, почувствовав ухудшение состояния здоровья, попросился на менее хлопотную работу. Директором гостиницы Аркадий Александрович проработал почти 5 лет. Понадобилось это место кому-то другому, и перешел наш полковник администратором управления коммунального стройкомбината.

Тогда еще по крайней мере военные организации помнили о фронтовиках. К 50-летию Советской Армии, а это уже шел 1968 год, ветеран Вооруженных сил СССР полковник Осипов получил от Военного совета Белорусского военного округа поздравление командующего войсками округа генерал-полковника И. Третьяка и члена Военного совета генерал-лейтенанта В. Грекова.

В этом поздравлении к полковнику Осипову они обращаются как к «одному из ветеранов Советских Вооруженных сил, посвятившему многие годы своей жизни беззаветному служению Родине».

А в Рогачеве постепенно должности, занимаемые Осиповым, местные власти передавали тем, кто помоложе и пограмотнее, а ему предлагались все менее оплачиваемые, нередко намекая на «высокую» пенсию фронтовика. А какая уж там высокая, если воинская выслуга полковника Осипова составляла всего 17 лет, даже учитывая его фронтовую «штрафбатовскую» выслугу, где один день засчитывался за 6, то и тогда не набиралось желаемых 25 лет для максимальной пенсии.

В семье Осиповых было семеро детей, которым Аркадий Александрович стремился дать достойное образование. Может быть, поэтому полковник запаса соглашался на любую работу.

Природная скромность Аркадия Александровича, неумение бить себя кулаком в грудь и качать права привели к тому, что в конце концов в феврале 1972 года он был вынужден пойти уже сторожем вневедомственной охраны. И так с перерывами по состоянию все ухудшающегося здоровья бывший полковник, командир штрафбата, освобождавшего родной город от немецких оккупантов, бывший заместитель командира стрелковой дивизии вынужден был перейти в разряд вахтеров районного Отдела УКГБ по Гомельской области, а вскоре и сезонным истопником там же.

Я вспоминаю свою службу в райвоенкомате Тульской области по учету офицеров запаса, после того как в 1948 году по замене прибыл из Германии продолжать военную службу. Тогда, во время массовой демобилизации и увольнения в запас большого числа офицеров, вопрос трудоустройства был очень непрост. Помню случай, когда уволенный в запас пожилой полковник,

бывший начальник связи корпуса, никак не мог найти себе место ни в районном отделе связи, ни на узлах связи крупных предприятий. А причиной было то, что он не имел специального образования, хотя за 4 года войны он проявил себя умелым практиком в организации связи в сложнейших боевых условиях. С трудом удалось ему отвоевать место… дежурного телефониста у какого-то мелкого чиновника.

Тогда в Тульской области самым крупным потребителем рабочей силы из сокращающейся армии был Подмосковный угольный бассейн, и большинство уволенных в запас офицеров, не имеющих специального горного образования, шли на самые низкооплачиваемые рабочие места: горнорабочий откатчик. Тяжелый физический труд, ежедневный риск для жизни, низкая оплата труда — далеко не самые привлекательные перспективы. Еще по статистике каждый миллион тонн добытого угля забирает пять человеческих жизней. Нелегко было массам уволенных из армии.

В то время был весьма популярным еще один анекдот на эту тему.

> «Спрашивают у отставного офицера о его опыте работы, кем он был на фронте, чем занимался? Ответ: „Командир полка гвардейской пехоты, царицы полей!“ Резюме чиновника: „Ну вот и хорошо. У нас есть для вас очень подходящее место, ваш опыт кстати — водить в поля стада и отары. Пастухом элитной скотины будете“.»

Вот тогда у меня созрело решение поступать в военную академию, но только в ту, которая дает специальное образование, нужное и «на гражданке». И потому я решительно отказался от общевойсковой академии имени Фрунзе, хотя мне, как боевому офицеру, предлагали льготные условия поступления именно в эту академию и предрекали хорошее продвижение по службе.

Но вернемся к Аркадию Александровичу Осипову. После его смерти (он умер 15 января 1995 года) какое-то разобщение наступило в некогда дружной семье Осиповых. А семья эта была большая, всего в ней родилось, как уже упоминалось, семеро детей. Жена Аркадия Александровича Евгения Валерьяновна была на 6 лет моложе Аркадия Александровича. Те, кто ее знал, утверждают, что это была красивая, приветливая, не унывающая в любой ситуации женщина, отлично игравшая на баяне. До войны у них было двое детей: Ольга 1935 года и Нина, родившаяся 2 года спустя. И Евгения Валерьяновна в очень нелегких условиях войны и фашистской оккупации родных мест сумела сохранить

семью.

В 1985 году жена Аркадия Александровича умерла. Сам он тяжело переживал эту утрату. Тогда, в канун нового 1985 года, я планировал собрать в Харькове в честь 40-й годовщины Победы нескольких разысканных мною к тому времени однополчан, вернее, тех, кто воевал в нашем 8-м штрафбате под командованием полковника Осипова. От Филиппа Киселева, нашего начальника штаба, который откликнулся в 1985 году на мои поиски, я узнал адрес нашего любимого командира, с которым Филипп, оказывается, держал связь. Конечно, написал комбату нашему письмо, в котором сообщал о предстоящей встрече. В ответ я получил письмо, написанное его сыном Михаилом, в котором Аркадий Александрович сообщал, что сожалеет о том, что не может принять участие в этой встрече и по состоянию здоровья, и в связи со смертью его надежной опоры, любимой жены. Сохранилось в Рогачевском краевом музее мое письмо к Аркадию Александровичу, написанное в ответ на его письмо, и уже после состоявшейся встречи фронтовых друзей — штрафбатовцев. Это письмо я цитирую в значительном сокращении:

> «Дорогой Аркадий Александрович! Получил Ваше письмо и, прежде всего, хочу выразить Вам свое сочувствие и глубокое соболезнование по поводу постигшего Вас горя. Вместе с тем зная Вас как сильного, мужественного человека, мы все уверены, что Вы стойко перенесете и эту тяжелую утрату.
>
> Все мы понимаем, как тяжело переживать утрату близких, тем более когда эти утраты случаются не в молодости. Но мы все верим в Вашу силу духа, которая поможет Вам в эти горестные дни. Мы желаем Вам долгих лет здоровья, бодрости, и пусть не сломят Вас никакие удары судьбы».

Далее я информировал своего комбата о том, как прошла наша первая за 40 лет после Победы встреча под Новый год, 31 декабря 1984 года, и кто в ней участвовал:

> «— Семыкин Валерий Захарович, при Вас он был командиром взвода связи, высокий, красивый капитан.
>
> — Цигичко Василий Корнеевич, бывший командир 2-й роты автоматчиков, после Вашего отъезда из батальона он стал ПНШ-4, капитан. Это с ним на реке Выжевка перед наступлением на Брест мы провели успешный поиск и „выловили“ нескольких „языков“.

— Гольдштейн Михаил Иосифович — бывший командир минометного взвода в минроте капитана Пекура. Веселый, никогда не унывающий офицер.

А я, Пыльцын Александр, — это из тех лейтенантов, которые прибыли к Вам в батальон перед новым, 1944, годом под Жлобин и крупное боевое крещение получили под Вашим беспримерным для нас командованием во время похода в тыл к немцам при взятии Вашего родного Рогачева. Мы всегда мысленно и вслух вспоминали Вас добрым словом и после Вашего ухода из батальона.

А теперь о нашей встрече через 40 лет. Тепло, сердечно вспоминали Вас, говорили о Вас и желали Вам всего самого хорошего. Высылаю Вам несколько фотографий с этой встречи как доказательство огромного к Вам уважения и надежды на встречу. Примите заранее наши поздравления с 41-й годовщиной освобождения Рогачева, с годовщиной Советской Армии и наши искренние пожелания долгих лет, доброго здоровья Вам и Вашим родным и близким.

С уважением и признательностью от имени всех нас, А. Пыльцын».

Вместе с письмом я послал Аркадию Александровичу специально приготовленный мною альбом о 8-м ОШБ, который вручил каждому участнику нашей встречи.

К сожалению, тогда наша переписка на этом оборвалась. Возможно, все те невзгоды, враз обрушившиеся на Аркадия Александровича, не оставляли ему времени и настроения на переписку. Смерть жены, снижение социального статуса от гвардейского полковника, освободителя родного города, до сезонного истопника в районной конторе КГБ, видимо, очень больно отразились и на здоровье уже почти 80-летнего отставного полковника. А надо сказать, в то время горбачевского правления ветераны Великой Отечественной войны были если не в полном забвении, то органы власти того времени, наверное, во всем Советском Союзе уже не обращали достойного внимания на поколение победителей. И Указ Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года о награждении всех участников войны в связи с 40-летием Победы орденами Отечественной войны был не чем иным, как желанием Горбачева в день его избрания генсеком КПСС отмахнуться этим орденом от той категории советских людей, которая раньше всех поймет, куда приведет нашу Родину «горбачевщина», принизить этот орден до нагрудного юбилейного значка.

Вот в такой атмосфере семейного неустройства и невнимания тогдашних властей местного масштаба даже к тем, кто сделал немало для освобождения своего города от фашистов, еще долгих 10 лет коротал дни заслуженный воин-освободитель, при этом последние 5 лет, когда у власти в Белоруссии был один из могильщиков СССР — Шушкевич.

Умер Аркадий Александрович 15 января 1995 года. На могилу жены на свои не ахти какие сбережения Аркадий Александрович поставил скромненький, но приличный памятник. Сам он был похоронен рядом с ней, но на его могиле 10 лет стоял только черный крест, сваренный из водопроводных труб, а на весьма скромной Аллее Героев города не нашлось даже места портрету его освободителя, полковника Осипова. Некому было тогда оценить огромный вклад этого скромного человека и в освобождение Рогачева, и в Великую Победу вообще.

Сегодня в Беларуси по-настоящему заботятся о ветеранах, представители местной власти проявляют настоящую заботу о тех, кто, не щадя ни крови, ни жизни, отдали лучшие свои годы защите, освобождению и возрождению Родины, стали возможны реальные повороты внимания к ним. Не в пример России, воины Великой Отечественной войны в Беларуси не лишались никаких льгот и привилегий, установленных еще советской властью.

При моей активности, открывшей рогачевцам правду об их знатном земляке-освободителе Осипове, к 60-летию Великой Победы решением нынешних властей района увековечена память героя-земляка. Освободителю города и района полковнику Осипову Аркадию Александровичу установлен достойный памятник на его могиле. В его честь одна из улиц Рогачева названа именем Аркадия Осипова, на ней установлен именной мемориальный знак. Обновленную, кардинально реконструированную, вернее — вновь созданную из черного гранита, монументальную Аллею Героев в центре города открывает высеченный в камне портрет и краткая биографическая справка заслуженного земляка. Имя Аркадия Александровича Осипова ныне присвоено Тихиничской средней общеобразовательной школе, которая берет начало от той маленькой, трех— или четырехклассной деревенской, срубленной руками тихиничских умельцев школы, в которой когда-то постигал азы грамоты мальчик из деревеньки Лейчицы Аркаша Осипов.

Вот, пожалуй, коротко все, что я могу сообщить читателям о проделанной нами с рогачевскими энтузиастами работе по увековечению памяти легендарного земляка всех рогачевцев — освободителя их города и района, по поиску сведений о нашем

любимом комбате, о советском офицере, гвардии полковнике Осипове Аркадии Александровиче, нашем Ком-Бате.

На этом я и завершу специально ему посвященную главу своей книги.

Глава 14
Такие разные комбаты. Неожиданности Наревского плацдарма

За этот час не пишем ни строки.
Молись богам войны — артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так, мы — штрафники…

Владимир Высоцкий

Батальон штрафной,
Или просто штрафбат.
Не напугаешь нас войной,
Повидали мы сущий ад.

Ваня Воробей

В одной из предыдущих глав я рассказал о том, как прибыл из госпиталя и нашел без особого труда батальон, находящийся на отдыхе и переформировании. От первого встреченного знакомого офицера узнал, что наш Батя-Осипов убыл к новому месту службы, то ли комдивом, то ли замкомдивом. На его место назначен подполковник Батурин. Вот почему были такие указки на перекрестках дорог. Архив Минобороны выслал мне выписку из приказа по батальону № 212 от 19 августа 1944 года:

> «Сего числа я, полковник Осипов Аркадий Александрович командование батальоном передал подполковнику Батурину.
>
> *Командир 8-го ОШБ полковник Осипов. Начальник штаба майор Лозовой».*

Когда я сдавал госпитальные документы в штаб, узнал, что за бои под Брестом действительно награжден, но не орденом Отечественной войны, как меня обнадежили в госпитале и как в

действительности представлял на меня наградной лист Ком-Батя Осипов (это подтвердилось документально только в 2012 году), а только медалью «За отвагу». Я уже говорил, что эта медаль у нас, офицеров, ценилась не ниже солдатского ордена Славы или Красной Звезды, но тем не менее у меня снова закралась мысль «сын за отца», нет-нет, да и преследующая меня вроде «расплаты» за репрессированных родных. Правда, здесь мне подсказали и другую возможную причину: и у командармов, говорят, были «квоты» на ордена, вот и выпала мне именно медаль. Конечно же, я был очень рад этой «отважной» награде, но меня теперь мучили угрызения совести: я же разослал фотографии с чужим орденом Отечественной войны II степени своим близким! Стыдно-то как! Пошел представляться и доложить новому комбату о возвращении из госпиталя после окончания лечения по ранению, в справке о ранении была довольно странная приписка о «17 сутках санаторного лечения».

Свежеиспеченный начштаба батальона Филипп Киселев зашел вместе со мной и передал комбату медаль со справкой о награждении.

Новый комбат вручал мне эту медаль как-то не торжественно, не по-осиповски. Я успел рассмотреть на его погонах дырочку от прежней майорской звездочки. Видимо, он получил звание подполковника недавно и не успел или по каким-то причинам не захотел старые майорские погоны заменить новыми. Но что особенно бросилось в глаза, на его гимнастерке как-то очень одиноко светилась юбилейная медаль «XX лет РККА». Спросил меня новый комбат, какие награды уже имею, хотя единственный мой орден Красной Звезды я не маскировал, и, как мне показалось, он недобро поморщился, когда я бросил взгляд на его единственную медаль. Это потом кто-то из штабников рассказал мало известную тогда еще фольклорную эпиграмму:

«А на груди его могучей,
Сверкая „множеством“ рядов,
Одна медаль висела… „кучей“,
И та — за выслугу годов…»

Первое впечатление иногда бывает обманчивым, но чаще определяющим, а при смене начальников почти всегда так: если предыдущий начальник был хорош, то нового встречают настороженно. Как он поведет себя с подчиненными, будет ли строг или мягок, справедлив или не очень, станет ли забота о подчиненных его главным делом, или самым важным для него будут собственные амбиции. Совсем немного времени прошло, и

мы смогли ответить на эти вопросы…

Внешне это был мужчина не из привлекательных, лет близко к 50, небольшого роста, казавшийся непривычно округлым нам, стройненьким еще в большинстве офицерам. Чем-то он напоминал Ив. Ив. Бывалова из фильма «Волга-Волга», которого с блеском сыграл Игорь Ильинский, знаменитый комик. Но Батурин, как вскоре прояснилось, был далеко не комиком, хотя его командирским качествам, отношению к командному составу и к штрафникам еще предстояло проявиться.

В своих записках, присланных мне уже в 2001 году в помощь для работы над первым изданием моей книги о штрафбате, мой фронтовой друг Петр Загуменников незадолго до своей кончины от инсульта писал: «Новый комбат был, кажется, из политработников (так почему-то многие считали!), перешедших в конце войны на строевую (командную) работу. По характеру был он капризен и вообще не пользовался таким авторитетом и у офицеров, и у штрафников, как его предшественник, полковник Осипов Аркадий Александрович». Так что мои впечатления и предположения не были необоснованными, а слух о том, что он из бывших политработников да еще и с непростым характером подтвердился, так как оказалось, что Батурин в свое время действительно им был, в 1944 году прошел 7-месячные курсы «ВЫСТРЕЛ», а потом «засиделся» в тылу заместителем командира учебного кавполка.

Итак, вместе с гордостью за свою «отважную» медаль пришло беспокойство. А удастся ли мне в будущих боях заслужить вообще какую-нибудь награду? Тем более — именно тот орден, который теперь мне нужен позарез! Решил никому об этой неприятности моей не сообщать и ничего никому не говорить о моей злополучной фотографии «дважды орденоносца». Даже Филиппу Киселеву, теперь моему начальнику, с которым у меня давно уже сложились по-дружески доверительные отношения. Правда, о награждении меня медалью «За отвагу» — не удержался, все-таки написал моим близким. Но о конфузе с орденом — ни слова!

Командир роты капитан Иван Матвиенко, получивший недавно из рук прежнего комбата за предыдущие бои под Брестом орден Суворова III степени, почему-то вновь формировал роту, тогда как некоторые, и давно находящиеся в батальоне, и вновь прибывшие на такие же должности офицеры, находились в резерве. Может, мне показалось, что Батурину мозолил глаза полководческий орден ротного. Матвиенко настоял, чтобы я снова был зачислен в его роту, чему я был рад.

В общем, формировались мы под наблюдением нового комбата и его штаба, а также под влиянием складывающихся

обстоятельств весьма энергично. В период завершения активных боевых действий по освобождению советской земли пополнение в штрафбат уменьшилось значительно. Было понятно, что теперь батальон будет воевать не в полном составе, а как и до Осипова, поротно. Да и наш Батя-Осипов был перемещен именно потому, что его организаторским способностям и полководческому умению в рамках отдельно действующей роты будет тесно. А нового комбата, еще не имеющего боевого опыта, можно поставить на организацию подготовки рот, которые будут воевать без участия самого комбата.

Познакомили меня с некоторыми вновь поступившими в батальон офицерами. Среди них выделялся командир пулеметного взвода, неторопливый и, как оказалось вскоре, расчетливый и отважный старший лейтенант Георгий Сергеев. Судя по огромному, во всю левую щеку, шраму на лице, он уже немало повидал на фронте, и мы многому учились у него потом, в боях. К тому времени пулеметчики взвода, который формировал Сергеев, получили новые станковые пулеметы системы Горюнова, которые хорошо знал Сергеев и умело обучал переменников. Эти пулеметы были почти вдвое легче прежних «максимов» (40 кг вместо 70!). Лента к ним вмещала те же 250 патронов.

Вместо Феди Усманова, еще не вернувшегося из госпиталя, временно в роту был зачислен младший лейтенант Иван Карасев, удивительно спокойный и улыбчивый человек довольно высокого роста, крепкого телосложения, с плечами саженного размаха. В любом движении его угадывалась недюжинная сила.

Батальон размещался недалеко от Вислы около Минска-Мазовецкого, что юго-восточнее Варшавы. В памяти осталось только название. Помню, что рядом с нами размещалась какая-то часть Войска Польского. Соседство это способствовало знакомству с польскими воинами («жолнежами»). Кто знает, может, окажемся соседями и в бою… Наряду с коренными поляками часть их была или русскими с фамилиями на «ский», или поляками, давно обрусевшими. Непривычно было смотреть на их странный по нашим меркам головной убор — «конфедератки» — фуражки с квадратным, а не круглым верхом. И честь друг другу они отдавали не ладонью, а двумя сложенными, средним и указательным, пальцами. Удивляли нас на первых порах также их утренние и воскресные молитвы. Подумалось: а в боевых условиях, например, в наступлении или в атаках, которые часто случаются именно утрами, они тоже будут делать перерывы на молитвы?

Известно, женщин в нашем батальоне не было, и соседство с Войском Польским было интересно тем, что там часто устраивали вечера танцев. Многих из нас сами эти танцы интересовали мало, хотя некоторых все-таки влекло туда наличие девчат в польской военной форме. Но их командиры строго пресекали романтические отношения с нашими офицерами и бойцами, хотя это им не всегда удавалось.

У нас шло формирование одной роты и взводов усиления за счет нового пополнения, хотя и не массового, как раньше. Хорошо, что большинство бойцов было с богатым боевым опытом, и мы использовали их в роли инструкторов по боевой подготовке, и делали они это с охотой, каждый по своей собственной методике.

Понятно, что ни о каких 17 сутках санаторного лечения, рекомендованных в справке из госпиталя, не могло быть и речи, но наш главный медик, Степан Петрович Бузун, специально прикрепил ко мне своего фельдшера Ваню Деменкова делать мне перевязки еще не совсем зажившей раны и ежедневные массажи. Этой методикой и я пользовался еще долгие 10 лет после войны до полной нормализации чувствительности ноги.

В те дни мы узнали о восстании в Варшаве, понимая, что уж очень не вовремя поднялись повстанцы. Наши войска не в состоянии были ничем им помочь, так как они преодолели к тому времени с боями более 250 километров местности с естественными, трудно преодолимыми рубежами и сильно укрепленными вражескими позициями. Артиллерия почти полностью израсходовала созданный перед началом операции «Багратион» боезапас, а большинство танков и другая техника, как утверждали наши штрафники из таких родов войск, нуждались в восстановлении моторесурса. Тылы и базы снабжения даже нашего штрафбата, не говоря уже о тылах дивизий, а тем более о фронтовых и армейских, сильно отстали. Это и мы чувствовали, не ведя уже боев. Живая сила, солдаты и их командиры тоже были измотаны до предела.

Это восстание началось еще 1 августа по решению польского эмигрантского правительства из Лондона. Тогда 70-я армия, в составе которой нам довелось и обороняться, и наступать, как многие другие войска фронта, еще только завершала очищение района окружения брестской группировки немцев. И хотя передовые части некоторых армий фронта к тому времени с ходу захватили Магнушевский плацдарм на Висле, в 50–60 км южнее Варшавы, сил для дальнейшего наступления не осталось.

Сколько потом было истрачено чернил и извергнуто из лживых уст неправды, чтобы обвинить советское командование и

лично Сталина в якобы умышленном нежелании помочь повстанцам! Но организаторы этого восстания, руководители так называемой Армии Крайовой (генерал Бур-Комаровский), толкнувшие варшавян на опасную авантюру, вовсе и не хотели этой помощи. Они просто старались помешать Красной Армии войти в Варшаву, «установить там свою красно-коммунистическую власть». Старались не допустить даже контактов повстанцев с командованием Красной Армии, боялись, что мы не дадим им установить свою «демократию».

Нам, благо погода стояла хорошая, из района нашей дислокации было хорошо видно, как над Варшавой однажды появилась армада американских бомбардировщиков, «летающих крепостей». Как стало ясно из официальных источников уже после войны, их было 80, не считая истребителей сопровождения, и летели они на высоте более четырех с половиной километров, чтобы не попасть в зону зенитного огня немцев. Когда началась выброска на парашютах грузов с такой высоты, они рассеивались далеко за пределы повстанческих районов, часть грузов попадала либо в воды Вислы, либо даже к немцам. Немецкие зенитки сбили два самолета из этой армады, и больше эти «крепости» в небе над Варшавой не появлялись.

С середины сентября восстание стало безнадежно захлебываться. По запоздалой просьбе его руководителей, наконец-то вышедших на связь со штабом маршала Рокоссовского, наша авиация начала снабжение повстанцев. И уже 18 сентября по команде из Лондона генерал Бур-Комаровский, руководивший восстанием, вынужден был сообщить по английскому радио, что налажена связь с командованием русского фронта и что советские самолеты непрерывно сбрасывают восставшим боеприпасы и продовольствие. Однако эта помощь по вине руководства Армии Крайовой (АК) пришла слишком поздно.

Стремясь помочь повстанцам, маршал Рокоссовский развернул операцию по высадке десанта на другой берег Вислы в районы, указанные связными от АК. Но к моменту их высадки по приказу Бур-Комаровского срочно отвели и восставших, и подразделения АК, и подразделения Войска Польского попали в лапы к гитлеровцам. Это же подлость!

В таких условиях, как вспоминал маршал Рокоссовский, смысла в продолжении десантной операции не было. Пришлось все прекратить. Все эти подробности нам тогда не были известны, но впоследствии они нашли убедительное подтверждение в документах.

Период нашего формирования был очень напряженным. Наш ротный командир взял в роту еще одного офицера, младшего лейтенанта Федора Давлетова, который помогал мне формировать взвод и организовывать занятия по боевой подготовке, тем более что некоторые занятия мне проводить было тяжело из-за не совсем залеченной раны, да еще было необходимо отлучаться в санчасть для перевязок и других процедур. Потом ротный, видимо, учитывая мое недавнее ранение и необходимость регулярного посещения санчасти, перевел меня в резерв, а взвод полностью передал Давлетову, остроумному и незлобивому татарину, сходному по характеру с отсутствующим Усмановым. Вскоре из госпиталя вернулся хорошо «подремонтированный» Усманов, и стало у нас в роте «два татарина», как они сами себя называли.

В то время иногда бывала «разрядка», когда вечерами кинопередвижка показывала и веселые кинокомедии, и фильмы о полководцах гражданской войны. Бывали и короткие киноновеллы, где комдив Чапаев со словами «Врешь, не возьмешь!» переплывает-таки реку и уже в наше время ведет в бой свою дивизию. В другой ленте Николай Щорс со своим Богунским полком громит фашистов. Все это заметно поднимало и настроение наше, и боевой дух. Можно предположить, какими кинопасквилями про штрафников снабжали бы нас Володарский-Досталь-Михалков и как это могло «поднимать» дух бойцов.

Да и сами иногда «дух поднимали» розыгрышами. Помню, однажды зашел разговор, кому на войне физически тяжелее. Штрафники-летчики, хлебнувшие пехотного пота, говорили, что все летные пайки отдали бы пехоте. Танкисты доказывали, что броня, конечно, прикрывает от пуль, но тем, кто горел в этих стальных посудинах, едва ли кто-то позавидует. Многие высказывали свои доводы и, в общем, уже стали соглашаться с тем, что все-таки тяжелее всего пехоте. Но тут ввязался в спор недавно переставший быть штрафником и ставший общим любимцем старший лейтенант Валерий Семыкин, командир взвода связи. За мужество в боях по окружению Бреста он, штрафник, награжден медалью «За отвагу» и остался в постоянном офицерском составе батальона.

Так вот, в разгоревшейся «дискуссии» его довод заключался в том, что пехота захватила вражеский окоп или окопалась на новом рубеже — и все, дальше она физически уже отдыхает, если не окапывается или не отражает контратаку. А связисты с тяжеленными катушками и телефонным аппаратом все еще мотаются вдоль окопов, устанавливая телефонную связь между подразделениями.

Или же в походе десятки километров радист тащится с рацией, а в ней, матушке, килограммов 20–30. Иногда тянут телефонный провод метров на 500, а то и больше. «Вот и бегает связист, навьюченный, как ишак, да еще со своим вещмешком и своим оружием», — завершил Валерий. Когда все затихли, сраженные убедительными доводами Валерия, в наступившей тишине вдруг Вася Цигичко своим сочным басом негромко, но вполне четко сказал: «И все без толку…»

Через мгновение разразился громкий хохот понявших шутку. Пожалуй, чуть ли не громче всех хохотал сам связист Валерий. Так вот, Валерий Захарович Семыкин с его редкой скромностью и неутомимой работоспособностью за короткое время пребывания в батальоне стал особенно авторитетным офицером, чему совершенно не мешало, что он был штрафником.

Судя по тому, что пополнения штрафников поступало мало, формировалась одна рота и взводы усиления: пулеметный, ПТР и даже минометный.

Здесь нужно сказать, что еще раньше анализ того, как использовались штрафные части, заставил первого заместителя наркома обороны маршала Г.К. Жукова в начале марта 1943 г. отдать командующим фронтами директиву № ГУФ/1902 от марта 1943 г., из которой привожу только приказную часть:

> «В целях использования штрафных частей в строгом соответствии с Приказом Народного комиссара обороны № 227 и положениями о штрафных частях, приказываю:
>
> …2. В случае значительного некомплекта в штрафных батальонах вводить их в бой поротно, не ожидая прибытия новых штрафников из лиц начсостава с целью прикрытия некомплекта всего батальона».

Формирование нашей роты было уже в стадии готовности вести самостоятельно боевые действия. Обстановка тогда складывалась не лучшим образом. Еще 5 сентября 65-я армия генерала Батова захватила плацдарм на реке Нарев севернее Варшавы в районе Пултуска-Сероцка, и с трудом удерживала его. Однако после 15 сентября немцам удалось потеснить «батовцев» и несколько смять фланги этого плацдарма, который тогда еще устоял. Немецкое командование не прекращало усилий для его ликвидации. Как писал в своей книге «В боях и походах» командарм 65-й генерал Батов Павел Иванович:

> «…4 октября последовал огромной силы контрудар. Это было для нас полной неожиданностью. Враг перешел в наступление. Немецкие танки дошли через боевые

порядки чуть ли не до самого берега…

Многие батальоны стали отступать. Противник разорвал боевой порядок на стыке и вышел к Нареву… Во второй половине дня 6 октября фашистским танкам удалось вклиниться в нашу оборону. Его атаки продолжались до 10 октября. Нашему плацдарму на Нареве уделяли очень большое внимание и руководство фронта, и представители Ставки во главе с Г.К. Жуковым».

В то время по своему лейтенантскому, еще сравнительно узкому кругозору мы не могли даже приблизительно судить о причинах этой неудачи. Только после войны, изучая воспоминания военачальников и военно-исторические труды, я кое-что для себя прояснил, о чем упомяну ниже. Но видимо, на плацдарме создалась особо угрожающая обстановка, если по словам Павла Ивановича Батова, «командующий фронтом маршал Рокоссовский перенес свой наблюдательный пункт на НП 65-й армии». По приказу комфронта в помощь генералу Батову стали выдвигаться с других участков фронта и из фронтового резерва танковый корпус и несколько стрелковых дивизий.

Видимо, командующий фронтом вспомнил и о «банде Рокоссовского», как наш штрафбат величали немцы, о его напористости и бесстрашии, если нам было приказано 16 октября срочно грузиться в автомобили, чтобы убыть туда же, на плацдарм. И наша усиленная рота с командованием штрафбата, как маленький ручеек, влилась в мощный поток войск, двигавшихся к плацдарму. Мы даже обгоняли армейские машины, часто с девушками-солдатками госпиталей, медсанбатов или даже расчетов зенитно-артиллерийских установок. Не совсем уверен, с чем это связано, но, если попадались такие машины, наши бойцы кричали: «Воздух!», «Рама!», как при воздушной тревоге. Может быть, таким образом они связывали это с последующей в таких случаях командой «Ложись!» или двухфюзеляжная «рама» что-то им напоминала?

Во время одной из коротких остановок в городе Вышкув, захваченном у противника еще в начале сентября, мы увидели указку «Фронтовой санаторий для командного состава». Вот, подумал я, откуда эта фраза о «санаторном лечении» в моей госпитальной справке. Но взводному командиру санаторный отдых даже и не мерещился. Наверное, для него санаторием в лучшем случае оказывался госпиталь.

Вскоре мы достигли Нарева и за понтонным мостом через

него остановились в небольшом населенном пункте. Малые села здесь назывались «фольварками», что в узком смысле слова — барская усадьба. Там у небольшого домика нас остановили. Здесь нашего комбата встретил офицер штаба 65-й армии. Вскоре комбат вызвал к себе ротного Матвиенко, а через некоторое время тот вышел и собрал нас, своих командиров взводов, и пояснил предстоящий план действий. Все время я невольно сравнивал действия подполковника Батурина с поступками бывшего нашего комбата полковника Осипова. Сразу пришла мысль о том, что прежний комбат непременно бы сам вышел не только к офицерам, но и к штрафникам, воодушевил бы их своими добрыми напутствиями и пожеланиями.

Наш новый комбат не нашел нужным спуститься со своей высоты не только до штрафников (а вспомните генерала Горбатова!), но и до командного состава, сказать хоть несколько теплых слов людям, которых посылал в бой, зная, что кто-то из них не вернется уже никогда. Он должен был понять значение своего слова старшего начальника, да и просто обязан был найти ободряющие, мобилизующие слова. Может, думал, что штрафникам это не нужно, или еще не догадывался, что на войне убивают? Здесь почему-то даже замполит, с приятными чертами лица майор Казаков, и никто из политсостава батальона не произнес подходящих к этому непростому случаю слов. Майора Оленина, вызвавшегося идти вместе с ротой Матвиенко, Батурин оборвал и приказал без него не принимать таких решений. Казалось, что право говорить комбат безоговорочно присвоил.

Рота, как стало ясно из приказа, доведенного до нас капитаном Матвиенко, должна была выдвинуться на передний край плацдарма и во взаимодействии с полком, не помню его номера, пойти в наступление, чтобы выбить немцев с занятых ими позиций. Затем как можно дальше войти в глубь его обороны, расширив левый фланг плацдарма в направлении города Сероцк.

Три взвода (командиры Булгаков, Давлетов, Карасев) и подразделения усиления — взвод ПТР Смирнова и пулеметный Сергеева — капитан Матвиенко повел для восстановления утраченной части плацдарма. Заместителем командира роты был наш любимец Ванюша Янин. Утром следующего дня рота пошла в атаку без артподготовки, поскольку атака планировалась внезапной. Только уже в ходе атаки роту стала поддерживать авиация. А наступательный порыв был настолько стремителен, что фрицы не смогли предотвратить рукопашную схватку, которую им навязали штрафники.

Это была, по свидетельству ее участников, короткая, но жестокая схватка. Вот что об этом рассказал Ванюша Янин, всегда

оказывающийся, как он сам говорил, «на главном направлении». И я постараюсь, может быть, не так эмоционально, как он сам, передать по его рассказу, как это я сам представляю. (Иван Георгиевич Янин больше никогда никому об этом не расскажет, так как через несколько дней погибнет совсем не в рукопашной.)

Когда атакующие уже почти достигли вражеских окопов, Янину удалось первым туда швырнуть гранату. Вслед за ней он влетел в траншею, посылая из своего ППШ направо и налево короткие очереди в серо-зеленые фигуры немцев, стремящихся выбраться из окопа. Рядом с ним еще несколько штрафников работали штыками, винтовочными прикладами и дополнительно заточенными малыми саперными лопатками. Стремительная, горячая схватка выплеснулась из траншеи, бойцы добивали фрицев, кто рядом — штыками, лопатками, кого не достать ими — того выстрелами. Гранат уже не применяли, опасно для самих.

Так в результате этой атаки, вдохновителем которой, как все считали, был наш любимец Ваня Янин, была полностью захвачена первая траншея немцев, и рота без остановки перешла к преследованию отступавших гитлеровцев, которых продолжали «утюжить» наши штурмовики и истребители с бреющего полета. Резерв немцев во второй траншее встретил огнем как своих отступавших солдат, так и наступающих наших. Возбужденные боем и успешной рукопашной при сравнительно небольших своих потерях, бойцы выбили немцев и из второй траншеи. По сигналу ротного остановились, чтобы перевести дух и дозарядить оружие.

Немцы же, воспользовавшись этой передышкой, организовали контратаку с танками и самоходными орудиями. Как мне потом рассказывали офицеры-очевидцы, отражение этой контратаки было трудным. Нередко были моменты, когда наши бойцы и вражеские солдаты перемешивались, шла, что называется, «рубка» врукопашную, и только через какое-то время становилось понятно, что захваченные ротой позиции оставались нашими.

А мы, я и Федя Усманов, назначенные в резерв и оставшиеся недалеко от КП комбата, слыша не очень далекий жаркий бой, с тревогой за своих боевых друзей ждали, когда же мы понадобимся. И вдруг к нам бегут связист Семыкин и недавно прибывший в батальон политработник лейтенант Мирный. За ними, почти рядом, едет «виллис» комбата. Оказывается, комроты по радио попросил срочно доставить нас в его распоряжение. Ну, подумали мы, значит, кого-то уже нужно заменять! Но пусть он будет не убит, а только ранен! Вскочили мы в открытую машину все вчетвером, и помчал нас шофер без дороги, напрямую. Ехали на такой скорости, что даже казалось, что, влетая на бруствер окопа, машина, как с трамплина, будто перепрыгивала его.

Оказывается, в это время рота уже завершала отражение контратаки, в ее тылу стояли подбитые гранатами и противотанковыми ружьями два горящих танка («тигр» и «пантера») и одна вроде бы целая самоходка «фердинанд». И вдруг это чудовище вздрогнуло, взревев двигателями, стало разворачиваться и сделало несколько выстрелов из пушки в сторону немцев. Это бывшие танкисты все-таки справились с этой трофейной махиной. Уверен, что, если бы машина была на ходу (у нее была порвана гусеница), бойцы наши смогли бы на ней преследовать отступающих немцев. Выскочив из машины, мы увидели, как на столпившуюся около горящих танков группу немцев, готовых, казалось, сдаться в плен, надвигается здоровый, метра под два ростом, бронебойщик-пэтээровец, схвативший свое противотанковое ружье за конец ствола. Он яростно размахивал этим более чем двухметровым и полуторапудовым ружьем и что-то кричал, пытаясь, то ли размозжить головы этим фрицам, то ли куда-то согнать их. Уж очень напомнил он мне Василия Буслаева, громившего своей дубиной псов-рыцарей из недавно показанного нам кинофильма «Александр Невский».

Тем временем впереди, куда мы еще не успели добежать, наши подразделения упорно преследовали отступающих гитлеровцев. Воодушевляла атакующих мощная поддержка с неба, где «Илы» — штурмовики, прозванные «летающими танками», вели огонь из скорострельных пулеметов ШКАС и крупнокалиберного ШВАК. Дистанция между нашими бойцами и отступающими немцами заметно сокращалась.

И вот тут произошло непредсказуемое. То ли комвзвода Давлетов сам вырвался в пылу боя так далеко вперед, то ли пилот не смог разглядеть, где отступающие, а где их преследователи, но одна из очередей пулемета ШВАК сразила лейтенанта. Едва догнав командира роты и узнав о случившемся, я с его согласия бросился к обезглавленному взводу, который уже закреплялся на одной из немецких траншей. Взвод меня знал, ведь я вместе с Давлетовым его формировал. Замкомвзвода-штрафник быстро оказался рядом со мной, доложил о потерях, которые, к счастью, оказались небольшими, если не считать гибели командира, двух или трех бойцов, да нескольких легко раненных, продолжающих сражаться. Федя Усманов заменил здесь тяжело раненного командира другого взвода, Диму Булгакова. Вскоре пришлось отражать новую попытку опомнившегося противника.

День уже клонился к вечеру, ротный отдал приказ принять все меры к прочному закреплению на занятом рубеже, подготовке оружия к возможному ночному бою. Впереди виднелись каменные

постройки, а также разрушенные деревянные дома с каменными фундаментами. С рассветом нам предстояло их захватить. А для этого нужно было и боеприпасами пополниться, да и хотя бы консервами из сухого пайка подкрепиться. Ну как тут еще раз не вспомнить добрым словом нашего начпрода, организовавшего в этот раз доставку пищи в термосах. Правда, пока без спиртного, потому что суточную норму свою рота употребила еще утром, перед первой атакой.

Ночь прошла более или менее спокойно. Наши связисты быстро навели нужные телефонные линии. Вероятно, здесь помогло присутствие Валерия Семыкина, теперь уже ПНШ по спецсвязи.

В штабе Валерию не сиделось, здесь он считал свое пребывание более нужным, и вскоре он проявил себя в деле, далеком от штабного. Контратак немцы больше не предпринимали, каких-либо вылазок противника в нашу сторону не было. За ночное время комроты условился со штабом полка, в полосе которого мы действовали, о времени начала и продолжительности артподготовки, о сигналах на утреннюю атаку. Те постройки, которые мы видели в конце дня, были все-таки далековато, километрах в полутора, и потому рубеж атаки, уже определенный ротным командиром, находился чуть дальше километра от траншей, которые мы занимали. Было решено затемно, до рассвета, тихо, без выстрелов, используя неровности поросшей редким кустарником местности, еще до артподготовки достичь рубежа атаки и там уже ждать сигнала «в атаку».

Ночь была безлунной, выдвигались мы к рубежу атаки перебежками от куста к кусту, а на открытых местах — по-пластунски, сливаясь в темноте с серым фоном уже пожухлой травы. Еще с вечера тщательно проверили свои вещмешки, уложили все так, чтобы в них ничего не гремело и не выдавало нас. Нам удалось тайно и заранее выдвинуться вперед и хорошо замаскироваться, чтобы немцы не догадались, что мы совсем близко.

Едва забрезжил рассвет, как небо будто раскололось. Артподготовку открыл залп «катюш», огненные кометы их прочертили свои трассы в небе. Честно говоря, боялся я, не сорвется ли со своей траектории «катин» снаряд, как однажды на Друти. Но обошлось, минут десять огонь вели артиллерия и минометы, а перед завершающим залпом «катюш» взвились красные ракеты, словно подбросившие всех нас.

Атака была дружной. Противник не успел опомниться, как мы были уже у его траншей. Немцы не ожидали, что мы окажемся так близко, а сравнительно короткая артподготовка не позволила им

хорошо подготовиться к отражению нашей атаки. Бронебойщики с пулеметчиками грамотно организовали поддержку атакующих, ведя прицельный огонь по довольно узким окнам каменных подвалов, как по амбразурам. Захватили мы эти здания с ходу и, как потом оказалось, с немалыми трофеями и боеприпасов, и продовольствия.

Меня часто спрашивают, брали ли штрафники пленных? Как правило, редко. Но здесь их было много. В эти подвалы наши бойцы влетали не иначе, как вслед за брошенной гранатой, но когда собрали всех оставшихся в живых, в том числе и легко раненных гитлеровцев, их оказалось чуть ли не больше всей нашей роты. Этот факт, пожалуй, был первым на моей памяти, когда взяли фашистов в плен в таком количестве. Тяжело раненных фрицев не оказалось, видимо, их добили свои. Согнали всех их в одно подвальное помещение, отобрали оружие, ножи и, как «законные» трофеи — часы, зажигалки, портсигары и прочее.

До вечерних сумерек было еще далеко, командир роты получил приказ закрепиться на этом рубеже и ни в коем случае не уходить с занятой нами какой-то фермы. Дождавшись вечера, отправили в штаб батальона плененных. Конвоирами у них были легко раненные штрафники. Нескольких наших раненых, неспособных самостоятельно двигаться, уложили на носилки из досок, жердей и плащ-палаток и заставили пленных нести их. Говорят, несли они аккуратно, опасаясь, что конвоиры шутить не будут.

Теперь нужно было доложить о выполнении задачи, об обстановке и получить приказ на дальнейшие действия. Рация повреждена, но уже через 10–15 минут была установлена телефонная связь. Валявшимися в большом количестве кирпичами и какими-то бетонными блоками стали укреплять выходящие в сторону противника окна подвалов, превращая их в огневые точки.

Нам показалось, что всех немцев, оборонявших эти здания, мы или уничтожили, или взяли в плен, так как не видели отступавших. Значит, на каком-то удалении у них мог быть очередной эшелон обороны, и от него можно было ожидать всего, тем более что силы там были свежие, а занятое нами место наверняка хорошо пристреляно. Ночью нас они пока не беспокоили, и в этой относительной тишине мы услышали цокот копыт. Это приближалась походная кухня! Вот когда подоспел вчерашний ужин. Не прерывая работ по укреплению своей обороны, приняли пищу, глотнув предварительно

«наркомовскую». Наливали ее в свои кружки из стандартных поллитровок (одна на 5 человек). Удивлялись, как это удается иногда довозить до самой передовой эти хрупкие емкости!

Я так часто и подробно останавливаюсь на проблеме горячего питания в бою, чтобы, во-первых, этим лишний раз опровергнуть ложь, будто штрафников вообще не ставили ни на какое довольствие, и, во-вторых, подчеркнуть, что это не менее важный вид обеспечения, чем пополнение боеприпасами, и то и другое на войне переоценить или недооценивать нельзя. Если наличие боеприпасов говорит, так сказать, о технической боеспособности воина, то от того, сыт ли он, зависят его моральное состояние и силы, а от них — и боевой дух, самое важное для победы.

В ту ночь мы вроде бы уже привыкли к тому, что в течение нескольких часов не было слышно стрельбы, не рвались мины и снаряды, смолк гул самолетов над нами.

Вдруг налетевший шквал артиллерийско-минометного огня мгновенно развеял наши почти мирные настроения. Не успел ротный закончить доклад по телефону в штаб об этом, как пропала и телефонная связь. Видимо, во время артобстрела был поврежден провод. А телефонную связь в звене «взвод-рота-батальон» обычно устраивали по однопроводной схеме. Это когда тянули от телефона к телефону один провод, а вторым проводом была земля, в которую от вторых клемм телефонов втыкали короткий провод с металлическим штырем. Слышимость была не ахти, но зато какая экономия провода!

Ротному командиру нужно было докладывать обстановку, которая могла каждую минуту измениться. Помначштаба Семыкин сидел у рации и пытался ее оживить. Устранить разрыв провода вызвался штрафник из моего взвода. Я его приметил еще во время формирования. Тогда у нас уже редко появлялись «окруженцы», но он был одним из них. Какой-то он всегда был неактивный, что называется, «себе на уме», а здесь меня удивила его решимость, но и обрадовало то, что человек наконец переборол это свое мрачное состояние. И рад был за штрафника-«окруженца», фамилию которого Федоренко установил лишь в 2014 году через ЦАМО РФ.

Однако прошло 10… 20 минут — связь не действовала. А тут еще после довольно продолжительного артналета противник через каждые 5–7 минут давал короткие залпы по нашим позициям и ближайшим тылам. Капитан Матвиенко торопил связистов срочно восстановить линию. И тогда старший

лейтенант Семыкин, бросив рацию, в которую пытался вдохнуть жизнь, сказав «Пойду я!», выскочил из укрытия и скрылся в надвигавшихся сумерках, накинув на себя видавшую виды обыкновенную солдатскую шинель.

Минут через 10 связист, постоянно и безуспешно, до хрипоты кричавший в телефонную трубку «Висла, Висла, я — Буг», вдруг истошно заорал: «Есть связь!!!», хотя немцы продолжали вести артобстрел наших позиций. Капитан вырвал у него трубку, и после некоторого времени внезапно появившаяся и пока еще неустойчивая связь стабилизировалась. Ротный успел доложить обстановку, получить нужные указания или распоряжения, как связь снова прервалась, правда, ненадолго. Затем она восстановилась, и минут через 10–15 возвратился Валерий. Шинель его была испачкана землей, в репейниках, а кисти рук обмотаны обрывками носового платка.

Посланного штрафника он не нашел — ни живого, ни убитого. Обрыв провода обнаружил, но оказалось, что снаряд разорвался прямо на проводе, взрывом вырвало приличный его кусок, а второй его конец отбросило далеко в сторону, метров на 50. Исползав все вокруг, нашел конец оборванного провода, однако дотянуть его до обнаруженного места обрыва не смог, даже изо всех сил натягивая оба конца. Тогда, понимая цену каждой секунды, под артналетом он зубами зачистил концы провода, вонзил их стальные жилки себе в ладони обеих рук и зажал, таким образом превратив свое тело в недостающее звено линии связи. Уже после войны, читая литературу о войне, я где-то встретил похожий случай, когда вот в такой же ситуации связист обеспечил связь, зажав концы провода зубами, так и погибнув.

И вот здесь, когда Валерий почувствовал, что телефонный разговор завершен, достал из кармана имевшийся у него всегда на всякий случай моток провода, соединил концы и даже на ощупь заизолировал сростки изолентой. Настоящий связист: и моток провода в кармане, и изолента при себе!

Когда мы спросили его, как же он узнал, что телефонный разговор окончен, он ответил, что чувствовал это по импульсам слабого электротока, возникающего во время телефонного разговора. А их он чувствовал оголенными концами провода, вонзившимися в ладони. Вот так проявились здесь и храбрость, отвага и высокий профессионализм моего друга, офицера Валерия Захаровича Семыкина.

Штрафника Федоренко, вызвавшегося исправить линию связи, тогда не нашли, потому что сбежал он, дезертировал с поля боя. Ошибся я в нем, неопытным психологом был еще,

доверчивым. Мы долго считали его без вести пропавшим, но в январе 1945 года, уже после боев за Варшаву, его где-то выловили и доставили в батальон и до окончания следствия держали его под охраной на чердаке. В архивах ЦАМО в книге донесений 8-го ОШБ есть следующая запись: «21.02.1945 г. г. Зельхов. Находящийся под следствием на гауптвахте боец-переменник Федоренко Василий Федорович при попытке бежать взломал крышу помещения и, несмотря на ряд предупреждений часового, начал ломать дверь. Часовой боец-переменник Корявченко после предупредительных третьим выстрелом ранил Федоренко в руку. Он отправлен в госпиталь на излечение. Внеочередное донесение № 0127 отправлено Нач. Отд. кадров 1БФ 4.03.45».

Вернемся в ту ночь напряженного ожидания. Короткие артналеты продолжались систематически, и всю ночь мы ожидали возможной контратаки, на которую немец решился только с рассветом. Пехота, наступающая за танками, которых было штук 5, выбежала из-за них и пошла вперед. По ракете, пущенной командиром роты, ожили все наши пулеметы, и ручные, и станковые. Цепи наступающих фрицев стали редеть на наших глазах. Огонь ПТР и пулеметов велся и по смотровым щелям приближавшихся «пантер» и «тигров». И вот, когда водитель вырвавшегося вперед немецкого танка, видимо, потеряв ориентировку из-за попадания пуль в смотровые щели, подставил борт своей машины под выстрелы бронебойщиков, эта «пантера» была подбита и загорелась, немцы стали выскакивать. Тогда старший лейтенант Сергеев, крикнув «Прикрой!» своему заместителю, высокому, крепкому, единственному в этом наборе штрафников бородачу со знаменитой фамилией Пушкин, с пистолетом бросился к этой группе. Сделав несколько пистолетных выстрелов в бывших рядом гитлеровцев, подскочил к этому немцу, сбил его с ног, прижал к земле и держал так, пока к ним не подбежали наши.

В наступившем переломе, когда остальные танки, пытаясь развернуться, подставили борта и еще один из них оказался подбитым, а оставшиеся повернули назад, капитан подал сигнал на продолжение атаки. Немецкие танки покидали поле боя значительно быстрее, чем шли на нас. Жаль, не удалось бронебойщикам подбить хотя бы один из улепетывающих «тигров», хотя их кормовая броня уязвимее. Поднявшиеся штрафники с особой яростью добивали не успевших убежать фрицев. А Жора Сергеев и подбежавшие к нему бойцы подняли и разоружили немца, оказавшегося гауптманом, командиром танкового батальона. Не знаю, как он отличил офицера в группе

вроде бы одинаково одетых немецких танкистов, однако ценный трофей добыл Сергеев! Пленного вскоре отправили в штаб батальона под конвоем бронебойщиков, подбивших танки и заслуживших тем самым награды и досрочное освобождение. И это была последняя серьезная на этом фланге попытка фашистов вернуть утраченные позиции. Больше они на это не решались.

А мы, развивая успех, преследовали отступающих еще километра два, захватили позиции их второго эшелона обороны близ города Сероцк и на этом остановились. Несколько менее значительных вылазок фрицев, видимо, прощупывавших нашу стойкость и готовность дальше вести бои, мы отразили на том уровне напряжения, которое возникло в начале атаки.

Через два дня нашу роту сменил стрелковый батальон, командир которого, майор, уж очень дотошно выспрашивал нашего ротного о контингенте воинов роты и совсем немного — о противнике. Видимо, они дальше наступать не собирались. Как и раньше, сделали за них это мы.

Итак, за эти трое суток боевых действий задача, поставленная нашей роте, была выполнена быстро и, как оказалось, с небольшими для такого результата потерями. Эту часть плацдарма мы восстановили и даже углубили на 2–3 километра. Естественно, что вывод нас из боя и отвод в тыл был расценен штрафниками как признание командующим 65-й армии генералом Батовым смелости, геройства и мужества бывших офицеров, достойных того, чтобы без ранений быть прощенными, восстановленными. Надеялись быть и награжденными, как в свое время у другого командарма, генерала Горбатова. Эхо Рогачевского похода и легендарного командарма, да и брестских реабилитаций без ранений по ходатайствам Бати-Осипова докатилось до этих дней, и те их решения считались теперь мерилом справедливого отношения к штрафникам-офицерам.

Когда проходили знакомые каменные подвалы, теперь уже занятые каким-то штабом или тылами сменившей нас части, командир роты приказал сделать здесь маленький привал-перекур. Я и некоторые офицеры подошли к подбитым немецким танкам еще раз посмотреть на них вблизи. Меня удивило, что в некоторых местах была разрушена не броня, а откололось только бетонное ее усиление, довольно толстое. Подумалось, что иссякает у Гитлера хваленая крупповская сталь, если и здесь уже не настоящая, а эрзац-броня.

Через много лет из технической военной литературы я узнал, что то был не простой бетон, а специальная цементообразная

антимагнитная обмазка — циммерит, которая предохраняла броню от действия магнитных кумулятивных мин или гранат, которые из-за нее не удерживались на броне. Кроме того, эта довольно толстая обмазка намного уменьшала пробивную эффективность кумулятивных или подкалиберных бронебойных снарядов. Так что моя ирония насчет «крупповской стали» и эрзац-брони была, как теперь понимаю, следствием неведения.

Капитан наш снова построил роту, поблагодарил всех за образцовое выполнение боевой задачи. «А теперь споем?» — завершил он свое краткое выступление. Наш новый политработник, лейтенант Мирный, с артиллерийскими эмблемами на погонах и знаком «Гвардия» на гимнастерке, оказался довольно «свойским» и как-то сразу пришелся всем по душе. Оказалось, что этот политрук обладает еще сильным и звонким голосом. С первого шага (это считалось добрым знаком) он запел популярную тогда у артиллеристов песню «Марш артиллеристов»:

Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой,
Идем мы в смертный бой за честь родной страны.
Пылают города, охваченные дымом,
Гремит в седых лесах суровый бог войны.

Артиллеристы, Сталин дал приказ,
Артиллеристы, зовет Отчизна нас,
Из многих тысяч батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину — огонь! Огонь!!

Как же вовремя подоспел этот лейтенант-артиллерист и именно с этим «Маршем артиллеристов»!С каким воодушевлением, несмотря на еще не затихшую, но уже не рядом, а все более удаляющуюся трескотню автоматов и пулеметов, пели штрафники охрипшими голосами всю дорогу, до самого КП батальона, как мне показалось вначале, даже совсем другую песню на мелодию того же марша! Штрафники, оказывается, уже давно переделали эту бодрящую дух песню на свой лад, переиначив слова. В конце этого не столь уж долгого пути, она, эта песня, уже звучала стройно, даже помогая чеканить по-строевому шаг.

Я не записал тогда эти новые слова, не смог потом вспомнить весь новый текст, но вот припев и один из запевов, кажется, запомнил:

Узнай, родная мать, узнай, жена-подруга,
Узнайте, все друзья, село и весь район,
Что крепко бьют врага, фашистского зверюгу
Ваш верный сын страны и смелый батальон!

И новый припев звучал совсем по-другому:

Бойцы штрафбата, Сталин дал приказ,
«Назад ни шагу!» — Родина зовет!
За слезы наших матерей,
За сыновей и дочерей,
Вперед! За Сталина! За Родину! Вперед!!!

Этот вариант был популярным в батальоне даже после тяжелых боев и больших потерь, которые предстояло нам позже пережить на этом Наревском плацдарме. Он жил и в период подготовки к Висло-Одерской операции, передавался из «поколения в поколение» менявшихся штрафников.

Когда же наша рота, подтянувшаяся под эту удивительно бодрящую песню, дошла до штаба, капитан Матвиенко остановил строй у домика, где разместился комбат, и, подав, как положено по уставу, команду «смирно», пошел докладывать. Неожиданно долго тянулись минуты в ожидании. Вышел комбат Батурин невозмутимо-спокойным, за ним непривычно понуро шел наш ротный. Какое-то странное предчувствие охватило, наверное, каждого. Не подав команды «вольно» (а может, не заметив, что стояла рота не так уж «смирно», как положено), комбат закатил довольно длинную речь, полную казенных фраз и привычных лозунгов. Смысл его слов заключался в том, что он благодарит всех за выполнение боевой задачи. От командования 65-й армии и именем Родины он призывает всех послужить верой и правдой, не пожалеть и в дальнейшем сил своих на благо Отечества, выполнить новый приказ Отчизны ради грядущей победы… и т. д.

Ропот разочарования прокатился по шеренгам. Бойцы зашевелились, хотя команды «вольно» так и не последовало. Почувствовав недовольство в строю, Батурин быстро завершил свою речь постановкой задачи от имени командарма Батова на расширение еще и части правого фланга плацдарма, которое, дескать, нам достанется так же легко. Знал бы он, как «легко» (а может, и знал уже?) достанется нам эта новая задача.

К нашему строю добавилась еще небольшая группа штрафников, человек 5–6. Среди них я заметил выделяющегося ростом и телосложением человека, напоминавшего кого-то из

давно мною виденных. Ну просто навязчивый «эффект дежавю»! Группу эту передали во взвод Феди Усманова, а дальнейший калейдоскоп событий не позволил заняться уточнением своего «дежавю». И только теперь, получив доступ к документам ЦАМО РФ по нашему ОШБ, у меня возникли почти неоспоримые предположения, о которых чуть ниже.

Понурые, вконец утратившие еще тлевшую надежду на высокую оценку их подвига штрафники без аппетита и без обычных в это время шуток поедали ужин, и даже боевые сто граммов не подняли упавшего настроения.

Сразу же после ужина, без так необходимого хотя бы на несколько часов отдыха нам предстояло преодолеть ускоренным маршем километров 15, чтобы еще до рассвета занять окопы назначенного участка обороны на правом фланге плацдарма. Где шагом, где бегом еще задолго до рассвета, взмыленные, как загнанные лошади, ввалились мы в окопы, которые, как теперь я узнал из архивных документов, занимали части 44-й Гвардейской стрелковой Краснознаменной Барвенковской дивизии генерал-майора Борисова. Мое представление об отношении этого комдива к штрафникам я приведу в дальнейшем.

Изучая архивные материалы, касающиеся боев на этом плацдарме, я узнал, что в полосе, где нам пришлось сражаться, действовали 407-й, 444-й и 539-й стрелковые полки, чьи подразделения «отдавали нам право» идти за них первыми в атаки, кто из них сменял нас потом на отвоеванных у немцев позициях, не помню. Поскольку в окопах мы появились еще задолго до рассвета, те, кого мы сменяли, сразу же покинули траншеи, чтобы смену эту не заметил противник. Мы успели узнать у сдавших нам оборону, что немецкие окопы от нас метрах в 150 и что часто фрицы совершают артналеты, а за нашими офицерами и солдатами охотятся снайперы.

Задачу нам еще не поставили, но в течение дня войсковые снабженцы доставили боеприпасы, в том числе много ручных наступательных гранат РГ-42 и РГД-43, которые в отличие от оборонительных Ф-1 имели небольшой радиус убойной силы и предназначались в основном для применения на ходу. Естественно, восстанавливать плацдарм можно только наступлением, значит, впереди не оборона, атаки. Это и понятно: штрафбат все-таки. На каждое отделение получили по одной противотанковой гранате РПГ-40. Значит, и здесь встреча с танками неизбежна.

Дальнейшие события развивались так, что в течение этого дня нам даже удалось урывками подремать. Кто умудрялся сделать это сидя, кто даже лежа в так называемых

подбрустверных нишах, горизонтальных невысоких «норах» длиной в рост человека, вырытых вдоль окопа в нижних, ближе ко дну, стенках. Поместиться в них можно было из-за малой высоты «потолка» только лежа.

Те артналеты, о которых нам говорили наши предшественники по обороне, не заставили себя долго ждать. У немцев здесь было много артиллерии, в том числе и шестиствольных минометов, которые на фронте получили прозвища «боровы», «ишаки» и еще как-то, наверное, из-за того, что звуки их выстрелов напоминали то ли свинячий визг, то ли крик осла. Их мины с навесной траекторией опасны и для укрывшихся в окопах. Поэтому те, кого мы сменили, и вырыли эти ниши для защиты от осколков таких мин.

Я уже писал, что штрафники, часто рискуя своей жизнью, делали многое, чтобы сохранить жизнь своих командиров. И отмечал также, что особой их любовью пользовался старший лейтенант Иван Янин, безумной храбрости офицер, заместитель командира нашей роты. Чтобы надежнее упрятать его от мин этих шестиствольных «ишаков», штрафники облюбовали одну из таких подбрустверных «нор». Чтобы усилить надежность ее защиты, расширили эту нишу так, чтобы, кроме Янина, поместилось еще хотя бы два человека для прикрытия.

Во время одного такого артналета опекающие Ивана штрафники настояли, чтобы он лег в эту нишу, и прикрыли его, улегшись рядом. Едва успели они там разместиться, как артиллерийский снаряд разорвался рядом, земляной потолок рухнул и завалил спрятавшихся. Лежавший у края боец сам выбрался из этой нечаянной могилы с помощью бросившихся на помощь товарищей, кое-как успели откопать едва живого второго бойца, а пока добрались до Янина, уже было поздно. Так погиб храбрейший офицер Иван Егорович Янин, имевший за все бои, выпавшие на его долю, всего одно легкое пулевое ранение.

Всех нас, привыкших к фронтовым потерям, эта неожиданная и нелепая смерть потрясла. Скорбя, попрощались мы со своим боевым другом. Было нестерпимо больно смотреть на его лицо, спокойное, словно не тронутое смертью. Отправили его тело в ближний тыл для достойного захоронения.

К вечеру к нам в окопы пришел НШ Филипп Киселев, с ним начштаба стрелкового батальона в сопровождении нескольких, тоже незнакомых офицеров. Погоревал Филипп вместе с нами. Сказал, что Ванюшу похоронили с почестями и даже в гробу, хоть и наспех сколоченном, что на фронте нечастая роскошь. А в моей поэме о штрафбате, написанной вскоре после Нарева, ему я посвятил такие строки:

Янин Иван! Ты бессмертен, ты с нами,
Хоть захоронен в земле нам чужой.
Мы не забудем тебя. Мы оставим
Место в сердцах для тебя, наш Герой.

Командир роты Матвиенко собрал взводных и доложил начштаба Киселеву, что назначает своим заместителем вместо погибшего Янина меня, оставив одновременно и командиром взвода, передал мне ракетницу и сумку с ракетами, которые раньше были у Ванюши. Это решение я встретил без особого удовольствия. Потом Киселев представил нам прибывших с ним офицеров, которые рассказали, что нам в ближайшее время надо атаковать передний край немцев и, захватив немецкие траншеи, удерживать их до подхода основных сил. Это было похоже на ту задачу, которую ставили перед нами, когда мы преодолевали по льду реку Друть около Рогачева.

Тогда мы тоже должны были захватить вражеские траншеи и обеспечить ввод в бой других войск. Только реки теперь перед нами не было, Нарев был позади нас, и преодолевать его нам не требовалось, нужно было не дать это сделать противнику. Несколько непривычным и странным показалось то, что задачу мы получали не от своего комбата, как это было при Осипове, а от офицеров, в подчинение которым нас официально даже и не передавали.

Войсковые офицеры, уходя, сказали, что придут саперы и разминируют минное поле перед нами и что будет хорошая артподготовка. Когда я довел эти сведения до своих командиров отделений, я не почувствовал их воодушевления. Подстегивая свое собственное настроение, приказал им бодрее довести эти сведения до бойцов и потом доложить мне о моральном состоянии штрафников, считая это одним из важнейших слагаемых предстоящего успеха. Почему-то тревожно было у самого на душе, будто какое-то недоброе предчувствие глодало сердце. Приходили и дурные мысли, не погибну ли сам в этом предстоящем бою. Старался прогнать их и сосредоточиться на главном — как лучше выполнить поставленную задачу.

После полуночи в окопы действительно пришла группа саперов, чтобы сделать проходы в минном поле перед нашей ротой. Меньше чем через час они вернулись, и их командир, бодренький старший лейтенант, сообщил, что минного поля нет. Эта весть в мгновение облетела всех и заметно подбодрила бойцов. Прибывшим к нам полковым солдатам с термосами,

доставившим очень ранний завтрак, пришлось уйти, почти не опорожнив их. Так уж у нас было заведено: перед атакой набивать диски, магазины автоматов и пулеметов, а не собственные желудки. А вот боевые «сотки» приняли, рассвета ждали в другом настроении. И у меня отлегло от сердца, даже минут 20 вздремнул.

Проснулся я оттого, что стало светать и фрицы снова совершили свой короткий артналет. Почти одновременно с этим прибежал от комроты связной с криком: «Ротного капитана убило!» Я приказал этому связному пробежать по окопам и сообщить, что командование ротой принимаю на себя, а моим замом назначаю командира пулеметного взвода, старшего лейтенанта Сергеева. О том, какие неожиданности нас ждали впереди, — в следующей главе.

Глава 15
Минное поле и командарм Батов. Немного романтики

Чем бой суровей, тем бессмертней слава!

Вадим Шефнер

И в этот час нам смерть не тяжела,
О нас потомки скажут без печали:
Они дрались за Родину и пали,
Чтоб Родина любимая жила!

Татул Гурян. Погиб в бою в 1942 году при обороне Севастополя

Неожиданно, почти перед самой атакой я, взводный командир, принял командование ротой вместо погибшего капитана Матвиенко. Первое, что пришло мне в голову: сумею ли уверенно управлять не только штрафниками уже в ротном масштабе, но теперь и командирами взводов, моими друзьями, товарищами, что были минутами раньше равными мне по должности.

Не успел я об этом подумать, как вдруг заговорили наши гвардейские «катюши» и артиллерия!

Да так густо ложились разрывы снарядов на немецкие траншеи, что неожиданная, радостная волна захлестнула меня и на секунду пришла мысль, что недавнее мое состояние тревожных сомнений, которые перед этим возникали, были не предчувствием беды, а просто временным недоумением. Минут через пятнадцать артподготовка завершилась еще одним мощным залпом гвардейских минометов. Над вражескими позициями вздымались всполохи огня, фонтаны взорванной земли. Во всем этом бушующем огненном вихре ничего другого нельзя было

рассмотреть, хотя до этой полосы дыма и огня было не более 150 метров.

Едва только начал чертить небо огненными трассами завершающий залп ракет «катюш», как кто-то за нашими окопами выпустил серию красных ракет, как и было условлено, а я изо всех сил, чтобы услышал не только взвод, но ЦЕЛАЯ РОТА, прокричал: «Рота, в атаку!» По окопам, как эхо, пронеслось многоголосое «Атаку!.. Таку!.. Аку!». Выругав себя за собственную медлительность, выпрыгнул из окопа, тоже включившись в это эхо вырывающегося из сотни глоток клича. Я ведь теперь уже ротный, одновременно и взводный командир (взвод-то передать некому)! Первым за окопами я увидел только что назначенного моим заместителем командира пулеметного взвода Сергеева, правее — Усманова.

Почти одновременно поднялась вся рота. Я это видел хорошо, так как в еще непривычной роли ротного командира немного задержался, чтобы убедиться, что сигнал атаки воспринят всеми. Бросился в цепь атакующих и, почти догнав их, вдруг увидел, что под ногами бойцов, вырвавшихся вперед, взметаются клочья земли и люди падают. На моих глазах такой взрыв произошел под приметным, с бородой, пулеметчиком Пушкиным. Я видел летевшее в воздухе колесо его станкового пулемета (Пушкин Павел Дмитриевич тогда погиб) и не мог понять, что происходит. По словам саперов, перед немецкими траншеями минного поля нет, но так все похоже на то, будто люди подрываются именно на минах.

Еще не забылось, как несколько месяцев назад я сам подорвался на противопехотной. И тут подумалось, что это или прямые фантастически точные попадания из ружейных гранатометов (вручную гранату так далеко не бросить), или умелое наведение снарядов неведомого еще нам нового высокоточного оружия. Может, поэтому они и не минировали свой передний край?

Уверовав, что по законам войны на одно и то же место снаряд дважды не падает, перебегал от одного места взрыва снарядов этого таинственного оружия к другому и видел, что одни бойцы лежали недвижимо в самых неестественных позах, другие пытаются, кто матерясь, кто молча, пережать порванные артерии и вены, перевязать окровавленные ноги или их культи.

Все, кому удалось добежать до немецкой траншеи, ворвались в нее, с особым остервенением добивая в рукопашной еще оставшихся после такой артподготовки и пытавшихся сопротивляться фрицев. Не останавливаясь, неплотной цепью бросились ко второй траншее. Кажется, даже исчез страх,

осталось только стремление вперед.

Видно, артиллерия обработала хорошо не только передний край немецкой обороны, но и ее тактическую глубину, так как во второй траншее, просто заваленной трупами фашистских вояк, рукопашная была непродолжительной. Оторвавшихся от нас фрицев пулеметчики после каждой перебежки успевали догонять довольно меткими очередями. Видя, что уж очень мало осталось от роты бойцов, добежавших до второй траншеи, условленным свистком я остановил всех и приказал собраться в более плотную группу.

Из офицеров не было взводного Ивана Карасева и командира взвода ПТР Смирнова. Жора Сергеев, сидя рядом с пулеметом, перевязывал себе ногу. Глядя на меня, он спокойно сказал, что у него «просто царапина». Невредимыми оказались я и Федя Усманов. Будто сама судьба пожалела нас, еще до конца не залечивших в госпиталях свои нелегкие ранения. Бойцов всего осталось меньше двух десятков. А из окопов поднялось больше сотни!

Основные потери были там, где фашисты, кажется, применили что-то новое. Почти 80 % выбыли из строя, а сколько из них погибли — мы еще не знали! Машинально обратил внимание на то, что среди оставшихся бойцов не видно того высокого, напоминавшего мне ранее виденного человека, что влился к нам с группой пополнения, когда мы выходили с левого фланга плацдарма. Не остался ли он там, на поле, похожем на минное?

О судьбе этого мощного статью штрафника я узнал лишь теперь, когда мне из ксерокопий многих архивных документов нашего 8-го ОШБ, присланных из Центрального архива Минобороны России, стали известны потери на том минном поле. Только одним Приказом № 285 от 30.10.44 г. по штрафбату числятся убывшими в госпиталь по ранению 49 бойцов-переменников. Другим приказом 10 бойцов объявлены погибшими. А всего на этом минном поле, как стало известно только сегодня, погибло 39 человек. Среди них значился Александр Федорович Родин, и в памяти вдруг четко всплыло, что тот рослый, ранее где-то виденный мною штрафник есть майор Родин, заместитель командира запасного полка под Уфой, где я служил до фронта. Там же врачом была капитан медицинской службы, его жена.

Удалось установить: Александр Федорович попал в штрафбат с должности начальника разведки 4-й стрелковой Бежецкой дивизии и погиб на том злополучном, действительно минном, поле. Значит, из запасного полка он снова вырвался на фронт и,

возглавляя уже дивизионную разведку, в чем-то провинился, оказался в моей роте. А если учесть, что его жена, еще военврачом 3-го ранга до моего прибытия в 8-й ОШБ, была командиром санитарного взвода и батальонным врачом именно в этом штрафбате, то получается совсем уж мистическая история такого переплетения судеб. Жаль только, что тогда, на Наревском плацдарме не знал этих подробностей, мог бы сообщить жене майора Родина, знакомой мне еще по запасному полку под Уфой.

Но не те мысли тогда, в октябре 1944 года, занимали голову новоиспеченного ротного командира. Уже километра полтора отвоеваны, вторая траншея немцев захвачена, непосредственно перед нами противника близко не видно. Я решил, что мы еще можем добавить кое-что к нашему успеху, и подал команду «Вперед!». Третья немецкая траншея оказалась дальше, чем я предполагал, и, пройдя еще с километр, мы встретили огонь противника, правда, редкий, нестройный. Местность здесь была тоже неровная, кочковатая, местами поросшая кустарником, что позволяло нам не очень короткими перебежками, но продвигаться вперед к рубежу атаки, который я наметил. Когда мы достигли рубежа атаки и замаскировались за кустами и кочками, то немцы, потеряв нас из виду, практически перестали стрелять, ждали момента, когда мы поднимемся в рост.

И вдруг за нами сзади загудели самолеты. Как редко на войне, к сожалению, случается именно счастливое «вдруг»! Летели опять наши выручатели-штурмовики «Илы». Мне мгновенно пришла мысль о целеуказании, чему нас настойчиво обучали в военном училище. Не теряя ни секунды, выпустил несколько ракет в сторону немцев. Летчики — молодцы, сигнал поняли, и сразу же несколько их эрэсов воткнулись в немецкие позиции, все там перемешав с землей. Да еще вдобавок к этому авиаторы угостили фрицев хорошими порциями очередей из скорострельных и крупнокалиберных пулеметов, поражающая способность которых убеждала на примере гибели Федора Давлетова.

Это был удобный момент поднять немногочисленные остатки роты в атаку, пока гитлеровцы еще не успели опомниться от налета наших красных соколов. Почему-то именно сейчас, от радостного ощущения помощи «сталинских соколов» моя команда «Вперед!» само собой была продолжена словами «За Родину, за Сталина!». Я даже услышал, что эти последние слова как эхо повторялись еще не одним бойцом. И эти полсотни метров до позиции немцев мы преодолели быстро, забросали гранатами окопы и ворвались в них, добивая оставшихся. Пришлось моему

автомату «поработать» и здесь. Рукопашная фактически не случилась, так как добивали уже почти не сопротивлявшихся фрицев, захваченных врасплох и даже бросавших оружие. Не до жалости было, оправданность такой жестокости не раз подтверждалась и в дальнейших боях.

Вскочив в немецкий окоп, я приказал срочно готовить захваченные траншеи к отражению возможных контратак. И только сейчас увидел, что вслед за нами два связиста-штрафника тянут телефонную линию. Вскоре я уже докладывал заместителю комбата, майору Алексею Филатову, оказавшемуся у телефона вместо Батурина.

Между прочим, у нас было два замкомбата, оба Филатовы, оба майора, только один Алексей, другой Михаил. Доложил я, где нахожусь и в каком составе. Кроме нескольких автоматов, в роте оставалось два станковых пулемета Горюнова, одно ПТР, два ручных пулемета. Патронов же было мало. Подобрали немецкие «шмайссеры» со снаряженными магазинами и два пулемета «МГ», которые наши бойцы считали неплохими. Пересчитали гранаты — тоже не густо: две противотанковые да десяток ручных. Трудновато будет, если немец опять контратакует.

Филатов сказал мне, что мы уже заняли траншеи 2-го эшелона батальонного района обороны противника, и поздравил нас с таким успехом. Обрадовал, что скоро подоспеет подкрепление, но нужно продержаться еще часа два-три. Сообщил и особо радостную весть: наш ротный Матвиенко, оказывается, не погиб, как мы считали, а только тяжело контужен и легко ранен, эвакуироваться не захотел, лечится в батальонном лазарете. Но мне приказано оставаться в должности ротного, так как Матвиенко пойдет на должность замкомбата вместо Михаила Филатова, который переходит в войска, а я официально назначаюсь на должность командира теперь уже автоматной роты, как ее называл Батурин, хотя она по штату называлась ротой автоматчиков.

Едва успели мы переговорить, как наблюдатели доложили, что в нашем направлении со стороны противника движутся два танка и за ними — цепь пехоты. Ах, как нам могут пригодиться эти две противотанковые гранаты, если сумеем их эффективно применить! И хорошо, что танков не больше, чем противотанковых гранат. Мы занимали теперь совсем небольшой участок траншеи. Где-то вдали слева шел бой, может, сосед тоже наступал или отстреливался. Но связи или контакта с ним не было. Справа вообще фланг был открыт. Открытые фланги любого масштаба всегда считались очень опасными, а в этой ситуации — и подавно. Главное теперь было не дать противнику обойти нас.

Увидев группу до взвода фашистов с двумя танками, все и без всяких команд поняли, что нам здесь предстоит: ведь боевой командирский опыт был почти у всех наших штрафников, бывших офицеров, а ныне рядовых.

Как-то, уже после окончания военной академии, я прочел мнение одного армейского психолога: «Если подразделение теряет в бою более 20 % бойцов, то у оставшихся пропадает уверенность в победе, снижается боевая активность и даже управляемость». А здесь, наоборот, от роты осталось 20 %, но и такие большие потери не выветрили боевого азарта оставшихся. Такая сила духа проявлялась у штрафбатовцев и во многих других подобных случаях. Видимо, здесь важную роль сыграла особая психологическая составляющая наших бойцов — офицерская честь, которую не учитывал тот психолог. Она, как оказалось, была не просто жива в штрафбате, но и обострена чрезвычайно.

Обе противотанковые гранаты я приказал принести ко мне, оставив около себя крепкого штрафника в роли гранатометчика. Расчет ПТР возглавлял тот самый «Буслаев», внушительного вида узбек, фамилию которого мне так и не удалось установить. Это он в бою на левом фланге, как дубиной, колошматил немцев своим ПТРом. Остальные бойцы из взвода ПТР Петра Смирнова, как и он сам, остались на том поле. Да и наш гигант, младший лейтенант Карасев, видимо, остался там же. К счастью, как выяснилось потом, эти наши офицеры не погибли, а были только тяжело ранены и через месяц-полтора вернулись в батальон… с целыми ногами!

Несмотря на напряженную, опасную обстановку, мысли все-таки лихорадочно искали причины колоссальных потерь там, перед первой немецкой траншеей. И все более уверенно зрело в них предположение, что это уж очень похоже на подрывы на минах. Свежо еще было впечатление от собственного опыта.

Только когда закончилась война, 9 мая 1945 года под Берлином на батальонном празднике в честь долгожданной Победы комбат Батурин, видимо, хорошо «расслабившись» после нескольких тостов, выдал мне «секрет»: на Наревском плацдарме нашу роту пустили на необезвреженное минное поле по приказу командарма 65-й генерала Батова. «Оправданием» этого комбат считал, что немцы «засеяли» передний край минами с неизвлекаемыми взрывателями.

Не очень в это верилось, тогда уже применялись танки-тральщики, которыми без ущерба для них самих можно было делать проходы не только в противопехотных минных полях, но

даже и в противотанковых! Достаточно было во время артподготовки пустить их перед атакующей пехотой.

Как-то уже в нынешнее время слышал песню популярного Александра Маршала (Минькова) «13-й штрафбат», где есть такие слова: «Досаду с болью пополам / Сполна нам жизнь дала испить. / И шли по минным по полям, / Чтоб кровью правду искупить».

Не знаю, право, что означает у Александра фраза «кровью **правду** искупить», но песня мне понравилась, и я еще о ней вспомню. А о том, что мою роту пустили именно через минное поле, сомнений у меня не осталось, когда мне сказали, что это решение принял командарм Батов. Оказалось, это не совсем так, но об этом в свое время.

Пустить на мины штрафников — если решение такое действительно было, то, конечно же, оно было принято не по чьей-то неопытности или глупости. В глупость людей, достигших более или менее высоких постов, я не верю, скорее думаю об их непорядочности. Бытует мнение: «Глупость трудно понять, но можно простить, подлость можно понять, но трудно простить». По-моему, понять подлость может только тот, кто сам на такое же способен. Нормальный человек подлости не понимает и прощать ее никогда не будет.

В данном случае задача разминирования и обеспечения наступления полков 44-й гвардейской стрелковой дивизии, куда наш штрафбат был придан, была решена просто и подло: пустить на мины штрафников, невзирая на то, что это не только бессмысленные потери воинов. Ведь погибнут ценные для фронта офицерские кадры, которые завтра могли бы усилить своим боевым опытом части и подразделения той же 65-й армии. Наверное, Батурин пытался снять с себя подозрение, подумал я после его сообщения, «приуроченного» им к самому радостному дню — 9 мая 1945 года, первому дню мира, который мог «смягчить» этот позорный факт.

Вообще-то Павел Иванович Батов в отличие от Рокоссовского и Горбатова был из другого круга полководцев и не относился бережно к офицерам, попавшим под жесткую руку военных трибуналов, а иногда и под несправедливую амбициозность некоторых начальников. После войны я много читал об этом генерале и еще вернусь к его характеристике. А тогда мысли эти только отвлекали меня от организации отражения контратаки немцев.

Когда стало ясно, что один танк движется прямо в мою

сторону, а другой несколько левее, я оставил одну гранату себе, а с другой послал гранатометчика на левый фланг. Невдалеке от меня был довольно глубокий ход сообщения в сторону немцев. Передал приказ расчету бронебойщиков следить за обоими танками и, если кому-то из нас удастся подбить танк, то добивать его из ПТР, не упуская из внимания и другую машину. Видимо, по шаблону немецкой тактики, примерно за 50–60 метров не доходя до нас, сопровождавшая танки пехота вырвалась вперед. И тут первыми заговорили пулеметы Сергеева. Да и автоматчики короткими прицельными очередями стали косить контратакующих. Пехота немцев залегла, а танки, добавив скорости, пошли на окопы. По ходу сообщения немецкого окопа я выдвинулся метров на 15–20 вперед и затаился там. Получилось так, что я оказался на очень выгодной позиции: сбоку, метрах в 10 от вероятного направления надвигавшегося бронированного чудовища.

Наверное, заметив в окопе наших бойцов, танк замедлил ход, повернул орудие влево и стал «прощупывать» окоп огнем своей пушки «слева направо». С каждым выстрелом он посылал снаряд правее, все ближе к тому ходу сообщения, в котором я занял удобную позицию и куда постепенно перемещались бойцы, избегая возможности попасть под выстрелы танковой пушки. Вот тут мне удалось метко швырнуть гранату прямо в гусеницу. Водитель танка, наверное, почувствовал, что его машину заносит вправо, и на остатках поврежденной гусеницы резко попытался вывернуть танк влево. Опять мне повезло, как часто везло на войне. Танк подставил правый борт и корму под прицел наших бронебойщиков, и они не замедлили послать несколько своих зажигательных пуль-снарядиков в эту «пантеру». Она загорелась! Экипаж танка, открыв люки, стал выбираться оттуда, но сраженные свинцовым роем, в котором были и пули из моего автомата, немецкие танкисты, не успев вылезти, повисли в люках и закупорили их собой. Оставшиеся там попытались воспользоваться нижними люками, но и здесь их ждала та же участь.

Примерно такая судьба досталась и второму бронированному монстру. Я был рад, что мой штрафник-«гранатометатель» да и бронебойщики за подбитые танки будут награждены орденами Отечественной войны и полностью реабилитированы за подбитый вражеский танк без ранений. И тут же, словно молния, вспыхнула мысль о том, что сам я ведь тоже подбил танк и мне также полагается такой орден! Вот и придет конец моему тайному позору перед близкими людьми за фотографию с чужим орденом Отечественной войны еще в госпитале после ранения в боях за

Брест, когда мне сказали, будто есть приказ о моем награждении именно таким орденом.

Между тем немногие оставшиеся в живых фрицы ползком, не поднимаясь, отступали назад. Я приказал больше без нужды не стрелять, беречь патроны на случай, если фрицы еще раз полезут. Пусть уползают. Смысл этого моего приказа «не стрелять», видимо, не сразу дошел до исполнителей. Разгоряченные боем, бойцы еще некоторое время короткими очередями догоняли уползавших немцев, и они лежали, словно прибитые к земле этими очередями, как надежными гвоздями.

Связь по-прежнему работала, и, добравшись до телефона, я доложил об отбитой контратаке и о двух горящих танках. В ответ получил ободряющее известие от Филатова, что к нам на поддержку уже направлены подразделения «стрелкачей». Вот только успеют ли, если еще одну контратаку предпримут немцы?

Вызвал я к себе гранатометчика и обоих бронебойщиков, к счастью, даже не раненых. Написал боевое донесение о подвиге этих заслуженных бойцов. И решил отправить героев в штаб батальона как заслуживших наград и искупивших свою вину отвагой в честном бою. Приятно был удивлен тем, что все трое отказались покинуть поле боя. А великан-пэтээровец даже с какой-то обидой сказал: «А кому я ружьишко свое оставлю?..»

Когда пришла смена нам на этой позиции, общая радость захлестнула всех. Ведь еще не проливших кровь оставалось совсем немного, и, право же, все они достойны были, как считал я и мои офицеры, не только полной реабилитации за свою стойкость и мужество, проявленные в боях, но и наград. Вместе с заменяющим нас подразделением, а это был полнокровный стрелковый батальон, прибыл к нам лейтенант Мирный, агитатор батальона, который участвовал с нами в боях на левом фланге плацдарма. К нему у всех нас возникло чувство уважения, как к парню не из трусливого десятка, свою политработу он видел прежде всего в личном примере в бою, а не в пустословии вне боевой обстановки. Настроение у Мирного было нерадостное. Он понимал, что принес плохую весть, передавая письменный приказ комбата Батурина о том, что мы должны уступить завоеванные позиции сменявшему нас стрелковому батальону, а сами перейти на правый фланг этого батальона и там занять оборону. Из боя нас опять не выводили, всеобщая наша надежда на досрочное освобождение и награды оказалась преждевременной.

Да, батальону в составе более 200 человек оборонять участок, который всего-навсего менее 20 бойцов штрафбата захватили и держали, отбив вражескую контратаку превосходящих сил противника с танками, безусловно, будет легче.

Обидно было отдавать без признания победы завоеванное большой кровью и такими жертвами. Но приказ есть приказ. Майор, командир сменявшего нас батальона, показал мне на карте и на местности участок, который мы должны были теперь занять. И в его тоне, в его отношении к нам я почувствовал не только что-то вроде угрызений совести за чью-то вину перед нами, но и уважение к нам и нашим боевым действиям. Из его слов я понял, что оборона будет длительной. Вот тогда мне стало понятно, да и штрафники это поняли, что наш командарм Батов с комбатом Батуриным не выпустят отсюда ни одного штрафника, который не искупит вину свою кровью или жизнью. В той обороне пришлось нам стоять больше месяца, терять своих боевых товарищей, даже тех, кого мы считали достойными освобождения. Так считали мы, а Батурин и Батов оказались другого мнения.

Вскоре, уже на новом участке обороны, командир взвода Федя Усманов принес мне листок бумаги, на котором были такие стихи:

Нас с Батуриным-комбатом
Взял к себе на Нарев Батов.
Ну а это не Горбатов,
Не жалел бойцов штрафбата.

Для него штрафник — портянка.
Он только тех освобождал,
Кто ранен, кто погиб под танком,
А остальных на гибель гнал!

Честно говоря, я побоялся, что этот стишок может дойти до комбата, а то и до самого командарма Батова, и тогда найдут авторов, и несдобровать им, а может, и кому-то из нас, их командиров. Ведь каждому понятно, что в армии, тем более на фронте, да еще в среде штрафников, какая-либо критика, обвинение начальников могли закончиться плачевно.

После войны авторы многих публикаций стремились показать, что штрафники обречены стать смертниками, что штрафбаты, как и армейские штрафные роты, были подразделениями, предназначенными на гибель. За все время, которое пришлось мне пройти с боями в составе штрафбата, этот наревский период был почти единственным, который мог бы подходить к этим суждениям. И сами штрафники вправе были так думать, видимо, тот злой стишок также выражал мнение штрафных офицеров и о своем комбате, и о генерале Батове, а те, кто пойдет после штрафбата в войска, не преминут это мнение

«рассекретить».

Не мне судить о полководческих и других талантах генерала Батова, поэтому приведу суждения о нем крупных военачальников. В книге «Солдатский долг» один из Маршалов Победы, К.К. Рокоссовский, писал, что еще в декабре 1943 г. П.И. Батов «…недоглядел, что враг подтянул крупные силы против правого фланга армии, хотя мы его об этом предупреждали. Спохватился командарм, когда гитлеровцы смяли часть правого фланга и начали выходить в тыл основной группировки войск армии… Увлечение командарма легким продвижением войск без достаточной разведки и игнорирование предупреждений штаба фронта о нависшей опасности обошлось дорого: мы потеряли значительную территорию на очень важном для нас направлении…»

Надо считать, и «зряшных» людских потерь там было немало. У маршала Рокоссовского много раз отмечаются положительные качества Батова, но выделяются и его слабые места:«…отсутствие надлежащей разведки, недостаточное внимание флангам и некоторая самоуверенность, приводящие к большим и чаще всего — неоправданным потерям».

Еще одну большую цитату из «Солдатского долга» напомню читателю. Мнения маршала Рокоссовского хотя бы частично раскрывают сложный характер Батова. Вспоминая о действиях его армии в наступательной операции «Багратион», в той же книге Константин Константинович писал:

«65-я армия, не встречая в Беловежской Пуще особого сопротивления со стороны противника, вырвалась вперед и тут попала в неприятную историю. Не обеспечив фланги, армия была атакована с двух сторон частями двух немецких танковых дивизий. Они врезались в центр армии, разъединили ее войска на несколько групп, лишив командующего на некоторое время связи с большинством соединений и управления ими. Командование фронта послало на выручку стрелковый корпус и танковую бригаду. Положение было восстановлено. Но Павел Иванович пережил тяжелые минуты».

А вот что писал в своих «Воспоминаниях и размышлениях» маршал Г.К. Жуков:

«Если разведка не сумела дать правильные сведения или если при их анализе допущены погрешности, то и решения всех командно-штабных инстанций неминуемо пойдут по ложному направлению».

Похоже, я несколько тенденциозен в выборе цитат из этих книг, хотя считаю это и оправданным. Даже как-то странно: ведь боевой опыт у генерала, дважды Героя Советского Союза,

огромный. Он воевал в Испании, участвовал в финской войне. Но почти всю Отечественную Павел Иванович прошел командующим одной и той же армией и ни разу не был повышен в должности. Да и армия не стала ни гвардейской, ни ударной… Это что-то значит?

А вот цитата из книги самого генерала Батова «В боях и походах» о событиях на Наревском плацдарме: «4 октября… враг внезапно перешел в наступление… Почему немцам удалась внезапность? Танковая группировка врага в составе трех дивизий нанесла удар из глубины… Налицо был просчет нашей разведки. Немецкие танки широким фронтом вышли на наши заминированные участки. Но… ни один не подорвался. Оказывается, саперы противника обезвредили наши мины. И этого разведка не обнаружила».

Это в который раз на те же самые грабли? Сколько же людей погибло именно из-за просчетов разведки, кто это подсчитывал?! Ну а слова о том, что «саперы противника обезвредили мины», заставляют задуматься еще раз: почему же саперы армии Батова не сумели обезвредить мины перед нашим наступлением, и только противопехотные? Или эту идею подсказал впервые оказавшийся вблизи боевой обстановки наш новый комбат Батурин? А может быть, гибель какой-то сотни штрафников — мелочь по сравнению с жертвами плохой разведки 65-й армии?

Мне снова захотелось обратиться к воспоминаниям Александра Васильевича Горбатова, где он рассказывает, как в операции «Багратион» в ночь перед наступлением «…под шум и грохот бомбежки наши труженики-саперы проделали сотни проходов в минных полях и проволочных заграждениях для пехоты, работая в непосредственной близости от противника зачастую под пулеметным и оружейным огнем».

Ну а если в нашем случае мины были действительно «неизвлекаемыми», то мысль возвращается к танкам-тральщикам, которые за считаные минуты справились бы с проделыванием проходов. Как показалось мне тогда, офицеру всего-навсего ротного масштаба, а теперь, спустя много лет, я уверен, что такое простое решение могло бы прийти в голову и комбату, и комдиву, а тем более командарму. Но почему-то не пришло.

Наверное, заслуженно ни Батурин, ни Батов не удостоились того, чтобы штрафникам «пришло в голову» между собой называть их, как Горбатова и Осипова, душевным именем Батя, хотя фамилии и Батова и Батурина начинались со слога «Бат», созвучного с этим теплым словом Батя.

Вот еще один документ, большая статья известного журналиста Эдуарда Поляновского «Солдат Победы Жуков», опубликованная накануне 50-летия Победы, 11 апреля 1995 года в «Известиях». Речь в ней идет не об известном всему миру маршале, а о безвестном солдате с такой же фамилией. Упоминается в ней и имя Павла Ивановича Батова. И вот в связи с чем.

В 1946 году некто полковник Житник, начальник штаба соединения, входящего в подчинение П.И. Батова, пользуясь тем, что он, Житник, давно знаком лично с генералом, составляет «оправдательные документы» на вывоз из Германии непомерного количества личных вещей и заверяет их печатью и подписью «Генерал-майор Житник», т. е. своей фамилией, но с мнимым званием. «Генерала» пограничники разоблачают и дело передают в прокуратуру. Дело запахло трибуналом. Спасает жулика Батов. Вот его резолюция: «Полковника Житника оставить в кадрах Красной Армии. Направить в Академию им. Ворошилова в первую очередь».

Ничего себе! Вместо трибунала — в самую престижную академию, да еще в «первую очередь»! Такую бы заботу во спасение штрафников-офицеров и своих солдат в бою! Сколько бы жизней было спасено тогда! Этому протеже Батова через 6 лет, в декабре 1952 г., командующий Белорусским военным округом маршал Тимошенко дает убийственную характеристику: «Ведет себя как опереточный артист. Очень легкомысленный и высокомерный. Наглый врун. Доверять важные дела нельзя. Должности не соответствует». Тогда генерал Батов уже отошел от руководящих постов в Вооруженных силах, и не в его компетенции было противостоять маршалу Тимошенко. Полковника Житника увольняют в запас за дискредитацию звания офицера.

Все это стало мне известно значительно позднее тех тяжелых дней и ночей на Наревском плацдарме. Тогда было не до оценки действий старших начальников. Во время войны ни солдат, ни офицер не имеют права на сомнения в действиях начальников, на своего рода «оппозицию». Любое противостояние на фронте может расцениваться как преступление, как измена присяге. Примеры такой оценки действий некоторыми штрафниками своих прежних начальников были и в нашем батальоне. И оправдания таким фактам тогда не было. Вот и держал я подобные мысли при себе. И лейтенанту Усманову посоветовал не распространяться о тех стихах, которые сочинил кто-то из штрафников, и не искать их автора. Слава богу, этот факт

последствий не имел, это не дошло даже до особиста.

В те тревожные дни наревского октября 1944 года нужно было сосредоточить внимание прежде всего на переустройстве немецких окопов для надежной обороны в нужном направлении, то есть против немцев. А это и перекапывание брустверов, и переделка пулеметных гнезд, ниш для гранат и боеприпасов, и создание новых ходов сообщения, и многое другое. Остановлюсь еще на одной пикантной подробности. В каждом ходе сообщений метрах в 20–30 от основного окопа отрывали простейшие отхожие места, не очень глубокие ямы (хотя бы по одной на отделение). По мере заполнения их засыпали, вместо них отрывались новые. В общем, работы — непочатый край.

Вскоре к нам протянули телефонную связь. Это снова позаботился старший лейтенант Валерий Семыкин, бывший штрафник, получивший под Брестом медаль «За отвагу», и теперешний помначштаба по связи. По своей должности он мог бы большую часть времени находиться в штабе, то есть в достаточном удалении от переднего края, а он рвался к нам в окопы!

Уже близился конец октября, ночи стали холодными, даже иногда морозными, по утрам долго держался на уже высохшей траве и грунте серебристый иней. На нашем участке оказалась простенькая, неглубокая землянка с легким перекрытием. Моему заму, Жоре Сергееву, бойцы отрыли другое укрытие, так как командир и заместитель должны были размещаться поодаль, чтобы не погибнуть одновременно.

Рота моя теперь, даже с учетом прибывшего пополнения, была по численности меньше взвода, а во взводах по 8-10 человек, и тот участок, что нам выделили для обороны, казался непомерно большим. Вскоре стало поступать пополнение, привели человек 10 новых бойцов-переменников. Казалось, это неплохо для организации более надежной обороны, но расстроило то, что в этом пополнении оказался снова тот бронебойщик, которого я представил к досрочному освобождению и к награде за подбитые танки. Это комбат проявил «бдительность». Он дотошно выпытывал, кто стрелял по танкам, а кто только заряжал магазин ПТР. И решив, что подбить танк мог только один человек, посчитали мое представление другого к награде и освобождению необоснованным. Обидно было штрафнику, но и мне тоже за то, что с мнением командира роты, руководившего боем и непосредственно участвовавшего в столкновении с противником, комбат не посчитался. И стыдно стало за то, что обнадежил старательного человека и храброго воина. Так что начало моего «взаимодействия» с новым комбатом

хорошего не сулило…

Активная часть боевых действий с участием штрафников за восстановление утраченных было позиций на плацдарме закончилась. Как отмечал в своих мемуарах генерал Батов, конечно, без упоминания штрафбата: «плацдарм увеличился почти вдвое. Войска задачи выполнили… Началась подготовка к новому наступлению». И начались у нас оборонительные будни, совсем непохожие на оборону в белорусско-украинском Полесье. Как помнит читатель, здесь в моей роте после повторного наступления, в ходе которого боевые потери составили более 80 %, насчитывалось около взвода. Это даже с учетом уже прибывшего пополнения. В эти первые дни организации обороны моего ротного участка меня вызвал к телефону комбат. Впервые с передовой я общался с ним по телефону. Тоном, не допускающим возражений, он приказал мне организовать РОП (ротный опорный пункт).

Для меня это распоряжение оказалось насколько неожиданным, настолько и несуразным, и я на какое-то время просто опешил. Такая форма организации обороны роты была бы целесообразна тогда, когда в роте как минимум три более или менее полнокровных взвода. В этом случае в первой траншее занимают оборону два взвода, а третий оборудует позицию во втором эшелоне, и, таким образом, РОПы становятся основой сравнительно глубоко эшелонированной обороны всего батальона трехротного состава. А у нас, как оказалось, не только батальона, но даже и роты-то не было! Своими малыми силами я никак не мог организовать ротный опорный пункт, не ослабляя и без того очень жидкую оборону переднего края, имея перед собой противника, который постоянно пытается не только на нашем участке прощупывать силы обороняющихся. Об этом тут же я и доложил Батурину, сказав ему, что его приказ смогу выполнить только при условии, если мне подчинят еще два полных взвода или когда в роту прибудет достаточное пополнение.

Батурин разразился резкими фразами, пригрозив при этом, что он может передумать и не отозвать представление о моем назначении на должность командира роты. Понимая, что, пока мое назначение не узаконено приказом по фронту, комбат запросто может его отменить, тем не менее я, как говорят, «закусил удила» и тут же, не раздумывая, спросил его, кому и когда он прикажет сдать командование ротой. После долгого и тягостного молчания Батурин весьма недовольным голосом изрек: «Пока командуйте! Я еще с вами разберусь!» И тут, словно бес снова меня попутал, и я вместо уставного «Есть!» выпалил: «Приходите в окопы, здесь на месте и разберетесь». Батурин, еще

ни разу не побывавший у нас в окопах и вообще на переднем крае, вскипел и срывающимся на крик голосом ответил: «Я сам знаю, где мне быть, когда и куда приходить!» На этом разговор оборвался.

Потом мне мой бывший ротный Матвиенко, уже ставший заместителем комбата, майором, говорил: «Зачем ты лез на рожон? Ну, сказал бы „Есть!“, а делал бы как нужно!» Что же, не было у меня ни тогда, ни после такой «смекалки»… Наш новый комбат Батурин (он все еще был «новым») оказался человеком, как я убедился вскоре, еще и злопамятным. Были обстоятельства, в которых я не раз почти до самого окончания войны чувствовал ярко выраженную немилость батуринскую. Правда, начштаба Филя Киселев, ближе бывший к Батурину, убеждал, что мне это только казалось.

Между прочим, комбата уже наградили орденом Александра Невского, видимо, «за успешную организацию боев» при восстановлении флангов Наревского плацдарма. После этого он приказал некоторых офицеров, фактически обеспечивших ему его первый орден, представить к наградам не выше этого ордена. Об этом сказал мне Иван Матвиенко, и мы вместе стали составлять реляции на награждение командиров взводов. Жору Сергеева мы представили к ордену Александра Невского, Федю Усманова — к Богдана Хмельницкого III ст. Мне Батурин велел передать, что я буду представлен тоже к «Невскому». Мне пришлось рассказать Матвиенко и Киселеву о своей глупой истории с «дважды орденоносцем». И попросил их уговорить комбата согласиться на положенный мне за подбитый танк орден Отечественной войны любой степени. Майор Матвиенко заверил меня, что он сам будет писать на меня представление к ордену.

Когда Батурину представили наградные листы на всех офицеров роты, он долго не соглашался поставить свою подпись на моем. Получалось, что его подчиненный, да еще такой строптивый, получит более высокую награду, чем он сам. Как рассказывал мне потом Матвиенко, мой наградной лист активно и настойчиво защищали он и Филатов, Филипп при этом не присутствовал, был занят по каким-то штабным делам. В общем, суммарными усилиями им, кажется, удалось убедить комбата подписать представление к нужному ордену. Батурин собственноручно исправил «первую» степень на «вторую», потом положил с другими наградными листами в сейф для отправки в вышестоящий штаб, желчно заметив при этом, что «ордена не выпрашивают, ими награждают по заслугам».

Когда мне рассказали, как происходил этот разговор, я понял,

что в наши с комбатом служебные и личные отношения вбит еще один кривой и ржавый гвоздь. Как мне стало потом известно, Иван Матвиенко перед тем предлагал представить меня к ордену Красного Знамени.

Но орден Отечественной войны II степени я все-таки получил! И вручал его мне не сам комбат Батурин, а замкомбата майор Матвиенко. Наконец-то у меня как гора с плеч свалилась тяжесть моего «орденского» казуса, все эти долгие месяцы так тяготившего мою совесть.

Теперь, уже почти 70 лет спустя, когда мне передали ксерокопии наградных листов того периода, я догадался, как было дело. Батурин написал совсем другое представление — к ордену Красной Звезды, подменив наградной лист, подписанный «при свидетелях», назло и мне, и моим «ходатаям». Но бывший мой ротный, майор Матвиенко, в этот период из-за контузии временно выполнял функции офицера связи по доставке важных документов в штабы войск, которым наш батальон был в то время придан. Стремясь поправить несправедливость с моим награждением, Иван Владимирович все-таки нашел возможность передать в кадровый орган 65-й армии соответствующее дополнение к наградному листу, которое сработало.

Эти же ксерокопии убедили меня и в том, что пустить мою роту на минное поле приняли согласованное решение комдив и комбат совместно, может, даже без ведома командарма Батова. Косвенным доказательством этого служит следующий факт. За время боевых действий на Наревском плацдарме Батурин не руководил боями даже по телефону, поручив это заместителям. Он ни разу не побывал в окопах, даже когда мы после тяжелых боев и больших потерь на минном поле почти месяц держали оборону.

Учитывая гипертрофированное самомнение Батурина, я пришел к выводу, что, получив должность комбата штрафников с правами командира дивизии, комбат и возомнил себя такого же ранга начальником. Поэтому и его КП находился на таком же удалении от переднего края, как и дивизионный, да и условия себе он создавал почти генеральские, хотя не каждый генерал мог позволить себе на фронте иметь пару дойных коров, как это сделал наш командир батальона, воевавшего теперь только поротно. Возможно, на Наревском плацдарме он разместился вблизи КП комдива, и там с ним и был решен вопрос о том злосчастном минном поле. Потому в наградном листе на Батурина, наверняка сочиненном им самим и подписанном командиром 44-й Гвардейской Барановичской стрелковой дивизии генерал-майором Борисовым Владимиром

Александровичем, перечислены все подбитые нашей ротой танки, самоходка «фердинанд», за все бои на Наревском плацдарме уничтоженные фрицы — все причислялось батальону под командованием Батурина, который фактически передал одну-единственную тогда нашу роту на время боев одному из полков этой дивизии и «умело ими руководил в бою».

Однако значимость того, что происходило тогда на Наревском плацдарме, была высоко оценена высшим командованием. Указом президиума Верховного Совета СССР от 06.04.1945 генерал-майор Борисов В.А. удостоен звания Героя Советского Союза. В справке Верховного Совета говорится: Командуя 44-й гвардейской стрелковой дивизией (105-й стрелковый корпус, 65-я армия, 1-й Белорусский фронт), гвардии генерал-майор Борисов В.А. четко управлял частями и обеспечил 5 сентября 1944 года успешную переправу войск через реку Нарев в 10 километрах севернее польского города Сероцк… 44-я гвардейская стрелковая дивизия удержала свои позиции на плацдарме, сохранила мосты через Нарев, что существенно помогло другим соединениям, сражавшимся за удержание Сероцкого плацдарма. В боях против дивизии противник потерял 407 танков и свыше 20 тысяч солдат убитыми. Сохранение плацдарма имело важное значение для последующего наступления войск фронта.

Жаль только, в справке по строгим правилам не мог быть обозначен вклад в удержание этого плацдарма нашего 8-го ОШБ, воевавшего вместе с полками 44-й гвардейской дивизии.

Тем временем наша рота продолжала стоять с полками дивизии в обороне. Шла фронтовая окопная жизнь со всеми ее «прелестями». Этот оборонительный период даже в приближении нельзя было сравнить с обороной на южном фланге нашего фронта летом. Почти ежедневно приходилось отбивать попытки фрицев выбить нас с занимаемых позиций. Доносились и ясно слышимые не только артканонады, но и ружейно-пулеметная трескотня у гвардейцев и слева, и справа, значит, и там было горячо. Доходили до нас и неясные сведения, что за полком справа воюет какой-то штурмовой батальон, о котором мы воображали невесть что, и что оснащены они особыми штурмовыми лестницами, или в них собраны одни спортсмены, и еще многое другое. Но истина о них мне стала известна только через много лет после войны, и эти сведения я изложил еще в 8-й главе этой книги.

Может, потому что еще не подтянулись базы снабжения фронта и армии, а может, по каким-то другим причинам, но стало значительно хуже с питанием. Солдатского пайка, несмотря на «сидячий» образ жизни в обороне, без атак, изнурительных маршей, перебежек и переползаний, бойцам стало не хватать. Здесь не было никакой возможности чем-нибудь разнообразить окопное «меню», была уже глубокая осень, да и местного населения, у которого можно было бы, как в Белоруссии, что-либо купить или выменять, вблизи наших позиций не наблюдалось. В окопы вернулась фронтовая манера делить хлеб, сахар и еще что-либо «делящееся».

Делалось это так: кому-то из бойцов доверяли резать хлеб или делить сахар на возможно равные доли. Затем обычно командир отделения или кто-то указанный им отворачивался, прикрывал глаза шапкой, а «хлеборез» или «доверенное лицо», указывая на одну из порций, вопрошал: «Кому?» Тот должен был назвать одного из бойцов. И не было никаких обид, никакого роптания, если даже кому-нибудь и казалось, что соседу досталась порция побольше. Поскольку мы, командиры взводов и рот, в боевой обстановке питались из общего солдатского котла, я настоял, чтобы и для нас порядок этот был неукоснителен. Мы, комсостав, свой тоже небогатый офицерский доппаек отдавали старшине роты, чтобы он справедливо раздавал его отличившимся в чем-нибудь переменникам или больным.

Одновременно с осложнением в питании случилась и другая напасть, к которой привыкнуть мы не могли, уж очень она была неприятной. В связи с устойчивым похолоданием бойцам выдали шапки, шинели, а нам, офицерам, зимнее обмундирование. Особенно рады мы были хоть и не новеньким, как бывало раньше, но меховым барашковым жилетам. Поменяли наконец всем нательное белье. Правда, походных бань, как это бывало летом в обороне на белорусской земле, нам не присылали, а уж сколько времени мы, все окопники, не мылись! То ли из-за того, что это обмундирование и белье не прошли перед выдачей нам должную санобработку, или она была проведена не надлежащим образом, то ли из-за оставшихся после немцев в землянках подстилок или других вещей, но вскоре нас замучили новые враги — насекомые. Не очень приятная деталь фронтового быта. Мои просьбы организовать поочередную помывку в походных банях с внеплановой сменой белья и хотя бы частичной санобработкой обмундирования вроде бы были услышаны, но почему-то долгое время не были реализованы.

Наконец невдалеке от наших окопов, в низине, развернули походную дезинфекционную камеру, на солдатском жаргоне —

«вошебойку». И главное, без бани и без смены белья. Поочередно сдавая в нее то гимнастерки с брюками (оставаясь на холоде в нижнем белье), то рубахи с кальсонами, бойцы прожаривали свое обмундирование. А мы, командный состав, сдали туда и свои меховые жилеты, считая их главной причиной постигшего нас бедствия. Сами мы почему-то не сообразили и никто не предупредил нас, что от высокой температуры в этой дезкамере наши жилеты съежатся и покоробятся, что их не только носить не придется, но даже надеть не удастся.

Конечно, эти «вошебойные», но не кардинальные меры, да еще то, что нам стали выдавать пакетики «дуста» — порошка, который мы засыпали прямо за воротник, под нательное белье, а потом вытряхивали из белья эту тварь, — лишь в какой-то степени уменьшили активность кровососов, но окончательно победили их мы позднее. Забегая вперед, скажу, что в начале декабря мы ушли на переформирование, хотя и не далеко, но все-таки в тыл. И только там, после неоднократных санобработок, стрижек и помывок в походных и в деревенских банях нам удалось одержать окончательную победу в войне с паразитами. И решающий вклад в эту победу внес непререкаемый медицинский авторитет — наш батальонный доктор Степан Петрович Бузун, где-то раздобывший так называемое мыло «К», жидкое, ужасно едкое, которое уничтожало непрошеную живность иногда вместе с верхним слоем кожи. А вскоре нам выдали и новенькие, ароматно пахнущие овчиной меховые жилеты, и мы снова были счастливы.

В окопах покоя нам фрицы не давали, пытаясь прощупать надежность нашей обороны сильными артналетами, после которых, как правило, происходили наскоки больших, иногда до роты, групп с танками. Часто слышали горячие бои на флангах, где стойко держали плацдарм и гвардейцы, и даже по «солдатскому телеграфу» доходили вести о каком-то тогда еще неведомом нам «штурмбате».

Впервые я видел, как против танков воюют зенитчики, стоящие на позициях за нашими окопами, как их скорострельные пушки били немецкие танки меткими выстрелами прямой наводкой и как сразу несколько машин загорелись. После этого атака немцев захлебывалась, не успев докатиться до наших траншей. Применение зенитных установок против наземных целей и в других боях всегда вызывало восхищение.

Подобные наскоки на нашу оборону были похожи на разведку боем с целью выявить нашу систему огневых точек, а заодно и захватить «языка». Однако на нашем участке им этого так ни разу и не удалось, хотя о том, что на других участках обороны их

попытки бывали не бесплодны, до нас слухи доходили. И я еще тогда подумал: хорошо, что не согласился на требование комбата Батурина часть изрядно поредевшей роты разместить во втором эшелоне при создании ротного опорного пункта (РОП).

Отпор немцам мы давали надежный теми немногими огневыми средствами, которыми рота располагала тогда, и фрицам ни разу не удавалось приблизиться к нам даже на расстояние броска гранаты. Показалось мне, что и Батурин понял это, а может, его сумел убедить кто-нибудь из замкомбатов — он больше не поднимал вопроса о РОПе. В роте уже были более или менее скомплектованы два взвода, и ко мне в роту был назначен из батальонного резерва новый командир взвода — старший лейтенант Ражев Георгий Васильевич, человек веселый, общительный, старше меня по возрасту, а как выяснилось позже, уж очень неравнодушный к дамам, да и к спиртному тоже. И стала рота наша под командованием одних старших лейтенантов «старлейтской», как говорили флотские штрафники.

Мощные артналеты иногда приводили к серьезным потерям. Люди гибли не только от своей неосторожности или небрежности. Были случаи и прямого попадания крупнокалиберных снарядов и мин в окопы и легкие земляные укрытия. Леса поблизости не было, а для построения надежных землянок ни бревен, ни досок нам брать было неоткуда. В один из таких налетов был серьезно контужен и новый взводный Ражев. Недели две он почти ничего не слышал, но в лазарет или в медсанбат уходить не соглашался. Так и управлял своим взводом!

Но особенно мне запомнилась гибель бойца-штрафника Кости Смертина, бывшего в роте одним из наблюдателей. Кажется, 10 или 11 ноября я был рядом с ним и с биноклем параллельно тоже вел наблюдение. Мне удалось обнаружить хорошо замаскированную позицию немецкого снайпера. И я предупредил об этом Костю, сказал ему вести себя более осторожно — может быть, этот снайпер за кем-то из нас охотится. Мое предположение не замедлило подтвердиться: едва я успел передать бинокль Косте и хотел присесть, как над моей головой просвистела пуля. Мне и здесь повезло, как часто это случалось со мной. А Смертина я не успел заставить присесть: он хотел, видимо, тоже посмотреть, откуда ведет огонь снайпер. И вторая пуля угодила Косте прямо в середину лба, чуть выше переносицы. Он как-то медленно сполз на дно окопа, будто осторожно сел, поднял кверху необычно забегавшие глаза, а губы зашептали что-то бессвязное, непонятное. Его лицо быстро приобретало пергаментный оттенок. Перевязочный пакет был при мне, я попытался наложить повязку на его, казалось, такую маленькую

рану, из которой слабо струилась кровь. Но буквально через полминуты Костя перестал дышать, умер.

Жаль его было особенно, может, потому, что я не успел его вовремя одернуть, а может, потому, что последнее мгновение его жизни завершилось прямо на моих руках, и мне не дано было понять, что он хотел сказать невнятным шелестом губ и своими выразительными голубыми глазами. Фамилию Кости я запомнил, потому что девичья фамилия бабушки моей по материнской линии тоже была Смертина. Когда он прибыл во взвод, который формировался еще до выхода на Нарев, я даже поинтересовался его родословной, чтобы установить, не родственники ли мы. Но если у моей бабушки была часть крови хакасской, заметно были выражены характерный разрез карих глаз и четко обозначенные скулы, то этот парень был родом из Ярославля, и черты лица его были, какими наделял я в своем воображении древних русичей.

В связи с этим случаем хочется еще вот что вспомнить. У нас в батальоне не было принято надевать стальные каски. Считалось каким-то шиком, что ли, обходиться без них, хотя они на батальонном складе были и наши снабженцы не раз их нам предлагали. Не знаю, откуда пошло это пренебрежение к каскам, но было оно стойким. И мы, командиры, своим, как теперь видится, неразумным примером, наверное, тоже укрепляли эту не очень правильную традицию. Не думаю, что в случае с Костей каска могла сохранить ему жизнь, ведь пуля попала ему чуть-чуть выше переносицы и каска все равно не прикрыла бы этого места. Да и сколько приходилось видеть простреленных касок! Но даже после этого касок так никто и не надевал…

Еще некоторые подробности фронтового окопного быта. Наступала зима, а окопной жизни, вообще-то нехарактерной для штрафников, пока не было видно конца. Мы, как могли, устраивали свое «жилье»: отрывали подбрустверные ниши, но не более чем на два человека, хорошо помня трагический случай с Иваном Яниным, о гибели которого я уже рассказал. Какими-то невероятными путями, включая ночные вылазки за передний край к остаткам разрушенного войной сарая, который немцы периодически обстреливали, бойцам удавалось раздобыть то обломки досок или жердей, а то и целые горбыли. Добываемый с большим риском «строительный материал» позволял даже сооружать примитивные земляные закуточки наподобие маленькой землянки, в которой размещался я. В них можно укрыться от мокрого снега либо просто обогреться и даже немного обсохнуть.

В стенке землянки делали углубление с отверстием наружу, под дымоход, и жгли в этой «печурке» все, что может гореть:

обертки от пачек с патронами, какие-то щепочки, палочки, сухую траву, кустарник и прочее. Но что меня поначалу не только удивило, но даже напугало — жгли в этих примитивнейших очагах обыкновенные толовые шашки, конечно, без взрывателей. Тол в огне плавился и довольно медленно и чадно горел, отдавая более или менее значительное количество тепла. Но страшно было то, что, если вдруг в огне случайно окажется хоть один, пусть даже пистолетный патрон, он сыграет роль детонатора, и тогда… Нет, уж лучше не фантазировать… Поэтому, узнав о таком способе отопления, я приказал взводным офицерам строжайше контролировать этот отопительный процесс. Не дай бог, если вместе с обертками от просмоленных патронных пачек попадет туда хоть один патрончик!!!

Входы в такие землянки завешивались солдатскими плащ-палатками. Поэтому, когда не топилась «печь» и когда нужно было написать докладную, боевую характеристику на бойца или письмо, пользовались, как встарь, лучинами. К тому времени трофейные парафиновые плошки, доставшиеся нам еще в боях на левом фланге, давно были израсходованы, и идею их замены подсказал нам Валера Семыкин, передавший мне большую катушку трофейного телефонного провода, который имел плотную резиновую изоляцию и просмоленную оплетку. Подвешивали этот провод по длине «потолка» так, чтобы один конец его был несколько выше другого, и поджигали его верхнюю часть. Огонь, постепенно пожирая оплетку с изоляцией, перемещался вниз по проводу. Нужно было только вовремя потянуть обгоревшую часть провода с катушки, лежащей здесь же, в землянке. Света было не ахти как много, но зато вони, а особенно копоти — хоть отбавляй! Утром, выходя из землянки, мы часто были похожи не то на чертей из преисподней, не то на воображаемых и не виденных нами тогда еще негров. И нелегко было снегом с мылом содрать с лица эту ужасную маску. Хорошо, если выпадал свежий снежок, тогда он, еще не запорошенный пороховой гарью и землей от взрывов, был нам отрадой.

Здесь, в окопах Наревского плацдарма, 18 ноября я встретил свой очередной день рождения. Исполнился мне тогда 21 год. Мы в войну так стремительно взрослели, что, казалось, уже прожили большую, долгую жизнь и чувствовали себя далеко не юношами, каковыми в действительности были. Мой новый взводный Жора Ражев однажды доложил, что штрафники называют меня между собой почетнейшим званием Батя, еще совсем юного по сравнению с ними. Видимо, учитывая мое заботливое отношение к штрафникам, которое во мне сформировалось под действием примеров комбата Осипова, которого все, и штатные офицеры, и

штрафники, заочно называли не комбат, а Ком-Батя либо просто Батя. То и дело было слышно: «Вон Батя идет» или «Тебя Ком-Батя вызывает». Теплым словом Батя называли и генерала Горбатова, и маршала Рокоссовского. Меня же назвали оригинальнее, вроде бы как-то «приземленнее», что ли, — Штрафбатя. Дескать, только в среде штрафников. Не скрою, очень лестным для меня была эта новость. Потом я отрастил усы, чтобы казаться старше своего «бесстыдно юного возраста», как говорил мне один пожилой штрафник (по тем нашим меркам 40-летние были стариками).

Уже после войны многие из тех, кто слушал мои рассказы о войне, задавали один и тот же вопрос: как мне, лейтенанту, едва перешагнувшему 20-летие, удавалось управлять таким необычным подразделением, людьми, чаще всего и с боевым опытом побольше, и возрастом старше, и воинскими званиями повыше. Тем не менее подчеркнутое уважение к «начальственной» должности каждого из нас, их командиров, и не вызывающая сомнения готовность выполнять наши приказы казались иногда похожими на уступки. Может, еще и потому, что почти все мы были совсем молодыми, недавними мальчишками, а многие из штрафников были уже семейными людьми, и мы, как я уже говорил, напоминали многим их детей.

В этом случае мне всегда вспоминался училищный замкомроты лейтенант Паршин. Был он хоть всего-навсего лейтенантом, но намного взрослее нас, новоиспеченных лейтенантиков. Так вот, когда он напутствовал нас при выпуске из училища, говорил так: «Запомните на всю свою жизнь непреложную истину: власть на дороге не валяется. Если начальник хоть на минуту свою власть обронил, то ее тут же поднимут подчиненные, и чаще всего не лучшие из них. А держать власть крепко и надежно чаще всего удается тем, кто не „горлом“ берет, а твердостью и справедливостью». Да и еще до штрафбата один из моих начальников, а потом и послевоенный начальник в ВДВ любили повторять: «Тенором не командуют!» Поэтому в своих отношениях со штрафниками, да и в дальнейшей армейской службе мне, наверное, удавалось совмещать эти простые, но и мудрые советы.

Тогда, в ноябре 1944 года, с моим днем рождения совпало сообщение об учреждении Дня артиллерии, который в ознаменование подвига артиллеристов в Сталинградской битве должен был впредь отмечаться 19 ноября. И в этот день нам, хотя мы и находились в обороне, ради праздника выдали по фронтовой чарке водки. Так что отметили одновременно и мой день рождения. Радостно было, что со своей наркомовской дозой пришли поздравить меня и Иван Матвиенко — бывший мой

ротный, и Валера Семыкин — ПНШ-2, и Филипп Киселев — начштаба, и Алеша Филатов — замкомбата. Так что с участием еще и моих окопных коллег Феди Усманова, двух Георгиев — Сергеева и Ражева компания оказалась очень дружеской, теплой и по-фронтовому братской. Помянули мы и Ваню Янина с Федей Давлетовым, и всех, кого уже навсегда унесла эта страшная и долгая война, конец ее был уже ближе, чем год назад.

Вскоре мне принесли письмо от Риты, моей знакомой еще по запасному полку под Уфой. Более года длился наш почтовый роман, мы привычно обманывали цензуру и по начальным буквам имен людей, которые «поздравляли» меня с днем рождения, я определил, что их госпиталь теперь в польском городке Лохув, оказавшемся не очень далеко от наших позиций.

В первых числах декабря нас вдруг сняли с обороны, которую мы спешно передавали полнокровной стрелковой роте, и стали готовиться к выводу на переформирование. Оказывается, комфронта маршал Рокоссовский, узнав, что «банда его имени» все еще с октября на передовой, приказал освободить всех штрафников, заслуживших своей храбростью и стойкостью досрочное освобождение, а также у кого истекли сроки пребывания в штрафбате. Радости нашей, особенно тех, кого это непосредственно касалось, не было предела. Жаль только, что многие не дожили до этой счастливой минуты.

На следующий день, передав участок обороны соседям, пройдя со своими бойцами километра два, были у штаба батальона, в домике на краю почти полностью разрушенной небольшой деревеньки. С тревожно бьющимся сердцем (ведь за эти полтора месяца столько между нами произошло!) я пошел докладывать комбату строевую записку о составе роты и боевые характеристики на подлежащих восстановлению. Воспользовавшись подходящей минутой, попросил разрешения отлучиться на 3–4 дня, чтобы навестить в госпитале невесту. За меня в роте я предложил оставить командира пулеметчиков, старшего лейтенанта Сергеева, он был моим заместителем.

Комбат, хотя и не сразу, но назвал населенный пункт, в котором должны будут сосредоточиться батальонные тылы, штаб и вся моя рота в полном составе, и приказал мне быть там не позднее чем через два дня. А роту временно подчинить старшему лейтенанту Усманову. Конечно, он был прав, ведь Сергеев состоял в штате пулеметной роты, а не моей. Я был рад неожиданно бесконфликтному разрешению моей просьбы, не успел даже удивиться легко полученному мной непредвиденному отпуску. Получив карту с маршрутом до будущих пунктов дислокации и

сдав старую, спросил разрешения идти, тут же выскочил с одной мыслью — успеть! Больше года прошло с тех пор, как я расстался со своей знакомой в Уфе, и вот теперь, после долгой переписки, может наступить наша встреча уже на фронте.

Короткие распоряжения Феде Усманову, который все понял с полуслова. И я, схватив вещмешок, где был мой сухой паек и немудреные пожитки, уже спешил к недалекой дороге, по которой в обоих направлениях не часто, но проходили автомашины. По новой карте определил, что сегодня же на попутках смогу добраться до Лохува.

Свидание это, очень кратковременное, конечно, состоялось. Главное, из рассказов Риты понял, что из-за затишья на фронте раненых поступает немного, в госпитале возобновил «работу» коллектив художественной самодеятельности, в котором она тоже состоит. По каким-то замполитовским планам такие коллективы выезжают в воинские части, находящиеся на отдыхе. Не исключена, подумали мы, возможность, что и к нам, выведенным на формирование, вдруг да зашлют их. На всякий случай показал Рите на карте пункт, помеченный мне комбатом, куда я должен прибыть по окончании «отпуска». Мало ли что может случиться, ведь жизнь на фронте непредсказуема. Что произошло далее — в следующих главах.

Глава 16
От Вислы до Одера. Варшава, Германия, Альтдамм

Когда я вижу, как убитый
Сосед мой падает в бою,
Я помню не его обиды,
Я помню про его семью.

Мне представляется невольно
Его обманчивый уют.
Он мертв уже. Ему не больно,
А их еще… письмом убьют!

Иосиф Уткин, погиб в 1944 году

«Ну и везунчик ты, Шурка!» — вспомнились мне слова деда моего, сибиряка, чалдона, Данилы Леонтьевича Карелина, когда я удачно добрался попутными машинами до места на шоссе, откуда рукой подать до указанных мне на карте комбатом польских деревушек. Да и сам дед мой тоже был «везунчиком», когда он, по его рассказам, в молодости хаживал на медведя с рогатиной и с десяток раз весьма удачливо. И сам я видел его удачливость, когда во время своих зимних каникул, в 3-м или в 4-м классе, приезжал к нему в дальневосточный поселок Сагды-Биру, между Бирой и Биробиджаном. Тогда, после трехдневной охоты в тайге, он вдруг прибежал домой, срочно запряг в сани свою лошаденку и уехал снова в тайгу, а назавтра привез лежавшего во всю длину саней убитого тигра, хвост которого волочился по снежной колее. Тогда я впервые увидел настоящего, хотя и убитого тигра. Так что «везунчиком» я был, наверное, в деда-сибиряка.

Мне без особого труда удалось найти свой батальон. Он размещался в нескольких деревнях вокруг села Буда-Пшитоцка. Нашел я комбата, доложил ему о прибытии, довольный тем, что мое правило быть пунктуальным меня не подвело. Здесь наши дни были загружены отчислением из штрафбата отвоевавшихся, переформированием подразделений. Пополнения поступало мало, но, чтобы комсостав рот, взводов и других подразделений

батальона «не дремал», комбат приказал пополнение штрафников принимать во всех ротах, формировать все штатные взводы, хотя и весьма малочисленные, а затем уже сводить их под командованием того командира, которому выпадет судьба вести сводную роту в боевой поход.

Конечно, большим плюсом этого метода была эффективность обучения, когда на каждого «учителя»-офицера приходилось не 25–30 обучаемых, а всего 5–7 штрафников. Главным же недостатком этого «дробного» метода мы считали то, что при этом и командиры сводных подразделений плохо знали большинство своих бойцов, и сами бойцы не чувствовали локтя друг друга. В бою же это важнее важного! Но приказ есть приказ. Многие из нас догадывались: свое новшество Батурин ввел, чтобы лишить офицеров-командиров времени для разрастания недовольства столь своеобразным его, Батурина, отношением к личному составу, проявленным им во время боев на Наревском плацдарме. Вероятно, определенный резон в этом был. Такое новшество не давало возможности комсоставу расслабляться в условиях определенной разрядки после длительных и очень напряженных боевых действий и давать волю разгулявшимся нервам после боев. Тем более что здесь появилась реальная опасность любителям «приложиться», успокаивать эти нервы «бимбером», которого у поляков было «немерено».

В общем, начались по-батурински разобщенное формирование батальона и боевая подготовка подразделений, о минусах и плюсах которых уже было сказано. Кроме времени, что уходило на формирование и боевую подготовку, вечерами выкраивали его и на личные нужды, но никаких «песенных вечеров», как в Белоруссии при другом комбате, полковнике Осипове, не случалось, общее настроение было вовсе не песенным. Тем более что все мы ожидали нового наступления и опасались, не повторится ли «наревский» его вариант с минным полем. Новый комбат, пока батальон находился вне боевых действий, установил и новый порядок питания комсостава. Раньше не только в боевой обстановке, но и в «мирных» условиях, то есть на формировании, все мы питались из общего солдатского котла, и только дополнительный офицерский паек немного отличал наше меню от содержимого котелков штрафников.

Теперь штатные офицеры питались отдельно от бойцов-переменников, в более или менее вместительной «столовой». Готовили нам отдельно. Не скажу, что заметно лучше, чем в ротной походной кухне, но зато ели мы здесь не из котелков, а из алюминиевых мисок, раздобытых где-то вездесущим начпродом

Зельцером с непривычным именем Меер, хотя все звали его более привычно — Моисей и даже Миша. До прибытия в батальон учил готовить пищу на фронтовых курсах армейских поваров. И такие курсы на фронте были!

Наше меню теперь изредка украшалось перепадавшим и на нашу долю коровьим молоком. Оказывается, новый комбат имел слабость к этому диетическому напитку. Еще на Наревском плацдарме, пока мы вели тяжелейшие бои за его расширение, ему раздобыли пару дойных коров. Конечно, содержать их могли только в приличном удалении от обстреливаемого переднего края, где обычно размещал свой КП Батурин. Перевозили их в специально приспособленном для этой цели грузовичке.

Вот с «барского» стола и нам иногда доставались то «кава» (кофе), то чай с молоком. Комбату же с заместителями готовили отдельно от общей офицерской кухни. Не думаю, что стол у комбата был действительно «барским», но дистанция соблюдалась строго. Осипов, предыдущий наш комбат, к подобной «дистанции» не стремился, питался, как и все мы, с общего котла, что не снижало ни дисциплины, ни боеспособности, ни комбатовского авторитета.

Иногда, на каком-нибудь очередном, не так уж часто случавшемся во время ужина «сабантуе», как называл Федя Усманов эти мини-застолья по особо торжественным случаям, считалось шиком вместо «бимбера» с его весьма неприятным «ароматом» употреблять чистый спирт, который доставали изредка. Спиртзаводов в Польше оказалось немало, и поляки этим спиртом успешно и выгодно приторговывали, особенно в обмен на какие-нибудь трофейные часы и безделушки вроде зажигалок, портсигаров и т. п.

Вскоре на небольшом таком сабантуйчике «обмыли» и мои капитанские погоны, и новые звания других офицеров. И как-то особенно грустно отмечали уход на другой, 2-й Белорусский фронт нашего любимого маршала Константина Рокоссовского, которого все мы любили особой сыновней любовью.

К этому сабантую придуманный штрафниками моей роты неофициальный ранг Штрафбатя как-то сам по себе трансформировался штрафниками в более привычное слово Батя. Лестно было это мне, 21-летнему офицеру, не скрою, но и побаивался, как непредсказуемо может на это отреагировать безмерно самолюбивый Батурин, озлобившийся на меня еще на Нареве. Но вроде бы заметных последствий никаких не наступило.

Между тем пополнение в батальон продолжало прибывать, но

все с меньшей интенсивностью. Видимо, затишье на фронте, отсутствие широкомасштабных, активных боевых действий не давали повода ковать для нас кадры штрафников трибуналам, а также некоторым большим командирам с правом лично направлять в штрафбаты, так просто решавшим проблемы воспитания офицеров.

Впервые за все время существования нашего штрафбата стала появляться новая категория штрафников — бывших офицеров, осужденных еще в начале войны и даже до нее и отбывших уже некоторую часть своего длительного наказания либо в тюрьмах, либо в лагерях. Как стало нам известно, их на фронт не этапировали, как заключенных не офицеров, добившихся направления на фронт в армейские штрафные роты, а направляли часто даже без сопровождения, не только без охраны.

Тогда вся наша страна уже чувствовала приближение конца войны, и многие заключенные, в ком сохранилось еще понятие патриотизма, понимали, что придет она — долгожданная и теперь уже неизбежная Победа, а потом и пора их освобождения, а может, даже амнистия по случаю добытой их сверстниками Победы. И вот тогда им, избежавшим войны и участи погибнуть в ней, как миллионам соотечественников, нелегко будет возвратиться в уже другое, опаленное тяжелейшей войной общество, победившее врага в смертельной схватке. Нелегко будет жить тогда им среди тех, у кого родные погибли в боях за Родину, положив свои жизни на алтарь Победы над фашизмом. Такие вот раздумья и приводили многих к решению просить о замене оставшихся сроков лишения свободы на отправку в действующую армию, пусть и в качестве штрафников. Далеко не всем просившимся оттуда на фронт такую возможность предоставляли. Но случаи такие были не единичными, вплоть до самого начала Берлинской операции.

В общем, формирование и обучение шло установленным порядком, боевая учеба была весьма напряженной. Как всегда, особое внимание обращали на бывших офицеров тыловых служб, летчиков, танкистов и вообще на всех, у кого были слабые навыки владения стрелковым оружием и недостаточная маршевая подготовка. Тем более на бывших заключенных, которые часто были и физически слабее других, и оружие давно в руках не держали. Во взводах было пока максимум по 7-10 человек, и это давало возможность взводным командирам даже составлять при необходимости индивидуальные графики занятий и тренировок, даже подбирая себе помощников из числа штрафников, имеющих боевой пехотный опыт.

Обучаемые в большинстве своем понимали, что именно здесь

полностью оправдывает себя суворовская «наука побеждать», в частности, ее постулат «Тяжело в учении — легко в бою», хотя знали, что штрафбатам легких боевых задач не ставят. А штрафники, считавшие себя смертниками, начинали понемногу понимать, что они не пойдут в бой в качестве пушечного мяса. Их просто настойчиво учат лучше действовать на поле боя, чтобы по возможности сохранить свою жизнь, уверенно поражая противника. Это помогало им понимать необходимость напряженности боевой учебы «до седьмого пота». Понимали они, что если им теперь суждено бывать в боях на самых опасных участках фронта, то лишь собственное умение может стать гарантией выживания. Контроль за боевой подготовкой тем не менее был организован хорошо. Заместители комбата, начальники служб постоянно находились в ротах и взводах. Нам, командирам штрафников, эта учеба доставалась иногда не легче, чем самим обучаемым.

Нашли тогда в каком-то карьере подходящее место для стрельбища, где вели огонь по мишеням из всех видов стрелкового оружия, а из ПТР — по брошенной немцами, подбитой и сгоревшей самоходке. В ближайшем лесочке даже был огорожен участок — полигон для минометчиков. И почти ежедневно они били туда с закрытых позиций. Боеприпасов для обучения бойцов-переменников не жалели ни мы, ни снабжающие нас службы фронта. В общем, изобретательностью и выносливостью наших командиров подразделений и офицеров спецслужб батальона можно было удивляться и даже гордиться. И главным стимулом всего этого был, конечно, не столько неусыпный контроль, сколько желание избежать ввода в бой неготовых бойцов, а значит — и неоправданных потерь.

Конечно же, находилось время и для развлечений. Заметили мы, что по полям, не обращая внимания на появившееся в окрестных деревнях воинство, прыгают внушительных размеров зайцы. И вот мне, коренному дальневосточнику, захотелось испытать сибирские гены деда-охотника, и пошел я в поле с пистолетом. Думаю, если повезет, то на ужин будет у нас зайчатина. Не с первого выстрела, но уложил все-таки довольно жирного зайчишку. Прихожу к дому пана Круля, в котором размещались офицеры роты, а там!!!

Мой ординарец Николай помогает снять шинелишки с трех девиц, среди которых и… Рита. Ну, думаю, значит, будет у нас концерт госпитальной самодеятельности. Но оказалось, что их «концертная» группа следует в город Седлец, а они отпросились заехать к нам.

С чьей-то подачи возникло предложение «сыграть» нашу

свадьбу. Неожиданно Рита согласилась, будто этого ожидала. Заяц пришелся кстати, Николай приготовил жаркое. Вечер был в самом разгаре, когда вдруг прибывшие с Ритой девушки, словно по договоренности, к разочарованию некоторых моих офицеров, засобирались уходить.

Девушек к шоссе вызвался проводить Жора Сергеев. Вот так, без особых каких-то ритуалов, стали мы мужем и женой. Утром повел я жену к комбату, чтобы сообщить ему об изменении моего семейного положения, а заодно отметить этот факт в наших личных документах. Батурин сказал, что не одобряет нашего решения, и отказал нам в «регистрации». «Вот кончится война, останетесь живы — тогда и женитесь по всем правилам». Проводил я Риту до шоссе, посадил в проходящий грузовичок. И кто его знает, как дальше сложится жизнь наша, ведь конец войны еще никто предсказать не мог.

Шел к завершению декабрь 1944 года. Новый, 1945, год мы в батальоне встретили за общим столом. В этом торжестве, организованном по инициативе и распоряжению комбата, приняли участие и сам комбат Батурин, и все его заместители, штаб, начальники служб и офицеры подразделений. Такое дружное застолье было у нас впервые.

Оказалось, что близко к Новому году был день рождения у Пети Смирнова, у Саши Шамшина, моего тезки и почти ровесника, как мне сказал сам мой бывший ротный, теперь замкомбата майор Матвиенко. К торжественному ужину я спешно подготовил несколько стихотворных посвящений моим боевым друзьям, и как тепло они были приняты! Даже Батурин, не щедрый на открытое выражение положительных эмоций, аплодировал. Как счастливый прогноз на будущее, под одобрение всех на этом вечере прозвучали и мои слова:

Путь не окончен. Идти еще много,
И на Берлин нам дорога — «Вперед!».
Знаем: дойдем до порога берлоги,
Раненый зверь там могилу найдет!

Точно, добьем мы врага без сомнений,
Может, недолго еще воевать!
Скоро, когда-нибудь в мае весеннем,
Будем в победные дни ликовать…

Тогда мы и не предполагали, как близко окажутся мои слова от реальных сроков долгожданной Победы!

Вот мы и встретили новый, не сомневаясь, что уже победный, год! Операцию по освобождению Варшавы и всей остававшейся еще под фашистским игом Польши, как нам стало известно позднее, Ставка планировала начать 20 января 1945 года. Значительно раньше британский премьер Черчилль попросил Сталина немедленно начать наступление со стороны Вислы, чтобы отвлечь туда возможно больше сил немцев и спасти войска союзников, терпящих поражение в Арденнах. Сталин пошел навстречу этой просьбе о помощи, и Ставка перенесла начало Висло-Одерской операции на 12 января.

Буквально через несколько дней после встречи Нового года мы стали спешно сводить свои разрозненные подразделения в единые взводы той роты, которой было приказано командовать капитану Ивану Бельдюгову.

Это был небольшого роста офицер, крепкий, я бы даже сказал, кряжистый, широколицый и большелобый, выделявшийся среди многих своим невозмутимым на первый взгляд спокойствием. Однако он был способен неожиданно прорваться неудержимой резкостью, если будет выведен из состояния равновесия. В его роте срочно формировали взводы офицеры с уже солидным штрафбатовским боевым опытом: капитан Василий Качала, воюющий в штрафбате с самого Сталинграда, старший лейтенант Александр Шамшин, а также недавно прибывший в батальон тоже старший лейтенант Алексей Афонин. Всем пришелся по душе этот скромный, улыбчивый, казавшийся тоже очень молодым офицер, но, как мы узнали потом, — почти на целых 4 года старше меня и Шамшина. Афонин был высоким, широкоплечим и, как оказалось, дьявольски выносливым человеком. И чем труднее ему бывало, тем больше пробуждалось в нем упорства и иронии, поднимавших дух его бойцов.

Когда я познакомился с Алексеем Афониным поближе, оказалось, что мы оба окончили одно и то же 2-е Владивостокское пехотное училище в Комсомольске-на-Амуре, лазали по одним сопкам, питались в одной курсантской столовой, охраняли в карауле одни и те же объекты. Правда, производство в лейтенанты у меня состоялось несколько раньше. Алеша тоже хорошо знал Дальний Восток, что нас как-то особенно сближало и даже роднило. После окончания училища — как и я, по первому разряду, то есть на «отлично» — он убыл в действующую армию на Центральный фронт. Тяжелое ранение в боях на Курской дуге привело его в госпиталь Новосибирска. Длительное лечение, затем курсы командиров рот, а в нашем штрафбате всего только должность командира взвода.

Я всегда не переставал удивляться, как это меня, тогда еще

необстрелянного лейтенанта, взяли в штрафбат в 1943 году и даже назначили командиром взвода разведки штрафников. Понятно, что в офицерский штрафбат на командные должности полагалось направлять боевых, наиболее опытных офицеров. Наверное, был я хотя и не единственным, но исключением, что часто возвращало меня к мыслям о причинах этой исключительности, связывая их с моим отцом и братом матери, осужденными тогда по известной 58-й. А вот Афонин, старше меня и по возрасту, и по стажу армейской службы, имеющий боевой опыт и ранение, окончивший курсы командиров рот, назначен был командиром стрелкового взвода. Мой друг Петя Загуменников тоже пришел в штрафбат на должность командира взвода штрафников, хотя на фронте был командиром роты, ранен.

У нас совсем немного времени оставалось для боевого расчета и сколачивания подразделений (вот когда всем стали понятны минусы метода «дробного» их формирования). Уже 11 января рота в полном составе пешим порядком ушла на Магнушевский плацдарм, захваченный еще летом на западном берегу Вислы южнее Варшавы, и вошла в подчинение генерала Белова, в 61-ю армию. По уже хорошо поработавшему деревянному мосту ночью, выдавшейся достаточно темной, рота перешла на плацдарм.

Через много лет после войны, когда я встретился с бывшим переменником нашего штрафбата Басовым, выяснилось, что именно этот мост через Вислу строил он после восстановления инженером-мостостроителем в саперном батальоне фронта.

Весь лед на Висле был будто изрыт каким-то странным плугом от берега до берега. Это были следы бомбежек и артобстрелов. 14 января оттуда наша рота штрафников пошла в наступление вместе с частями 23-й стрелковой дивизии 61-й армии, включившись в Висло-Одерскую стратегическую наступательную операцию, начавшуюся двумя днями раньше.

Еще одна новая система, батуринская: заместителя Бельдюгову не назначили (как это был, например, Янин в роте Матвиенко), но мне было приказано идти с Бельдюговым резервным ротным вроде дублера. Я официально не входил в состав воюющей роты, а со своим ординарцем и двумя связными обязан был находиться поблизости, чтобы в случае необходимости возглавить роту. Но это было как неудобно, так и неестественно: ощущение твоей то ли ненужности, то ли некомпетентности. Уж лучше бы меня назначили с понижением его заместителем или даже взводным, чем так вот, в

неопределенной бесправной роли быть рядом, но не вмешиваться в его дела, пока он не выведен из строя. На самом деле так не получалось. Кроме того, как-то неестественно, когда трем штрафникам, находящимся со мною, эти бои идут в зачет штрафного срока, а я вроде бы где-то витаю в безопасном эфемерном пространстве.

Вначале роте была поставлена задача захватить господствующую над прилегающей местностью высоту, с которой немцы подавляли огнем любые попытки продвижения наших подразделений. Мы оба с Бельдюговым пришли к единому решению: используя поросший кустарником ручей, уходивший в тыл к немцам и впадавший в недалеко протекавшую речку Пилица (запомнил название — схожее с моей фамилией), обойти эту злосчастную высоту и атаковать ее с тыла. Задачу эту Бельдюгов поручил взводному капитану Василию Качала. Тот успешно, незаметно для фрицев обошел высоту и внезапно нагрянул на них с тыла.

Это был рывок, рассчитанный разве что на одну внезапность, и от его стремительности зависел исход атаки: либо наши бойцы полягут все на этом голом, промерзшем косогоре, либо возьмут эту проклятую высоту. Бой был яростным. Воспользовавшись тем, что немцы перенесли огонь и все внимание туда, в свой тыл, Бельдюгов поднял роту в атаку с фронта. Высота была взята, и первым достиг ее подножия взвод под командованием Алеши Афонина при поддержке пулеметов Сережи Писеева. Нам удалось выйти к Пилице. Потери были, но не очень большие.

По моим книгам меня нашел внук одного штрафника, Андрей Антонович Изотов. Он прислал мне документы на бывшего майора-авиатора Терекова Николая Семеновича, из которых следует, что Тереков был тяжело ранен именно в этом бою 14 января и впоследствии умер от ран. Жаль, что сообщение Андрея Изотова я получил уже после того, как мой друг Алексей Афонин, последние годы которого проходили в Омске и с которым мы поддерживали не только эпистолярные контакты, в январе 2012 года уже покинул наш мир, и я не смог уточнить подробности, связанные с ранением бойца Терекова, по моим предположениям тот был в его взводе.

Многие годы спустя я узнал, что в августе 1914 года здесь, у реки Пилица, воевал молодой драгун 5-й кавалерийской дивизии Константин Ксаверьевич Рокоссовский.(Ксаверьевич — это его настоящее польское отчество, по-русски оно почти всегда звучало да и писалось Савельевич). Поэтому позже он изменил его на Константинович. За дерзкий подвиг во время разведки сил противника за рекой Пилица он был удостоен своей первой

воинской награды — Георгиевского креста. Жаль, в 1944 году мы этого не знали.

После захвата высоты наступление началось по всему фронту полка, с которым взаимодействовала рота штрафников. Вскоре вся 23-я стрелковая дивизия, в тесном соприкосновении с полками которой теперь действовала наша рота, приняла направление наступления на север, в сторону Варшавы. К исходу 16 января мы овладели ж/д станцией Влохы, что на южной окраине какого-то пригорода Варшавы, столицы Польши. После этого роту вывели во второй эшелон, и войска с танками пошли дальше, на штурм Варшавы, которую освободили полностью 17 января. Обидно, конечно, было нам: до Варшавы дошли, но честь войти в нее с боями нам не светила. Считалось тогда неприличным, что ли, чтобы именно штрафники освободили хотя бы какую-то часть польской столицы. Так и в белорусские города Гомель и Рогачев мы не входили, и Брест обошли. А теперь вот и в столицу первой западной страны, в красивейший город Европы, так изувеченный немецкими завоевателями, нам не позволили войти как освободителям.

Конечно, каждый из нас этот факт понимал по-своему. Мы были средством, обеспечивающим успех другим, видимо, этим все объяснялось. Но все-таки благодарность Верховного за освобождение Варшавы мы получили. И только 18 января нам, вошедшим в Варшаву вслед за частями 23-й дивизии 61-й армии, разрешили все-таки увидеть этот красавец-город. Первое впечатление — ужасные разрушения. Это и следы подавления фашистами неудавшегося восстания варшавян, и результаты намеренного подрыва красивейших зданий города. В глаза бросались надписи по-русски на стенах домов «Проверено. Мин нет» или таблички «Разминировано».

А когда мы оказались на ведущей к центру города улице Маршалковской, заметили несколько групп саперов с собаками, делавшими свою опасную работу по разминированию. Собаки эти тщательно вынюхивали заложенную фашистами взрывчатку. Тогда я подумал, как же им трудно это делать, если весь город пропах пороховой и динамитной гарью. К моим знаниям о собаках-санитарах, о собаках-«камикадзе», подрывающих танки закрепленной на спинах взрывчаткой, прибавилось теперь еще и представление о верных помощниках наших доблестных саперов.

Здесь нас остановила группа военных, уже патрулирующих улицы, и не пустила дальше по этой некогда красивейшей улице, теперь заваленной на многих участках обломками разрушенных зданий да сгоревшими фашистскими танками. Оказывается, там еще не выставили табличек «Разминировано». Свернули вправо и

вскоре близ берега Вислы увидели сильно поврежденное здание, на фронтоне которого прочитали и перевели на русский слова: «Эмиссийный банк польский». И поскольку охраны не было, двери — настежь, решили войти. Боже, сколько и каких только денег в подвале мы там не увидели! И польские злотые в больших толстых пачках и россыпью, и еще не разрезанные листы с купюрами, отпечатанными только с одной стороны, и немецкие оккупационные рейхсмарки.

Мы посмеялись над брошенными миллионами, попинали эти пачки денег, и даже как сувениры я их не взял. После «экскурсии» в банк мы все собрались в условленном месте на западной окраине Варшавы, еще раз убедившись в вандализме гитлеровцев, превративших значительную часть города в руины. Наши офицеры и бойцы, участвовавшие в Сталинградской битве, сравнивали эти руины со сталинградскими.

Поскольку официально считалось, что в боях за Варшаву я ротой не командовал, или потому, что Батурин понял, или ему подсказали, что положение «дублера» для боевых действий противоестественно, он на отдельные этапы выводил нас из боевых порядков роты Бельдюгова и каждый раз указывал на карте пункт, в который мы к определенному времени должны прибывать, иногда на попутных машинах. В кузове такой машины, проносившейся мимо заснеженных полей или небольших рощиц, я любил стоять, облокотившись на кабину, подставляя лицо встречному ветру. От его обжигающих струй леденели щеки и деревенели губы. Это ощущение напоминало мне мой родной Дальний Восток и мое морозное детство с нередкими поездками на открытых ступеньках мчащегося поезда, когда я добирался из Облученской средней школы на выходные дни и обратно зимой при почти 40-градусном морозе.

Я не помню сейчас названия городов и местечек, куда приходилось или наступать вместе с ротой, или самостоятельно добираться разными способами. По имеющимся у меня фронтовым благодарностям Сталина за взятие и освобождение некоторых городов Польши, где рота Бельдюгова снова была в первом эшелоне дивизии, путь наш пролегал через Сохачев — Лович — Скерневице — Томашув — Конин — Ленчица.

…Бегут фрицы, бегут! То ли от неслыханного напора наших войск драпают, то ли от одного имени маршала Жукова, ставшего командующим фронтом, хотя и имя Рокоссовского наводило на немцев не меньше страха. Отступление немцев после изгнания их из Варшавы часто было просто банальным бегством, но нередко в нашем тылу, в лесах оставались довольно крупные группы

недобитых фашистов, продолжавших сопротивление. Для их ликвидации войскам приходилось выделять немалые силы.

В первой декаде февраля, числа 8-го, мы оказались в городе Кутно, где разместился штаб батальона, а через день там сосредоточились частично наши тыловые службы, вернее — их подвижные (на машинах и повозках) подразделения. Город оказался очень уютным, совсем не тронутым войной. В нем действовали даже водопровод и электричество. Наверное, или этот город немцы за какие-то заслуги пощадили, или так бежали без оглядки, что не успели нагадить. Зато на стенах домов и на заборах в обилии пестрели надписи «Pst!» («Молчи!») с изображением прижатого к губам пальца. У нас, помнится, тоже были на дорогах плакаты и щиты подобного содержания: «Не болтай!», «Болтун — находка для шпиона» и т. п. Комендант штаба разместил меня в аккуратном домике, хозяйкой которого оказалась довольно миловидная средних лет полька.

Я узнал, где размещались офицеры, состоящие в штате моей роты. Оказалось, что кроме Феди Усманова и Жоры Ражева ко мне зачислен невысокого роста, худенький, весьма симпатичный младший лейтенант Кузнецов Евгений, которого уже прозвали Кузнечиком из-за его хрупкого телосложения, которое получило у нас более подходящее определение — теловычитание. Казался он слабеньким, с каким-то совсем некомандным голосишком и был способен по-девичьи краснеть в самых неподходящих ситуациях. Мне захотелось узнать его получше, и я сказал ему перебраться ко мне. На решение взять его к себе меня подтолкнуло еще то, что наш Дон Жоруан — Жора Ражев — успел предложить мне свою компанию. Понимая, что он уже оценил прелести хозяйки моего дома и что этот его переход ко мне может закончиться какой-нибудь скандальной выходкой Жоры, я не поддался его уговорам, сославшись на то, что хочу поближе узнать назначенного в роту Кузнечика.

В Кутно мы пробыли несколько дней, и мне рассказали историю про одну «кобету», как поляки называют молодых женщин, которая сожительствовала в годы немецкой оккупации с офицером из какой-то карательной команды СС, родив этому эсэсовцу мальчишку, которому в то время уже было года два. Немец сбежал, не подумав захватить с собой и эту девицу, и потомка своего. Вот на эту тему я и написал совсем не лирические стихи, озаглавив их «Потомок фрица». В них были и такие слова:

Никогда солдат не примирится

С оправданием такой кобеты:
Каждый знает, что от рук «арийцев»
Задыхались в душегубках дети.

Ладно. Пусть ублюдки будут живы.
Пускай вырастут. Но уж потом
Кровь «арийская» застынет в жилах,
Коль узнают, кто был их отцом.

Всепоглощающая ненависть к эсэсовцам, к фашистам, считающим себя «истинными арийцами», и вообще ко всему немецкому одолевала нас. Неправильно это, сегодня понимаю, но ненависть к врагам сидела в нашем сознании тогда крепко. Вспоминались крылатые фразы: «нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души» или «если враг не сдается, его уничтожают». Вот и учились ненавидеть, стремились уничтожать. И плакаты, и газеты, и кино, да и хлесткие публикации Ильи Эренбурга и других известных писателей призывали: «Убей немца!» А Константин Симонов, обращаясь в своих стихах прямо к сердцу каждого солдата, писал:

Если немца убил твой брат,
Если немца убил сосед, —
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет.

Понимали, конечно, что убивать надо тех, кто с огнем и мечом пришел на землю нашей Родины, но вопреки логике ненависть наша распространялась на всех немцев, на все немецкое, вражеское. Даже ремни немецкие кожаные с бляхой, на которой стояло «Got mit uns» («Бог с нами»), не нужны были нашим бойцам, у которых почти поголовно были обыкновенные наши толстые, брезентовые ремни. Они были особенно неудобными, если намокнут и от этого разбухнут. Несмотря на этот недостаток, наши грубые «брезенты» не менялись у навязчивых поляков на кожаные, немецкие.

В середине февраля комбат поставил мне совсем не боевую задачу: добраться с тремя автомашинами до нашей группы тыловых подразделений, оставшихся в тех польских деревушках, в которых все мы находились перед наступлением на Варшаву. Сориентировать оставшихся там старшин этих служб, куда им следует продвигаться, чтобы соединиться со штабом и основными

службами тыла батальона. Так я тогда и не понял, почему это задание Батурин поручил мне, фактически уже полностью освободив от той странной должности при Бельдюгове. Может, все-таки этим он давал мне возможность попутно навестить жену, госпиталь которой располагался не очень далеко от прежней нашей дислокации?

Добрался туда я без приключений к исходу того же дня. Оставшемуся за начальника тыловой группы старшине Ферманюку я передал эти автомобили с предприимчивыми водителями и бочкой бензина, прихваченной с собой. Сориентировал его в особенностях дорожной обстановки, передал ему карту с нанесенным на нее маршрутом движения до Кутно. А сам без предварительного согласия комбата и под свою личную ответственность решил «дать крюк» и заехать к жене в госпиталь, поскольку он все еще оставался на прежнем месте, хотя линия фронта уже далеко продвинулась на запад.

Но получилось совсем не так, как предполагал. Рита вдруг запросилась со мной. Видимо, этот вариант был решен с ее матерью, фельдшером того же госпиталя, так как та, к моему удивлению, ее просьбу поддержала. Еще не зная, как на это отреагирует мой комбат Батурин, я согласился на эту «двойную игру», надеясь, однако, что будет еще нелегко уговорить начальника госпиталя на этот шаг. Однако и начальник госпиталя капитан медслужбы Нисонов, приняв нас, сердечно поздравил с недавней фронтовой свадьбой и, не раздумывая, дал «добро», приказав кому-то срочно оформить соответствующие документы. Такое бесконфликтное разрешение, казалось, очень непростого вопроса объяснялось просто: практически решение Риты уехать к мужу на фронт, где бы он ни находился и чего бы это ей ни стоило, было заранее согласовано.

И вот в наших руках предписание «убыть к новому месту службы в в/ч 07380». В этот же день без каких либо прощальных церемоний, собрав свои нехитрые вещички в рюкзачок, жена была готова к «свадебному путешествию в штрафбат». Пошептавшись о чем-то с матерью, накоротке расцеловавшись со своими девушками-подружками, под одобрительные напутствия высыпавших из помещения госпиталя врачей, сестер и некоторой части раненых мы тронулись в путь на поиски попутной машины. Добравшись до какой-то станции, мы, к своему удивлению, узнали, что в сторону фронта уже ходят поезда. В товарном вагоне одного из них мы только немного не доехали до Кутно, поскольку железная дорога там еще не была восстановлена. Дальше доехали попутными автомобилями.

Штаба батальона на прежнем месте не оказалось, он ушел

уже вперед. Но сюда, к счастью, к тому времени добрался Ферманюк с небольшой автоколонной, и мы уже сообща, получив сведения у местного военного коменданта о дальнейших пунктах следования штаба, отправились в путь.

Судя по карте, где-то не очень далеко должна быть уже и граница Германии, логово того самого зверя, который почти четыре года терзал нашу советскую землю, и сейчас пришло время расплаты за злодеяния. И хотя мы много месяцев ждали этого момента, наступил он все-таки почти внезапно. Переехав невзрачный мостик через не менее невзрачную речушку, мы увидели большой стенд с такой, кажется, надписью: «Воин Красной Армии! Перед тобой логово фашистского зверя — Германия!», и сразу же за мостом, на повороте дороги бросился в глаза стандартный столб с уцелевшим еще немецким указателем: «Berlin…km» и уже нашей, грубо вырубленной дощечкой с русской надписью «На Берлин!!!», прикрепленной на окоченевшем волосатом козле, привязанном к этому же столбу. Еще через несколько метров щит поменьше с надписью «Вот она, проклятая Германия!».

Проехали еще немного и перед въездом в небольшое селение увидели несколько стоявших машин и около них группу военных. Остановились и мы. Пошел я с Ритой и Ферманюком узнать, можно ли ехать дальше. Подошли ближе и… остолбенели от страшного зрелища: поперек дороги уложены пять или шесть обнаженных трупов, среди которых были мужчина, женщины и подросток лет 10–12. Видимо, это была семья. Лежали они лицом вверх, строго в ряд, и их тела были вдавлены в землю. Судя по следам танковых гусениц, какой-то наш танкист так отомстил Германии за фашистские злодеяния на нашей земле, а может, и за свою семью, погибшую таким же образом от гитлеровцев.

Рита отвернулась, уткнулась мне в плечо, ее тело стало содрогаться в едва сдерживаемых рыданиях. Мы отвели ее к нашим машинам, я старался Риту успокоить. А она сквозь всхлипывания все повторяла: «Ну зачем же так! Ну зачем!!!» Я подумал тогда, что в танкисте, совершившем такое злодеяние, говорила не просто ненависть, а злоба нечеловеческая, которую понять еще можно, но оправдать нельзя! Конечно, война прошлась по каждому из нас тем самым, окровавленным немецким сапогом, каждый знал и помнил, как эсэсовские живодеры и головорезы истязали женщин и детей, сжигали живьем и вешали, умерщвляли их в душегубках. Забыть этого нельзя и через века. Простить — тоже. Но мы же не фашисты, нельзя уподобляться им… Хотя та топорная табличка «На

Берлин» на мертвом козле — тоже не шедевр остроумия.

Объехали мы это страшное место, сделав солидный крюк по целине. И долго еще молчали. Рита то и дело всхлипывала, а меня занимали воспоминания и размышления ох какие нелегкие. Да, конечно, мы ненавидели фашистов беспредельно. И высоту накала этой ненависти трудно было чем-то снизить, особенно когда вступили на землю врагов наших. Вспомнились и мои собственные слова, написанные в том же Кутно:

Каждый потерял кто дочь, кто сына,
Кто старушку-мать или отца,
И за этот произвол звериный
Мы клялись бить гадов до конца.

Да, теперь «вот она, проклятая Германия», как все чаще кричали установленные на дорогах щиты. Невольно считаешь это тем рубежом, к которому так долго и упорно стремились все мы, но до которого не довелось дойти многим, сложившим головы далеко отсюда — под Сталинградом, Ленинградом, в Белоруссии, на Украине и на этой чужой нам польской земле. Полегли они, чтобы мы все-таки дошли сюда! Добрались мы наконец сюда, куда не дошли, не добежали, не доползли они.

Мы помним всех вас поименно, а сами наконец дошли до самого исчадия зла. Именно сейчас ваши жертвенные имена переступают ныне эту черту, этот рубеж вместе с нами, ибо без последнего в вашей жизни шага не дойти было бы сюда и нам. И еще помним мы клятвы над могилами друзей боевых — отомстить! И наше безудержное стремление к уже не такой далекой Победе — воплощение наших клятв.

Трудно, конечно, удержать от подобного мщения всю армию, воевавшую почти 4 года, воспитанную на ненависти к немцам самими фактами их зверств, да и нашей пропагандой и в стихах, и в прозе, броскими плакатами и огромными стендами. «Убей немца!», «Отомсти!», «Это просит старуха мать, это молит тебя дитя, это кричит родная земля!», «Не промахнись, не пропусти, УБИВАЙ»… Такие слова поднимали на бой и на месть, к сожалению, тоже.

Переориентировать сознание воинов на то, что воевали мы ведь не с немецким народом, а с армией, агрессивной, преступной, потопившей в крови миллионы советских людей, было ох как не просто.

Конечно, борьбу мы ведем на уничтожение фашизма и войск его, олицетворяющих кровавый гитлеровский «новый порядок». Помнили мы тогда сталинское: «Гитлеры приходят и уходят, а

народ германский остается». Но не знали мы еще, как будут складываться наши отношения с этим германским народом. Наверное, не единичные такие случаи, какой видели мы здесь, вынудили Ставку Верховного Главнокомандования вскоре издать строжайший приказ о жестоком наказании вплоть до расстрела тех, кто будет вымещать свою, пусть и понятную, ненависть к фашизму на мирном населении. Насколько действенным был этот приказ, говорит то, что уже к началу Берлинской операции к нам в штрафбат поступило несколько человек, осужденных за неправильные действия по отношению к мирному населению.

Долго ехали молча, погруженные каждый в свои мысли. Многие населенные пункты были пустынны: либо население убегало с отступающими войсками под влиянием лживой геббельсовой пропаганды, либо его угоняли насильно. Это уже за Одером убегать им было практически некуда, и почти из каждого окна свешивались белые простыни в знак капитуляции. Догнали свой штаб мы уже под Штаргардом.

Чтобы обстановка, сложившаяся там, стала понятнее, сошлюсь на книгу генерала С.М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны». В ней говорится, что здесь, чтобы отвлечь силы 1-го Белорусского фронта, вышедшего уже за Одер и захватившего кое-где плацдармы, немцы предприняли контрнаступление. Им удалось в короткий срок изменить в свою пользу соотношение сил, и 17 февраля из района Штаргарда немцы нанесли сильный контрудар, потеснивший и 61-ю армию. Для усиления 23-й дивизии на отражение атак немцев в Штаргарде снова была введена в бой наша рота штрафников, которая начинала с ней бои на подступах к Варшаве. Рота Бельдюгова 1 марта была передана 311-й дивизии и уже к 5 марта в жестоких боях теперь уже вместе с ней добила остатки гарнизона Штаргарда.

Я успел лишь к завершению этих боев, но, как свидетельствовали их участники, это было многодневное ожесточенное сражение, похожее на бои по окружению немцев под Брестом. Такие же жаркие, отчаянные схватки, не оставившие фрицам ни одного шанса.

И потери наши там тоже были немалые. Здесь узнал я, что наш бывший замкомбат Михаил Филатов, переведенный в период наревских событий в одну из дивизий 61-й армии, погиб здесь, в Штаргарде, который как и многие германские города, где фашисты оказывали упорное сопротивление, теперь почти весь разрушен и сожжен.

Разыскал я комбата, доложил о прибытии тылов батальона в полном составе, без потерь. И конечно, воспользовавшись его

хорошим настроением, доложил о переводе из госпиталя своей жены к нам в батальон. А она строго по-уставному отрапортовала, что прибыла для прохождения дальнейшей службы, и подала ему предписание. Я, несколько торопясь, чтобы не увидеть, какова будет реакция на такой «сюрприз», попросил его разрешения направить «сержанта Макарьевскую» в батальонный медпункт в распоряжение капитана медслужбы Бузуна. Батурин как-то неопределенно пожал плечами и велел передать нашему доктору, чтобы сам все решил. Ну и слава богу! Все сложилось как нельзя удачно.

А рота Бельдюгова, заметно поредевшая после Штаргарда, «зализывала раны» и вместе со вторым эшелоном 311-й дивизии продвигалась вслед за танковыми частями к Одеру по направлению к Штеттину. Мне же комбат снова нашел применение. Пока эта рота находилась во втором эшелоне стрелковой дивизии, она передвигалась непосредственно за ее полками, не теряя готовности к вводу в бой в любую минуту. Мне поручили формировать из нового пополнения роту, которая должна была заменить в критической ситуации воюющую роту либо в нужное время своими взводами влиться в ее боевой состав.

Часть штаба и тыла нашего ШБ, кроме тех их подразделений, которые обеспечивали роту в наступлении, меняли место дислокации раз в двое-трое суток, в зависимости от скорости перемещения линии фронта. В этой же группе находилась и основная часть батальонного медпункта. Другая ее часть, возглавляемая фельдшером, старшим лейтенантом Иваном Деменковым, продвигалась вместе с ротой Бельдюгова. Поэтому наш батальонный эскулап Степан Петрович с нескрываемым одобрением принял в свой штат медсестру и стал дотошно готовить ее к новым обязанностям, отличавшимся от ее опыта госпитальной палатной сестры. Ведь теперь ей придется иметь дело с перевязками в боевых условиях и первичной эвакуацией раненых, то есть выноса их с поля боя.

Мы продолжали движение за дивизиями первого эшелона 61-й армии, то почти догоняя их передовые части и вступая в бои, то отставая на 5–6 километров. К 15 марта 311-я сд, встретив упорное сопротивление противника, остановилась. Действовавшая с ней рота Бельдюгова и мы подошли тогда к району предместий города Альтдамм, который прикрывал своим расположением восточный берег устья Одера напротив Штеттина. Здесь я получил приказ сформированную мною, прямо скажем, еще не роту, а что-то вроде «полуроты», состоящей из полутора взводов, человек около 50, присоединить к роте Бельдюгова, а

самому остаться при Бельдюгове на случай «крайней необходимости» опять «дублером».

Как мне в 2002 году напомнил в своем письме Алексей Афонин, тогда командир взвода у Бельдюгова, наша «полурота» догнала их на рассвете где-то в районе, близком уже к восточной окраине Альтдамма, где штрафники готовились к штурму этого города. Те полтора вооруженных взвода, которые я привел, быстро распределили по уже малочисленным к тому времени взводам основной роты. Взвод под командой кузнечика вошел в ее состав целиком, а сам младший лейтенант Евгений Кузнецов заменил выбывшего по ранению Александра Шамшина.

Прошла здесь боевое крещение и Рита. Наш доктор Бузун сам прибыл сюда и создал как бы передовое звено своего медпункта в составе фельдшера и медсестры, которая практически вошла в состав роты внештатным санинструктором или фронтовой санитаркой.

А я снова оказался будто вне боевой ситуации. Естественно, в ожидании серьезных боев я не мог возразить против роли «дублера», которую исполнял и при взятии пригородов Варшавы. Но нашел себе место невдалеке и от Бельдюгова, и от взвода Алеши Афонина. Взвод Кузнецова был правее. Иван Бельдюгов даже обрадовался и поделился со мной полученной задачей атаковать через боевые порядки стрелковых подразделений дивизии. Опять нам первыми ломать сопротивление и принимать бой в условиях города…

Альтдамм представлял собой единственную и почти на всем протяжении прямую, достаточно широкую улицу, вытянутую вдоль берега и застроенную каменными зданиями. Восточная часть его обращена к нам тыльной стороной основных застроек, хозяйственными дворами, огородами и захвачена была быстро, как говорится, на одном дыхании, хотя сопротивление немцы оказали упорное и потери у нас были ощутимые.

Раненых Ванюша Деменков и Рита перевязывали и оттаскивали «в тыл», метров на 50–60, на огороды, за дома. Они где перебежками, а где ползком поспевали к раненым, одним делали перевязки, другим еще и помогали доползти или тащили на плащ-палатках до сборного пункта за домами.

Другая сторона улицы ощерилась бесчисленным множеством подвальных окон каменных зданий, превращенных фрицами в целую цепь ружейно-пулеметных амбразур. Послал Бельдюгов своего связного к командиру полка с просьбой выкатить на прямую наводку противотанковые пушки, но не откликнулся почему-то полк на его просьбу, может, этих пушек близко не оказалось. Попытка заменить артиллерию ручными гранатами

ничего не дала, до этих амбразур практически ни одной гранаты не добросить да и не попасть. И стрельба из ПТР по окнам-амбразурам ожидаемого эффекта не приносила.

У меня не было уверенности в том, что в захваченных уже домах этой стороны улицы не осталось противника. А что, если рота все-таки решится на атаку, не хлестнут ли его пулеметы в спину? Ротный Бельдюгов тоже пришел к выводу о необходимости «ревизии» уже захваченных домов и приказал Евгению Кузнецову частью своих сил организовать такую проверку. И не зря: в нескольких домах на вторых этажах и на чердаках Кузнецовым были обнаружены и уничтожены притаившиеся там пулеметные огневые точки. Молодец, Кузнечик!

Успешный результат проверки своих «тылов» в какой-то степени вселил уверенность в том, что эта мера оказалась правильной и своевременной, даже крайне необходимой для дальнейших действий. Оставалось решить, как захватить строения на противоположной стороне улицы. Ко мне подполз взводный Алексей Афонин со штрафником, носившим какую-то боевую «птичью» фамилию, то ли Ястребков, то ли Коршунов. Только в 2014 году по документам ЦАМО РФ установил, что это был Соколов Федор Алексеевич. Они предложили невероятно смелую, но, как мне показалось вначале, невыполнимую идею: на участке, где улица представляет собой прямую линию, Соколов, собрав максимальное количество гранат в карманы и противогазовую сумку, попытается преодолеть улицу, изобразив перебежчика. Достигнув противоположной стороны улицы, прижимаясь к стенкам домов, чтобы его не смогли достать фрицы огнем из своих амбразур, он будет забрасывать по одной-две гранаты в них и таким образом подавит эти огневые точки. А чтобы немцы поверили, что он реальный перебежчик, выскочит из-за дома с поднятыми руками и белым «флагом», а мы все должны будем открыть огонь «по нему», но так, чтобы не попасть в «перебежчика».

Не мог я сразу согласиться с этим вариантом. Не потому что не доверял штрафнику, а потому, что ротой-то командовал не я, а лейтенант Афонин и штрафник Соколов были не моими подчиненными. Штрафник сам шел на смертельный риск, и понимали мы его правильно, бывший боевой офицер, он тоже не видел другого выхода.

Наверное, на войне нет человека, который не опасался бы пули или осколка от снаряда в бою. Но у бывшего офицера с устоявшимся командирским сознанием в данной ситуации вопросы личной безопасности отступили на задний план. Так

бывает и у большинства настоящих фронтовых командиров.

Посоветовал Афонину доложить это предложение командиру роты. Бельдюгов одобрил этот план и дал подробнейшие по этому поводу указания остальным взводам, обязав их довести до каждого бойца смысл задуманного их товарищем и обеспечить правдоподобную имитацию огня по «перебежчику-предателю», не забывая держать под огнем и окна-амбразуры, и безопасность своего боевого товарища.

Собрали ему две противогазовые сумки ручных гранат, да он еще и карманы набил ими. Выбрав момент, он прополз немного вперед, вскочил, бросил на землю свой автомат и с поднятыми руками, в одной из которых была какая-то белая тряпица, заорал во всю мочь: «Нихт шиссен! Нихт шиссен!» (Не стрелять!). Петляя и падая, устремился он к домам на той стороне улицы, а рота открыла дружный огонь «по перебежчику». Как мы все волновались за нашего смельчака! Удастся ли эта на первый взгляд безумная затея, и не погибнет ли зря этот храбрый боец, не добежав до заветной цели?

Как же радостно стало на сердце, когда ему удалось наконец прижаться к стене дома. Буквально вдавливаясь в стену, «прилипая» к ней, он начал медленно подбираться к ближайшему окну. Бросив в него одну за другой две гранаты, примерно с двухсекундной задержкой каждую, чтобы фрицы не успели выбросить их из подвала и, дождавшись взрывов, перебежал к другому окну. И так, от амбразуры к амбразуре, с приготовленными гранатами уверенно двигался вперед. А позади него эти, только что изрыгавшие смерть огневые точки замолкали одна за другой.

Вскоре красная ракета подняла роту в атаку. Вначале поднялся взвод Афонина, а вслед за ним — остальные бойцы роты. Броском преодолев эту злополучную улицу, штрафники добивали оживающие огневые точки, окружали дома, не давая улизнуть тем, кто пытался скрыться в пристройках или сбежать к берегу Одера огородами, спускающимися к реке. Успех был полный!

Я потом спросил старшего лейтенанта Ивана Деменкова, как действовала на поле боя его новая санитарка. Он сказал, что вынесла с поля боя и сделала перевязки не менее двадцати бойцам. Молодец, Рита, не подкачала. Что-то вроде гордости за нее почувствовал, даже удовлетворение тем, что не придется краснеть за нее.

А взвод Алеши Афонина обнаружил слева группу фрицев, не замеченную раньше и, видимо, спешившую на помощь тем, кого уже здесь громила штрафная рота Бельдюгова. Оказалось, что эта

группа вышла из деревушки совсем недалеко от окраины Альтдамма. Афонин быстро сориентировался и повел свой взвод, чтобы перерезать им путь. Сильным огнем заставили этих фашистов залечь, а затем и сдаться. Это были единственные пленные в этом бою.

Почти сразу же за ротой штрафников вначале на этом же участке, а затем и на других в наступление пошли и подразделения полка. К середине дня город был взят. Стрелковые подразделения закреплялись на берегу Одера, а нашу роту, выполнившую очередную задачу, отвели. Альтдамм взят! Это было 20 марта, памятная дата. Потери наши были все-таки значительными.

О величине потерь нашего батальона за весь путь от Вислы до Одера за всю Висло-Одерскую операцию красноречиво свидетельствует пункт 4 приказа по батальону, который я, как и многие другие документы, предоставленные мне из ЦАМО РФ, привожу дословно:

Приказ 8-му Отдельному штрафному батальону

27 марта 1945 года: № 76 Действующая армия

…4. Действующую 2-ю стрелковую роту в составе: а) офицеров — 11 чел., б) сержантов — 5 чел., и в) переменников — 22 человека и 9 лошадей — полагать вышедшей из оперативного подчинения 311-й стр. дивизии и прибывшей в батальон для дальнейшего формирования. Основание: Боевое распоряжение Начштаба 61-й армии № 009 от 24.3.45 г.

Помощнику по м/о зачислить на котловое довольствие.

Командир 8-го ОШБ подполковник Батурин,
Начальник штаба майор Киселев.

Как видите, рота вернулась из боев в составе всего 22 штрафников! А перед началом Висло-Одерской операции это была полнокровная рота, численностью более 100 человек. И сюда нужно приплюсовать мою «полуроту» в 50 бойцов, да еще хоть и небольшие, но отдельные группы пополнения в ходе наступления. Наверное, наберется не меньше 200 человек. Так что можно себе представить и напряженность, и жестокость боев как на подступах к Варшаве, так и в Штаргарде, в Альтдамме и вообще за этот период.

К вечеру подошел и штаб батальона. Комбат, которому, видимо, указали, что дольше отмеренного срока штрафника держать в штрафбате нельзя, приказал Бельдюгову оставить тех, кто уже по своим срокам и боевым делам подлежал освобождению, а остальных передать мне для формирования новой роты.

Снова какое-то преувеличенное внимание ко мне! Не знаю, прав ли был я в своих предположениях о том, что комбат почему-то слишком часто поручает мне боевые задачи. В то время батальон действовал поротно, а очередь моя почему-то оказывалась первой чаще, чем у других командиров рот. Может, то было следствием тайной обиды его за присвоение штрафниками мне, а не ему почетного имени Батя, а может, такой вид мести за непокорность на Нареве. Начштаба Киселев, а ему одному из замов удавалось быть с Батуриным подчеркнуто уважительным, сказал мне, будто он просто мне доверяет больше, чем другим. Едва ли, были ведь у нас ротные командиры опытнее меня.

Отвели нас на одну из окраин Альтдамма, и там начались привычные дела по приему пополнения, формированию из него подразделений, разумному распределению по взводам и отделениям бойцов, имеющих пехотный опыт войны, с теми, кто был слабее в этом.

Вскоре были подведены итоги действий роты в Висло-Одерской операции. Всего было награждено 34 человека, в том числе 11 офицеров комсостава, но зато 21 штрафник! Кроме того, из постоянного состава оружейный мастер, старшина и писарь роты.

Иван Иванович Бельдюгов, ставший уже майором, получил орден Красного Знамени, Афонин и Кузнецов получили ордена Александра Невского, даже Ваня Деменков получил Красную Звезду, а тот Соколов, подавивший гранатами пулеметные точки противника и еще 3 штрафника, — орден Славы III степени. Жалел он, что не Отечественной войны, как некоторым досталось, или «За отвагу». О том, как и почему реагировали на это награждение офицеры-штрафники, я уже пояснял ранее.

Еще через несколько дней стало известно, что полоса 1-го Белорусского фронта в ожидании решающего наступления на Берлин значительно сужается и мы должны будем переместиться значительно южнее. Как мне сообщил замкомбата майор Матвиенко, моей роте предстоит участвовать в форсировании Одера на одном из участков, севернее уже захваченного войсками 1-го Белорусского фронта Кюстринского плацдарма.

Вот туда нас всех срочно и перебросили.

Глава 17
В Берлинской операции, Одер. Не утонул, убили

Не за почести и славу
Брали эту переправу:
Каждый в пекло лез и знал,
Для чего он Одер брал.

По Владимиру Илюшенко

На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет грозная… и некогда найдет…

Василий Жуковский

После долгого и утомительного марша мы сосредоточились километрах в шести от Одера, в аккуратной немецкой деревеньке. Жителей в ней не осталось, успели все удрать за Одер, хотя разрушений в деревне не было видно. Побросали немцы все: и мебель, и застеленные перинами кровати (пышные перины — обязательный атрибут любого жилого немецкого дома), и разнообразную кухонную утварь. В одном доме из 4 комнат поместились все офицеры роты, разместились, в общем, уютно. Небольшую комнату на втором этаже занял я с женой, теперь медсестрой нашего медпункта, остальные — попарно мои взводные офицеры, старшина и ротный писарь. Хозяйственники рядом с нашим домом быстро развернули офицерскую «столовую», и к нам стали доноситься густые кухонные ароматы, к которым Рита стала относиться весьма разборчиво.

У нас уже не было сомнений, что все идет своим чередом, ребята знали, что ее «тянет» на соленое, на остренькое, и в «столовой» часто откладывали часть своих порций селедки для нее. Батальонный доктор Степан Бузун зашел однажды к нам и заявил, что в связи с беременностью Риты он полностью исключает ее работу на передовой и она впредь будет по мере сил только помогать ему в БМП и что это согласовано с комбатом.

Когда мы освоились в этой деревне, определились, где штаб,

где жилье комбата, то заметили в его доме женщину. Оказалось, что это была жена Батурина. И мне стало спокойнее: теперь уже предметом разговоров некоторых офицеров стал и Батурин, к нам ставший относиться мягче.

Формирование и подготовка роты шли по плану. Мы все понимали, что форсирование последнего крупного водного рубежа Одера, прикрывающего немцам их столицу Берлин, будет нелегким, защищать его они будут с упорством невиданным, остервенелым. Это станет «последним и решительным боем», едва ли нам еще достанет сил с боями дойти до Берлина.

Как я уже говорил, пулеметный взвод при моей роте снова формировал Георгий Сергеев. Ему помогал другой взводный пулеметной роты, старший лейтенант Сергей Сисенков. Я уже много писал о Жоре Сергееве, о его характере: он был не бесшабашен в своей смелости, она держалась у него на трезвом расчете, на боевой грамотности. Буквально за несколько дней до ввода роты в бой вдруг стали происходить кадровые перемены в комсоставе, назначенном на Одер.

Сисенков, «дублер» Сергеева, откомандирован в отдел кадров 61-й армии, а вместо него назначен младший лейтенант Кузнецов-2-й, то есть не Женя-Кузнечик, а Николай Николаевич, заметно старше своего однофамильца. В первых числах апреля командир пулеметной роты майор Анатолий Бабич сдал свою роту прибывшему с фронтовых курсов комбатов капитану Борису Алексеевичу Тачаеву. Особенно мы радовались тому, что он отказался от назначения командиром стрелкового батальона ради возвращения в «штрафбат родной». Приятный и жизнерадостный человек Боря Тачаев. И сам он был рад возвращению в свою штрафбатовскую семью.

Ну просто сплошные радости, может быть, перед последним в истории нашего батальона боем. Известный уже читателю Георгий Ражев и на этот раз у меня опять был взводным. В последнее время он стал особенно вспыльчивым, не сразу приходящим в нормальное состояние, более заметным стало и его влечение к спиртному, что тоже вызывало определенные трения между нами. Причем это его увлечение даже стал замечать комбат.

Надо сказать, мы уже привыкли к манере нашего комбата Батурина, в отличие от его предшественника Осипова, сыпать взысканиями направо и налево, чаще — в приказах, и стали понимать, что эта батуринская манера вызвана компенсацией отсутствия авторитета, которым обладал наш Батя Осипов. Тогда дисциплина всех, комсостава и переменников обусловливалась в

том числе и нежеланием огорчать уважаемого командира неправильными поступками.

Забегу несколько вперед, поскольку получил многие архивные документы того времени. При Батурине исчезло это сдерживающее начало, и дисциплина в батальоне стала заметно хромать. Ну а некоторые случаи, выходящие за рамки нормального поведения, естественно, не могли оставаться безнаказанными. Так «Приказом по 8-му ОШБ № 88 от 8 апреля 1945 года» подполковник Батурин объявил Ражеву «за пьянство и дебош 8 суток домашнего ареста с удержанием 50 % денежного содержания за каждые сутки ареста».

Сейчас, когда перед моими глазами лежит ксерокопия этого приказа, я обратил внимание на пять восьмерок и подумал, не специально ли для «оригинальности» были определены эти 8 суток ареста, а не 5 или 10? Если это так, отдадим должное юмору комбата или того штабиста, который готовил этот приказ. А тот дебош заключался в том, что Ражев попросту устроил скандал с неприличной бранью и спьяну не заметил, что свидетелем этой сцены был замполит майор Казаков. Кстати, даже и после этого приказа Ражев оставался моим взводным буквально до самого получения боевой задачи. Что касается взысканий «направо и налево», то вот факты из разных приказов комбата за последний месяц войны и первые мирные дни:

17 апреля — за самовольные отлучки, находясь в госпитале на излечении, арестовать бойца-переменника Гущина В.А. на 10 суток строгого ареста с содержанием на гауптвахте.

28 апреля — за опоздания на учебные занятия лейтенанту Афонину и младшему лейтенанту Писееву — объявить выговор.

5 мая — за нарушение моего приказа, запрещающего вступать в интимные отношения с немецкими женщинами, капитана Гольдштейна арестовать на 5 суток дом. ареста с удерж. 50 %…

8 мая — за самовольный уход из расположения части моему заместителю по строевой части подполковнику Филатову объявляю выговор.

12 мая — за сокрытие документов выписанного из госпиталя после излечения по ранению бойца-переменника Шульгу А.Т. арестовать на 10 суток строгого ареста с содержанием на гауптвахте.

26 мая — капитанов Слаутина за плохой учет личного состава и Зельцера за обман начштаба арестовать на 3 суток домашнего ареста каждого с удержанием 50 % денежного содержания…

Если приводить все приказы Батурина о наказаниях, то это займет много страниц. Ограничусь лишь несколькими

комментариями к ним:

— в большинстве случаев в приказах о наказании переменников указаны их инициалы, офицеры же часто перечисляются только по фамилиям, даже без инициалов;

— к переменникам почему-то комбат применял только строгий арест с максимальным сроком ареста 10 суток, при котором горячая пища полагалась только один раз в двое суток;

— наверное, бойцы-переменники, прибывшие из госпиталя после ранения, полученного в бою, фактически искупили свою вину кровью, и пока только формально не восстановлены в офицерских правах. Сажать их под строгий арест как солдат как-то не по-офицерски;

— к офицерам постоянного состава очень часто применялся арест, хотя и «домашний».

Как тут не провести аналогию с предшественником Батурина, полковником Осиповым — можно и без комментариев, достаточно привести выписку из одного только документа:

Приказ № 192 от 29 августа 1943 года:

«…4. Напоминаю офицеру Мильхикеру о том, что его вина заслуживает большего дисциплинарного взыскания, но я надеюсь, что в боях он оправдает мои в этом соображения.

Командир 8-го ОШБ подполковник Осипов. Начальник штаба капитан Рубилов».

Но вот особый комментарий к одному приказу Батурина: 8 мая, когда наш батальон был вне зоны боевых действий и когда все ожидали с часа на час сообщения о долгожданной Победе, своему заместителю, подполковнику Филатову, только месяц назад получившему звание подполковника, равное комбатовскому, объявляется выговор «за самовольный уход из расположения части». Это же не «самоволка» рядового! Надо полагать, у подполковника были и боевые друзья в соседних гарнизонах. Уж не для того ли комбат объявляет своему заместителю выговор в приказе, а не устно, чтобы все об этом знали? Или чтобы последний не возомнил себя равным Батурину, мол, «каждый сверчок знай свой шесток»?

Известный читателю по многим боевым событиям капитан Гольдштейн наказан за «интимные отношения» с немкой. Тут не поспоришь о справедливости, хотя по формулировке приказа можно понять, что наказан он за нарушение комбатовского

приказа, а не за установку Ставки на этот счет. Но вот не отмечен в приказе хотя бы просто порицанием за аналогичное действо весьма приближенный к комбату офицер политсостава батальона капитан Виноградов, попавший в госпиталь по поводу венерического заболевания уже после 9 мая? Или этот недуг ему «ветром занесло» и тот же приказ комбата им не был нарушен?

Что касается наказания Ражева, то мои раздумья о дисциплине вообще, разумеется, приводили к итогам, что дисциплина есть полное подчинение начальнику, но подчинение это должно быть не бездумным, исключающим собственную инициативу, а с душой, с желанием сделать порученное лучше, быстрее, надежнее. То есть предпочитал дисциплину понимания во имя победы над врагом, а не дисциплину послушания в угоду командиру. И не принцип «что хочешь, то и делаю», а стремление сделать нужное во имя осознанной необходимости должно быть главенствующим. Я и сегодня не уверен, что мои мысли совпадают с мнениями маститых психологов. А тогда все чаще сомневался, хватит ли у Ражева понимания уровня этой самой «осознанной необходимости».

Другим взводным тогда перед Одером ко мне был назначен недавно прибывший в батальон лейтенант Чайка Алексей Кузьмич. Это был несколько грузноватый, среднего роста большелобый офицер, казавшийся нам уже пожилым (хотя ему тогда было не больше 35 лет), с редкими светлыми волосами и большими залысинами. За его неброскостью угадывались и острый ум, и решительность. Его сразу же избрали парторгом роты. Он как-то по-особому был скроен, будто по образцу комиссара гражданской войны, не хватало лишь кожаной тужурки. И я сразу подумал: ну вот, и у меня свой Фурманов есть!

Вообще большая часть штрафников, чувствуя особенность предстоящих боев, были сосредоточенно-молчаливы, даже будто подавлены неотвратимой неизбежностью близящейся опасности, когда так долго длившаяся война уже идет к концу, возможно, к самому нелегкому. Все мы знали, что принесло нам «вчера»: многие погибли, но нам, живым, повезло. Но кто знает, чем обернется для нас «завтра»? Мы, командиры штрафников, понимали, что с этими людьми нам вместе идти на верную смерть, может, для каждого из нас «последний парад наступает», что наша командирская жизнь зависит во многом от того именно, как они будут драться, с какой долей умения и ответственности. Штрафники, конечно, думали, что их будущее зависит и от нас, командиров, от нашего боевого командирского умения.

Вместе с моим «комиссаром» Чайкой в батальон прибыл из резерва комбата младший лейтенант Семенов Петр Гаврилович,

рождения 1924 года. Курносый, с почти мальчишеским лицом, обильно усыпанным веснушками, будто кто-то еще в детстве, балуясь, сбрызнул его щеки и нос кистью, смоченной светло-коричневой краской, да так и не смытой с тех пор. Несмотря на свой ребячий вид, боевой опыт у него в отличие от Жени-Кузнечика солидный: в Красной Армии с 1942 года, на фронте с апреля 1943-го, 3 ранения, орден Отечественной войны II степени. Моим заместителем (опять по-батурински, «дублером») был назначен состоявший на должности командира 2-й стрелковой роты капитан Николай Слаутин, округлый, как бочонок или двухпудовая гиря, хотя толстым его не назовешь.

Он производил впечатление, будто вообще отлит из чугуна, особенно — его кулаки. Нрава крутого, немногословен и грубоват. При случае, когда слов не хватало, мог дать волю и матерщине, и этим чугунным кулакам. В формировании роты участия принимал мало, я понимал, что и форсировать Одер он тоже не будет, назначен лишь для подмены меня в случае выхода из строя. А «выходов» я видел три: либо тяжело ранен, либо убит, либо, что касается меня, не умеющего плавать, — утонул. Главным моим желанием было, чтобы ему не пришлось дублировать меня, тем более как утопленника. Да и если замена будет нужна, как это будет, когда между «дублером» и плацдармом окажется широкий Одер?

Взвод ПТР в моей усиленной роте возглавлял старший лейтенант Кузьмин Георгий Емельянович. С ним у нас в роте стало поначалу три Георгия, и роту в шутку стали называть «Трижды Георгиевской», даже «Полно-Георгиевской», по аналогии с полными георгиевскими кавалерами. Кузьмин был всего на год старше меня, но выглядел значительно старше, не по годам серьезным, хотя неожиданно мог и остроумно пошутить. У меня тогда еще не было определенности в том, нужен ли при преодолении такой большой реки взвод сравнительно тяжелого оружия. Ведь ПТР даже переносить должны двое. Было время подумать об этом.

На сержантские должности в роте, как всегда, назначили штрафников — бывших боевых офицеров. Я, к сожалению, не помню их фамилий, за исключением одного бывшего командира роты гвардейского полка, лейтенанта по фамилии Редкий. Его «редкая» фамилия запомнилась мне прочно, а вот имя и отчество его (Михаил Петрович) да и другие подробности удалось установить только недавно по документам из ЦАМО РФ. Назначили его командиром отделения, в основном собранного из морских офицеров-штрафников. Он постоянно травил анекдоты, рассказывал о своих боевых (и не только) приключениях, в

которых больше допустимого было бравады и хвастовства. Тогда мне, 21-летнему ротному командиру, подумалось, что его веселый нрав при солидном (36 лет!) возрасте и опыт командования ротой в гвардейском полку будут авторитетны среди «морских волков».

Вскоре, когда боевой расчет роты был завершен, взводы и отделения сформированы с учетом персональной подготовки бойцов примерно по 25 человек и дальнейшее поступление пополнения его уже не меняло, к нам в роту прибыл пожилой штрафник по фамилии Путря Прохор Антонович. Был он очень худым, просто истощенным. Я даже удивился, что его по возрасту не списали в гражданку, таким старым он мне показался, хотя ему пятидесяти не было, был он на 2 года старше нашего XX века, с 1898 года. Несколько лет отсидел в тюрьме: будучи начальником отделения одного из больших военных складов в чине техника-интенданта 1-го ранга, допустил нарушения. По его сбивчивому рассказу, воинская часть, получая со склада хозяйственное мыло, забыла небольшой его ящик. Припрятал, авось вернутся, а потом решил: это же подарок судьбы, валюта в военное время! И несколько кусков было пущено в оборот — обменено на продукты для немалой семьи.

Вроде бы за тот неучтенный ящик, а из копии приговора следовало, что еще за ним числилось что-то с незаконной продажей, получил он несколько лет тюремного заключения. Угрызения совести за проведенную почти всю войну в камерах, на лагерных работах, под конвоем заставили его проситься на фронт, лучше с оружием в руках погибнуть на фронте во имя Родины, чем прослыть преступником, наживавшимся на солдатском добре. Не сразу выпросился, видел, как другим везет, а ему — нет. Наконец заменили ему как офицеру оставшийся срок штрафбатом.

Как птичьи лапки, тонкие его руки вызвали сомнение, удержат ли они даже легкий автомат, не говоря уже о пулемете или ПТР. И решил я его назначить на кухню, чтобы не подвергать жизнь бедолаги тем опасностям, которые ожидали всех нас. Вдобавок мне стало жаль его еще и потому, что он, как и я, оказывается, не умел плавать, а нам предстояло форсировать Одер. Надо было видеть, сколько затаенной радости и надежды засветилось в едва сдерживаемой счастливой его улыбке…

Большим усердием в овладении пехотными приемами боевых действий отличался среди штрафников тоже с необычными фамилией и отчеством бывший летчик, старший лейтенант Смешной Павел Антифеевич, высокий, спокойный, сравнительно молодой блондин лет 30. Это мудреное отчество я тогда не

запомнил и тоже почерпнул из документов, присланных мне из ЦАМО РФ. Будучи командиром авиаэскадрильи, отказался после ранения лечиться в госпитале и до выздоровления попросился на должность техника своего же коллектива. Боевой летчик, имевший уже ордена, чтобы подтвердить выводы медиков и доказать, что излечение закончено, выпросил у начальства командировку на авиазавод принять и перегнать с группой летчиков по воздуху на фронт новые истребители. Один из его подчиненных, то ли решив испытать в полете машину в недозволенном режиме, то ли просто не справился с ней в воздухе, разбил ее и погиб сам, за это старший лейтенант и загремел в штрафбат.

В те предельно напряженные дни пехотную «науку побеждать» авиатор Смешной постигал старательно, инициативно, как он сам говорил, «до тупой боли в плечах и гудящих ногах». Был он сколь настойчив, столь и терпелив. Стремился все познать, все испробовать. Будучи во взводе автоматчиков, научился метко стрелять из ПТР, из пулемета. До всего ему было дело, все в бою может пригодиться, считал он. У него получались и меткие попадания по стоящему неподалеку, сгоревшему «тигру» из трофейных «фаустпатронов». Казалось, он трудился круглые сутки, никем не принуждаемый.

Близка была уже середина апреля. Настали по-весеннему теплые дни — шинели, шапки, ватные телогрейки и бушлаты уже оказывались лишними. Однако ставшие у наших офицеров по примеру комбата Батурина-кавалериста модным головным убором кубанки мы не снимали. Многие с удовольствием носили их по-ухарски, набекрень. К слову сказать, комбат снял свою кубанку только после Победы, когда был вызван в штаб маршала Жукова.

Непосредственно перед форсированием Одера комбат Батурин, по-видимому, все-таки решил, что Ражев ненадежен в предстоящих боях, вывел его из состава роты, готовящейся к боевым действиям. Он был заменен лейтенантом Киселевым Иваном Ивановичем, прибывшим в батальон еще перед Варшавой, но не участвовавшим в боях за нее, числился в резерве комбата. Был он старше нас лет на 10–15, молчалив, не реагировал на шутки, будто его мучают тяжелые мысли или предчувствия. Но я рад был той замене, хотя рота и перестала быть «трижды Георгиевской».

В состав роты был включен также еще один взвод автоматчиков младшего лейтенанта Кузнецова, но не Жени-Кузнечика, этого звали Николай Николаевич, в отличие от

Кузнечика был он немного старше (уже 23 года), ростом повыше и голосом покрепче. Стала моя рота четырехвзводной и практически была уже укомплектована для боевых действий.

В общем, характер предстоящей задачи становился более-менее ясным. Я отметил, что наступает новолуние и ночи будут темными. Первые мои познания, касающиеся луны и определения ее фаз, когда-то поселил в моем еще детском мозгу, остром к восприятию всего нового, мой дед Данила, сведущий во многих народных приметах и наблюдениях. Но осмысленное понимание этих лунных фаз и умение, глядя на сегодняшнюю луну, точно определить, сколько дней осталось до наступления новолуния или полнолуния и какую часть ночи, с вечера или под утро, она будет наиболее ярко светить, — это уже заслуга нашего топографа в военном училище.

Тогда мои предположения свелись к тому, что наиболее выгодные условия, если командование захочет воспользоваться именно темной ночью, сложатся в период с 12 по 19 апреля, как раз такой период и наступал.

Вскоре была объявлена суточная готовность, и в ночь с 14 на 15 апреля по боевому распоряжению штаба корпуса рота со всем оружием, запасами патронов, гранат, сухого пайка была выдвинута на берег Одера. Вот текст приказа по батальону с ксерокопии, присланной из ЦАМО РФ.

Приказ по 8-му ОШБ 1 Бел. фронта

15 апреля 1945 года № 94 Действующая армия

(По части строевой)

1. На 16 апреля 1945 года назначаю дежурным по части капитана Ражева.

2. Сформированную 3-ю стрелковую роту в составе 12 офицеров, 4 сержантов, 100 чел. бойцов-переменников и 9 лошадей, полагать убывшей в распоряжение командира 89-го стр. корп. для выполнения боевых заданий. Помощнику по м/о исключить с котлового довольствия.

Командир 8-го ОШБ подполковник (Батурин),

Начальник штаба майор (Киселев)

Прошу обратить внимание на некоторые детали этого документа.

Во-первых, в день отправки роты на Одер дежурным по части назначен капитан Ражев, только что замененный в моей роте лейтенантом Киселевым. Это потом мы узнали, что истинной причиной замены Ражева была просьба его отца, полковника 5-й ударной армии, а не сомнения комбата в надежности терявшего иногда самообладание Георгия, имевшего от комбата уже не одно взыскание. Таким образом, Ражев, будучи дежурным по части, хоть временно вставал пусть на малую ступеньку, но над нами, идущими в «последний решительный» бой.

Во-вторых, в приказе не перечислены поименно 12 офицеров, уходящих на Одер, тем более что в составе моей, даже усиленной, роты такого количества офицеров быть не могло, их было всего 8. Просто, наверное, предусмотрена возможность включить в этот список назначенных «дублерами» на случай замены выбывших, или надо будет кого-то еще представить к наградам за форсирование Одера. Это только мои предположения, но другого объяснения этому парадоксу у меня просто нет. А штрафники упомянуты рядом с лошадьми, и, честно говоря, я не помню, чтобы этих представителей конского сословия было именно 9, хотя и походная кухня, и повозки с боеприпасами, а также с личными вещами переменников, конечно, были, но не более одной на взвод. И вообще, непонятно, как эти 9 коней могли бы форсировать Одер? Очевидно, часть их просто надо было списать за счет боевых потерь.

А к нам в село Штайнвер, куда мы перебрались два дня назад из Цартунга, прибыл майор из 397-й Сарненской Краснознаменной ордена Кутузова II степени стрелковой дивизии, входящей в состав 89-го стрелкового корпуса, в полосе которого нам предстояло действовать. Узнали мы, что небольшой группе от одного полка этой дивизии удалось уже «сплавать» на тот берег и провести элементарную разведку. Группа вернулась почти без потерь, а командир этой группы, сержант, представлен к званию Героя Советского Союза.

Мы уже знали, что за форсирование таких крупных водных преград, как Днепр и Висла, многие сотни воинов были удостоены этого высокого звания, да и дошли слухи, что при захвате Кюстринского плацдарма, на том же Одере, Героями Советского Союза стал не один десяток воинов. Наши офицеры рассуждали: если выполним задачу и останемся живыми, будут и у нас свои Герои.

Сказали нам, что в ночь перед форсированием к берегу подвезут в достаточном количестве хорошо просмоленные лодки, специально изготовленные саперным батальоном, который сразу

же после захвата плацдарма наведет переправу. Меня грызла совесть, что не умею плавать, но вроде никто и не собирается преодолевать Одер вплавь.

Весна уже набирала силу, ледоход этой зимой прошел еще в начале февраля, вода в реке была очень холодная, чуть выше плюс 5 градусов. Да и другие данные об Одере не радовали. Глубина — до 10 метров обычно, а пока еще не закончилось весеннее половодье, и того больше. Ширина на нашем участке метров 200, скорость течения — больше полуметра в секунду. Определяя необходимую скорость движения лодок, мы шагами отмеряли эти 200 метров на суше и засекали время, чтобы определить снос лодок течением вниз и какое упреждение необходимо выбирать. Выходило, что метров на 100–150, и хорошо, что русло реки делится на два рукава только километров через пять, не придется тащить лодки волоком.

Вел нашу роту, пользуясь темнотой, представитель дивизии, капитан, предупредив о полной «световой» маскировке. Нельзя было ни курить, ни включить даже на самые короткие мгновения фонарики, которые на этот раз в дополнение к тем, что были положены командирам взводов, выдали и всем командирам отделений, так как предполагалось, что все сигналы управления боем, особенно — при форсировании, будут подаваться не ракетами, как обычно, а огнями фонариков, имевших зеленые и красные светофильтры. Сигнальные ракеты тоже были с нами, но уже для того берега, где нам еще предстояло зацепиться.

Шли темпом, заданным этим юрким капитаном, заметно слышен был нестройный шум шагов почти полутораста человек, да глухой цокот копыт взводных лошадок, везущих походную кухню. Не было и обычных разговоров в строю — все были до предела сосредоточенны.

Немного не дойдя до берега, мы остановились у строения, похожего на длинный сарай. Сопровождающий нас капитан попросил меня собрать командиров взводов и под прикрытием этого сарая разрешил роте покурить, маскируясь, как было принято, «в рукав», а нас, командиров, повел в ближайший окоп, где доложил майору в накинутой на плечи шинели и с палочкой (видимо, после ранения), как оказалось, представителю штаба дивизии. Был там еще один майор, заметно ниже ростом. Он мне назвался (фамилию его я не запомнил) как комбат 447-го полка «стрелкачей», как называли у нас стрелковые части и подразделения. Эти два майора объяснили, что в этой траншее сейчас нужно рассредоточить бойцов роты и, оставив здесь под охраной тяжелое оружие, из лощины за тем длинным сооружением, куда поведут проводники, перенести лодки, на

которых и будем, как выразился тот майор с палочкой, «брать Одер».

Лодок было из расчета одна на четверых. Когда я спросил, почему лодки заранее не подвезли сюда, он ответил: «Да продырявят же их снаряды, немцы часто бьют артиллерией по нашим ближайшим тылам». Это очень быстро подтвердили и сами немцы, нанеся короткий, но мощный артналет, как только рота заняла окопы. Хорошо, что успели, а то там, за сараем, не миновать бы нам потерь. «Теперь фрицы часа три будут молчать. Это время и нужно использовать для переноски лодок», — добавил майор. Дали на каждый взвод провожатых, и повели взводные своих бойцов за лодками. Часа через полтора-два лодки перенесли за этот длинный сарай. Но они оказались столь тяжелыми, что часть пришлось нести вшестером. За оставшимися послали несколько групп физически сильных штрафников.

Местный комбат сказал, что для меня у него припасена дюралевая лодка с веслами. На ней ходил в разведку их сержант и вернулся, она счастливая. Я попросил этого комбата помочь мне провести рекогносцировку берега — и своего, и немецкого, правого и левого. По ходам сообщения, а где они засыпаны свежими взрывами от недавнего артналета — в обход этих мест, ползком да по воронкам, пробрались мы в первую траншею, вырытую почти непосредственно на правом берегу, оказавшемся каким-то бугристым, местами пологим, местами возвышенным. Когда теперь вспоминаю Одер, в памяти всплывает «Переправа» Александра Твардовского. Она была написана еще по впечатлениям войны с финнами, это потом она вошла в «Теркина» отдельной главой, но, мне кажется, тогда, перед Одером, ее слова самопроизвольно и тревожно возникали в голове:

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Кому память, кому слава,
Кому темная вода…

При мысли о темной воде сразу бросилась в глаза возвышающаяся вдалеке слева над водой длинная и высокая металлическая ферма большого железнодорожного моста через Одер. Судя по карте, железная дорога вела в довольно крупный город Кенигсберг-на-Одере, повторяющий название больших Кенигсбергов в Баварии и Пруссии. Какая же бедная фантазия у немцев, подумал я, если городам своим не могут дать оригинальных имен.

Подумал, что, хорошо подавив артиллерией и авиацией немецкую оборону моста, можно было бы быстро преодолеть Одер, «не намочив сапог», и захватить плацдарм. Комбат, словно угадав мои мысли, заметил: «Мост сильно заминирован». Значит, другого выхода нет, нам остается одно: форсировать эту, может, последнюю перед Победой водную преграду.

Изучив местность, распределив траншею по взводам, я тут же принял решение: взвод противотанковых ружей на реку не брать, пусть он во время нашего продвижения по воде с этого берега поддерживает нас огнем по немецким огневым точкам. Командир этого взвода Кузьмин, похоже, втайне обрадовался такому ходу дела, хотя вида и не подал. Если и радовался он, то не столько за себя, сколько за взвод: ведь в него отбирали самых сильных и выносливых.

Такое же решение после некоторых раздумий я принял и относительно пулеметного взвода. Ведь его пулеметы системы «максим» да и «горюновские» тоже были достаточно тяжелыми, и едва ли наши «дредноуты» смогут выдержать на плаву и четырех человек, и пулеметы. Другой Жора, Сергеев, помолчав немного, спросил, кто же будет моим заместителем вместо него, и предложил взять с собой хотя бы два-три пулемета «Горюнова». И тихонько, почти шепотом, добавил: «Хорошо ли ты взвесил свое решение? Не пожалеешь, что без пулеметов пойдешь?»

Мои предположения и расчеты, куда примерно мы должны высадиться, совпали с теми расчетами, которые провели в штабе дивизии, так как участок будущего плацдарма нам определили ниже по течению метров на сто пятьдесят. Исходя из этого, взводам пулеметному и ПТР определил позиции здесь, на правом берегу, напротив того места, где предполагалось захватить плацдарм. А поскольку Сергеева я оставлял на этом берегу, то своим заместителем на время форсирования назначил лейтенанта Чайку, старшего и авторитетного в роте.

День провели во второй траншее. Для бойцов он был, если можно так сказать, «отдыхом»: кто занимался подготовкой оружия к бою, кому удавалось компенсировать сном прошлую и предстоящую ночи. Дважды успели опорожнить котелки, один раз получив поздний завтрак хорошей порции пшенной каши с мясом, которую неплохо сготовил наш новый кашевар Путря, а потом и ужин, доставленный в термосах уже из полковых кухонь.

У нас, командиров, было больше забот: этот день ушел на изучение нашего берега, определение мест, куда должны принести лодки, путей и способов их доставки к воде, а также

установление сигналов. Все это мы определяли совместно с майором из штаба дивизии. С наступлением относительной темноты (неподалеку от нас горел какой-то завод, да осветительные ракеты фрицы иногда подвешивали), после двух ночи, переждав очередной артналет, стали подносить лодки к самому берегу, бережно прятали их за малейшими складками местности, бугорками и в неглубоких воронках. Часам к трем ночи лодки были на местах, в том числе и та, которую держал в резерве и предназначил мне майор.

Это была действительно легкая трофейная дюралевая лодка, с дюралевыми же веслами, на которой и ходил в разведку тот сержант. Боевая лодка, «геройская», несколько пулевых пробоин в ней были хорошо законопачены. Какую-то уверенность в нормальном исходе преодоления этой пугающе широкой реки лично в меня она вселила. Деревянные лодки, как я уже говорил, были тяжеловаты, сделаны, наверное, из кое-как высушенных досок (а где их было сушить?), но хорошо проконопачены и просмолены.

В темноте каждый экипаж излазил свой участок, определяя, каким путем спустить свою лодку на воду. На некоторых не оказалось весел, да и имеющиеся были тяжелыми, неудобными, многим пришло в голову использовать вместо них малые саперные лопатки, имевшиеся у каждого. Наверное, не только во мне шевельнулось неясное чувство ревности-зависти. Дивизия солдат остается сзади, на берегу, а вот штрафным офицерам опять идти впереди них, завоевывать «на голом месте» плацдарм, с которого та дивизия пойдет уже на Берлин завершать эту войну.

Скорее всего нам до логова фашистского зверя добраться едва ли посчастливится. Тот сержант-разведчик ходил к вражескому берегу тихонько, не обнаруживая себя, и так же уходил оттуда. А нам бой держать! Но ничего, не впервой, надо надеяться — прорвемся! Хоть сколько-нибудь из сотни штрафников роты доплывут, а если доплывут и пусть маленький плацдарм захватят, то хоть зубами, но удерживать его будут до последнего. У штрафников назад пути нет.

Да и сознание того, что наш «штрафной удар» приблизит совсем уже близкую, но кому-то из нас и недосягаемую Победу, приблизит самую главную точку в этой войне, к которой стремились и все, кто сложил свои головы раньше. Может, и мы пойдем за ними, но ради общего блага! За нашей спиной для нас не может быть ни земли, ни воды, все только впереди. Одиночка тут ничего сделать не сможет, именно здесь «один в поле не воин». Но если хоть один из взводов зацепится, можно будет сказать: наша опять взяла!

Командира полка я так и не видел, хотя плацдарм планировалось захватить для полка. Войсковой комбат, который пробыл с нами почти весь день, накануне передал в мое распоряжение радиостанцию и двух радистов-солдат. Они должны были находиться при мне безотлучно и передавать сигналы о ходе и этапах выполнения боевой задачи. Я мысленно уже сформировал экипаж нашей «геройской» лодки: со мной ординарец, два радиста и один штрафник для помощи радистам в качестве гребца, чтобы грести «в четыре руки». Нужна ведь скорость, чтобы не оказаться позади своих взводов.

Командиры взводов прислали своих связных с докладами о готовности. В докладе из взвода, которым теперь вместо Ражева командует Николай Кузнецов, я услышал, что мой резерв надежно расположился в добротной землянке. Резануло ухо это сообщение: никакого резерва я не выделял. Спросил, о каком резерве идет речь. Оказалось, это отделение большей частью из бывших офицеров флота под командой анекдотиста Редкого, на которое я возлагал особые надежды: моряки ведь народ стойкий, да и командир у них — гвардеец! Приказал провести меня в эту землянку. Когда вошел и осветил фонариком ее, то увидел сгрудившихся в ней штрафников и застывшего в растерянности и недоумении их командира отделения. На мой вопрос, кто и в какой резерв его назначил, он стал что-то сбивчиво врать. С него враз слетела бравада, маска весельчака уступила место банальной животной трусости разоблаченного лжеца.

Ложь вообще нетерпима, а на войне особенно непростительна, за нее расплачиваются кровью, и, к сожалению, чаще не сам лжец, а другие. Когда весь смысл этого дошел до штрафников, один из них, которого в отделении называли Моряк-Сапуняк, фамилию которого я тогда забыл, но по архивным спискам установил — Стеценко Виктор Иванович, взорвался: «Ах ты, шкура!..» и добавил: «Товарищ капитан! Таких сук и сволочей у нас на флоте расстреливали на месте. Дайте мы рассчитаемся с ним сами». Я понял: до них дошло, что всех их, гордившихся принадлежностью к морскому воинству, хотел использовать для прикрытия трусости и предательства редкий шкурник да еще и не из «морского племени».

Отобрали у Редкого автомат, гранаты, а я назначил вместо него все еще дрожащего от возмущения Моряка-Сапуняка. Еще не зная, решусь ли расстрелять его, вынул свой пистолет из кобуры, приказал Редкому выйти из землянки. Подумал, если не расстреляю, то сколько конвоиров нужно будет оторвать из боевого состава, чтобы отправить его в штаб штрафбата, и какую докладную записку написать, чтобы с ним разобрался сам комбат

или трибунал.

И надо же было! Как только он вышел из землянки, прямо над ним разорвался немецкий бризантно-шрапнельный снаряд и намертво его изрешетил, совершенно не задев меня, идущего несколькими шагами сзади. «Бог шельму метит», вспомнилось мне, и рад я был, во-первых, тому, что не выскочил первым сам, что не успели выйти другие бойцы, да и не нужно теперь ломать голову, что с этим Редким-подлецом делать дальше. Жестокими, может быть, были эти мои мысли, но так было. Кто-то из штрафников, выходя из землянки и узнав о случившемся, даже сказал: «Собаке собачья смерть!» Не стал я одергивать этого человека, пусть выйдут наружу эмоции. Здесь сам бог жестоко покарал труса, подло предававшего боевых товарищей и хитро хотевшего покинуть поле, вернее — акваторию боя, что ближе к понятиям моряков.

Уже теперь, узнав по архивным документам, что в штабе батальона зачислили его в число именно утонувших при форсировании Одера наравне с другими, действительно героически погибшими там, считаю, что поступили правильно. Родные этого труса, которым пришла бы весть о позорной его кончине, конечно, не должны были страдать из-за него. Да и обозначать место его истинного захоронения в каком-нибудь документе уже не нужно было.

Вскоре после этого, немного успокоившись от случившегося и от очередной своей ошибки в определении истинных качеств подчиненного, через связных я передал команду доставить лодки к воде. Выскочили из окопов мои штрафники и, пользуясь безлунной ночью, замирая под мертвенно-белесыми огнями немецких осветительных ракет, спасаясь от осколков вражеских снарядов, бросились к своим лодкам. Некоторые уже были повреждены осколками, бойцы искали пробоины, конопатили их, даже отрезая для этого полы одежды. Было уже несколько убитых, раненых я приказал собирать в той злополучной землянке.

Лодки были готовы к спуску на воду, как и предполагалось, до рассвета. Еще раз через связных я передал, что форсирование начнем через пять минут после начала артподготовки по прерывистому зеленому огоньку фонариков. Артподготовка должна была начаться в 5.30 утра, еще до рассвета (время у нас всегда было московское). Она планировалась недолгой, чтобы успеть лишь преодолеть реку, а далее ее огонь будет перенесен в глубину обороны противника по нашему сигналу по радио или ракетой. Однако не всегда все идет по плану.

Как я молил бога, чтобы над водой образовался хотя бы легкий туман, чтобы фашисты не смогли сразу разглядеть начало форсирования и открыть прицельный огонь. Еще до того, как стал рассеиваться предутренний мрак, мощный гул артподготовки будто взбодрил всех, и наши первые лодки уже были на воде. Мои убеждения, что чем быстрее будем двигаться, тем меньше шансов у фрицев поразить нас, теперь мне самому казались излишними, но движение лодок было заметным, а туман, хотя и жиденький, ненадолго повис над рекой!

Эта ночь была, кажется, третьей или четвертой после новолуния, и ущербная луна должна появиться уже после восхода солнца. Немецкий артиллерийско-пулеметный огонь усилился, заметно ожили и наши ПТР и пулеметы, оставшиеся на берегу. Мысль о том, почему нас не поддержала авиация, объяснил себе тем, что вся она работала на направлении главного удара фронта, с Кюстринского плацдарма, а наш штрафбат был, оказывается, отвлекающей силой.

Часть лодок была заметно повреждена, или они были просто сами настолько тяжелы, что под тяжестью четырех человек с оружием стали тонуть. И тогда, оставив в них только оружие, часть штрафников с каким-то ярым отчаянием бросались в студеную воду и плыли, держась за борта лодок, преодолевая судороги, сводившие ноги в этой холодной купели. Студеная, черная или, как у Твардовского, темная вода местами словно вскипала, поглощая и некоторые лодки, и отдельно от них плывущих людей.

Это теперь, когда из литературы известны случаи выживаемости людей, попавших в воду такой же температуры, мы знаем, что это могли быть отрезки времени даже более 40 минут. Не знаю, многие ли тогда выдержали это испытание, сколько их ушло на дно, но эти отважные люди упорно продвигались вперед, правда, со скоростью гораздо меньшей, чем мы рассчитывали, и потому сносило их вниз по течению дальше, чем хотелось, что осложняло еще более задачу захвата плацдарма. Мое напряженное сознание фиксировало только те экипажи, которые, яростно взрывая веслами, лопатками и просто ладонями и так бурлящую от пуль и осколков воду, вырисовывались в этом слабом туманном мареве. Некоторые из бойцов были без пилоток, и не оттого, что им было жарко — просто пустили они их для забивания появляющихся пробоин в лодках.

Легкая, с небольшой осадкой наша дюралевая лодка двигалась быстрее других, и, еще не достигнув берега, я подал команду радистам передать условный сигнал артиллеристам на перенос огня. И в этот момент мне показалось, что какой-то фриц

ведет прицельный огонь по нашей лодке, благо она заметно отличалась от тех, деревянных, и противник легко мог предположить, что она — командирская. Вскрикнул радист, в плечо которого впилась пуля. В надводную часть нашей дюралевой посудины попала разрывная пуля, и осколками задело кисть моей левой руки.

С лодок велся интенсивный огонь по приближающемуся берегу, с некоторых из них даже строчили ручные и один горюновский пулемет! Но кажется, наша лодка одна из первых на берегу! В другую лодку, уже приближавшуюся к берегу, на моих глазах попал снаряд, и ее обломки взлетели на воздух вместе с людьми. Но те, которые с пулеметами, уцелели. Значит, помогут десанту. Да кажется, они уже и вели огонь по приближающемуся берегу.

Вели огонь и немцы, в том числе и своей малой, но достаточно мощной артиллерией, «фаустпатронами». Сколько было разбито лодок на середине реки, я не видел, но часть их уже достигла цели, уткнулась в берег, и бойцы бросились вперед, ведя огонь из своего оружия и прикрывая кто грудь, кто живот малыми лопатками, как стальными щитками. Первые метры вражеского берега — наши! Но как немного оказалось у этого берега лодок и как мало высадилось из них бойцов! Всего человек 20–25. Оглядываясь, я больше не видел ни даже обезлюдевших лодок, ни людей на воде. Значит, это были все, кто добрался. А остальные? Неужели все погибли? Нет ни одного взводного! Что с ними? Ведь для двоих это был первый бой, а парторг Чайка с его боевым опытом был бы хорошей опорой, да и спокойная его мудрость не помешала бы нам всем.

Оборачиваясь, кричу радисту: «Передай — мы на берегу!» Но тот в ответ: «Не могу, рация пробита, связи нет!!!» Выхватил ракетницу, выстрелил вертикально в воздух заранее заряженную зеленую ракету — значит, наши должны понять, что мы доплыли, добрались и бьемся за плацдарм. Туман давно растаял, уже ясно вижу, будто уже в другом мире, в другом, не нашем, измерении правый берег, который совсем недавно был первым рубежом для нас и с которого предприняли мы свой «последний и решительный». Значит, и нас должны хорошо видеть. Да, эта ракета должна перенести огонь и оставшихся там наших ПТР, и станковых пулеметчиков на фланги и в глубину.

Здесь, на левом берегу, события развивались с молниеносной быстротой. Недалеко от меня пролетел, шипя и свистя, «фауст». Слева от меня на правый фланг стремительно пробежал летчик Смешной, что-то прокричав резким, срывающимся голосом. Заметил я и Сапуняка, и даже его расстегнутую на все пуговицы

гимнастерку, из-под которой виднелась морская тельняшка. Он бежал вперед, увлекая не только своих моряков, оказавшихся на этом берегу, но и всех, уже выбравшихся на берег. Часть бойцов устремилась за летчиком Смешным, побежал с ними и я.

Две наши небольшие группы рванулись вперед, а уже недалеко появились три немецких танка. Не знаю уж, «ура!» кричали перекошенные от злости и напряжения рты или мат извергали, но смяли штрафники в рукопашной схватке фашистский заслон в первой траншее, оставив позади себя нескольких раненых или убитых собратьев-переменников. И еще три-четыре человека упали, всего несколько шагов не добежав до траншеи.

Наш летчик Смешной, наверное, еще с воды заметил немца-фаустника и прямиком летел к его позиции. Тот, видимо, не ожидая такого неистового напора и не сумев поразить бегущего прямо на него бойца, выскочил из окопа и стал удирать, но Смешной достал его из автомата.

Я дал красную ракету и свистком подал условный сигнал «Стой!» — нужно было дать перевести дыхание бойцам и сменить уже опустошенные диски автоматов и магазины пулеметов. Да и три танка, показавшиеся вдали, продолжали приближаться. В траншее я насчитал нас тринадцать человек, достреливавших убегающих фашистов. Мало! Но уже хоть маленький клочок земли на этом вражьем берегу завоеван! Теперь задача — этими малыми силами удержать его.

За танками показалась контратакующая пехота противника, а сколько их? Отобьем ли? И вдруг один танк остановился и задымил. Это Смешной из арсенала фаустника подбил немецким «фаустом» их же танк. Замечательно! Не зря, выходит, этот смелый летчик на тренировках при подготовке роты к боям изрешетил ими, трофейными, остов сгоревшего немецкого танка.

Почти без заметной паузы еще два «фауста» попали во второй танк, он остановился и тут же загорелся. Выскочившую из-за танков пехоту наши бойцы, успев захватить окопы и перезарядить оружие, встретили плотным огнем, от которого многие фрицы попадали, а другие вслед за пятящимся задним ходом третьим танком повернули назад.

И тут как-то стихийно, почти одновременно и без моей команды, штрафники поднялись из окопов и ринулись вперед. Немцы убегали, многие из них бросали оружие, но рук не поднимали, чтобы сдаться, — поняли, что этим отчаянным русским сдаваться неразумно. Конечно, в этом они были правы! И вдруг, как только наш герой-летчик пробежал мимо убитого им фаустника, тот, не убитый, а притворявшийся им, чуть

приподнялся и на моих глазах стрелял из «шмайссера» в спину Смешного, пока я не прикончил его, послав в его рыжую, без пилотки или тряпичной фуражки голову длинную автоматную очередь.

Подбежал я к летчику, повернул его лицом вверх и увидел открытые, но уже остановившиеся голубые глаза. В них, несмотря на песчинки на роговице, отражалось посветлевшее небо, которое он, наверное, так любил и которому посвятил почти всю свою армейскую жизнь. Грудь его была в области сердца разворочена и обильно залита дымящейся алой кровью. На секунду я положил свою ладонь на его глаза, ощутив уже уходящее тепло его лба и век. Но терять время нельзя, нужно решать, что делать здесь, сейчас, немедля.

Захватили вторую траншею. Теперь нас было уже двенадцать, я — тринадцатый (не считая радистов, оставшихся у лодки). Дал снова сигнал «Стой!» и уже голосом приказал перейти к обороне. Решил отправить донесение комбату «стрелкачей» со связистами, один из которых был пока даже не ранен. Они мне без рации все равно не нужны, хотя могли бы и воевать, да с ними двух-трех тяжело раненных штрафников отправлю. А вдруг там догадаются прислать исправную радиостанцию… Второпях написал в записке-донесении, что «заняли вторую траншею, обороняемся в составе 13 человек. Нет ни одного командира взвода. Своим заместителем назначил штрафника Сапуняка. Геройски погиб, проявив мужество и необычайную храбрость, офицер Смешной». Написал так потому, что считал его вернувшим себе офицерское звание и честь, искупив вину всей своей кровью и самой жизнью, и добавил красным карандашом: «Считаю достойным присвоения ему звания „Герой Советского Союза“.»

Приказал доставить в лодку двух тяжело раненных штрафников, чтобы скорее отправить их в тыл для оказания крайне необходимой им врачебной помощи, иначе они здесь не выживут. Один, я видел, схватился за живот окровавленными руками и корчился от боли. Еще не успели принести раненых, как я, наклонившись к радисту, чтобы передать ему донесение, вдруг даже не услышал, а скорее почувствовал, будто огромный цыганский кнут неестественно громко со свистом щелкнул у моего правого уха, и что-то ударило в правый висок… Стремительно и мгновенно провалился будто в безразмерный, безграничный черный омут. Как молния, успела сверкнуть лишь успокоительная мысль: «Слава богу, не утонул, убили…» Вроде бы даже успел поверить раннему своему определению, что свистят не твои пули, свист твоей пули услышать не дано. Значит, это была моя пуля, свист ее я не слышал. Больше ничего не успел

ни вспомнить, ни подумать. Убитые не думают.

Глава 18
После гибели. Несостоявшиеся Герои

Их в бронзу время воплотило,
Их славят и боготворят…
А для прижизненных наград
Им просто жизни не хватило.

Исай Тобольский

Где песнь Победы чудилась ему,
Хрипит Берлин, поверженный в дыму.

Николай Браун

Через какое время я очнулся, не знаю, но солнце стояло уже довольно высоко. Может, от того, что почувствовал его лучи и пришел в сознание. Вот тогда и подумал, что неправду пишут, будто непосредственно в момент смерти или за мгновение до нее у каждого человека проходит перед глазами вся прожитая жизнь. Да и кто это может знать? Я успел только молниеносно осознать одно: «Слава богу, убит, не утонул…»

Видимо, оказавшиеся рядом бойцы, убедившись, что я еще жив, подняли меня из воды и, наложив наскоро простенькую повязку, уложили в ту же лодку и оттолкнули ее от берега в надежде: дай бог, прибьет к своим… Как потом оказалось, это пуля (думаю, снайпера) попала мне в голову, что потом подтвердили госпитальной справкой о ранении, в которой было написано: «Слепое пулевое ранение правой височно-теменной области. Ранение получено в боях на р. Одер 17.04.45» (число указано ошибочно, это произошло 16 апреля, а 17-го был доставлен в госпиталь).

Судя по уже заметно поднявшемуся солнцу, прошло часа два — два с половиной, а это значит, что мы ушли вниз по течению километров на четыре-пять, да и плывем близко к левому берегу.

Раненый радист одной рукой вместо весла (они где-то потерялись) пытался направить лодку к правому берегу. Второй радист был уже мертв, один из раненых штрафников тоже умер, а другой, раненный в живот, умолял дать ему пить и пристрелить: умирать в мучениях не хотел. Понимал я его, но всегда помнил, что «надежда умирает последней» даже в самых крайних ситуациях. Как мог, уговаривал его потерпеть, тем более что мы уже скоро будем на берегу, хотя сам еще не представлял, на своем или вражеском.

Сознание мое все более прояснялось, уменьшался рой черных мушек и таких же молний перед глазами. На карту смотреть было бесполезно, так как мы ушли давно за ее обрезы, а русло реки впереди явно раздваивалось. С трудом, но разглядел, что приближаемся к правому берегу левого рукава реки. Значит, это остров, может, и небольшой, но наш он или противника? У меня был трофейный свисток со встроенным в него миниатюрным компасом. Машинально посмотрел на его стрелку, но ничего это не добавило к оценке обстановки, ведь плывем по реке, текущей на север. Вдвоем с раненым связистом кое-как прибились к берегу и, чтобы лодку не снесло течением, с большим трудом вытащили нос лодки на поросший прошлогодней травой берег. Сказал радисту, что пойду на разведку, а ему наказал охранять раненого штрафника, ни в коем случае не давать ему пить и тем более не исполнить его другую просьбу. Солдат понял меня.

Решил идти (вернее — ползти) в разведку, чтобы узнать, к своим ли занесло нас Одером и судьбой. Радисту сказал, что, если услышит выстрелы (а я решил, что, если на острове немцы — живым не сдамся) — значит, нам не повезло. И тогда самым верным его решением будет плыть дальше, где он наверняка наткнется на своих. С большим трудом, иногда на грани потери сознания, полз по островку, поросшему невысоким кустарником с еще редкой, едва проклюнувшейся листвой. Все мое тело горело от невесть откуда взявшейся жары, одолевала постоянная тошнота. И, бог знает, сколько сил понадобилось, чтобы преодолеть показавшуюся очень уж длинной какую-то сотню метров, пока не увидел бруствер свежевырытого окопа. На нем лежала перевернутая немецкая каска. Ну, подумал, все, значит, не судьба. Решил продвигаться вперед, с трудом преодолевая не метры даже, а сантиметры этого острова.

Пока полз, заметил, что снаряды изредка перелетают остров то в одном, то в другом направлении. Это поселило в моем воспаленном мозгу какие-то надежды. Мой автомат остался на плацдарме, я вынул пистолет ТТ, заменил уже, оказывается, израсходованный на плацдарме магазин, загнал патрон в

патронник и так, со взведенным курком, пополз дальше. Решил: если в окопе немцы — первую же пулю пущу себе в лоб. Нет, первую все-таки во фрица, которого увижу, а уж потом вторую — точно себе, чтобы не оказаться в плену. Годы войны, да и нелегкая судьба штрафников, которые там побывали и попали к нам, воспитали во многих категорическое неприятие плена как альтернативы смерти.

И вот до бруствера окопа остается три метра… два… полтора… На краю окопа разглядел уже и термос немецкого образца, но пока не вижу немца, которого уложу. Еще несколько движений по-пластунски, и вдруг над бруствером появляется знакомая шапка-ушанка с нашей, советской, родной красной звездочкой! Именно красной, а не привычного цвета хаки, как чаще было на фронте. А затем, как в замедленном кино, открылось такое славное, узкоглазое и широкоскулое лицо солдата-бурята, или казаха, или калмыка, или… Видимо, он испугался в кровавых бинтах физиономии советского капитана, ползущего со стороны противника, бегом метнулся по окопу, а я на остатках сил заполз на бруствер окопа и упал на его дно, вновь потеряв сознание.

Очнулся оттого, что волокут меня в какую-то землянку, где офицер, тоже, как и я, в чине капитана, приказал медсестре сделать мне перевязку. Но, пока чувствовал себя, сказал: «На берегу лодка, в ней тяжело раненные офицер (штрафника я назвал офицером) и солдат-радист. Помогите им!» Меня даже умыли и надежно, теперь уже умело перевязали. Капитан вскоре сказал, что раненым оказана помощь и их отправили на лодке на материковый берег. Скоро и меня отправят, но сейчас нельзя, немцы со своего берега стали простреливать то место. Когда солнце закатилось за Одер, жара в моем теле стала почти нестерпимой, и меня отнесли в лодку.

Со мной сел усатый старшина, который сильными гребками быстро погнал лодку. Эта полоса воды почему-то все время периодически простреливалась немцами, и даже одна пуля слегка зацепила мне ногу, но мне это было как-то безразлично. Как меня доставили на какой-то сборный пункт раненых, я не помню — сознание вновь покинуло меня. На время пришел в себя, когда уже в госпитале зашивали рану на голове, а окончательно овладел этим постоянно ускользающим сознанием, когда Рита неведомыми путями нашла меня здесь. Она узнала от Жоры Сергеева, наблюдавшего в бинокль за действиями на плацдарме с этого берега, который уже доложил в штаб: «Я видел очень хорошо, он упал в воду. Погиб…» А тот «кашевар» Путря будто бы сказал, что видел, как труп капитана подняли из воды, положили

в лодку и она поплыла по течению.

Она потом рассказала, как тайком убежала искать меня, не поверив в гибель, как с трудом нашла госпиталь. Как едва узнала меня с забинтованной, как мумия, головой и руками, только по воспаленным от высокой температуры губам. Еще некоторое время я не совсем понимал, где нахожусь и на сколько измерений отстоит этот госпиталь от того Одера, последней черты многих бойцов моей роты, да чуть было и не моей могилы.

Рассуждения о могилах долго не оставляли меня. Конечно, никому не хотелось после собственной гибели истлеть в чужой земле: ни холмика, ни присесть родным, ни цветок положить или былинку выросшую потрогать. Это равно гибели в водной пучине.

А мне удалось избежать и того и другого. Опять невероятное везение! Несколько дней спустя мне уже можно было вставать, а Рита включилась в известный ей ритм работы госпиталя, помогая своим опытом госпитальной сестры персоналу, подбегала ко мне раз-два в день.

Здесь, в госпитале, меня поразил случай удивительной жизнеспособности воина. Соседи по нарам, на которых почти вплотную были размещены раненые, обратили внимание на то, что солдат, раненный тоже в голову, не приходя в сознание, постоянно, в течение более суток, стучал пальцами одной руки по краю деревянной перекладины нар. Один раненый, видимо, телеграфист, догадался, что тот перестукивает «морзянку», и расшифровал ее: он просит принять донесение. Тогда близко лежащий пожилой сержант посоветовал: «Отстучи ему, что принял, может успокоится». «Отстучал» по пальцам этого несчастного солдат, и тот действительно «успокоился»: минут через 10 его сердце перестало биться. Со смертельной раной он все это время жил только ради выполнения воинского долга. Выполнил — и умер. Какая потрясающая сила духа держала его на этом свете!

Прошло несколько дней, и я уговорил Риту вернуться в батальон. Во-первых, чтобы ее не сочли дезертиром, ведь она убежала тайком! Во-вторых, чтобы сообщить, где я, в-третьих — узнать, чем закончилось дело на так дорого доставшемся нам клочке земли за Одером, и в-четвертых — чтобы приехали за мной, мне нужно успеть к взятию Берлина!

Как она добиралась до батальона, не знаю, но 29 апреля снова оказалась здесь. Мы тут же пошли к начальнику госпиталя просить о выписке, хотя в госпитале я провел со своим пулевым ранением в голову всего 12 дней. Поскольку, как я уже заметил по их взаимоотношениям, Рита была с начальником госпиталя хорошо знакома, и он всего день назад сказал ей, что представил

ее к ордену Красной Звезды за самоотверженную помощь по уходу за ранеными, она смело пошла к нему со мной.

Начальник госпиталя, молодой капитан, будто заранее подготовленный, согласился на выписку, вручил Рите орден Красной Звезды, сказав, что такой опытной сестре он вполне доверяет раненого капитана. Я был очень удивлен, насколько быстро состоялось награждение по сравнению с награждениями у нас в штрафбате, отнес это к расторопности начальника госпиталя.

На сборы — секунды! Мы вышли во двор, где стояла четырехколесная на рессорах пролетка с откидным верхом, впряженная в нее молодая гнедая лошадь. Не теряя время, получив у начпрода на двое суток хлеба, сахара и консервов, тронулись в путь. По дороге я узнал главное: плацдарм удержали. Бойцы отбили еще несколько контратак. А к нашему геройскому штрафдесанту к вечеру на таких же лодках присоединилось пополнение, которое возглавлял мой «дублер», Николай Слаутин, с которым было несколько командиров взводов, пополнение, и, кроме того, туда же были переправлены и оставленные мной на правом берегу бронебойщики и пулеметчики. Все они смогли еще более расширить захваченный нами плацдарм.

Когда Рита одна вернулась из госпиталя, ей вначале не поверили, что я жив. Кто-то из друзей шепнул ей тогда, что уже заготовлены похоронка и документы о представлении меня посмертно к званию Героя Советского Союза, и ждали только ее возвращения, чтобы удостовериться. У меня двоякое чувство возникло от ее известия: и вроде очень приятно, что так высоко оценили наши успехи по захвату плацдарма, но лучше бы уж, коль остался жив, то «прижизненно», а не посмертно. Посмертно очень достоин этого, хотя и штрафник, летчик Смешной! Пусть бы это был в боевой истории 8-го штрафбата единственный, но показательный случай штрафника-Героя. Однако радость переполняла меня не от этого сообщения, а оттого, что я жив и что третью похоронку, уже на последнего, младшего сына моя мама не получит.

Солнечным весенним днем, под веселый цокот копыт я еду по дороге, местами густо обсаженной цветущими деревьями, как прошлой весной в Белоруссии, даже красивее! Потому что весна эта явно победная, и я в который раз вспоминал свои еще в 1944 году написанные стихи, где как предсказание было: *«И весной, в начале мая, прогремит Салют Победы над землей!»* И весна уже в самом разгаре, и начало мая вот-вот, а Победы все нет и нет.

Едем, и кажется, будто уже нет войны, благодать! Навстречу нам попадаются группы бывших узников концлагерей и

фашистского рабства, мужчины и женщины, даже дети, изможденные, но со светлыми улыбками и оттаявшими взглядами. Они приветливо машут нам руками и кричат слова благодарности.

По наскоро наведенному мосту мы переправились через широкую, ныне спокойную гладь Одера, но совсем не там, где мы его форсировали. Наконец я догадался спросить Риту, куда же мы едем, как и где найдем свой батальон. Она сказала, что часть дороги ей уже знакома, а потом достала карту, которую дал ей Филя, наш начштаба. На карте этой красным карандашом был обозначен (по-военному — «поднят») маршрут до какого-то городка. Там мы должны будем спросить у военного коменданта дорогу, если не застанем своих. Не буду описывать всей дороги «домой», коснусь только особенностей на нашем пути.

Выехали мы из госпиталя 29 апреля. По пути почти в каждом доме и в каждом окне флаги-простыни: «Сдаемся!» На улицах уже появилась немногочисленная ребятня, загоняемая взрослыми в дома, как только появлялись наши военные машины. Иногда под конвоем советских солдат шли понурые колонны пленных немцев. Скорбно глядели на эти толпы местные жители, но я не видел, чтобы какая-нибудь сердобольная «фрау» попыталась передать кусок хлеба или картофелину пленному. Когда фашисты гнали по русской земле наших, попавших в плен, русские бабы не боялись даже выстрелов, бросали съедобное. У каждой нации свои менталитет и широта души.

К ночи решили остановиться в небольшом городишке. Выбрали более или менее приличный дом, попросили хозяйку вскипятить воды, чтобы попить чаю. Пожилая немка с неживым, тусклым лицом кивнула в знак того, что понимает наш далеко не совершенный немецкий, выдавила из себя «яволь» и вышла. За мою почти двухлетнюю службу в Германии после войны я понял, что это «яволь» у них одно из главных слов общения.

Тем временем мы достали свою провизию, сахар. Хозяйка принесла нам две чашки кипятка и, увидев сахар, спросила, не хотим ли мы кофе. По ее глазам, так жадно смотревшим на эти кусочки колотого рафинада, мы поняли, что кофе она предложила неспроста. Конечно же, мы договорились, отдав ей половину сахара. Видимо, на такую щедрость она не рассчитывала, так как ее неподвижное лицо вдруг оживилось, и она упорно стала многократно повторять «данке, данке шон» и даже кланяться.

Немцы вообще долгое время сахара не видели, широко пользуясь тогда эрзацами, в этом случае сахарином. Утром хозяйка, когда мы собрались завтракать, принесла нам две чашки

«кофе». Уж очень похож был этот эрзац-кофе на тот ячменный да желудевый, из которого в голодном 33-м году мама пекла нам черные лепешки или оладьи… Но все-таки это была не вода, а уже напиток, да еще поданный добровольно, будто от души. Поблагодарив хозяйку, уехали. Голова моя еще болела, ехали не быстро, вибрация пролетки на мощенной камнем дороге иногда вынуждала нас прекращать движение.

Весь день нас обгоняли наши танки, самоходки, автоколонны с людьми и орудиями. И незаметно было среди солдат обычного оживления от того, что видели девушку-сержанта, везущую на открытом тарантасе капитана с перевязанной головой, не кричали они обычные в таких случаях слова: «Воздух!», «Рама!». Настроение было не то. Берлин сопротивлялся упорно, а они ехали туда, где еще многие лягут ради уже близкой Победы.

К вечеру были у конечного пункта, отмеченного на карте, и первый попавшийся нам старик-немец указал, где находится «коммандант». Каково же было наше изумление, когда в его роли увидели нашего штрафбатовского офицера, моего давнего друга, капитана Петра Загуменникова! Какая обоюдная радость была по поводу этой неожиданной встречи! Петя объяснил нам, что сюда назначен временно, на днях его должен сменить постоянный комендант, тогда он снова вернется в батальон. Взяв нашу карту, Петя отметил на ней те пункты, через которые должен следовать наш ОШБ. Пробыли мы у него часа два, подкрепились, покормили и напоили свою лошадку.

Решили больше не останавливаться на ночлег, чтобы быстрее добраться до родного дома, коим стал для нас наш «восьмой отдельный». Ночь прошла под монотонный, усыпляющий перестук копыт, и утром праздничного Первого мая были в последней деревне, отмеченной моим другом на карте. На главном перекрестке, возле небольшой кирхи, на аккуратном немецком столбе с такими же аккуратными указателями увидели нашу русскую, на простой доске указку. На ней большими цифрами черной краской написан номер нашей полевой почты — «07380», а чуть ниже выведено: «Х-во Батурина». Сомнений не было, мы почти дома! В душе праздник двойной, вспомнилась довоенная песня о майской Москве «Утро красит нежным светом…», и недавнее прошлое мешалось с мыслями о совсем близкой встрече с боевыми друзьями.

Берлин доживает последние часы, бои идут уже за Рейхстаг. У немцев траур на лицах, у многих черные повязки на рукавах. То ли по погибшим родственникам, солдатам вермахта, то ли по

Берлину. А может, им тогда уже было известно о самоубийстве Гитлера и Геббельса, хотя мы об этом еще не знали. В общем, пробираемся, согласно указкам, по северным пригородам Берлина. Дачные места, все в зелени, сады в пору буйного цветения. Но аромат цветов забивается запахами войны: со стороны Берлина ветром доносятся и дым, и запах пороховой гари, и характерный привкус взорванного тола. О, эти запахи войны! Как долго будете вы нас потом преследовать во сне и наяву…

Хорошо уже слышно, как перекатывается, словно недалекая гроза, орудийный грохот. Самолеты волна за волной идут на Берлин. Ему недолго еще огрызаться. Как мы узнали еще у Пети-коменданта, бои там идут уже с 21 апреля. Да, долгим, тяжелым был наш путь к фашистскому логову. Это легкие победы делают победителя заносчивым. А у нас, добывающих уже близкую Победу страшными потерями, величайшим героизмом, самоотверженностью и напряжением всех сил, возникает только необычайная гордость. Гордость за то, что нам это удалось, что и наша кровь пролита в боях не напрасно.

Мы с первых дней войны свято и непоколебимо верили, что «наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». Именно Вера в правоту своего дела и была душой нашего народа, хотя вначале и было немало тяжких дней отступления. Из этой Веры исходил и всеобщий героизм советских людей, массовые подвиги на фронте и в тылу. И если раньше мы говорили: «Будет и на нашей улице праздник», представляя его еще где-то очень далеко, то теперь этот праздник, добытый огромными жертвами, был совсем рядом. Его приближение чувствовалось каждой клеточкой тела, с каждым ударом живого метронома — сердца человеческого.

Батальон догнали к середине дня 1 мая где-то за городом Фрайенвальде, в одном из северных пригородов Берлина. В приподнятом настроении мы добрались до штаба нашего родного штрафбата. Увидели нас находящиеся вблизи офицеры, бросились к нашему тарантасу, буквально на руках стащили обоих на землю грешную. Объятия до хруста костей, поцелуи, рукопожатия…

Начштаба Киселев, видимо, заметивший нашу усталость и мою непривычную для всех бледность, появившуюся на лбу испарину, распорядился оставить нас и дать отдохнуть. «Все новости потом!» — отрезал он. И добавил: «Теперь твоим ординарцем на оставшиеся дни (ведь Победа рядом, уже весна, начало мая!) будет, по его просьбе, твой бывший кухонный

Путря». Из этой его реплики я понял, что Путря еще не реабилитирован, но всех, теперь уже немногочисленных, штрафников кормит общебатальонная кухня.

Позже я узнал, что комбат просто не согласился на просьбу Слаутина о восстановлении Прохора Путри в офицерских правах, как сделано было Батуриным в отношении некоторых других штрафников, состоявших в обслуге самого комбата и его жены. Мотивировал свое упорство тем, что у Путри еще не закончился срок отбытия недосиженных лет в тюрьме, а в форсировании Одера он практического участия не принимал. Какая «пунктуальность»! Но ведь Путря был под огнем на берегу Одера, а штрафник в роли личного ординарца у Батуриных и близко там не был, но уже ожидал приказ командующего фронтом о восстановлении.

Между прочим, одна деталь «решительности» Батурина, замеченная мною при изучении архивных документов. Многие штрафники прибывали в батальон без указания срока, который определялся провинившемуся для искупления своей вины. Тогда определение его предоставлялось командиру штрафбата. И вот, несмотря на то что конец войны четко предполагался не дальше месяца, комбат Батурин, независимо от тяжести проступка, всем им собственноручно в приказе прописывал жирную цифру «3», то есть «три месяца штрафбата». Как известно, это было равно 10 годам ИТЛ. Не знаю, из каких соображений исходил комбат Батурин, но документы сами говорили за него.

Прохор Путря, несмотря ни на что счастливый, отвел нас в отведенную комнату в цокольном этаже добротного дома. Здесь все было по-хозяйски прибрано, приготовил он нам и чистые полотенца, чтобы умыться с дороги, и, как только мы с этим управились, подал нам обед. Оказывается, он уже ждал нашего возвращения, волновался.

Пообедав и заметив, что головная боль утихла, я все-таки прежде чем лечь отдыхать, решил пойти к комбату с докладом о моем возвращении. А то как-то не по-военному получится. Встретил по дороге моего старшего друга, замкомбата майора Матвиенко, узнал у него, что рота моя была выведена из боя только 27 апреля. Долго все-таки перемалывала вину штрафников эта Берлинская операция, которую и мы со всем 1-м Белорусским начали тоже 16 апреля. Из первого состава роты не пролившими кровь осталось, как мне сказали, всего 4 человека. Нелегкими были эти 10 дней и для моего «дублера» капитана Слаутина. Но тем не менее уже на другой день после вывода роты из боя, не дав ему даже хорошо выспаться, Батурин назначает его дежурным по части, а оперативным дежурным — только недавно

произведенного в офицеры Василия Назыкова, вчерашнего старшину — бывшего, как мы его называли, «самого старшего писаря штаба».

Все-таки странные понятия у нашего комбата и о боевой деятельности ротного, и о военной субординации, когда капитан, назначенный дежурным по части, подведомствен лейтенанту, находящемуся и по основной должности ниже его.

Комбат тоже разместился, как и многие офицеры, в подвальном помещении большого дома. Подвал этот был хорошо отделан и обставлен, видно, служил кому-то из местных тузов комфортным бомбоубежищем. Принял меня он прохладно, как и при первом нашем знакомстве, когда я представлялся ему, прибыв из госпиталя в сентябре 1944 года. Выслушал он мой официальный рапорт о прибытии и, не сказав ни слова об оценке действий на плацдарме, велел отдыхать, а в 19.00 вместе с женой прибыть к нему. Обескураженный такой холодной реакцией на мое возвращение, я повернулся к выходу, надеясь услышать хотя бы вслед что-нибудь ободряющее. Но так и ушел, не услышав более ни слова — как и тогда, летом, как будто для возвратившихся из госпиталя у него был заготовлен определенный ритуал. Однако в первый раз он меня еще совсем не знал, а здесь столько всего у нас было — и на Нареве, и после, да и Одер многого стоил. Просто, подумал я, у него такая манера взаимоотношений с подчиненными.

Во дворе меня ждали оба Жоры, Сергеев и Ражев, и еще несколько офицеров, среди них был и один из ПНШ, капитан Николай Гуменюк, ведающий в том числе и наградными делами. Кстати, этот весьма общительный офицер начал службу солдатом в нашем штрафбате с первых дней его формирования, еще под Сталинградом, и дослужился в нем до капитана. Покрутился он около нас, вроде что-то хотел сказать, но так и ушел, не выбрав подходящей минуты.

Заснул я не скоро, но все-таки поспал, голова немного посвежела. Рита уже готовила нас к вечернему визиту в дом Батурина. Приготовила с помощью Путри мой китель, давно лежавший без дела в обозе, погладила, подшила свеженький белый подворотничок, отгладила свою гимнастерку, ведь все-таки Первомайский праздник, и Батурин, наверное, именно по этому поводу «дает прием», раз пригласил нас. Знали уже, что прием этот будет в отличие от встречи Нового года в сравнительно узком составе.

Когда мы появились, там, кроме комбата и его жены, были замполит Казаков и все остальные заместители, почти все

штабные офицеры, мой «дублер» Николай Слаутин, оба Георгия (Сергеев и Ражев), а также наш батальонный доктор. Был здесь и ротный парторг Чайка, который, оказывается, получил контузию на Одере, еще на правом берегу, в медсанбате пробыл всего несколько дней, как и Жора Сергеев, продолжал лечиться у Степана Петровича. Кто-то еще был, но первый тост, как и положено, произнес сам комбат. Говорил он долго, в основном о Первомае, потом перешел к недавним событиям на Одере. Подтвердил, что совершенно невредимыми из штрафников, бравших плацдарм, остались всего четыре человека, в том числе и Сапуняк-Стеценко, оказывается, заменивший меня после ранения и командовавший остатками роты на плацдарме до прихода туда капитана Слаутина с пополнением. Как я был рад этому! Сказал Батурин, что всех их без «пролитой крови» уже восстановили в званиях и возвратили в части.

Подводя итог этой части своей, казалось, и не застольной речи, комбат сказал и о тех, кто представлен к правительственным наградам. Начал с того, что к званию Героя Советского Союза (посмертно) по ходатайству комроты капитана Пыльцына представлен погибший на плацдарме старший лейтенант Смешной. Мне тогда показалось это заявление неубедительным. Как оказалось теперь, спустя много лет, реально ход этому наградному листу был все-таки дан.

Передо мной фрагменты полученной мною уже в марте 2016 года копии наградного листа, датированного 20 апреля 1945 года на бойца-переменника, стрелка 8-го Отдельного штрафного батальона Смешного Павла Антифеевича с представлением его к званию Героя Советского Союза. Уже 29 апреля командир 397-й стрелковой дивизии генерал-майор Андоньев Николай Федорович, а 4 мая генерал-майор Сиязов Михаил Александрович, командир 89-го стрелкового Варшавского Краснознаменного корпуса, в составе которых тогда действовал наш ОШБ, подтвердили: «Достоин присвоения звания „Герой Советского Союза“.»

Однако по каким-то соображениям (то ли был запрет на такие высокие награждения штрафников, то ли были определенные квоты на геройские звания) командование 61-й армии уже 7 мая ограничилось награждением Смешного орденом Отечественной войны I степени, что и так было очень редкой наградой штрафникам, хотя тогда нам это было еще неизвестно и мы полагали, что никакой награды Смешному не было.

А ведь Смешной проявил настоящую смелость, истинную храбрость, в том числе и в ситуации смертельной опасности. Это, по-моему, и есть высшее проявление героизма.

Далее комбат сказал, что я представлен к ордену Боевого Красного Знамени и к воинскому званию «майор», где, как он витиевато отметил, «одна большая звезда многих других стоит». Эту фразу тогда я так и не понял, однако через много лет, в 1970 году, при встрече в Киеве капитан запаса Николай Гуменюк, служивший во время войны в штабе нашего ШБ, сказал мне, что вначале вместе с моей «похоронкой» Батурин приказал заготовить представление к званию Героя Советского Союза (посмертно) на меня. Спустя несколько дней вдруг приказал это представление задержать и переоформить на орден.

Это сегодня мне известно, что из штрафбатов Героев просто не могло быть. И если геройские звания давались и штрафникам, и их командирам, то их «штрафная» графа всегда маскировалась, штрафники именовались рядовыми красноармейцами, а их штрафные подразделения — обычными стрелковыми. Подробно об этом в главе книги «Преступления, искупление вины, покаяние штрафников». Так что мое прежнее недоверие к комбату в отношении представлений к званию Героев безосновательно, и я прошу прощения за свои предположения.

На том первомайском «приеме» после двух или трех тостов случилось неожиданное: бывший мой ротный командир, которого я заменил на Нареве, Иван Матвиенко, ставший замкомбатом, произнес тост за наше здоровье. Он предлагал выпить за нашу молодую семью, выдержавшую испытание Одером. Его поддержал, к моему удивлению, замполит батальона майор Казаков, довольно привлекательной внешности мужчина, средних лет белорус, с которым у меня почему-то не было деловых контактов ни на Нареве, ни в последующем, даже перед Одером. Вот после их тостов Георгий Ражев, который успел, кажется, солидно хватить спиртного перед этим батуринским приемом, вдруг устроил очередной скандал, кого-то в чем-то обвиняя самыми некорректными фразами.

Общими усилиями его едва утихомирили и вывели «на свежий воздух». За эти последние недели, оказывается, Георгию удалось устроить не одну скандальную выходку и среди офицеров подразделений, и в штабе. И все на почве «злоупотребления». Я даже удивился, как это Батурин позволил присутствовать ему здесь, в довольно узкой компании.

Несмотря на строгие наставления госпитальных врачей, я все-таки хоть совсем чуточку, но «употребил». Правда, по случаю счастливого «воскрешения» мне налили вместо водки французского коньяка (среди трофеев он был не редкостью), но на фоне этого скандала он оказался лишним, моя головная боль стала нетерпимой, «прием» был завершен «без торжеств».

На следующий день Ражева в батальоне уже не было, так как комбат сразу же после этого скандала, не дожидаясь утра, издал приказ № 110, в пункте 3 которого говорилось:

> «За систематическое пьянство и нетактичное поведение в офицерской среде командира взвода 3-й стр. роты капитана Ражева Георгия Васильевича откомандировать в распоряжение начальника Отдела кадров 1-го Бел. фронта.
>
> *Командир 8-го ОШБ подполковник Батурин,*
>
> *Начальник штаба майор Киселев».*

Решение Батурина об откомандировании Ражева сложилось, видимо, раньше. Тогда среди офицеров штаба ходила версия о том, что перед Одером его внезапная замена была связана с письмом Ражева-отца, полковника, занимавшего какой-то видный пост в политаппарате 5-й Ударной армии, наступавшей южнее нас, с Кюстринского плацдарма. Сердобольный папаша, узнав, вероятно, от сына, что тот готовится форсировать Одер, прислал комбату 8-го ОШБ просьбу не посылать его чадо в предстоящие бои, чтобы, не дай бог, в самом конце войны он, уже имевший и ранения, и тяжелую контузию, не погиб.

Конечно, отца понять можно, каждому родителю всегда хочется, если такая возможность имеется, хоть чем-нибудь уберечь свою кровинку. Ну а тут возможность была: ведь по штату офицеров было на четыре роты, а воевать шла одна. Мог, конечно, командир штрафбата ходатайствовать, например, о снижении Ражева в воинском звании на одну или даже две ступени, но, видимо, это был оправданный предлог выполнить просьбу его отца без особо неприятных последствий. Эта последняя выходка Георгия, видимо, переполнила чашу терпения в общем-то флегматичного Батурина, и Ражева так срочно откомандировали, что к утру его уже не было в батальоне, убыл, не попрощавшись. Наверное, все-таки стыдно было.

Через много лет после войны, когда я разыскивал своих друзей-однополчан, вернее, «одноштрафбатовцев», нашел его в Пензе, и почти до самой его кончины мы довольно часто писали друг другу. В одном из писем он сказал, что тогда «уехал на велосипеде». Писал он и о том, что в Берлине встретился с отцом, последние дни войны (а сколько их оставалось-то?) провел в той армии, в которой служил его отец.

Совместная фронтовая жизнь и пережитые опасности

сближают, наверное, сильнее, нежели разделяют случаи, каким был тот первомайский скандал близ Берлина. Потом его письма перестали приходить, и через несколько лет на мой запрос в военкомат пришел ответ: «Капитан в отставке Ражев Георгий Васильевич умер 14 мая 1993 года и похоронен на Аллее Славы города Пензы». Наверное, все-таки тогда, в штрафбате, у него были психологические срывы, а остальную часть жизни он прожил достойно.

В те дни штаб батальона несколько раз менял место дислокации, иногда каждые 2–3 дня, и все вокруг Берлина. Не знаю, чем это было вызвано, распоряжениями штаба фронта или собственной инициативой комбата. Перед началом Берлинской операции 13 апреля батальон переместился из села Цартунг в село Штайнвер, что в 8 километрах северо-восточнее Кенигсберга-на-Одере. Оттуда мы и пошли на захват плацдарма. А с 25-го числа батальон за 10 дней перемещался по пяти местам, оставаясь с 4 мая в с. Вустерхаузен, откуда нам удалось побывать в Рейхстаге, в этом селе и встретили Победу.

В бои наши подразделения больше не ходили, хотя пополнение штрафников все еще поступало. Война кончалась, но, будто по инерции, трибуналы и ретивые генералы, несмотря на возможную амнистию после Победы, продолжали поставлять контингент. Чтобы держать дисциплину в этих условиях, Батурин почти каждую ночь объявлял тревогу и строил батальон для проверки. Других способов держать в послушании личный состав, видимо, просто не знал.

Будучи уверен, что мой «крестник» Путря все равно после недалекой уже Победы либо по приказу, либо по амнистии будет восстановлен во всех правах и получит новое офицерское звание, я даже подарил ему свои запасные новенькие капитанские погоны, убрав с них лишние звездочки. Вскоре он убыл в отдел кадров фронта, и я был рад этому.

Теперь по приказу комбата вновь прибывающих штрафников (а они все продолжали прибывать) назначали ординарцами к офицерам, и не имеющим подразделений, чтобы эти штрафники после плановых занятий, которые строго надлежало посещать, не маялись без дела. Да и чтоб не мучились мыслями о том, что принесет им долгожданная и близкая Победа, амнистию и восстановление, или придется менять на «отсидку» в тюрьме или лагерях назначенные комбатом, независимо от греха, 3 месяца «штрафного» срока.

Ко мне прикрепили капитана-артиллериста Сергея. Его

фамилию я совсем было забыл. Но с помощью архивных документов установил, что то был капитан Боголепов Сергей Александрович. Это был москвич среднего роста, с тонкими чертами лица, выдающими в нем потомственного интеллигента. Прекрасно играл на пианино и вообще был музыкально и литературно образованным человеком. Не помню, в чем он перед самым концом войны провинился, тогда несколько человек поступили за «нелояльное» отношение к мирному населению поверженной Германии.

Сергей оставил мне свой московский адрес, и в мой первый отпуск, в конце 1946 года, я с женой впервые попал в столицу нашей Родины Москву проездом на мою родину — Дальний Восток. В первый раз увидели Красную площадь, Кремль, посетили Мавзолей Ленина, но выбрали время навестить и заветный адрес по улице Кропоткина, 26, недалеко от остановленного во время войны строительства Дворца Советов.

Дома Сергея не застали — он где-то продолжал офицерскую службу в своей артиллерии под Москвой. Но встреча с его родными, которым он, оказывается, рассказал о нас, была сердечной и приятной. Тогда же, на Ярославском вокзале, увидел еще одного бывшего переменника, уже уволенного из армии и работавшего там парикмахером. Встреча была сколь неожиданной, столько и приятной. Он всем объявил о наших общих фронтовых делах, не упоминая штрафбат, и обслужил меня «по первому разряду»!

Возвращаясь к тем майским дням под Берлином, скажу, что тому предпобедному пополнению не пришлось больше вступать в бой, однако, несмотря на это, по шесть-семь часов боевой подготовки ежедневно у них было. А судьба у них сложилась так, что почти все они вскоре по случаю Победы были амнистированы.

Глава 19
Берлин, Рейхстаг, ПОБЕДА! Секрет Батурина

В том, 45-м, майскою весной
На стенах еще дымного Рейхстага
Оставлен нами след: «Здесь был Восьмой!»
И отменен приказ «Назад ни шагу!».

Из собственных стихов 1945 года

Он молод, весел, горд… с винтовкою и мелом,
В Великой той войне оканчивая шаг,
На фоне серых стен на фото черно-белом
Автографом своим он преклонил Рейхстаг.

Александр Александрин

2 мая пал Берлин! До окончательной Победы оставались считаные дни, а 4 мая Батурин с Казаковым добились разрешения совершить поездку небольшой группе офицеров в Берлин к Рейхстагу. Во мне даже впервые зародилось что-то вроде уважения и признательности к комбату за добытое им это разрешение, несмотря на весь негатив, сформировавшийся во мне к нему. В штурме Берлина мы непосредственно не участвовали, а только каким-то образом, пусть и совсем маленьким боевым «взносом» обеспечивали этот штурм ценою многих жизней, отвлекая внимание остатков вермахта от главного удара. Как не вступали мы освободителями в Гомель, Рогачев, Брест и Варшаву, так и сейчас в Берлин въезжали, хотя и в еще горящий, но как простые любопытствующие, а не как виновники его падения.

По берлинским улицам ехали долго, петляя по ним из-за того, что во многих местах они были завалены обломками разрушенных домов, подбитыми танками и орудиями. Впечатление от этой столицы фашистского рейха осталось мрачное. И не только, может, и даже не столько от разрушений и других следов войны, а от того, что большинство улиц какие-то скучно-прямые и столь же монотонно-серые. Планировка города показалась по-немецки правильной, утомительно строгой.

Множество зданий хмурятся пустыми глазницами окон. И там, где окна или редко уцелели, или их уже чем-то позатыкали, чувствуется жизнь, свешиваются белые простыни, как большие флаги капитуляции. Многие двери снесены вместе с частью прилегающих стен, и дома щерятся, словно беззубые рты каких-то сверхдряхлых монстров. Уцелевшие стены домов однообразно грязные, мрачные какие-то не потому, что закопчены войной, просто весь город серый. Вот Варшава была тоже в руинах, но и через них видно, что это был город-красавец.

Изредка на улицах появляются или редко из окон уцелевших домов выглядывают люди, с первого взгляда тоже однообразные, одинаково потертые, что ли. В большинстве это женщины, глубокие старики и любопытная, как у всех народов, детвора. Кое-где попадаются и уцелевшие, но затаившиеся было в подвалах разрушенных зданий выловленные нашими солдатами-патрулями пацаны из «гитлерюгенда» с потерянными, а иногда и воинственными взглядами или старики-«фольксштурмовцы».

На краю гибели своего «тысячелетнего рейха» они надеялись его отстоять. Многие из них сложили головы ради бредовых идей их бесноватого фюрера, а эти притаились, чтобы переждать, сменить свою мышиного цвета военную форму и затеряться в массе людей гражданских, и уже оттуда продолжать свой «drang».

Подъехали к Рейхстагу мы со стороны реки Шпрее и уперлись в обрушенные фермы моста через нее. Объезд искать поехал Батурин с Казаковым, а мы не стали ждать, карабкаясь по этим фермам, разрушенная часть которых почти посредине моста местами была погружена в воду, кое-как перебрались на другой берег, прямо на площадь перед Рейхстагом, и подошли к нему. Как раз и машина Батурина подъехала.

Кое-где из выбитых больших окон этого мрачного здания еще вился дымок и крепко тянуло гарью. И никакой величественности! Над разрушенным скелетом бывшего стеклянного купола реет красный флаг — наш, советский, флаг! Но это не просто флаг, это Знамя Победы! Широченная лестница главного входа и многочисленные колонны избиты, испещрены, словно оспинами, следами осколков и пуль.

Нашу небольшую группу встретил молодой лейтенант, с которым о чем-то переговорил комбат Батурин. Дав нам команду подождать, он и замполит Казаков ушли внутрь с этим офицером. Вскоре лейтенант вернулся и разрешил нам войти в зал. Там было не так много людей, как ожидалось, а наш комбат стоял невдалеке с такого же небольшого роста, но в отличие от кругленького Батурина поджарым, даже худым, показавшимся костлявым полковником, и тот, живо жестикулируя, что-то рассказывал. Как я потом узнал, этот полковник был командиром полка, штурмовавшего Рейхстаг, и его солдаты водрузили над ним Знамя Победы, а теперь он назначен первым советским военным комендантом немецкого Рейхстага.

Причуды судьбы свели меня с ним уже более чем через 30 лет после этих дней. Будучи начальником военной кафедры института в Харькове, я проводил военные сборы студентов в воинской части в украинском городе Черкассы. Там перед принятием студентами военной присяги мне порекомендовали пригласить на этот торжественный ритуал Героя Советского Союза, полковника в отставке Зинченко Федора Матвеевича. Меня познакомили с офицером в парадной форме, на мундире которого кроме Звезды Героя были 7 орденов и множество медалей. Что-то уж очень знакомое показалось мне в чертах и жестах этого пожилого, но как-то по-особому молодцеватого полковника. Когда же он представился, как командир полка, штурмовавшего Рейхстаг в Берлине, я сразу узнал в нем того, первого советского военного коменданта Рейхстага. Мы подружились, и еще несколько лет мне доводилось встречаться с этим неординарным и интересным человеком, и каждому из нас было что вспомнить.

Узнал я от Федора Матвеевича, что он старше меня больше чем на 20 лет, и вовсе не украинец, а сибиряк из Томской области. А кто жил на Дальнем Востоке, знает, что там в ходу была поговорка: «Дальневосточники и сибиряки — почти земляки». Еще в 30-е годы окончил он Владивостокскую пехотную школу, чем еще «землячнее» стал. От нее пошло и мое 2-е Владивостокское пехотное училище, в котором уже в июле 1942 года мне довелось получить лейтенантское звание. Общих тем из прошлого для бесед у нас находилось немало.

Но главным был все-таки Рейхстаг. Из первых уст узнал я, что полк, которым командовал Зинченко, первым пробился к Рейхстагу, оборонявшемуся отборными частями СС и даже выброшенным на их усиление парашютным десантом, о котором ни в одном известном мне документе не упоминалось. Штурмовал Рейхстаг не один только полк Зинченко, но именно он первым ворвался в него, именно его бойцам Егорову и

Кантарии из 9 знамен, учрежденных еще 22 апреля Военным Советом 3-й Ударной армии, удалось в 14 часов 25 минут 30 апреля 1945 года выше всех, на куполе, установить знамя под № 5, которое и было признано официально Знаменем Победы. А в 22.00 того же 30 апреля его, полковника Зинченко, и назначили, как он говорил, первым советским военным комендантом Рейхстага, подчеркивая, что каждое из этих слов он всегда пишет с заглавных букв.

Федор Матвеевич оказался не только общительным собеседником, но и просто оригинальным человеком. В свои более семи десятков лет он был очень подвижным, энергичным, я бы даже сказал, необычайно юрким, если это слово подходит к определению его подвижности. Наверное, эта его особенность характеризовалась и тем, что ежедневную утреннюю гимнастику, как он рассказывал, в любую погоду проводит в виде 20-минутной маршировки вокруг своего дома строевым шагом. Как утверждал Федор Матвеевич, если идти этим шагом «по-парадному», да еще с полной отмашкой рук, то «все конечности и внутренности так заряжаются, как ни при каких других упражнениях». Жители их многоэтажного дома по улице Фрунзе в Черкассах, говорил он, вначале с удивлением покачивали головами, говоря о чудачествах «контуженого героя-фронтовика». Но через недельку-другую его последователей, марширующих вместе с ним, стало даже больше взвода.

Мы еще много лет не теряли связи друг с другом. Но время неумолимо, и Федор Матвеевич Зинченко, Герой Советского Союза, штурмовавший своим полком немецкий Рейхстаг, Первый его Советский Военный Комендант, умер в октябре 1991 года, почти год не дожив до своего 90-летия. Но, слава богу, не успел узнать о том, что всего через полтора месяца, 8 декабря того же года, втайне от советских людей и вопреки их желаниям, «на троих сообразившие», подписали Беловежское соглашение. Три герострата из трех братских славянских республик положили конец Советскому Союзу. Той страны, Героем которой был Федор Матвеевич, не стало.

После событий на Украине 2013–2014 гг. есть опасение, сохранилась ли на доме, где жил после войны легендарный герой, мемориальная доска, как и многие другие символы Победы и героизма советских людей.

А тогда, в мае сорок пятого, всего через два дня после водружения на купол Рейхстага Знамени Победы бойцами полка Зинченко, мы вошли в его закопченные и частично разрушенные стены. Колонны и другие архитектурные детали были уже

расписаны и краткими, и пространными автографами советских воинов. Эти надписи и росписи и мелом, и обломками кирпичей, и обгоревшими головешками были даже на высоте, доступной лишь гигантского роста человеку. Подтащили мы с Загуменниковым Петей (он накануне вернулся в батальон со своего «комендантского» места в немецком городке) к стене какие-то ящики обгорелые, забрался я на них, а он и Рита поддерживали меня с двух сторон, чтобы не свалился. И какой-то обугленной палкой вывел: «Александр и Маргарита Пыльцыны. Дальний Восток — Ленинград — Берлин». И росчерк за двоих. (Замечу, что жена была еще на своей фамилии, но здесь поставил одну мою, что оттеняло наши серьезные отношения и планы.) На последующих фото стен Рейхстага этой подписи не находил, время ее стерло.

Помню, кажется, тогда же под впечатлением посещения Рейхстага, пришло само собой четверостишие, так отражавшее настроение нас, штрафбатовцев, да и послужившее как бы продолжением моих стихов о победном мае:

В том, 45-м, майскою весной
На стенах еще дымного Рейхстага
Оставлен нами след: «Здесь был Восьмой!»
И отменен приказ «Назад ни шагу!»

Мы тогда набивали карманы обломками штукатурки, осколками камней и кирпичей на память, как сувенирами и для себя, и для тех, кому не довелось поехать с нами к Рейхстагу, и для потомков. Жаль, не сохранил я ни их, ни той ложки, изуродованной пулей, ни даже пули, попавшей мне в пах и, хитро обойдя кости таза, долго блуждавшей по моему телу. Вынули ее хирурги из моей ягодицы в июле 1945 года, год спустя после ранения под Брестом.

Почему-то не было тогда у меня особого стремления хранить эту вещественную память о войне. Помнилась она по ранам и не только телесным, но и сердечным, душевным. И, казалось, этой памяти вполне достанет на всю оставшуюся жизнь. И верно, хватило, если я пишу эту книгу, переступив девятый десяток лет, опираясь на сохранившуюся память о тех огненных днях, ночах и годах. Конечно, не без оказанной мне бесценной документальной помощи Центрального архива Минобороны.

Со дня на день мы ждали тогда капитуляции Германии, а я в который раз вспоминал свои же слова «и весной, в начале мая»… Убеждал себя, что начало мая — это же не самые первые дни, и

если мы уже не движем время сами, остается ждать, терпеть, надеяться. Наш связист Валерий Семыкин вывел от дежурившей круглосуточно радиостанции наушники к Батурину, его замам, к нам с Ритой и еще кое к кому. Включить их радисты должны, как только появится сообщение о Победе.

И этот миг наступил в ночь на 9 мая! Вскоре после 12 ночи вдруг влетает к нам связист и кричит: «Победа, капитуляция, ура!»

Будто вначале на миг все внутри нас, как и вокруг, замерло, а потом эмоции, накопленные за весь период непрерывных боев, лавиной выплеснулись наружу. Летели вверх фуражки и наши кубанки, под те же крики «Победа, капитуляция, ура!». Люди бросались друг к другу, тискали друзей в объятиях, целовались, многие плакали, не стесняясь слез радости. На улице уже гремел стихийный Салют Победы. Как потом, через много лет, напишут: «Это праздник… это радость со слезами на глазах». Стреляли все, кто из пистолетов, кто из автоматов и пулеметов. Да не только на улицах германских городов, а везде, действительно над всей землей, где Победа обрела реальность.

Небо от края до края чертили трассирующие пули. Нечего теперь было их экономить. Казалось, даже громкие выстрелы из ПТР были слышны. В небо взвились сотни самых разных по калибру одиночных и целых серий цветных и даже дымовых ракет, которые в освещенном этим фейерверком небе были оригинальны и хорошо видны. Я тогда еще подумал: а куда же эти пули падают? Ведь в какое бы бездонное небо их ни выпускал, падать-то им все равно на землю, хоть и немецкую, но плотно заселенную людьми, в том числе и повсюду высыпавшими под открытое небо. И как же они, падая с огромной скоростью, почти с такой, с которой вылетели из стволов, минуют и тех, кто их запускает вверх, и вообще любых, в том числе и мирных немцев?

Конечно, не хотелось бы, чтобы от этого фейерверка в эту ПЕРВУЮ БЕССОННУЮ НОЧЬ МИРА кто-нибудь погиб на закончившейся уже наконец войне и даже на земле, которая еще вчера была «проклятой Германией». Наверное, все наши боевые друзья встретили этот день, вздохнув полной грудью пропитанный гарью воздух свободы. Мы и такие же счастливчики были теми дошедшими до главной цели живыми и невредимыми, теми, кто «освистанные смертным ветром, километр за километром к своей заветной цели шли».

Через много-много лет, перед 65-й годовщиной Победы, в газете «Пограничник», выходящей в Санкт-Петербурге, я прочел уж очень подходящие и к тем уже далеким годам, и к нынешнему времени стихи Феликса Лаубе «В наших сердцах Победа»:

Была весна, была шальная ночь,
Война, устав вершить лихие беды,
В смертельных муках родила нам дочь,
И эту дочь назвали мы ПОБЕДОЙ!
Пусть много лет и много зим пройдет,
Века сотрут события и даты…
Но не забудет никогда народ
Победу нашу в давнем сорок пятом.

А тогда, в том давнем и очень памятном сорок пятом, ближе к рассвету ПЕРВОГО ДНЯ МИРА, растратив почти все запасы патронов и ракет, мы стали постепенно собираться к штабу. Комбат Батурин и замполит поздравили всех с окончанием войны, и комбат объявил, что в 12 часов дня по московскому времени на местном стадионе будет торжественный обед в честь Победы для всего батальона. Приказано было даже устроить стол и для «временных солдат», вчерашних и, конечно, завтрашних офицеров. Все как-то внезапно помолодели, а наш доктор Степан Петрович Бузун по случаю Победы даже сбрил свою старомодную бородку и, ко всеобщему удивлению, оказался совсем еще не старым, но многими практически неузнаваемым капитаном.

Речи говорили все. Кто кратко, кто многословно, но в словах каждого была и радость Победы, и боль потерь, и вера в долгое мирное будущее, и надежды на светлое, счастливое завтра. Каждая речь завершалась тостом, и считалось добрым знаком каждый тост сопровождать полной чаркой. Видимо, предугадав это, на стол поставили не привычные за долгие годы кружки и стаканы, а по-мирному — рюмки (и где их столько набрали?). Но тем не менее многих, что называется, «развезло». Видимо, хорошо «расслабился» и Батурин, если он вдруг отозвал меня в сторону и «по секрету» сообщил то, о чем я давно догадывался. Тогда, на Наревском плацдарме, вроде бы генерал Батов лично распорядился пустить мою роту в атаку через минное поле.

Я уже не сомневался в своих догадках об этом, мою голову давно сверлила мысль, уж не с подачи ли самого Батурина генерал Батов или его комдив принял такое решение. Тем не менее сообщение это ошеломило меня, и снова мною овладело состояние непривычной, острой головной боли и какого-то помутнения в глазах. Посчитал опять причиной этого несколько выпитых рюмок, хотя Рита строго следила, чтобы мне кто-нибудь не налил водки или тем более спирта, и наливала мне какое-то слабое вино, которым ее заботливо снабдил наш Степан Петрович.

Мы, фронтовики, часто еще до Победы (а теперь — тем более) примеряли к себе возможное послевоенное время, рисуя его в самых радужных красках. Но главное — все мечтали поскорее вернуться к родным пенатам, «под крышу дома своего». Мы и теперь, спустя столько лет после того памятного Дня Победы, еще чаще примеряем настоящее к своему прошлому. И столько совпадений у нас: и детей вырастили, и внуков, и правнуков понянчили, и делами своими многие не ударили в грязь лицом… Но еще больше несовпадений.

Как, однако, хорошо написал потом послевоенный алтайский поэт, полковник в отставке Михаил Калинкин, словно выражая наши чувства:

Может быть, мы воевали неловко,
С криком неверным в атаки ходили,
И наступали без артподготовки…
Только мы выжили! И победили!

Не знали мы, скольких боевых друзей недосчитаемся уже в мирные дни, кого война догонит потом не только оставшимися рубцами ран. За долгие послевоенные годы мы потеряли многих из-за стрессов, вызванных неожиданными поворотами в судьбе нашей Родины — Советского Союза. А ведь, отстаивая целостность его, сложили головы миллионы не просто статистических советских людей, а конкретных наших родных и близких, соседей знакомых, каждый из которых имел свое имя. Особенно острое сожаление каждый из нас пережил после того, как в Беловежской Пуще уже без фашистского вторжения была разрушена, раздроблена наша Великая, единая Родина — СССР, ради защиты чести которой, ради избавления ее от фашистского рабства были принесены в жертву многие и многие жизни и судьбы человеческие.

Но вернемся в тот первый День Победы, о котором мой харьковский друг, поэт Валерий Болотов, впоследствии написал:

День Победы на планете —
Это радости полет,
И никто — никто на свете,
Этот праздник не сотрет.

Действительно, ведь все люди на земле, если они не были фашистами, их поклонниками или сторонниками, радовались! И на самом деле кончилась страшная, безумно долго шедшая война.

А что дальше? Как сложится судьба? Не все поедут домой, армия еще нужна. Кому-то из офицеров (а у нас в батальоне теперь почти все офицеры) придется и продолжить почетную воинскую службу. Штабы всех рангов уже получили распоряжения и разнарядки готовить соответствующие представления на офицерский состав: кого уволить, кого оставить в кадрах, а кому еще добывать Победу над Японией!

Спустя много лет в известном кинофильме «Белорусский вокзал» прозвучала песня Окуджавы о «Десятом десантном батальоне», которую мы, бывшие штрафбатовцы, приняли как табуированную, закамуфлированную песню о штрафном батальоне. Когда мне к 40-летию Победы удалось разыскать и собрать в Харькове десяток фронтовых друзей-штрафбатовцев, то заметно перефразированную мной эту песню мы пели как гимн нашему, именно нашему Восьмому Отдельному штрафбату. И были там такие слова:

Уходит в ночь за Рогачев Отдельный,
Наш осиповский смелый батальон.

А за словами Окуджавы «Нужно нам добыть победу, одну на всех, мы за ценой не постоим» шел наш куплет:

Мы лезли напролом, сквозь смертные дожди,
Не зря нас звали «Бандой Рокоссовского» враги.
Грядущего творцы, поэты!
Прославьте всех, кто вас спасал!
И кровью смывшая вину Победа
Была нам всем нужна, кто жив, кто погибал.

К 50-летию Победы, когда скорбь по утраченной в Беловежье нашей Великой Родине — СССР — была особенно острой, глубокой, теперь в уже нашу песню вошли мои новые строки:

Теперь мы вспоминаем это,
И нам не верится самим…
Но ведь была она, была Победа!
Мы недругам ее не отдадим,
Ни нашим, ни тем более — чужим.

К 60-летнему юбилею жизнь оставшихся еще на этом свете победителей дополнительно была омрачена пресловутым

«Законом о монетизации». Оживилось почти безграничное, злобное наступление на Великую Победу новоявленных лжеисториков и различного рода клеветников и фальсификаторов от прессы и телевидения.

Извини, дорогой читатель, это опять меня занесло на много лет вперед. Возвращаясь, однако, в год 45-й, сообщу, что после довольно длительного излечения я избавился наконец от той трудно диагностируемой военно-полевыми хирургами болезни. Вскоре узнал, что в аттестации на предмет дальнейшей моей судьбы и военной карьеры комбат подполковник Батурин дал весьма положительную характеристику моих боевых качеств. И все же не преминул уколоть меня тем, что «отсутствует тесная связь с красноармейской массой», имея, наверное, в виду, что часть моего времени я отрывал от этой самой «массы» для жены. Но ведь именно меня, а не его штрафники нарекли теплым словом Батя. И для меня моя рота никогда не была безликой «красноармейской массой», а всегда это были офицеры, каждый со своей судьбой. Конечный вывод в аттестации комбат сделал для меня неожиданный: «Смел, отважен. Поле боя читает хорошо, трудности переносит легко, физически вынослив. Взаимодействие в подразделении и со средствами усиления организовать может, морально устойчив, усиленно работает над повышением своих теоретических знаний. Целесообразно оставить в кадрах армии на должности командира стрелкового батальона».

Видимо, наш начштаба Киселев в какой-то мере был прав, когда говорил, что комбат в боевых делах мне доверял больше, чем другим. Хотя я понимал, что это «доверие» обращалось каждый раз подчеркнуто грозящей опасностью, да и вынуждало меня возвращаться к мысли о нарочитости этого ради моей своеобразной «расплаты за 58-ю статью» моих родных.

Но той аттестацией, как видно, был положен конец моему пусть чаще даже кажущемуся преследованию по формуле «сын за отца», и будущее молодого майора было уже предопределено, а рекомендация Батурина оставить меня в армии, в общем, импонировала мне. Еще тогда, когда меня, молодого красноармейца, направили по комсомольской путевке в военное училище, которое готовило офицеров, я сказал самому себе: «Значит, служить мне, как медному котелку!» Вот и служил я потом все сорок календарных лет — с 1941 по 1981 год верно и честно, да и после увольнения в запас, а потом и в отставку, всю свою оставшуюся жизнь я служил и служу идеям правды, добра, справедливости и чести.

Думаю, те из читателей, кому интересны и люди, с которыми мне волею судеб приходилось встречаться, и вехи этой моей

долгой армейской службы, наберутся терпения и дочитают все главы моей книги.

Кроме моих непосредственных и прямых начальников, мне довелось близко видеть легендарных людей, а со многими и общаться. Это маршалы Советского Союза Семен Михайлович Буденный, Георгий Константинович Жуков, Василий Данилович Соколовский, Василий Иванович Петров, маршалы бронетанковых войск Ротмистров Павел Алексеевич и Лосик Олег Александрович, генерал-майор авиации Василий Иосифович Сталин.

Довелось мне служить — правда, недолго — в Воздушно-десантных войсках под началом легендарного Десантника № 1 генерала Маргелова Василия Филипповича. Судьба привела к общению с героем Брестской цитадели Петром Гавриловым, космонавтами Германом Титовым и Георгием Гречко, известным фронтовым поэтом Константином Симоновым, долгие годы дружу с известным литературоведом, директором Пушкинского дома в Ленинграде Николаем Николаевичем Скатовым. Им и многим другим я посвящу особо ценные для меня страницы в последующих главах.

А о том, что произошло с нами в первые месяцы и годы после войны, как складывалась моя послевоенная служба и наша семья, читатель узнает из последующих МИРНЫХ глав этой книги.

Глава 20
Офицеры 8-го Отдельного штрафного батальона 1-го Белорусского фронта

Офицеры, офицеры,
Ваше сердце под прицелом!

Олег Газманов

Сколько их осталось, ветеранов?
Сколько их не стало слишком рано?
И сейчас никто не скажет точно,
Сколько судеб разорвало в клочья!

Петр Давыдов

А. Офицеры постоянного состава 8-го ОШБ, кто оставил след в его истории или кого я лично знал

Вначале я хочу выделить отдельно офицеров постоянного состава, которым было суждено свои фронтовые будни делить с бойцами-переменниками, с разжалованными, хоть и на время, офицерами. И, как говорил мне когда-то майор Лозовой, отбиравший нас в качестве пополнения в комсостав штрафбата, этот постоянный состав «помогал штрафникам искупать вину свою перед Родиной». В большинстве своем эти офицеры — главным образом взводные и ротные командиры, вместе с ними ходили в атаки и рукопашные, вместе с ними проливали кровь, получая ранения, или погибали.

С теми, кого мне удалось разыскать уже спустя сорок лет после Победы, мы вспомнили имена многих, но, к сожалению, не всех. По архивным документам удалось собрать многих других, но далеко не полные данные обо всех них. Список получился большой, особенно если примерять его к масштабу батальона. Конечно, это вызвано частой сменой, особенно командного состава, погибших или выбывавших по ранению. Я пометил в списке фамилии тех погибших, сведения о которых подтверждены документально, а сколько из этого списка выбыли по ранению и не вернулись в батальон, я не смог установить. Очень кстати здесь будут строки Михаила Матусовского:

Вы шли, шли навстречу славе,
Воплотив свой долг сполна.
С тех пор мы забывать не вправе
Ваш путь и ваши имена.

Но пусть хотя бы только фамилии их дойдут до потомков, и пусть останутся они не безымянными героями той войны. Они заслуживают того, чтобы их помнили. Ведь каждый из них вложил частицу своей жизни, а кто-то и всю жизнь в дело Победы. Больше того, штрафник, получив даже легкое ранение, отправлялся как искупивший вину в прежнюю, «более спокойную» часть. Офицеров же постоянного состава это не касалось: излечившись после ранения, они, как правило, возвращались в штрафбат на прежнюю должность, а нередко через месяц-другой погибали. Многих из них война догнала уже спустя годы после Великой Победы, на

алтарь которой они положили свое здоровье, а в конечном счете — и жизнь.

Так много прошло лет с тех пор, как отгремели огненные дни и ночи войны, ранее невиданной в истории человечества по масштабам потерь. Мне очень жаль, что почти все мои боевые товарищи, с которыми ходили мы в тяжелые бои, теперь уже покинули сей мир. Мои фронтовые друзья, с которыми долго и упорно вместе со всем советским народом шли к такой трудной и тяжелой Победе, к сожалению, уже не увидят этой посвященной всем им книги, насыщенной новыми сведениями и архивными документами. Как обещал во вступлении, всех, чьи имена сохранила память, я постарался перечислить в своеобразном памятном списке, который составляет эту главу. Ибо одной из главных задач, которые я поставил себе перед тем, как сесть за эти мемуары, было оставить в нашей истории их след, их дела и подвиги. Далеко не полные данные, которые мне удалось собрать, все-таки дают представление о командном составе штрафбатов, ничего общего не имеющем с тем, как это показано в скандально известном телесериале «Штрафбат» и подобных творениях.

Здесь все они, что вели в бой штрафников или обеспечивали им все необходимое для боевых действий, кто мог бы сказать:

Мы лезли в морозы и пекло,
В безвестность бросали тела,
Чтоб прошлая слава не меркла
И в будущем чтобы жила!

Наверное, кому-то из читателей перечисление стольких имен покажется чрезмерным. Но не пожалеем для них бумаги и времени. Ведь тех, кто командовал штрафными подразделениями, постоянно служил в их составе в дни войны да и после Победы, по известным причинам упоминали в печати, мягко выражаясь, редко, тем более — с уважением. Между тем они осознанно и без всякой вины разделяли со штрафниками все опасности и риски особого положения.

1. Алексеев Иван Васильевич, лейтенант, командир взвода автоматчиков. Родился 11.09.1919 г., образование 10 кл., курсы младших лейтенантов 10-й армии. Чл. ВЛКСМ с 1937 г. В Красной Армии с 1939, в действующей армии с июля 1941 года, имел 3 ранения. Прибыл из 29-го ОПРОС 1-го БФ 6.12.1944 года. С должности комвзвода автоматчиков отд. б-на охраны. Убыл в ОК 1-го БФ 10.03.45 года.

2. Алмосов Николай Афанасьевич, капитан, командир роты.

Прибыл в батальон с должности замкомроты 2-го ОШБ Донского фронта. Родился в 1913 году в с. Петрушино Рязанской обл., беспартийный, образование 5 кл., военно-пехотное училище в 1930 году. На фронте с 1941 года, в ШБ с 14.05.43, убыл в ОК Центрального фронта 12.07.1943 года. Других данных нет.

3. Анисимов Владимир, младший лейтенант, командир стрелкового взвода. Погиб 26 июля 1944 г. при окружении и уничтожении Брестской группировки немцев в операции «Багратион». Других данных нет.

4. Архипов Владимир Иванович, рожд. 1922 г., старший лейтенант, командир взвода автоматчиков. В армии с июля 1941 г., дважды ранен. Погиб при окружении и уничтожении Брестской группировки немцев 26 июля 1944 года в операции «Багратион». Других данных нет.

5. Афонин Алексей Антонович, старший лейтенант, командир взвода автоматчиков. Родился 07.05.1919 г. в Новосибирской области. Общее образование 7 кл. Окончил военно-пехотное училище в 1943 г. На фронте с декабря 1942 года. Был ранен, прошел курсы «ВЫСТРЕЛ» в 1944 г. в группе командиров рот. В штрафбат прибыл в декабре 1944 года из 29-го ОПРОСа и был в нем до Победы. Подполковник в отставке. Последнее время жил в Омске, умер 12.01.2012 года.

6. Бабич Анатолий Григорьевич, майор, в батальоне с 1944 г., начальник боепитания батальона, затем командир пулеметной роты. В апреле 1945 года снова возвратился на прежнюю должность начальника боепитания. Родился в 1913 г. В действующей армии с 1942 года. Военное образование — Камышловское военно-пехотное училище. Умер 23.04.1983 г. Других данных нет.

7. Батурин Николай Никитич, подполковник. Родился 13.12.1897 года в Тамбовской обл., член ВКП(б) с 1921 г., образование общее 6 кл., кавшкола в 1925 г. и Высшая пограншкола в 1933 г. Курсы усовершенствования политработников в 1938 г., 7-месячные курсы «ВЫСТРЕЛ» в 1944 году. Бывший замнач кавалерийских курсов Закавказского фронта. В боях ранее не участвовал. С августа 1944 г. и до конца войны — 4-й командир 8-го ОШБ после полковника Осипова. После войны жил в Подмосковье. Умер в 1983(?) г.

8. Бельдюгов Иван Иванович, майор. В батальон прибыл из 27-го ОПРОСа в январе 1944 года капитаном. Командир роты автоматчиков. Родился 25.10.1920 года в Курской обл. Член ВКП(б) с 1943 г., общее образование 7 кл., курсы политсостава в 1942 году, усовершенствования комсостава Брянского фронта в 1943 году. На фронте с августа 1942 года. Тяжело ранен в октябре

1943.

9. Блинов Григорий Иванович, капитан, командир роты из первого набора комсостава штрафбата. В батальоне с 2.08.42. Погиб 10.10.1942 года под Сталинградом. Других данных нет.

10. Богачев Михаил Иванович, капитан. Был штрафником из числа «окруженцев», восстановлен за боевые заслуги. Командир стрелковой роты. Родился в 1908 г., х. Бертягин Сталинградской обл., в Красной Армии с 1938 года. Образование среднее, Сумская артшкола в 1932 году. Член ВКП(б) с 1930 г. Погиб в Белоруссии под Жлобином 23.12.1943 г.

11. Бойков Степан Иванович, капитан. В батальоне с 28.07.1943 года, вначале командир взвода снабжения, затем командир роты ПТР. Родился в 1914 г. в Одесской обл., чл. ВКП(б) с 1939 года, образование 6 классов. Погиб под Жлобином 23.12.1943 г. Других данных нет.

12. Бондарев Василий Парфильевич, командир стрелкового взвода. Родился в 1923 г. В действующей армии с 1941 года. Имел 4 ранения. Погиб 25.07.44 при окружении и уничтожении Брестской группировки немцев в операции «Багратион». Других данных нет.

13. Бузун Степан Петрович, капитан медслужбы, начальник медпункта батальона. Родился 25.12.1897 года в Черниговской обл. Украины. Образование — Киевский мединститут в 1939 году, 3-месячные курсы специализации хирургов в 1940 году. На фронте с июля 1941 г., в сентябре попал в окружение и был на оккупированной территории в г. Конотоп до сентября 1943 г. Бывший штрафник, награжден медалью «За отвагу» и восстановлен в правах офицерского состава, остался добровольно в батальоне. После войны проживал в г. Конотоп Сумской области.

14. Булгаков Дмитрий Иванович, лейтенант, командир стрелкового взвода. Родился 24.12.1918 г. В Красной Армии с 1939 г. На фронте с мая 1942 г., имел 2 ранения на Брянском и на Белорусском фронтах. Прибыл в батальон в апреле 1944 года из 33-го ОШБ. Выбыл из ШБ по ранению 24.10.1944 г.

15. Бурков Дмитрий Ермолаевич, майор, второй командир нашего штрафбата, имевшего № 1, а затем № 8. Родился в 1913 году в Воронежской обл., чл. ВКП(б), образование 5 кл., курсы младших лейтенантов. В армии с 1935 года. Участник войны с Финляндией в 1940 году. Сменил на должности командира ОШБ майора Григорьева, а 12.5.1943 года сдал должность подполковнику Осипову Аркадию Александровичу, убыв на должность командира стрелкового батальона.

16. Войтик Федор Егорович, капитан, агитатор батальона.

Данных нет.

17. Волынский Владимир Васильевич, старший лейтенант, командир стрелкового взвода. Данных нет.

18. Буровников Николай Петрович, лейтенант, командир стрелкового взвода. Откомандирован 30 сентября 1943 года из 8-го ОШБ в распоряжение ОК 60-й армии.

19. Геллер Исаак Михайлович, старший лейтенант, замкомроты. Данных нет.

20. Герасимов Александр Прокопьевич, лейтенант, командир взвода из первого состава батальона. Погиб 10.10.1942 года. Других данных нет.

21. Гинзбург Петр Абрамович, старший лейтенант, командир стрелкового взвода. Данных нет.

22. Гольдштейн Муся (Моисей) Иосифович, капитан, в батальоне с 25 декабря 1943 г., комвзвода ПТР, а затем взвода 82-мм минометов. Родился 03.05.1919 г. в Жмеринке Винницкой обл., Украина. Образование 8 кл., на фронте с 24 июня 1941 года. В окружении в составе 123-го сп в р-не Вязьмы, вышел с группой, с матчастью и с оружием 21.10.41. Участник обороны Москвы, дважды ранен. В офицерском звании с февраля 1942 года, после войны служил в войсках МВД, подполковник. Последние годы жил в Киеве. Умер 04.12.1999 г.

23. Грабовский Иван Владимирович, лейтенант, замкомвзвода, с 10.07.43 командир взвода. Других данных нет.

24. Грачев Николай, лейтенант, командир стрелкового взвода. Погиб в операции «Багратион» 26.07.44 г. при окружении и уничтожении Брестской группировки немцев. Других данных нет.

25. Григорьев Яков Федорович, гвардии майор, первый командир штрафбата № 1 Сталинградского фронта с августа 1942 года. Других данных нет.

26. Гуменюк Николай Дмитриевич, капитан, помощник начальника штаба. Родился 31.10.1921 г. в Житомирской обл., Украина, образование 7 кл., в Красной Армии с 24.04.41 г. На фронте с августа 1941 года (Юго-Западный, Сталинградский, Центральный, Белорусский фронты). Службу в штрафбате начал с первых дней его формирования сержантом, писарем штаба. Первое офицерское звание получил в марте 1943 г., в батальоне служил до конца войны. Жил в Киеве. Умер в 1972 г.

27. Давлетов Федор Филиппович, младший лейтенант, командир стрелкового взвода. Родился в 1918 году в Татарской АССР. Канд. в чл. ВКП(б). Погиб на Наревском плацдарме (Польша) 24.10.1944 г. Посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени. Других данных нет.

28. Деменков Иван Климович, старший лейтенант медслужбы, бывший штрафник. Фельдшер батальонного медпункта. После отбытия наказания на Курской дуге восстановлен в правах офицерского состава, добровольно остался в постоянном составе батальона. Других данных нет.

29. Долгих Иван Иванович, старший лейтенант, замкомроты. Других данных нет.

30. Желтов Александр Матвеевич, старший лейтенант, агитатор-парторг батальона. Родился 1910 г. в Чапаевском р-не Саратовской обл., член ВКП(б) с 1932 года, образование 8 кл., высшая с-хоз школа, военно-политическое училище в 1942 году. Погиб 22.02.1944 г. во время рейда в тыл врага в районе с. Мадоры Рогачевского района.

31. Загуменников Петр Иванович, майор, в батальоне с мая 1943 года, с Курской дуги. Командир взвода и роты противотанковых ружей. Родился 04.09.1924 г. в Чкаловской (Оренбургской) обл. Образование 9 кл., Краснохолмское пехотное училище в 1942 году. Был ранен, контужен. После войны продолжал службу в Советской Армии. Подполковник. Жил в Полтаве. Умер 20.06.2001 г.

32. Зельцер Меер Вольфович, капитан, начальник продовольственно-фуражного снабжения батальона. Родился 29.12.1911 г. в г. Житомир, Украина. В Красную Армию призван 22.06.41 г. В батальон прибыл с должности преподавателя по технике приготовления пищи на курсах поваров Уральского ВО. Образование Житомирский механический техникум в 1932 г., КУКС Одесского пехотного училища (2 месяца) в 1938 г. Участник освобождения западных областей Украины и Белоруссии (1939 г.) и Бессарабии (1940 г.).

33. Зорин Павел Петрович, старший лейтенант. Командир взвода связи, затем начальник связи батальона. В батальоне с 25.01.1943 года после излечения по ранению. Кандидат в чл. ВКП(б). Родился в 1915 году в Краснодарском крае. Образование — энергетический техникум в 1936 г., Харьковское училище связи в 1940 году. В Красной Армии с ноября 1937 года, на фронте с апреля 1942 года. Дважды ранен.

34. Иванов Федор Андреевич, лейтенант, командир взвода из первого набора комсостава штрафбата. Погиб в одном из первых боев 10.10. 1942 года. Других данных нет.

35. Иваньков Филипп Григорьевич, старший лейтенант, замкомроты. Других данных нет.

36. Игнатьев Анатолий Алексеевич, капитан, замкомроты. Других данных нет.

37. Измайлов Иван Петрович, майор интендантской службы,

помощник командира батальона по снабжению. Родился 23.03.1906 г. В батальоне с первого дня формирования, куда прибыл в звании техника-интенданта 2-го ранга. Прослужил в ОШБ до конца войны. После войны проживал в Узбекистане. Других данных нет.

38. Казаков Кирилл Моисеевич, майор. С октября 1944 г. и до конца войны заместитель командира батальона по политчасти. Родился 7.5.1913 г. в Могилевской обл., Белоруссия. В армии с 1935 г., образование 8 кл., Харьковское военно-политическое училище в Ташкенте в 1942 г., курсы замкомбатов по п/ч (7 мес.) в г. Аткарск. На фронте с 16.04.43. До ОШБ имел 2 ранения и медаль «За оборону Кавказа».

39. Калитвинцев Михаил Афанасьевич, капитан, командир роты. В батальоне с первых дней формирования 1-го ОШБ Сталинградского фронта, вначале комзвода, замкомроты, с 4.01.43 г. командир роты. Родился в 1907 году в Ворошиловградской обл., беспартийный. Образование 5 кл., КУКС в 1942 году. Служба в армии 1929–1936 и с 1941 года. Убыл в 33-й ОШБ Белорусского фронта 8.12.1943 года на должность начальника штаба батальона.

40. Каменщиков Иван Емельянович, лейтенант, заместитель командира роты. Родился в 1915 году в Орловской обл. Погиб 23.12.1943 года в районе Жлобина. Других данных нет.

41. Караваев Евгений Иванович, лейтенант, командир пулеметного взвода. Погиб в операции «Багратион» 26.07.44 при ликвидации Брестской группировки немцев. Других данных нет.

42. Караваев Лев Александрович, старший лейтенант, командир взвода. Родился в Новочеркасске Ростовской обл. В армии с 1942 г. Погиб в боях на Одерском плацдарме (Германия) 18.04.1945 года.

43. Карасев Иван Андреевич, младший лейтенант, командир взвода автоматчиков. Родился в 1918 г. Выбыл по ранению на Наревском плацдарме в октябре 1944 года. Других данных нет.

44. Карнеев Александр Александрович, майор, зам. командира батальона. Родился в 1914 году в Тамбовской обл. Образование среднее, курсы «ВЫСТРЕЛ» в 1942 году. В армии с 1933 года, беспартийный, переведен из 2-го ОШБ Сталинградского фронта. Убыл в ОК Центрального фронта 5.05.1943.

45. Качала Василий Моисеевич, капитан, командир стрелкового взвода. В батальоне с начала его формирования до Дня Победы. Родился 13.03.1921 г. в Краснодарском крае. Образование 4 класса, 2-мес. курсы мл. лейтенантов в 1941 г., курсы командиров рот ЦФ в 1943 году. В армии с 11.11.40 г., на

фронте с 15.07.41. После войны проживал в Краснодарском крае. Умер 3.07.1988 г.

46. Киселев Иван Иванович, лейтенант, командир стрелкового взвода. Родился 27.07.1908 года. Образование 7 кл., курсы младших лейтенантов в 1944 году. В армию призван 29.08. 1942 г., на фронте с апреля 1944 года. В батальон прибыл 6.12.1944 г. из 29-го ОПРОС после излечения по ранению. До батальона имел 3 ранения. Погиб при форсировании реки Одер 17 апреля 1945 года.

47. Киселев Филипп Андреевич, майор, начальник штаба батальона. В батальоне с мая 1943, командир комендантского взвода, затем ПНШ-1. Родился 18.08.1923 г. в Тамбовской обл. Образование — Тамбовское педучилище в 1941 году, 2-е Бердичевское (в г. Чкалов) пехотное училище в 1942 году. В армии с 18.06.1941 года, на фронте с 06.1942 года. После войны продолжал службу в Советской Армии. Генерал-майор. После увольнения в отставку жил в Москве. Умер 29.01.1996 г.

48. Коваль Лука Тихонович, майор, заместитель командира батальона. Прибыл из войск Донского фронта 13.12.1942 года капитаном. Родился в 1903 г. в Полтавской обл. Образование среднее, окончил Военную академию им. Фрунзе в 1942 году. В армии 1926–1927, 1934–1937 гг. и с 1941 года. Член ВКП(б) с 1927 года. Убыл в ОК БФ 21.10. 1943 г.

49. Козенко Петр Филиппович, младший лейтенант, командир взвода, 1910 г. р. Родился в г. Мозырь, Белоруссия. Погиб 4.04.1944, похоронен в с. Хотище Могилевской обл. Других данных нет.

50. Костик Станислав Иванович, старший лейтенант, командир взвода автоматчиков, затем комендантского взвода. Родился 10.03.1921 г. в Витебской области. В армии с 1940 года, на фронте с июля 1941 г. С января 1944 г. в 33-м ОШБ, а с апреля 1944 года в 8-м ОШБ. После войны продолжал военную службу. Майор. Проживал в Минске. Умер в 1992 г.

51. Костюков Алексей Иванович, лейтенант, комвзвода. Родился 20.7.1925 года в Курской обл. В армии с 1942 г., на фронте с 06.1943 г. Образование 7 кл., курсы младших лейтенантов в 1944 г. В звании младшего лейтенанта с апреля 1944 года. В батальоне с 6.12.1944 г. До этого дважды ранен, выбыл после тяжелого ранения на Одере 21 апреля 1945 года. Уволен по инвалидности, жил в Рыльске Курской области. Умер 21 мая 2012 года.

52. Краснов Александр Васильевич, старший лейтенант. Родился в 1911 году в Ивановской обл., Кинешемский район. Бывший штрафник, восстановлен в правах офицеров из

штрафников, с 2.08.1943 г. командир стрелкового взвода. Ранен в бою, умер от ран 10.10.1943 года.

53. Круглов Степан Степанович, старший лейтенант, командир взвода. Родился 15.7.1915 г. Образование 7 кл., Уфимское пехотное училище в 1942 г., курсы младших лейтенантов 1-го БФ в 1944 году. В армии с 08.1941. В батальоне с декабря 1944 г. из 29-го ОПРОС после излечения по ранению. Трижды ранен в 41, 42 и 43-м годах. Убыл по болезни в феврале 1945 г.

54. Кудряшов Александр Иванович, майор, зам. командира батальона до октября 1944 г. Родился 11.09.1913 г. в Тамбовской обл. Окончил Мичуринский учительский институт, факультет русского языка в 1941 году. После войны продолжал службу в Советской Армии, полковник, начальник цикла Военной кафедры вуза в г. Уфа. Умер 12.05.2000 г.

55. Кузнецов Евгений Иванович, лейтенант, командир взвода автоматчиков. Родился в 1923 году. На фронте с 02.1944 года, дважды ранен. В батальоне с декабря 1944 года. В штрафбате участвовал в боях за Альтдамм и на Одерском плацдарме. Других данных нет.

56. Кузнецов Николай Николаевич, младший лейтенант, командир взвода. Родился 19.12. 1922 года в Куйбышевской обл. В армии с 23.06.1941 г. Образование 7 кл., Куйбышевское пехотное училище в 1941 г. (4 мес., не окончил), Куйбышевское воздушно-десантное училище в 1942 г. (4 мес., не окончил), Махачкалинское пехотное училище (10 мес.) в 1943 году. В действующей армии с февраля 1942 года. Имел 3 ранения. В батальоне с 6.12.1944 г. из 29-го ОПРОС после излечения по ранению. Погиб 17.4.1945 г. при форсировании р. Одер.

57. Кузьмин Георгий Емельянович, капитан, участник боев за Сталинград. Командир взвода, затем роты ПТР. Трижды ранен. Родился 08.06.1922 г. в Мордовской АССР. Образование 7 кл., Камышловское военно-пехотное училище в 1941 г. В армии с 24 июня 1941 г., на фронте с 02.1942 г. После войны зам. командира стрелкового батальона 286-го стрелкового полка. Майор. Жил в Новосибирске. Умер 29.01.2008 года.

58. Ларенок Павел Прохорович, первый комиссар штрафбата. В батальоне с августа 1942 г. Старший батальонный комиссар, впоследствии переаттестован — майор, заместитель комбата по политчасти. Родился в 1903 году в Орловской области. Образование среднее, член ВКП(б). 14.05.1943 года убыл на фронтовые курсы, в группу командиров полков. Войну закончил в Берлине, был заместителем коменданта района в Берлине. Уволен в запас в 1954 году. Умер 1987 году.

59. Лобань Григорий Иванович, майор, первый начальник штаба батальона. Родился в 1911 году, образование высшее, КУКС Степного фронта в 1942 году, член ВКП(б) с 1940 г., в армии в 1933–1935 гг. и с 1941 года. В ОШБ с 2.08.42 по 12.07.43. Убыл в ОК Центра партизанского движения.

60. Лоптев Михаил Иванович, майор, заместитель комбата по политчасти с 14.5.1943. Родился в 1911 году в Кировской обл., член ВКП(б) с 1940 года. Образование среднее, Ленинградское военно-политическое училище в 1941 году. Участник обороны Ленинграда. 25.01.1944 г. убыл в Отдел кадров Политуправления Белорусского фронта.

61. Лозовой Василий Афанасьевич, майор, начальник штаба батальона. Родился 01.03.1921 г. В августе 1944 г. переведен с повышением на должность начальника штаба стрелкового полка. После войны продолжал службу в Советской Армии, последние годы — в штабе Киевского Военного округа. Полковник, жил в Киеве. Умер 24.06.1993 г.

62. Ляхов Василий Николаевич, младший лейтенант, командир взвода. Родился в 1917 году, образование 5 кл., курсы младших лейтенантов в 1939 году. На Ленинградском фронте с 18.08.1941 по 22.02.42 г. Бывший штрафник, 2.08.1943 года восстановлен во всех правах офицерского состава. Откомандирован 30 сентября 1943 года в распоряжение ОК 60-й армии. Других данных нет.

63. Мальский Иван Мефодьевич, капитан, командир роты. В батальоне с 4.11.42 г. Родился в 1915 г. Образование 6 кл., Военно-политическое училище в 1940 году. Член ВКП(б) с 1941 года. Убыл в ОК 61-й армии 8.03.1943. Других данных нет.

64. Мамай Николай Иванович, старший лейтенант медслужбы, командир санвзвода. Прибыл в связи с расформированием 2-го ОШБ Донского фронта. Родился в 1918 году в Одесской обл. В армии с 1939 г. Убыл в Санотдел Центр. фронта 11.08.1943 г.

65. Матвиенко Иван Владимирович, майор, командир стрелковой роты с декабря 1943 г., а с октября 1944 г. — зам. командира ОШБ. Родился 28.02.1918 г. в Кировоградской области. Образование 8 кл. Призван в армию 1.10.38 г. В июне 1941 г. окончил курсы подготовки среднего комначсостава в звании лейтенанта. В действующей армии с 22.06.41 г. Имел 3 ранения, контузию. Член ВКП(б) с 1943 г. Награжден орденами Красного Знамени, Суворова III степени, Красной Звезды (два), Отечественной войны I степени. После войны проживал в Кировоградской области. Умер 8.12.1991 г.

66. Машинец Николай Илларионович, штрафник,

восстановлен в звании старшего лейтенанта, 21.03.43 назначен замкомвзвода, а затем командиром взвода. 27.08.43 присвоено звание капитан. Других данных нет.

67. Мильхикер Александр Яковлевич, лейтенант, командир взвода ПТР. Родился в 1919 году, образование высшее, школа лейтенантов. В батальоне с 14.05.43 г. За пьянку с подчиненными 29.08. строго наказан, а 7.09. отозван в ОК Центрального фронта.

68. Мирный, с сентября 1944 г. агитатор батальона. Родился в Воронежской обл. в марте 1913 года. В армии с августа 1941. Образование — техникум, курсы политруков в 1942 году, военно-политическое училище в июле 1944 года. Имеет 2 ранения и контузию. Убыл из батальона 8.08.45 г. по его расформированию после Победы.

69. Молчанов Павел Иванович, лейтенант административной службы, завделопроизводством хозчасти. В батальоне с 12.10.1944. Родился 04.03.1904 г. в Курской обл. Образование — Орловский пединститут в 1940 г. На фронте рядовым с 24.08.41 г., офицер с 1.05.43. Отозван в ОК тыла 1-го БФ 15. 02.1945 г.

70. Мурза Илья Митрофанович, майор, заместитель командира батальона. В ОШБ с 11.5.1943 г., прибыл с должности зам. командира полка. Грек, родился 1.09.1904 года, образование — лесной техникум, КУКС одногодичников. В Красной Армии в 1927–1928, в 1938–1940 годах и с 1941 года. Участник Сталинградской битвы. Член ВКП(б) с 1940 г. Убыл 8.12.1943 года на должность командира 33-го ОШБ Белорусского фронта, откуда 16.01.44 г. убыл на курсы командиров полков, по окончании назначен командиром 269-го стрелкового полка. При форсировании реки Одер 20 апреля 1945 года два батальона его полка первыми без артиллерийской подготовки на участке 70-й армии стремительно форсировали реку Вест-Одер и захватили плацдарм на ее западном берегу. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Уволен в запас 29.07.46 г. Жил в городе Семилуки Воронежской области. Умер 11 ноября 1983 года.

71. Назыков Василий Алексеевич, старшина, затем лейтенант администлужбы, зав. секретным делопроизводством штаба ОШБ. После войны служил в штабе ГСОВГ, Берлин. Других данных нет.

72. Носач Василий Антонович, майор. Родился в 1916 г. в Киевской обл. В армии с 1937 года, образование 7 кл., КУКС в 1939 году. В батальоне с первых дней формирования в должности зам. командира роты, затем командир роты, ПНШ, затем до марта 1944 г. начальник штаба батальона. За упущения по службе

21.04.1944 г. приказом Рокоссовского понижен в должности, убыл в войска. После войны жил в Киевской обл. Умер 08.12.1995 г.

73. Одарчук Константин Остапович, капитан, агитатор батальона. Родился в 1902 году в Бердичеве Житомирской обл. Член ВКП(б) с 1931 года, в армии с 1942 г. Образование общее среднее, Военно-политическая академия в марте 1943 г. Других данных нет.

74. Оленин Семен Тарасович, майор, парторг батальона. Родился 10.04.1904 г. в Горьковской обл., образование: Комвуз в 1934 г., курсы замкомбатов по политчасти в 1943 г. В Красной Армии с 1942 г. В батальон прибыл 26.02.44 г. из 63-й армии. 28.04.1945 г. убыл замполитом 59-го Отд. Пражского дивизиона бронепоездов.

75. Осипов Аркадий Александрович. Родился 20.04.1908 г. в Рогачевском районе Гомельской области Белоруссии. Общее образование 4 класса и Академия им. Фрунзе в 1943 году. Полковник. Третий командир 8-го штрафбата с 12 мая 1943 года по 19.08.1944 г. Участник войны с Финляндией в 1939–1940 гг. и на Карельском фронте с 22.06.41. Перед назначением на ОШБ окончил ускоренный курс Военной академии им. Фрунзе. Убыл на должность заместителя командира стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта. После войны был комендантом немецкого города, уволен по болезни, жил в Рогачеве. К 60-летию освобождения Беларуси на его могиле установлен памятник и памятный знак на Аллее Героев, его именем названы одна из улиц Рогачева и средняя школа в агрогородке Тихиничи Рогачевского района. Умер 15.01.1995 г.

76. Остапенко Илья, старший лейтенант, командир стрелкового взвода. Погиб в операции «Багратион» 26 июля 1944 года при окружении и уничтожении Брестской группировки немцев. Других данных нет.

77. Панчев Никита Филиппович, старший лейтенант, командир взвода. Родился в 1915 году в гор. Шадринск Челябинской области, образование 8 классов. Член ВКП(б) с 1942 года, в Красной Армии с 1941 года. Назначен в батальон после окончания КУКС (курсы усовершенствования командного состава) Центрального фронта 2.04.1943 года. Выбыл по ранению 24.12.1943 года.

78. Пекур Федос Ильич, майор. Командир взвода и 82-мм минометной роты. Член ВКП(б) с сентября 1944 года. Имел 4 ранения. Родился 14.9.1913 года в Полесской (Гомельской) области. Образование 5 кл. и 5-месячные КУКС запаса в Бобруйске в 1940 году. В действующей армии с 24.06.41 г., в штрафбате до конца войны. Других данных нет.

79. Писеев Сергей Алексеевич, лейтенант, командир пулеметного взвода. Родился 02.09.1923 г. в Пензенской области, образование 10 кл., Новочеркасское кавалерийское училище в 1943 году, Курсы младших лейтенантов 1-го БФ в 1944 году. В действующей армии с июня 1943 г., на офицерских должностях с мая 1944 г. В батальоне из 29-го ОПРОСа 1-го БФ с 6.12.1944 г. после 3-го ранения. Убыл после Победы в августе 1945 г. После войны проживал в Одессе. Умер 01.03.1991 г.

80. Пиун Павел Ильич, майор, агитатор батальона. Родился в 1918 году в Добрянском районе Черниговской области, Украина. Образование — 3 курса техникума в 1939 году и Смоленское военно-политическое училище в 1941 году. На фронте с июня 1941 года. В 8-й ОШБ прибыл в первые дни его формирования в сентябре 1942 года на должность заместителя командира роты по политчасти (политрука роты), а с августа 1943 года — на должности агитатора батальона. Убыл из батальона в августе 1944 года на должность замкомбата по политчасти фронтовых курсов младших лейтенантов. Ранений не имел. Служил в армии до 1956 года, подполковник. Умер в Оренбуржье 18 июня 1978 года.

81. Полищук Андрей Федорович, старший лейтенант, командир стрелковой роты (дата неизвестна). Родился в 1915 году, образование 8 кл., КУКС. На фронте с июня 1942 г. Убыл 30.09.1943 года в распоряжение ОК 60-й армии. Других данных нет.

82. Пусик Константин Данилович, капитан, начальник финансового снабжения батальона. Родился 15.8.1915 года в Орловской обл. Образование — Новозыбковский пединститут в 1940 году. Призван в Красную Армию 10.04.41, в действующей армии с декабря 1941 г., участник обороны Москвы, ранен. Прибыл с должности начфина отд. б-на 20-й ОСБр. В ОШБ был с 14.01.44 г. до конца войны. После войны жил в Москве. Умер 24.06.1985 г.

83. Пыльцын Александр Васильевич. Родился 18.11.1923 года в Хабаровском крае. Образование 10 кл., 2-е Владивостокское пехотное училище в июле 1942 г. В батальон прибыл лейтенантом 26.12.1943 года. Прошел должности командира разведвзвода, стрелкового взвода, роты автоматчиков. Член ВКП(б) с июня 1944 года. На заключительном этапе войны, в Берлинской операции, — командир стрелковой роты, майор. За время пребывания в штрафбате имеет 3 ранения: два последних — 26.07.1944 года при окружении Брестской группировки и 16.04.1945 года при форсировании р. Одер — тяжелые. Убыл 20.6.1945 г. в госпиталь по болезни. По излечении назначен заместителем командира

отдельного батальона охраны Военной комендатуры г. Лейпцига, затем начальником отдела этой комендатуры. По плановой замене в декабре 1947 года убыл в Московский военный округ. В 1950 году поступил на инженерный факультет Ленинградской Военно-транспортной академии, в 1955 году окончил ее с отличием. Служил в Воздушно-десантных войсках начальником автослужбы корпуса, затем заместителем командира Воздушно-десантной дивизии, где получил звание «полковник». По состоянию здоровья переведен в Сухопутные войска на должность начальника автомобильной службы Общевойсковой армии. С 1964 года заместитель начальника Уссурийского военного автомобильного училища, а с 1968 года — начальник военной кафедры Харьковского автомобильно-дорожного института. Уволен в запас по болезни в 1981 году. Воинское звание генерал-майор присвоено в отставке. Проживает в г. Санкт-Петербурге.

84. Ражев Георгий Васильевич, капитан, командир взвода автоматчиков. Родился 15.09.1920 г. в Краснодарском крае. Образование — Автодорожный техникум и Полтавское автобронетанковое училище в мае 1941 года. В армии с 09.1938 г., на фронте с июля 1941 года. В батальоне с 5.7.1944 г., прибыл из 29-го ОПРОСа, бывший пом. командира дивизиона 311-го гв. минометного полка Брянского фронта. Имел контузию и 3 ранения, последнее из них — в боях за Варшаву 14.01.1945 г. Отправлен 1 мая 1945 года за нарушения офицерской этики в ОК 1-го Белорусского фронта. После войны жил в Пензе. Умер 14.05.1993 года.

85. Разоренов Павел Дмитриевич, капитан арттехслужбы, начальник арттехснабжения батальона. Родился 25.6.1915 года в Московской обл. Образование — Горьковский индустриально-машиностроительный рабфак, Тамбовское артиллерийское оружейно-техническое училище в 1941 году. В армии с 6.02. 1940 года, на фронте с июля 1941 года. Ранен в сентябре 1943 и в сентябре 1944 года. Прибыл в батальон 25.12.1944 года из ОК Артиллерии 1-го БФ с должности помощника начальника артснабжения 55-й стрелковой дивизии по боеприпасам. Из батальона убыл в августе 1945 г.

86. Родина Юлия Александровна, старший лейтенант медицинской службы (переаттестована из военврача 3-го ранга). Командир санитарного взвода — врач батальона. Прибыла в 8-й штрафбат из 2-го ОШБ Донского фронта после его расформирования с должности старшего врача б-на. Убыла 22.06.43 г. в ОК СанУпра Центрального фронта. По неподтвержденным документально сведениям, но по личному моему свидетельству, после 8-го ОШБ в чине капитана медслужбы

была в запасном полку Южно-Уральского военного округа. Родилась в Саратовской обл. Других данных нет.

87. Рубилов Михаил Леонидович, капитан, начальник штаба батальона. Беспартийный. Окончил Военную академию им. Фрунзе в 1943 году, после чего назначен в 8-й штрафбат. Родился в 1914 году в Ивановской области. Призван Юрьевецким РВК. В Красной Армии в 1936–1938 гг. и с 1941 года. В Отечественной войне с 28.11.41 г. Ранен в боях под Сталинградом, награжден медалью «За отвагу» и орденом Отечественной войны II ст. Убыл из ШБ 12.2.1944 года в Отдел кадров фронта. Других данных нет.

88. Рудзинский Анатолий Вячеславович, майор, зам. командира ОШБ по политчасти. Родился в 1908 году в Псковском районе Ленинградской обл. Образование — средняя школа в 1926 г., курсы одногодичников в 1934 г. В армии с 1939 года. В ШБ прибыл с должности агитатора 33-го ОШБ 27.04.44 года. В августе 1944 года убыл в распоряжение Политуправления 1-го Белорусского фронта.

89. Семенов Петр Гаврилович, младший лейтенант, командир стрелкового взвода. Родился в 1924 году. В Красной Армии с августа 1942 года, призван Сталинским РВК Кемеровской обл. На фронте с апреля 1943 года, до ОШБ имел 4 ранения и орден Отечественной войны II ст. За форсирование Одера в Берлинской операции награжден орденом Александра Невского. Других данных нет.

90. Семыкин Валерий Захарович, капитан, командир взвода связи, затем ПНШ-3 батальона по спецсвязи. Бывший боец-переменник (штрафник). В боях за Брест в июле 1944 г. получил медаль «За отвагу», остался в постоянном составе. Хорошо владел немецким языком. Родился 23.02.1920 г. в Воронеже. Образование общее — 2 курса пединститута в 1939 году, военное — Воронежское военное училище связи (1,5 года) в октябре 1941 года. На фронте с октября 1941 г. В окружении с 22.10.41 по 25.02. 42, вышел 26.07.1943 г. Для искупления вины направлен в штрафбат. Из батальона убыл 6.08.45 в ОК ГСОВГ. После войны продолжал службу в Советской Армии на должности шифровальщика Управления связи ГСОВГ, а затем в военном представительстве Отдела военных заказов там же. Подполковник. После увольнения в запас проживал в Хохольском районе Воронежской области. Член Союза журналистов СССР, Почетный гражданин Хохольского района. Умер 27.08.2004 г.

91. Сергеев Георгий Тимофеевич, старший лейтенант, командир пулеметного взвода. В батальоне с августа 1944 г. Родился в 1921 г. Имел 2 ранения. После войны проживал в Туле, работал главным инженером комбайнового завода. Умер в

августе 1974 г. Других данных нет.

92. Сизов, интендант 3-го ранга — помощник начальника штаба батальона периода 1942 года. Других данных нет.

93. Синонов Виктор Яковлевич, военврач 3-го ранга, начальник санслужбы б-на. 21.08.1942 г. отстранен по несоответствию и откомандирован в САНУПР фронта.

94. Сисенков Сергей Тимофеевич, старший лейтенант, командир пулеметного взвода. Прибыл в батальон в апреле 1944 г. из 33-го ОШБ с должности командира стрелкового взвода. Родился в 1912 г., в Красной Армии с 1934 г., в действующей армии с 1942 г. Имел 2 ранения. Откомандирован в Отдел кадров 61-й армии в апреле 1945 года. Умер в 1953 г.

95. Слаутин Николай Александрович, майор, командир стрелковой роты. В батальон прибыл в августе 1944 года на должность комвзвода. Родился 29.10.1918 года в Кировской (Вятской) обл., образование 7 кл. и полковая школа в 1940 году. В армии с окт. 1939 г., на фронте с 1.01.42 года, в офицерском звании с июня 1942 года. Имел 3 ранения. Участник боев на Одерском плацдарме 17–27 апреля 1945 г. После войны проживал в Семипалатинской области Казахстана.

96. Смирнов Петр Васильевич, капитан, командир взвода противотанковых ружей. Родился 31.12.1922 г. В действующей армии с 12.1941 г., участник обороны Москвы и Сталинграда. Призывался в армию Ишимбайским РВК Башкирии. Умер 29.01. 2008 г. в Новосибирске.

97. Соклаков Алексей Иосифович, лейтенант, комвзвода. Бывший штрафник, 2.08.1943 года восстановлен в правах офицерского состава. Убыл 30 сентября 1943 года в ОК 60-й армии. Других данных нет.

98. Соколов Михаил Ефимович, майор интендантской службы, помощник комбата по материальному обеспечению. Родился 23.5.1898 года, образование 7 классов (заочно). Участник Гражданской войны 1918–1920 гг. против белолатышей, белополяков, Деникина и Врангеля. В ОШБ с 26.10.1944 г. из ОК Упр. Тыла 1-го БФ с должн. нач. ОВС эвакогоспиталя. После Победы уволен в запас.

99. Соломатов Никон Семенович, капитан, зам. командира ОШБ по политчасти с 28.01.44 г. Родился в 1906 году в Красноярском крае. Член партии с 1931 года, образование среднее, курсы в Военно-политической академии в 1942 г. Прибыл с должности зам. по политчасти минометного батальона. 14 апреля 1944 года подорвался на мине и погиб при следовании на повозке в деревне Фундаменка Буда-Кошелевского района Гомельской области Белоруссии.

100. Сопат Петр Иванович, лейтенант, командир взвода. Родился в 1907 г. в Полесской (Гомельской) обл. Белоруссии. Был штрафником, после восстановления в правах офицеров остался в штрафбате и погиб 23.12.1943 г. в боях под г. Жлобин, Белоруссия. Похоронен в с. Майское Рогачевского района, Белоруссия.

101. Спицын Николай Степанович, лейтенант, командир взвода ПТР. Родился в 1924 году в Тульской области. В армии с марта 1942 года, на фронте с апреля 1943 г. В боях на Наревском плацдарме в октябре 1944 года ранен. Других данных нет.

102. Степанов Михаил Лаврентьевич, капитан, начальник арттехснабжения батальона. Родился в 1921 г., москвич, в армии с 1941 г., на фронте с мая 1942 г. Других данных нет.

103. Суховой Иван Митрофанович, старший лейтенант, заместитель командира стрелковой роты. Прибыл с должности комвзвода 2-го ОШБ в октябре 1942 г. Родился в 1912 году в Кировоградской обл., Украина. Образование высшее, КУКС в 1941 году. Выбыл по ранению 14.12.1942 года.

104. Сыроватский Михаил Иосифович, майор. Родился 26.10.1911 г., образование 7 классов, одногодичные курсы командиров в 1932 году. На фронте с 13.08.1941 г. В батальоне с 14.12.1943 г. Бывший боец-переменник (штрафник). После тяжелых боев под Жлобином, пробыв штрафником 12 дней, за особые боевые заслуги награжден медалью «За отвагу», досрочно восстановлен в офицерских правах и 26.12.1943 года назначен командиром роты. Ордена: Отечественной войны II ст., Красного Знамени, Суворова III степени. Убыл в ОК ГСОВГ 6.08.1945 г. по расформированию 8-го ОШБ.

105. Тазулахов Лукьян Давидович, капитан, ПНШ по шифрработе. Родился в Краснодаре в 1904 г., беспартийный, образование среднее, курсы комсостава. На фронте с 27.09.41 г. (Юго-Западный фронт), в батальон прибыл из 2-го ОШБ в окт. 1942 г. Убыл в ОК Центрального фронта. Других данных нет.

106. Тавлуй Павел Семенович, майор, командир минометной и стрелковой роты. В Красной Армии с мая 1937 года, в 8-м ОШБ с 10 мая 1943 года. На фронте с начала войны, имел 3 ранения. Родился 24.12 1915 г. в Остерском районе Черниговской обл. Окончил курсы младших лейтенантов в мае 1939 года. 20.08.1944 года откомандирован на фронтовые курсы в группу командиров батальонов. Уволен в запас в марте 1947 года. Умер 29 ноября 1997 года.

107. Тачаев Борис Алексеевич, капитан, командир взвода, ПНШ по шифровальной работе, начальник разведки (ПНШ по разведке), затем, после учебы на 6-месячных фронтовых курсах

комбатов, — командир пулеметной роты. Родился 23.1.1921 года в Ярославской обл. В армии с 1941 года, образование 7 кл., интендантское и военно-пехотное училище. Ранен в Сталинградской битве. После излечения с 15 ноября 1942 года в 8-м ОШБ: воинское звание майор присвоено после Победы 31 мая 1945 года. Награжден медалью «За оборону Сталинграда», польской медалью «За Одер, Нису, Балтику». В штрафбате — медалью «За отвагу», орденами Отечественной войны I ст., Богдана Хмельницкого III ст. После войны в Германии был военным комендантом г. Штраусберг, повышен по службе на должность начальника отдела комендантской службы Эберсвальдского округа земли Бранденбург. Далее — заместитель военного коменданта порта Висмар, затем военный советник полицейского отряда г. Росток. По плановой замене в ноябре 1949 года убыл в СССР, где проходил службу в Военной комендатуре г. Москвы. Уволен в запас 4.12.1953 года. После увольнения жил в г. Электросталь Московской области. Умер 7 января 1989 года. (Подробности из документов, присланных внуком Б. Тачаева Кириллом Батуркиным в 2014 году.)

108. Титенко Иван Александрович, старший лейтенант, заместитель командира взвода, затем комвзвода, а потом и замкомроты. Родился в 1911 году в Черниговской обл., Украина. Чл. ВКП(б) с 1941 года. Образование высшее и курсы «Выстрел» в 1942 году, в армии с 1941 года. В батальоне с первых дней формирования на Сталинградском фронте. Погиб на Курской дуге 15. 7.1943 года.

109. Улыбин Николай Константинович, лейтенант, комвзвода 50-мм минометов. Родился в марте 1924 года в Тульской области. Образование 10 кл., курсы по подготовке начсостава Западного фронта (10 мес.) в августе 1943 года. В армии с марта 1942 г., в батальоне с 6.12.1944 г. до конца войны. Член ВКП(б) с 11.42 г. Прибыл из 29-го ОПРОСа после излечения по ранению. Имеет 3 ранения. Награжден монгольским орденом «Полевая Звезда». Других данных нет.

110. Усманов Фуад Бакирович, капитан, командир стрелкового взвода, затем ПНШ-4 (по разведке). Родился 14.8.1922 г. в Башкирской АССР, образование — 2 курса юридического института в г. Алма-Ата в июне 41 г., Алма-Атинское пехотное училище в декабре 1941 г. На фронте с декабря 1941 по сентябрь 1942 г., был 3 месяца в окружении, затем 7 месяцев на проверке в спецлагере НКВД. С января 1944 г. — командир минометного взвода 33-го ОШБ, в апреле 1944 г. переведен в 8-й ОШБ командиром стрелкового взвода, а затем и ПНШ. Владел немецким и французским языками, имел 3

ранения, контузию. После войны окончил юридический институт. В последние годы жизни был Председателем Верховного суда Башкирской АССР, жил в Уфе. Умер 18.01.1966 г.

111. Уткин Николай Михайлович, младший лейтенант, командир стрелкового взвода. В октябре 1944 года приказом по 65-й армии награжден медалью «За отвагу». Других сведений нет.

112. Филиппов Василий Иванович, капитан, ПНШ-1. Родился в 1919 году в Рязанской обл. Погиб в боях в Белоруссии под Жлобином 24.12. 1943 года. Других данных нет.

113. Филатов Алексей Григорьевич, подполковник, заместитель командира батальона до конца войны. Родился 22.02.1915 г. После войны служил в войсках МВД, а после увольнения в запас жил в Москве. Умер 06.07.1998 г.

114. Филатов Михаил Александрович, майор, заместитель командира батальона. Прибыл в батальон 29.02.44 г. из 29-го ОПРОСа 1-го БФ. Родился 5.02.1911 г. в Орловской обл. Образование 6 классов, Свердловское военно-пехотное училище в 1939 году. Член партии с 1944 г. Убыл из батальона на должность зам. командира стрелкового полка в 61-ю армию в октябре 1944 г. Звание подполковник, к которому был представлен еще в ОШБ, присвоено 18.11.44 г. Погиб в боях за Штаргард (Германия) 5.03.1945 г.

115. Харченко Иван Петрович, капитан, замкомроты по политчасти. Родился в 1907 году, член ВКП(б) с 1930 года. Прибыл в б-н с должности политрука роты 2-го ОШБ 9.10.42. Убыл в ОК Политуправления Донского фронта 24.01. 43 г.

116. Хмелев И.Г., лейтенант а/с, зав. делопроизводством штаба батальона периода боев на Курской дуге 1943 года. Других данных нет.

117. Цигичко Василий Корнеевич, майор, командир роты ПТР, затем ПНШ-1, в батальоне с 25.12.1943 г. Родился 28.11.1921 года в Харьковской области. Образование 10 кл., Московское Краснознаменное пехотное училище (8 мес.) в декабре 1941 года. Призван в армию 13.04.41 г. Член ВКП(б) с июня 1944 года. На фронте с октября 1941 г., был ранен. После войны продолжал службу в Советской Армии, подполковник. Проживал в Харькове. Умер 06.08.1994 г.

118. Чайка Алексей Кузьмич, старший лейтенант, командир стрелкового взвода, парторг роты. В батальоне с 6.12.1944 года из 29-го ОПРОСа после излечения по ранению. Родился 20.5.1913 г. в Харьковской обл., член ВКП(б) с 1940 года. Образование — Подольское пехотное училище в гор. Бухара (4 мес.) в 1943 году, Ярославское пехотное уч-ще (6 мес.) в 1943 г. Имел 1 ранение и 2 контузии (последняя при форсировании р. Одер 17 апреля

1945 г.), убыл в ОК ГСОВГ 6.08.45 г.

119. Чесноков Степан Матвеевич, майор, командир 1-й стрелковой роты — комендант штаба. В батальоне с первого дня формирования, когда в звании старшего лейтенанта был назначен командиром взвода ПТР. Родился 28.12.1913 года в Брянской обл. Образование — педагогический техникум в 1933 году, Ленинградская школа военных сообщений в 1937 году. Служба в армии — 1935–1938 гг., с июля 1941-го в действующей армии. За время пребывания в батальоне был трижды ранен, последний раз 20.02.44, но каждый раз возвращался в батальон. После излечения по последнему ранению в батальон вернулся через ОК фронта 18.01.1945 года. В батальоне пробыл до его ликвидации в августе 1945 года.

120. Чернявский Григорий Петрович. Капитан, заместитель командира батальона с первых дней формирования до декабря 1942 года. Других данных нет.

121. Черный Спиридон Григорьевич, капитан, командир роты. В батальоне с начала формирования, с 08.08.1942 года. Погиб 21.08.1942 года. Других данных нет.

122. Шамшин Александр Петрович, капитан, командир стрелкового взвода. Родился 31.12.1923 года в Краснодарском крае. Образование 7 кл., Черкасское военно-пехотное училище (1 год), Партизанская школа подрывников (3 мес.) в Москве в 1943 году. Призван в армию 17.11.1941 г. В действующей армии с июня 1943 г., в ШБ прибыл из 29-го ОПРОСа 1-го БФ 20.08.1944 по излечению после ранения, трижды ранен. Одно из последних — на минном поле Наревского плацдарма 24.10.1944 г., другое — в боях за Варшаву. 15.01.45 г. убыл в госпиталь. Умер в августе 1961 г.

123. Шиповалов Иван Иванович, лейтенант, командир стрелкового взвода. Родился 20.12.1922 года в Алтайском крае. Образование 4 класса, курсы младших лейтенантов 1-го БФ (5 мес.) в 1944 году. Призван в армию 26.05.42 г., на фронте с июля 1942 г. В батальоне из 29-го ОПРОСа (после 4-го ранения) с 6.12.1944 г., убыл из ШБ после Победы.

124. Шелгунов Владилен Иванович, лейтенант, командир взвода ПТР. Родился 24.02.1924 г. в Архангельской обл., образование 10 кл., Белоцерковское военно-пехотное училище в 1943 году в Томске, Курсы младших лейтенантов 61-й армии (5 мес.) в 1944 году. Призван в армию 7.02.1942 г., на фронте с августа 1943. В батальоне с августа 1944 г. из 29-го ОПРОСа 1-го БФ по излечению от тяжелой контузии. Убыл из батальона на фронтовые курсы 23.01.1945 года.

125. Юрченко Василий Николаевич, младший лейтенант,

командир взвода. Родился в 1911 г. в Гомельской обл. Погиб 4.04.1944, похоронен в с. Хотище Могилевской обл. Других данных нет.

126. Яковлев Константин Алексеевич, старший лейтенант, командир минометного взвода. Родился 3.06.1924 г. в Саратовской обл. Образование 8 кл., Симферопольское минометное училище в 1943 г. Член партии с декабря 1944 г. Ранен при форсировании р. Одер 17 апреля 1945 года. 17 июня 1945 г. убыл в госпиталь по болезни.

127. Янин Иван Егорович (Георгиевич), старший лейтенант, командир стрелкового взвода, заместитель командира роты. Родился в 1923 г. в Саратовской обл. В Красной Армии с 1941 года, в штрафбате с сентября 1942 года. Канд. в чл. ВКП(б). Имел одно ранение. Погиб на Наревском плацдарме (Польша) 30.10.1944 г. Посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Обратите внимание на то, что 11 офицеров зачислены в штат постоянного состава из числа штрафников, досрочно восстановленных во всех офицерских правах за особые боевые заслуги.

Кроме 127 офицеров, поименованных выше, в первые дни формирования штрафбата, 2 августа 1942 года, всего на 5-й день после издания приказа № 227, прибыли и назначены на штатные должности еще 14 человек:

1. Винник Даниил Акимович, военфельдшер, командир санитарного взвода.
2. Заборовский Николай Петрович, старший лейтенант, адъютант (ПНШ) батальона.
3. Кукоякин Стенарий Иванович, техник-интендант 2-го ранга, начальник ОВС.
4. Кучеренко Михаил Петрович, капитан, командир роты ПТР.
5. Лебедев Алексей Степанович, старший лейтенант, командир стрелкового взвода.
6. Новиков Александр Яковлевич, старший лейтенант, зам. командира стрелковой роты.
7. Перельман Яков Моисеевич, интендант 3-го ранга, помощник комбата по снабжению.
8. Пономарев Тихон Тимофеевич, старший лейтенант, командир стрелкового взвода.
9. Пичугин Василий Григорьевич, лейтенант, командир стрелкового взвода.
10. Терещенко Михаил Григорьевич, лейтенант, командир взвода роты ПТР.

11. Филиппов Василий Иванович, лейтенант, командир взвода снабжения.

Однако двое из них через полмесяца, т. е. 21.08, были отстранены по несоответствию и откомандированы.

12. Майский Владимир Васильевич, лейтенант, командир стрелкового взвода.

13. Соколов Евгений Леонидович, лейтенант, командир стрелкового взвода.

За отказ от выполнения боевой задачи откомандирован со снижением в воинском звании до лейтенанта.

14. Юхта Иван Лукич, капитан, командир 2-й стрелковой роты.

Таким образом, к списку из 127 офицеров штатного постоянного состава добавляется еще 11 человек (отстраненных за отказ от выполнения боевых задач или по несоответствии, 3 человек не станем относить к достойным быть в рядах образцовых), и общее число офицеров постоянного состава, только установленных документально, составляет 138 человек, что и так немало для одного батальона.

Кроме того, при изучении архивных материалов в разных документах (приказах по батальону, донесениях и т. п.) обнаружены еще 18 офицеров, достаточных данных о которых пока определить не удалось:

1. Арутюнов А.Г., младший политрук, замкомвзвода по политчасти.
2. Бадрий Г.М., лейтенант, командир взвода.
3. Говорушкин, офицер штаба.
4. Городничев Василий Иванович, техник-интендант 2-го ранга, начфин батальона.
5. Дудник, лейтенант.
6. Горшков, техник-интендант 2-го ранга.
7. Колосов Владимир Александрович.
8. Копотилкин, младший лейтенант.
9. Лазунин Валентин, старший лейтенант.
10. Лебедев Алексей Степанович, старший лейтенант.
11. Максимов Николай Иванович, старший лейтенант.
12. Миньковский, старший политрук (капитан).
13. Мойса, старший лейтенант.
14. Мулыгин Александр Евтифьевич, младший лейтенант.
15. Никифоров Константин Дмитриевич, лейтенант.
16. Старунов Василий Андрианович, лейтенант.

17. Уртмийцев, лейтенант, ПНШ-1.
18. Швачко, капитан.

Итого по разным документам за период существования 8-го ОШБ через постоянный состав прошло около 160 офицеров. Это говорит о том, что замена командного состава прежде всего по боевым потерям была особенно ощутима.

Б. Список офицеров-штрафников 8-го ОШБ, погибших в боях на фронтах Великой Отечественной войны и ценою жизни своей вернувших доверие Родины

Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте.

Михаил Матусовский

Не забудет народ-победитель
Беззаветных героев своих!

В. Лебедев-Кумач

Они дрались за Родину и пали,
Чтоб Родина любимая жила!

Татул Гурян. Погиб в 1942 году

Теперь перейдем к переменному составу, то есть к офицерам, которые были наказаны за какие-то провинности или преступления отбытием определенного срока в штрафном батальоне, воевали в нем рядовыми бойцами и погибли в боях, пали смертью храбрых, проявив мужество, отвагу, верность присяге и преданность Родине, как писали об этом в приказах и «похоронках» их родным.

Этот список оказался не таким подробным, как предыдущий, но помянуть ставшие мне известными их имена считаю своим долгом, чтобы не случилось так, как сказано в одной из песен, звучавших в известном советском фильме «Офицеры»: «От героев

былых времен не осталось порой имен». Список составлен по данным из копий приказов по 8-му Отдельному штрафному батальону, полученных из Центрального архива Минобороны РФ, ставших известными автору. Кроме того, значительная их часть взята из «Книг Памяти» Жлобинского и Рогачевского районов Гомельской области, писем Лоевского музея битвы за Днепр (Белоруссия), а также из собственной памяти и свидетельств моих боевых товарищей.

Фамилии офицеров-штрафников, погибших за время боевых действий, которые мне удалось установить теперь, я помещаю в этом разделе главы памяти об офицерах, отдавших жизни за Родину в штрафбате № 8. Полного списка погибших во всех операциях или боях нашего штрафбата у меня нет, да и чтобы эти списки опубликовать, нужен не один том.

Дорогие читатели! Прочтите этот своеобразный мартиролог. А прежде прочтите эти трогательные строки из стихов Валентина Александрова, научного сотрудника музея-заповедника «Прорыв блокады Ленинграда».

Здесь когда-то бесилась разгульно война,
В каждой пяди земли слышен сдавленный стон.
Прячет глубже его под себя тишина,
И березки склоняются в низкий поклон.

Как хотелось им жить — молодым невдомек,
Сколько их полегло на высотках — не счесть…
И рука резко тянется под козырек,
Чтобы павшим отдать по-военному честь.

И пусть ваше внимание к каждому упомянутому здесь имени послужит своеобразным ПОМИНАНИЕМ тех, кто отдал жизнь за Родину, за возвращение себе офицерской чести и звания достойного защитника Отечества. Пусть каждый мысленно отдаст им «по-военному честь».

Мы не располагаем полными данными о погибших офицерах-штрафниках, но у нас есть документы из ЦАМО РФ, документы местных организаций, копии или выписки из приказов по батальону об исключении из списков части погибших бойцов-переменников (офицеров-штрафников), и мы приводим выписки из них с соблюдением орфографии документа:

По Сталинградскому фронту

Приказ по 1-му ОШБ № 107 от 1 декабря 1942 года.

В результате боев с немецкими оккупантами в районе Выс. 108, 4 (с. Котлубань) нижепоименованный переменный состав при выполнении особого задания, проявлении при этом отваги и мужества погибли смертью храбрых:

1. Младший политрук Кошель Фаддей Петрович.
2. Младший лейтенант Наумчик Николай Петрович.
3. Капитан Косолапов Иван Ефимович.
4. Техник-интендант 2-го ранга Мишин Иван Григорьевич.
5. Младший лейтенант Хренов Николай Кузьмич.
6. Техник-интендант 1 ранга Волков Константин Петрович.
7. Лейтенант Морозов Федор Алексеевич.
8. Капитан Степанов Михаил Петрович.
9. Младший лейтенант Поярков Зиновий Яковлевич.
10. Младший лейтенант Кирюшин Алексей Васильевич.
11. Младший лейтенант Софин Мугали.
12. Младший лейтенант Маляренко Иван Васильевич.
13. Младший лейтенант Андрианов Трофим Иванович.
14. Лейтенант Лихобаб Владимир Александрович.
15. Старший техник-лейтенант Осипов Вячеслав Емельянович.
16. Лейтенант Тенитилов Павел Васильевич.
17. Техник-лейтенант Захаров Петр Архипович.
18. Младший лейтенант Ломакин Владимир Моисеевич.

Вышепоименованный переменный состав похоронен на южных скатах Выс. 108.4 Городищенского района Сталинградской области. О смерти сообщить на родину и исключить из списков части.

Зам. командира 1-го ОШБ капитан (Чернявский).

Начальник штаба майор (Лобань).

Донской фронт

(имеются данные о погибших бойцах-переменниках только за 16.01.1943 года)

Поляничкин Михаил Иванович, замполит стрелкового батальона, старший лейтенант.

Спирин Григорий Федорович, военком стрелкового полка, старший батальонный комиссар.

Центральный фронт, Курская дуга

1. Приказ по 8-му ОШБ Центрального фронта № 161 от 27 июля 1943 года

(ксерокопия дополнена архивом Минобороны в 2014 году)

«В результате наступательных боев на укрепленные позиции противника, проявляя отвагу и мужество в защите Родины, пали смертью храбрых нижепоименованный переменный состав:

1. лейтенант Виноградов Сергей Михайлович.
2. техник-лейтенант Винник Николай Данилович.
3. младший лейтенант Хромых Федор Иванович.
4. младший лейтенант Чуркин Константин Ананьевич.
5. младший лейтенант Ушаков Николай Васильевич.
6. капитан Курочкин Даниил Ерофеевич.
7. младший лейтенант Рогулин Николай Романович.
8. интендант 1 ранга Шкляров Иван Арсентьевич.
9. воентехник Шуклин Николай Тарасович.
10. политрук Фролов Иван Павлович.
11. лейтенант Радионов Иван Михайлович.
12. лейтенант Подшибякин Иван Акимович.
13. техник-интендант 2-го ранга Меркулов Иван Максимович.
14. техник-лейтенант Лейко Мстислав Юрьевич.
15. старший лейтенант Корягин Иван Иванович.
16. техник-интендант 2-го ранга Кобычев Павел Иванович.
17. младший лейтенант Зайцев Сергей Васильевич.
18. лейтенант Джувар-Линский Кумач-Хусейн оглы.
19. младший политрук Галиков Григорий Петрович.
20. младший лейтенант Царегорцев Григорий Петрович.
21. лейтенант Чернышов Иван Иванович.
22. интендант 3-го ранга Ческидов Петр Данилович.
23. без звания Умрихин Михаил Михайлович.
24. политрук Шуров Петр Алексеевич.
25. капитан Шатилов Георгий Семенович.
26. капитан Шупин Алексей Кириллович.
27. младший лейтенант Токарев Павел Афанасьевич.
28. без звания Осипенко Дмитрий Лаврентьевич.
29. старший лейтенант Новгородский Кузьма Акимович.
30. лейтенант Милявский Яков Моисеевич.
31. капитан Мусагалиев Булат Махбадович.

32. старший лейтенант Котюхов Алексей Филиппович.

33. старший политрук Коротков Петр Иванович.

34. младший лейтенант Костыря Георгий Трофимович.

35. лейтенант Константинов Василий Константинович.

36. капитан Крансберг Сергей Евграфьевич.

37. лейтенант Иванов Петр Васильевич.

38. лейтенант Зайцев Виталий Семенович.

39. младший лейтенант Завизной Василий Иванович.

40. младший лейтенант Залазивый Владимир Зиновьевич.

41. техник-интендант 2-го ранга Данилов Иван Михайлович.

42. техник-интендант 2-го ранга Дюльдин Григорий Григорьевич.

43. лейтенант Войтенко Борис Васильевич.

44. старший лейтенант Боженко Александр Данилович.

45. политрук Кученев Семен Иванович.

46. старший лейтенант Букреев Николай Николаевич.

47. младший лейтенант Бабенков Петр Трофимович.

48. младший лейтенант Багин Михаил Никандрович.

49. лейтенант Волкодав Александр Яковлевич.

50. лейтенант Сергеев Александр Иванович.

51. младший лейтенант Чемиров Борис Никандрович.

52. младший лейтенант Юдин Егор Архипович.

53. техник-интендант 2-го ранга Шеин Захар Никитович.

54. младший лейтенант Щербин Владимир Иванович.

55. политрук Тишин Алексей Алексеевич.

Вышепоименованный переменный состав исключить из списков части и всех видов довольствия и о смерти сообщить на родину.

Командир 8-го ОШБ ЦФ, подполковник \Осипов\.

Начальник штаба капитан \ Рубилов\».

Потери на Курской дуге были настолько серьезны, что издавался не один приказ. Выписку из такого приказа, изданного через 2 дня, предоставил ЦАМО РФ в сентябре 2014 года.

2. Из приказа № 163 от 29 июля 1943 года

В результате наступательных боев на укрепленные позиции противника, проявляя отвагу и мужество в защите Родины, пали смертью храбрых бойцы-переменники:

1. старший лейтенант Тарасов Александр Дмитриевич.
2. капитан Тараканов Петр Иванович.
3. воентехник 2-го ранга Телегин Леонид Николаевич.
4. младший лейтенант Рубайло Алексей Иванович.
5. лейтенант Ревякин Иван Яковлевич.
6. младший лейтенант Рабинович Соломон Михайлович.
7. старший лейтенант Рабкевич Виктор Петрович.
8. техник-лейтенант Павперов Александр Павлович.
9. старший лейтенант Павелко Иван Иосифович.
10. младший политрук Петров Александр Иванович.
11. воентехник 1 ранга Туманов Анатолий Петрович.
12. лейтенант Пензин Василий Иванович.
13. младший лейтенант Невзоров Иван Тимофеевич.
14. военврач 3-го ранга Спасский Иван Тихонович.
15. младший лейтенант Сибилев Александр Константинович.
16. лейтенант Савчинский Петр Семенович.
17. лейтенант Серебренников Аркадий Алексеевич.
18. младший лейтенант Михайленко Иван Николаевич.
19. политрук Маторинский Андрей Иванович.
20. младший лейтенант Морозов Андрей Андрианович.
21. младший лейтенант Маштаков Леонид Павлович.
22. младший лейтенант Крылов Сергей Дмитриевич.
23. старший лейтенант Крупин Леонид Федорович.
24. младший лейтенант Коблов Константин Андрианович.
25. воентехник Козловский Владимир Петрович.
26. военюрист Копытин Дмитрий Семенович.
27. лейтенант Купцов Георгий Сафонович.
28. лейтенант Ковганюк Владимир Венедиктович.
29. техник-интендант 2-го ранга Кулешин Афанасий Маркович.
30. лейтенант Казберов Владимир Павлович.
31. младший лейтенант Кравченко Иван Платонович.
32. младший лейтенант Дегтярев Андрей Васильевич.
33. военфельдшер Захоружин Дмитрий Алексеевич.

34. старший лейтенант Зосименко Николай Иванович.
35. лейтенант Захаров Николай Михайлович.
36. младший лейтенант Егунов Алексей Захарович.
37. младший лейтенант Державин Павел Михайлович.
38. лейтенант Дымченко Тихон Леонтьевич.
39. младший лейтенант Дюжин Семен Павлович.
40. военфельдшер Дудырин Матвей Эммануилович.
41. лейтенант Головченко Александр Иванович.
42. младший лейтенант Воробьев Петр Васильевич.
43. техник-лейтенант Верескунов Александр Сергеевич.
44. лейтенант Бобков Василий Савельевич.
45. техник-интендант 2-го ранга Борисов Филат Потапович.
46. старший политрук Беломытцев Тихон Семенович.
47. политрук Бицко Иван Иванович.
48. младший лейтенант Богушев Владимир Никитович.
49. старший лейтенант Буйневич Петр Петрович.
50. младший лейтенант Белогорцев Федор Петрович.
51. капитан Бланк Самуил Яковлевич.
52. лейтенант Ануфриев Иван Николаевич.

Белорусский фронт

1. По Лоевскому району Гомельской области.

Отвечая на мой запрос об участии нашего 8-го ОШБ в битве за Лоевский плацдарм на Днепре, директор Лоевского (Беларусь) «Музея битвы за Днепр» Стадникова Р.Г. сообщила об установленных фамилиях офицеров-штрафников, погибших в октябре-ноябре 1943 года и похороненных в братских захоронениях № 2021 д. Ручаевка и № 2029 д. Бывальки, а также в с. Кривино, Гончаров Подел и др.:

1. Бойко Владимир Данилович, воентехник 2-го ранга.
2. Губанов Михаил Сысоевич, старший лейтенант.
3. Другов Петр Иванович, капитан.
4. Ерохин Николай Александрович, младший лейтенант.
5. Казаков Иван Тимофеевич, лейтенант.
6. Каменков Иван Иванович, старший лейтенант.
7. Климентов Владимир Сергеевич, капитан.
8. Костяев Яков Андреевич, лейтенант.
9. Минаков Алексей Романович, старший лейтенант интендантской службы.
10. Онегин Виктор Михайлович, старший лейтенант.
11. Орлов Иван Федорович, капитан административной службы.

12. Панькин Василий Лаврентьевич, младший воентехник.
13. Переведенцев Иван Макарович, лейтенант.
14. Редькин Григорий Иванович, лейтенант.
15. Руднев Владимир Федорович, старший лейтенант.
16. Соболь Петр Иванович, старший лейтенант.
17. Тарасов Илья Васильевич, лейтенант.
18. Шаханов Василий Никитич, капитан ветеринарной службы.
19. Этингов Леонид Абрамович, лейтенант.

2. По Жлобинскому и Рогачевскому районам Белоруссии.

Фамилии погибших взяты из «Книг Памяти». Списки сверены с имеющимися в нашем распоряжении документами, и в них внесены некоторые уточнения. Фамилии и воинские звания погибших указаны в соответствии с записями по копиям приказов по батальону или «Книгам Памяти».

Жлобинский район

1. Алфимов Евгений Иванович, воентехник 2-го ранга.
2. Архипов Константин Илларионович, воентехник 1 ранга.
3. Белоусов Иван Иванович, старший лейтенант.
4. Беляев Аким Евгеньевич, техник-интендант 2-го ранга.
5. Богданов Ахат Аднатович, младший лейтенант.
6. Бондаренко Яков Назарович, техник-интендант 2-го ранга.
7. Булюк Федор Епифанович, лейтенант.
8. Василенко Григорий Дмитриевич, техник-интендант 2-го ранга.
9. Волков Федор Васильевич, военврач 3-го ранга
10. Володин Александр Иванович, лейтенант.
11. Воронков Василий Петрович, капитан.
12. Глушанин Владимир Михайлович, младший лейтенант.
13. Гребенник Иван Павлович, лейтенант.
14. Гриб Антон Владимирович, лейтенант.
15. Дей Аврам Семенович, младший политрук.
16. Денисенко Владимир Александрович, майор.
17. Дмитерко Дмитрий Дмитриевич, старший лейтенант.
18. Дмитриев Василий Петрович, младший лейтенант.
19. Егоров Иван Васильевич (звание не установлено).
20. Жук Николай Карпович, лейтенант.
21. Жуковский Сергей Павлович, лейтенант.
22. Золоторев Александр Александрович (звание не установлено).
23. Ильяшенко Алексей Федорович, младший воентехник.
24. Калинин Григорий Александрович, младший лейтенант.
25. Камеко Михаил Игнатьевич, младший лейтенант.

26. Канышков Василий Егорович, лейтенант.
27. Карпинин Митрофан Андреевич, младший лейтенант.
28. Кирилец Василий Иванович, техник-интендант 2-го ранга.
29. Козлов Михаил Васильевич, младший лейтенант.
30. Козлов Николай Владимирович, политрук.
31. Короткевич Иван Иванович, воентехник.
32. Костюченко Алексей Сидорович, младший лейтенант.
33. Кузнецов Михаил Яковлевич, лейтенант.
34. Кушнеров Яков Васильевич, младший лейтенант.
35. Лях Тимофей Максимович, младший лейтенант.
36. Мархай Петр Степанович, военфельдшер.
37. Недашковский Яков Митрофанович, младший воентехник.
38. Никитченко Григорий Ефимович, лейтенант.
39. Николаев Павел Алексеевич, капитан.
40. Петров Василий Петрович, младший лейтенант.
41. Погребицкий Анатолий Федорович, лейтенант.
42. Подколзин Роман Федотович, лейтенант.
43. Полоз Петр Васильевич, младший лейтенант.
44. Полухов Алексей Антонович, политрук.
45. Попов Петр Максимович, старший лейтенант.
46. Привалов Семен Васильевич, лейтенант.
47. Примаков Степан Петрович, военфельдшер.
48. Прищепа Степан Никитич, младший лейтенант.
49. Рено Александр Георгиевич, старший лейтенант.
50. Рожок Григорий Васильевич, военфельдшер.
51. Самойленко Константин Исакович, младший лейтенант.
52. Седоусов Федор Емельянович, младший лейтенант.
53. Сизоненко Петр Яковлевич, лейтенант.
54. Скидоненко Василий Михайлович, военфельдшер.
55. Суровцев Степан Исакович, лейтенант.
56. Сыроежко Александр Онуфриевич, интендант 3-го ранга.
57. Теребило Павел Васильевич, младший лейтенант.
58. Терещенко Петр Васильевич, лейтенант.
59. Теселкин Василий Корнилович, политрук.
60. Товстуха Иван Михайлович, техник-интендант 2-го ранга.
61. Тоцкий Григорий Афанасьевич, военврач.
62. Трифонов Василий Ильич, младший лейтенант.
63. Тыркин Федор Андрианович (звание не установлено).
64. Хабенко Александр Павлович, техник-интендант 2-го ранга.
65. Хлопин Иван Васильевич, военфельдшер.
66. Хоромин Михаил Савич, техник-интендант 2-го ранга.
67. Хотеев Иван Евгеньевич, младший лейтенант.
68. Цыбуля Петр Семенович, военфельдшер.

69. Цымбаренко Антон Иванович, военфельдшер.
70. Червинский Владимир Станиславович, младший лейтенант.
71. Черников Василий Семенович, младший воентехник.
72. Черноног Иван Евдокимович, младший лейтенант.
73. Черный Петр Тихонович, младший политрук.
74. Швидун Иван Александрович (звание не установлено).
75. Шевченко Иван Никитич, лейтенант.
76. Шилов Иван Корнеевич, младший политрук.
77. Шкирман Александр Аврамович, младший лейтенант.
78. Шурубенко Семен Константинович, военфельдшер.
79. Шустов Павел Степанович, лейтенант.
80. Якимович Леонид Петрович, техник-интендант 1 ранга.
81. Ярина Иван Никитович, лейтенант.

Рогачевский район
1. Айтваров Захар Камзатович, лейтенант.
2. Алисов Николай Алексеевич, техник-лейтенант.
3. Антонов Василий Константинович, старший лейтенант.
4. Барыбин Борис Николаевич, старший лейтенант.
5. Беликов Сергей Иванович, офицер (звание не установлено).
6. Белов Евгений Александрович, старший лейтенант.
7. Беспалый Михаил Андреевич, лейтенант.
8. Бондаренко Александр Васильевич, младший лейтенант.
9. Борляков Кузьма Михайлович, лейтенант.
10. Брагин Иван Петрович, старший лейтенант.
11. Бровин Сергей Иванович, старший лейтенант.
12. Буценко Григорий Николаевич, военинженер 3-го ранга.
13. Василевский Иван Александрович, младший лейтенант.
14. Ведьгун Марк Тимофеевич, лейтенант.
15. Вергун Анатолий Андрианович, старший лейтенант.
16. Глущенко Николай Прокофьевич, майор.
17. Иванов Василий Иванович, офицер (звание не установлено).
18. Душкевич …, старший военфельдшер.
19. Епишкин Александр Гаврилович, лейтенант.
20. Еремин Иван Петрович, старший лейтенант.
21. Жигалев Дмитрий Иванович, лейтенант.
22. Житник Гавриил Семенович, лейтенант.
23. Климов Михаил Ануфриевич, старший лейтенант.
24. Копов Григорий Иванович, майор.
25. Кршевицкий Николай Иванович, лейтенант.
26. Кудрявец Иван Филиппович, лейтенант.
27. Ладыга Иван Григорьевич, младший лейтенант.

28. Ларченко Прохор Степанович, техник-интендант 1 ранга[3].
29. Назаров Александр Александрович, лейтенант.
30. Недух Василий Михайлович, младший лейтенант.
31. Оганезов Мелик Оветикович, лейтенант.
32. Олейников Яков Яковлевич, лейтенант.
33. Опенько Григорий Степанович, лейтенант.
34. Поляков Петр Филиппович, политрук.
35. Попов Николай Георгиевич, старший лейтенант.
36. Ребрин Александр Карпович (звание не установлено).
37. Савчук Иван Степанович, старший лейтенант.
38. Сельский Самуил Григорьевич, старший лейтенант.
39. Сергеев Иван Иванович, военврач 2-го ранга.
40. Сергейчик Александр Иосифович, старший лейтенант.
41. Середа Владимир Владимирович, лейтенант.
42. Слесоренко Юлиан Максимович, младший лейтенант.
43. Халько Архип Львович, офицер (звание не установлено).
44. Хоменко Анатолий Дмитриевич, младший лейтенант.
45. Цейко Александр Николаевич, младший лейтенант.
46 Чепелев Иван Иванович, офицер (звание не установлено).
47. Юранов Константин Тимофеевич, лейтенант.
48. Яковлев Иван Николаевич, воентехник 2-го ранга.

1. 1-й Белорусский фронт. Операция «Багратион»

По операции «Багратион», к сожалению, официальных документов о числе погибших там штрафников обнаружить пока не удалось. Надо полагать, что в те приказы, в которых перечислялись потери комсостава, потери бойцов просто «не уместились», есть в них только ссылки на списки в «делах разной переписки», до которых в ЦАМО не добрались.

Поэтому приведу только имена, которые сохранила моя собственная память.

Омельченко… (капитан-пограничник). Погиб при установке мин 30 июня 1944 г.

Петухов… старший лейтенант, летчик из авиадивизии Василия Сталина, умер от ран в медсанбате 26.07.1944 г.

2. Наревский плацдарм (Польша) 24–30 окт. 1944 г.

По уточненным данным в 2016 году числятся погибшими:

1. Агафонов Сергей Тимофеевич, командир стрелкового

взвода, лейтенант.

2. Баранков Владимир Павлович, командир стрелкового взвода, лейтенант.

3. Баранов Александр Иванович, командир роты ПТР воздушно-десантной бригады, старший лейтенант.

4. Безбородов Никита Яковлевич, командир автомобильного взвода, техник-лейтенант.

5. Березовский Михаил Меерович (должность и звание не установлены).

6. Герасимов Андрей Иванович, начальник отдела хранения склада НКО, старший техник-лейтенант.

7. Глухов Дмитрий Трофимович, командир стрелкового батальона, капитан.

8. Головачев Павел Михайлович, начальник техчасти танкового полка, старший техник-лейтенант.

9. Гузенко Константин Григорьевич, командир стрелковой роты, лейтенант.

10. Гусев Иван Михайлович (должность и звание не установлены).

11. Жигин Борис Павлович, командир танка, лейтенант.

12. Жукевич Василий Семенович, командир батареи 982-го артполка, капитан.

13. Зейналов Ибрагим Баладжа-Оглы, командир стрелкового взвода 444-го сп, лейтенант.

14. Кириллов Валентин Иванович, фельдшер 31-го отдельного артдивизиона, лейтенант медслужбы.

15. Кривошеев Михаил Деомидович, из резерва, капитан запаса.

16. Кукин Анатолий Андреевич, командир артбатареи, лейтенант.

17. Кулев Николай Васильевич, летчик-истребитель разведаэророты, младший лейтенант.

18. Лиманский Иван Яковлевич, ПНШ-1 стрелкового полка, капитан.

19. Михайлов Василий Владимирович, командир стрелкового батальона, капитан.

20. Непочатых Федор Петрович, начштаба стрелкового полка, капитан.

21. Николаев Петр Петрович, заместитель начальника коменданта СМЕРШ, капитан.

22. Никулин Григорий Васильевич, командир взвода, лейтенант.

23. Пандюрин Борис Николаевич, замнач. интендантского снабжения полка, лейтенант интендантской службы.

24. Пастухов Борис Андреевич, командир танковой роты, старший лейтенант.

25. Пашкин Валентин Алексеевич, командир стрелкового взвода, лейтенант.

26. Попов Георгий Александрович, помощник начальника отдела техснабжения 11-й ВА, старший техник-лейтенант.

27. Пошляков Иван Степанович, командир стрелковой роты 392-го сп, старший лейтенант.

28. Пушкин Павел Дмитриевич, комэск 56-го истребительного авиаполка, капитан.

29. Околов Серафим Михайлович, командир аэродромного полка 16-й ВА, майор.

30. Родин Александр Федорович, начальник разведки 4-й стрелковой дивизии, майор.

31. Савиных Георгий Степанович, командир стрелкового взвода 247-й сд, младший лейтенант.

32. Сафонов Захар Лукьянович, командир пулеметного взвода 27-го ОПРОСа, лейтенант.

33. Сидорюк Роман Захарович, командир учебного подразделения 37-й стрелковой дивизии, лейтенант.

34. Сиперштейн Моисей Давыдович, командир САУ 1221-го артполка, лейтенант.

35. Смертин Константин Алексеевич, командир стрелковой роты, старший лейтенант.

36. Смирнов Михаил Филиппович, командир танка 62-го тп, лейтенант.

37. Старцов Тимофей Гаврилович, офицер Новосибирского РВК, звание не установлено.

38. Худяков Никита Кириллович, командир роты автоматчиков стрелковой бригады САВО, младший лейтенант.

39. Чеусов Михаил Андреевич, командир радиовзвода 6-й ВА, младший лейтенант.

40. Чирцов Прокофий Григорьевич, командир взвода 220-й роты подвоза горючего, старший лейтенант.

41. Чуркин Михаил Игнатович, начальник опергруппы Харьковского р-на ПВО, старший лейтенант.

42. Ястребков Георгий Иванович, командир 5-й отдельной бронетанковой роты, капитан.

3. Берлинская операция, форсирование Одера

16–17 апреля 1945 года

Поскольку по имеющимся в моем ведении единичным фрагментам приказов о боевых потерях при форсировании р. Одер удалось собрать очень неполный список погибших бойцов-переменников, а по другим архивным документам установить это не удалось, публикуемый список далеко не полный.

1. Абрамов Роман Евстафьевич, гвардии лейтенант.
2. Алферов Леонид Александрович, капитан.
3. Бабок Константин Иванович, старший лейтенант.
4. Вагин Семен Федорович, младший лейтенант (утонул в Одере[4]).
5. Гращенко Адам Захарович, техник-лейтенант (утонул в Одере).
6. Гришин Иван Гаврилович (звание не установлено).
7. Гуменюк Василий Федорович старший лейтенант инт/сл.
8. Донсков Виктор Степанович, лейтенант (утонул в Одере).
9. Емельянов Леонид Львович, старший лейтенант инт/сл.
10. Житомирский Семен Петрович, старший техник-лейтенант.
11. Кириллин Владимир Ильич, лейтенант.
12. Красников Алексей Григорьевич, техник-лейтенант (утонул в Одере).
13. Манжосов Владимир Захарович, младший лейтенант инт/сл. (утонул в Одере).
14. Мойкин Николай Спиридонович, капитан.
15.[5] Резник Петр Емельянович, старший лейтенант (утонул в Одере).
16. Розенблюм Исаак Григорьевич (звание не установлено).
17. Смешной Павел Антифеевич, старший техник-лейтенант.
18. Сосенко Павел Иванович, младший лейтенант.
19. Спицын Григорий Сергеевич, лейтенант (утонул в Одере).
20. Степанов Петр Степанович, старший лейтенант.
21. Тафипольский Израиль Лазаревич, гв. лейтенант.
22. Тихонов Олег Сергеевич, техник-лейтенант (утонул в Одере).
23. Тюремских Григорий Васильевич (звание не установлено).
24. Ханджин Валентин Викторович, младший лейтенант.

На этом я заканчиваю публикацию пока известных мне фамилий погибших в боях офицеров-штрафников 8-го ОШБ. Они установлены по разным документам, имевшимся в нашем распоряжении. Естественно, полный список штрафников, погибших в годы Великой Отечественной войны, поместить в одном, даже самом большом, томе нереально. Может быть, это станет возможным на специальном «штрафбатовском» сайте в

Интернете, если таковой будет создан. Тогда можно будет узнать имена тех, кто жизнь свою положил ради искупления своей вины перед Родиной, какова бы ни была эта вина, ради возвращения честного имени советского офицера.

Прошу читателей простить мне эту попытку сегодня, но, может быть, она поможет кому-то найти своего родственника, судьба которого завершилась в штрафбате. И если это будут даже единичные случаи, как оно случалось уже неоднократно, я буду рад тому, что этому помог мой труд над сей книгой и огромная помощь архивариусов и поисковиков, коим моя величайшая благодарность.

Пусть вечная память о тех, кого уже нет в живых, о погибших на поле боя послужит данью признательности и благодарности за их подвиги во имя любви к своей Родине в те далекие, но незабываемые годы. Как к месту здесь слова великого Расула Гамзатова:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Потомкам нашим хочу пожелать вспоминать о штрафниках, которые, сознавая свою «меру штрафа», были не «лагерной рваниной», не безоружной массой, якобы расстреливаемой с одной стороны немцами, а с другой — пулеметами заградотрядов.

Пусть в памяти поколений будут они теми солдатами, «с кровавых не пришедшими полей», «белыми журавлями», которых воспевал великий поэт советского Дагестана. Пусть помнятся они и будут примером такой же безграничной любви к земле отцов и матерей своих, такой же готовности в случае необходимости встать на ее защиту, какими в любых условиях обладали многие из их предшественников в годы Великой Отечественной войны.

Слава им во веки веков!

Глава 21
Преступления, искупление вины, раскаяние или покаяние

Наша жизнь не от нас зависит; у нас у всех есть один якорь, с которого, если сам не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга.

И. С. Тургенев

Мужество есть презрение страха. Оно пренебрегает опасностями, грозящими нам, вызывает их на бой и сокрушает.

Л. Сенека-младший

Они попали, кто за что, в штрафбат:
Кто за проступок тяжкий, кто за мелочь,
И, как везде, с достатком тут имелось
Таких, кто был не слишком виноват.

Е. Евтушенко

Перейдем к одной из главных частей нашего повествования, где попытаемся сделать основные выводы о виновности и степени вины тех, кого направляли в штрафные формирования, мерах наказания за них, соответствии этих мер фактическому составу преступлений, о реальном искуплении вины штрафниками или даже их покаянии. Хочу сразу предостеречь читателя, что это будет не научно-юридический исследовательский манускрипт, а только рассуждения человека, проведшего в офицерском штрафбате командиром взвода и роты полтора года, поэтому основные положения рассмотрены на фоне офицерского штрафбата с привлечением некоторых документов и свидетельств, касающихся отдельных армейских штрафных рот

(ОАШР).

1. Итак, состав преступлений и меры наказания. Или за что направлялись в штрафбаты

Люди наказываются не за грехи,
а наказываются самими грехами.

Л. Толстой

За преступлением следует наказание.

Древнеримский поэт Гораций

Прежде всего нужно сразу определиться, что штрафбатов неофицерских не было, и не следует путать их с армейскими штрафными ротами, как это часто делают недобросовестные или неграмотные литераторы и кинодеятели. Переменный («штрафной») состав штрафных батальонов комплектовался исключительно офицерами: либо по приговору военного трибунала, либо по приказу командира.

Итак, в штрафбаты попадали только штрафники-офицеры, хотя и разные. Были, прямо скажем, хотя и единичные, но патологические трусы, были случаи членовредительств и даже перебежек к врагу. Но в абсолютном большинстве это были люди, имеющие достаточную военную подготовку, твердое понятие об офицерской чести, стремившиеся скорее вернуться в офицерский строй. А это, естественно, могло наступить только после участия в бою в составе штрафного подразделения.

Сроки пребывания штрафников по болезни (не по ранению) или штрафбатов (рот) на формировании в зачет не шли. Понимали штрафники, что им именно сталинским приказом «Ни шагу назад!» была определена судьба быть в передовых боевых отрядах, используемых на наиболее трудных участках фронта. Иногда, не часто и, прямо скажем, без гордости, но называли штрафники свое временное, не очень надежное и ласковое пристанище «сталинским штрафбатом», естественно, не в смысле «сталинские соколы», а по авторству главного создателя штрафбатов. И, если штрафбат долгое время находился на формировании или на подготовке к боевым действиям, всем известные слова популярной песни «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин» чаще произносились в смысле «Ну, когда ж нас

в бой пошлет товарищ Сталин?».

За что военнослужащие направлялись в штрафные роты и батальоны, определено самим Приказом № 227, коим и создавались эти подразделения. Приказом же предписано направлять в штрафбаты «средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины». В армейские штрафные роты направлялись рядовые и сержанты по тем же признакам.

Направить офицера без приговора военного трибунала мог командир дивизии или более высокий начальник, но только за трусость или неустойчивость на поле боя. При всех других воинских или общеуголовных преступлениях судьбу виновного определял военный трибунал. При этом все направляемые в штрафбат лишались на время пребывания в нем офицерского звания и имевшихся к тому времени у них наград. Так сказать, становились «временными солдатами». Рядового или сержанта мог направить без суда командир полка и выше. При этом командиры, направлявшие провинившихся в штрафное подразделение, устанавливали сроки «штрафа», от 1 до 3 месяцев. Военным трибуналам тоже были установлены подобные «нормы»: лишение свободы на срок 8-10 лет заменять 3 месяцами «штрафа», 5–8 лет — 2 месяцами, а менее 5 лет — 1 месяцем.

Из донесений штаба нашего штрафбата (документы ЦА МО в Подольске) и целого ряда других документов можно представить переменный (штрафной) контингент батальона. Например, за период со 2 октября 1942 года по 1 января 1943 года в 8-й штрафбат поступило 154 осужденных военными трибуналами за различные преступления и 177 — по приказам командиров дивизий и выше — за трусость, неустойчивость, а также и другие прегрешения, и не только на поле боя. Как видно, командиры дивизий и выше «работали» в этом плане даже активнее, чем трибуналы.

Замена лишения свободы направлением в штрафную часть была не только прерогативой военных трибуналов. Отсрочку исполнения приговора с направлением осужденного на фронт судебные органы должны были оговаривать в самом приговоре. Установлена такая практика и Совместным Приказом № 004/0073/006/23сс от 26 января 1944 г. заместителя наркома обороны маршала А.М. Василевского, наркомов внутренних дел, юстиции и Прокурора СССР. Этим и другими подзаконными

актами был установлен единый порядок применения отсрочки исполнения приговора с направлением осужденных в действующую армию, и не только в штрафные части. При малых сроках наказания такими осужденными могли комплектоваться и обычные, не штрафные стрелковые части.

Категорически запрещалось применять отсрочку к осужденным за контрреволюционные преступления, так называемым врагам народа и вообще осужденным по известной 58-й статье, а также за бандитизм, разбой, грабежи, к ворам-рецидивистам, «ворам в законе», лицам, имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные выше преступления, а также неоднократным дезертирам из Красной Армии. Они должны были отбыть весь положенный срок именно в учреждениях исполнения наказания. Исключение было сделано лишь для спецпереселенцев, бывших кулаков, осужденных по 58-й статье УК РСФСР.

Что касается других репрессированных по ст. 58, кого, по мнению некоторых «историков», в том числе и автора известных фильмов серии «Утомленные…» Михалкова, прямо из лагерей эшелонами отправляли в штрафные подразделения, то этого не было и быть не могло. Их и близко к фронту не подпускали, даже с фронта увозили подальше в тыл, примером чему может служить факт с известным фронтовым антисоветчиком Солженицыным.

Нечистоплотные «историки» и русофобствующие деятели от киноиндустрии упорно закрывают глаза на то, что по ходатайству лично Л.П. Берия Президиум Верховного Совета СССР трижды (12 июля, 10 августа и 24 ноября 1941 г.)принимал Указы об амнистии и освобождении некоторых групп заключенных ГУЛАГа. Они сразу же организованными командами направлялись из мест заключения для формирования новых (не штрафных, а обычных стрелковых) воинских частей. Только по этим трем указам на комплектование подразделений РККА было передано 750 тысяч амнистированных граждан СССР. Если исходить из норматива штатной численности стрелковых дивизий 1941 г. в 14,5 тысячи человек, то этим контингентом могли быть укомплектованы почти 52 дивизии. В начале 1942 г. были освобождены еще 157 тысячи человек. Всего же за годы войны в обычные части Вооруженных сил было направлено 975 тысяч амнистированных и освобожденных из заключения граждан СССР.

О контингенте армейских штрафных рот мне написал бывший командир 11-й штрафроты 11-й Гвардейской армии 3-го Прибалтийского фронта, ныне здравствующий лейтенант в отставке Владимир Иосифович Ханцевич из Хабаровска:

«Наша ОАШР комплектовалась из осужденных военным трибуналом рядовых и сержантов, а вовсе не из уголовников и „политических преступников“, как сегодня утверждают некоторые журналисты, „перелицовывающие“ историю. Переменный (рядовой) состав формировался из осужденных, а также из освобожденных из лагерей в составе специальных команд, прибывавших на фронт. Тогда удовлетворялись и заявления некоторых заключенных, их отправляли на фронт для искупления своей вины в боях за Родину.

Сформировали 4 взвода, выдали оружие и снаряжение. Взвод автоматчиков был сформирован из тех, кто уже участвовал в боях, остальные три взвода были стрелковыми. В числе пополнения однажды прибыли осужденные военным трибуналом бойцы из частей Дальневосточного фронта. Среди них оказалась группа пожилых солдат-охотников, они занимались заготовкой мяса в дальневосточной тайге. Пушнину и часть добытого мяса распродали местному населению, попались, конечно, за что были осуждены и отправлены в штрафную роту».

Из мест заключения в штрафбаты направлялись и осужденные офицеры. Конечно, таких «зэков» не везли эшелонами в штрафбаты, как пытаются убедить телезрителей авторы «развесистой клюквы», скандально известного сериала «Штрафбат». Теперь, видимо, уже многие знают, что примерным поведением и даже своеобразным соревнованием они буквально завоевывали это право защищать Родину с оружием в руках, а не быть подконвойными в тяжелое для страны время.

Именно патриотизм был побудительным мотивом и у осужденных, и заключенных, добивавшихся только после серьезной проверки их истинных намерений направления на фронт, и, как правило, воевали они отважно. Четко сознавали эти бойцы, что на фронте опасность для жизни гораздо выше, чем при отбывании сроков хоть и в нелегких условиях ГУЛАГа, тюрем и исправительных колоний, но добивались этого права, чтобы своим личным участием в священной войне искупить вину за содеянное преступление перед народом и Родиной.

В таких случаях признанных годными к службе в действующей армии военкоматы принимали в местах заключения и самостоятельно отправляли их в пункты сбора (штрафные формирования военных округов). Там их содержали под охраной, а непосредственно в штрафные части отправляли небольшими

группами в сопровождении опытных и энергичных офицеров, сержантов и красноармейцев, способных поддержать строгий порядок и дисциплину в пути. Отдельных из них, с учетом их характеристик, могли отправлять и без сопровождения. Срок пребывания в штрафной части им определялся непосредственно на фронте.

О тех, кто был признан негодным к службе в действующей армии, военкоматы в трехдневный срок извещали суд или военный трибунал, вынесший приговор. В этом случае выносились определения об отмене отсрочки, их возвращали в места заключения.

Перед Берлинской операцией ко мне в роту прибыл пожилой штрафник, техник-интендант 1-го ранга Прохор Путря. Помнится, был он на 2 года старше нашего XX века (1898 года рождения), несколько лет отсидел в тюрьме за то, что, будучи начальником отделения одного из военных складов, допустил какие-то серьезные нарушения вроде незаконной продажи лесоматериала и получил по законам военного времени несколько лет заключения. Угрызения совести за то, что почти всю войну, когда страна воюет, он провел не с оружием в руках, а под стражей, заставили его проситься на фронт. Не сразу удалось, но наконец заменили ему, 47-летнему офицеру, оставшийся срок штрафбатом. Повезло ему, выжил, реабилитирован.

В соответствии с законодательными актами того времени в штрафбаты направлялись:

— офицеры военкоматов, не обеспечившие сохранность и законное использование бланков воинских документов — военных билетов и документов об освобождении от воинской обязанности;

— работники военно-врачебных комиссий, незаконно дающие отсрочки от призыва по мобилизации;

— должностные лица, по вине которых войска плохо обмундированы, виновные в бесконтрольном расходовании горючего;

— командиры подразделений, не обеспечившие охраны трофейного имущества, и даже за разбазаривание подарков воинам Красной Армии.

Подлежали также направлению в штрафные части:

— военнослужащие за продажу вещевого имущества, незаконно прибывавшие из действующей армии в тыл страны, а также уклоняющиеся от воинского учета или призыва на военную службу;

— граждане, уклоняющиеся в военное время от трудовой

повинности для выполнения оборонных работ, заготовки топлива, охраны путей сообщения, сооружений, средств связи, электросетей;

— рабочие, служащие и инженерно-технические работники близких к фронту районов, переведенные на положение мобилизованных, самовольно покинувшие учреждения;

— строители вольнонаемного состава, занятые на возведении оборонительных рубежей, переведенные на положение состоящих в рядах Красной Армии, совершившие преступления.

Кроме того, действовали некоторые документы, изданные в развитие приказа «Ни шагу назад!».

Приказом № 0685 от 4.11.1942 года Наркома Обороны И.Сталина было установлено:

> «Летчиков-истребителей, уклоняющихся от боя с воздушным противником, предавать суду и направлять в штрафные части в пехоту». К слову, офицеры-авиаторы, летчики, техники и другие авиаспециалисты не были редкостью в нашем штрафбате. Например, капитану Виноградову Александру Ивановичу, помощнику командира 813-го авиаполка по строевой части, трибунал 16 ВА «за халатность» присудил 10 лет исправительно-трудовых лагерей или 3 месяца ШБ. В чем заключалась эта «халатность», повлекшая за собой такую строгую кару, мне установить не удалось. Вероятно, то была гибель людей или авиатехники из-за «халатности» офицера, а может, его бездействия.

Несколько других «авиационных» примеров из нашего батальона.

Летчик, майор Тереков Николай Семенович, зам. начальника по летной части Высшей офицерской школы ночных летчиков АДД, военным трибуналом за катастрофу самолета осужден на 10 лет ИТЛ, направлен в штрафбат на 3 мес. Штрафник Н.С. Тереков воевал у нас в 8-м ОШБ в роте у капитана Ивана Бельдюгова. В начале Висло-Одерской операции при взятии Варшавы 14 января 1945 г. был тяжело ранен и эвакуирован в 61-й медсанбат 23-й стрелковой дивизии 61-й армии, где 15.01.1945 г. умер от ран. (Документальный материал о нем передал мне в 2013 году его внук Андрей Антонович Изотов из Борисова, Беларусь.)

Конечно, уничтожение боевой техники до ее поступления на фронт во время войны каралось очень жестко. Страна в крайнем напряжении производила новые самолеты, на небогатые золотовалютные средства закупала их по ленд-лизу, а тут целый

бомбардировщик уничтожен. Между прочим, стоимость одного истребителя во время войны — 100 тысяч тогдашних рублей, бомбардировщиков — в 2–3 раза больше. А жесткое наказание за причиненный государству ущерб по тогдашнему законодательству применялось уже с уровня 50 рублей, не то что в наше, постсоветское время, когда расхитителей миллиардных сумм амнистируют или ограничивают домашним арестом в богатейших апартаментах.

В апреле, к Берлинской операции, ко мне в роту попал боевой летчик, кавалер двух орденов Боевого Красного Знамени, старший лейтенант, имевший весьма необычную фамилию — Смешной. До штрафбата, перегоняя новые истребители с авиазавода на фронтовой аэродром, Смешной как командир группы допустил авиакатастрофу. Один из его подчиненных по непонятной причине то ли не справился с управлением, то ли решил испытать в полете новую машину в недозволенном во время перегона режиме («черных ящиков» тогда не было), разбил ее и погиб сам. Из-за ухарства подчиненного комэск Смешной и загремел в штрафбат на 2 месяца. Жестоко? Но ведь и война еще более жестока, там даже малейшая недисциплинированность приводит к колоссальным людским потерям.

В штрафбате Смешной воевал более чем достойно и пал смертью храбрых в бою за плацдарм на Одере. Я даже пытался добиться представления его к геройскому званию, но штрафникам этого не суждено. Летчиков, осужденных за трусость или уклонение от боя за полтора года моей службы в штрафбате видеть не довелось. Однако летчики попадали в штрафбаты не только за утрату самолетов не в боевой обстановке.

Известный историк Арсен Мартиросян поведал о герое Балтики, командире эскадрильи истребителей капитане Костылеве Георгии Дмитриевиче:

> «В октябре 1942 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза, а в феврале 1943 г. он загремел в штрафбат. В краткосрочном отпуску в блокадном Ленинграде Герой как знаменитость попал в гости к майору-интенданту, увидел там изысканные яства на драгоценной посуде и коллекционные вина. Сын блокадницы, Георгий в благородной ярости разнес это гнездо „пира во время чумы“, порядком избил майора интендантской службы. Не спасли Костылева ни слава лучшего летчика Балтфлота, ни геройское звание: через несколько дней он был направлен в штрафбат на

Ораниенбаумский плацдарм. Если бы он сдал представителям органов эту тыловую крысу, то уж те с ним разобрались бы по всем правилам военного времени и отправили бы его в штрафбат вместо Костылева.

Однако настолько справедлив был его благородный гнев, что Господь Бог уберег его. Через некоторое время он вернулся в авиацию».

Перейдем от летчиков к другим приказам И.В. Сталина.

Приказом № 0374 от 31.05.1943 г. «за преступное отношение к вопросам питания красноармейцев» был снят с поста Начальника тыла фронта генерал-майор П.Е. Смокачев. Военному совету фронта было предписано «виновных в перебоях в питании бойцов или недодаче продуктов бойцам направить в штрафные батальоны и роты». Конечно, интенданты, пускавшие «налево» солдатские пайки, нередко и справедливо бывали среди штрафников нашего батальона.

Или вот выдержка из другого приказа Сталина, № 0023 от 9 июня 1944 г.:

«…В эшелоне с маршевым пополнением в результате нераспорядительности офицерского состава красноармейцы, подобрав неразорвавшуюся мину, начали ею разбивать доски для разведения костра, и от разрыва этой мины было убито 4 и ранено 9 человек…

…4. Военному совету Харьковского военного округа офицерский состав эшелона, проявивший во время происшествия бездействие, лишить военных званий и отправить в штрафную часть».

Издавали подобные приказы и заместители наркома обороны (НКО).

Из приказа № 0112 от 29 апреля 1944 г. Первого заместителя Сталина, маршала Жукова:

«…1. За оставление противнику выгодных позиций и непринятие мер к восстановлению положения, за проявленную трусость, ложные доклады и отказ от выполнения поставленной боевой задачи командира 342-го гвардейского полка 121-й Гвардейской стрелковой дивизии гвардии подполковника Ячменева… для искупления своей вины перед Родиной направить в штрафной батальон сроком на два месяца».

Заместитель НКО, командующий гвардейскими

минометными частями РККА генерал-майор артиллерии В.В. Аборенков установил приведение в 58-м Гвардейском минометном полку в полную негодность 80 % автомашин. Приказом № 0682 от 10.09.1942 г. «виновных за преднамеренную порчу автомашин приказано расстрелять перед строем, а за небрежное отношение к боевой технике немедленно направить в штрафные батальоны».

Жестоко, но и справедливо, время было суровое, враг уже был на Волге, приказ «Ни шагу назад!» издан лишь немногим больше месяца до этого. Вспомните подвиг батареи «катюш» капитана Флерова под Оршей. Там только одна батарея один залп дала, а какой эффект! Такие батареи, дивизионы на фронте обеспечивали выполнение боевых задач крупного масштаба, где ситуация была крайне напряженная. А здесь целый полк «катюш» приведен в небоеспособное состояние!

Еще один приказ НКО СССР № 0931 от 4 декабря 1942 г., подписанный заместителем наркома, начальником Главного Политуправления Красной Армии генерал-полковником А.С. Щербаковым, о наказании должностных лиц Военно-политического училища им. М.В. Фрунзе:

> «Питание личного состава организовано из рук вон плохо, столовая военторга полная мусора и грязи. На две тысячи питающихся в столовой всего 44 тарелки… Завтраки получали в 15–16 часов, обеды в 4–5 часов ночи, на ужин времени не оставалось… Личный состав находился в исключительно безобразных бытовых условиях. Многие спали на грязном полу, на голых нарах, без постельных принадлежностей. Регулярное мытье людей в бане, санобработка помещений не производились. В общежитиях развелись клопы, люди завшивели».

Начальник училища и начальник политотдела лишились своих должностей, а помощник начальника училища по МТО майор Копотиенко и начальник ОВС старший лейтенант интендантской службы Говтвяница — сняты с должностей и направлены в штрафной батальон.

Были и приказы, конкретно определяющие вину, за которую направление в штрафные части решалось только военными трибуналами. В Приказе № 0882 от 4.11.1942 г. заместитель наркома обороны СССР, начальник Главупра формирования и укомплектования войск НКО СССР Е. А. Щаденко категорически

потребовал: «Если будет установлено, что военнослужащий симулирует болезнь или членовредитель, предавать суду, а осужденных немедленно отправлять в штрафные части действующей армии». Это понятно, здесь без экспертиз не обойтись.

Обратим внимание на предоставленное Приказом № 227 право командирам (в отношении рядовых и сержантов — от командира полка, а в отношении офицеров — от командира дивизии и выше) определять своим приказом без суда наказание «провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости» с отправкой подчиненных в штрафные части.

Скажем откровенно: на практике был при этом и элемент субъективизма. У некоторых начальников не было желания или терпения соразмерять эти нарушения, и предоставленное им право они применяли часто в порядке дисциплинарной меры. Кому из нас, фронтовиков, не приходилось слышать от определенного типа начальников ставшую расхожей присказку «Пойдешь под трибунал!». Моя знакомая, бывшая над поручиком Войска Польского Валентина Казимировна Грабовская рассказывала, что даже командующий Армией Войска Польского генерал Берлинг мог пригрозить штрафбатом своему офицеру, если он, например, обогнал его без разрешения или даже неправильно отдал ему честь.

По свидетельству фронтовиков в этом смысле было допущено немало злоупотреблений. Причем не только на первых порах, когда по выходу в свет приказа № 227 иные командиры, высокие политработники типа Мехлиса да и некоторые особисты взялись ретиво «перевыполнять» его, направляя в штрафные части подчиненных якобы «за проявление трусости или неустойчивости».

Вот конкретный случай, когда комдив некорректно, а точнее говоря, бессовестно применил свое право направлять в штрафбат без суда «за трусость или неустойчивость в бою».

В моей роте в октябре 1944 года погиб в бою штрафник богатырского роста, бывший майор Родин, командир разведроты 4-й стрелковой Бежецкой дивизии, направленный комдивом в штрафбат «за трусость». Едва ли можно себе представить «трусом» разведчика, награжденного до этого за подвиги и героизм двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими боевыми наградами. Скорее, здесь либо личная неприязнь комдива, либо униженная им честь боевого офицера.

Читатель, видимо, помнит мистические совпадения в наших судьбах с этим майором или просто свидетельство невероятности переплетений военных дорог. Об этом я рассказывал в 15-й главе. Тогда я служил лейтенантом в подчинении майора Родина, заместителя командира запасного полка, а здесь он оказался штрафником в моей роте.

Продолжим, однако, исследование причин, по которым попадали люди в штрафные части.

Летом 1944 года ко мне во взвод прибыл штрафником капитан-лейтенант Виноградов, начальник радиомастерской Северного флота. При проверке отремонтированной корабельной рации он наткнулся на речь Геббельса. Хорошо владея немецким языком, перевел ее отрывки на русский в присутствии подчиненных. Направлен на 2 месяца в штрафбат «за пособничество вражеской пропаганде»…

Вот примеры из других штрафбатов. Вначале о сомнительных случаях, как у майора Родина.

— За непреднамеренное убийство (несчастный случай) лейтенант Ермак Владимир Иванович по приговору военного трибунала был направлен в 14-й ОШБ Ленфронта.

— Офицер А.И. Бернштейн (войска ПВО Ленинграда) «обругал по-матерному» оперативного дежурного штаба армии. Приказом по армии направлен в штрафбат сроком на 1 месяц.

— Петров Борис Иванович, младший лейтенант, командир взвода разведроты 160-й стрелковой дивизии, в июле 1944 года прибыл к нам в штрафбат по приказу комдива «за пьянку и круговую поруку». Трудно поверить и в это «преступление», так как боец-переменник Петров у нас отказывался даже от «наркомовской» дозы водки, а восстановлен был в офицерских правах досрочно, без ранения, за особые боевые заслуги.

— Полковник Николай Чернов, персонаж документального фильма «Подвиг по приговору» (2005 год, режиссер Фуад Шабанов), рассказал похожую историю. Старшим лейтенантом он, командир разведроты, трижды награжденный высокими орденами, попал в штрафбат, приняв на себя вину за проступки подчиненных. В других условиях, в подчинении другому начальнику, он получил бы в крайнем случае выговор.

Еще пример из этого же ряда. Наш батальон летом 1944 года стоял в обороне. Еще будучи командиром взвода, я принял штрафника — бывшего командира армейской штрафной роты майора Коровина, коего угораздило попасть к нам «за злостный обман, повлекший за собой умышленный перерасход

продовольствия». На самом деле его рота потеряла половину убитыми и ранеными за три дня ожесточенных боев за крупное село, а старшина роты, получая на складе продовольствие, забыл сообщить о потерях и получил все на полный списочный состав роты. Это когда через много лет после войны российские киношники на все лады убеждали зрителей, что штрафников вообще не ставили ни на какие виды довольствия, я вспоминал этот случай.

Образовался излишек и спиртного, и «закуски»! Решил ротный устроить поминки погибшим, заодно и «обмыть» награды. На «поминки-обмывку» заглянули офицеры из разведотдела штаба армии, даже некоторые члены армейского трибунала и прокуратуры, с кем комроты контактировал по службе.

Трибунал приговорил его к 10 годам ИТЛ, или 3 месяцам штрафбата. Не помешали этому его ордена Красного Знамени, Красной Звезды, медаль «За отвагу». Правда, вскоре пришло другое постановление того же трибунала об отмене приговора, и майор убыл в свою часть.

Есть примеры и другого порядка, кто по суду военного трибунала заслуженно оказался в нашем штрафбате (данные из копий приговоров по архивным документам ЦАМО РФ).

— Инженер-майор Семен Гефт, нач. автобронетанковой службы 3-й Гв. кавдивизии, за злоупотребление служебным положением, принуждение к половым связям подчиненных женщин-военнослужащих — 10 лет ИТЛ или 3 мес. ШБ;

— командир танка мл. лейтенант Пушкарев Владимир Никифорович из 73-й танковой бригады за утерю оружия — 4 года ИТЛ или 1 мес. штрафбата;

— лейтенант адм. службы Морозов Иван Кузьмич, 44-летний начальник продслужбы полка, за расхищение, нанесшее ущерб государству в сумме 31.600 руб. — 5 лет ИТЛ (2 мес. ШБ);

— капитан Хохлов Михаил Сергеевич, командир пулеметной роты запасной бригады, за самовольное оставление поля боя — 8 лет (2 мес. ШБ);

— капитан Кожемякин Александр Иванович, нач. связи минометного полка, за избиение подчиненного -5 лет (1 мес. ШБ);

— лейтенант ветслужбы погранотряда Разумов Илья Никитич, за хулиганство — 3 года (1 мес. ШБ);

— Петров Семен Иванович, старший лейтенант, командир отд. учебной роты 356 сд за вшей и тиф в роте, 5 лет ИТЛ (2 мес. ШБ);

— Павлов Федор Александрович, мл. лейтенант ком. взвода связи 61 А, за опоздание и пьянку — 10 лет ИТЛ (3 мес. ШБ).

Можно приводить сотни других примеров из нашего ШБ, но для широты охвата приведем некоторые данные из других источников.

Например, в книге доктора юридических наук Юрия Рубцова «Штрафники не кричали: „За Сталина!“» рассказывает подполковник в отставке Н. Тарасенко: «В штрафной батальон я был направлен военным трибуналом за утрату секретных документов. Среди моих собратьев по беде был капитан, командир парашютно-десантной роты, за сгоревшие при пожаре парашюты. Другой, тоже капитан, командир стрелковой роты, застрелил паникера».

Пример из 2-го Украинского фронта. Лейтенант Петр Амосов, командир саперного взвода: «Ставил немецкие противотанковые мины. На них погиб начальник политотдела 37-й армии полковник Емельянов. Не зная расположения переднего края, он на машине проскочил в сторону противника, мина сработала». Приказом комфронта Конева Амосов разжалован в рядовые, направлен в 15-й ОШБ.

Несколько примеров с 3-го Белорусского фронта:

— Лейтенант адмслужбы Идельсон Яков, завделопроизводством-казначей 45-й штрафроты 39-й армии. За мародерство, отобрание принадлежащего гражданскому населению имущества — 10 лет ИТЛ (3 мес. ШБ).

— Авоян Агаси Сакоевич, майор, командир батальона связи погранвойск НКВД, за неисполнение приказания в боевой обстановке — 5 лет ИТЛ (2 мес. ШБ).

— Лейтенант-артиллерист Баландин Евгений Федорович, получив отпуск после тяжелого ранения, «задержался» сверх отпуска, предъявил по возвращении в часть фиктивную справку о болезни. Погиб, провоевав в 10-м ОШБ всего 11 дней. (Материал от поисковика Геннадия Полубедова.)

С Южного фронта свидетельствует майор юстиции Зяма Яковлевич Иоффе, бывший военный следователь военной прокуратуры 58-й армии, затем помощник прокурора 52-й армии:

— За пять дней немцы наголову разбили стрелковый корпус. Приказом комфронта отданы под трибунал начштаба корпуса полковник Айвазов, командир полка майор Волков и один командир батальона. Все три офицера отправлены в штрафбат.

— Весной 1943 года на охрану побережья Азовского моря была поставлена рота старшего лейтенанта Канищева. Рядом стояли на переформировке остатки военной флотилии. Их катер

шел вдоль берега мимо позиций роты, и ротный отдал приказ: «Стрелять по катеру!» Бойцы отказались, сказав, что это свои, но Канищев сам огнем из пулемета убил стоящего на палубе катера главстаршину, одного из лучших моряков флотилии. Приговор трибунала — штрафбат.

С середины 1943 г. ход войны существенно изменился. Разгром немцев под Сталинградом, прорыв блокады Ленинграда, Курская битва и другие успехи подняли боевой дух армии, редки стали паника и отступления в бою, случаи самострелов, уклонения от боя. Зато в связи с освобождением многих областей возрос контингент штрафников из числа вышедших из окружения, а также бежавших из плена и тех из наших военнослужащих, кто остался на территории, оккупированной врагом, и не принимал активного участия в борьбе с оккупантами.

В период от подготовки Курской битвы до завершения операции «Багратион» переменный состав (штрафники) представлял собой примерно половину осужденных военными трибуналами и направленных приказами командиров. Вторая, иногда большая часть состояла из бежавших из плена, вышедших из окружения или бывших долгое время на оккупированной территории. Как правило, они после проверки органами «Смерш» из фильтрационных лагерей НКВД направлялись фронтовыми (армейскими) комиссиями в штрафбаты, штрафроты. Из определенной части офицеров этого контингента формировались и офицерские штурмовые (нештрафные) стрелковые батальоны.

Бежавшие из плена под угрозой гибели от лагерной охраны иногда говорили: «Английская королева своих офицеров в подобных случаях орденом награждала, а нас — в штрафбат!» Конечно, неправомерно было всех, кто попал в немецкий плен, отождествлять с предателями, как упорно некоторые трактовали приказ Ставки № 270 от 16.08.1941, главный пункт которого гласил: «Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров».

В этом приказе главное внимание обращено на командиров и политработников, что я специально подчеркнул в приведенной выше цитате. Но стараниями «ретивых исполнителей» типа главного политработника Мехлиса, которого многие называли не иначе, как «армейским инквизитором 1-го ранга», это положение стали распространять на всех, кто бывал во вражеском плену. У Константина Симонова в книге «Глазами человека моего

поколения» (М.: АПН, 1988) есть запись мнения маршала Жукова: «У нас Мехлис додумался до того, что выдумал формулу: „Каждый, кто попал в плен, — предатель Родины“… По теории Мехлиса выходило, что даже вернувшиеся, пройдя через этот ад, должны были дома встретить такое отношение к себе, чтобы они раскаялись в том, что тогда, в 41-м или 42-м, не лишили себя жизни… Как можно требовать огульного презрения ко всем, кто попал в плен в результате постигших нас в начале войны катастроф!»

Известно, что были многочисленные случаи заброшенных к нам групп диверсантов из числа военнопленных, завербованных фашистами и подготовленных в спецшколах абвера, предателей, согласившихся на сотрудничество с врагом. Издержки проверок того времени не давали гарантии на абсолютную достоверность их результатов. Действительно, не мог же наш «смершевец» позвонить каким-нибудь штандартенфюрерам Миллерам, чтобы навести справки о таком-то бывшем пленном. Поэтому все-таки единственно правильным решением было направлять в штрафные части для «проверки боем» тех, чью благонадежность не удавалось установить достоверно. Вот и направляли соответствующие комиссии подряд многих бывших пленных или находившихся в окружении в штрафные формирования, где сама боевая обстановка определяла ту самую благонадежность.

На 1-м Белорусском фронтовая комиссия состояла из председательствующего — представителя политуправления фронта и двух членов — старшего оперуполномоченного контрразведки «Смерш» при 29-м ОПРОСе и заместителя командира этого полка резерва офицерского состава по политчасти. Выводы комиссия излагала в протоколе. После утверждения протокола на титульном листе командующим фронтом и членом Военного совета он обретал силу приказа. Так, например, по протоколу № 61 от 16 мая 1944 г. в 8-й ОШБ были направлены 52 человека. Вот пример выписки из этого протокола:

> «Жданов Петр Григорьевич — воентехник, начальник оружейной мастерской 77-го стрелкового полка 10-й дивизии НКВД, 1911 года рождения, уроженец города Быхов Могилевской области. Попал в окружение с группой из 30 человек 3.08.1941 года, был ранен… Повернул назад в свой город Быхов и почти 2 года жил, занимаясь сельским хозяйством. В октябре 43-го года вступил в 152-й партизанский отряд 11-й бригады, где был командиром взвода до соединения с частями Красной Армии 24.02.44 г., после чего направлен в 58-й

армейский запасный стрелковый полк. Документов, подтверждающих правдивость изложенного, никаких нет. Жданова П.Г. направить в штрафной батальон сроком на 1 месяц».

Если же иметь в виду, что более 2 лет 30-летний Жданов в Быховском районе Белоруссии не нашел возможности стать партизаном, когда там, как известно, уже очень активно действовала 11-я Быховская партизанская бригада Ф.П. Подоляна. В этом партизанском соединении на Быховщине сражались тогда более 4 тыс. партизан, пустивших под откос 110 эшелонов, повредивших 97 паровозов. Они сожгли 1088 вагонов, платформ и цистерн, 59 танков и бронемашин, уничтожили свыше 7 тысяч вражеских солдат и офицеров. Если эта 11-я бригада расформировалась сразу после освобождения района, то подтвердить участие Жданова в течение 5 месяцев в роли комвзвода могли и свидетели, но «правдивость изложенного» не подтвердилась. Единственно правильным было проверить Жданова штрафбатом в бою.

С бывшим штрафником нашего 8-го ОШБ Басовым Семеном Емельяновичем я дружил много лет после войны и хорошо знал его историю. Будучи в 1941 году военинженером 3-го ранга в Киевском укрепрайоне, попал в плен, с риском для жизни бежал, но линию фронта не перешел, остался в оккупированном родном Фатеже. После освобождения города в марте 1943 года комиссией был определен в штрафбат на 2 месяца. Вспоминая прошлое, бывший штрафник Басов, недавно закончивший свой земной путь в 95 лет уже полковником в отставке, вспоминал: «В комиссии задавали вопрос бывшим пленным: „Почему не застрелился, а сдался?“ О штрафбате, в котором он „смывал вину“ перед Родиной, был ранен, восстановлен в офицерских правах, говорил так: „Я сожалею, что оказался невинным штрафником. Но горжусь тем, что я оказался в особо упорном, особо дерзком и отважном штрафбате. В нем все мы были объединены не одной обидой или несчастьем, а одной бедой, свалившейся на нас, одной ненавистью к врагу, одной любовью к своей Родине — Советскому Союзу“.»

Вот судьба другого штрафника нашего батальона, бывшего воентехника автомастерской 76-го зенитного артполка 5-й армии Лебедева Максимилиана Сергеевича. В сентябре 1941 г. он попал в окружение в Курской области. Он объяснял, что маленьким отрядом нападали в лесах на небольшие группы немцев, а в январе 1943 г. удалось выйти к своим. Был на «фильтрации» 3 месяца, подтверждений о нападении на немцев не нашлось, и

фронтовая комиссия определила в штрафбат «по недоверию».

Итак, даже по приказам НКО, примерам, приведенным выше, можно определить, что диапазон преступлений военного времени, за которые наступало наказание штрафбатом или штрафной ротой, был от простого хулиганства, пьянства, опозданий до преднамеренного вывода из строя боевой техники, утраты оружия, от нанесения материального ущерба и преступной халатности до невыполнения боевого приказа.

Но наказания за мнимую вину следовали также при отсутствии доказательств о явных активных действиях против оккупантов по ту сторону фронта в случаях окружения или пленения противником, а также длительного нахождения на оккупированной территории без явного противодействия ему. Видимо, было не до «презумпции невиновности», хотя и здесь бывали перегибы.

При таком широком диапазоне преступлений в целой системе наказаний, определенных приказом «Ни шагу назад!», предусматривалось лишь три варианта наказаний: 1, 2 или 3 месяца пребывания в штрафной части.

2. Искупление вины и освобождение от наказания

Будь разумен, укрепляй свой дух в борьбе.
Лишь бездарный покоряется судьбе.

Абай Кунанбаев

Я должен что-то предпринять,
Обязан догадаться,
Какой-то выход отыскать,
Добиться, состояться!

Роман Борисов

Весьма редко, но все-таки бывали случаи, когда трибуналы пересматривали дела осужденных и отменяли приговоры, что, естественно, снимало с них и наказание штрафбатом. Например, о том же командире 191-й штрафной роты 48-й армии майоре Коровине. Трибунал вскоре пересмотрел дело и вынес постановление об оправдании, а майор отправился командовать своей штрафротой. Подобные случаи были, хотя и очень редкие, но я не помню случая, чтобы комдив или командарм, направивший своими правами без суда в штрафбат подчиненного, отменил бы свой приказ и вернул его.

Искупление вины и освобождение от наказания «штрафом», как это установлено «Положением о штрафных батальонах (армейских ротах) действующей армии», имели, как и наказания штрафбатом, тоже три градации.

Первая — в отношении совершивших подвиг, т. е. проявивших исключительное мужество и храбрость — досрочно решением Военного совета фронта (армии) по ходатайству командира штрафного подразделения. Уже в марте 1943 года военный трибунал Воронежского фронта снял судимость с 767 «штрафников» досрочно.

Вторая — искупление кровью, т. е. получение ранения с госпитализацией. И третья — отбытие срока наказания (1–3 мес.).

Гибель в бою считалась почетной, наравне с гибелью в

обычных частях сотен и тысяч честных воинов, не имеющих никакой вины перед Родиной, и снимала всякую вину при любом сроке наказания, но все-таки фраза Сталина из приказа № 227 «искупить кровью» продолжает быть основной при рассуждениях несведущих людей о штрафниках.

Однако рассмотрим именно самое первое основание — подвиг, боевое отличие. До сего времени мало что известно о многочисленных, порой массовых примерах доблести и героизма, проявленных штрафниками. Нарушившие закон, но сохраненные для армии воины часто в короткий срок именно подвигом искупали свою вину. Наступал момент внутреннего преображения, момент осознания готовности к самопожертвованию, и эти люди становились едины в том, что в бой шли как на молитву и часто с раскаянием, а то и покаянием.

Приведем официальные цифры, позволяющие судить, кто и как покидал штрафные части за декабрь 1943 г., когда только наш 8-й и 33-й ОШБ Белорусского фронта понесли большие потери в боях под белорусским Жлобином, да шли еще Киевская оборонительная и Нижнеднепровская стратегические наступательные операции Украинских фронтов, не считая боев «местного значения».

Только за декабрь 1943 года из всех штрафных частей выбыло: 4885 — досрочно за боевые заслуги, 5317 — по отбытии срока. За то же время примерно 10 800 — по ранению и 5440 погибли. Сопоставим эти цифры: без «пролития крови» освобождено примерно столько же, сколько по ранению, а погибших лишь немного больше, чем освобождено за подвиги. И еще одна цифра: соотношение погибших и раненых здесь 1:2.

Вот несколько конкретных материалов, свидетельствующих о том, как штрафники решали проблему своей реабилитации проявлением исключительного мужества и храбрости.

Мы рассказывали уже, как «летчика от бога» Героя Советского Союза Георгия Костылева от штрафбата не спасли ни слава лучшего летчика Балтфлота, ни геройское звание. Через некоторое время капитан Костылев с восстановленным статусом Героя и в прежнем офицерском чине вернулся в авиацию, воевал в составе истребительного авиаполка БФ, сбил немалое количество вражеских самолетов. В 1944 г. Костылев был назначен главным инспектором истребительной авиации Балтфлота.

А вот другой случай, уже с «штрафницей». Приказом № 190 от 26 августа 1943 г. командир 8-го ОШБ подполковник Осипов

объявляет: «В период наступательных боев в районе деревни Соковники боец переменного состава Лукьянчикова Пелагея Ивановна, исполняя должность санитара роты, самопожертвенно (так в приказе), презирая смерть, оказывала помощь раненым на поле боя. В боях с 15 по 24 июля ею вынесено 47 раненых бойцов с их оружием. Отмечая героизм товарища Лукьянчиковой, объявляю ей благодарность и представляю к правительственной награде».

Как удалось установить, Пелагее Ивановне было 27 лет, она была награждена и восстановлена в офицерских правах, но погибла в боях в Польше 2 февраля 1945 года уже в своей части.

За мужество, героизм и боевые подвиги во время легендарного похода нашего 8-го ОШБ во вражеский тыл под Рогачевом, что подтверждают документы ЦАМО РФ, по ходатайству командира батальона Осипова решением командарма Горбатова и командующего фронтом Рокоссовского почти 600 человек из 800, то есть 2/3, досрочно восстановлены в офицерах. Все они бескровно искупили свою вину, в то время как были освобождены по ранению только 27 и полностью отбывших сроки наказания 48. Отдали свои жизни за Родину — 23 офицера-штрафника, то есть только около 3 %. Так что байки, будто за штрафбатами всегда были заградотряды, раненых добивали и из штрафников почти никто живым не возвращался, даже и не миф, а злонамеренная ложь.

Из Положения о штрафных частях известно, что за особые боевые заслуги штрафники могли награждаться орденами и медалями. Вот несколько примеров этому.

1. В операции «Багратион» наш штрафной батальон совместно с полком 38-й гвардейской дивизии завершал окружение Брестской группировки немцев из 4 дивизий. В течение более 3 суток мы удерживали бесчисленные попытки фрицев вырваться из кольца. По представлению комбата Осипова командующий 70-й армией генерал Попов В.С. Приказом № 078/н от 8.08.1944 года «За образцовое выполнение боевых задач командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» наградил орденами и медалями 66 бойцов-переменников, то есть почти 10 % штрафников.

При этом из них 10 орденами Отечественной войны II степени, 4 — орденом Красной Звезды и 52 штрафника медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». И ни одного ордена Славы, которые не были в почете у штрафников-офицеров, так как, будучи орденом солдатским, он выдавал на груди офицера его

пребывание в штрафбате, чего многие не хотели рекламировать. Учли и это все понимающие комбат Осипов и командарм Попов, воевавший за Брестскую крепость еще в 1941 году, о чем мне сообщили из мемориального комплекса «Брестская крепость-герой».

Представляете, каков был накал тех боевых дней и часов, как проявили там свое искупление «парии войны», которых, по мнению «знатоков», в атаку поднимали только «заградотрядовские» пулеметы. И как высоко оценило командование армии этот истинный подвиг героев, хотя давно известно, что далеко не все штрафники, заслуживавшие наград, их получали, ведь, образно говоря, из его подвига «вычиталась» вина, за которую он попал в штрафбат. И даже многие представленные к наградам не попадали в приказы или указы о награждении. Досрочное снятие судимости, которое штрафники и рассматривали как главную награду, военные трибуналы проводили прямо в расположении батальонов или рот, что утверждалось в приказах по фронту или армии.

2. За бои на Наревском плацдарме генералом Батовым П.И. приказом по 65-й армии № 458/н от 11.11.1944 г. награждено всего по армии 49 человек, в том числе по 8-му ОШБ орденами и медалями 11 офицеров командного состава, и ни одного штрафника. Видимо, комбат Батурин не представил из них никого или Батов посчитал это излишеством.

3. В боях за Варшаву, Штаргард, Альтдамм командующим 61-й армией генерал-полковником Беловым П.А. отдельным по 8-му ОШБ Приказом № 453/н 11.04.1945 г. было награждено 34 человека, в том числе комсостава 11, сержантов 2, а штрафников 21, в том числе орденами: Отечественной войны I степени — 1, II степени — 2, Красной Звезды — 4, Славы III степени — 4, медалью «За отвагу» — 10. Такое впечатление, что комбат Батурин специально представлял к солдатскому ордену Славы тех, кто снова станет в офицерский строй.

Рассмотрим примеры другой формы искупления — кровью, ранением в бою. Например, в отношении бывшего военнопленного Семена Басова приказом войскам Центрального фронта № 0601 от 25.08.1943 г. за подписью командующего фронтом генерала армии Рокоссовского и члена Военного совета генерал-майора Телегина значилось:

> «Проявивший в боях на фронте мужество, отвагу и получивший ранение в бою, отчисляется из Штрафного батальона, восстанавливается в правах начальствующего

состава и препровождается на ранее занимаемую должность бывший инженер технической роты 409-го Отдельного строительного батальона Киевского Укрепрайона военинженер 3-го ранга тов. Басов Семен Емельянович. В боях действовал смело и решительно, будучи наблюдателем, смело выдвигался за траншеи переднего края, своим наблюдением добывал ценные сведения о противнике. 15 июля 1943 года ранен и госпитализирован».

После штрафбата капитан Басов строил мосты и переправы через Вислу, Буг, Одер, много раз награжден орденами.

Аналогичным Приказом № 0615 «проявивший в боях за Родину мужество и отвагу и получивший ранение в бою, отчисляется из штрафного батальона, восстанавливается в правах офицерского состава и назначается на ранее занимаемую должность Лебедев Максимилиан Сергеевич. В боях действовал смело и решительно. В отражении неприятельской атаки 17.7.43 ранен и госпитализирован». К сожалению, Максимилиан Лебедев от тяжелого ранения скончался в декабре 1943 г. в Ташкентском эвакогоспитале № 3669, борясь за жизнь почти полгода.

Я уже не раз упоминал о том, что у нас в штрафбате были не единичными случаи, когда раненые штрафники оставались в боевых порядках и, уже получив право покинуть поле боя, из боевой солидарности оставались там, получая более тяжелые ранения или даже погибая. После тяжелого ранения под Брестом я выписался из госпиталя одновременно с одним штрафником, поведавшим мне историю своего ранения. Он и его друг, получив легкие ранения, после оказания им помощи в медпункте вернулись в боевые порядки и сражались, пока друг не погиб, а он был тяжело ранен. Подробнее об этом рассказано в 12-й главе.

Имеются, например, сведения о том, что отбывавший наказание в штрафбате Волховского фронта старший лейтенант Белоножко, будучи тяжелораненым (у него почти полностью оторвало ступню ноги, сам отрезал ее ножом) и не оставляя поля боя, продолжал вести огонь по противнику. Мне, к сожалению, не удалось установить дальнейшую судьбу офицера Белоножко.

Перейдем теперь к примерам другого вида искупления. По документам ЦАМО РФ, комбат 14-го ОШБ Ленинградского фронта майор Лесик и его заместитель по политчасти капитан Соболев в своем докладе сообщали: «23.01.1943 штрафница, бывший младший лейтенант Малова (Маслова?) Анна Александровна, оказывая первую помощь раненому ком. взвода

младшему лейтенанту Кутузову при минометном налете противника прикрыла его собой, а сама погибла…»

В этом же 14-м ОШБ проходил службу рядовым, вернее, отбывал наказание лейтенант Ермак Владимир Иванович. В разведке боем 19 июля 1943 года с целью захвата «языка», когда Владимиру Ермаку под огнем противника не удалось гранатами подавить пулемет дота, он кинулся к амбразуре, упал на нее и ценой своей жизни обеспечил батальону выполнение боевой задачи, повторив подвиг Матросова. И ему, тоже как рядовому, хотя своим подвигом он искупил вину, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1944 года *«красноармейцу»* Ермаку Владимиру Ивановичу *присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно)*.

В Санкт-Петербурге есть улица имени Володи Ермака, в сквере на площади Кулибина на народные деньги был установлен памятник Герою, на воинском мемориале «Синявинские высоты» в поселке Синявино Ленинградской области памятник.

Надо полагать, если обычный воин, не штрафник, шел на подвиг смертельного риска, влекомый осознанной жертвенностью во имя Родины, то штрафник шел на смертельный риск не только из любви к Родине, но и из покаяния перед ней за осознанный грех и прочувствованную вину или по крайней мере раскаявшись за них.

В столице Белоруссии Минске есть улица и переулок Владимира Ермака, в Бобруйске установлен памятный знак.

Следует обратить внимание на то, что и в указе, и в других официальных документах, касающихся его геройского звания, лейтенант Владимир Иванович Ермак числится рядовым стрелком 14-го отдельного стрелкового батальона 67-й армии Ленинградского фронта. Действовало незыблемое правило: Героем штрафника назвать априори не могли официально, вот и маскировали их, хотя важнее и справедливее было обозначить его офицерское звание, которое он восстановил геройским подвигом. Авторам этой «маскировки» невдомек, что отдельных стрелковых армейских батальонов с таким номером просто не могло быть. Но строгий запрет на упоминание штрафных частей существовал. Как видно, «табу» на это слово, да еще в сочетании со словом «герой», и сегодня живо. Однако именно сегодня нужно твердо знать, что именно тогда убедительно проявлялись наиболее реальные традиции советского патриотизма при искуплении вины, **действительной или мнимой.**

Таковы в основном преступления в военное время,

каравшиеся специфическим для того времени наказанием — штрафбатом или штрафротой, доказанной вины судом или объявленной правом командира, иногда и неразумно применяемым. Но что было, то было. Важно, чтобы к этому более не пришлось прибегать.

Однако не только по отношению к штрафникам, но даже к их командирам запрещалось именовать действительными названиями штрафбаты или ОАШР, в которых они совершали геройские подвиги, и потому тоже «маскировали» их под обычные войсковые части или подразделения.

По документам командиру 261-й отдельной стрелковой роты 106-й Днепровско-Забайкальской стрелковой дивизии 65-й армии Центрального фронта капитану Чоловскому Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 присвоено звание Героя Советского Союза. На самом деле Чоловский тогда командовал 261-й ОАШР 65-й армии. Эта штрафная рота, действовавшая в составе 106-й дивизии, 15 октября 1943 года в числе первых переправилась через Днепр и с боем овладела двумя линиями вражеских траншей, способствуя успешному наступлению других подразделений. Только за день боев 15 октября 1943 года рота уничтожила 368 гитлеровцев. В ходе боя Чоловский был дважды ранен, но роту не покинул. Из 208 бойцов рота потеряла убитыми и ранеными 126 человек (~60 %). Надо сказать, что маскировку штрафной роты под стрелковую тоже провели неудачно: не могло быть в дивизии «отдельной стрелковой» роты, да еще с таким большим номером.

Капитану Зие Мусаевичу Буниятову присвоено звание Героя Советского Союза тоже без упоминания должности командира 123-й штрафной роты 5-й Ударной армии 1-го Белорусского фронта, назвав ее мифической 123-й отдельной стрелковой ротой 5-й Ударной армии, будто в масштабе армий действительно существовали отдельные стрелковые роты с такими номерами. Во время Висло-Одерской операции рота Буниятова преодолела тройную линию обороны противника, вышла глубоко в его тыл, захватила заминированный мост через реку Пилица, сохранила его невредимым и удерживала до подхода основных сил. В бою было уничтожено около 100 солдат противника, 45 взято в плен. Захвачено 3 орудия и пять 6-ствольных минометов. Из 670 солдат роты в живых осталось 47 человек. Всех уцелевших наградили боевыми орденами.

Еще один пример: старший лейтенант Михаил Иванович Кикош стал Героем Советского Союза в октябре 1943 г. По

некоторым сведениям, он в это время командовал 3-й штрафной ротой 65-й армии, официально же он «командир роты 120-го стрелкового полка 69-й стрелковой дивизии Центрального фронта».

Приведенные факты и документы напрочь опровергают измышления патологических врунов, «любителей правды», а точнее — любителей поисков всякого рода небылиц в истории Великой Отечественной войны, и особенно — в истории штрафных частей.

Поэтому современная «стыдливость» в признании героизма всех попавших в штрафники, но оставшихся истинными патриотами по крайней мере неуместна. Пора уже признать силу и действенность советского патриотизма, проявляемого в Великой Отечественной войне, в том числе и в штрафбатах, не стесняться их признавать публично и утверждать памятными местами, как это сделано уже в Рогачеве и Калининграде и в некоторых других местах.

Бывший штрафник 13-го ОШБ 3-го Украинского фронта, младший лейтенант, командир взвода связи 9-й Запорожской артдивизии прорыва РВГК Иосиф Зарубинский еще в Советской Молдавии с помощью местных властей в трех километрах от мемориала «Шерпенский плацдарм» на Днестре установил 9 мая 1990 года памятную стелу. На ней выбито: «Ветераны 13-го офицерского штрафного батальона своим товарищам, павшим при освобождении села Шерпены 18 августа 1944 года».

Многим, наверное, довелось слышать песню «13-й штрафбат» известного исполнителя военных песен Александра Маршала (Минькова), написавшего ее под впечатлением увиденного в Молдавии этого памятного знака. Возможно, не только нашему 8-му ОШБ довелось преодолевать минные поля. Вот несколько строк из той песни:

Досаду с болью пополам
Сполна нам жизнь дала испить,
И шли по минным мы полям,
Чтоб кровью правду искупить.

И вновь нам нет пути назад,
И я как будто снова там,
Где офицерский лег штрафбат,
В Шерпенский огненный плацдарм.

Не очень мне понятны слова *«и правду кровью искупить»,* но песня эта жива, пока стоит в постсоветской Молдавии и эта памятная стела.

В Красногорске Московской области памятник штрафникам в виде кованого монумента создал скульптор, академик кузнечного дела Валентин Воробьев, сын фронтовика. Сделал он его на свои собственные деньги, а администрация Красногорска выделила место и заказала постамент.

Депутаты Брянского горсовета обсудили вопрос о появлении в городе памятника солдатам, штурмовавшим стратегическую высоту и погибшим при освобождении Брянска от фашистов в 1943 году.

Проект мемориала этим солдатам-штрафникам был представлен на заседании горсовета архитектором Александром Панченко. По его замыслу, памятник будет со светодиодной подсветкой, дабы мемориал в виде насыпного трехметрового кургана с имитацией дота вверху был виден издали. У кургана будет установлена плита из черного мрамора с именами погибших, а на самом кургане — 56 железобетонных касок, по числу бойцов, погибших при штурме этой высоты. Мемориал планировали открыть в День освобождения Брянска от фашистской оккупации — 17 сентября.

Пока на этом месте установлена стела с их именами.

Дорогие читатели, вы убедились, наверное, что народная инициатива все-таки пробивает дорогу к достойной памяти такой категории воинов-победителей, как штрафники Великой Отечественной, видя в них отважных патриотов, которым именно штрафные формирования, созданные в самое тяжелое для Родины время, дали право искупить вину за допущенные отклонения от законов военного времени. Именно они, порой не очень довольные отношением к ним государства, проявляя героизм и отвагу, свойственные честным советским людям, ставили любовь к Отечеству выше своих обид и понимали, что высшая мера той любви — готовность самопожертвования, решимость отдать жизнь ради свободы и счастья Родины. В этом и состоял огромный смысл создания штрафных подразделений Красной Армии на переломном рубеже Великой Отечественной, и об этом следует помнить.

Помните, что в самые критические для Родины дни именно в этот день, 28 июля 1942 года, был издан тот знаменитый сталинский приказ «Ни шагу назад!», наметивший и обеспечивший коренной перелом в тяжелой, с долгими

отступлениями войне. Но в календарях нашей памяти именно день 28 июля положил начало созданию штрафных батальонов и рот, показавших в основном высокий патриотизм и готовность к самопожертвованию во имя чести и свободы Родины.

В 2009 году я обратился к известным мне родственникам штрафбатовцев и некоторым общественным деятелям с предложением об учреждении для нас Дня штрафника в день издания приказа «Ни шагу назад!». Малую часть из их ответов помещаю ниже.

Вначале несколько строк из писем потомков штрафбатовцев:

Сын майора Тавлуя Павла Семеновича, командира роты 8-го ОШБ: «Я Вас поддерживаю и даю свое согласие на празднование Всесоюзного Дня штрафника! Я очень рад, что Вы не забываете своих боевых товарищей и их детей. Дай Вам Бог здоровья. Сын Вашего боевого товарища, майора Тавлуя Павла Семеновича, Василий».

Сын политработника майора Пиуна Павла Ильича, воевавшего в нашем штрафбате с первых дней его формирования:

> «Простите, не ответил сразу, размышлял. День 28 июля буду считать днем памяти всех бойцов постоянного и переменного состава штрафных батальонов и рот, честно выполнивших свой долг перед Родиной, и вспоминать в этот день отца и его боевых товарищей по 8-му ОШБ. На нашем сайте найдет достойное место Ваше предложение о том, чтобы этот день считать Днем памяти всех бойцов штрафных батальонов и рот, воевавших не за страх, а за совесть и отдавших все свои силы, а многие и жизнь во имя Победы. Мои опасения в том, что вашу инициативу могут перехватить люди, считающие себя „истинными демократами“. Надо не отдать эту дату тем, кто причисляет себя к демократам.
>
> *Владимир Пиун, сын политработника 8-го ОШБ».*

Откликнулась и общественность. Вот что ответила на мое обращение внучка прославленного командарма, генерала армии Александра Васильевича Горбатова, ценившего на фронте каждую человеческую жизнь:

> «Получила Ваше инициативное письмо с предложением об установлении Дня штрафника и искренне поддерживаю его. Кроме того, заранее поздравляю Вас и Ваших однополчан с этим праздником, который вы заслужили своей кровью и тяжелыми

испытаниями, выпавшими на вашу долю! Пусть этот день станет официальным праздником для бойцов Великой Отечественной, сражавшихся в штрафных батальонах!

Сколько их осталось?
Видимо, немного…
Воинов штрафбата
Тяжела дорога.

С наилучшими пожеланиями

Ирина Горбатова».

Кинорежиссер Александр Голубкин, создавший по моим книгам первый документальный фильм «Штрафбатя» о нашем 8-м штрафном батальоне, завоевавший Гран-при и несколько дипломов на различных Российских и международных фестивалях:

«В этот день и всегда помним о тех, кто шел впереди, отдавая Родине самое главное на этой земле — ЖИЗНЬ! Я рад, что вместе с Вами приоткрыл завесу молчания и неправды об этих людях. Спасибо за книги! Успехов Вам! Голубкин».

Журналистка из Сергиева Посада в Подмосковье пишет:

«Спасибо за День штрафника, присоединяюсь. Благодаря Вашим трудам, Александр Васильевич, теперь это и наша память, и наша боль и гордость за этих смелых ребят. Спасибо за память! Ольга Солнышкина».

А суть моего предложения состояла в том, чтобы, «Отмечая мужество, героизм и определенный вклад в дело Великой Победы штрафников Великой Отечественной, 28 июля, день выхода приказа „Ни шагу назад!“ о создании штрафных формирований в минувшей войне, объявить „Днем штрафника“, вкладывая в эти слова героический, а не негативный смысл.» Эти особые батальоны и роты проявили себя вопреки заказным фальсификаторам как самые устойчивые, смелые и дерзкие в боях за Родину. Трудно поверить, что этот призыв может найти добрый отклик в современных властных структурах, но надеяться хотелось бы. И, если читатель согласится с нашим мнением, он найдет способ выразить это в своих требованиях и предложениях.

Обратите внимание, каких только календарных дней не установлено ныне. Конечно, великие праздники, как День Победы, День защитника Отечества, в прошлом День Красной Армии, традиционный 8 марта и другие. Не праздничные, но очень памятные День памяти и скорби, недавно учрежденный День Неизвестного солдата, Дни танкистов, артиллерии и ракетных войск, недавний День милиции (переименовали его, но, слава Богу, не в честь полиции, ассоциирующейся с неблаговидным словом помнящих немецкую оккупацию) и много-много других. Установлены дни ратной славы для многих городов России, не буду их перечислять, это займет не одну страницу.

Наряду с этим в наших не только интернетовских календарях появился «День русской водки», особенно актуальный на фоне борьбы с алкоголизмом. В числе профессиональных значатся уже почти рядом с днями шахтера, железнодорожников, автомобилистов, например, День театрального кассира(!), даже День начальника (шефа), День секретаря… Отведены в современных календарях и дни Кита, Полярного медведя, Сурка, Кошки, Моржа… И уж не знаю, кому в голову взбрело вписать в календари дни левшей, блондинок и даже «День офисной любви» (?!), тоже, видимо, ради повышения морально-нравственных устоев общества.

А если серьезно, то почему нет Праздника Гвардии, когда даже день рождения первых Советских Гвардейских дивизий не нужно выискивать в давних веках.

Вот День народного подвига по формированию Уральского добровольческого танкового корпуса в годы Великой Отечественной войны появился в календаре памятных дат благодаря распоряжению губернатора Свердловской области в 2012 году. Но его отмечают 11 марта не только в России и оставшиеся на земле воины этого корпуса, дети и внуки тех, кого уже нет с нами. А вот воинам штрафбатов, штрафрот, оставивших в истории той великой войны немало примеров отваги, героизма, стойкости, а в конечном итоге внесших немалый вклад в Победу над фашистской Германией, пока нет заслуженного признания в стране.

Грязными выдумками о штрафбатах кричат с многих кино— и телеэкранов фальшивки, широко рекламируемые в СМИ, особенно киноподелки наших маститых деятелей, в так называемых документальных лентах такого же рода «творцов». Официально нигде нет доброго слова об этой категории воинов, своими подвигами доказавших преданность Родине. Только честные историки да оставшиеся еще непосредственные

участники боевых действий штрафных частей говорят и пишут о них правду.

Поэтому несколько лет назад, когда еще были живы многие из моих боевых друзей-штрафбатовцев, с детьми и внуками тех из них, кто уже ушел в мир иной, мы сами учредили «для внутреннего пользования» День штрафника именно 28 июля.

Случайно или нет, но эта дата удивительным образом очень точно совпала с днем крещения Руси, важнейшим историческим событием. Может, автор того приказа «Ни шагу назад!» Иосиф Виссарионович, имеющий серьезное духовное образование, и специально приурочил этот документ ко дню крещения Руси. Безусловно, день 28 июля 1942 года тоже можно считать днем своеобразного «огненного крещения» нашей страны в Великой Отечественной войне. И вместе с праздником крещения нашей России нам есть что отметить, есть что вспомнить и есть КОГО вспомнить в этот столь значимый ДЕНЬ РОССИИ. Может, придет еще время, эта книга попадет в руки высоких руководителей, которые поймут, что не заградотряды были движущим стимулом штрафников, а долг, честь и любовь к Родине.

И тогда в нашей стране пусть в одном только месте — на Поклонной горе — будет воздвигнут достойный памятник этой категории воинов, пусть этот день, 28 июля, будет если и не праздничным, то важной датой исторического календаря Великой Отечественной войны и займет более достойное место, чем День блондинок, День офисной любви, День секретаря и тем более День PR-специалиста, то есть «пиарщика», который кого-то угораздило установить именно 28 июля, в день приказа «Ни шагу назад!», в день крещения Руси! Ну чем пиарщики достойнее отстаивавших Отечество?

Воистину ничего святого…

А как назвать Памятник или этот День — штрафника, бойца-переменника штрафбатов и штрафрот Великой Отечественной или еще по другому — главное, не выхолостить тот подвиг и ту любовь к Родине, которые они проявляли при защите Родины от врагов наших.

Глава 22
Долгожданный мир! Таинственный диагноз, важные события

Через пепел и ад я прошел не от спеси и скуки:
Я — Советский Солдат, я выкручивал дьяволу руки!

Тимур Раджабов

Еще тогда нас не было на свете,
Когда с Победой вы домой пришли.
Солдаты Мая, слава вам навеки
От всей земли, от Всей Земли.

М. Владимов

Первые дни мира, несмотря на всеобщее ликование, для меня были омрачены признанием Батурина о преднамеренном, как он мне сказал, решении Батова пустить мою роту на минное поле. Но у меня и раньше не было сомнений, что это решение заставить штрафников атаковать противника через необезвреженное минное поле было принято не без участия нашего комбата, что косвенно подтвердилось некоторыми документами уже значительно позже, хотя об этом я рассказывал уже в главе о Наревском плацдарме. И так было жаль тех ребят, которые погибли или получили увечья там. А теперь многие из них как шли плечом к плечу на битву с врагом, так и лежат, где рядом друг с другом в братских могилах, а где и поодиночке. В чужой земле, под чужим серым небом, завещав лишь вечную память и безмерную скорбь нам, боевым друзьям, и своим родным и близким.

Все мы понимали, что приказы отдаются, чтобы их выполняли беспрекословно, тем более — в военное время, но именно поэтому любой приказ должен быть сто раз выверенным,

логичным, разумным и просто человечным именно потому, что на войне убивают.

После того памятного вечера 1 мая, когда, вернувшись из госпиталя после ранения в голову, я потерял сознание в гостях у Батурина, у меня поднялась высокая температура, державшаяся три дня. Ко дню нашей поездки к Рейхстагу она упала до нормы, а вот 10 мая снова зашкалила за 39 градусов, и я почти сутки был в бреду. Через 2–3 дня все вошло в норму. Однако с периодичностью 7–9 дней такие приступы стали повторяться регулярно. Даже сам Степан Петрович, наш общепризнанный врачебный авторитет, терялся в догадках. Тяжело протекающее лихорадочное состояние и помрачение сознания схожи, как он говорил, с признаками сепсиса (заражения крови). Но снижение температуры через 2–3 дня, после каждого приступа почти нормальное самочувствие, не считая общей слабости после этого, да четкая периодичность такой лихорадки совершенно не характерны для сепсиса.

Я старался не провоцировать эти приступы, полагая, что их тяжесть может зависеть от самых малых доз легкого вина. И когда мы, «одерцы», получили ордена за форсирование Одера, то на торжественном ужине по этому поводу к рюмке даже не прикоснулся.

А тогда все мои оставшиеся в живых взводные получили кто Невского, кто Хмельницкого, а я орден Боевого Красного Знамени. Одновременно с этим «обмывали» и новые звания. Мои друзья — Федя Усманов стал капитаном, Боря Тачаев, как и я, — майором, чему мы все, конечно, были очень рады.

Ребята, чтобы их ордена хорошо блестели, натирали ртутью (из разбитого по этому случаю обычного градусника) их оксидированную, черненую поверхность. На ордене Красного Знамени таких черненых металлических деталей всего две маленькие изображения плуга и молота на белом эмалевом фоне, остальные все позолоченные. И доброхоты из кавалеров других орденов решили и мой орден «подновить». Получилось так, что ртуть, попав на позолоченные поверхности, мгновенно превратила тонюсенький слой позолоты в серебристую амальгаму. И орден стал не золотым, а просто серебряным.

Много лет, чтобы орден был похож на первозданный, я покрывал все бывшие позолоченными его части бронзовой краской, которую научился делать из бронзового порошка, тогда без проблем приобретаемого в магазинах канцтоваров. И только спустя семь лет, когда я уже учился в Ленинградской Военно-транспортной академии, кто-то надоумил меня написать письмо в Верховный Совет СССР с просьбой заменить мне пришедший в

негодность орден. Надежды на замену, честно говоря, у меня не было, но буквально через неделю я получил правительственное письмо за подписью Председателя Верховного Совета СССР Николая Михайловича Шверника. В нем мне было рекомендовано сдать орден для ремонта в Ленинградский Монетный двор, а его директору предписывалось отремонтировать орден «с расходом драгметалла за счет фондов Верховного Совета».

Сдал я орден в Монетный двор, что в Петропавловской крепости, и буквально через неделю мне уже вернули его с восстановленной позолотой и черненными изображениями плуга и молота. Я даже засомневался, тот ли орден мне вручили: он был совсем как новый, будто и не тронутый ртутью. Но когда посмотрел на номер, вычеканенный на обратной стороне, то увидел знакомую, едва заметную царапинку. Значит, это мой, родной, кровный, «одерский». Так с тех пор он и блестит на моем мундире нетускнеющей позолотой.

А тогда, в мае 1945-го, изнурительные приступы неведомой болезни все более изматывали мой, уже заметно ослабленный организм, и меня отвезли в военный госпиталь в Ной-Руппин. Там я пролежал недели две. В это время в батальоне началась работа по освобождению амнистированных по случаю Великой Победы штрафников, не успевших принять участие в боях. Приказом командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Советского Союза Г.К. Жукова № 0394 от 7 мая 1945 г. на основании амнистии по случаю Победы весь переменный состав 8-го ОШБ был восстановлен в правах офицерского состава и воинских званиях. Вчерашние штрафники, вновь полноправные офицеры, группами разъезжались по своим частям, найти которые было непросто.

Между тем в батальон продолжали прибывать те из проштрафившихся, кого конец войны застал на пути в ОШБ. Их, подготовив соответствующие документы, из батальона тут же отчисляли уже по последнему приказу командующего 1-м Белорусским фронтом № 0467 от 10 июня 1945 г. С 00.00 часов 11.06.45 года фронт был переименован в Группу советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ).

Как удалось теперь установить, последний приказ по 8-му Отдельному штрафному батальону Группы советских оккупационных войск в Германии № 208 датирован 7 августа 1945 г. Вот выдержка из него: «Я, командир ОШБ подполковник Батурин Николай Никитович, с сего числа убываю в распоряжение ОК ГСОВГ для дальнейшего прохождения службы, а для сдачи в архив дел оставляю начальника штаба майора

Киселева Филиппа Андреевича. Основание: отношение ОК ГСОВГ № 02255 от 27 июля 1945 г». Майор Киселев дела в архив сдал в августе 1945 года.

Сделаю небольшой экскурс на много лет вперед.

Через 40 лет после Победы, при первой послевоенной встрече с разысканными мною фронтовыми друзьями, я встретился и с Филиппом Киселевым, уже генерал-майором. Оказывается, бывший начштаба нашего ШБ майор Киселев уже долгие годы служил в Главном управлении кадров Министерства обороны СССР заместителем начальника одного из управлений. И не он со своим аппаратом ГУКа и генеральскими возможностями разыскал и организовал нашу встречу, а я, отставной полковник, сам разыскал его в кадровом управлении в Москве и встречу организовал в Харькове. Почему-то к этому не тянула его память.

И вот на этой встрече через 40 лет самый первый вопрос, который я ему задал, — о моем друге, разведчике и пулеметчике Боре Тачаеве. Он мне тогда ответил что-то туманное, ни адреса его не сказал, ни о судьбе ничего не поведал. Я понял это так, будто между ними что-то произошло, но подумал, что Филя все-таки точно знал, где Борис Тачаев, но почему-то мне упорно этого не открывал. Причины этого я так и не узнал. Да он, генерал Киселев, работающий в Главном управлении кадров Минобороны, делал вид, что не знает и о многих других наших общих знакомых по штрафбату, хотя в его ведомстве обо всех нас были необходимые данные и документы.

Я тогда высказал Филиппу свою обиду на него за то, что он, работая в ГУКе Минобороны, не мог не знать и о моем месте службы, не принимал личных инициатив к розыску наших одноштрафбатовцев, пока я своими поисками не нашел его самого. Правда, эта моя обида не зачеркнула полностью нашей фронтовой дружбы. Хотя какая-то полоса недоверия между нами пролегла, мы продолжали неоднократно посещать друг друга, он меня в Харькове, я его в Москве до самой его кончины.

Это был экскурс на много лет вперед. А тогда, еще в июне, возвратившись из ной-руппинского госпиталя немного окрепшим, я попросил у комбата разрешения отвезти беременную жену в ее бывший госпиталь, который располагался под Варшавой, в Рембертуве, и где пока проходила службу ее мать. Доложил, что рассчитываю там определить и диагноз своей загадочной болезни, от которой меня в том госпитале так и не избавили, да и не диагностировали даже.

К тому времени уже было налажено железнодорожное

пассажирское сообщение и четко по расписанию ходил скорый поезд «Москва — Берлин — Москва». Необходимые документы оформили быстро, и на следующий день комбат дал в распоряжение начштаба Филиппа Киселева свой «виллис», чтобы нас отвезли на Силезский вокзал Берлина. Вместе с Киселевым вызвались проводить нас Валерий Семыкин и Вася Цигичко. И снова ехали мы через Берлин.

Мало что в нем изменилось за этот первый месяц мира, но улицы в основном были расчищены от обломков зданий, битого кирпича и брошенных пушек, танков, бронетранспортеров и другой техники. Белые флаги уже не были обязательным атрибутом жилого дома, да и народу на улицах прибавилось. Нередко попадались наши армейские походные кухни, раздающие пищу немецким старикам и детям.

Вскоре мы приехали на Силезский вокзал и пошли к коменданту. Из комендантской брони места нам в вагоне СВПС были обеспечены. Обрадовались! А поезд, украшенный цветами, плакатами, уже ждал на перроне, и посадка фактически заканчивалась. Ребята быстро доставили нас к вагону. Распрощались. Может быть, навсегда?

Поезд быстро набирал скорость, а мы стояли у раскрытого окна в общем коридоре, против своего купе, и не могли насытиться воздухом, будто пахнущим моим железнодорожным детством. Переехали Одер, а затем и границу тогдашней Германии. Какой контраст между населением поверженной Германии и освобожденной Польши! Здесь на каждой станции, где поезд останавливался хотя бы на несколько минут, вагоны наши буквально облепляли торговцы всякой снедью и товарами, от часов, зажигалок и бижутерии до сапог и всякой немецкой военной униформы. Из многоголосого, зазывного гама все-таки можно было расслышать: «Млеко зимне!», «Кава горонца!» (молоко холодное, кофе горячий), «Запалки, бибулки» (спички, бумажки, нарезанные для самокруток). Реже звучало «Бимбер», «Монополька» (это уже известные читателю горячительные напитки). Казалось, все население этих пристанционных городков и поселков превратилось в торговцев или менял. О том, как спустя многие годы это впечатление превратилось в осознанное представление о поляках — торговцах и менялах, — говорить не стану.

Валюта в ходу у поляков была самая разная: и польские злотые, и марки немецкие — так называемые оккупационные, или рейхсмарки. Помнится, такую же «валюту» мы пинали ногами в варшавском «Банке эмисийном», не предполагая, что она еще

будет какое-то время действующей. Ходили там уже и советские рубли. В общем, международная ярмарка. И так всю дорогу, до самой Варшавы, до Рембертува, пригорода польской столицы на левом берегу Вислы. В этом городе располагался госпиталь, в котором раньше служила мать нашего будущего ребенка и теперь продолжала служить ее мать, старший лейтенант медслужбы Екатерина Николаевна Макарьевская. А это, полагали мы, облегчит предстоящее появление на свет ребенка.

Проехали мы по уже восстановленному мосту через Вислу, которую увидели теперь спокойной, величавой. Где расположен госпиталь, мы узнали у коменданта станции, который приказал находившемуся здесь патрулю проводить нас. Не успели мы подойти к большому зданию, где размещался госпиталь, как нас заметили, и гурьба бывших сослуживцев Риты высыпала навстречу. Тут же веселая ватага вызвалась проводить нас до «мешкання» Екатерины Николаевны, как уже по-польски принято было здесь называть жилье.

По письмам Риты ее мама знала о нашем приезде в ближайшее время, и в доме, который она занимала, нам была отведена хорошо обставленная комната. На семейном совете решили, что Рита останется в госпитале, пока ее мать служит здесь, и если придет пора, то и рожать будет здесь, под присмотром своих врачей и самой будущей бабушки. Ко мне буквально на третий день возвратился приступ лихорадочного всплеска температуры, почти до 40 градусов, и меня поместили в тот же госпиталь, где тоже не нашлось медика, который бы точно определил природу этого недуга.

Недалеко от Рембертува, в городке, кажется, под названием Весела Гура, стоял еще один, уже не хирургический, а терапевтический госпиталь, откуда привезли ко мне врача-консультанта. Это был пожилой, белый как лунь, подполковник, с такими же до белизны седыми и очень пышными усами. Он тщательно осмотрел и ощупал меня, потребовал, чтобы у меня взяли необходимые анализы крови, и увез их с собой. А через день-два приехал с заключением: «Больной страдает частыми приступами тропической малярии». Вот уж поистине неожиданной была эта весть. Откуда? Да еще тропическая, если я южнее Уфы нигде и никогда не был? И сразу отпала версия о сепсисе, как сомнительно предполагалось раньше. Ну, слава богу, теперь причина моей хвори ясна, и лечение будет соответствующее.

Пришлось мне ложиться в этот терапевтический госпиталь, где меня взялись интенсивно лечить какими-то экзотическими уколами и от этой диковинной лихорадки, и от сильнейшего

малокровия, видимо, явившегося следствием самой малярии. Моим лечащим врачом был тот самый усатый подполковник. Я легко запомнил его фамилию — Пилипенко, был он однофамильцем моей соклассницы в Облученской школе. Зная, что ее отец — врач, вначале я даже подумал, не он ли это. Выяснив, что к Дальнему Востоку он никакого отношения не имел, оставил эту мысль. Вот имя и отчество этого доктора позабыл, хотя долго с ним переписывался и даже, когда учился в Ленинградской академии, встречался с ним, уже уволенным в запас и проживавшим в Ленинграде.

Тогда, в 1945 году, в этот госпиталь с какими только заболеваниями не привозили военных. Помню хорошо, что однажды привезли группу офицеров и солдат, отравившихся метиловым, или, как тогда говорили, «древесным» спиртом. И последствия были трагическими. Несколько человек полностью ослепли, а некоторых не удалось спасти вообще. И это уже через месяца два-три после окончания войны. Как же, наверное, горько это было выжившим, но ослепшим, и как больно родным тех, кто прошел войну, где убивают, но не выжил после соблазна «хватить» чего-нибудь спиртного. Уж лучше бы хватили обжигающего и зловонного «Бимбера», настоянного на карбиде кальция — желудки бы попортили, но этот свет, который был так прекрасен без войны, не покинули бы…

Мое состояние стало понемногу улучшаться, приступы стали легче и даже реже. Важно то, что я стал постепенно поправляться. Между приступами этой сколь экзотической, столь, как оказалось, и трудноизлечимой болезни я навещал жену, готовившуюся стать матерью. Да и сам исподволь мысленно готовился к отцовству.

Это долгожданное время, время рожать, однажды настало. Ночью мы вели роженицу в госпиталь почти через весь Рембертув, а к утру Рита родила. Я впервые в жизни видел новорожденного, знал, что они, конечно, очень маленькие, но наш казался даже меньше ожидаемого. Как потом мне сказали, в нем веса было намного меньше обычного стандарта, да и рост нестандартный, малый. Такое щупленькое тельце.

Еще задолго до родов мы придумывали имя будущему ребенку. Я предложил назвать, если будет сын, Аркадием. Пусть, считал я, будет он Аркадием Александровичем, в честь моего любимого фронтового комбата Осипова. И даже один день он у нас прожил под этим именем. Но назавтра жена сказала, что ей ночью приснился ее отец (может, так и было на самом деле?), и она хотела бы назвать нашего первенца Сергеем в честь отца. У меня не было веских оснований возражать.

Тогда, вскоре после рождения сына, мне сделали операцию

по извлечению немецкой пули, сидевшей во мне больше года после памятного ранения под Брестом. Операция была вынужденной, так как пуля эта, мигрируя в теле и как-то хитро обойдя кости таза, вышла под кожу на самом неудобном месте ягодицы: ни сидеть, ни лежать не давала. Извлекли ее сравнительно легко, под местным обезболиванием. И за этот год пребывания в моем теле обросла она неровным слоем налета, делающим ее похожей уже на какой-то странный колючий кокон. А мой организм, вероятно, ослабленный жестокой малярией, на такую пустяковую операцию среагировал, как сегодня говорят, неадекватно. Когда я вышел на воздух, во двор, мне стало дурно, чуть не потерял сознание и едва устоял на ногах, благо рядом оказалась какая-то скамейка…

Моя малярия стала понемногу отступать, приступы ее стали редкими и менее изнурительными, температура уже не доводила меня до бредового состояния, и мне можно было (да и нужно уже!) возвращаться в батальон. Но тут встала задача: и ребенка нужно зарегистрировать, и брак свой узаконить. Поехал я в Варшаву, зашел в комендатуру города, надеясь все по-быстрому оформить. Там мне разъяснили, что теперь в Варшаве функционирует Консульский отдел Советского посольства, где и регистрируют акты гражданского состояния. Через несколько дней на машине начальника госпиталя мы, празднично одетые, с начищенными небогатыми наградами, оказались в нужном месте. Процедура регистрации была простой: сделали отметки в наших служебных документах и выдали свидетельства о браке, а на основании справки из госпиталя о рождении сына — и соответствующее свидетельство. А в этом свидетельстве записали в графе «место рождения»: «город Варшава, Польша». И какое совпадение: Сергей оказался уроженцем польской столицы, за освобождение которой от фашистов воевал здесь я, его отец.

В первые годы жизни своей он часто болел, но потом окреп, вырос, наверстал упущенное. Преодолев болезненный возраст, после 5 лет мальчик рос хорошо, постепенно преодолевая свою «нестандартность» и болезненность. Из худенького, маленького тельца стал оформляться эдакий крепыш, который во взрослом состоянии обладал недюжинной силой. Ровесник Победы, ныне ему уже за 70. И ростом «дошел» почти 180 см, и вес «набрал» — около центнера!

…Была уже середина сентября. Понимая, что наш штрафбат в связи с окончанием войны должен прекратить свое существование, я торопился выехать в Берлин. Найти батальон на прежнем месте мне не удалось. Под Берлином ОШБ размещали

только в деревнях: Штайнвер, Нойенхаген, Рульсдорф, Левенберг, Вустерхаузен, откуда я и покинул его. Этот штрафбат, прошедший весь долгий путь от Сталинграда до Берлина, уже расформировали в деревне Брюхенмюле.

Поехал я в Потсдам, пригород Берлина, в штаб ГСОВГ (Группы советских оккупационных войск в Германии), нашел там отдел кадров бывшего фронта, где мне его офицер, полковник Киров, обрисовал суть дела и зачитал аттестацию, в которой мой бывший комбат, подполковник Батурин записал: «Майор Пыльцын — перспективный офицер. Целесообразно оставить в кадрах Вооруженных сил». Майору тогда было чуть больше 21 года.

Порылся Киров еще в каких-то бумагах, пожал плечами и сказал, что почему-то меня не представили к награде по случаю окончания войны. На мое замечание, что я недавно получил орден за Одер и за участие в Берлинской операции, он сказал, что было распоряжение маршала Жукова в честь Победы и в связи с расформированием штрафбата представить к награждению орденами Отечественной войны всех офицеров постоянного состава, находившихся в батальоне более года.

Много лет спустя у меня оказалась копия наградного листа на моего друга Петра Загуменникова с датой представления к ордену Отечественной войны 23 мая 1945 года. Оказывается, наградные материалы в соответствии с распоряжением маршала, составляли в то время, когда я лежал на госпитальной койке в Ной-Руппине. Видимо, по старой памяти о моей «строптивости и непокорности» комбат Батурин не включил меня в число награждаемых. Или мне продолжало казаться, что за мной все еще следует в связке система преступления и наказания по принципу «сын за отца» в антибиблейском смысле и что меня в чем-то ущемляют из-за той самой 58-й статьи, по которой осуждены мои отец и дядя.

У меня уже было три ордена и медаль «За отвагу», и я как-то не очень сожалел о таком шаге комбата.

Здесь же, в штабе ГСОВГ я встретил лейтенанта Василия Назыкова, который у нас в штрафбате был старшиной — заведовал секретным делопроизводством штаба, а затем произведен в офицеры и теперь служил при штабе Группы. Он подтвердил мои предположения, рассказав, что, когда майор Матвиенко, бывший мой ротный, а последние полгода — заместитель комбата, доложил Батурину наградной лист на меня, тот отложил его в сторону, сказав, что я и так недавно «получил очень высокую награду, да и уже исключен из списка офицеров батальона, так как в батальон после излечения не вернется».

Подумал тогда, что очень верна пословица «С глаз долой — из сердца вон» и что хоть так, но отомстил мне Батурин за мою строптивость.

Узнал от Назыкова я и то, что многие мои боевые друзья получили назначения военными комендантами городов, городков и пристанционных поселков, и именно на них возлагались задачи возглавлять политическое, административное и экономическое руководство жизнью мирного населения, то есть выполнять функции местных органов власти. Наверное, опыт боевых действий позволял им решать и такие задачи, совсем несвойственные бывшим офицерам штрафбата. Тогда я знал, что такое назначение получили Вася Цигичко, Петя Загуменников и другие. Это уже теперь, когда у меня есть много материалов о моем друге Тачаеве, я знаю, что и он получил аналогичное назначение военным комендантом немецкого города Штраусберг земли Бранденбург.

А там, в Потсдаме, полковник Киров (правда, редкая, знаменитая и приятная фамилия!) сказал мне: «Назначать тебя командиром стрелкового батальона в соответствии с выводом по аттестации не имеет смысла, так как не исключено, что этот батальон завтра же будет определен на расформирование, а на Дальний Восток, чтобы повоевать еще и с японцами, ты уже опоздал. Да тебе, кажется, и этой войны хватило». И он предложил мне должность замкомбата в Отдельный батальон охраны военной комендатуры Лейпцига, одного из крупнейших городов, входивших в Советскую зону оккупации Германии. Разъяснил при этом, что батальон отдельный, комбат его наделен правами командира полка, а его зам — правами командира батальона, что соответствует выводу по аттестации.

Как мне тогда же разъяснил полковник Киров, всей жизнью Германии, и политической, и экономической, до создания в будущем правительства этой побежденной страны теперь ведает Советская военная администрация Германии (СВАГ), состоящая при штабе ГСОВГ, а Лейпциг входил в ведение Советской военной администрации федеральной земли Саксония. У меня не было возражений против назначения в этот батальон, и на второй же день я отправился в Лейпциг. Поезда по Германии ходили уже по четкому, хотя и не по довоенному расписанию. Странными мне показались вагоны этих поездов: каждое купе имело автономный выход из вагона на подножку, тянувшуюся вдоль всего вагона, а в купе были только сидячие места. Конечно, по сравнению с нашей Родиной, которую из конца в конец можно одолеть только за 8-10 суток пути, Германия казалась небольшой, и до Лейпцига было всего часа четыре пути.

Прибыл я в комендатуру города, и меня на дежурной машине отвезли в расположение батальона. До сих пор помню, что он находился в большой то ли казарме, то ли школе на улице Лессингштрассе, 20, а рядом в доме № 18 были офицерские квартиры, где мне отвели на втором этаже хорошо обставленную пятикомнатную квартиру с двумя ванными комнатами и двумя туалетами. Ну зачем мне такая роскошь, что мы в этих апартаментах будем делать втроем, нашей маленькой семьей? А пока я один, что мне там делать? Но, оказывается, всем семейным офицерам управления батальона комбат предоставил такие «удобства».

Командир батальона, тоже майор, Леонид Ильич Мильштейн, был старше меня лет на пять. Высокий, стройный, с лицом приятным, если не сказать, красивым. Одной из его достопримечательностей были элегантные, щегольские, «пшеничные» усы. Мне прежде всего было интересно, как складываются взаимоотношения между военными в мирной обстановке, после войны, да еще в коллективе, отличном от штрафбата.

Батальон нес службу по охране комендатуры города, осуществлял патрулирование улиц и вокзала. Кроме этого, и не менее важными задачами батальона была охрана бывших военных объектов, промышленных и энергопроизводств. Как мне рассказал комбат, вместе с воинскими частями гарнизона батальон иногда привлекался и к вылавливанию блуждающих еще кое-где в лесах отдельных групп и одиночек из недобитых групп вермахта, СД и СС. Не стану останавливаться на деталях этой службы. Приведу только один пример. По показаниям одной такой выловленной группы фашистов был обнаружен довольно большой тайный склад оружия и боеприпасов, на вывоз которого понадобилась колонна из двадцати «студебекеров».

Вскоре я освоился со своими должностными обязанностями, **включавшими** прежде всего организацию караульной службы на военных заводах и других важных объектах. Всего было более десятка караулов из не менее трех-четырех постов в каждом. Пришлось изучить расположение этих охраняемых объектов, определить способы их смены и проверок. Это позволило мне быстро ознакомиться и с планировкой города.

По сравнению с Берлином мая 1945 года, Лейпциг конца этого же года представлял собой разительный контраст. Во-первых, он был меньше разрушен, да и улицы и целые кварталы были тщательно расчищены, даже вымыты, развалины зданий огорожены по-немецки аккуратными заборами. Разнообразная архитектура сохранившихся зданий и планировка улиц и

площадей создавали впечатление хорошо благоустроенного города. Помню, наша улица «Лессингштрассе» свое начало брала от кинотеатра «Apollo», ставшего нашим гарнизонным офицерским клубом и солдатским кинотеатром. В нем постоянно демонстрировались советские фильмы, а также немецкие трофейные, в том числе музыкальная комедия «Девушка моей мечты» с известной актрисой Марикой Рокк. В этом же кинотеатре часто выступали известные советские актеры и деятели культуры, среди которых особенно запомнились Сергей Лемешев, любимый всеми по фильму «Музыкальная история», известный пианист Лев Оборин, певица Ирина Масленникова, юмористы Слободской и Дыховичный, поэт Борис Ласкин и композитор Никита Богословский, да и много других знаменитостей. С некоторыми из них мне посчастливилось даже общаться.

Как-то раз, недели за две до Нового года, комбат Мильштейн спросил меня, что я медлю с переездом моей семьи ко мне. Он будто угадал мои мысли, крутившиеся в последнее время в голове. Через два дня я уже ехал за женой и ребенком, а еще несколько дней спустя мы были в Лейпциге. Госпиталь, в котором оставалась мать Риты, подлежал расформированию, а все женщины-медики — демобилизации. У нас с Екатериной Николаевной был уговор, что после увольнения она приедет к нам в Лейпциг. И уже в марте 1946 года, уволившись в запас, она приехала в Лейпциг.

Первые впечатления моей жены и тещи о Лейпциге были восторженные. Он им напоминал Ленинград разнообразием архитектуры старинных XVI–XVIII веков зданий и обилием церквей (здесь костелов), построенных еще в Средние века, множеством скульптурных композиций и фонтанов. А разнообразные ажурные решетки мостов и мостиков через каналы и речушки, правда, не такие и не в таком количестве, как в городе на Неве, еще больше создавали кажущееся им сходство. Я сам города на Неве тогда еще не видел и представлял его только по рассказам моих дам.

В городе было немало музеев. Особенно интересными были музей изобразительных искусств и музей «Книги и письменности», при котором находилась образцовая типография, где печаталось ныне все необходимое на русском языке — для победителей. Особый интерес у контингента всей Группы войск и многочисленных экскурсантов вызывало помещение, где в 1933 году проходил исторический процесс — фашистское судилище над известным болгарским коммунистом, ложно обвиненным в поджоге Рейхстага — Георгием Димитровым, который своим

пламенным выступлением на суде разоблачил фашизм, как злейшего врага человечества.

Не меньшей популярностью пользовалась и еще одна достопримечательность Лейпцига — музей-памятник «Битва народов», построенный на городской окраине в честь победы русских войск в 1813 году над Наполеоном, и возведенный рядом с ним православный храм, в котором уже в то время проводили церковные службы и обряды русские священнослужители.

В общем, осваивались мы постепенно с интересным городом Лейпцигом и его окрестностями. В первое время нам казалась очень оправданной по смыслу еще одна «примета» Лейпцига. Бывалые люди из нашего брата, русских, кто уже пожил какую-то часть отопительного сезона в этом городе, говорили, что, подъезжая к Лейпцигу, вначале чувствуешь его запах, а потом только видишь его окраины. «Дурнопахнущая» эта примета заключалась в том, что многочисленные печи домашнего отопления (и в наших квартирах), да еще и множество малых котельных в городе сжигали в своих топках сотни тонн низкосортного местного серосодержащего бурого угля, спрессованного в брикеты. Вот эти брикеты и были источником непривычного для нас поначалу запаха.

Каким-то образом меня разыскали мои боевые друзья, провожавшие нас на Силезском вокзале Берлина в июне 45-го. Вначале нас навестил Вася Цигичко, работавший военным комендантом небольшого городка под Дрезденом и уезжавший в Советский Союз по замене. А вскоре добрался до нас и Валера Семыкин, который после того как послужил шифровальщиком в Управлении связи ГСОВГ, работал в городе Галле, недалеко от Лейпцига, военпредом на одном из военных заводов, производящих средства связи, оборудование которого по репарациям подлежало вывозу в СССР. Бывали и мы в гостях у Валерия, пока все, что подлежало вывозу, не было вывезено. Ах, какие это были сердечные встречи, сколько было в них искренности, братских чувств! Ведь фронт, а тем более штрафбат, всех нас сроднил. В одном из последних писем Валерий, к сожалению, теперь уже покинувший этот мир, написал: «Один 8-й чего стоит!» А для него, бывшего штрафника, — особенно.

Примерно через год моей работы в батальоне охраны меня перевели с повышением на должность старшего офицера по оперативно-строевым вопросам городской комендатуры, в непосредственное подчинение военного коменданта города, полковника Борисова Владимира Николаевича (ранее в своих книгах из-за несовершенства человеческой памяти я называл его

отчество Алексеевич). Мне было предложено и новое жилье, поближе к комендатуре, на двоих с еще одним офицером комендатуры — богатый 2-этажный особняк по улице Монтбештрассе, 24 (запомнил же!), принадлежавший ранее какому-то крупному промышленнику-нацисту, сбежавшему на Запад. За мной закрепили и служебный автомобиль «Опель-супер-6» с водителем. В моем подчинении оказалось секретное делопроизводство и группа офицеров, занимающихся планированием и практической организацией сборов и групповых занятий офицерского состава всех 6 военных комендатур Лейпцига.

Еще до того как я перешел на свое новое место службы в прямое подчинение к полковнику Борисову, там ходили слухи о том, что он — бывший армейский комиссар какого-то ранга, который, что ли, за неудачу войск в боях под Керчью, как и многие другие «виновники», был разжалован до младшего офицера (своего рода — штрафник?). Говорили об этом, наверное, потому, что уже было известно, что многие пострадали по действиям известного уже читателю по судьбе генералов Петровского и Горбатова, того самого Льва Мехлиса. Ну а досужие фантазеры изобрели вариант, будто за время войны разжалованный Борисов, пройдя штрафбат, снова дорос до полковника, уже командного состава, хотя его прежний чин был генеральского ранга. Между прочим, именно эта «штрафбатовская» версия как-то сама собой у меня, бывшего штрафбатовца, стала главенствующей по известной причине.

Теперь, когда я располагаю сведениями о его реальной судьбе и о том, как несправедливо обошлись с ним и в начале войны, и в послевоенное время, а также какую роль в этом сыграл именно Мехлис, я подробнее об этом расскажу в специальной главе. Но главное — полковник Борисов запомнился как очень внимательный, справедливый и доброжелательный начальник, пользующийся огромным уважением всех, кому довелось служить в его подчинении.

То ли вообще по характеру он был мягок в обращении, в том числе и со своими подчиненными, то ли черная, «мехлисовская», уж очень широкая полоса в его биографии сформировала в нем такие качества, но он выгодно отличался от многих начальников, с которыми мне приходилось за долгие годы армейской жизни иметь служебные отношения. Он знал поименно почти всех офицеров комендатуры города и районов (а всего таких районов в Лейпциге было шесть), много внимания уделял деятельности командного состава батальона охраны. Может, подумал я, опираясь на «главенствующую штрафбатовскую версию», именно

поэтому он перевел в свое непосредственное подчинение меня, двадцатидвухлетнего майора, имевшего касательство к штрафбату?

Прослужил я под непосредственным началом Владимира Николаевича недолго, хотя это время было и интересным, и насыщенным событиями. Мне довелось, пусть только на один день, но на время его отъезда исполнять обязанности военного коменданта одного из крупнейших городов Германии — Лейпцига, и даже принимать американскую делегацию журналистов. Вместе с Борисовым посетил штаб Советской военной администрации земли Саксония в Дрездене и посмотрел, что сделала с этим городом авиация «союзников». Побывал я и в древнем Майсене, центре немецкого фарфора. Семьей с больным ребенком провели неделю на известном немецком курорте Бад-Эльстер. По рекомендации полковника Борисова я был включен в состав комиссии по проверке одной из комендатур на юге земли Саксония, где побывал на отрогах Альп, недалеко от границы с Чехословакией.

Однако летом 1947 года Борисова срочно отозвали в Москву. И, как оказалось, снова за какие-то дела или слова, но об этом в отдельной главе о Борисове и его антиподе Мехлисе.

После отзыва полковника Борисова в комендатуре Лейпцига произошли заметные изменения. Комендантом, кажется, временно, стал бывший зам. коменданта полковник Пинчук, на мое место был назначен майор Гольдин (друг комбата Мильштейна), поменялось большинство военных комендантов районов города. Какое это отношение имело к судьбе Борисова, не знаю, но мне тогда казалось, что первопричиной этих изменений был военный комендант округа Лейпциг полковник Иван Литвин. Отчества его я не помню, но имя запомнил, потому что у него был 12-летний сынишка, которого звали Адольф Иванович. Имя это наводило на размышления, особенно если из года 1945 вычесть 12. Получалось 1933 — год прихода к власти Гитлера. Не в честь ли этого «события» назвал своего сына полковник Литвин?

Был этот полковник Литвин каким-то странным. Только два примера.

Вызвал он однажды на срочное совещание всех комендантов районных комендатур города и командира батальона охраны, кого на время отпуска замещал я. У меня почему-то не было времени переодеться в форму для строя (брюки в сапоги), и я прибыл в брюках навыпуск, которые у нас, бывших фронтовиков, только стали входить в обиход. Да еще угораздило меня сесть в

первом ряду. Совещание Литвин проводил в каком-то клубном помещении, на сцене которого стоял большой стол, накрытый красным сукном, а на заднем плане красовался портрет Сталина во весь рост. Заметив, что я прибыл «не по форме», Литвин стал меня отчитывать, не стесняясь в выражениях. Что я не военный вовсе, раз не ношу сапоги, и что вообще такие штаны носят только дураки, и т. п.

Мне стало интересно, чем закончит он эти свои излияния, если обратит внимание на стоящий за его спиной портрет Сталина в полный рост, где тот изображен в кителе и… брюках навыпуск, хотя раньше чаще всего мы видели изображения Сталина именно в сапогах. И тогда я стал упорно смотреть не «в глаза начальству», а мимо, на портрет Генералиссимуса. В конце концов полковник проследил за моим взглядом, увидел изображение Верховного, внезапно резко оборвал затянувшееся морализование и со злостью скомандовал мне «Садитесь!». Возненавидел он меня за это люто. И даже когда поступило распоряжение для передачи Польскому правительству списков офицеров, участвовавших в освобождении Варшавы и других польских городов, для награждения польскими орденами и медалями моя фамилия была вычеркнута лично Литвиным. Так он отомстил мне, лишив, таким образом, меня польского ордена, кажется, «Виртути Милитари» какой-то степени. Как я узнал потом, этим орденом или медалями другого достоинства были награждены многие офицеры, в том числе и мой друг Борис Тачаев, благо он служил не в сфере контроля полковника Литвина.

Другой памятный случай произошел сразу же после того, как военный комендант города Лейпцига, полковник Борисов, был отозван в Москву, в Главное управление кадров. Мы тогда подумали, что его берут на повышение, но как мы ошиблись! Нагрянувший в нашу комендатуру с проверкой полковник Литвин нашел какие-то недостатки в работе секретной части, которая подчинялась мне. Посчитав, что в этом повинен лично я, и объявив мне 3 суток ареста с содержанием на гауптвахте, он приказал немедленно отправиться на гарнизонную «губу». В ответ я заявил, что, поскольку гауптвахта состоит под охраной того батальона, в котором я совсем недавно был прямым начальником всего личного состава, да он продолжает находиться и сегодня под моим контролем, то солдатам придется охранять своего начальника. А это противоречит уставу, и такое нарушение недопустимо. Полковник Литвин, кажется, позеленел от злости и несколько минут решал, как со мной поступить. Потом сказал, что завтра получу письменный приказ, и ушел.

Назавтра дежурный по комендатуре передал мне пакет, в котором был приказ и предписание убыть для отбытия наказания в город Дебельн, что километрах в 40 от Лейпцига. В общем-то, исполнительный человек, я в тот же день, созвонившись с этой комендатурой, выехал туда. Военным комендантом Дебельна был полковник Иванченко, который приказал своему заместителю майору Куташонкову надлежащим образом организовать исполнение приказа военного коменданта Лейпцигского округа. А с Куташонковым мы уже были знакомы по нескольким занятиям на сборах, проводимых в масштабе округа, на которых мне поручалось выступать в роли преподавателя теории стрельбы, в чем я обладал определенными знаниями, полученными не только в училище, но и в порядке самообразования.

С этим симпатичным майором, оказавшимся еще и моим ровесником, у нас сложились хорошие отношения, и условия «губы», где я содержался эти трое суток, были почти санаторными, включая и питание. Куташонков обеспечил меня и чтивом, к которому я не потерял интереса. По его просьбе я согласился после отбытия «ареста», как только выберу время, приехать и провести с офицерами занятие по теории стрельбы, аналогичное тому, что проводил на окружных сборах. Ни он, ни я не предполагали, как скоро эти занятия состоятся.

У полковника Литвина с комендантом города полковником Борисовым, видимо, были сложные отношения, и как бы не без его ведома отозвали Владимира Алексеевича, так как Литвин сразу же начал расчищать «гнездо» своего тайного врага. Наверное, тогда под горячую руку Литвина попал и я, как «приближенный» к Борисову, поскольку не прошло и месяца после отъезда из Лейпцига коменданта Борисова, как я был назначен «в ссылку» с фактическим понижением на должность, которая именовалась почти так же, как и в Лейпциге, но в совсем маленьком городе, которым оказался (не удивляйтесь!) тот же Дебельн.

Наверное, полковник Литвин продумал это мое назначение и решил, что он унизит меня еще и тем, что буду служить теперь в коллективе, который был свидетелем моего «публичного» наказания с содержанием на гауптвахте. Конечно, догадается читатель, он ошибся. Поскольку это все случилось уже во второй половине 1947 года, то в Дебельне я прослужил всего несколько месяцев, успев, однако, провести несколько обещанных уроков. В декабре 1947 года пришел приказ коменданта округа полковника Литвина о переводе меня в Союз «по плановой замене». В Лейпциге мы погрузились в местный поезд до Берлина, а там

вскоре уже знакомый поезд «Берлин — Москва» уносил нас на восток, на родную землю Советского Союза.

Я рассчитывал, что сразу же попаду в город Ковров (под Москвой), откуда мне пришла замена, и предписание мне по замене было именно туда, на должность, освобожденную начальником разведки дивизии, убывшим на мое место в Германию. И от столицы недалеко, да. Вроде бы все складывалось удачно. Я даже уже представлял, каким боевым опытом смогу поделиться с разведчиками, что ценного именно из штрафбатовского арсенала боевого опыта передам им. В Москве наши пути с моей тещей, Екатериной Николаевной, разошлись: она поехала в Ленинград, где жила раньше, до войны, а мы остались в столице ждать нового назначения.

Но там пошло все совсем не так, на пути встали многие препятствия, которых я не предвидел и о которых в силу своей жизненной неопытности не мог и предположить. О некоторых подробностях этого — в главе 25.

Началась наша новая жизнь, и продолжалась моя военная служба уже на советской земле, еще далеко не залечившей раны войны, не залатавшей все образовавшиеся дыры в экономике. В этой жизни было много интересного и неожиданного. Здесь мне судьба тоже приготовила немало встреч с разными людьми, о чем я постараюсь в силу своего умения рассказать в последующем.

Глава 23
Памятные и поучительные встречи

На память не бывает сроков —
Живем наследием отцов!
Россия — Родина пророков,
Героев, воинов, борцов.

По Н. Гульневу

Россия начиналась не с меча,
Она с косы и плуга начиналась.
Не потому, что кровь не горяча,
А потому, что русского плеча
Ни разу в жизни злоба не касалась…

Эдуард Асадов

Вот и наступило время перейти к памятным встречам.

Я напомню читателю, что за время пока тогда еще непродолжительной армейской службы мне довелось встретить начальников, память о которых осталась светлыми эпизодами на всю оставшуюся жизнь. Читатель, конечно, помнит и моего первого командира роты, младшего политрука Тарасова Николая Васильевича, который стал для меня примером в становлении моей командирской биографии. Может, менее убедительно я рассказал в эпизодах из училищного периода о командире нашей курсантской роты старшем лейтенанте Литвинове (имя и отчество его, к сожалению, не помню), который тоже служил мне примером во многом.

Но уж о фронтовых встречах, о своем командире штрафбата полковнике Осипове Аркадии Александровиче, ставшем для меня вообще образцом офицера, читатель знает многое, ему лично специально посвящена целая глава этой книги. Не меньше я говорил и о встрече с легендарным командармом-3, генералом

Горбатовым Александром Васильевичем, лично которого видел и слышал всего минут 15–20, но влияние которого на мою последующую воинскую службу просто несравнимо.

Теперь перейдем к моим встречам уже после войны. В то время, когда я продолжал работать у полковника Борисова, одной из моих обязанностей стало, видимо, перешедшее со мной из батальона охраны поручение встречать именитых гостей Лейпцига и сопровождать их по городу.

В бытность мою еще заместителем комбата охраны при военной комендатуре Лейпцига первым, кого я встречал, был командующий бронетанковыми и механизированными войсками в Группе Советских войск в Германии, маршал бронетанковых войск Ротмистров Павел Алексеевич. И сразу же произошел казус. Выехал я в указанное мне место на берлинскую автостраду («автобан», по местной терминологии), где и должна была в условленное время произойти встреча. Подождав с полчаса после установленного времени, я решил проехать дальше, чтобы узнать, не случилось ли что с машиной маршала, или, может быть, я неверно определил точку встречи. Проехав километров пять-шесть, машины маршала не обнаружил. Заметил только, что в стороне от шоссе в нескольких местах стоят машины, и то ли их ремонтируют водители, то ли хозяева этих машин расположились на пикник. Прошло уже более часа, и я решил вернуться в комендатуру. В городе по телефону от дежурного по одной из районных комендатур доложил полковнику Борисову об этом. Тот, несмотря на свою обычную выдержанность, назвал меня ротозеем и приказал срочно прибыть для объяснений, так как маршал уже добрался сам.

Надо догадаться, с какими чувствами я ехал туда. В кабинете коменданта увидел маршала с характерными, почти буденновскими усами и круглыми, совсем не модными даже тогда очками. Не успел я обратиться к маршалу, чтобы он разрешил мне доложить полковнику о прибытии, как комендант сразу обрушился на меня с вежливыми, но необычайно едкими для него словами укора. Тогда маршал Ротмистров остановил его, сказав: «Не ругай этого симпатичного молодого майора. Он честно старался меня найти, но с моей машиной что-то случилось, и я приказал шоферу съехать с дороги, чтобы устранить неисправность. А сам, утомленный дорогой, снял свой китель и отдыхал рядом с машиной. Я видел, как этот майор проезжал мимо, но не подумал, что это мой провожатый. Вот так мы и разминулись и, пожалуйста, не наказывай его, он не виноват».

Так, без последствий закончилось недоразумение с моей первой неудачной встречей именитого гостя. Но то ли потому, что я тогда впервые после окончания войны так близко имел контакт с выдающимся военачальником, то ли потому, что почувствовал его личное покровительство и защиту от гнева своего уважаемого начальника, эта встреча оставила во мне глубокий след.

Потом я всю свою последующую военную службу стремился не упускать из поля зрения судьбу понравившегося мне маршала, хотя по служебной линии вроде бы к его «епархии» не относился. Он — танкист, а я — пехота. В дальнейшем моя военная специальность переходила то к автомобильной, то к воздушно-десантной службе, а то и вообще к преподавательской работе.

Я внимательно следил за его перемещениями по службе и пытался проследить его путь во время войны. Узнал даже, что в годы известных репрессий он был обвинен (не знаю, кем именно, не тем ли Мехлисом?) в связях с «врагами народа». Отвергая все обвинения, Ротмистров написал опровержение в ЦК ВКП(б), в результате был восстановлен в партии и даже получил назначение преподавателем в Военную академию механизации и моторизации РККА имени Сталина. Видимо, тянувшийся за мной (или казавшийся) шлейф отца, репрессированного по ст. 58, многие годы, как-то по-особенному приближал в моем представлении наши судьбы, хотя и тогда я понимал, что похожего в них мало.

Уже в сентябре 1941 года полковник Ротмистров — командир танковой бригады на Северо-Западном фронте, а в танковом сражении под Прохоровкой на Курской дуге уже генерал-полковник Ротмистров — вел свою 5-ю танковую армию на форсирование Днепра. В феврале 1944 года 43-летнему Павлу Алексеевичу Ротмистрову присваивается воинское звание маршала бронетанковых войск.

Честно говоря, я был несколько удивлен, что звание Героя Советского Союза Павел Алексеевич получил не во время войны, а только к 20-й годовщине Победы. Не шлейф ли довоенного клеветнического «обвинения» тому виной? Похоже, вошла в жизнь маршала та самая категория несоответствия «преступления и наказания». Может, все реже напоминавшее мне состояние чем-то наказанного за провинности предков проектировалось и на других в похожих ситуациях.

Главный маршал бронетанковых войск, доктор военных наук, профессор, бывший начальник Военной академии бронетанковых войск, автор многих трудов по использованию танковых войск в боях и операциях, Герой Советского Союза Павел Алексеевич

Ротмистров умер в Москве в 1982 году.

Более успешная, чем с маршалом Ротмистровым, на той же лейпцигской дороге была встреча с маршалом Советского Союза Буденным Семеном Михайловичем, народным героем Страны Советов. Он тоже еще не был Героем Советского Союза, и только в 1958, 1963 и 1968 годах ему трижды присваивалось это высокое звание. Приезжал Семен Михайлович на открытие первой послевоенной международной Лейпцигской ярмарки, открывшей свои ворота в мае 1946 года при поддержке советской администрации.

Встреча произошла в точно назначенном месте и близко к условленному времени, так что ждать мне маршала на этом месте пришлось не более 10–15 минут. За машиной маршала следовало еще четыре или пять легковых автомобилей. Семен Михайлович подозвал меня к своей машине, указал мне на свободное место рядом с водителем, тоже майором, как и я, и приказал ему следовать туда, куда я буду указывать. Лейпциг я уже знал неплохо, поэтому ориентировался в нем достаточно свободно. По дороге маршал расспросил и о семье, и о моей войне. Я не скрыл от него и службу в штрафбате, которую тогда не было принято афишировать, на что он будто не обратил внимания, во всяком случае, по этому поводу не задал ни одного уточняющего вопроса, видимо, щадя мои обязательства не распространяться об этих необычных формированиях военного времени.

Я должен был доставить всю эту вереницу машин прямо на ярмарку. Все было удачно, даже на выставке ко времени прибытия маршала был выставлен от батальона охраны почетный караул, который возглавлял командир роты нашего батальона охраны, красавец цыганских кровей, старший лейтенант Бадер, щеголеватый офицер, мастерски владевший строевыми приемами. Семен Михайлович принял его рапорт, потом поздоровался с комендантом полковником Борисовым и его окружением, а затем обернулся. Увидев меня, поманил к себе пальцем и как-то особенно тепло, по-отечески поблагодарил меня, пожал мне руку и пожелал успехов в дальнейшей службе на долгие годы. Забегая на более чем десяток лет вперед, расскажу сразу и о других встречах с этим прославленным маршалом.

Одна из них произошла в конце 50-х годов прошлого века в Костроме, где я проходил службу заместителем по технической части командира 105-й Гвардейской Венской Краснознаменной воздушно-десантной дивизии, где я оказался после расформирования 8-го Гвардейского воздушно-десантного

корпуса, штаб которого размещался в древнем белорусском Полоцке.

Поскольку в Костроме по должности я состоял в числе шефов местной организации ДОСААФ, то принимал участие во всякого рода «досаафовских» мероприятиях городского и областного масштаба. В 1958 году на областную отчетно-выборную конференцию ждали и маршала Буденного, куратора в те годы Всесоюзной организации ДОСААФ. К тому времени ему уже было присвоено звание Героя Советского Союза.

Приехал Семен Михайлович утренним поездом, дав накануне в штаб дивизии по ЗАС (засекречивающая аппаратура связи) телеграмму: «Почетный караул не выставлять». (А для встреч маршалов такая процедура была предусмотрена армейскими уставами.) Тогда наш комдив, генерал Симонов Михаил Егорович, как начальник гарнизона решил для встречи маршала Советского Союза выставить своеобразный офицерский «караул» из одних полковников. Только в управлении дивизии нас набралось 7 полковников, да еще 2 командира парашютно-десантных полков, среди которых Герой Советского Союза полковник Юдин. Так что вместе с генералом-комдивом нас на вокзале оказалась группа из 10 одетых в парадную форму, достаточно рослых военных. Да еще руководители обкома, горкома и соответствующих исполкомов примерно в таком же количестве прибыли на вокзал. Так что и без почетного караула встречающих набралось внушительное количество.

Платформы на уровне пола вагона на перроне в Костроме не было, и маршал, несмотря на свой уже довольно солидный возраст, проворно спустился из вагона по ступенькам. Несколько удивившись такой многочисленной группе, выстроившейся напротив вагона, в ответ на приветственные речи генерала и секретаря обкома заметил: «Ну и перехитрил ты меня, генерал, таким караулом!» Проходя вдоль «полковнического» строя и пожимая каждому руку, говорил какие-то добрые слова вроде «Успехов вам в службе!». Когда очередь дошла до меня, он, сказав примерно те же слова и отходя к другому офицеру, вдруг, словно запнувшись, остановился, снова повернулся ко мне и, прищурив свои добрые, под густыми бровями глаза, как бы про себя сказал: «А с тобой, молодой полковник, я, кажется, где-то уже встречался». Я был поражен! Ведь с той, лейпцигской, практически мимолетной встречи прошло больше десятка лет! Но успел в ответ выпалить: «Так точно, в Лейпциге, в 1946 году, товарищ маршал Советского Союза!» Семен Михайлович улыбнулся в свои знаменитые, ставшие еще более пышными, хотя и не такие уже смоляно-черные, чем тогда, усы и пошел дальше

вдоль нашего строя и к группе гражданских представителей местной власти.

Открытие конференции состоялось в тот же день, в 12 часов в областном театре имени А.Н. Островского. Мы все уже собрались, и буквально за одну минуту до открытия в зал вошел маршал Буденный в сопровождении секретаря горкома КПСС И.Г. Лещева и руководителей области и города. Пока зал бушевал рукоплесканиями, все, кому там надлежало быть, уселись за длинным столом на сцене. Я оказался недалеко от маршала, который, увидев меня, приветливо кивнул и так же, как на вокзале, улыбнулся, но ничего не сказал. Я бы все равно ничего не услышал из-за бурных аплодисментов, которыми переполненный зал продолжал приветствовать легендарного маршала.

Когда наконец по просьбе самого Семена Михайловича зал утих, а все, в том числе и президиум, уселись, конференция начала работу. Маршал через сидящего с ним рядом генерала Симонова передал мне, чтобы я подошел к нему в конце дня после конференции.

Случилось так, что не суждено было продолжиться тогда нашим контактам. Я вдруг почувствовал резко усиливающиеся боли в правой части живота и ощущение все разрастающегося жара во всем теле. Едва дождавшись перерыва, выходя из зала, подошел к своему комдиву, доложил ему о необходимости уехать в медсанбат для выяснения. Тот сказал, чтобы я срочно ехал туда, а маршалу, если я к концу дня не вернусь, он доложит, как нужно. Как определили в медсанбате, у меня случился гнойный аппендицит «на грани перфорации», и буквально через час я уже лежал на операционном столе под ножом командира медсанбата майора медслужбы Ашихмана. Попросил его срочно сообщить комдиву о случившемся. Так и не получилось у нас разговора с маршалом, который, как я предполагал, мог быть очень интересным.

Спустя еще лет пять-шесть другая встреча с Семеном Михайловичем Буденным произошла на Всеармейском совещании военных автомобилистов в 1961 году, которое проводил генерал-полковник Смирнов, бывший тогда первым заместителем начальника Центрального автотракторного управления Минобороны СССР. К тому времени после операции на щитовидной железе я был признан по состоянию здоровья негодным к службе в ВДВ и был начальником автослужбы 38-й Общевойсковой армии Прикарпатского военного округа, участником такого совещания был впервые.

Наша автомобильная служба, возглавляемая часто болеющим

генералом И.Т. Коровниковым, была, мягко говоря, не фаворитом в Вооруженных силах, и совещание это А.Т. Смирнов, наверное, и организовал, чтобы изменить ситуацию. Может, именно поэтому в работе этого форума организаторов нашей службы в войсках принимали участие маршалы Советского Союза С.М. Буденный и И.Х. Баграмян, генералы армии А.С.Жадов и Д.Д. Лелюшенко. Известность и популярность маршала Буденного были такими, что пробиться к нему во время перерывов, когда Семен Михайлович не сидел за столом президиума, было очень непросто. Позвольте здесь мне привести фрагмент из книги генерал-полковника А.Т. Смирнова «50 лет в Автобронетанковой службе Министерства обороны», руководителя этого совещания.

«Сбор проходил организованно. Выступали представители видов Вооруженных сил, округов и флотов и высказывали деловые предложения по улучшению работы службы. Один из выступающих высказал мнение, что автомобиль сейчас обеспечивает маневр войск, как раньше обеспечивала его конница, что мы — автомобилисты — являемся преемниками и учениками славных конников, все лошадиные силы теперь в моторах наших машин. Зал разразился аплодисментами, а С.М. Буденный встал и несколько раз поклонился, и я увидел на его глазах несколько слезинок умиления и благодарности».

Хочу добавить к этому и то, что, кроме приведенного в книге, запомнилось мне. Этим выступающим был начальник автослужбы Северной Группы войск (Польша) полковник Золотов. В заключение своего выступления он попросил маршала, «поскольку сейчас почти все „лошадиные силы“ заключены в моторах автомобилей, взять под свое маршальское крыло нашу автомобильную службу». Конечно, это не могло не растрогать маршала, тем более что ему тогда было под 80 лет! Во время перерывов каждому хотелось хоть прикоснуться к этому любимому всем нашим народом человеку, и каждому, кто протискивался к нему, он пожимал руку и говорил какие-то слова. Когда и мне удалось оказаться напротив маршала, он, прищурив свои добрые глаза и протягивая для пожатия руку, вдруг сказал: «Ну как, полковник, здоровье? Без аппендикса-то легче?» Мое удивление, наверное, было таким неподдельным, что Семен Михайлович, широко улыбаясь в совсем уже побелевшие, но такие же, как всегда, пышные усы, добавил: «Многое еще помню, хоть и постарел!» Наверное, какая-то искорка гордости вспыхнула во мне за то, что помнит меня прославленный маршал, ставший дважды и трижды Героем значительно позднее. Многие удивлялись, почему эти почетные награды приходили к нему так поздно.

Член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, член Президиума Верховного Совета Советского Союза, он долгие годы входил в состав президиума ЦК ДОСААФ.

Во время моих последних лет службы в Харькове начальником военной кафедры автодорожного института, она неоднократно признавалась лучшей в Украине по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Мне присуждали Почетный знак ДОСААФ СССР дважды, и оба раза удостоверение к этим знакам подписывал прославленный маршал Семен Михайлович Буденный, что для меня, поймет читатель, имело особое значение.

Трижды Герой Советского Союза, кавалер 7 орденов Ленина, 6 орденов Красного Знамени, ордена Суворова I степени, многочисленных других наград СССР и многих иностранных государств, трижды награжденный Почетным революционным оружием, маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный умер на 91-м году жизни 26 октября 1973 года и похоронен в Москве, на Красной площади. Теперь, когда мне самому уже за 92, думаю: мог бы и Семен Михайлович пожить еще хотя бы с десяток лет.

Памятных встреч у меня за всю мою 40-летнюю армейскую службу было немало. В этой главе я коснусь лишь очень известных людей.

Одна из таких встреч, тоже еще в Лейпциге, с трижды Героем Советского Союза маршалом Георгием Константиновичем Жуковым, как теперь его называют — Маршал Победы. Не буду говорить о том, что этот вполне заслуженный эпитет — Маршал Победы — в последние годы тиражируется, во-первых, для того, чтобы поставить не на второй, а даже на более дальний план заслуги Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина в достижении Победы.

Кроме того, я бы не стал сейчас отстранять от группы Маршалов Победы тоже выдающегося полководца, маршала Советского Союза Константина Константиновича Рокоссовского, командовавшего Парадом Победы в Москве в 1945 году. Жаль, у меня не было личных встреч с ним, хотя бывал он в нашем штрафбате под Жлобином в декабре 1943 года, буквально за 2 дня до моего прибытия туда. Много слышал я восторженных слов о нем тех, кому довелось хоть очень коротко бывать под его обаянием. Я сам более года воевал на 1-м Белорусском фронте, которым командовал Константин Рокоссовский, горжусь тем, что был участником знаменитой операции «Багратион». Все мы тогда

ощущали его заботу о подчиненных, и в частности, о штрафниках-офицерах. Но к сожалению, личных встреч у меня с этим выдающимся военачальником не случилось.

Маршала Жукова я видел близко, метров с 10, в период, когда он, Главнокомандующий Группы Советских оккупационных войск в Германии, приезжал в Лейпциг весной 1946 года на оленью охоту. Я тогда еще был заместителем командира батальона охраны Лейпцигской комендатуры, и мне было поручено организовать охрану охотничьего участка, где находилось место стоянки машин маршала Жукова и сопровождавших его лиц.

Он оказался вовсе не великаном, каким я его себе представлял, а среднего роста, крепким, кряжистым, плотным и вместе с тем довольно подвижным. Одет он был не в маршальскую форму, а в кожаную куртку, брюки и, кажется, в обычные армейские сапоги. На голове тоже кожаная, но то ли кепка, то ли какая-то неформенная фуражка несколько необычной формы, напоминающая картуз. Сам процесс охоты, загона и отстрела зверя проходил не на наших глазах, а невдалеке от места, где стоял охраняемый нами автомобиль маршала. Мы только слышали несколько выстрелов. Вскоре все собрались на той же площадке, где стояли машины. Оказалось, что выстрел Жукова был неудачным.

Стрелял он в бегущего оленя и вогнал заряд в дерево, за которое в момент выстрела тот забежал. Организаторы охоты уложили двух рогатых и поручили майору Мильштейну предложить маршалу в подарок один из охотничьих трофеев. Маршал, расстроенный неудачей, как-то набычившись, посмотрел на него и громко, четко (так, что и мы все слышали), крепко по-русски, сочно, не длинно и не зло, но достаточно «ненормативно» выругался. И в дополнение сказал запомнившуюся мне фразу: «Я не на мясозаготовки приехал, а на охоту!» Острые русские слова, вырвавшиеся из уст Георгия Константиновича, были будто привычно произнесенными и свидетельствовали о том, что маршал в особо острые моменты не очень избегал таких выражений.

Это заметно отличало Георгия Константиновича от другого Маршала Победы — Рокоссовского. Кстати, говорят, когда Жуков, бывший в прошлом в подчинении у Рокоссовского, в ситуации, когда уже был во время Отечественной войны старшим по должности, в телефонном разговоре с Рокоссовским позволил себе проявить подобную фразеологию. Рокоссовский на это среагировал просто: он прямо заявил Жукову, что, если тот позволит себе еще раз такой тон разговора, Рокоссовский просто

положит трубку телефона. И Георгий Константинович извинился.

Что из этой охоты получилось, вы уже знаете. Боялись, что от разгневанного военачальника кому-нибудь из организаторов этой охоты, сложившейся неудачно для Главкома Группы войск, «перепадет на орехи». Но «событие последствий не имело».

А вскоре на посту Главкома ГСОВГ Жукова сменил недавно получивший высокое воинское звание маршал Советского Союза Соколовский Василий Данилович, бывший до этого начальником штаба у Жукова. Внезапное смещение маршала Жукова с должности Главнокомандующего Группы войск и назначение на его место В.Д. Соколовского породило тогда немало слухов и домыслов. Это было как гром среди ясного неба. В солдатских казармах и комендатурах уловившие дух высочайшей немилости к героическому маршалу начальники и политработники срочно снимали портреты трижды Героя Советского Союза, маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Говорили что-то неясное и невнятное про неправильную его политику в отношении союзников.

Новому Главкому, маршалу Соколовскому, срочно понадобилось изготовить в Лейпцигской образцовой типографии различные именные папки с оттиснутыми на них золотом титулами нового Главнокомандующего. В этом срочном заказе были различные блокноты, пачки высококачественной бумаги с реквизитами нового Главкома. Этот заказ срочно изготовили, а отвезти его в Берлин, а точнее — в Потсдам, где размещался штаб Группы войск и Советской военной администрации, поручили мне.

Погрузили в легковой автомобиль все эти объемистые тюки и пакеты. Было уже около полудня, когда с двумя вооруженными солдатами мы тронулись в путь. К Берлину же мы подъехали почти на закате, потом преодолели несколько КПП, где у нас тщательно проверяли документы и осматривали груз. В результате, когда мы добрались до здания, где работал Главком, уже наступил вечер. Стоявший при входе в это здание офицер, проверив мои документы, предложил немного подождать. Вскоре к нему вышли два хорошо одетых сержанта, которые взяли весь этот груз, и повел нас офицер длинными коридорами в кабинет Главкома, оставив в машине сопровождавших меня солдат. Задержав меня в приемной, офицер через некоторое время с разрешения дежурного по приемной майора подал знак, чтобы я вошел в кабинет, а за мной внесли весь этот груз.

Я вошел, увидел маршала Соколовского и постарался четко доложить ему о выполнении его задания. Удивительно, но во

время моего рапорта Главком встал. Непривычным показалось, что маршал встал перед майором, но то был обычный жест армейской вежливости, не более. Сразу вспомнился наш комбат подполковник Батурин, который никогда не вставал передо мной, лейтенантом или чуть позднее майором, как и перед другими офицерами в подобных случаях.

Василий Данилович показался мне очень высоким, с лицом суровым и в то же время приветливым. Просмотрев каждый предмет, даже пролистав бегло несколько блокнотов, он поблагодарил меня за доставку и попросил передать его благодарность коменданту Лейпцига и всем, кто организовал исполнение его поручения. В конце визита он пожал мне руку. Его рукопожатие было твердым, решительным, и у меня сложилось впечатление, что его ладонь значительно больше моей, тоже не очень маленькой, и эта ладонь либо плотника, либо хлебопашца. Ранее я почти ничего не знал об этом военачальнике, как-то не жаловала его своим вниманием пресса. Но после встречи подумал, что он неплохая замена здесь, в Германии, всемирно знаменитому маршалу Жукову.

А вот когда я уже служил в комендатуре Лейпцига, самой запомнившейся мне в подробностях стала встреча с сыном Генералиссимуса Сталина — генерал-майором авиации Василием Иосифовичем Сталиным. О нем я много слышал еще в штрафбате от летчика-штрафника Петухова, тяжело раненного в боях за Брест и умершего на операционном столе в медсанбате. Читатель, наверное, помнит, что после этого летчика на тот же операционный стол пришлось на операцию ложиться мне. Мой боец Петухов служил до штрафбата в истребительной авиадивизии, которой командовал Василий Сталин, тогда еще полковник. Много рассказывал штрафник Петухов о своем комдиве, смелом летчике, не раз участвовавшем в боевых вылетах, хотя все его заместители, как могли, удерживали его от таких рискованных шагов, ставя себе задачу уберечь от непредвиденного сына Верховного Главнокомандующего и вождя народов, а «полковник Василий обязан беречь фамилию, которую носит».

Когда ранним летом 1947 года для встречи Василия Сталина, решившего посетить город Лейпциг, я выехал по обыкновению на берлинскую автостраду, то уже издали увидел плотно идущую колонну автомобилей, в которой, кроме нескольких легковых машин, были две большие грузовые машины-фургона. Я вышел из машины и встал на обочине. Вся эта колонна остановилась, и из первой машины вышел массивный подполковник, который, почти

не объясняясь, приказал мне садиться в его машину и вести всю колонну в резиденцию, предусмотренную для высокого гостя. А этой резиденцией у нас была благоустроенная загородная вилла Predel («Предель»). Там дежурный офицер распределил по стоянкам грузовые и часть легковых автомобилей. Меня подозвал генерал Сталин. Я впервые увидел его, обратив внимание на то, что он, совсем еще молодой для генеральского чина и вроде бы в только что отутюженном новеньком мундире, тем не менее, как мне показалось, очень похож на своего отца, Иосифа Виссарионовича в молодости. Особенное сходство показалось мне с фотографией Иосифа Джугашвили, помещенной в книге «Биография И.В. Сталина», на которой он, тогда еще молодой Сосо, изображен в профиль с каким-то платком вокруг шеи. Роста генерал был небольшого, да и фигура его плотной не показалась. Он спросил, где комендант, почему его нет здесь.

Понимая, что передо мной не обычный генерал-майор, а сын нашего великого вождя, я как-то растерялся и сказал, что комендант ждет генерала в комендатуре. В ответ на это Василий Иосифович Сталин произнес, как мне показалось, недовольным тоном: «Могли бы и здесь встретиться». Что-то он сказал одному из своих офицеров, тот подал знак, и несколько легковых машин вырулили по направлению к выезду с территории виллы. Мне было приказано снова сесть в головную машину (мой служебный «Опель», естественно, опять замыкал колонну), и мы выехали. Офицеры, дежурившие на вилле, по телефону сообщили в комендатуру о нашем отъезде.

Вскоре мы остановились перед входом во двор комендатуры, где в ожидании гостя уже стоял полковник Борисов со своими заместителями. Встреча коменданта и генерала была на удивление теплой и сердечной. Разглядел я и жену Василия Сталина, высокую, статную, как будто рисующуюся своей внешностью. А оказалась ею дочь маршала Тимошенко, Екатерина Семеновна. За ними шли в штатском, как оказалось, их личный врач и тот довольно грузный подполковник, да еще старший лейтенант, то ли ординарец, то ли адъютант.

Все поднялись на второй этаж и вошли в кабинет Борисова. Вместе с ними зашли заместитель коменданта полковник Пинчук, начальник политотдела полковник Виноградов. Я не был туда приглашен и остался у дверей в ожидании какой-нибудь команды. И хорошо, что не ушел в свои апартаменты. Из кабинета коменданта тотчас вышел старший лейтенант и попросил показать ему ближайшие туалеты, мужской и женский. После довольно долгого их обследования офицер вышел, удивился, что я еще не ушел, поблагодарил меня за оказанную услугу и ушел

снова в кабинет коменданта.

Генералу Сталину в качестве объектов культурной программы были предложены варьете, театр балета и цирк. Он выбрал цирк и поехал туда с полковником Пинчуком, женой, личным врачом и тем самым тучным подполковником. Мне и еще одному офицеру из батальона охраны, жгучему брюнету, старшему лейтенанту Бадеру, было приказано сопровождать и охранять их.

В цирке, как и в других культурных учреждениях Лейпцига, всегда были оборудованы несколько лож для военных властей города. Одну из лож заняли почетные гости: в первом ряду разместились генерал Василий, его жена и полковник Пинчук, а позади них тот самый таинственный подполковник и врач.

Мы поместились рядом, в соседней ложе. Причем сели так, что меня от главного гостя отделял только невысокий барьер с подлокотником, на который генерал иногда клал свою руку. И эта кажущаяся близость, естественно, волновала меня: ведь я сижу рядом и даже чуть не касаюсь человека, носящего великую фамилию — Сталин! Конечно же, почти украдкой я рассматривал и лицо, и руку, ложившуюся на обитый бордовым плюшем подлокотник. Обратил внимание на заметную рыжеватость растительности на тыльной части ладони и что-то вроде веснушек на ней. Подумалось тогда, что это, наверное, не отцовская, а материнская наследственность.

Первое отделение циркового представления с гимнастами, борцами, акробатами, жонглерами, силовиками и клоунами, работавшими в непривычной для нас манере немецкого плоского, пошлого юмора, гости смотрели, как мне показалось, без особого интереса. Когда первое отделение окончилось и служители цирка стали устанавливать на арене оборудование для аттракционов с хищниками, генерал Василий вдруг схватил Пинчука за руку и говорит: «Веди меня к зверям, хочу посмотреть на них до выхода на арену». Пинчук вроде бы пытался, хоть и не очень решительно, остановить генерала, ему было неудобно: ведь и коменданта, и его замов население города знало и относилось к ним с подобострастной почтительностью, свойственной немцам в общении с их высоким начальством. Но остановить гостя ему не удалось, и вот так, за руку, пошел он вслед за генералом через еще не огороженную часть арены. За ними сразу же последовал и подполковник. Когда они возвращались, ограждение уже было установлено, и им пришлось идти непосредственно вблизи зрителей-немцев, занявших места в первых рядах. Заметно было их удивление непосредственностью советского генерала и одного из заместителей коменданта.

Но вот началось второе отделение с участием зверей. Они (звери), оказывается, не учли, что в ближней ложе сидят именитые гости, и вели себя несдержанно, так что служителям арены требовалось оперативно засыпать опилками или песком то, чем некоторые животные отмечали свое пребывание здесь. Конечно же, «аромат» этих отметин не могли нейтрализовать ни опилки, ни песок, и он достигал обоняния гостей, но беспокоил, как показалось, только даму. Врач передал жене Василия несколько мандаринов, и она, очищая их, чтобы ароматными дольками заглушить неприятные запахи, бросала корочки через плечо назад, а там услужливо их ловили и врач, и этот солидный подполковник.

Естественно, что какая-то часть зрителей смотрела уже не на арену, а на гостевую ложу. Нам стало стыдно за беспардонность супруги генерала. Это когда о Василии и его семье стали много писать, я узнал из воспоминаний Александра Бурдонского, сына Василия от первой жены, что Екатерина Семеновна — женщина властная и жестокая. По-моему, и здесь она проявила не только эти негативные черты, но еще и нарочитую беспардонность и презрение к людям вообще. Утешала только мысль, что немцы не знали, что она жена сына великого Сталина, победившего гитлеровскую Германию.

После цирка полковник Пинчук уехал с гостями на виллу, где их уже ждал комендант Лейпцига полковник Борисов. Мне туда уже не нужно было, и я не был свидетелем того, что мне рассказывали очевидцы, как генерал Василий, увидев там обильный стол, накрытый в его честь, сказал полковнику Борисову: «Это все не для меня. Ешьте и пейте это сами. А мне покажите комнату, где я могу поужинать и отдохнуть». Оказывается, эти большие фургоны в автоколонне генерала были его походной кухней и складом-рефрижератором. За ним, оказывается, следовали повара и официанты, а также московские продукты и напитки. В общем, это было, как нам представляется теперь, естественным приемом, придуманным охраной сына Генералиссимуса. Все-таки в Германии могли найтись какие-нибудь «Отто Скорцени», которые, как известно, собирались совершить покушение на глав союзнических государств в Тегеране в 1943 году, а здесь такой случай…

В последующем обеспечении программы пребывания генерала Василия Сталина в Лейпциге я не участвовал, знаю только, что он провел в Лейпциге два дня, и дальнейших контактов у меня с ним не было. Осталось лишь ощущение

необычного случая увидеть близко человека, родного нашему Генералиссимусу, да еще возникшая неприязнь к его супруге, так высокомерно ведущей себя напоказ.

Естественно, эта встреча с сыном нашего Верховного, всемирно признанного руководителя великого Советского Союза, не могла оставить меня равнодушным к его судьбе. И его выдвижение на более высокие воинские посты, и строгость Генералиссимуса по отношению к своему сыну-генералу, и гипертрофированное увлечение генерала Василия созданием спортивных команд и сооружений, и, чего греха таить, провокационное вовлечение его в алкогольные «компании» — все это имело место. Но было известно также, что, кроме четверых собственных детей (по двое от первой и второй жен), у Василия было еще и трое приемных, что говорило о его доброте и бескорыстии. А смерть его великого отца развязала руки Никите Хрущеву, организовавшему месть ушедшему в мир иной «хозяину».

Есть народное выражение: «Лягнуть мертвого льва может любой осел». Вот и захотел Никита «лягнуть» Иосифа Виссарионовича хотя бы через его сына, унижая его, издеваясь над ним вплоть до хорошо замаскированного убийства, как предполагают многие.

Пожалуй, именно в действиях Хрущева по отношению к сыну Сталина Василию проявилась антибиблейская версия постулата «сын за отца». Причем не об ответственности сына за дела и грехи отца, а просто низкая месть сыну за свою ненависть к его отцу, перед которым сам раболепствовал. Василий Сталин — жертва несостоявшегося культа личности Хрущева, несмотря на откровенные попытки самого Никиты Сергеевича создать культ своей личности. Недаром широко было известно изречение: «Был культ Сталина, но была и личность».

В моей многолетней воинской службе случалось много значительных встреч. Перейдем вначале к костромским.

О второй встрече с Семеном Михайловичем Буденным, которая случилась в конце 50-х годов прошлого века именно в Костроме, где я проходил службу заместителем командира 105-й воздушно-десантной дивизии по технической части, как и о третьей, я уже рассказал. Но Кострома подарила мне еще встречу с героическим защитником Брестской крепости, Героем Советского Союза Петром Михайловичем Гавриловым, и Николаем Николаевичем Скатовым, известным литературоведом-пушкинистом, тогда еще молодым, подающим надежды аспирантом.

Вначале о встрече с героем Бреста Гавриловым летом 1958 года. К нам в военный городок десантной дивизии приехал первый секретарь Костромского горкома КПСС Лещев Иван Григорьевич, сын его служил в нашей дивизии. Партийный руководитель города был частым гостем у нас и оказывал заметную помощь дивизии, особенно в стройматериалах. В этот раз он позвонил и сказал, что хочет встретиться именно со мной, заместителем комдива по технической части. Меня несколько насторожило такое желание Лещева, но все прояснилось, когда с ним приехал Герой Советского Союза, представившийся просто: «Гаврилов Петр Михайлович. Хочу посмотреть, как служит мой племянник».

Оказалось, его племянник учился в дивизионной автошколе, находившейся в моем подчинении. А сам Петр Михайлович оказался тем самым майором Гавриловым, который в 1941 году, будучи командиром 44-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии, все 32 дня возглавлял героическое сопротивление бессмертного гарнизона Брестской цитадели. Как известно, даже фашисты вынуждены были признать мужество и стойкость защитников крепости.

Вот только одна фраза из доклада командующего 4-й немецкой армией генерал-фельдмаршала фон Клюге: «Враг защищается упорно и ожесточенно. Русские отвергли все предложения о капитуляции… Сражались до последней минуты и до последнего человека». Этим последним человеком и был майор Гаврилов Петр Михайлович. Его, последнего из живых защитников крепости, израненного, обессиленного, в бессознательном состоянии, немцам удалось наконец взять в плен.

Ко времени нашей встречи в Костроме это был пожилой мужчина, на лице которого отпечаталось в полной мере доставшееся ему лихо, о котором после встречи со своим племянником он, человек немногословный, поведал, хотя и очень кратко. Рассказал тогда нам Петр Гаврилович о своих злоключениях как-то нехотя, и о пережитом почти за 4 года фашистского плена, и о непросто складывавшейся судьбе его потом, когда уже в победном мае 1945 года он был вызволен из фашистской неволи. Поведал он, правда, не очень подробно и о том, как после длительной, не всегда уважительной проверки уже нашими органами в «сибирской ссылке» ему все-таки поверили и возвратили в офицерские кадры Красной Армии. Он счастливо миновал почти неизбежный по тому времени штрафбат на дальневосточных фронтах и после мая 45-го до конца войны с Японией. Назначили его тогда начальником лагеря

военнопленных японцев. Дескать, с учетом «приобретенного опыта».

В 1956 году вышла книга Сергея Сергеевича Смирнова о героических защитниках Брестской крепости. Петра Михайловича Гаврилова, уже уволенного тогда в запас, восстановили в партии, и 30 января 1957 года, через 12 лет после освобождения из плена, ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Оказывается, иногда книги честных писателей играют большую роль в восстановлении правды, чему, надеюсь, послужит и эта книга.

В июле 1944 года, мы, штрафбатовцы, совместно с полком 38-й гвардейской стрелковой дивизии из последних сил сдерживали рвущиеся из брестского кольца превосходящие силы противника западнее Бреста. Тогда о геройском подвиге защитников Брестской крепости никаких подробностей еще не знали, а только слышали от некоторых наших бойцов-штрафников, бывших офицеров с довоенным стажем воинской службы, о долгом сопротивлении врагу гарнизона Брестской крепости.

По существовавшим в то время строжайшим правилам штрафбатам не дозволялось входить в города, за которые воевали и которые они освобождали. Обставлялось это либо отводом на другие участки боевых действий, либо даже выводом из боя. Так и в Бресте, и в самой крепости после их освобождения нам не довелось побывать еще и потому, что на момент освобождения Бреста мы оказались значительно западнее его в Польше.

Узнать же малоизвестные подробности защиты и освобождения Бреста и его героической крепости, увидеть самого стойкого ее защитника-героя Гаврилова Петра Михайловича довелось мне далеко от белорусского Бреста, в старинном русском городе.

Посетить же Брест и саму легендарную цитадель мне все-таки удалось в 2004 году, когда я был приглашен на юбилейные празднования 60-летия освобождения города. Обошел тогда всю территорию крепости, поклонился памятным монументам и братской могиле. Перечитал на ее камнях почти все 270 увековеченных имен из более 900 похороненных там павших героев обороны крепости и ее освобождения.

С некоторых пор на братских могилах воинов, павших за Родину, я читаю вслух фамилии, высеченные на тех скорбных плитах. Пусть хоть так звучат их имена, пусть это будет заслуженное поминание погибших. И дай бог, чтобы это поминовение не прекращалось никогда, сколько бы ни сменилось у нас поколений.

Поклонился тогда я и могиле моего кратковременного знакомого, Героя Советского Союза Петра Михайловича Гаврилова, который скончался 26 января 1979 года и по его завещанию похоронен в Бресте. Увидел на этом святом месте Бреста и потрясшие меня экспонаты всех залов Музея обороны цитадели. Детально знающая всю историю крепости девушка-гид подробно рассказала о тех, кто героически больше месяца не сдавал крепость врагу. О ее последнем защитнике майоре Гаврилове, пробывшем в фашистских концлагерях в нечеловеческих условиях почти всю войну, о том, какие воинские части сражались, чтобы изгнать фашистов со священной земли. Но ни слова, ни намека в ее рассказах не было на то, что в уничтожении многотысячного войска гитлеровцев, окруженных в Бресте, участвовал и немало голов сложил за это наш 8-й штрафбат.

Я подарил музею «Брестская крепость-герой» свою книгу «Штрафной удар», изданную в Санкт-Петербурге в 2003 году, а потом посылал в дар мемориальному комплексу по мере выхода в свет и другие мои книги, в том числе изданные уже и в Беларуси в 2009 и 2010 годах. Так что теперь хоть «намек» на участие офицерского штрафбата в освобождении Бреста в 1944 году там есть, да и надлежащее место в других музеях Беларуси эти книги тоже заняли.

Однако в Костроме, во время службы в ВДВ, мне посчастливилось встретить и человека, тогда еще совсем не мировую знаменитость, просто симпатичного, обаятельного и очень авторитетного преподавателя местного пединститута, только что окончившего аспирантуру и защитившего кандидатскую диссертацию в Москве. Это был высокий молодой человек, лет 25 или чуть больше, «очкарик», стеснявшийся фотографироваться в очках, стройный, с высоким лбом и густой шевелюрой. Его глаза с легким прищуром как бы внимательно вглядывались во все, на что он направлял свой взгляд, словно изучая даже лицо собеседника. Молодой человек в своей поразительно легкой общительности как-то необычно сочетал спокойствие и серьезность с открытой, обезоруживающей улыбчивостью. Им оказался Николай Скатов, которого я со своей тогдашней возрастной ступени (мне, полковнику, в ту пору шел аж 34-й год!) позволял себе называть его Колей.

Познакомил он со своей очень симпатичной и веселой невестой Руфой. Забегая вперед, скажу, что вскоре они стали супругами и до сего времени неразлучны.

Мои десантные дела, вылеты и выезды на учения не давали

времени на очень частые встречи, но это как-то даже укрепляло нашу дружбу. Когда же зигзаги военной службы увели меня далеко от Костромы, вначале на Западную Украину, а затем еще дальше — на самый Дальний Восток, в Уссурийск, — наши контакты стали очень редкими.

Однажды, будучи уже в отставке, в 1988 году при очередном посещении Ленинграда, буквально за час до отъезда домой в одной из радиопередач я услышал знакомое имя: Николай Николаевич Скатов. Тогда я не имел возможности задержаться, чтобы прояснить ситуацию, но при очередном посещении Питера мне удалось выяснить, что это именно тот Николай, тот самый Коля, с которым я подружился еще в Костроме! Мне без труда удалось разыскать и телефон, и адрес Николая Николаевича, уже известного литературному миру ученого.

Приятно было снова увидеть давнего знакомого и обнаружить, что произошедшее с нашей Родиной в перестроечные годы, сложные для истории нашей страны и каждого ее гражданина события не развели нас и наши мнения по разные стороны баррикад. Оказались идентичными наши оценки и явлений, уже прошедших и происходящих ныне, и мнения о многих личностях, так или иначе засветившихся в эпоху «дикого капитализма» и тотального разграбления всего, что было создано советскими людьми и защищено ими в годы войны. Теперь много лет мы не теряем теплых дружеских контактов.

Что произошло в жизни бывшего аспиранта Коли Скатова за годы прерывавшихся наших контактов, я узнал от него самого и из различных публикаций.

В 1962 году Николай Николаевич по приглашению Ленинградского пединститута имени А.И. Герцена переезжает из древней Костромы в Северную столицу, где много лет работал старшим преподавателем, доцентом, старшим научным сотрудником. Успешно защитил докторскую диссертацию-исследование «Некрасов и русская лирика».

Далее доктор филологии Скатов — профессор, заведующий кафедрой литературы, активный общественник, известный ученый-литератор, член ленинградского общества «Знание»; его интересные лекции по истории русской литературы, о жизни и творчестве знаменитых поэтов и писателей России широко популярны и востребованы, он член правления общества «Знание», курировал секцию литературы и искусства.

Талантливым пером уже всемирно известного ученого-литератора созданы и вышли в свет более 200 научных трудов, около 20 книг. Вполне естественно, что в 1987 году он становится директором ИРЛИ — Института русской литературы

(Пушкинский Дом) РАН.

А дальше, дорогой читатель, наберитесь терпения, чтобы осмыслить, по всей вероятности, еще далеко неполный перечень высоких титулов Николая Николаевича: член-корреспондент РАН; член научного совета при Совете Безопасности РФ; член президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН; заместитель председателя экспертного совета ВАК РФ; член редколлегий и редсоветов целого ряда литературных и научных изданий — «Университетская книга», «Литература в школе», «Аврора», «Наше наследие» и другие; главный редактор журнала «Русская литература»; соучредитель общественного фонда «Наш город»; постоянный автор «Литературной газеты». Решением совета директоров русского библиографического института Гранат в 2000 году присвоено звание «Человек года».

В 2006 году общественность России и Санкт-Петербурга широко отмечала 75-летие выдающегося специалиста в истории отечественной литературы, директора Пушкинского Дома Николая Николаевича Скатова. Конечно, на правах давнего друга я был приглашен на это торжество. Мы с супругой были просто ошеломлены тем, как чествовали этого поистине «Человека Эпохи», а не только 2000 года, и как я гордился своей более чем полувековой дружбой с ним.

Ныне нездоровье Николая Николаевича вынудило его покинуть и директорство Пушкинского Дома, и многие другие нелегкие посты, но он все равно неугомонен: в настоящее время он советник Российской Академии наук, член ученого совета ряда вузов Санкт-Петербурга. Крупный специалист в области истории русской литературы, он к настоящему времени автор уже более 300 научных и литературно-критических работ, в том числе 23 книг-исследований литературного богатства России, часть их с его дарственными автографами на наших книжных полках дома.

Обратите внимание: даже в последние годы, когда Николая Николаевича стали уже преследовать серьезные недуги, он продолжает свой исследовательский труд, и всегда рядом прелестная Руфина Николаевна, заботливая супруга, его первый читатель и критик. По себе, как говорят, забравшемуся на 90-е этажи своей жизни, знаю: букеты недугов очень осложняют жизнь, и такая забота — единственное условие ее творческого продолжения. Вот и каждая страница книги этой — результат усердия моей супруги Антонины Васильевны, главного домашнего редактора-корректора.

Та памятная, «долгоиграющая» встреча, происшедшая в период моей десантной службы в Костроме, имеет счастливое

продолжение и сегодня. Николай Николаевич на правах давнего друга побывал на моем 90-летнем юбилее и, хотя к десантным войскам отношения не имеет, напоминает мне о них своей верной дружбой, зародившейся в период моих памятных лет службы в родных ВДВ. Николай Николаевич Скатов своим служением великому русскому языку заслужил право быть в числе известных всему миру людей.

Заодно расскажу и о встрече с такой же известной личностью в мире литературы, с фронтовым писателем Константином Симоновым, которая случилась в 1965 году в дальневосточном Уссурийске, где я служил заместителем начальника военного автомобильного училища. Полагаю, все помнят об этом советском поэте и прозаике, о его «Солдатами не рождаются», «Живые и мертвые», «Дни и ночи», «Сын артиллериста», «Жди меня» и многом другом.

В 1965 году на празднование 20-летия Великой Победы он приехал на Дальний Восток и, встретив 9 Мая во Владивостоке, на следующий день приехал в Уссурийск, чтобы посетить знаменитый памятник дальневосточным партизанам, что находился на территории нашего училища. К этому памятнику в День Победы со всего Уссурийска тянулись колонны молодежи с гирляндами из цветов и хвойных ветвей. Мне довелось в числе гарнизонного начальства сопровождать Константина Михайловича. Я не буду утруждать вас известными фактами из жизни этого знаменитого военного писателя и поэта, они наверняка вам известны.

Трудно описать нашу встречу с выдающимся человеком в курсантском клубе, где он без устали читал свои фронтовые стихи. А потом дарил автографы. Тогда для этой цели из училищной библиотеки растащили все его книги. Когда мне при личном знакомстве с ним удалось рассказать о том, что недалеко от города есть удивительное место — могила Виталия Баневура (Бонивура), юноши восемнадцати лет, погибшего от рук японских оккупантов, Константин Михайлович попросил назавтра сопровождать его к этому историческому месту. Дорога недалекая, но гость наш успел расспросить меня о моих военных годах, заинтересовался очень нашей штрафбатовской историей и пообещал нам свою дружбу. И был верен слову — мы долгое время переписывались с ним.

После этого Константин Михайлович издал и подарил небольшую, но очень памятную для нас книжечку «Признание в любви». В ней он искренне признавался в любви к интересному своей историей и своей природой Дальнему Востоку, в частности

к Уссурийску, а мы, дальневосточники, принимали часть этих признаний и на себя лично — такое великое обаяние исходило от этого человека. Потом еще много лет мы изредка переписывались, а после своей поездки во Вьетнам он подарил книжечку стихов о нем.

Скончался Константин Михайлович 28 августа 1979 года в Москве. Согласно завещанию, прах К.М. Симонова был развеян над Буйничским полем под Могилевом, в Белоруссии. Там установлен 15-тонный памятный камень с мемориальной доской с надписью: «Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах».

О встречах с другими значительными для меня людьми я расскажу по ходу повествования. Определенное время мне довелось служить в Воздушно-десантных войсках и иметь контакты с героями-генералами Маргеловым Василием Филипповичем и Еншиным Михаилом Александровичем, чьи хотя и разные характеры и приемы воспитания подчиненных стали для меня важным примером в подготовке военных кадров.

Считаю для себя важным, что служил на Дальнем Востоке под началом тогда еще не маршалов, а генералов Петрова Василия Ивановича и Лосика Олега Александровича, которые в памяти моей остались примером исключительной порядочности и воинского такта. О встречах с ними и о других, действительно памятных встречах я расскажу в соответствующих местах своей книги. Там тоже будет над чем подумать в смысле соразмерности преступления и наказания.

Глава 24
Без вины виноватые и «инквизитор» Лев Мехлис

Способным завидуют, талантливым вредят, гениальным — мстят.

Никколо Паганини

Есть подлецы, убежденные, что их подлость есть высочайшее благородство.

Ф.М. Достоевский

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим.

Крылов И.А. «Волк и ягненок»

После окончания Великой Отечественной войны и длительной госпитализации из-за недолеченных военных ран примерно два года я прослужил на территории поверженной Германии. Вначале получил назначение на должность заместителя командира отдельного батальона охраны военной комендатуры города Лейпцига, где мне была поручена организация встреч и сопровождение по городу именитых гостей. Почти через год службы в батальоне меня перевели в непосредственное подчинение военного коменданта города полковника Борисова Владимира Николаевича на должность начальника оперативно-строевого отдела комендатуры. Одной из моих обязанностей стало, видимо, перешедшее со мной из батальона охраны то же поручение встречать и сопровождать по городу Лейпциг видных военачальников. Должен сказать, что именно это поручение позволило мне близко увидеть и общаться с маршалами Советского Союза Буденным С.М., Жуковым Г.К., Соколовским В.Д., маршалом бронетанковых войск Ротмистровым

П.А., генерал-майором авиации Сталиным В.И.

И все-таки самым первым, самым памятным событием в первые послевоенные годы я считаю службу в подчинении военного коменданта города Лейпцига, полковника Борисова Владимира Николаевича, бывшего армейского комиссара 2-го ранга, который запомнился мне как очень внимательный, справедливый и доброжелательный начальник, пользующийся огромным уважением всех, кому довелось служить в его подчинении.

О нем, как я уже рассказывал, в ходу были самые разные слухи. Из этих слухов мне, прошедшему школу штрафбата, было естественным поверить тому, будто по «протекции» известного самого главного политработника Красной Армии Льва Захаровича Мехлиса побывал он в штрафбате за провал Керченской операции.

Теперь я располагаю сведениями о реальной судьбе Владимира Николаевича, о том, как несправедливо обошлись с ним в самом начале войны и в послевоенное время и какую роль в этом сыграл именно Мехлис. Постараюсь рассказать об этом подробнее.

Прежде всего нужно отметить, что на самом деле Владимира Николаевича минули и Керчь, и штрафбат, но судьба его не щадила, хлебнул он в жизни и без этого немало. Мехлис, как известно, навредил не только генералам Петровскому, Горбатову, но и многим другим. Генерала А.В. Горбатова упекли на Колыму не без участия Мехлиса, который даже после освобождения и восстановления генерала в высоких чинах долго не доверял ему. Александр Васильевич вспоминал по этому поводу: «Когда мы уже были за Орлом, он вдруг сказал: „Я давно присматривался к вам. Я следил за каждым вашим шагом после вашего отъезда из Москвы и тому, что слышал о вас хорошего, не совсем верил“. Думаю, понятно, что значило мехлисовское „присматривался“, „следил“. Это значит: подсматривал, подслушивал, „принюхивался“, собирал „на всякий случай“ все, что могло послужить компроматом.»

Или вот история генерала Леонида Григорьевича Петровского. Заместитель командующего Московским военным округом, он в ноябре 1938 года не без участия Мехлиса уволен из армии и до августа 1940 года находился под следствием в органах НКВД.

В ноябре 1940 года по ходатайству наркома обороны Тимошенко вновь призван в РККА, восстановлен в более высоком звании и назначен командиром 63-го стрелкового корпуса 21-й армии. Известно, что на 13-й день войны корпус Петровского

отбил у немцев территорию двух районов Белоруссии, Жлобинского и Рогачевского, и удерживал их более месяца до самой своей гибели. Именно Мехлис помешал даже посмертному награждению генерал-лейтенанта Петровского Л.Г., совершившего подвиг не менее значимый, чем оборона Брестской крепости.

Злоключения Владимира Николаевича и без Керчи, и без штрафбата складывались ох насколько хуже. В материале «Бей своих!» у А. Чуракова (http://www.proza.ru/2009/03/21/396) и у В. Звягинцева «Война на весах Фемиды: Война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел» (М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006) в 2014 году я нашел некоторые архивные данные.

В них изложены подробности, подтверждающие истинные факты из реально сложившейся жизни Владимира Николаевича Борисова — армейского комиссара 2-го ранга, заместителя начальника Управления политической пропаганды Красной Армии.

Оказался он тогда заместителем Мехлиса неожиданно. Тот 21 июня 1941 года постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) был назначен начальником Главного управления политической пропаганды (ГУПП) РККА, сменив на этом посту армейского комиссара 1-го ранга Александра Ивановича Запорожца.

Я прошу читателя извинить меня за то, что помещаю подробности о Мехлисе рядом с материалами о людях достойных, которых считаю образцами для подражания. Но пусть этот контраст лишь сильнее подчеркнет и величие добрых и честных людей (чьи имена, в чем я уверен, украшают историю нашего советского времени), и низость, пагубность их антиподов.

Арестовали Борисова на 19-й день войны, 11 июля 1941 года, по личному указанию Л.З. Мехлиса на основании поступивших от него же в Управление Особых отделов НКВД СССР «материалов о его прошлом» и о «самовольном оставлении фронта». Из данных А. Чуракова в материале «Бей своих!» (ч. 1 и ч. 2) совершенно ясно, что Борисов вылетел в Москву не самовольно.

На допросе Владимир Николаевич показал: «Заместитель наркома обороны армейский комиссар Мехлис, очевидно, позабыл, что я прилетел в Москву с разрешения Народного комиссара Маршала Советского Союза Тимошенко. Хотя я в докладе Мехлису на его вопрос „Приехали?“ ответил, что прилетел с разрешения наркома. Адъютант наркома обороны Белокосков передал перед этим мне, что вылет в Москву разрешен и по распоряжению Народного комиссара обороны за мной был выслан самолет».<…> «27 июня, — продолжал Борисов, — армейскому комиссару 1-го ранга Мехлису я доложил

обстановку на фронте и попросил разрешения послать на фронт политработников для организации заграждения и наведения порядка среди отстающих одиночек и групп военнослужащих при отходе наших войск. Мехлис со мною согласился. 28 июня на фронт я был послан заместителем Народного комиссара Обороны Мехлисом. Мне дали 100 политработников, и с ними я поехал на фронт. Когда уходил от Мехлиса, он мне сказал: „Поезжай, организуешь заградительные отряды из политработников на участке от Полоцка до г. Острова. Об исполнении доложишь“. Из этого я делаю вывод, что ко мне никаких претензий не было…». <…> «11 июля (по выполнении задания) я был уже на докладе у Мехлиса, и он никаких упреков мне за то, что приехал в Москву, не сделал. Затем на вопрос Мехлиса, что думаю делать, я ответил, что прошу меня направить на фронт. Мехлис дал указание выписать мне документы на выезд в Юго-Западный фронт. Затем я был арестован».

Совершенно очевидно, указание о выписке документов на фронт было лишь маскировкой действий Мехлиса, заранее спланированных и продуманных.

Реальные факты истинной биографии военного коменданта Лейпцига полковника Борисова Владимира Николаевича, с которым меня свела военная судьба, и его фактические злоключения мне также довелось узнать из упомянутых публикаций Чуракова и Звягинцева.

Вот как «криминальное прошлое» Борисова выглядело в изложении Мехлиса в письме, направленном им 11 июля 1941 года «Товарищу Сталину» и «Товарищу Молотову»: «…Борисов признал, что он:…скрывал, что его отец был священником (везде писал учитель)…, скрывал добровольное вступление в белую армию…, обманным путем проник в партию большевиков…» и т. п., что он «с наступлением военных действий и трудностей на фронте в 1941 году поддался панике и выехал в Москву». Для пущей убедительности Мехлис вставил в письмо пассаж на самую «горячую» тему, отметив, что Борисов, находившийся с началом военных действий в Прибалтике, «с наступлением трудностей растерялся, самовольно приехал в Москву и рассказывал о положении на Северо-Западном фронте в таких, по сути дела, пораженческих тонах, что я вынужден был крепко призвать его к порядку».

Видно же, не «призывал крепко к порядку», а, сгущая краски, намекал Мехлис в письме и на некие «другие», якобы числившиеся за Борисовым «антипартийные дела», и резюмировал постфактум: «На основании всего этого мною дано

указание Борисова арестовать. Арест произведен».

Действительно, отец Борисова до революции был сельским священником, но в 1917 году сложил с себя священнический сан и в последующие более 20 лет работал учителем в разных учебных заведениях. Криминала за ним не было, и советская власть педагогической деятельности бывшего батюшки не препятствовала.

В июне 1918 года Бузулук, где Владимир Борисов обучался в реальном училище, заняли белые, организовали из юных «реалистов» так называемую квартальную охрану — группы поддержания порядка в городских кварталах. Владимир в свои 17 лет вопреки воле родителей записался в эту охрану «из-за красивой формы». В 1919 году он совершил побег из той охраны, перешел к красным и без проблем поступил в 9-й кавполк Красной Армии. Участник Гражданской войны, член РКП(б) с 1922 года.

В течение последующих 20 лет жизнь Борисова была неразрывно связана с партийной работой и со службой в Красной Армии. После Гражданской войны до 1933 г. — на должностях политсостава в частях и соединениях РККА, где получал соответственно занимаемым должностям воинские звания.

В марте 1933 был переведен из РККА начальником политотдела МТС Котовского района Молдавской АССР, затем второй секретарь Котовского райкома партии, в апреле-сентябре 1937 г. первый секретарь Дубоссарского райкома партии Молдавии. С 23 мая 1938 до февраля 1939 года первый секретарь Молдавского обкома КП(б) Украины. В феврале 1935 г. вновь на службе в РККА, начальник политотдела стрелковой дивизии и помощник ее командира по политчасти. В звании «бригадный комиссар» в апреле 1936 г. зачислен в распоряжение Управления по комначсоставу РККА. С июля 1937 г. в запасе.

В июне 1939 г. решением Политбюро КП(б)У в звании «корпусной комиссар» назначен членом Военного совета Киевского Особого военного округа, которым тогда командовал Жуков. В соответствии с Постановлением СНК СССР от 20.06.40 г. № 1071 Борисову В.Н. присвоено воинское звание «армейский комиссар 2-го ранга». Этот чин примерно соответствовал воинскому званию генерал-лейтенанта.

С октября 1940 года армейский комиссар 2-го ранга Владимир Борисов — заместитель армейского комиссара 1-го ранга Александра Ивановича Запорожца, начальника Главного управления политической пропаганды РККА.

По распоряжению А.И. Запорожца за неделю до начала войны Борисов В.Н. выезжает в Прибалтику, а с 21 июня 1941 года в

связи с заменой Запорожца Мехлисом на должности Начглавупра Борисов В.Н. автоматически становится непосредственно заместителем Мехлиса, хотя и «заочно».

В момент нападения фашистской Германии на СССР В.Н. Борисов находился в командировке в Прибалтийском Особом военном округе. На 5-й день войны, 27 июня, Борисов с разрешения наркома, маршала Тимошенко, прибывает в Москву с докладом о положении на фронте, докладывает впервые об этом и своему новому начальнику Мехлису. Заметьте, с Мехлисом они виделись всего несколько часов, а может, и минут. Получает от него другое задание и с группой 100 политработников 28 июня выезжает на фронт. По выполнении этого задания 11 июля вторично прибывает к Мехлису с докладом. Вторая встреча тоже едва ли была долгой. Не высказав Борисову никаких упреков, Мехлис дал указание выписать ему документы на выезд в Юго-Западный фронт (в это время членом Военного совета фронта являлся бывший начальник Борисова А.И. Запорожец).

Это была хитрая маскировка дальнейших действий Мехлиса, ибо по заранее спланированному сценарию в тот же день, 11 июля 1941 года, его заместитель армейский комиссар 2-го ранга Борисов Владимир Николаевич был арестован.

По надуманным обвинениям Мехлиса 17 сентября 1941 года военная коллегия Верховного суда СССР, под председательством диввоенюриста Романычева, на 2 ступени ниже Борисова по воинскому званию, рассмотрела в закрытом судебном заседании уголовное дело в отношении, как записано в документе, «быв. заместителя начальника Управления политической пропаганды Красной Армии — армейского комиссара 2-го ранга Борисова Владимира Николаевича», обвинение в самовольном оставлении поля сражения по статье 193-22 судьи сочли недоказанным. Но коллегия признала его виновным в совершении мошенничества (?) (сокрытие сведений) и приговорила Борисова по статье 169 ч. 2 УК РСФСР к 5 годам лагерей с лишением воинского звания «комиссара 2-го ранга». Несмотря на малый срок наказания, он был направлен в особорежимный Печорский ИТЛ, где содержался вместе с иностранными шпионами.

В начале сентября 1942 года из Печорского ИТЛ в Москву на имя заместителя наркома обороны генерала Жукова поступила телеграмма:

> «ПРОШУ ВАШЕГО УКАЗАНИЯ ПЕРЕСМОТР МОЕГО ДЕЛА ВОЗВРАЩЕНИИ АРМИЮ = БОРИСОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ».

Жуков наложил резолюцию:

«Гл. военпрокурору Кр. Армии тов. Носову. Мое мнение — Борисова можно использовать для защиты Родины. Прошу Вас доложить мне свое мнение. 4/9–42».

Подпись — Жуков.

8 ноября 1942 года Владимир Николаевич написал генералу армии Жукову, еще с довоенных времен своему сослуживцу по Киевскому Особому военному округу:

«Очень обидно в это тяжелое для русского народа время сидеть на далеком Севере в стороне от священной борьбы за нашу Советскую землю. Мехлис оклеветал меня перед Сталиным. Еще раз обращаюсь к Вам с просьбой доложить мое заявление т. Сталину:

„Народному Комиссару Обороны и председателю Государственного Комитета обороны С.С.С.Р. Иосифу Виссарионовичу Сталину. Прошу Вашего распоряжения о пересмотре моего дела и возвращении меня в Красную Армию. Основные обвинения, выдвинутые армейским комиссаром 1-го ранга Мехлис в докладной записке на Ваше имя, военной коллегией отвергнуты. Прошу дать мне возможность кровью своей и кровью врагов нашей родины искупить свою вину. Бывший армейский комиссар 2-го ранга Борисов. 8 ноября. Ст. Печора“.»

Только через полтора года, 18 февраля 1944 года, при поддержке маршала Г.К. Жукова, на основании персонального решения Президиума Верховного Совета СССР Борисова досрочно освободили из мест лишения свободы со снятием судимости. Тогда же он был восстановлен в РККА с присвоением ему звания полковника и возвращением правительственных наград. После переподготовки на курсах «Выстрел» по его настоятельной просьбе направлен на 1-й Белорусский фронт, которым командовал Жуков.

Заместитель командира 266-й стрелковой дивизии 26-го Гвардейского стрелкового корпуса 5-й Ударной армии (!) полковник Борисов Владимир Николаевич неоднократно отмечен правительственными наградами. Всего с довоенными у него орден Ленина, два ордена Красного Знамени, польский орден «Крест Грюнвальда» III степени.

По окончании войны с ноября 1945 года он — военный комендант города Лейпциг федеральной земли Саксония в Германии, сменив на этом посту генерал-лейтенанта Труфанова

Николая Ивановича.

Не мне судить о том, как исполнял полковник Борисов в эти неполные 2 года свои «комендантские» обязанности, хотя все, кому доводилось с ним общаться, отзывались о нем весьма высоко, как о душевном и высококультурном человеке. Однако совершенно неожиданно летом 1947 года полковник Борисов был отозван в Москву и уволен в запас, а 31 декабря того же года вновь арестован. Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР (министр генерал-полковник Абакумов) от 7.09.1949 года по обвинению в проведении антисоветской агитации осужден на 5 лет ИТЛ. Срок отбыл полностью. 10 июля 1954 года решением Пленума Верховного суда Союза ССР реабилитирован по обоим делам.

Поскольку все, что произошло с Владимиром Николаевичем Борисовым, напрямую связано с одиозной фигурой Льва Мехлиса, попробую высказать свою личную версию характеристики этого персонажа.

Что же представлял собой Лев Мехлис? У меня давно сложилось впечатление о том, что у Сталина, если и были кадровые ошибки, то одна из главных состояла в том, что он близко всю войну держал около себя Мехлиса, который умело использовал в своих целях эту близость к вождю. Как было в свое время ошибкой Владимира Ильича Ленина держать долго рядом и доверять многое другому Льву, Троцкому.

Как стало теперь известно, Лев Мехлис, с одной стороны, был человеком решительным, без компромиссов, с другой стороны, не терпел рядом или в сфере его влияния людей честных, открытых. Он всячески стремился их преследовать, считая «замаскировавшимися» предателями, нагло применяя самые низменные приемы слежки и доносительства. Примеров этому тьма, и сколько негативного произошло из-за причастности одиозной фигуры Мехлиса, видно хотя бы из следующих сведений.

Приказом НКО СССР № 4 от 8 января 1938 г. Мехлис назначается начальником Политического управления РККА и заместителем наркома обороны СССР. Часто выезжая в военные округа, он на местах лично принимал решения о массовых арестах командного и политического состава РККА. Его слова: *«будем уничтожать как бешеных собак»,* брошенные с трибуны XVIII съезда ВКП(б), наиболее полно характеризуют его позицию.

О том, как Мехлис претворял в жизнь свое намерение «уничтожать как бешеных собак», говорит, в частности, и его телеграмма с Дальнего Востока в ЦК от 28 июля 1938 г.: «Уволил двести пятнадцать политработников, значительная часть из них

арестована. Но очистка политаппарата, в особенности низовых звеньев, мною далеко не закончена. Думаю, что уехать из Хабаровска, не разобравшись хотя бы вчерне с комсоставом, нельзя». Как видите, ему мало расправиться с подчиненным политсоставом, ему надо «разобраться» и с командным составом, что он беспрерывно делает перед войной, всю войну и даже после.

Один из доносов Мехлиса в ЦК: *«По имеющимся сведениям Конев* (с сентября 1938 года командующий 2-й ОКДВА со штабом в Хабаровске) *скрывает свое кулацкое происхождение, один из его дядей был полицейским».* Свидетельствует Наталия Ивановна Конева, дочь маршала: «Уже после смерти отца я видела в личном деле донос на него. В нем говорилось о том, что якобы он неправильно и не к месту употребил имя Сталина».

Именно Мехлис превращал политработников в доносчиков: директивой с грифом «совершенно секретно» он обязал всех начальников политорганов информировать вышестоящие инстанции о «политико-моральном состоянии командиров частей и соединений».11 сентября 1941 г. по его приказу расстрелян начальник артиллерии 34-й армии Северо-Западного фронта генерал-майор артиллерии Гончаров Василий Сафронович.

Военный историк Ю. Рубцов со ссылкой на свидетеля пишет: «По приказу Мехлиса работники штаба 34-й армии были выстроены в одну шеренгу. Для исполнения „приговора“ он вызвал правофлангового — рослого майора. Тот, рискуя, но не в силах преодолеть душевного волнения, отказался. Пришлось вызывать отделение солдат».

Расправившись с генералом Гончаровым, Мехлис дал указание осудить и командарма-34, генерал-майора Кузьму Максимовича Качанова к расстрелу, что в его присутствии и было исполнено 26 сентября.

«Одно только упоминание имени Льва Мехлиса вызывало ужас у многих храбрых и заслуженных генералов» (Юрий Рубцов. «Мехлис. Тень вождя» (М., 2007). В «Красной звезде» 27 января 2010 года опубликована статья Владимира Воронова «Считаю это просто провокацией». Вот фрагмент из нее:

> «…Возможно, арестованным генералам и сохранили бы жизни, если бы не позиция Мехлиса. На его совести в годы войны не одна загубленная человеческая жизнь. В июле 1941-го он инициировал аресты многих командиров Западного фронта. Командующий 4-й армией генерал-майор А.А. Коробков „был арестован не вследствие своей вины, а исключительно по квоте“! Эта квота „предусматривала наряду с арестом Павлова и его

генералов арест одного командующего армией и одного командира корпуса. Поскольку Коробков оказался на месте, то и был арестован он. Хотя Коробков оказался единственным, кто вывел, пусть и с большими потерями, войска армии, сохранившие боеспособность“.»

Я уже не первый раз заявляю, что если у Сталина и были кадровые ошибки, то одна из важнейших — Мехлис, которого Верховный по каким-то причинам еще с Гражданской войны приблизил и слишком доверял этому маньяку, который, ловко пользуясь доверием Сталина, ухитрился на протяжении по меньшей мере двух десятков лет обладать властными возможностями, несоизмеримыми по масштабу с теми, которые вытекали из статуса его должностей.

Вот другой период деятельности «главного политработника». 20 января 1942 года Мехлис прибыл на Керченский полуостров представителем Ставки Верховного Главнокомандования, где осуществлял некомпетентное вмешательство в управление войсками. Военный корреспондент «Красной звезды» Константин Симонов писал:

> «Метель вместе с дождем, все невероятно развезло, все буквально встало, танки не пошли, а плотность войск, подогнанных Мехлисом, который руководил этим наступлением, подменив собой фактически командующего фронтом генерала Козлова, была чудовищная. Словом, это была картина бездарного военного руководства и полного, чудовищного беспорядка… Полное небрежение к людям, полное отсутствие заботы о том, чтобы сохранить живую силу, о том, чтобы уберечь людей от лишних потерь.»

Автор многих военно-исторических работ, доктор исторических наук Юрий Рубцов и военный историк Сергей Ченнык, известный исследователь военной истории Крыма, писали много раз о вредности Мехлиса как «инквизитора Красной Армии». Он постоянно требовал усиления репрессий против тех, кого лично считал «врагом народа», везде стремился подмять под себя командующих, везде он занимался доносительством.

> «Решения были совершенно в инквизиторском духе Льва Захаровича: Крымский фронт захлестнули репрессии. Полевые суды истребляли командиров и рядовых с не меньшей интенсивностью, чем это делали немцы. Число старших и младших командиров,

> попавших в эту кровавую круговерть, не поддается описанию. Директивы не имели отношения к организации обороны и подготовки к наступлению. Командиры дивизий, полков избегали посещать штаб, особенно попадаться на глаза Мехлису, ему все не нравилось, все не так, все в чем-то виноваты. Мехлис, имея высокие полномочия, скор на расправу, одних снимает с должностей, других понижает в звании. По его приказу расстреляны несколько командиров, полковников, в том числе и командир корпуса, храбрый и умный генерал-майор Дашевич И.Ф., полки которого всегда отличались железной стойкостью и отвагой. Расстреляли перед строем бойцов, которых он сам не раз поднимал в атаку». (*С. Ченнык*. «Инквизитор» Красной Армии.)

Директивы «неистового Льва» не имели никакого отношения к организации обороны и подготовки к наступлению. При этом совершенно безграмотный в военном отношении Мехлис ни на йоту не сомневался, что готовит грандиозный успех. Не желая никому подчиняться, он не хотел никого слушать, видя во всех или потенциальных предателей, или просто ничтожных людей, пребывающих в тени его полководческой гениальности, в которой сам он нисколько не сомневался. Лев Мехлис упорно давил на военное командование, требуя скорейших активных действий всем фронтом. И это ему удалось. 27 февраля 1942 г. Крымский фронт начал наступление, которое сразу же провалилось, несмотря на преимущество в живой силе.

Обвинения Мехлиса льются потоком на всех командующих:

О генерале Д.Т. Козлове, командующем Крымским фронтом: «ленив, неумен, „обожравшийся барин из мужиков“. Кропотливой, повседневной работы не любит, оперативными вопросами не интересуется, поездки в войска для него — „наказание“. В войсках фронта неизвестен, авторитетом не пользуется, к тому же „опасно лжив“.»

О генерал-майоре К.Ф. Баронове, командующем 47-й армией: «служил в царской армии, член ВКП(б) с 1918 г. В 1934 г. „за белогвардейские замашки“ исключен при партийной чистке, потом восстановлен. Родственники подозрительны: брат Михаил — участник Кронштадтского мятежа, „врангелевец“, живет в Париже. Брат Сергей осужден за участие в контрреволюционной организации. Жена — „дочь егеря царской охоты“. Сам Баронов изобличался в связях с лицами, „подозрительными по шпионажу“. Сильно пьет. Штабом почти не руководит».

(Правда, стиль доноса очень похож на донос в 1941 году Сталину и Молотову на своего заместителя, армейского комиссара Борисова Владимира Николаевича.)

О генерал-лейтенанте Степане Ивановиче Черняке, командующем 44-й армией, Герое Советского Союза, командире 136-й стрелковой дивизии еще с прорыва линии Маннергейма на финской войне, получившем в 1940 году звание генерал-лейтенанта, минуя ступень генерал-майора: «Безграмотный человек, не способный руководить армией. Его начштаба Рождественский — мальчишка, а не организатор войск. Можно диву даваться, чья рука представила Черняка к званию генерал-лейтенанта».

По докладу Мехлиса Черняк снят с должности, понижен в звании до полковника. Успешно командуя дивизией в составе 1-го Белорусского фронта по освобождению Белоруссии и Польши, в июне 1944 года получил звание генерал-майора.

В Крыму Мехлис, вмешиваясь в действия командующих и войсковых командиров, снимая с себя ответственность за созданный им хаос, своими докладами в ЦК добился снятия и командующего армией генерал-майора Петрова Ивана Ефимовича, которого преследовал и после.

4 июня 1942 г. Л.З. Мехлис как не обеспечивший выполнение директив Ставки был снят с поста заместителя наркома обороны СССР и начальника Главного политического управления РККА, а также понижен в звании до корпусного комиссара. Но уже с того же 1942-го и по 1945 год он снова — член Военных советов многих фронтов и продолжает вмешиваться в решения командиров, постоянно пишет доносы в ЦК на командующих, требуя привлечения их к ответственности.

По прямым личным доносам члена Военного совета Западного (точнее — вновь образованного 2-го Белорусского) фронта Мехлиса в апреле 1944 года был снят с должности и назначен с понижением командующий Западным фронтом генерал армии В.Д. Соколовский. Крайне отрицательные отзывы Мехлис дал начальнику артиллерии Западного фронта генерал-полковнику артиллерии И. П. Камере и командующему 33-й армией генерал-полковнику В.Н. Гордову. «Стиль работы — штаб по боку. Болтовня и разглашение тайны по телефону», «ненависть к политсоставу и чекистам». После таких оценок оба генерала были отозваны с Западного фронта.

Как маниакальный преследователь, Мехлис постоянно оказывается вблизи генерала Петрова Ивана Ефимовича. 24 апреля 1944 года создан 2-й Белорусский фронт. Это было

связано с подготовкой к белорусской стратегической операции «Багратион», к проведению которой привлекались крупные силы Красной Армии. Командовать войсками фронта был назначен генерал-полковник И.Е. Петров, начальником штаба стал генерал-лейтенант С.И. Любарский, а членом Военного совета — тот же генерал-лейтенант Л.З. Мехлис.

Взаимопонимания и слаженной работы в руководстве фронтом из-за позиций последнего достичь не удалось, в результате сигналов Мехлиса в Ставку в мае 1944 года начальник штаба С.И Любарский был заменен на генерал-лейтенанта А.Н. Боголюбова.

Член Военного совета 2-го Белорусского фронта Л.З. Мехлис прислал в Ставку на имя И.В. Сталина письмо, в котором обвинил И.Е. Петрова в мягкотелости и неспособности обеспечить успех операции и, кроме того, сообщил, что Петров болен и много времени уделяет врачам. Мехлис не постеснялся вылить на голову Петрову ушат и других неприятных и, по существу, неправильных обвинений. К сожалению, в Ставке доносы Мехлиса принимают за правду, и 6 июня того же года смелого боевого генерала Ивана Ефимовича Петрова на посту командующего фронтом сменил генерал армии Г.Ф. Захаров.

Посмотрите, как выглядело третье снятие Петрова. Иван Ефимович 5.8.1944 возвращен на должность командующего фронтом, теперь уже Четвертым Украинским. Психологическим отягощением для Петрова на новой должности стало то, что членом Военного совета на этом фронте у него снова стал Лев Мехлис, как одержимый манией преследования, с явной задачей — добить давно преследуемого.

Петров, помня прежние из-за него неприятности, не позволял даже малейшего вмешательства Мехлиса в оперативные дела и, подчеркивая это, никогда, даже из вежливости, не обращался к нему за советами по этим вопросам. А Мехлис также подчеркнуто вроде бы устранился от всякого участия в решении оперативных вопросов. «Устранился», но компромат накапливал. И хотя 26.10.1944 Петрову присваивается звание генерала армии, все равно по доносу того же «бдительного» члена Военного совета Мехлиса 26.3.1945 Петрова снимают с резкой формулировкой: «Генерала армии Петрова И.Е. снять с должности командующего войсками 4-го Украинского фронта за попытку обмануть Ставку насчет истинного положения войск фронта, не готовых полностью к наступлению в назначенный срок, в результате чего была сорвана намеченная на 10 марта операция».

Командующим фронтом назначают генерала армии А.И. Еременко. Вот один только Лев Мехлис «увидел» и

неподготовленность, и «попытку обмануть Ставку», и то только после срыва Моравска-Остравской наступательной операции, но почему-то не при подготовке к ней.

Полагаю, что из приведенных фактов личность Мехлиса и его роль «инквизитора» в истреблении военачальников Красной Армии стала яснее.

Что касается причины второго ареста В.Н. Борисова и приговора, то «антисоветская агитация» ему явно инкриминирована, так как истинным предлогом для этого было другое.

Начнем с того, что в марте 1946 года о Жукове стали распространяться слухи, будто бы он высказывает неправильные взгляды на свою роль в войне и победе. Маршал переводится в Москву Главнокомандующим Сухопутными войсками, заместителем министра Вооруженных сил СССР, то есть Булганина.

Надо сказать, что в конце войны популярность трижды Героя маршала Жукова в союзнических странах была столь велика, что, как написал военный историк США Альберт Акселл, «на Западе говорили о том, что Жуков мог бы выиграть президентские выборы в Америке!». Даже Эйзенхауэр, ставший после открытия второго фронта Верховным главнокомандующим Экспедиционными силами союзных войск, будучи в Москве летом 45-го сразу же после Победы, сказал, что «весь мир, все человечество в величайшем долгу перед Георгием Константиновичем Жуковым, в большем долгу, чем перед кем бы то ни было».

Естественно, в таких условиях просто снять Жукова с его должности при его авторитете, в том числе и международном, было нельзя. Поэтому его недруги стали собирать компромат против него. Известно, что со снятием Жукова с поста Главкома ГСОВГ наметилось и «трофейное дело», началась слежка за всеми его подчиненными, которые были давно ему известны или которым Жуков особенно благоволил. К таким, видимо, относился и военный комендант Лейпцига полковник Борисов, которого Жуков не только вызволил из Печорского лагеря, но и взял к себе в подчинение, за 3 месяца боев наградил его орденом Красного Знамени, назначил комендантом крупнейшего промышленного города Лейпцига.

Естественно также предположить, что и Мехлис не упускал из виду своего бывшего зама, которого посадил, но который так «хорошо устроился» при участии Жукова. Поэтому также вполне резонно представить, что отзыв Борисова в Москву, увольнение его в запас и арест вполне могли быть с негласной подачи

Мехлиса. Не могло этого ущербного человека не грызть недовольство тем, что обвинение захваченного в свою негативную сферу бывшего армейского комиссара Борисова не привело к его ликвидации или длительной изоляции от общества. Мне показались очень похожими на истину слова Константина Симонова: «В Мехлисе есть черта, которая делает из него нечто вроде секиры, которая падает на чью-то шею потому, что она должна упасть. И даже если она сама не хочет упасть на чью-то голову, то она не может себе позволить остановиться в воздухе, потому что она должна упасть». (Симонов. «Разные дни войны»).

Многочисленные наветы и доносы на «хозяйственную» деятельность Жукова в Германии привели к тому, что уже в июне 1946 года был издан приказ Сталина № 009 об освобождении маршала от должности Главнокомандующего Сухопутными войсками и обязанностей заместителя министра Вооруженных сил. Он был настолько значительно понижен в должности, так «урезан» его авторитет, что стало возможным назначить его командующим войсками малозначительного Одесского военного округа.

Сразу же после «ссылки» в Одессу начались аресты подчиненных Жукова, его бывших сослуживцев. В 1947 году были арестованы А. Минюк, генерал для особых поручений у Жукова, член Военного совета Группы войск в Германии генерал К. Телегин, адъютант Жукова подполковник А. Семочкин, на которого, видно, и был расчет для ареста Борисова.

Началась раскрутка так называемого трофейного дела опального маршала. Результатом ее стало то, что в феврале 1948 года Георгий Константинович был назначен командующим еще более «урезанного» военным округом — Уральским.

Отзыв Борисова летом 1947 года из Лейпцига в Москву в распоряжение Управления кадров МВО, последующее увольнение его в запас и «получение нужных показаний» о нем от Семочкина, как видно из дальнейшего, являлись своего рода этапами четко спланированной, так называемой предследственной подготовки будущего арестанта, которым вскоре стал Владимир Николаевич Борисов. Конечно, одно дело арестовать назначенного самим Жуковым коменданта гор. Лейпцига, награжденного орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом «Крест Грюнвальда» III степени, и совсем другое — арестовать отошедшего от дел пенсионера — полковника запаса, ранее уже отбывавшего срок в ИТЛ.

В протоколе допроса Семочкина от 29 декабря 1947 года записано:

«Борисов был назначен Жуковым комендантом города

Лейпциг, широко занимался мародерством, присваивал себе вещи в больших размерах и снабжал ими Жукова».

Из письма Г.К. Жукова в ЦК КПСС А.А. Жданову 12 января 1948 г.

> «…То, что показывает Семочкин, является ложью. Я никогда не позволял себе таких пошлостей в служебных кабинетах, о которых так бессовестно врет Семочкин.
>
> …В заключение я заявляю со всей ответственностью:
>
> …Семочкин клевещет на меня, рассчитывая на то, что он является… свидетелем о якобы моих антисоветских взглядах и что ему наверняка поверят.
>
> Я глубоко сознаю свою ошибку в том, что… поделился с ним… и дал ему в руки козырь для нечестных разговоров… против меня».

Впоследствии на суде Семочкин заявил, что на предварительном следствии на него «нажимали и требовали давать показания», что следователь в протоколе записывал его показания «совсем не так, как… в действительности показывал…», что он «подписал протокол потому, что был в таком состоянии, что готов был покончить жизнь самоубийством».

Борисова арестовали через день после упомянутого допроса Семочкина — 31 декабря 1947 года по ордеру № 3185, подписанному министром В. Абакумовым. На анкете арестованного имеется пометка «Приб. в 18–40 31.12.47», т. е. за несколько часов до наступления Нового, 1948 года. И здесь психологический расчет! Целенаправленно, не столько против Жукова, сколько уже против лейпцигского военного коменданта Борисова «дожимали» Семочкина.

Допрос шел вокруг «вещизма» Жукова. В своем заявлении о реабилитации от 14 января 1953 года Борисов писал: «…В ходе следствия, особенно после вызова меня к бывшему министру Абакумову, мне стало ясно, что дело не в моей вине, а следствию нужен какой-либо компрометирующий материал на маршала Жукова. Так как ничего отрицательного о маршале Жукове я сказать не мог, я подвергался всевозможным репрессиям. Мне не давали спать, меня отправили в Сухановскую тюрьму, где держали 6,5 месяцев у камер сумасшедших и не давали передач и прогулок. Мне неоднократно угрожали побоями после того, когда я заявил, что ничего отрицательного о маршале Жукове сказать не могу».

Постановлением Особого совещания при МГБ СССР 7.09.1949

года Борисов по обвинению по ч. 1 ст. 58–10 УК РСФСР *«за антисоветскую агитацию»* заключен в ИТЛ сроком на 5 лет.

Как и в 1941 году, при прямом вмешательстве Мехлиса 5 лет ИТЛ за недоказанное «мошенничество», так и теперь, ни о каких конкретных фактах антисоветской работы, проводимой «на протяжении ряда лет», даже не упоминается, но зато опять на 5 лет… Правда, уж очень похож «почерк», или как явно торчат уши, только теперь уже тайного преследователя Мехлиса с его изощренной подлостью и непомерно длинными руками!

Конечно, все, о чем я здесь рассказал о Владимире Николаевиче Борисове, можно было уложить всего в несколько строк, например:

Борисов Владимир Николаевич (1901 г.р.), армейский комиссар 2-го ранга, член ВКП(б) с 1922, с 1919 красноармеец 9-го кавалерийского полка, с 1941 заместитель начальника Главного управления политической пропаганды РККА, арестован 11.07.1941 г., приговор ВКВС 17.09.1941 г. 5 лет ИТЛ. Освобожден 18.02.1944 г., полковник, в 1948 уволен в запас, приговор ОСО при МГБ СССР 07.09.1949 г. 5 лет ИТЛ, реабилитирован 16.07.1954 г. (Примечание: ВКВС — Военная коллегия Верховного суда).

Но тогда бы вы не узнали, каким добрым и душевным был человек по имени Владимир Николаевич Борисов, какие испытания он выдержал и каким злопамятным и вредоносным «инквизитором» оказался его антипод Лев Мехлис.

Оказавшись в начале 1948 года по замене в Московском военном округе, я разыскал семью Владимира Николаевича Борисова. Его жена Елизавета Петровна, весьма симпатичная и всегда приветливая женщина, помнившая меня по Лейпцигу, но теперь удрученная последними событиями, рассказала, что он опять лишен воинского звания и сейчас где-то в ссылке или в тюрьме.

Только спустя более 60 лет я узнал всю эту историю и что обращения жены Борисова с просьбами о пересмотре дела руководством секретариата Особого Совещания своими Постановлениями от 4 февраля 1952 года и от 24 февраля 1953 года были оставлены «без удовлетворения».

Узнал теперь я и то, что честнейший человек, полковник запаса Борисов не сдавался. Одновременно с обращением своей супруги и еще неоднократно он отправлял ряд заявлений о реабилитации в различные инстанции. В апреле 1953 г. отправил заявление министру внутренних дел СССР Берии, в сентябре 1953 г. пришедшему вместо Берии новому шефу МВД Круглову и Генеральному прокурору СССР Руденко. И только 18 марта 1954

года Главной военной прокуратурой было направлено требование в МВД СССР ускорить проверку. Военная коллегия Верховного суда СССР 10 июля 1954 года своим Определением отменила постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 7 сентября 1949 года в отношении Борисова В.Н. и уголовное дело за отсутствием состава преступления прекратила. Пленум Верховного суда СССР 16.07 1954 года отменил и приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 17.09 1941 года, и уголовное дело в отношении Борисова В.Н. прекращено.

Главная военная прокуратура 19 октября 1954 года удовлетворила неоднократные ходатайства Борисова В.Н. о восстановлении его прав на правительственные награды, которых он был лишен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1950 года…

Всю жизнь меня мучила неизвестность судьбы человека, который был одним из тех, кого я считал образцом в отношениях с подчиненными. Однако лишь в 2014 году я узнал, как сложилась дальнейшая нелегкая судьба бывшего армейского комиссара, бывшего полковника, бывшего военного коменданта одного из крупнейших городов поверженной Германии, человека, не совершавшего преступлений, но жестоко и несправедливо наказанного. Его фотографию с погонами полковника мне, как и много других документов вообще, предоставили в сентябре этого же года из ЦАМО РФ.

Моя память сохранила самые хорошие впечатления о моем первом послевоенном начальнике, ставшем для меня примером. Все, о чем я вам поведал, до сих пор болью отзывается в моем сердце. Как по-новому звучат теперь у меня слова знаменитого русского драматурга Александра Николаевича Островского «Без вины виноватые», но едва ли он мог себе представить такую драму в жизни.

О дальнейшей судьбе Владимира Николаевича, финале его эпопеи о несовершаемых им преступлениях и незаслуженных наказаниях, особенно после отмены последнего приговора и прекращения уголовного дела в отношении его, мне более ничего узнать не удалось, о чем я искренне и глубоко сожалею. Даже дату завершения им своей земной жизни я не знаю. И, если хватит моих сил и возможностей, буду продолжать поиск сведений о нем.

Глава 25
Домой! Из 8-го ОШБ в 8-й ВДК (из штрафбата в ВДВ) через ВТА

Мой адрес — не дом и не улица,
Мой адрес — Советский Союз!

Из советской песни Д. Тухманова на слова В. Харитонова

Чтобы дойти до цели, надо прежде всего идти.

Оноре де Бальзак

Вначале об аббревиатурах в названии главы. Вы уже хорошо запомнили: ОШБ — Отдельный штрафбат, а вот ВДК под таким же № 8 — это 8-й Гвардейский Неманский Воздушно-десантный Краснознаменный корпус (ВДК). ВДВ — всем известные войска, а ВТА — Военно-транспортная академия, ныне ВА МТО.

Как я уже упоминал, в 1947 году, после того как коменданта Лейпцига полковника Борисова отозвали в Москву, а меня перевели в комендатуру другого города, вскоре пришел приказ коменданта округа полковника Литвина о переводе меня в Союз «по плановой замене». Тогда обрушившиеся на меня неприятности: и понижение в должности, и перевод в заштатный городок — я связывал не только с отзывом коменданта Борисова, но все еще нет-нет, да и настойчиво стучалась в сознание мысль о невольной вине за осужденного по 58-й статье моего отца. Не оставляла она меня даже в поезде «Берлин — Москва», который уносил нас на восток, на родную землю Советского Союза.

Однако переезд в Советский Союз был настолько радостным событием, что нас даже не озаботило то, что мы пересекли границу СССР вечером, накануне нового, 1948 года в белорусском Бресте, за который в июле 1944 года положил много голов наш 8-й ОШБ, а я сам был здесь тяжело ранен. Это совпадение с наступлением нового года мы все считали добрым знаком, даже не представляя себе сложностей, которые могут возникнуть у нас

в связи с завершением именно 31 декабря проводимой в Советском Союзе первой послевоенной денежной реформы. В пограничный, очень памятный мне Брест мы прибыли, когда до завершения обмена денег, выданных нам по месту службы, на новые (из расчета десять старых рублей на один новый) оставалось всего два часа.

За это время мы должны были успеть до наступления нового года произвести обмен денег. Нам указали, где находится обменный пункт на вокзале, а там, у касс, скопилась такая очередь, что нам сразу объяснили, что сумма, которую мы сможем обменять, будет заметно ограничена. В общем, наши не такие уж тугие кошельки стали совсем тощими. Однако, несмотря на эту неприятность, вернувшись в свои вагоны, мы все же отметили возвращение на Родину и — так удачно совпавшее с этим важным для нас событием — наступление нового года!

Поезд точно по расписанию, ровно в полночь, отправился со станции Брест, и наши бокалы с вином в честь Нового года звенели под лязг буферов наших вагонов. Почти не отрываясь от окон, смотрели и смотрели мы в эту первую ночь на наше родное небо с несравнимо более крупными звездами, мерцавшими значительно ярче, чем там, на чужом и все удаляющемся от нас Западе.

Днем нас нельзя было оторвать от созерцания родных белорусских и российских пейзажей, раскрасневшихся от мороза встречающих и провожающих наш поезд станционных работниц, заменивших своих мужей, братьев, в большинстве не вернувшихся с войны. И как прелестны были эти молодые женщины в железнодорожной, очень привычной для меня, потомка железнодорожников, форме, да еще в красных фуражках дежурных по станциям! Куда там до них хваленым полькам с их напомаженными физиономиями, а тем более немкам, лица которых, за редчайшим исключением, казались вырубленными далеко не острым топором из грубой древесины.

Наверное, это были несколько преувеличенные сравнения, но это были первые впечатления от долгожданного свидания с давно оставленной родной землей. Смешанное чувство радости от возвращения на Родину и печали от расставания с друзьями владело нами.

Наконец, Москва. Здесь наши дороги с тещей разошлись: она дальше поехала в свой Ленинград, а мы остались в столице. Хорошо, что у Риты оказались здесь дальние родственники, и мы нагрянули к ним, как рассчитывали, на недельку до получения нового назначения. Но так мы предполагали, а прожили

фактически там около трех месяцев. Отдел кадров Московского военного округа, будто нарочито долго подыскивал мне назначение, объявив, что должность начальника разведки полка, с которой на мое место в Германию уехал офицер из Коврова, уже занята. По тогдашним правилам, более чем двухмесячное нахождение в резерве, без должности, влекло прекращение выплаты денежного содержания по ней, оставался лишь оклад по воинскому званию, что примерно в 2 раза меньше суммарного.

Чтобы прожить в Москве с семьей после только что проведенной денежной реформы, когда многие цены на свободном рынке оставались дореформенными, мы вынуждены были сдавать в скупочные магазины, фактически за бесценок почти все немногое, что привезли. Я постепенно становился согласным на любую должность и с больным ребенком на руках и вновь беременной женой «дозрел»: будучи майором, аттестованным на подполковничью должность комбата, дал согласие на должность старшего лейтенанта в Косогорский райвоенкомат Тульской области. Да к тому же в подчинение капитану. Говорили же мне потом, что не в скупочные магазины нужно было нести хоть и небогатые свои трофеи, а тем кадровикам. Вполне возможно, не понимал я тогда еще этого, жизненного опыта было маловато.

Приехали в Тулу, добрались до Косой Горы: жилья нет, поселились на квартире у военкоматовского конюха. Недели через две нам на троих «с авансом» (жена беременна вторым ребенком) выделили комнатушку площадью метров восемь в общей квартире, с печкой, топившейся малокалорийным, но многозольным бурым углем с тульских шахт. Эта «квартира» была в доме рядом с Косогорским металлургическим комбинатом, постоянно извергавшим из своих труб и домен неимоверное количество дыма и копоти, из-за которых нам, а особенно болезненному Сереженьке, иногда нечем было дышать. Да и вторая беременность жены стала вследствие этого протекать сложнее. Я принял тогда решение отправить их в Ленинград, к уже устроившейся там бабушке в выделенной ей, как одиночке-фронтовичке, маленькой комнатке.

Вскоре, ближе к лету, я выпросил себе отпуск и впервые приехал в Ленинград, город Петра, город Ленина, Октябрьской революции, город-герой. Он потряс меня своей красотой, и, как раньше мои женщины сравнивали Лейпциг с городом на Неве, так теперь я сравнивал его с далеким уже Лейпцигом и убеждался в том, что ему далеко до Ленинграда. В этом городе-красавце и родился наш второй сын, назвали его Александром, пусть будут у нас в семье Александр I и Александр II! Между прочим, когда

Саша вырос и женился, первенца они тоже назвали Александром. Это уже был Александр III!

Саша родился полновесным и «полнометражным». Рос быстро и, забегая вперед, скажу, что рост его со временем превзошел и Сережин, и мой — дорос до 184 см. Был он физически крепким, с возрастом проявлял все более разносторонние способности. И получилось, как тогда модно было делить всех на «физиков» и «лириков», вырос он в отличие от Сергея «лириком». Не зная нотной грамоты, овладел игрой на многих музыкальных инструментах, включая пианино, кларнет, саксофон, гитару. Будучи к тому же еще немного поэтом и бардом, сумел создать вокально-инструментальный ансамбль (тогда эти ВИА были в моде), возил его с гастролями «по Северам», как было принято называть районы Крайнего Севера России.

Успешно окончив в Харьковском университете факультет иностранных языков — по специальности английский язык, — послужил в армии, в железнодорожных войсках в Закавказье. Английским языком владел в совершенстве, выработал свою методику его изучения, защитил диссертацию, стал доцентом, написал несколько учебников английского языка, заведовал кафедрой иностранных языков в одном из технических вузов, издавал и был главным редактором всеукраинского журнала «Английский в семейном кругу». По приглашению канадских властей с постсоветской «самостийной» Украины уехал преподавать английский новой волне украинских эмигрантов. Правда, по сравнению со своим братом Сергеем, отличавшимся особой аккуратностью и строгой обязательностью, Саша не обладал в достаточной мере этими качествами.

Сергей тоже вырос физически крепким, сильным, любителем пеших путешествий. Годы моей уже послевоенной службы на Дальнем Востоке способствовали тому, что совершал он такие путешествия по уссурийской тайге и тихоокеанским берегам Дальневосточного Приморья, а потом, когда воинская судьба привела нас на Украину, исходил все Черноморское побережье Крыма и Кавказа с палаткой и примусом. Наверное, страсть эта зародилась в нем в годы моей службы в Прикарпатье, где, как только удавалось, совершались наши семейные пешие походы вдоль необычайно красивых горных рек или на вершину Говерлы, самой высокой горы в тех местах Карпат.

Мое частое отсутствие по командировкам и недостаточный контроль за школьными успехами Сергея привели к тому, что в 8-м классе он пропустил очень много школьных часов и дней. Встал вопрос о его дальнейшем обучении в школе. Вот тогда я и принял решение о трудовом методе понимания необходимости учебы.

Работать он стал с 15 лет в подчиненной мне авторемонтной мастерской, куда я его определил молотобойцем, а учебу он продолжал уже в вечерней школе. На собственном опыте поняв, что без образования ему придется всю жизнь «вкалывать», он, несмотря на нелегкий физический труд, успешно окончил 10 классов вечерней средней школы и поступил в институт. Видимо, накачав у наковален свои мышцы, он долгие годы, уже став отцом семейства, демонстрировал недюжинную силу, взваливая на свои широкие плечи стокилограммовые тяжести.

После окончания физмата послужил в армии, в железнодорожных войсках. Получилось, что оба сына, получив высшее образование, «отметились» в железнодорожной династии, хоть по году послужив в железнодорожных войсках. Это было не моим вмешательством потомственного железнодорожника, просто стечением обстоятельств.

Сергей, теперь уже достигнув пенсионного возраста, более полувека работает учителем физики в высшей школе спортивного мастерства в Украине, попавшей в откровенно бандеровскую идейную колею. На профессиональном уровне овладел фото— и видеосъемками, консультирует меня по многим компьютерным вопросам. В общем, в отличие от Саши, не «лирик», а «физик», и не только по характеру, но и по профессии.

Но все это потом, с годами. А тогда, в 1948 году, после окончания моего отпуска, отвез я семью, теперь уже с малышом, из Ленинграда к себе на Косую Гору, в ту самую восьмиметровую каморку. И вот в этой комнатушке, где некуда было даже поставить кроватку для младенца, наш Сашенька спал… в чемодане. Однажды ночью крышка его захлопнулась, и он чуть не задохнулся в нем. Хорошо, что материнский инстинкт жены сработал вовремя!

Здесь мы и жили до 1950 года, пока я не поступил в ленинградскую военную академию. А на Косой Горе нам повезло в том, что Рита, нередко бывая в Туле «по продовольственному вопросу», вдруг встретила на улице нашего фронтового друга Жору Сергеева, пулеметчика, бывшего неоднократно моим заместителем в боях, когда я уже был ротным командиром. Так что связь наша воскресла и длилась до самой кончины Жоры в 1974 году.

В Косогорском райвоенкомате я ведал учетом офицеров запаса. Работы было много, шло сокращение армии — это мы, военкоматовские работники, чувствовали по все большему притоку на учет офицеров, уволенных в запас. И что меня больше всего волновало — боевые офицеры, не имеющие гражданской

специальности, вынуждены были идти на самую непрестижную работу. В связи с большим притоком рабочей силы из-за массового увольнения из армии им приходилось работать сторожами, дворниками, а то и, несмотря на тяжкие ранения, на самых тяжелых работах — навалоотбойщиками в шахтах Тульского угольного бассейна. Помню даже случай, когда подполковник, бывший начальник связи корпуса, большой специалист-практик, но не имевший по этой отрасли специального образования, едва смог устроиться дежурным телефонистом в какую-то контору.

Проработал я в военкомате почти два года, и во мне созрело решение: во что бы то ни стало поступить учиться в такую военную академию, которая бы давала специальность, нужную «на гражданке». А то ведь не ровен час уволят из армии, а кто я? Командир роты штрафбата? И кому я нужен буду со своей «специальностью»?

По этому поводу тогда был в моде анекдот о том, как уволенному в запас командиру полка «царицы полей» — пехоты предложили выгонять в поля и пасти колхозное стадо.

Поразмыслив, подал рапорт в Военно-юридическую академию в Москве, благо математику там при вступлении сдавать не нужно, а именно за нее я опасался из-за прошедших 4 лет фронта после школы и ранения в голову с некоторыми последствиями.

В феврале 1950 года поехал в Москву на предварительные экзамены, все положенное по программе сдал сравнительно успешно, хотя и не без трудностей. Тогда предварительные отборочные экзамены во все военные академии проходили при округах, и их результаты рассматривали единые мандатные комиссии. На заседание такой комиссии, состоящей в основном из генералов и полковников, явился я в новом кителе, со всеми орденами и медалями. Как только я доложил, что я кандидат в юридическую академию, вся комиссия подняла меня на смех: «Такой молодой майор, боевой офицер — и не в академию имени Фрунзе?» На мой довод о том, что общевойсковая академия не дает гражданской специальности, один генерал даже стал подтрунивать: «Давай тогда уж лучше в ветеринарную! Все равно свои командирские погоны сменишь на узенькие (тогда медикам, ветеринарам и юристам и интендантам было положено носить узкие погоны), зато кобылам клизмы научишься ставить, на гражданке пригодится!» И все стали меня уговаривать поступать в Военную академию им. Фрунзе. Обещали зачесть и недостающие экзамены (по тактике и Полевому уставу). Я снова проявил упорство, и тогда их резюме было: «В юридическую не проходит

по конкурсу». Видно, в нее было много кандидатов, и конкурс туда был действительно велик, а во Фрунзенскую — недобор.

Вот так, несолоно хлебавши, я вернулся на свою Косую Гору! Но решение во что бы то ни стало поступить хоть в какую-нибудь военную академию, дающую гражданскую специальность, не оставляло меня. Это потом, многие годы спустя, мне приходила мысль о том, что тогда я упустил шанс, которым, например, воспользовался будущий маршал Язов, которому необходимо было в отличие от меня сначала еще окончить 10-й класс.

В Военно-транспортную академию в Ленинграде я поступил не совсем обычным путем. К неудовольствию райвоенкома, я выпросил себе отпуск и уже в июне поехал в Ленинград, где было много академий. Военно-морскую я сразу исключил: не умею плавать, не моя это стихия. Артиллерийскую — тоже, специальность чисто военная. Следующая по списку была Академия связи имени Буденного. Там мне отказали, но посоветовали обратиться в Военно-транспортную академию имени Кагановича, где открывался новый факультет и мог быть недобор. Когда в отделе кадров этой академии меня стали расспрашивать о службе, я понял, что чем-то заинтересовал беседовавшего со мной подполковника Остапенко.

Еще не зная, на какие факультеты будут набирать, стал упирать на то, что я выходец из семьи потомственных железнодорожников, что и дед, и отец, и мать, и братья мои работали на железной дороге. Мечтал в свое время учиться в Новосибирском военном институте желдортранспорта, окончить 10 классов фактически помог мне тогдашний нарком путей сообщения Каганович, чье имя носит избранная мною академия. Поступить же в тот Новосибирский военный институт железнодорожников мне помешала война, и сейчас надеюсь на исполнение этой моей мечты, поступив на факультет железнодорожного транспорта академии.

Столь страстную мою тираду собеседник мой с явным сожалением прервал, сообщив, что на факультеты, имеющие отношение к железной дороге, набор полностью завершен, а вот на только что открывшийся инженерный автомобильный еще есть возможность поступить.

И хотя в этой академии мне нужно было сдавать и математику, и физику, и химию, да еще и все то, что я сдавал в Москве, куда девался мой железнодорожный патриотизм! Я сразу же согласился, чему явно обрадовался и мой собеседник. Через несколько дней я получил документы о том, что зачислен кандидатом в слушатели. В них был установлен срок, к которому я был обязан явиться для сдачи конкурсных вступительных

экзаменов (без окружных предварительных!). Счастливый, не дожидаясь конца отпуска, я мчался в свой Косогорский райвоенкомат. Райвоенком майор Якубов, недовольный тем, что я только и делаю, что разъезжаю по экзаменам, все-таки меня отпустил.

Конечно, мои «математические» опасения были не напрасны. Экзамен по геометрии я чуть было не завалил. Не мог вспомнить доказательство одной теоремы, и к концу времени, отведенного на подготовку к ответу, вдруг пришло решение, совершенно отличное от изложенного в учебниках, но вполне корректное. Принимавшая экзамен преподавательница, выслушав мой ответ, задала вопрос: «Откуда вы взяли этот вариант решения теоремы?» Ответил твердо: «Из головы. Доказательство из учебника не смог вспомнить, придумал свое». Боясь услышать неприятие ответа, вдруг услышал: «Придется ставить 5, но не за знание учебника, а за хорошо думающую голову».

Итак, мне, прошедшему свою часть суровой войны в штрафбате, имевшему тяжелые ранения, с определенными трудностями удалось все-таки поступить в ленинградскую Военно-транспортную академию. Итог: «Зачислен на 1-й курс 4-го инженерного автомобильного факультета»! Можете представить себе, с какой радостью я простился с этой своей доменно-металлургической Косой Горой.

Учился я, как и многие фронтовики, нелегко, с большими трудностями, но с упорством и, наверное, в соответствии с ломоносовским изречением «Неусыпный труд все препятствия преодолевает». Именно «неусыпный», так как иногда на сон-то времени и не хватало, приходилось «добирать» его в трамвае или троллейбусе, что не всегда проходило без приключений. Многие мои сокурсники-фронтовики, видимо, поступали по завету Козьмы Пруткова «Трудись, как муравей, если хочешь быть уподоблен пчеле» — и через 5 лет окончили академию с «красными» дипломами, то есть «с отличием», в том числе и мне был вручен такой диплом. Все-таки сказалась моя неуверенность в математике и смежных предметах, что исключило присуждение мне золотой медали, в то время как медалистами стали подполковник Сванидзе Владимир Николаевич, майор Попков Алексей Николаевич, капитаны Буданов Василий Иванович, Дорменев Сергей Исаакович, Лавренченко Николай Константинович и Митянин Павел Иванович.

Служить и учиться в академии нам посчастливилось под началом легендарного генерал-лейтенанта Чернякова Александра

Георгиевича. Он, начальник Военно-транспортной академии имени Кагановича, будучи во время войны начальником военных сообщений (ВОСО) 1-го Белорусского фронта у Рокоссовского, при подготовке операции «Багратион» совершил такое, чему сразу и трудно поверить. Для того чтобы обеспечить войска нужным количеством боевой техники, боеприпасов, продовольствия, горючего и прочих грузов для такой грандиозной стратегической наступательной операции, генерал Черняков организовал рекордно результативное восстановление железнодорожных путей. Темп восстановительных работ на некоторых участках достигал 20–30 км в сутки при обычном темпе 7-10 км/сутки.

При подготовке операции осуществлялась в больших масштабах перегруппировка войск, к участкам прорыва передислоцировались не только полки и дивизии с техникой, но и подвозилось все необходимое для боев, в том числе горючее и боеприпасы для танков, артиллерии и авиации. Только для перевозки одного боекомплекта снарядов и мин сухопутным частям четырех фронтов требовалось 13 500 вагонов. А к началу наступления нужно было подвезти не один, а 4–5 боекомплектов. Практически в среднем фронтам ежедневно подавалось 90-100 поездов, из них до 50 поездов только 1-му Белорусскому.

Генерал Черняков пошел на риск, взяв на свою ответственность небывалый в истории войны прием. Железнодорожные пути в прифронтовой полосе, как правило, удавалось восстанавливать вначале одноколейными. Но чтобы их максимально использовать в одном (к фронту) направлении, генерал Черняков с целью дезинформации противника приказал порожняк отправлять в тыл небольшими партиями и только в дневное время, а в основном просто не возвращали, рассредоточивая по запасным путям или срочно возводимым временным тупикам. В крайних случаях порожние вагоны десятками, если даже не сотнями, было приказано сталкивать под откосы. Как говорят, цель оправдывала средства. Надо еще учесть, что все это было сделано не только с соблюдением жестких мер маскировки, но даже и с целью определенной дезинформации противника. И я был горд тем, что учусь в академии под началом легендарного генерала из плеяды прославленного полководца Рокоссовского.

Запомнились своим отношением к делу и к нам, слушателям-фронтовикам, начальник нашего 4-го инженерного автомобильного факультета генерал-майор Михаил Александрович Кузнецов, руководители кафедр, генералы или полковники, доктора наук В.П. Фармаковский, Н.А. Бухарин, П.И.

Казарцев, А.С. Антонов и многие другие. Хорошо помнятся фамилии выдающихся преподавателей, как Соколов В.Н.(физика), Ильвес О. (начертательная геометрия), Базина А.М. (математика), Кошурников Г.С. (химия). Уверен, все, кто слушал его лекции, всю жизнь помнили его шутку на заключительной лекции: «Вот настал час, когда вы все можете сказать: была без радости любовь, разлука будет без печали».

Пять лет в академии свели меня еще со многими хорошими людьми. О некоторых из них я просто не могу умолчать, ибо они тоже оставили во мне добрый след. Это, во-первых, начальник нашего курса, подполковник, фронтовик, вскоре ставший полковником, Танасиенко Николай Мартынович, молодой, по-особому подтянутый не только внешне, но и внутренне. Обладая феноменальной памятью и способностью объективно оценивать все наши поступки, он сумел быстро сплотить курс и держал его все пять лет в атмосфере искренности и правдивости. Помню, после первого курса, готовя на нас аттестации, он указал мне на «недостаточное физическое развитие», имея в виду неумение плавать. Через год, увидев мои успехи в лыжных гонках, в том числе и на 18 километров, которые проводились в Кавголово, да и в беге, кроссах, прыжках, он в представлении к воинскому званию отметил прогресс в «физическом развитии».

Аналогичный случай произошел и с моим однокурсником капитаном Поршневым, который не смог выполнять нормативов на гимнастических снарядах. Но, когда Поршнев стал показывать рекордное время на всех лыжных гонках, выполнял даже нормативы мастера в этом виде спорта на соревнованиях среди других академий Ленинграда, «недостаток» в физическом развитии Николай Мартынович счел устраненным.

Курс наш состоял из почти сотни очень дружных, хотя и разновозрастных человек, более 80 % из них — фронтовики, несколько человек — порядком послуживших в армии, и всего 2 человека из молодежи, недавних выпускников военных училищ. Однако это не мешало нам оказывать друг другу поддержку и просто дружить. Первые три года обучения в академии наш курс привлекался ежегодно к парадам в честь 7 Ноября и 1 Мая. По парадным традициям, всем нам выдавались шашки, которыми мы натренировались виртуозно и в такт марша могли почти жонглировать, и шпоры, придающие нашему чеканному шагу особую звучность.

Майоры (со 2-го курса подполковники) — я и Дима Шалапин — возглавляли парадные роты. Много времени отнимали тренировки и репетиции, но гордость за участие в таких парадах

на Дворцовой площади города-героя Ленинграда покрывала помехи в учебе.

Параллельно нашему факультету в академии был сформирован такой же инженерно-автомобильный 5-й факультет, также участник парадов. Контактов между курсами одного года набора наших факультетов было не так уж много, но все-таки какими-то путями завязывались знакомства. Я, например, хорошо помню серьезного, на полгода с небольшим старше меня слушателя 5-го факультета Оганеса Вартанова. Судьба сводила нас и после учебы в академии. Когда я уже полковником проходил службу в автомобильном училище на Дальнем Востоке, начальником автослужбы округа прибыл тот самый полковник Оганес Вартанов, служебные встречи с которым случались не раз и потом. Вскоре он стал генералом, переведен в Центральное управление нашей службы и руководил всеми армейскими ремонтными заводами, наши встречи случались и тогда. Перешагнул он теперь уже и 93-й жизненный рубеж, живет в Москве, преодолевая нелегкие возрастные недуги.

Фронтовиками на нашем курсе были Анатолий Бабаин, Александр Булин, Владимир Буданов, Сергей Булавкин, Федор Волошин, Василий Исаев, Борис Магнитский, Александр Ольшанский, Василий Раков, Петр Рулев, Владимир Сванидзе, Дмитрий Шалапин и много еще…

Самый героический фронтовик на курсе был гвардии подполковник Василий Васильевич Исаев (орден Красного Знамени, 2 ордена Отечественной войны, орден Александра Невского и куча медалей). И боевые заслуги, и звание, и возраст послужили хорошим поводом назначить его старостой всего курса. Видимо, мое фронтовое прошлое тоже повлияло на решение руководства факультета назначить меня с первого дня командиром учебного отделения (20 слушателей), а вскоре заменил провинившегося подполковника Василия Исаева и стал старостой курса (90 слушателей).

С орденами Славы были капитан П. Гаврилов и старший лейтенант Д. Спиридонов, по 3 ордена Красной Звезды у подполковников Дмитрия Шалапина и Петра Рулева, да всех и не перечислить. Дружили мы и с коллегами младших курсов. Случалось, что эти знакомства помогали и после академической службы. Например, майора Обозного Владимира, окончившего академию с золотой медалью в 1958 году, я попросил направить в 105-ю воздушно-десантную, где я был заместителем командира дивизии по техчасти, там как раз освободилась должность зам. командира полка. Через 2 года я по состоянию здоровья уходил

из ВДВ и выдвинул Владимира Даниловича на свое место. В дальнейшем он был переведен в Центральное управление, получил звание генерала. Из нашего выпуска мне удалось перевести в свое подчинение подполковника Булавкина, а из более поздних выпусков — Александра Собанина, ставших у нас полковниками.

Самыми близкими друзьями по курсу стали для меня подполковник Шалапин Дмитрий Иванович, бывший постоянно секретарем партбюро курса, майор Булавкин Сергей Александрович, командир одного из пяти учебных отделений, и капитан Взятышев Николай Александрович, все пять лет избиравшийся секретарем парторганизации нашего с ним общего учебного отделения.

Относительно фамилии Булавкин у нас на курсе была такая шутка. Когда по высшей математике мы дошли до дифференциального и интегрального счислений, то термин «производная функция» применили к трем слушателям. Ими были Булин, Булавкин и Хабибуллин, как соответственно первая, вторая и третья производные.

С Шалапиным дружили все годы учебы в академии, знакомы были семьями, его жена, Клавдия Васильевна, фронтовичка Великой Отечественной, прошедшая в составе 3-й Воздушной армии от Москвы до Калининграда. Это красивая, представительная и весьма остроумная женщина, происходившая, по слухам, из потомков графа Толстого Льва Николаевича. Со своей сестрой Нелли они тщательно скрывали свою родословную, обе гостеприимные и очень общительные.

Дружили мы все годы после академии, а вскоре Дмитрий Иванович возглавил Научно-технический комитет ЦАВТУ МО (Центрального автотракторного управления), курировал и военную приемку. Когда я уже служил в Харькове, однажды генерал Шалапин, будучи с очередным визитом к военпредам Харьковского тракторного завода (ХТЗ), снова побывал у нас дома и попросил проводить его к московскому поезду, где и познакомил с сыном легендарного маршала Ворошиловым Петром Климентьевичем, с которым они вместе приезжали в Харьков. Эта кратковременная встреча с ним оставила впечатление общительного, веселого и остроумного человека. И только потом я узнал, что все дети маршала были приемными. Сироту Петю Ворошиловы усыновили во время Гражданской войны, взяв его из царицынского детдома, потом взяли на воспитание племянника Ворошилова, потерявшего во время

войны своих родителей. А в 1925 году Климент Ефремович усыновил детей погибшего командарма Фрунзе — Таню и Тимура. Петр Климентьевич к нашей встрече был генерал-лейтенантом, представителем Автобронетанкового управления РККА. Всю свою взрослую жизнь Петр Ворошилов связан с производством бронетанковой техники, в годы войны участвовал в разработке и испытаниях тяжелых танков «Клим Ворошилов» (КВ) и «Иосиф Сталин» (ИС).

Всем нам казалось, что жизнь моего однокурсника и большого друга не только по Ленинградской военной академии, генерал-майора Шалапина Дмитрия Ивановича, внушительного роста оптимиста, запрограммирована на многие десятки лет вперед. Но, будучи начальником Научно-технического комитета ЦАВТУ МО, уезжая в очередную командировку в войска в канун Октябрьских праздников 1976 года, погиб в автомобильной катастрофе, не доехав до аэропорта. Ныне Клавдия Васильевна тоже заметно перешагнула 90-летний рубеж, но полна оптимизма. С ней мы не теряем связи и теперь.

По-разному сложилась служба у наших выпускников.

С полковником Сергеем Булавкиным, который определенное время служил в Закавказье, мы дружили дольше, даже вместе служили, когда потом мне удалось перевести его в свое подчинение в Харьков. Дружба наша с ним не прекращалась и в отставке, до его скоропостижной кончины от острой сердечной недостаточности.

А вот с Николаем Александровичем Взятышевым мы дружим до сих пор, уже седьмой десяток лет. Во время учебы в академии, когда нам предоставили комнаты в академическом доме-общежитии на Васильевском острове, наши комнаты оказались на одном этаже, и наши «учебно-общественные» контакты дополнились семейными, тем более что у них, как и у нас, в семье было тоже 2 мальчика. Его жена Ольга, учительница русского языка, была женщиной очень общительной, заметно отличалась эрудицией от многих жен соседей по общежитию. После окончания учебы Николая Александровича оставили в академии на преподавательской работе, там он стал ученым в области технических наук, профессором, полковником.

Мы встречались в любой мой приезд из других мест в Ленинград. С его супругой Ольгой вели нескончаемые дискуссии по некоторым проблемам русского языка, а с ним — долгие разговоры о прошлом, о том, каких успехов достигли наши друзья, разъехавшиеся по подразделениям Вооруженных сил

страны. Будучи давно в отставке и даже почти 90-летним ветераном академии, продолжал преподавать в академии, чем порядком удивил всех на юбилейной встрече по поводу моего 90-летия.

Вспоминали и ушедших уже в мир иной наших однокурсников. Первым из них был наш общий друг Боря Магнитский, получивший назначение в Ракетные войска стратегического назначения. Погиб он ровно через 5 лет после окончания академии, в 1960 году вместе с главным маршалом артиллерии Неделиным Митрофаном Ивановичем, по слухам, при испытании водородной бомбы, а на самом деле при взрыве на испытаниях ракеты Р-16.

К сожалению, многим из однокурсников, хотя и по другим причинам, тоже пришлось покинуть наш не совсем спокойный мир, кому слишком рано, а кому и задержавшись. Вот и мы с Николаем Александровичем Взятышевым «подзадержались», оставшись пока едва ли не единственными с нашего курса, преодолевшими 90-летний рубеж.

Встречаясь с Николаем Александровичем значительно чаще теперь, когда я стал жителем нашего родного Ленинграда (к новому его имени Санкт-Петербург никак не привыкнем), ведем разговоры и о том счастливом академическом времени, и о нынешних, довольно непростых временах и событиях.

Надо отметить, что наряду с Дмитрием Шалапиным генеральские звания получили наши однокурсники Анатолий Бабаин (генерал-лейтенант), Александр Булин, Александр Ольшанский (генерал-майоры).

О Саше Ольшанском особо. Во-первых, мы были единственными Александрами Васильевичами на курсе. Саша был наискромнейшим офицером курса. Во-вторых, начал военную службу в 15 лет. Еще будучи сыном полка, в Великую Отечественную войну награжден медалью «За отвагу». При достижении призывного возраста зачислен рядовым связистом в саперном батальоне, к окончанию войны — сержант, имеющий несколько ранений, 2 ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды и ту самую «За отвагу», еще с прежней красной колодочкой. Участник встречи на Эльбе с американскими союзниками 25.4.1945 г. в районе Торгау. После академии — в инженерных войсках, на преподавательской работе в Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева, затем в Высшем училище инженерных войск (Калининградском). Защитил диссертацию доктора технических наук, стал генералом,

профессором, награжден Золотой медалью ВДНХ. В октябре 1980 года на встрече в честь 25-летия нашего выпуска генерал-майор Александр Васильевич Ольшанский удивил всех нас тем, что прочитал свои стихи, в которых были и такие строки:

Спешите на земле ценить друзей
И не терять отпущенных нам дней…
Одной войны мы все испили чашу,
Я предлагаю тост за дружбу нашу.

Генерал вообще писал очень образные стихи, в которых были строки, годные в афоризмы: «И не нашли его останки, как будто без вести пропал», «Давно лопату и топор в войсках машина заменила, незаменим в бою сапер, его умение и сила», «И беспокойно думаем о том, что мы другим после себя оставим». С ним у нас была, к сожалению, лишь эпизодическая связь, но после выхода в 1988 году книги «Встреча на Эльбе» он выслал мне ее с дарственной надписью.

В январе 2015 года мне удалось установить связь по Интернету с его вдовой Ольгой Вениаминовной и сыном Вениамином. От них я и узнал о последних днях моего друга.

В 2002 году Александр Васильевич перенес второй инфаркт. Последствия фронтовых ранений и контузии да и столичный смог от торфяных пожаров в тот год, к сожалению, не увеличили жизненного потенциала. Ухудшение его состояния к дыму и торфяникам не имеет отношения. Просто ранее еще на службе в Калининградском училище он перенес на фоне пневмонии сразу один за другим 2 инфаркта. «Помогла» родная медицина — несколько лет по больницам с неправильными диагнозами, ошибками в лекарствах. Но работал, ездил в США и встречался с Рейганом, Бушем-старшим… но все равно ЗАЛЕЧИЛИ. В последний раз (2002) при возвращении из ЦКБ в холодную погоду на больничной машине получил воспаление легких… К этому времени лекарства приходилось принимать горстями от всех болячек. Пока врачи разобрались, какая болезнь главнее и что происходит, не выдержало сердце. Не смогли спасти его и в Центральной (кремлевской) клинической больнице. Генерал Ольшанский скончался 3 октября 2002 года в возрасте 77 лет.

Из совсем молодых на нашем курсе хорошо помню Володю Петрича, Сашу Лысенко. Оба они по окончании академии достигли высоких результатов в научной деятельности, оба полковники, доктора наук, профессора, но, к величайшему огорчению, хотя были и моложе нас, уже, как и большинство наших сверстников-однокурсников, тоже ушли из жизни: Саша

Лысенко — в начале этого тысячелетия, а Володя Петрич, с которым мы совсем недавно встречались и на торжествах в академии, и друг у друга дома, скончался в 2012 году.

Надо сказать, что за все 5 лет учебы в Ленинграде мне не доводилось попадать в ситуации, в которых возникала бы прежняя мысль о тайном наказании или хитрой мести за моих осужденных родственников. У меня даже возникло предположение, что в академии вообще не было какого-нибудь представителя Особого отдела. На втором курсе мне было наконец присвоено очередное воинское звание — подполковник. Если на фронте звания капитана и майора я получал через 6 месяцев от предшествующих, то это звание я получил в академии на второй год обучения, хотя и через 6 лет после майорского. Так складывались служебные обстоятельства, в которых, как мне казалось, долгое время до академии невидимо присутствовала все та же идея «сын за отца», и именно период обучения в академии ничем не вызывал воспоминаний о ней. Правда, после академии до следующего звания мне пришлось служить снова 6 лет, и мысли об идее «сын за отца» иногда посещали.

Не так давно один весьма сведущий в истории «органов» человек убеждал меня в том, что мой лейтенантский отказ сотрудничать «с органами» не мог влиять на мою службу, чаще, наоборот, такие отказы вызывали только уважение «вербовщиков». Все неприятности, казавшиеся мне происками этих служб, скорее, умышленные действия недобросовестных начальников. Пожалуй, эти доводы в чем-то и справедливы.

Кроме напряженных занятий по множеству теоретических курсов ежегодно была практика от слесарно-кузнечного дела до месячной практики на московском автозаводе имени Сталина и на ленинградском военном авторемонтном заводе. Каждый слушатель академии проходил месячную войсковую стажировку, которую я лично прошел на должности заместителя командира дивизии по технической части в летний период, когда эта дивизия находилась в летних лагерях на Карельском перешейке.

В общем, объем теоретических знаний и практических навыков был всем нам дан основательный, чем, собственно, и отличалась система военного высшего специального образования в то время, как и вся система высшего образования СССР.Видимо, в этой системе главенствующим были постулаты древнего Леонардо да Винчи: «Опыт — матерь всякой достоверности. Знания, не рожденные им, бесплодны и полны ошибок», — чего явно недостает в современных вузах.

Академию я окончил в конце 1955 года, как уже говорил, «с отличием» и с присвоением квалификации военного инженера-механика, потому имел право на выбор места дальнейшей службы. Еще на 4-м курсе, когда нас опрашивали на предмет возможного назначения в войска по окончании академии, ходил такой анекдот: Один выпускник просил по семейным обстоятельствам не направлять его в северные районы страны, а лучше — в южные. Результат: был назначен на Южный Сахалин. На его вопрос, почему не учли его просьбу, получил ответ: «Были у нас места на Северный Кавказ, в Северный Крым и в северные районы Украины, но ты же сам просил в южные!»

При подобном опросе я выразил желание, если будет возможность, направить меня в Воздушно-десантные войска, в любую географическую точку СССР. Просился именно в ВДВ, так как знал, что некоторое время тому назад, совпавшее с моим поступлением в академию, в 1950 году в командование этими войсками вступил легендарный человек, генерал-полковник Александр Васильевич Горбатов. Он полюбился нам еще по боям под Рогачевом, и я полагал, что в войсках этих должны главенствовать «горбатовские» традиции. К тому же мой брат Виктор, погибший на фронте в 1942 году, служил в свое время в этих войсках. Да и самому захотелось испытать себя в дружбе с парашютом.

Внучка генерала Горбатова, с которой мы давно уже дружим на почве доброй памяти об ее легендарном деде, как-то написала мне: «Кем мог стать настоящий боевой командир из штрафбата? Только десантником! Это естественное продолжение его боевого пути!» Может, Ирина Александровна и права. В числе мест в войсках на наш выпуск действительно оказалось только одно в ВДВ, и, естественно, я выбрал именно его, к счастью, претендентов не оказалось.

Тогда я еще не предполагал, что в этих войсках мне отведено судьбой всего 4 с небольшим года из полных 40 лет службы в Советской Армии. Правда, попасть в подчинение любимого генерала Горбатова мне уже не удалось, так как за год до моего окончания академии и назначения в ВДВ в 1954 году его сменил на посту командующего этими войсками тоже Герой, генерал-лейтенант Маргелов Василий Филиппович.

Таким образом, Горбатов, которого в 3-й армии называли Батя, передал элитный род войск другому Бате (так потом будут называть и Маргелова в воздушно-десантных войсках). И командарм Горбатов был уверен, что по всем статьям выбрал своего преемника правильно, что и подтвердило время.

Так я стал начальником автослужбы 8-го Гвардейского Неманского Воздушно-десантного Краснознаменного корпуса (ВДК), штаб которого находился в белорусском древнем Полоцке. Но о службе в ВДВ — особый разговор.

Глава 26
ВДВ — «Войска Дяди Васи», хрущевский реформаторский зуд

Сбит с ног — сражайся на коленях, идти не можешь — лежа наступай.

ВДВ — это мужество, стойкость, успех, натиск, престиж.

Из афоризмов генерала Маргелова В.Ф.

Жизнь десантника висит на 28 стропах.

Десантник, вооруженный сухим пайком, практически бессмертен.

Там, где черт сломает ногу, ВДВ найдет дорогу.

Из десантного фольклора

Вот и стал я пока «почти десантником» — начальником автослужбы 8-го ВДК, Гвардейского Неманского Краснознаменного Воздушно-десантного корпуса Воздушно-десантных войск СССР. Десантником буду считать себя только после того, как освою прыжки с парашютом. Но вначале очень кратко о моих новых начальниках.

Командующим ВДВ к тому времени стал генерал Маргелов Василий Филиппович, сменивший на этой должности моего любимого генерала Горбатова Александра Васильевича. Если о Маргелове, как о командующем ВДВ, Десантнике № 1, написано и опубликовано уже много, то о его предшественнике на этом поприще — почти ничего.

В 1950 году оба они практически одновременно получили назначения: командарм Горбатов — командующим ВДВ, комдив Маргелов — командиром Воздушно-десантного корпуса.

Именно генерал Горбатов первым начал послевоенную реорганизацию ВДВ и перевооружение. Нынешние офицеры-десантники едва ли знают, что именно Александр Васильевич пробил для них 1 год службы за 1,5 в мирное время. За время командования ВДВ по представлению командующего Горбатова

генерал-майору Маргелову присваивается звание генерал-лейтенанта. Многим, однако, неизвестно и то, что именно генерал-полковник Горбатов, уходя с высшего поста в ВДВ, завершая командование Воздушно-десантными войсками, выдвинул на свое место, на должность командующего ВДВ, командира 37-го гвардейского Свирского Краснознаменного Воздушно-десантного корпуса на Дальнем Востоке генерал-лейтенанта Василия Маргелова. Он был последователем методов командования Александра Васильевича Горбатова, своего предшественника, достойный наследник его славы, патриот ВДВ до мозга костей, также любивший и пестовавший эти войска.

Командовал 8-м корпусом ВДВ, куда я был назначен после академии, Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Еншин Михаил Александрович. Штаб и некоторые органы управления его были в белорусском городе Полоцке, а дивизии дислоцировались вблизи этого города, а также в белорусском Витебске и даже в литовском Каунасе, Гайжюнасе, Калварии и в других местах этой прибалтийской республики. По делам службы часто приходилось бывать в тех местах, да и в очень понравившейся столице Белоруссии, красавце Минске.

Михаил Александрович Еншин — человек очень интересный, в рядах Красной гвардии — с декабря 1917 года, участник Гражданской войны. В Красной Армии — с 1919 года. На фронтах Великой Отечественной войны — с июня 1941 года командир 268-й стрелковой дивизии 8-й армии Северо-Западного и 55-й Ленинградского фронтов, участвует в Ленинградской стратегической оборонительной операции. Здесь уже 15.07.1941 года полковник Еншин и получает первое генеральское звание.

Всю войну генерал-майор Еншин прошел в этом звании практически без перерыва, два месяца пролежав в госпитале после тяжелого ранения. Так и не смог я узнать, кто помешал или что помешало успешному комдиву-генералу получать новые должности и звания. А ведь он командовал в боях за все почти 4 года войны пятью стрелковыми дивизиями, получавшими и почетные наименования за взятие городов, и высокие ордена Родины. Сам комдив за успешное решение боевых задач был удостоен за это время пять раз ордена Красного Знамени, а также орденов Суворова II степени и Кутузова II степени. Ко всему этому Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 года генерал-майору Еншину Михаилу Александровичу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Теперь, зная о заслугах Михаила Александровича, диву

даешься, как случилось, что он так и не был выдвинут на более высокие командные посты. Ведь кто-то все-таки мешал или что-то могло стать причиной этого. Эту загадку биографии генерала Еншина мне так и не удалось разгадать.

В послевоенный период Михаил Александрович продолжил службу в Вооруженных силах. В мае-июле 1945 года — начальник отдела комендантской службы германской провинции (ныне земля ФРГ) Мекленбург. С октября 1945 г. — командир 265-й стрелковой дивизии и 34-й отдельной стрелковой бригады в Группе советских оккупационных войск в Германии. С июля 1946 года — командир 99-й Воздушно-десантной дивизии, после Курсов командиров дивизий при Академии им. Фрунзе — командир 76-й десантной дивизии (Псков). В 1953 году заочно окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и получил назначение командиром 8-го гвардейского ВДК, а в августе 1955 года получает звание генерал-лейтенанта.

Тогда уже аббревиатуру ВДВ и ветераны, и молодые десантники расшифровывали как «Войска Дяди Васи», любовно именуя так своего нового командующего, генерала Маргелова Василия Филипповича, вкладывая в эти слова и огромное сыновнее уважение к нему, и некоторое душевное смятение перед значением его таланта командира и воспитателя. И легенд о нем складывалось немало. Вообще любовь к ВДВ и гордость ими воспитывалась не только парашютными прыжками, но я помню, с каким вдохновением десантники пели свою любимую строевую песню, в которой были и такие слова:

Как ангел с неба он слетает,
Зато дерется он — как черт!

В десантном корпусе мне тогда предстояло стать прежде всего парашютистом. Особое внимание и заботу в этом я ощущал от начальника парашютно-десантной службы полковника Белоцерковского. Вообще весь состав штаба корпуса, по высоким рангам составлявших его офицеров, для меня был непривычным, особенно по сравнению с фронтовым офицерским комсоставом штрафбата, где большинство были младшие офицеры до «капитана». Но и здесь в мирной обстановке главным тоже была какая-то особенная десантная дружба, взаимовыручка, очень похожие на нашу, штрафбатовскую. Наверное, потому что и у десантников чаще, чем в других войсках, жизнь зависит от «Его Величества Случая», как и на фронте.

Одному из главных дел — подготовке новичков к парашютным прыжкам — уделялось много времени и внимания

инструкторов-офицеров. Учились сами укладывать парашюты, когда строгий пооперационный контроль на первых порах заставлял нас возвращаться на предыдущий, а то и на исходный этап. То не так расстелили стол, как называли походное брезентовое полотнище размером 13 × 1 м для укладки парашюта. То не в такие пучки уложены стропы, а это более 2 десятков очень прочных, длинных шнуров, соединяющих купол парашюта с подвесной системой, на которой «сидит» парашютист в воздухе. Да мало ли оплошностей допускаешь поначалу. Зато какое облегчение, а подчас и гордость испытываешь, когда инструктор, а то и сам начальник ПДС, принимая твою работу, разрешает застегнуть все кнопки парашютного ранца и ставит свою подпись в паспорт парашюта. Теперь ты сам, и только ты, имеешь право прыжка на уложенном тобой именном парашюте.

А сколько десятков, если не сотен тренировочных «прыжков» на тренажерах приходилось «совершать», пока научишься правильно ставить ноги при приземлении, овладеешь способами управления парашютом в воздухе при помощи строп, научишься разворачиваться по ветру, и т. п. Свои первые прыжки с парашютом я, как и все мы, перворазники, тогда совершали с аэростата с высоты 400 метров, и только затем уже с самолетов, и с разных высот, и в разных условиях. Потом это доставляло мне огромное удовольствие, и я не упускал случая, чтобы как можно чаще испытывать наслаждение от ощущения парения в воздухе. Была определенная строгость в учете прыжков, так как за каждый прыжок полагалось денежное вознаграждение. Поэтому какую-то часть прыжков не только мне удавалось совершать без занесения в индивидуальную книжку учета прыжков и в учетные ведомости.

Но вначале о самих прыжках, о первых ощущениях. Первый прыжок в 8-м ВДК мне довелось совершить вскоре после нового, 1956 года. В тот день, выдавшийся пасмурным, выехали мы на «площадку приземления» в одном из полков 114-й воздушно-десантной дивизии, дислоцировавшейся недалеко от Полоцка, в гарнизоне Боровуха-1. В глаза бросается огромный, как показалось по сравнению со всем, что его окружало, аэростат. Он будто плавал низко в воздухе, покачиваясь от небольшого ветерка на тросе, идущем от автомобиля с лебедкой. Подъемная сила обеспечивалась тем, что его наполняли водородом, добываемым специальной установкой из воздуха. Его «корзина», из которой мы и должны прыгать, касалась земли и представляла не плетеную корзинку, а что-то вроде подвешенного к самому аэростату четырехугольного ящика, открытого сооружения из дерева с бортами высотой метра полтора.

Я оказался во второй группе, поэтому с волнением наблюдал,

как в корзину заходят первые три или четыре парашютиста и инструктор, который называется теперь «выпускающий». Лебедка постепенно отпускает трос, и так же медленно уплывает вверх на 400 метров аэростат с парашютистами. Вскоре замечаем, что аэростат вдруг пропадает в низкой облачности, и я с сожалением думаю, что не увижу самого отделения парашютиста от корзины, не увижу и момента раскрытия парашюта. И действительно, купола парашютов мы один за другим различаем уже на высоте метров 200 полностью раскрытыми и наблюдаем их удачное приземление. Волнение несколько утихает, возникает уверенность, что и я так смогу.

Пока приземлившиеся собирают купола и по глубокому снегу подходят к месту сбора, аэростат, подтянутый к земле тросом лебедки, уже снова готов принять очередную группу, куда вошел и я. Выстраиваемся, подходит начальник парашютно-десантной службы (ПДС), мастер парашютного спорта полковник Белоцерковский. Он тщательно проверяет, правильно ли надета и подогнана подвесная система, так ли застегнуты все важные кнопки ранцев основного и запасного, умело ли в случае надобности схвачу их кольца, хотя первый прыжок — с принудительным раскрытием, не раскрывая без нужды запасного парашюта.

О полковнике Белоцерковском тоже ходили легенды. Одна из них состояла в том, что при приземлении он никогда не касается земли ногами, а «садится» на нее «мягким местом», для чего у него есть специальная подушка, которую он пристегивает перед каждым прыжком. Оправдывали это «чудачество» полковника тем, что несколько лет назад во время прыжков при испытании новых систем парашютов он чуть не разбился, но отделался множественными переломами обеих ног и с тех пор прыжки совершает своим особым способом. Все это, оказывается, и не легенда, а правда. Легендарной во всем этом была только подушка. Просто его запасный парашют крепится у него в той части подвесной системы, как это предусмотрено у летчиков. Кстати, после расформирования нашего 8-го ВДК, как мне рассказывали, Белоцерковский служил в Витебске в военно-транспортной авиадивизии, но его знала вся 103-я Гвардейская, как и все Воздушно-десантные дивизии, входившие до этого в состав нашего корпуса.

Здесь, на площадке приземления, после краткого инструктажа, доброго напутственного слова заслуженного мастера парашютного спорта, полковника из того, сентябрьского, 1943 года десанта, в корзине аэростата нас принимает выпускающий. Он же проверяет выполнение команды «Прицепить

карабины!». Карабины — это не винтовка с укороченным стволом, а специальная защелка, которой оканчивается вытяжной трос основного парашюта (кажется, его правильное название — фал). Одновременно мы отрываемся от земли, постепенно удаляясь от нее. Машины, люди становятся меньше и меньше, но вдруг все они пропадают под белой пеленой. Вдруг еще через какое-то время над нами появляется синее, солнечное небо, а под нами — сплошное молочно-белое покрывало. Почему-то всплыл в памяти Пушкин:

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины…

Это куда же нам прыгать, земли-то совсем не видно! Но молчу, понимая неуместность вопроса. А тут инструктор открывает дверцу корзины и звучит команда выпускающего «Приготовиться!». По ней — руки на свои места, сердце ускоряет бег. Первым подходит к проему офицер, совершающий далеко не первый прыжок, и по команде «Пошел!» легко, свободно, как за порог родного дома, шагает в белую бездну. Как рассказывали опытные парашютисты, когда перворазник замешкается в нерешительности, инструктор подталкивает его в спину, а то и просто выталкивает. Неотступно сверлит мысль не о том, что придется лететь в какую-то неизвестность, а как бы не заработать тумака в спину! Как было ранее условлено, вторым к дверце подхожу я. Уже по привычке, выработанной многими занятиями на тренажерах, становлюсь на порожек так, чтобы носки сапог свешивались за его край. Инструктор, видимо, чувствуя мое волнение, говорит «Спокойно» и через секунду — «Пошел!».

И я, стараясь не дождаться даже легкого толчка выпускающего инструктора, делаю шаг в эту молочную бездну. Успеваю подумать, что я не прыгаю, а просто шагаю, но чувствую, как за моей спиной срабатывает тот самый фал, и ранец открылся. Какие-то секунды свободного полета, когда я кувыркаюсь в воздухе, и вдруг, будто кто-то сильно встряхивает меня за плечи, и я чувствую себя в подвесной системе, будто удобно усевшимся в кресле. Вот теперь, как в густом, но быстро рассеивающемся тумане возникают фигурки людей на площадке приземления, чуть в стороне — тот самый автомобиль с лебедкой, которая удерживает на тросе наш не летательный, а «воздухоплавательный» аппарат.

Какое ощущение парения в воздухе! Будто я — тот самый пушкинский орел, который «парит неподвижно со мной наравне»! Петь хочется, и я действительно запеваю почему-то чапаевскую

про ворона, которую так любили иногда мои штрафники. Земля приближается, и пора готовиться к встрече с ней, к приземлению. Делаю все так, как учили, и сам весь «собрался», и ступни ног вместе, сами ноги слегка согнуты в коленях для пружинящего касания земли… А она все еще далеко и приближается как-то медленно. На секунду расслабился, но вдруг заметил, что приближение земли идет с огромным ускорением! Не успеваю придать нужное положение ногам, как плюхаюсь на землю всем телом… Куда девалось и песенное настроение, и радость от парения «наравне с орлом», а жаль, так было все хорошо… На второй прыжок иду с неохотой, а мне говорили, что второй прыжок — самый приятный…

Снова надеваем парашюты, снова «основная стойка» парашютиста, слегка согнувшись, чтобы дать возможность инструкторам проверить все, что нужно. Подходит снова Белоцерковский, говорит, что видел мою оплошность, что так бывает со многими, так как расстояние до земли трудно определить с первого раза. Но наука, мол, эта несложная, уже второй прыжок всегда успешнее первого, расстояние определяется вернее. Успокоил. Иду на второй заход с возродившейся уверенностью. Все-таки говорю выпускающему: «Не приходилось меня выталкивать?», отвечает: «Да просто не успел, только руку поднес, а ты уже пошел». Далее все повторяется: и команды, и подход к дверце, и купол над головой, и орлиное парение, успеваю даже «порулить» парашютом при помощи строп — и землю встретил как надо, и приземление правильное! Вот когда полностью ощутил себя счастливым!

Прошу, можно ли еще разок, но нельзя. Во-первых, больше двух раз в день не положено, а во-вторых, парашюты собственной укладки уже израсходовал, а на чужих — тоже ни-ни! Зато потом, когда прыгали с самолетов, когда приобрели опыт, оказалось, и на чужом, если инструктор уверен, и даже без занесения в «прыжковую» книжку и итоговую ведомость, если уж очень хочется, — тоже можно! Но это уже когда бывали в дивизиях корпуса, а потом и в своей.

А бывать там приходилось нередко, но почему-то чаще всего в самой отдаленной, дислоцировавшейся в Каунасе и его окрестностях 7-й ВДД, которой командовал сравнительно молодой, 38-летний, генерал-майор Рудаков Алексей Павлович, который вскоре стал начальником штаба ВДВ, сменив на этом посту генерал-лейтенанта Воронцова Г.Ф., пробывшего на нем после генерала Рождественского недолго. Кстати, когда командир 8-го ВДК генерал Еншин проводил сборы комдивов, то мне, как единственному в корпусе автомобилисту-«академику», поручал

проводить с ними занятия и зачеты по новым «Наставлениям по автомобильной службе». Генерал Рудаков у меня был самым успевающим, отличником.

Когда я прибыл в десантный корпус, начштаба ВДВ был Воронцов, но по войскам ходили живые воспоминания о предыдущем, генерал-лейтенанте Рождественском Серафиме Евгеньевиче, весьма колоритном генерале, в рассказах о котором или добрых анекдотах о нем всегда подчеркивался добрый то ли белорусский, то ли кавказский акцент, который принадлежал герою рассказов. Когда в командование ВДВ вступил генерал Маргелов, Рождественский стал его заместителем, а вскоре ушел в отставку — возраст подошел.

Из Полоцка в 7-ю Каунасскую десантную дивизию мы обычно добирались поездом, а то и парашютным способом из Витебска, где стояла 103-я воздушно-десантная под командой полковника Попова, более солидного возрастом, чем генерал Рудаков. Иногда эти посещения совмещались: вначале мы ехали к Попову, работали там дней 5, оттуда летели на совместные учения под Каунас, проводили там завершающий этап учений, затем оставались для обычной работы по проверке и оказанию помощи. Моя работа заключалась в основном в проверке технического состояния автотракторной техники, правил ее эксплуатации, парковой службы и правильности расхода моторесурсов. Когда наши пэдээсники проверяли парашютную подготовку автомобильных или авторемонтных подразделений, удавалось вместе с ними прыгать и мне, иногда даже не по одному разу в день.

Вспоминаю нашу работу в отдаленном от Каунаса военном городке гарнизона Гайжюнас, где дислоцировались на значительном удалении даже от малых деревень учебный центр и, кажется, 226-й ПДП (парашютно-десантный полк). Там рассказывали то ли были, то ли очередные легенды о генерале Маргелове. Вот одна из них, коротенькая.

Беседуя в переполненном солдатском клубе с рядовыми десантниками учебного центра, Василий Филиппович спросил, нравится ли им здесь служить. В ответ хором: «Нравится, товарищ командующий!» Тогда командующий говорит: «Ну что тут может нравиться, ни в увольнение сходить, ни в деревенском клубе с девчонками потанцевать, руками их потрогать. Что тут может молодому, сильному десантнику нравиться?» Тогда уже в солдатском фольклоре бытовала фраза «Бог создал рай, а черт учебку в Гайжюнай». Поэтому совершенно неожиданными были в ответ задорные голоса, и опять почти хором: «Пейзаж, товарищ командующий!» Маргелов расхохотался, а вместе с ним долго

сотрясался от всеобщего хохота весь солдатский клуб.

Вторая легенда — о самовольщике. Ехал генерал рано утром из Каунаса в этот городок на дивизионном газике. В последней деревеньке, не доезжая километров 5–7 до военного городка, увидел голосующего на дороге солдата, остановился. Солдатик подбегает, увидел «Дядю Васю», опешил, но не растерялся и отдал рапорт: мол, рядовой-десантник Петров выполняет задание командира такого-то батальона. Маргелов спросил, не нужно ли его подвезти в гарнизон, десантник доложил, что за ним приедут. Догадался командующий, что перед ним самовольщик и, прибыв в полк, немедленно объявил «тревогу». Через несколько минут, когда ему доложили, что полк построен и все люди налицо, генерал вызвал комбата и спросил, подтверждает ли он доклад комполка, тот ответил утвердительно. Тогда генерал сам подает команду: «Рядовой Петров такого-то батальона, выйти из строя!» И как же был удивлен командующий, когда из строя, четко печатая шаг, вышел тот самый самовольщик и рассказал честно, как он сумел прицепиться за запасное колесо, укрепленное на задней стенке кабины генеральского газика, и таким образом оказался «в нужное время в нужном месте». Комбат тут же объявил самовольщику 10 суток ареста с содержанием на гауптвахте. «Дядя Вася» Маргелов добавил: «По отбытии наказания объявить рядовому Петрову 15 суток… отпуска на родину, не считая дороги. Это за то, что он сумел, как истинный десантник, найти единственно правильное решение в, казалось бы, безвыходной ситуации». Было ли такое на самом деле, но на генерала Маргелова это очень похоже.

Хотелось бы провести некоторую параллель в оценке боевых качеств подчиненных у командарма Горбатова на фронте и генерала Маргелова в Воздушно-десантных войсках.

Я уже рассказывал, как генерал Горбатов ценил офицерские кадры, прошедшие через штрафбат: эти офицеры, воевавшие рядовыми на самых трудных участках фронта, будут ценить солдатский труд и солдатскую жизнь. Верный ученик Горбатова, наш командир штрафбата Осипов поступал так же: не один раз штрафников, проявивших себя в боях, после восстановления в офицерских правах оставлял в постоянном составе командирами взводов или рот. Он считал их «золотым фондом» батальона вместе со штатными взводными и ротными командирами, возвращавшимися в свой штрафбат после излечения по ранению.

Конечно, я не сравниваю штрафбат и ВДВ. Десантники — элита Вооруженных сил, штрафники — рядовые солдаты войны, хотя и бывшие офицеры, лишенные многих прав, кроме права хорошо воевать, на которых в отличие от десантников плели

разную пакость. Тем более что и по уровню военной подготовки, грамотности вообще и наличию в их сознании понятия офицерской чести бойцы штрафбатов тоже были в определенном смысле элитой. Но и те и другие — на самом переднем крае воинской службы, будь то в штрафбате на фронте или в мирное время в десантуре. И те и другие при выполнении своего воинского долга больше других военных рискуют жизнью, свидетельством тому многочисленные факты, из которых я приведу лишь некоторые, достоверно мне известные.

Начальником артснабжения корпуса во время моей службы в Полоцке был подполковник, фамилию которого я вспомнить просто не могу за давностью времени. С ним еще осенью произошел редкий случай: не полностью раскрылся основной парашют, а запасный вовсе не раскрылся. Офицер должен был погибнуть, но это чудо, что не раскрывшиеся парашюты все-таки стабилизировали его вертикальное положение при падении, и то, что упал он в болотистое место! Сила удара была такова, что он ушел в болотистый грунт по самую шею и потерял сознание от болевого шока, потому что у него были выбиты оба тазобедренных сустава.

На площадке приземления, как всегда, дежурила санитарная машина и достаточное количество людей, вовремя откопали его и вызволили из трясины. Лечили его 2 месяца, лечение наблюдал сам командующий генерал Маргелов, навещал его в госпитале и просил остаться в ВДВ. Не сразу согласился подполковник, но настойчивость и такт командующего дали результат. Когда офицер выписался из госпиталя и функции суставов стали приходить в норму, генерал поручил начальнику парашютно-десантной службы Белоцерковскому понемногу готовить его к прыжкам.

Офицер потом рассказывал, как трудно было ему и физически, и психологически преодолевать множество возникающих барьеров, но со временем он справился со всеми барьерами, и в день, когда я совершал свой первый прыжок, он делал уже 3-й «новый», а по общему счету, кажется, 70-й! Полковник Белоцерковский, мастер парашютного спорта международного класса, сам в прошлом имевший серьезные парашютно-прыжковые травмы, часто брал его на свои встречи с новичками и на занятия как «живой экспонат».

Другой случай произошел в батальоне связи корпуса. Прыжки тогда совершали и офицеры штаба корпуса, и личный состав корпусных частей, как обычно, на территории 114-й воздушно-десантной дивизии нашего корпуса, недалеко от Полоцка, в

Боровухе 1-й. Зима тогда была очень снежной. Во время групповых прыжков не полностью раскрылся парашют у одного солдата, и он врезался между строп другого десантника, который, не растерявшись, ухватил товарища руками. Но и его парашют стал гаснуть. Открывать запасный он не мог, руки были заняты, да и было поздно, земля близко. И таким вот «тандемом» оба они на большой скорости вошли вскользь в толстый слой снега на склоне большого оврага и оказались на его дне под солидным снежным покровом.

Не сразу их освободили из снежного плена, но нашли обоих живыми, с переломами рук и ног. Обо всех таких нестандартных случаях во время прыжков всегда немедленно докладывали непосредственно командующему Маргелову. Уже на другой день Василий Филиппович был в госпитале с подарками, поздравлял обоих с чудесным спасением, сообщил, что представляет к правительственной награде спасителя и, конечно же, высказал желание видеть их обоих успешно продолжающих службу в десантных войсках после выздоровления. По окончании срочной службы он будет рад обеспечить им зачисление на сверхсрочную, обеспечить обоим дальнейшее совершенствование парашютной подготовки в школе сержантов и работу инструкторами, а если будет желание — перейти в спортивную команду парашютистов.

«Спаситель» сказал, что, если полностью поправится — согласен, а «спасенный» наотрез отказался от всех предложений генерала. И сколько еще раз приезжал специально к нему генерал, солдат не изменил своего решения. Таково было потрясение человека от случившегося, что он не мог даже видеть парашют, не говоря уже о чем-то большем, связанном с этим. По излечении по его просьбе перевели этого солдата из десантных войск дослуживать в пехоту. А «спаситель» оказался с более крепкими нервами и, полагаю, стал не только хорошим инструктором, а может, и мастером парашютного спорта. О подобных случаях приходилось слышать не один раз.

Мой знакомый десантник, правда, более позднего периода службы в ВДВ, полковник Сильченко Анатолий Андреевич, рассказывал, что свою офицерскую службу он начал именно в Боровухинском гарнизоне. Тогда уже был расформирован штаб 8-го ВДК, а из 114-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии остался полк, в котором служили еще офицеры, помнившие те парашютные происшествия.

В каждой «Ленинской комнате», рассказывал Анатолий Андреевич, еще не один год были красочные типографские плакаты с описанием подвига солдата Сидоренко, который спас своего сослуживца, рядового Литовко. Десантник, спасший своего

товарища, был награжден медалью «За отвагу» и представлял ВДВ делегатом на съезде комсомола.

В Боровухе в то время, когда там «стартовал» на офицерском марафоне полковник Сильченко, было много офицеров запаса, оставшихся на жительство там, уволенных после расформирования штаба 8-го корпуса и управления 114-й Гвардейской воздушно-десантной. Почти все они жалели, что не удалось дослужить и получить пенсию. А все это случилось в период хрущевского сокращения Вооруженных сил на одну треть, получившего в армии название «Каждый третий — выходи!».

То время было словно пропитано хрущевскими реформами не только в Вооруженных силах. Хрущев утратил понимание народных нужд, начались гонения на церковь. Реформаторский зуд Никиты Хрущева окрестили впоследствии субъективизмом и волюнтаризмом. Именно Хрущеву принадлежит пальма первенства в распространении солженицынского охаивания всего советского.

Многие искажения программ социалистического строительства, рецидивы культа личности происходили именно в период так называемой хрущевской «оттепели». Помнится расхожая в то время фраза, принадлежавшая Михаилу Шолохову: «Культ личности был, но была и личность». Фольклор в то время эту фразу продолжал: «Никита же — не личность!»

В 1958 г. Хрущев начал проводить политику, направленную против личных подсобных хозяйств. В 1959 г. жителям городов и рабочих поселков было запрещено держать в личном пользовании скот. У колхозников личный скот выкупался государством. Начался массовый забой личного скота. Эта политика привела к сокращению поголовья скота и птицы, ухудшила положение крестьян.

Помню и возмущавшие всех хрущевские налоги на фруктовые деревья, косточковые и семечковые, которые заставляли вырубать индивидуальные сады. Вот строки из письма того времени:

«Хрущев начал планомерно уничтожать страну. Причем повсеместно и в науке, и в сельском хозяйстве. Даже налог на фруктовые деревья, и на скотину, и птиц в личном хозяйстве ввел. Люди, плача, пилили в своих садиках деревья и резали скотину и птиц. Только кур не тронул. А насчет искусства — как на Арбате в Москве картины бульдозерами давили по его приказу. Великолепную коллекцию зерновых Вавилова уничтожил, селекцию, создававшуюся десятками лет!»

Жившие в то время наверняка помнят кукурузный хлеб и даже хлеб с горохом, вошедшие в обиход не от

продовольственного же изобилия. В 1960-х положение в сельском хозяйстве усугубилось разделением каждого обкома, райкома партии на промышленный и сельский, были ликвидированы МТС, созданы не оправдавшие себя «совнархозы». Стремление Никиты проявить себя знатоком всего привело к тому, что волюнтаристски, по-хрущевски проталкивалась радикальная реформа орфографии, больше надуманная, чем основанная на научных исследованиях. Дошло до такой стадии, что он, «грамотей», замахнулся даже на «улучшение» русского языка. Хорошо помню, когда в конце лета 1959 (или 1960) года все центральные газеты вышли с его «Памятной запиской», в которой он предлагал говорить и писать вместо «отцов», «огурцов» — «отцей», «огурцей», а вместо «иду в пальто» — «иду в пальте» или «без пальта», и много еще других «хрущевизмов».

Говорили тогда, что только министр культуры Екатерина Фурцева, имевшая еще какое-то влияние на Никиту Хрущева, убедила его не позориться. Может, тогда и изъяли из всех архивов и эту «Памятную записку» и все упоминания об этом хрущевском «новаторстве», что сегодня даже в Интернете на них нет ссылок.

А вот от реформ в армии некому было удержать «неистового реформатора». Отношения Хрущева и армии никогда не были особенно хорошими. На них тень громадного сокращения Вооруженных сил страны в течение 1955–1958 гг. в три этапа на 2 миллиона 140 тысяч военнослужащих. Это больно било по судьбам офицерского корпуса. Прослужившие много лет офицеры выбрасывались в гражданскую жизнь зачастую без профессии, без пенсии, даже без возможности найти себе работу. Открыто осуждалось и само сокращение армии, и то, как оно происходило. Вот одно из самых типичных офицерских писем того смутного времени: «Наша дивизия расформируется. Из полка (пока по слухам) останется всего 5 человек, то есть почти все будут уволены в запас… Ты бы посмотрела, как у нас демобилизуются офицеры, у которых по 2–3 детей: ни одежды, ни денег, ничего нет, и увольняют без пенсии, не хватает полутора-двух лет. Настроение у всех ужасное. Сейчас просто повальная демобилизация. К чему бы это?»

Из армии уходили массами под разными предлогами и молодые офицеры, недавние выпускники училищ, боявшиеся связывать свою судьбу с непредсказуемой армией, газеты радостно печатали репортажи о том, как бензорезами уничтожают новейшую авиационную технику и военные корабли. В армии падала дисциплина.

Примерно в такое же положение поставил в начале 90-х годов Советскую Армию Горбачев, вывел крупнейшую группу войск из

Германии в морозные поля, в палатки.

Казалось бы, в наше время, на втором десятке лет XXI века руководство страны и армии должны были учесть тот недобрый опыт, сделать положительные выводы и подобного не повторять. Но прошло время, и современная «модернизация» Вооруженных сил, придание армии «нового облика» — это то, что по-русски называется «наступать на те же грабли», но с более трагическими последствиями. Не задавались ли во время сердюковского руководства военным ведомством подобные вопросы: «К чему бы это»?

А может, теперь, когда недобитые бандеровцы пытаются возродить былой, даже усовершенствованный фашизм у наших границ, стало понятным, к чему все это делалось. Всему миру, а также бандеровцам и их вдохновителям стало понятно, что бывший министр обороны России Сердюков настолько ослабил обороноспособность страны, что можно уже открыто угрожать России парадом бандеровцев не только в Севастополе, но и в Москве. Пока Шойгу не восстановил российскую армию на нужном уровне, нам теперь под «крышей» Запада открыто угрожают уже не только бандеровская власть Украины, но уже и Турция… Кто следующий?

Можно представить, как нелегко было командующему ВДВ генералу Маргелову в тех хрущевских шорах не только отстоять свое детище, свою десантуру, но и укреплять, развивать «Войска Дяди Васи». И главным в его характере была забота о людях, о подчиненных. Как когда-то на фронте командарм Горбатов, его знаменитый предшественник в ВДВ, делал все возможное, чтобы уберечь жизни штрафных офицеров и заслуженно возвращать их в офицерский корпус Красной Армии. Так и теперь Маргелов очень дорожил своим «золотым фондом», стремился и без войны беречь его, взращивать, создавать, учитывая специфику службы в десанте. Такая вот забота командующего о своих «Войсках Дяди Васи», в которых он, генерал Василий Маргелов, по праву считался и остается Десантником № 1.

В 8-м десантном корпусе я прослужил недолго, всего чуть больше полугода. «Врастать» в особенности руководства автослужбой воздушно-десантных войск, чему в академии, понятно, не учили, постигать основы десантного характера помогали мне довольно активно командир корпуса генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Михаил Александрович Еншин, начштаба корпуса полковник Торопов, начальник тыла полковник Максунов, в ведение которого в то время входила автомобильная служба корпуса. Генерал Еншин, который после расформирования штаба корпуса стал у генерала Маргелова

заместителем по боевой подготовке, бывал не раз в той дивизии, куда меня потом перевели.

Может, более ярко я осознал это «братство по духу», когда после расформирования нашего ВДК был переведен к новому месту службы, в 105-ю Гвардейскую воздушно-десантную Венскую Краснознаменную дивизию, штаб и большая часть полков которой дислоцировались в Костроме. Там я занимал уже должность заместителя командира дивизии по технической части. Четыре года службы в этой Гвардейской воздушно-десантной оставили много добрых впечатлений. Главное — прыжки с парашютом в самых разных условиях: летом, зимой, днем, ночью, в штиль и ветер, на грунт или на воду, с принудительным или ручным раскрытием, на основном или с запасным парашютом, одиночные или групповые на учениях, с самолетов разного типа и т. д., и т. п.

Вспоминаю, как при первом посещении генерал Еншин, увидев меня еще подполковником, высказал упрек комдиву, сказав ему: «Чего ты тормозишь его? Я сам, когда он был в моем корпусе, хотел, но не мог его представить к очередному званию: всего полгода он прослужил тогда в ВДВ. А теперь и стаж, и опыт набрал…» Приятно было узнать, что беспокоится он о своем бывшем подчиненном. Да если и просто помнит, тоже приятно. Тем более что вскоре мне это звание было присвоено.

Говорят, когда Василия Филипповича назначали командующим ВДВ, министр обороны взял с него слово, что сам командующий прыгать больше уже не будет, уж больно рьяно он это делал, будучи командиром десантной дивизии или корпуса. Командиру корпуса генералу Еншину при назначении в ВДВ тоже было поставлено такое условие. Однако и тот и другой этих условий не соблюдали. Оба боевые генералы, оба Герои Советского Союза, а у М.А. Еншина, единственного из десантников, одних орденов Боевого Красного Знамени было 7 (семь!). Например, у легендарного маршала Буденного их было только 6, зато у Семена Михайловича орденов Ленина было 7, но не в том суть.

Известно, десантники бывшими не бывают. Мы, прошедшие суровую школу штрафбатов, тоже считаем, что штрафбатовцы в душе тоже не бывшие, характеры и там закалялись на всю оставшуюся жизнь. Вот и я, прослужив в ВДВ всего чуть больше 4 лет, все последующие годы службы и жизни после них следил за этими войсками, переживал за их успехи и всякого рода несуразности, в которые эти войска попадали, особенно в перестроечный период, в ельцинское безвременье, и тем более —

после. Однако всегда был солидарен с теми, кто слагал о ВДВ такие стихи:

Воздушно-десантные — сколько побед!
Из парашютов белый букет,
Радугой мирной парят купола —
Слава десанту, честь и хвала!

Особенный, десантский взгляд на сплоченность воинского коллектива, будь то отделение-взвод или полк-дивизия, вырабатывался в ВДВ. Здесь более емко понималось слово «взаимовыручка», которая иногда реально проявлялась в воздухе, когда один десантник, рискуя своей жизнью, спасает другого, кому не повезло с раскрытием парашюта. Как и на фронте, здесь осознавали цену каждой секунды, каждого мгновения.

И всему этому способствовал уже сложившийся офицерский коллектив, который возглавлял тогда комдив полковник Симонов Михаил Егорович, крепкий, рослый сибиряк, довольно крутого нрава, иногда не стеснявшийся крутых решений, да и выражений тоже. Вскоре он надел генеральские погоны.

У этого события было немало разных версий, но одна мне показалась наиболее достоверной. Тогда присвоение генеральских званий проходило под контролем ЦК КПСС, чтобы в генералы не проник какой-нибудь недостаточно преданный советской власти человек или имеющий темные пятна в биографии. А у Михаила Егоровича, оказывается, что-то вроде этого пятна обнаружилось, и занимавшему тогда пост Председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Н.М. Швернику доложили, что у Симонова не подтверждено приказами присвоение во время войны офицерских званий до капитанского. Несколько раз возвращали командующему ВДВ материал на присвоение полковнику Симонову генеральского звания. И генерал Маргелов настойчиво представлял его снова и снова. Тогда в ЦК пригласили для объяснения самого Маргелова. Он доложил Швернику примерно следующую историю.

«Комдив Симонов с первого дня войны, будучи старшиной полкового оркестра, не раз поднимал в 1941 году свою „музыкальную бригаду“ для отражения контратак противника. Однажды случилось так, что в тяжелейшем бою с превосходящим противником погиб командир одного батальона и вышел из строя почти весь его комсостав. Бойцы, потеряв командиров, под напором немцев стали в беспорядке отступать. Тогда старшина

Симонов, приказав своей команде играть „Вставай, страна огромная“, сам бросился к батальону, крикнул: „Я комбат! Слушать мою команду!“ и повел батальон красноармейцев в очередную контратаку под любимую мелодию. Контратака была успешной, противника отбросили и даже захватили его позиции. Сам Симонов был тяжело ранен в грудь, с него для перевязки сняли гимнастерку с документами в кармане и в бессознательном состоянии доставили в медсанбат. Там, не ожидая прихода в сознание, стали заполнять медицинские документы. Неясность была со званием, но раненные в одном с ним бою солдаты батальона, который так решительно повел в бой этот смелый командир, заявляли, что „это же наш комбат“, а насчет звания сказали: „не успели рассмотреть, то ли капитан, то ли майор“. Так и записали. Эвакуировали его в госпиталь, там его приняли уже как капитана, выдали другую гимнастерку с соответствующими знаками различия, а дальше все пошло как надо. И не стал оспаривать Симонов это свое новое положение, ибо чувствовал, что сможет быть комбатом. Воевал он дальше уже офицером, был и командиром батальона, и командиром полка, а теперь вот командует одной из лучших дивизий ВДВ».

Выслушал Шверник и все присутствующие этот убедительный рассказ Маргелова и решил: «Привезите к нам этого десантника, хочется посмотреть на него». Вызвал Маргелов полковника Симонова в Москву и явился с ним в ЦК. Беседа была обстоятельной. В результате Председатель КПК при ЦК КПСС сделал вывод: «Во время войны некоторые даже с генеральскими, не то что с офицерскими погонами, бросали свои не только батальоны и полки, а он вот наоборот. Молодец! Быть ему генералом». Так настойчивость командующего, знание им своих подчиненных и забота об их служебном росте помогли нашему комдиву стать генералом.

Мне повезло встретить в «десантной» Костроме, в офицерском коллективе 105-й Гвардейской, людей интересных и достойных, чтобы о них рассказать хотя бы вкратце.

Довольно быстро я вписался в группу заместителей командира дивизии, среди которых были теперь уже мои коллеги, полковник Сорокин Михаил Иванович, тоже недавно пришедший в замкомдивы с должности командира 331-го полка той же дивизии. Через 2 года он уже командовал десантной дивизией на

Дальнем Востоке, а затем прошел много ступеней вверх по служебной лестнице, до генерала армии, заместителя министра обороны СССР. Побыл он перед этим и командующим Ленинградским военным округом. Дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР. Вышел в отставку в 1992 году, когда Ельцин, став Президентом России и развалив СССР, стал разрушать Вооруженные силы и начал с руководящих кадров Минобороны. Умер Михаил Иванович 22 февраля 2005 года.

С другими заместителями комдива мне довелось послужить дольше. Одним из них начальником штаба дивизии был добродушный среди равных, но достаточно строгий с подчиненными полковник Андрей Якушев. Замполитом — заядлый рыбак, полковник Лукшин. Заместителем по тылу все эти годы был остроумный, не теряющий своего неистощимого юмора и оптимизма в любых условиях полковник Морозов. (Прошу простить мне то, что во многих случаях память не сохранила имен и отчеств упоминаемых.)

А вот коротко о других, с кем вместе десантировались на многочисленные учения, совместно решали многие жизненные задачи дивизии. Командующий артиллерией дивизии (попросту — начальник артиллерии) полковник Яковлев. В его подчинении был штаб артиллерии дивизии, офицеры которого, как на подбор, были с «птичьими» фамилиями.

Здесь случилась однажды смешная история. В одно из посещений нашей дивизии генерал Маргелов обходил службы управления дивизии и зашел в штаб артиллерии. Как и должно, офицеры встали, и при обращении к ним генерала каждый кратко представлялся, например: «Майор Воронов!», «Капитан Грач!» Василий Филиппович понял ситуацию и, обращаясь к очередному офицеру, улыбаясь, спросил: «А вы что за птица?» А в ответ: «Подполковник Синица!» Конечно, финалом был всеобщий хохот, и командующий вышел с хорошим настроением.

Начальник оперативного отделения штаба, полковник Гончарук, — весьма эрудированный, остроумный, любящий поэзию и иногда балующий нас собственными стихами. Инженерную службу дивизии возглавлял подполковник Вотинцев, который в истории ВДВ отмечен тем, что именно ему командующий генерал Маргелов поручил разработать программу подготовки десантников-диверсантов. Мастер парашютного спорта, имеющий разряд по боксу, Вотинцев лично руководил подбором и практической подготовкой взвода диверсантов, впервые организованного в нашей 105-й вдд. Этот взвод и стал прообразом таких подразделений других дивизий, а затем и более крупных формирований этого назначения вплоть до

десантно-штурмовых частей ВДВ.

Начальник ПДС (парашютно-десантной службы), подполковник Борис Симанков, мастер парашютного спорта международного класса, добрейший человек, готовый прийти на помощь любому в любое время. Считался «доверенным лицом» комдива Симонова для «особых поручений». Немного глуховат, но обаятелен, боготворил свою жену Машу, известную своим обаянием далеко за пределами нашего коллектива.

Немного о других начальниках служб. Например, химической службой руководил майор Игорь Иванов, очень симпатичный офицер с обезоруживающей, какой-то особо светлой и приятной улыбкой. Это потом, когда всему миру стала известна «гагаринская» улыбка, я всегда вспоминал улыбку нашего начхима, почти такую же, как у первого советского космонавта. Начальником медицинской службы дивизии был подполковник Василий Резник, с такими же, как у меня, аккуратными черными усиками, да и чем-то другим похож на меня. А пока я еще тоже был подполковником, нас часто путали. Например, подходили ко мне с просьбами о путевках… в санатории, а к нему — с просьбой убедиться в устранении неисправностей автомобиля и вернуть задержанную путевку. Случались и другие подобные ситуации, пока мне не присвоили звание полковника.

По своей технической службе я тесно соприкасался и с командирами парашютно-десантных полков. Командовал 345-м полком полковник, Герой Советского Союза Юдин Виктор Степанович. Уже теперь председатель Президиума Московского Совета ветеранов ВДВ генерал-майор В.А. Данильченко, столько лет назад служивший в ту пору в нашей 105-й дивизии молодым лейтенантом и хорошо помнящий меня как зампотеха дивизии, рассказал, что командование этим полком после Юдина принял тот самый Вотинцев, готовивший десантников-диверсантов.

С командиром 331-го полка, подполковником Чаплыгиным Петром Васильевичем, у меня сложились более тесные отношения то ли потому, что мы оба на первых порах моего пребывания в дивизии были подполковниками, то ли потому, что полк располагался практически в одном военном городке с управлением и штабом дивизии и у нас был общий КПП, то ли, как говорят, были мы с ним одногодки и близки по характеру.

С полковником Журавлевым (артполк) отношения были более прохладными. Потому, наверное, что он не очень поддерживал своего зампотеха майора Пайкина и не старательно проводил в жизнь мои распоряжения по технической службе, что, в общем, и вылилось впоследствии в неприятность, стоившую им обоим должностей. Несколько реже приходилось иметь контакты с

полковником Платоновым, 111-й полк которого дислоцировался в Рыбинске Ярославской области.

В конце 1959 года меня «списали» по болезни из ВДВ и перевели в сухопутные войска, а дивизию нашу тогда же перевели в Узбекистан, и перестала она быть костромской, стала ферганской. При этом 331-й Гвардейский парашютно-десантный полк оставлен в Костроме, где он дислоцируется и поныне. Петр Васильевич Чаплыгин, с которым мы теснее, чем с другими командирами полков сдружились лично, тоже вскоре стал командиром дивизии, но уже 7-й в Литве.

Хотя 105-я переведена в «горячее место» в буквальном и переносном смыслах, а 331-й полк остался в Костроме, десантники полка участвовали и в войне в Афганистане, и в миротворческих операциях в Абхазии, Ингушетии, Приднестровье и Югославии. В 1999–2000 годах полк участвовал в боевых действиях в Чечне, в 2008 году подразделения полка участвовали в боевых действиях в Южной Осетии. 2 человека успели стать Героями Советского Союза и один — Героем России.

Петр Васильевич Чаплыгин стал генерал-лейтенантом, заместителем командующего ВДВ по боевой подготовке. После окончания службы в ВДВ был одно время военным советником в Эфиопии. В 2005 году его не стало, отмеренное ему земное время истекло.

Так что считаю, мне повезло встретить в Костроме людей необычных, интересных и достойных, о некоторых из них я вкратце здесь и рассказал.

Если же говорить еще о запомнившихся мне людях из ВДВ, то хорошо запомнился в период моей службы начальник инженерных войск ВДВ генерал-лейтенант И.А. Кочерга. И даже не особой его тщательностью при проверке дел в войсках, а в том, что он непременно поправлял тех, кто в его фамилии делал ударение на последнем слоге, и настойчиво требовал произнести правильно, то есть с ударением на втором слоге.

Совсем по-другому запомнился мне генерал Лисов Иван Иванович, друг и бессменный заместитель командующего ВДВ СССР, генерала армии В.Ф. Маргелова, с именем которого связаны не только голубые береты, наряду с тельняшками ставшие главными символами десантников. К его имени относят целую эпоху в Воздушно-десантных войсках. Лисов пришел в Воздушно-десантные войска, когда авиадесантные отряды были на стадии формирования.

Иван Иванович имел рекордное среди всех генералов-десантников, количество прыжков с парашютом — 380. Он с удовольствием проводил показные прыжки вместе с Борисом

Симанковым, начальником ПДС нашей дивизии, с семьей которого, как мы замечали, был в приятельских отношениях. Может, поэтому визиты Ивана Ивановича в нашу 105-ю казались частыми и продолжительными.

Мастер парашютного спорта и председатель Федерации парашютного спорта СССР, член Национального Олимпийского комитета СССР, Лисов сумел организовать парашютную подготовку в системе ДОСААФ СССР.

Чтобы представить его международный авторитет и загруженность делами, достаточно назвать его титулы: Почетный президент парашютного комитета Международной авиационной федерации, председатель парашютной комиссии Международной авиационной федерации (FAI) и Вице-президент FAI. Удостоен Золотой авиационной медали FAI.

После ухода в отставку Иван Иванович Лисов продолжал быть одним из наиболее активных наставников советской молодежи. Будучи кандидатом исторических наук и автором многих книг, через костромской Совет ветеранов ВДВ генерал Лисов прислал мне с собственной дарственной подписью изданную под его редакцией книгу В.Ф. Маргелова «Советские воздушно-десантные», написанную Василием Филипповичем в соавторстве с Я.П. Самойленко и В.И. Ивониным.

Скончался Иван Иванович на 85-м году жизни 17 октября 1997 года.

Да простят меня читатели за то, что я уделил Ивану Ивановичу, может, больше места, чем самому Маргелову, но о Василии Филипповиче многое известно, а Иван Иванович был как бы в его тени, хотя его роль в истории ВДВ тоже немаловажна. Генерал Лисов остался в памяти как заместитель командующего ВДВ и начальник воздушно-десантной службы ВДВ, скажем, главной войскообразующей службы, наиболее важной в становлении Воздушно-десантных войск. И если автором введения тельняшек в войска был однозначно Василий Филиппович, то инициатором голубых беретов в форменной одежде десантников не без оснований считают генерала Лисова.

Столько лет прошло с моей службы в 105-й Гвардейской. А когда произошла трагедия развала Советского Союза, развалилась и дивизия. Из всех полков 105-й Гвардейской Венской Краснознаменной воздушно-десантной дивизии остался только 331-й Гвардейский парашютно-десантный полк, командирами которого в свое время были и будущий генерал армии Сорокин, и будущий генерал-лейтенант Чаплыгин. Ныне этот полк известен еще и тем, что начиная с 1976 года он бессменно представляет

Воздушно-десантные войска в ежегодных торжественных военных парадах в Москве.

А теперь немного о некоторых обычаях и курьезах среди офицеров-десантников в 105-й Гвардейской. Наверное, только в ней царил культ преферанса, и мне кажется, потому что главным ее любителем был сам комдив Симонов Михаил Егорович. На учения с десантированием мы вылетали часто на далекие расстояния, например, из Костромы в районы белорусских Слонима и Лиды, в Литву, иногда и в Тульскую или Рязанскую области. Комплектованием кораблей (так было принято называть самолеты с десантом) для штаба и управления дивизии занимался начальник штаба Якушев, опытный преферансист, и в десантную группу, в которую входил он и комдив, обязательно включались еще несколько преферансистов.

С момента взлета до десантирования могло уходить час-два, а то и больше, и за это время они успевали «расписать пульку». Штурману давали задание за 15 минут до выброски — подать сигнал готовности. За это время игроки завершали свои карточные сражения, определяли, кто, кому и сколько должен, и готовились к прыжку. Играли на копейки, но азарт был нешуточный. Меня Андрей Якушев всегда включал в группу своего корабля, стремясь приобщить к этому, казалось, всеобщему увлечению офицеров десанта. Но это стремление многих наших преферансистов вовлечь меня в свои команды успеха не имело, может, потому что с детства я был воспитан в неприязни к карточным играм вообще, а к азартным — в особенности. И тут даже не действовал мой принцип «Лишние знания лишними не бывают».

Я, например, слышал во время игры, совершенно не понимая их смысла, выкрики: то «мизер», то «в темную», а то и «без ноги» и тому подобные. И вызывал смех у игроков и болельщиков, когда со стороны комбинировал эти термины громко, в каком-то невообразимом для знатоков сочетании.

С этим культом преферанса случился однажды казус. В 1956 году осенью дивизия должна была принять участие в оказании военной помощи Египту в международном военном конфликте с Израилем, происходившем с октября 1956 года по март 1957 года. Это была так называемая Вторая арабо-израильская война, поддержанная Великобританией и Францией из-за национализации Египтом Суэцкого канала.

Был получен приказ штабу и всем службам управления дивизии срочно погрузиться в железнодорожный эшелон для следования в Белоруссию на крупный аэродром базирования,

откуда десантироваться в помощь дружественным войскам, полки должны были десантироваться с воздуха уже по команде штаба с места боевых действий.

Приступили к погрузке первого эшелона, и комдив приказывает Борису Симанкову: «Проверь, взяли ли новые карты для новых районов». Борис, будучи глуховатым, но весьма исполнительным, тут же громко докладывает комдиву: «Так точно, взяли! Три колоды новых!» Это не анекдот, не хохма, а факт, известный всему нашему гарнизону. Хохота по этому поводу было на несколько месяцев. На вторые или третьи сутки ожидания отправления эшелона приказ отменили и в экзотическую страну Северной Африки мы так и не попали.

Там, в 105-й, мне пришлось поближе узнать «Дядю Васю» Маргелова — и его крутой характер, и его душевность. Однажды он очень строго наказал меня за то, что во время моего отпуска командир артполка Журавлев, решив построить для техники к зиме более совершенные укрытия, уже в конце лета сломал все старые, но не рассчитал силы и средства, и в глубокую осень техника осталась под открытым небом. Меня, только что вернувшегося из отпуска, вызвал «на ковер» прибывший в этот полк с инспекторской проверкой командующий ВДВ генерал Маргелов. На мою попытку оправдаться тем, что я был в отпуске и вообще не знал о таком решении командира полка, генерал, объявив мне самое строгое взыскание, едко заметил: «Отпускные получал? Так прежде, чем уезжать, надо было все дела спланировать наперед. Вот и отвечай теперь за свое планирование». А потом добавил: «Командира полка я тоже накажу, но он просто глупец, а ты грамотный офицер, такие десантники нам нужны. Поэтому с тебя и спрос больше. Поймешь — тогда сделаешь все, чтобы не промахнуться в дальнейшем». Командира полка полковника Журавлева он снял с должности, а замполтеха майора Пайкина уволил в запас.

Поразмыслив, я пришел к выводу, что наказан я сурово, но справедливо. И мне удалось склонить нашего комдива, генерала Симонова, которому, полагаю, тоже перепало «на орехи», мобилизовать силы всей дивизии, чтобы исправить положение в этом проштрафившемся полку. Положение было выправлено, докладывать об этом комдив приказал мне, хотя сам командир дивизии много сил и настойчивости приложил к исправлению просчетов полкового командира. А через некоторое время я в свои тридцать три с небольшим года получил звание полковника-инженера. Значит, простил меня за оплошность командующий ВДВ генерал Маргелов, наш «Дядя Вася».

Наверное, подтверждением этому стало также и то, что в нашу дивизию стали поступать на войсковые испытания из Ульяновского, а затем и Горьковского автозаводов новые образцы автомобилей, предназначенных для ВДВ. Понятно, что организация обеспечения этих испытаний ложилась на техническую службу нашей дивизии, а значит, командующий Маргелов, принимая решение о том, в какой дивизии их будут испытывать, оценивал и состояние руководимой мною технической службы.

Вначале поступили 2 штабных малых автобуса на базе «УАЗ-450». Об их внутренней оснастке с оборудованными местами для работы с радиостанцией и картой, двух лежачих мест для отдыха давали заключение сам комдив и начштаба Якушев. Им все понравилось, помню только, комдив, крупный и крепкий сибиряк, сетовал на то, что больно узковаты лежаки. Поскольку речь скорее шла не о целесообразности принятия уже давно принятых в армию машин, а лишь о пригодности их штабного оснащения для ВДВ, испытания были успешно завершены дней за десять, в том числе и на реальных учениях.

Сложнее было организовать всестороннее техническое обеспечение в другом случае, когда поступили 20 новеньких автомобилей для войсковых испытаний. Это были непривычно «низкорослые» грузовые автомашины новой марки «ГАЗ-62» с кузовами, покрытыми добротными тентами. Сразу бросилось в глаза, что у них нет привычного, выдающегося вперед капота двигателя с радиатором и оперения передних колес. Оказалось, что двигатель размещается под непривычно опрокидывающейся вперед кабиной. В кабине над двигателем устроен удобный столик для работы с картой или другими документами. Да и, как оказалось на практике, котелок с пищей можно комфортно разместить и водителю, и командиру уже не на коленях.

Не буду утомлять читателя техническими подробностями, но скажу, что комдив решил не раздавать машины по полкам, а испытывать их централизованно, техобслуживание проводить в дивизионной автомастерской, а интенсивность эксплуатации обеспечить на строительстве 4-этажного дома для офицерских семей штаба, строительстве спортзала и бассейна. Кстати, по приказу «Дяди Васи» каждый полк должен построить и вместительный спортзал, и хороший крытый плавательный бассейн для всестороннего физического развития и тренировок десантников. Поэтому начали со строительства такого рода общедивизионных объектов. Чтобы машины испытать на «всех

режимах», поочередно по 2–3 эти машины перевозили десантников на прыжки.

Поскольку время было зимнее, а в Костроме морозы довольно устойчивыми были уже с ноября, основные недостатки обнаружились в системе охлаждения, и конструкторы согласились, что нужно изменить расположение различных патрубков и деталей в этой системе, чтобы они не промерзали, и сделали эти изменения в нашей же дивизионной автомастерской. Буквально через несколько дней машины избавились от боязни костромских морозов. Наши предложения по некоторому конструктивному улучшению тоже были с благодарностью приняты. Более чем месячная интенсивная эксплуатация этих опытных машин ускорила строительство наших важных объектов, в том числе и жилого дома, в котором должны были получить квартиры многие офицерские семьи штаба и частей дивизии (медсанбата, батальона связи, саперного и др.), в том числе и моя семья.

Заключения по итогам войсковых испытаний были более чем положительными. Не будем вдаваться в технические подробности, тем более что решением Главкома сухопутных войск, которым тогда был очень уж крутой маршал Чуйков, этот автомобиль не был принят на вооружение армии, хотя за 1959–1961 гг. их было все-таки изготовлено и поставлено в войска около 2 десятков. Говорили, что Василию Ивановичу не понравилась, как он выразился, «танцплощадка» между кабиной и кузовом, где размещались рычаг опрокидывания кабины, запасное колесо и ящик для инструмента. В дальнейшем такая компоновка все-таки нашла применение в массовом армейском автомобиле «ГАЗ-66». Тогда Главкомом был уже другой маршал. Но я был рад тому, что генерал Маргелов доверил такое серьезное дело именно нашей дивизии, да и жилой дом, в котором получил квартиру и я, был введен раньше, чем планировалось.

Спустя 2 года в моей службе произошли неожиданные перемены. По случаю опухоли щитовидной железы мне была сделана операция по ее удалению, так называемая струмэктомия, и я был признан негодным к службе в десантуре, что меня весьма огорчило и расстроило. Прыжки с парашютом я полюбил и совершал их с удовольствием. По минимальным нормам офицер ВДВ моего ранга должен был совершать не менее трех-пяти прыжков в год, но прыжки мне очень нравились, и даже удавалось делать их по двадцать или тридцать в год в самых различных условиях, зимой и летом, днем и ночью, и даже с приводнением. Правда, в этом случае прыгали мы со специальным снаряжением,

куда обязательно входил спасательный жилет, автоматически надуваемый в нужный момент, и это в определенной степени компенсировало мое неумение плавать, что я и не афишировал.

Заключение медиков было безоговорочным: «Не годен к службе в ВДВ». И я решил вообще уволиться в запас, поскольку не представлял себя вне этих, полюбившихся мне войск. Написал я тогда рапорт об увольнении, и он «по команде» ушел в Москву. Вызвал меня генерал Маргелов, который еще в марте 1959 года после ЧП в артиллерийском полку 76-й Воздушно-десантной дивизии (групповое изнасилование гражданских женщин) был смещен с должности командующего ВДВ, но не согласился покинуть дорогие ему войска и остался 1-м заместителем нового командующего, которым стал генерал-полковник Тутаринов Иван Васильевич. Как известно, выдержал он это испытание десантом только 2 года, после чего Василий Филиппович снова стал командующим ВДВ.

Посожалел Василий Филиппович о случившемся со мной и посоветовал не торопиться с увольнением. Однако, встретив мой решительный ответ, что кроме как в ВДВ служить нигде больше нет желания, рапорт подписал. Выходя из кабинета Василия Филипповича, встретился с начштаба ВДВ Рудаковым Алексеем Павловичем, уже генерал-лейтенантом. Поздоровались как давно знакомые, поздравил его с новым званием, а он, узнав о завершении моей службы в ВДВ, выразил сожаление и пожелал успехов в дальнейшей службе. Мой рапорт об увольнении не очень долго ходил по разным инстанциям, в конце концов, на нем появилась окончательная резолюция бывшего тогда Главкома Сухопутных войск, будущего министра обороны, маршала Советского Союза А.А. Гречко: «Молодой, еще послужит».

Так закончилась моя десантная служба в Костроме, оставившая в памяти неизгладимые впечатления о командующем славных ВДВ, Герое Советского Союза, генерале Маргелове Василии Филипповиче, которого всегда сравнивал с его предшественником и моим любимым фронтовым командармом Горбатовым Александром Васильевичем. И вот уже более 50 лет с тех пор убеждаюсь в истине, что десантники бывшими не становятся, как наверное, настоящие фронтовики остаются фронтовиками на всю оставшуюся жизнь. И официальный День десантника 2 августа, как и нами самопровозглашенный День штрафника, 27 июля, отмечаю ежегодно.

Наверное, генерал Горбатов А.В. отмечал бы эти дни торжественно, поздравил бы тех, с кем вместе воевал, служил. Но в День десантника в фонтане он купаться бы точно не стал. Да и

другим тоже не только не позволил, но сумел бы убедить, что такая бесшабашность только вредит имиджу армейской элиты — десантников. Тем более, зная его отношение к спиртному, смог бы воспитать и неприятие алкогольной бравады, коей страдают многие из «бывших». Я сам служил в ВДВ, могу со всей ответственностью сказать, что те, кто 2 августа купается в фонтанах в тельняшках и беретах, напивается демонстративно, позорят десантные войска, да и все ли из этих «купальщиков» действительно настоящие десантники? Просто я горжусь такими людьми, как генерал Горбатов, он один из примеров для подражания. Пьяные купальщики вряд ли про него слышали. Просто когда-нибудь надо с этим странным обычаем заканчивать.

После десантных войск дальше моя служба проходила в разных концах Советского Союза, от Западной Украины до Уссурийска, и на разных должностях: начальника автослужбы армии, заместителя начальника Высшего военного командно-инженерного автомобильного училища, начальника военной кафедры автомобильно-дорожного института. Обо всем этом, о событиях и интересных встречах я поведаю в последующих главах.

А сейчас мои впечатления о некоторых странностях, несуразицах в деле хранения памяти о героях, которые в годы Великой Отечественной десантниками не были.

Закончил я военную службу еще в Советской Украине, но к 60-летию Победы мне удалось перебраться в любимый Ленинград и не без сложностей восстановиться в российском гражданстве. Когда я уже поменял паспорт «громадянина самостийной Украины» на российский, теснее прикоснулся к истории Ленинградской блокадной эпопеи, то обнаружил здесь показавшийся мне нелепостью факт.

Василий Филиппович Маргелов был весьма заметным человеком в реальных боевых делах при обороне Ленинграда, но практически никак не отмечен памятными местами в Санкт-Петербурге.

Вот некоторые данные о боевом прошлом Василия Филипповича на ленинградской земле. Проявив себя в боях в «зимней» войне 1939–1940 гг. с финнами, капитан Маргелов остался в Ленинградском военном округе командиром 15-го Отдельного дисциплинарного батальона (ОДБ), куда направлялись солдаты и матросы за так называемые провинности, то есть своеобразного штрафбата мирного времени.

Перед началом Великой Отечественной войны, за три дня до

роковой даты, 22 июня, Маргелов назначается командиром 3-го стрелкового полка 1-й мотострелковой дивизии (костяк полка составили бойцы того самого «дисбата»), а в ноябре 1941 года боевой майор уже командует 1-м Особым лыжным полком моряков Краснознаменного Балтийского флота. Вопреки опасениям, что Маргелов там не приживется, морпехи так приняли командира, что обращались к нему по флотскому эквиваленту звания майор — «Товарищ капитан 3-го ранга». А Василию Филипповичу так глубоко запала в сердце удаль моряков, что со временем, став командующим ВДВ, для того чтобы десантники переняли славные традиции морской пехоты, с которой воевал под Ленинградом, и с честью их приумножали, «Дядя Вася» Маргелов добился, чтобы десантники получили право носить тельняшки.

Но это уже потом, а тогда, после сражений на Невской Дубровке и Ладоге, после тяжелого ранения, он оказался в госпитале. Не долечившись как следует, Маргелов выписался и получил назначение на должность командира 218-го стрелкового полка 80-й стрелковой дивизии 54-й армии Ленинградского фронта. Помня отвагу своих дисбатовцев, добился перевода в свой полк оставшихся бойцов из 15-го ОДБ. После очередного ранения под Ленинградом он оказался на другом фланге фронтов Великой Отечественной и там уже продолжил свой боевой путь до Героя Советского Союза, генерала армии и легендарного «Дяди Васи».

Но в городе, за который воевал и пролил кровь Василий Маргелов, нет ни одной улицы, не говоря уже о проспекте или площади с его именем, кроме скромного и мало известного жителям Санкт-Петербурга скверика, которому по инициативе ветеранов ВДВ присвоено имя Маргелова и где сооружен памятник авторства московских скульпторов Никифоровых. Открытие памятника-бюста Герою Советского Союза генералу армии Василию Маргелову и сквера его же имени состоялось 01.08.2008. Скверик этот близ ул. Савушкина образован на месте старого кладбища и долго был безымянным. Жаль, не нашлось пока более заметного топонимического объекта в городе-герое, соответствующего масштабу имени его защитника, Героя Советского Союза, генерала армии Василия Филипповича Маргелова. Даст бог, в нашем городе топонимисты наконец найдут и более достойный объект для увековечения имени героического защитника Ленинграда, а Законодательному собранию, руководителям нашего города достанет мудрости воздать должное отважному защитнику славного города-героя.

А вот еще об одном, тоже десантнике и тоже защитнике

Ленинграда, уже тогда, в 1941 году, генерале Еншине Михаиле Александровиче, командире дивизии, о котором я рассказал в самом начале этой главы, я так и не обнаружил ни в Санкт-Петербурге, ни в городах Ленинградской области ни одного топонимического упоминания. Может, когда-нибудь в Санкт-Петербурге и Ленинградской области решительные власти найдут объект, достойный и этого славного имени.

Вот такая история моей недолгой, к сожалению, службы в ВДВ и моих контактов с этими войсками и многими славными их людьми.

Глава 27
Украина, Дальний Восток и обратно. Минусы и плюсы

Отгремела война, уже давней историей стала.
А никак не отпустит тревожную память бойца.
От фугасов и мин мы очистили наши кварталы,
Но какой же сапер разминирует наши сердца.

Виктор Кочетков

Владеньем стороны Дальневосточной
Гордится Русь с незыблемых времен.

Дмитрий Калюжный

После того как я был признан негодным к службе в ВДВ, я в самом конце 1960 года после долгих поисков кадровиков получил назначение в Прикарпатский военный округ на должность начальника автослужбы 38-й армии, штаб которой стоял в западноукраинском Станиславе, ставшем вскоре Ивано-Франковском… Живописные горы, водопады, богатая природа, своеобразная гуцульская архитектура, да и люди Западной Украины, как тогда уже в нашей среде говорили «западенцы», — все это разнообразие интересовало и обогащало новыми впечатлениями. Тогда бандеровщина там еще не была сильна и открыта, как стала к 2014 году, отношение к нам, русским, было показно-терпимое, даже уважительное. По делам службы много приходилось бывать и в Закарпатье, где уважительность в отношениях казалась более искренней.

Конечно, новыми были для меня и впечатления о людях, с которыми теперь столкнула судьба. Хорошо запомнился командующий армией, генерал-майор Николай Григорьевич Штыков, человек очередных «разносов» (похоже, только из них

его деятельность и состояла), переходил на грубости и унижение человеческого достоинства. Почти всегда, когда подходишь к его кабинету, чувствуешь, что «в воздухе пахнет грозой» и будто опять над тобой дамоклов меч.

Совсем недавно я нашел в Интернете материал, в какой-то степени объясняющий эту особенность характера Николая Григорьевича. В конце войны он командовал воздушно-десантным полком, а тогда десантники действовали как пехотинцы. Этому полку было приказано взять замок Кенигштайн недалеко от Дрездена, на одноименной горе на левом берегу Эльбы. Когда подполковнику Штыкову доложили, что батальоны полка готовы к атаке, а артиллеристы полковой артиллерии — к открытию огня по противнику, Штыков дал команду, но не ту, которую от него ждали штурмовые группы. Команда была: «Огня не открывать!» А сам он, привязав к штыку карабина белый платок, взяв с собой двух автоматчиков, направился к замку, каждую секунду ожидая выстрелов из его амбразур.

Но выстрелов не последовало. При подходе малочисленной группы Штыкова к воротам крепости командир немецкого гарнизона протянул Н.Г. Штыкову символические ключи от замка. 15 офицеров, 35 унтер-офицеров и 115 солдат сдали оружие (автоматы, пулеметы и карабины).

Своими рискованными для собственной жизни действиями комполка Штыков спас многих своих подчиненных, могущих погибнуть при штурме этой очень укрепленной цитадели, архитектурные сокровища и ценности. Однако этот его подвиг был, видимо, недостаточно высоко оценен вышестоящим командованием, что как-то повлияло на его и так решительный характер.

Но его заместитель, Герой Советского Союза генерал-майор Баталов Григорий Михайлович — человек совершенно другого плана, внимательный, доброжелательный. Зная характер командующего, он мне как-то сказал: «Если дело терпит, подожди, когда за командующего останусь я или генерал Марущак, тогда приходи, обсудим, решим». Так иногда я и делал.

Невольно вспоминались фронтовой командарм А.В. Горбатов, командующий ВДВ генерал Маргелов, наш «Дядя Вася», да и многие наши фронтовые и послевоенные генералы, сохранявшие уважение к подчиненным, даже наказывая за оплошности.

Вскоре командармом-38 стал генерал Ухов (имя и отчество этого генерала я почему-то не запомнил). В отличие от своего предшественника обладал он нравом веселым. Правда, иногда горячился, срывался на «непарламентские» выражения, но быстро

остывал и говорил самокритично: «Ну как я тебя отчихвостил? Не обижайся, со мной это иногда бывает».

Здесь мне повезло, встретил очень интересного и, считаю, выдающегося политработника. При командарме Ухове на должность члена Военного совета армии пришел полковник Средин Геннадий Васильевич, человек редкой души, напомнивший мне своими манерами, отношением к людям и к делу моего первого командира роты еще в запасном полку на Дальнем Востоке — младшего политрука Тарасова Николая Васильевича. Новый ЧВС отличался какой-то особенно дружелюбной общительностью. Наши кабинеты находились на одном этаже большого здания штаба армии. И то ли это обстоятельство, то ли моя фронтовая служба в штрафбате его интересовали, но он часто заходил ко мне (а не вызывал к себе!), и мы подолгу беседовали и о делах сегодняшних, и о фронтовом прошлом. От него я узнал, что он на фронт попал не сразу, а как партийного работника его долго не снимали с «брони». И только в 1942 году после множества настойчивых заявлений его направили в армию, и он попал на Волховский фронт политруком в стрелковый полк 2-й Ударной армии, участвовал в тяжелых боях по прорыву блокады Ленинграда на Синявинских высотах.

(Именно там погиб в 1943 году отец моей супруги, артиллерист противотанковой сорокапятки Василий Васильевич Куропятников.)

Там, под Ленинградом, политрук Средин обморозил ноги, знает, что такое цинга. Войну закончил, как и я, в звании майора, а теперь мы оба с погонами полковника. Правда, я понимал, что в полковниках ему осталось ходить совсем недолго.

Собеседником он был оригинальным: получалось так, что о себе Геннадий Васильевич рассказывал очень немного и даже неохотно, а вот мне ему хотелось рассказать все. Я поведал ему и историю с моим отцом, и о том, какие иногда мысли в связи с этим возникали у меня. Он успокоил меня, убедив, что это давно забытая история, в которой нет никакой моей вины и никаких служебных последствий.

Однако, забегая несколько вперед, скажу, что какое-то время спустя распоряжением из Москвы меня направляли на трехмесячные курсы в Рязань для изучения новой техники. При себе нужно было иметь допуск к совершенно секретным сведениям. Вызвали меня в отдельно стоящий, аккуратный, в полтора этажа домик, в котором размещался Особый отдел армии, и там снова возник вопрос о моем отце. Я не выдержал, возмутился и выпалил что-то вроде: «Сколько же вы будете

мучить меня этой, давно уже решенной самой жизнью проблемой?» Меня «успокоили» тем, что только уточняют факты и допуск, вероятно, я получу. После посещения этого злополучного полутораэтажного особняка я пошел к Геннадию Васильевичу Средину и рассказал об этом разговоре. Тот снял трубку телефона и в несвойственной ему манере, даже резко что-то выговорил абоненту, и через полчаса допуск был у меня.

Обладал Геннадий Васильевич проницательным умом, собственным мнением по всем вопросам военного бытия. Как-то один важный инспектор из Главного политуправления сделал замечание, что в военных городках 70-й гвардейской мотострелковой Глуховской ордена Ленина, дважды Краснознаменной, многих других орденов дивизии мало яркой, наглядной агитации. Начальником политотдела этой дивизии был толковый, остроумный, энергичный полковник Репин Иван Петрович, фронтовые пути которого, как и мои, проходили через Варшаву и Берлин. И в доказательство этому привел в пример городской парк Ивано-Франковска, где этой агитации было в изобилии. Тогда Геннадий Васильевич спросил его, что именно по своему содержанию ему больше всего там запомнилось. А тот замялся, сказал, что деталей не помнит. Тогда Средин прямо сказал этому проверяющему: «Зачем это обилие лозунгов, если их содержание не оставляет следа в душе и памяти человека, тем более что эти лозунги едва ли отражают истинные позиции местной общественности». И москвич сконфузился. Вот так тонко сумел поставить на место не в меру ретивого «верхнего» политработника наш новый член Военного совета. А полковника Репина вскоре перевели с повышением куда-то на Север.

Как все мы и предполагали, спустя некоторое время Геннадию Васильевичу Средину было присвоено генеральское звание. Затем он уверенно продвигался по службе, вначале стал членом Военного совета Прикарпатского военного округа, а через несколько лет был назначен первым заместителем начальника Главного политуправления Вооруженных сил СССР (ГлавПура).

Его сослуживцы вспоминают, что генерал Средин очень неохотно шел на этот высокий пост и говорил, что «там царит атмосфера интриг и подсиживания», противная его натуре. Но назначение состоялось, а Геннадий Васильевич со своими убеждениями и прямым характером «не вписался» в тогдашний аппарат ГлавПура. Хотя все, кто его знал по работе в войсках, считали, что именно его опыт и его пытливый ум вполне могли перестроить на лучший лад весь верхний эшелон политаппарата армии, будь Геннадий Васильевич Средин не замом, а

начальником ГлавПура.

Через несколько лет генерал-полковника Средина, в ком уважение к начальству никогда не переходило в подхалимаж, под надуманным предлогом перевели на должность начальника Военно-политической академии имени Ленина. Это понижение в должности генерал-полковника, как писал об этом его сын В.Г. Средин в газете «Красная звезда», сильно огорчило Геннадия Васильевича.

В свои 63 года он понимал, что это явный плацдарм на увольнение по возрасту.

Так и случилось, но и в запасе генерал Средин не мог без работы. Его избрали заместителем председателя Советского комитета ветеранов Великой Отечественной войны, и он взялся за опровержение попыток искажения истории войны, особенно возмущаясь какой-то остервенелой активностью части наших военных «историков», возникшей вдруг в «перестроечные» годы.

А свела его в могилу, как и многих истинных советских патриотов, трагедия развала Советского Союза. Он умер у себя дома после сообщения о ГКЧП, 19 августа 1991 года, успев только сказать: «Ничего у них не выйдет», понимая, насколько большая бомба уже подложена под СССР. Но даже после того, когда его тело было предано земле, недруги Геннадия Васильевича надругались над усопшим, разрыв его могилу.

Да пусть простит меня читатель за этот длинный экскурс в биографию замечательного человека, генерал-полковника Геннадия Васильевича Средина, служившего, уверен, не только для меня, образцом настоящего политработника Советской Армии, с кем мне посчастливилось часть службы и жизни пройти рядом.

А теперь перейдем в год 1964-й, в котором мне довелось вновь обрести возможность послужить на родном Дальнем Востоке, где я родился, вырос, начал военную службу и получил первое офицерское звание.

Однажды меня вызвали в Москву и предложили поехать «за генеральскими лампасами» в Уссурийское военное автомобильное училище, начальнику которого только что было присвоено генеральское звание, а через год его должны перевести в европейскую часть СССР. Вот мне и предлагалось постажироваться этот год у него в заместителях, освоить особенности такого рода службы уже в военно-учебном заведении, а затем занять эту генеральскую должность.

Дальний Восток, как уже знает читатель, — моя родина, и я без раздумий согласился. Начальником училища там был

свежеиспеченный генерал-майор, Герой Советского Союза Яксаргин Василий Владимирович. Небольшого роста, как говорят, «узкой кости», с лицом вечно в пятнах зеленки и белых кругляшках лейкопластыря. Такое впечатление было, что уж очень он любил не столько болеть, сколько лечиться. Почти каждый его рабочий день начинался с училищной санчасти. Дотошным был до абсурда. Рапорт дежурного по училищу да и любое обращение к нему офицера не принимал, пока не сделает десяток замечаний. А поводы для этого всегда находились: не так ногу приставил, не на тот угол носки развернул, не на той высоте руку к головному убору приложил, грудь не так выпятил, и т. д., и т. п.

Вскоре после моего приезда он ушел в отпуск, дав мне тьму указаний по поводу укрепления престижа училища и поддержания высоких показателей дисциплины и успеваемости. В первые дни моего исполнения обязанностей начальника училища случилось ЧП: курсант Суворов в нетрезвом виде учинил драку в городе, серьезно избив пряжкой солдатского ремня гражданского юношу. Чтобы пресечь подобные случаи (оказывается, имевшие место и ранее), я решил этого злостного хулигана, который вскоре мог стать советским офицером, предать суду военного трибунала, и он был осужден на два года дисциплинарного батальона, о чем я доложил по инстанциям до Москвы.

Когда генерал Яксаргин возвратился в Уссурийск из отпуска, то устроил мне разнос за то, что я, видите ли, опозорил перед командованием округа и ЦАВТУ Министерства обороны наше училище. А в нем за долгие годы до моего прихода не было ни одной судимости. Я понял, что самое страшное во всем этом то, что я «вынес сор из избы», хотя эти мои решительные действия отрезвили склонных к аналогичным поступкам и даже вызвали одобрение личного состава. Однако Яксаргин доложил начальству о моих якобы неправильных действиях за время его отсутствия и поставил вопрос о невозможности использования меня на самостоятельной должности начальника училища. Понятно было, что в округе прислушались к мнению генерала-Героя.

Вскоре на заседании парткома при политотделе училища вдруг встал вопрос о рассмотрении моего персонального дела, связанного якобы с тем, что при вступлении в члены партии я скрыл факт репрессии моего отца по 58-й статье. На заседании парткома почему-то присутствовал и представитель Особого отдела, курировавший наше училище, но никаким боком к составу парткома не относящийся. Здесь была явная цель — помешать полковнику Пыльцыну стать генералом. И какая-то

информация шла по тайным каналам вслед за моими перемещениями по службе, а может, и бежала впереди.

Пришлось мне уверять членов парткома, что именно в 1943 году, когда я вступал еще кандидатом в члены ВКП(б), даже в заявлении написал о моем отце. Тогда, помню, секретарь парткомиссии или кто-то другой из влиятельных политработников сказал мне, коль скоро я еще из училища написал отцу в ответ на его отказ от детей, что не считаю его в таком случае более отцом, и репрессирован он был уже после ухода из семьи, то мне не следует впредь упоминать о репрессии в отношении его. А на фронте при приеме в члены партии на эту подробность просто махнули рукой. В ответ на это мое объяснение здесь, на парткоме, особист, не будучи даже членом нашей парторганизации, безапелляционно заявил, что у них (особистов) имеются документальные данные о моей нечестности перед партией. Вот, подумал я тогда, сколько лет спустя достали меня из-под Уфы вербовщики Особого отдела, пытавшиеся сделать меня своим информатором-осведомителем. Отомстили? А может, опять за отца?

Видимо, как раз Яксаргину нужны были дополнительные доводы к доказательству моей негодности к замещению должности начальника училища, и заседание парткома было явно срежиссировано для этой цели. Выговор без занесения в учетную карточку, объявленный тогда мне, видимо, был необходимым дополнением к мнению генерала Яксаргина, ни слова не проронившего на том злополучном заседании парткома. Даже предположение члена Военного совета 38-й армии генерала Средина не смогло перебороть влияния особистов на службу офицера.

Менее чем через год генерал Яксаргин был переведен на должность начальника военной кафедры Кубанского сельхозинститута, а на вакантное место начальника училища прибыл полковник Павлов Вячеслав Григорьевич, тоже фронтовик, занимавший в прошлом, как и я, должность заместителя командира Воздушно-десантной дивизии. Правда, опыта руководства автомобильной службой в масштабе Воздушно-десантного корпуса и Общевойсковой армии он не имел. Зато с отцом у него, наверное, все было в порядке, да и с особистами был в ладу.

Так и не состоялось мое производство в генералы. Но этот негативный момент скоро закрылся приятным событием: на должность члена Военного совета 5-й армии, штаб которой

дислоцировался в Уссурийске, прибыл мой давний сослуживец по 38-й армии Иван Петрович Репин. У нас сохранились прежние товарищеские отношения, и мы оба были рады встрече. Нашлись, конечно, и общие гарнизонные дела, в которых он был мне и другом, и наставником. Вскоре ему было присвоено генеральское звание, и военная служба перенесла его в Москву, заместителем начальника Политуправления Сухопутных войск, потом членом Военного совета Ленинградского военного округа, а затем и в столичный округ. В последние годы генерал-полковник в отставке Репин жил в Москве, мы не теряли связи до тех пор, пока его сердце не выдержало откровенного издевательства властных чиновников над Знаменем Победы, когда почти год мусолилось предложение снять со Знамени Победы главный символ Советского Союза — серп и молот, а оставить на нем только пятиконечную звезду, да еще белого цвета, американскую. Иван Петрович, как и все настоящие фронтовики, возмущался безмолвием властей. Ведь если серп и молот поставить вне закона, значит, окажутся в запрете и все военные награды фронтовиков. За две недели до Дня Победы 2007 года Президент Путин то ли ради собственного рейтинга, то ли наконец услышал возмущение еще оставшихся в живых фронтовиков, или действительно дошло до его сознания кощунство такого предложения, но своим решением закрыл этот вопрос и прекратил недостойную возню наших СМИ по этому поводу. Но Иван Петрович Репин, тяжело переживавший все это глумление над святыней, не дожил до этого президентского слова. Светлая память об этом патриоте всегда будет жить в сердцах тех, кто его знал.

Оставили добрый след в моей памяти за время службы в Уссурийске и другие военачальники, командующие Дальневосточным военным округом.

Легендой этого округа был его командующий, Герой Советского Союза, генерал-полковник, ставший потом маршалом бронетанковых войск, Олег Александрович Лосик, мудрый, ответственный военачальник, не любивший устраивать «разносы» по разным поводам. Он обладал феноменальной памятью и помнил характеристики всех более или менее крупных рек, дорог и горных перевалов как в своем округе, так и на территории сопредельных государств (Китая, Кореи). Оперативно-командные сборы генералов и старших офицеров округа проводил настолько организованно, что, побывав на них, каждый чувствовал, как становится обладателем и новых знаний тактической обстановки, и умений организовать на примере этих сборов любые командирские занятия.

Мне приходилось лично общаться с ним на праздновании 100-летия Уссурийска, когда он, находясь на трибунах местного стадиона, с интересом и какой-то веселой, открытой улыбкой реагировал на происходившие там инсценировки исторических событий, спортивные представления или баталии, разыгрываемые коллективом курсантов нашего училища. Общались мы не раз, когда он отдыхал в санатории близ Владивостока. И я был приятно удивлен его доступностью и подчеркнутой вежливостью. В частных разговорах и беседах с подчиненными, а на Дальнем Востоке все военные фактически были его подчиненными, был мягок, обходителен. Редко доводилось встречать таких военачальников крупного масштаба.

Наверное, в мою привычку уже вошел обычай составлять представление о том, что сделало военачальников, поразивших меня какими-то особенными качествами, такими, какими они стали сейчас. Не всегда у меня это получалось, но относительно Олега Александровича Лосика мне удалось кое-что узнать.

После окончания в 1938 году танкового училища молодой лейтенант быстро продвигался по службе, и уже в 1939 году он принял боевое крещение в ходе войны с Финляндией. Там старший лейтенант Лосик отличился со своим батальоном в составе 136-й стрелковой дивизии генерал-лейтенанта Черняка при прорыве знаменитой линии Маннергейма, за что был удостоен ордена Красной Звезды.

В самые первые дни Великой Отечественной войны капитан Лосик участвовал в ожесточенном сражении под Бродами и Ровно (Украина), где советские войска нанесли по врагу один из первых контрударов, задержав наступление немцев на много суток. В августе 1941 года, когда немногие удостаивались правительственных наград, капитан Лосик награждается одним из высших боевых орденов того времени, орденом Красного Знамени. Такая награда в начале войны многого стоит.

Осенью 1943 года подполковник Лосик, командир отдельного танкового полка, за боевые успехи на родной Смоленской земле удостаивается ордена Суворова, кстати, учрежденного всего год назад, через день после выхода приказа Сталина «Ни шагу назад!». А читатель хорошо помнит, что этим приказом создавались штрафбаты. Думаю, всем понятно, почему при провозглашении строгой ответственности за дальнейшее отступление вводились и новые награды в честь легендарных русских полководцев. Ну а дальше судьба полковника Лосика, командира гвардейской танковой бригады, сложилась так, что он

в 1944 году участвовал в легендарной операции «Багратион», и его бригада первой ворвалась 3 июля в столицу Белоруссии — Минск, проложив дорогу другим войскам, завершившим в этот же день освобождение Минска. И на другой же день полковнику Лосику Олегу Александровичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Маршал бронетанковых войск Лосик Олег Александрович, кавалер двух орденов Ленина, четырех орденов Красного Знамени, орденов Суворова и Жукова, почетный гражданин Минска и еще трех городов России и Украины, почетный солдат воинской части, прослужил после Дальнего Востока еще 17 лет начальником Военной академии бронетанковых войск. Доктор военных наук, профессор, шагнувший уже за девятый десяток своей насыщенной и неугомонной жизни, несмотря на возрастные недуги, до конца дней своих вел активную общественную работу, был бессменным председателем Совета Клуба кавалеров ордена Жукова. Да и внешне Олег Александрович никак не был похож на почти 100-летнего человека. Скончался он 20 августа 2012 г. в Москве на 97-м году жизни. Горжусь тем, что судьба свела меня с этим неординарным человеком и на полях битвы за Белоруссию, и на родном Дальнем Востоке.

О маршале Советского Союза Петрове Василии Ивановиче.

В те годы штаб 5-й армии стоял в Уссурийске. Начальником штаба, а затем и ее командующим был генерал Петров Василий Иванович. Поскольку по службе мне довольно часто приходилось с ним встречаться, приглашать его на различные торжества в училище, расскажу о своих впечатлениях от этих встреч.

Наверное, все, кому доводилось контактировать с Василием Ивановичем, восхищались его доступностью, как-то необычно сочетающейся с недосягаемостью — так высоко он стоял над всеми умением убеждать и невольно возникающей верой в справедливость и непререкаемость его суждений. Свою фронтовую биографию Василий Иванович начал уже в августе 1941 года младшим лейтенантом, командиром стрелкового взвода. Его, имеющего законченное полное среднее образование и показавшего отменную аккуратность и умение работать с картой, перевели на штабную работу, а вскоре назначили командиром батальона автоматчиков, а затем и начальником штаба мотострелковой бригады. Василий Иванович участвовал в обороне Одессы, Севастополя и Кавказа, в освобождении Украины, форсировал Днепр и Днестр, воевал в Румынии и Венгрии.

После войны Василий Иванович окончил Академию имени М.В. Фрунзе, прошел должности командира полка, начштаба и

командира дивизии на Дальнем Востоке. Вскоре он стал начальником штаба 5-й армии, а после нелепой случайности, гибели командарма от лопастей вертолета, заменил его. Вот в эти годы мне и довелось ближе узнать генерала Петрова, узнать о его поразительных качествах. Он никогда никуда не опаздывал, ничего не забывал, был абсолютно обязательным человеком. Не могу судить о его штабных или командирских качествах, ибо наши контакты происходили в разных плоскостях, но его прямые подчиненные, комдивы, командиры армейских частей, с которыми мне приходилось общаться, с восторгом отмечали его умение владеть ситуацией в самых сложных условиях.

Я лично отмечал, что его выступления перед самой различной аудиторией будто завораживали слушателей и стройностью логики, и страстной убедительностью. Ни одного лишнего слова в его речах, ни одной неоправданной паузы. У меня даже сложилось определение какой-то особой дисциплинированности его речи. И сам я, и многие офицеры-преподаватели нашего училища стремились познать секреты этого мастерства. Видимо, все эти качества и привели его на должность начальника штаба Дальневосточного военного округа, а после назначения генерала Лосика начальником Академии бронетанковых войск генерал Петров стал уже командующим войсками округа.

Оттуда Василий Иванович был назначен Главнокомандующим Сухопутными войсками и заместителем министра обороны СССР. В 1977–1978 гг. возглавлял оперативную группу Министерства обороны в Эфиопии и занимался планированием боевых операций эфиопских войск. С декабря 1978-го по ноябрь 1980 года — снова на Дальнем Востоке, но уже в ранге Главнокомандующего стратегическим Дальневосточным направлением. Потом он скажет: «Я горжусь, что без малого 30 лет прослужил на Дальнем Востоке. Этот край для меня особенно дорог. И не только потому, что прошел здесь путь от командира полка до командующего войсками округа. Там своеобразная жизнь, там интересная работа, там прекрасные неунывающие люди, для которых свойственен особый дальневосточный характер, который так проявился в годы Великой Отечественной». Видимо, фронтовые дороги не раз сводили его с дальневосточниками, да и знал он силу духа и силу воли дальневосточных дивизий на фронте.

В 1983 году Василий Иванович стал маршалом Советского Союза, первым заместителем министра обороны. Для многих он был настолько авторитетен, что нам казалось, будто вскоре он заменит тогдашнего министра обороны, маршала С.Л. Соколова.

Но не все делается с нашими начальниками так, как кажется нужным подчиненным. В июле 1986 года при правлении нашей страной *«лучшего немца»* Михаила Горбачева, маршал Советского Союза Василий Иванович Петров, один из наиболее опытных и перспективных военачальников Советского Союза, был переведен в разряд Генеральных инспекторов Министерства обороны, то есть практически выведен из руководства Вооруженными силами СССР.

С развалом Советского Союза Василий Иванович Петров отодвигался все дальше от управления войсками. Борис Ельцин (народная аббревиатура «ЕБН»), главный автор Беловежских соглашений, любитель кадровых рокировочек, постепенно назначал маршала Петрова то советником начальника фиктивного Штаба Объединенных Вооруженных сил СНГ, то и вовсе советником при ельцинском министре обороны Российской Федерации Павле Грачеве, или «Паше-Мерседесе», как его, не стесняясь, прозвали в армии.

Президент-пропойца, как о нем сложилось мнение в стране и за ее пределами, делает из ставшего неугодным новым властям маршала Советского Союза Василия Ивановича Петрова — всего-навсего советника при бездаре-министре. Большего унижения для умнейшего полководца трудно, наверное, было придумать. Вот так выдающийся военачальник был устранен из армии.

Маршалу Советского Союза Василию Ивановичу Петрову в те годы было уже заметно больше 90 лет, но оставался он довольно активным человеком. Жил в Москве по-соседски с маршалом Лосиком Олегом Александровичем.

В свое время мой многолетний начальник по службе, а потом просто старший и добрый товарищ генерал-полковник Смирнов Александр Тимофеевич, проживавший с обоими маршалами в одном доме в Москве, передал мне положительный отзыв Василия Ивановича на мои книги о штрафбате, чему я был рад.

Василий Иванович скончался 1 февраля 2014 года на 98-м году жизни. Печальное сообщение о кончине маршала Советского Союза Петрова сжало мое и сердца всех людей, кто близко знал его. Вечная ему память в сердцах знавших его людей.

Мои дальневосточные контакты с такими весьма известными военачальниками оставили заметный след в моих служебных качествах да и в некоторых чертах характера, наверное, тоже.

С генерал-полковником Александром Тимофеевичем Смирновым, Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии СССР, у меня давно поддерживались

служебные, а потом долгие и добрые телефонные и эпистолярные связи.

Я уже рассказывал, что после признания меня негодным к службе в ВДВ через отдел кадров Центрального автотракторного Управления (ЦАВТУ) я был назначен начальником автомобильной службы 38-й Общевойсковой армии в Прикарпатский военный округ. В Москве меня представили тогда недавно назначенному заместителю начальника ЦАВТУ генералу Смирнову. Непродолжительной была беседа, но наряду с наставлениями по службе, как-то вскользь, но неоднократно, она касалась моей родины — Дальнего Востока, который, как я тогда понял, хорошо знаком генералу. Дальнейшие мои служебные контакты с Александром Тимофеевичем проходили, как мне показалось, каждый раз со все углубляющимся взаимным интересом. В 1961 году я был приглашен на всеармейское совещание, о нем я уже упоминал, описывая встречи с маршалом Буденным. С генералом Смирновым у меня тогда не случилось частных бесед, не до того ему было. А вот когда меня вызвали в Москву перед назначением в Уссурийское военное училище, мне показалось, что это предложение было сделано по инициативе Александра Тимофеевича. Он отвел из своего перегруженного службой графика достаточно времени на нашу беседу, вводя меня в курс обстановки на Дальнем Востоке и в самом Уссурийском училище. Уже там, в Уссурийске, заботу генерал-лейтенанта Смирнова об обеспечении учебного процесса, особенно новой техникой, мы чувствовали постоянно. Любой его приезд, интересующие его области деятельности коллектива училища, всегда были результативными. Он ни разу не уезжал без принятия решения по обновлению, пополнению учебно-материальной базы или важным кадровым вопросам. Поскольку последние годы моей армейской биографии проходили под прямым руководством Александра Тимофеевича, коснусь некоторых важных эпизодов.

На заседании Совмина СССР в 1965 году генерал Смирнов смело заявил премьер-министру Алексею Николаевичу Косыгину, что раздел Госплана «Производство автомобильной техники» на ближайшие 10 лет нельзя рассматривать без оборонной составляющей, что Косыгин воспринял как необходимость доработать Госплан.

Приведу некоторые детали из области разработки и внедрения новой техники. В начале 70-х годов встал вопрос о необходимости создания большегрузных (10, 20 и 30 тонн) двухзвенных транспортеров высокой проходимости. Под прямым руководством генерала Смирнова к 1975 году были созданы

опытные образцы таких машин, не только высокопроходимых, но и плавающих. По распоряжению Предсовмина СССР А.Н. Косыгина за 3 года был построен завод по их производству. По заданию и под контролем А.Т. Смирнова в Советском Союзе к 1982 году созданы 7 различных марок гусеничных тягачей и трехосных автомобилей высокой проходимости. На Минском автозаводе были разработаны белорусский «МАЗ-5335» и несколько его модификаций. На их основе создавались 6-7-осные шасси под ракету «Тополь», семейство мощных машин, которые выпускаются до сих пор, в том числе и под зенитные установки типа С-300, С-400.

В эти же годы были созданы и поставлялись войскам комплексы подвижных войсковых автомобильных ремонтно-эксплуатационных мастерских (ВАРЭМ), подвижных (полевых) автомобильно-ремонтных мастерских (ПАРМ) нескольких модификаций и ОРВБ (Отдельные ремонтно-восстановительные батальоны) разных комплектаций. Разработать технические инструкции, или по-армейски — «наставления» по использованию этих ремонтных средств, Александр Тимофеевич поручил коллективу офицеров военной кафедры, которую я к тому времени уже создал и возглавлял в Харьковском автомобильно-дорожном институте.

Думаю, это только небольшая часть того, за что генерал-полковнику Александру Тимофеевичу Смирнову было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда и он был удостоен Государственной премии СССР.

И только один штрих, говорящий о том, какое чуткое сердце у столь трудоспособного и целеустремленного, казалось бы, очень строгого человека. В его непосредственном подчинении был и возглавлял Научно-технический комитет ЦАВТУ мой однокурсник и большой друг по Ленинградской военной академии генерал-майор Шалапин Дмитрий Иванович. Огромного роста, оптимист, жизнь которого, как всем нам казалось, предопределена на много лет вперед, уезжая в очередную командировку в войска, не доехал до аэропорта, попав в автомобильную катастрофу, и погиб в канун Октябрьских праздников 1976 года. Когда я приехал в Москву на его похороны, то впервые увидел своего строгого начальника и наставника Александра Тимофеевича, склонившегося со слезами на глазах над телом погибшего своего подчиненного.

В 1980 г. Александр Тимофеевич тяжело заболел (инсульт) и подал рапорт об увольнении. Министр обороны маршал Устинов, основываясь на том, что врачи все-таки разрешили Смирнову работать не более 2–3 часов в сутки, уговорил его еще немного

поработать. Как писал в своей книге сам Александр Тимофеевич, «Министр сказал: А думаешь, все мы очень здоровы? Давай еще поработаем… Так я проработал еще 2 года, и не по 2–3 часа, а по 10–12 часов в сутки».

Из более полувека нелегкой армейской службы он 20 лет отдал моему родному Дальнему Востоку. Будучи в отставке и в свои 90 он пешком ходил почти ежедневно в свой рабочий кабинет автобронетанкового Управления. Мы часто переписывались и звонили друг другу. Такой же крепкой оказалась и его супруга, моя землячка по Уссурийску, Мария Андреевна, которой тоже было уже 90, и если Александра Тимофеевича в этом возрасте недуги сваливали надолго на госпитальную койку, Мария Андреевна была нашим связным. Александру Тимофеевичу до 96 лет не хватило всего 30 дней, он умер 1 августа 2010 года. С его вдовой, моей землячкой из Уссурийска, мы перезванивались довольно часто, но жаль, своего Александра Тимофеевича она пережила всего на 11 месяцев и ушла из жизни, тоже значительно преодолев 90-летний рубеж.

Я не настаиваю, что Дальний Восток каким-то необъяснимым образом формирует характеры, безграничную трудоспособность и неимоверное трудолюбие тех, кто сумел вдоволь надышаться целебным воздухом этого благословенного края, настоянным на безбрежной дальневосточной тайге и замешенным на его бурных водах. Примеры закаленных Дальним Востоком маршалов Петрова Василия Ивановича, Лосика Олега Александровича и генерал-полковника Смирнова Александра Тимофеевича вдохновляют и меня, коренного дальневосточника, на то, что вдруг провидением и мне, с детства вдыхавшему целебный воздух Дальневосточного края, будет отпущено не меньше. Тем более что Уссурийское военное училище, вернувшее мне на несколько лет тот таежный дух, несмотря на некоторые перипетии судьбы, оставило в душе яркие воспоминания дружного, сплоченного воинского коллектива, особенно на учениях, парадах в честь больших праздников и других важных событий. Кажется, и эти годы, проведенные в Уссурийске, добавили мне какую-то долю долгожительства, активной жизни. Перешагнул и я уже 90-летний рубеж, работаю над книгами и публицистикой, не сдаюсь!

За мою долгую армейскую службу бывали встречи, откладывавшие в памяти, к сожалению, и не только позитивные впечатления. Но если они и как-то отражались на формировании моих личных качеств, то только по принципу «так не поступать

никогда». Может быть, это мне и удавалось, а может быть, даже и удалось.

Когда-то Владимир Маяковский выдал обществу очень важный постулат: *«Делать жизнь с кого»*. Всегда можно найти, с кого ее делать, а с кого — ни в коем случае. Мои пожелания всем: будьте разборчивы, будьте принципиальны в выборе жизненных примеров, но отнюдь не кумиров для слепого подражания. И вам будет что сказать потомкам.

А теперь о моей дальнейшей службе. Четыре с небольшим года послевоенной службы на моем родном Дальнем Востоке и несостоявшееся выдвижение на генеральскую должность изменили несколько ситуацию. Наше руководство, в частности, возглавлявший тогда автотракторную службу Вооруженных сил генерал Бурдейный А.С. и его заместитель, о котором я только что подробно рассказал, чьи предложения о выдвижении меня на генеральскую должность не встретили поддержки в Дальневосточном округе, сделали все, чтобы вернуть меня в европейскую часть СССР. А тогда это было сделать совсем непросто, службу на Дальнем Востоке кадровики центра очень неохотно заменяли службой на континенте. В августе 1968 года я получил назначение, аналогичное тому, что получил генерал Яксаргин, только в Харьковский автодорожный институт. Этот вуз, считавшийся одним из ведущих в Союзе, приобрел мировую известность еще и тем, что в его составе была лаборатория, где конструировались скоростные автомобили «ХАДИ», установившие не один мировой рекорд скорости, конструктором и испытателем которых был известный мастер спорта международного класса Владимир Константинович Никитин.

Руководить военной кафедрой в гражданском вузе — дело для меня было новое, непривычное, и многие уже имевшие опыт работы в таких условиях мне что-то советовали, от чего-то предостерегали, чем-то даже пугали. Кафедру пришлось создавать «с нуля». Ни помещений, ни оборудования, ни кадров. И если нескольких офицеров-преподавателей мне уже назначили из Харьковского танкового училища, то все остальные вопросы успешно решались с ЦАВТУ МО СССР, с руководством Киевского военного округа и ректоратом вуза.

Начав, как я уже говорил, «с нуля» в сентябре 1968 года, уже в середине января 1969 года мы проводили полнокровные плановые занятия со студентами. Все время с руководством ХАДИ у нас было полное взаимопонимание и взаимная поддержка, особенно в деле укрепления дисциплины и военно-патриотического воспитания. Недаром же иногда говорили: «То

ли военная кафедра при институте, то ли весь институт при военной кафедре». Авторитет кафедры, ее влияние на многие стороны жизни института действительно были значительны. Неслучайно эта кафедра не один год признавалась лучшей среди всех военных кафедр вузов Украины по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

За годы моего руководства военной кафедрой в институте сменилось 3 ректора. Все они прекрасно понимали значение и роль военной организации в гражданском вузе и постоянно поддерживали кафедру во всех мероприятиях, проводимых нами в институте. Самый трудный период организации и становления кафедры пришелся на ректора Решетникова Бориса Владимировича. Это был небольшого роста, болезненно-худощавый человек с чудесным характером, доктор технических наук, профессор-автомобилист, сумевший создать коллектив единомышленников. Казалось бы, очень мягкий, но в то же время решительный и настойчивый, он обеспечил оказание реальной помощи кафедре со стороны ведущих специальных факультетов, кафедр и служб института. Большую помощь оказали тогда декан автомобильного факультета проф. Терлецкий Валентин Георгиевич, руководители кафедр, мировой известности доктора наук, профессора Гредескул Андрей Борисович, Петриченко Алексей Максимович, Говорущенко Николай Яковлевич и другие.

После смерти Бориса Владимировича институт возглавил бывший до этого секретарем парткома института доктор, профессор Грушко Иван Макарович. И ростом, и статью он заметно отличался от Бориса Владимировича. Видимо, раз институт автомобильно-дорожный, то и ректоры тоже чередовались по своей специализации. Несмотря на то что Иван Макарович был «дорожником», мы не чувствовали с его стороны ослабления внимания. Да и за время его руководства парторганизацией института он, видимо, привык к тому отношению, которое за это время сложилось, и сам участвовал тогда в этом. А за период его ректорства, благодаря организаторским способностям и «вхожести» в самые высокие кабинеты он добился строительства для кафедры специального корпуса, «выбил» у городских властей несколько квартир для профессорско-преподавательского состава, в том числе и для моей уже разросшейся семьи.

Часто один на один (думаю, не только со мной) Иван Макарович высказывал мысли о том, что в руководстве нашей страны не все ладно, что много показушности и пустословия. Как потом оказалось, он был недалек от истины.

Здоровье его, кажущееся нерушимым, вдруг подвело его, и он был вынужден передать ректорство, и третьим ректором стал, как и ожидалось, «автомобилист», доктор, профессор, а вскоре и академик Туренко Анатолий Николаевич. Когда я в 1968 году прибыл в институт создавать военную кафедру, Анатолий был секретарем комсомольской организации института, и мы очень тесно сотрудничали по проблемам патриотического воспитания студенческой молодежи. Тогда он для меня был еще Толей, но на моих глазах упорно «грыз гранит науки», постепенно становился руководителем кафедры, деканом факультета (естественно, автомобильного), первым проректором, наконец ректором. Правда, к этому времени я по болезни был уволен из Вооруженных сил, передал кафедру своему заместителю — начальнику учебной части, и уже по приглашению сменяющих друг друга ректоров работал их помощником-референтом.

Молодой, энергичный, пробивной, Анатолий Николаевич многое сделал для развития института, но ему пришлось работать в самый сложный период горбачевских «ускорения» и «перестройки», а затем и развала СССР, неистовой «самостийности» Украины и президентской чехарды в этой «незалежной державе». Но ему удалось сохранить институт и даже сертифицировать его как «Государственный технический автомобильно-дорожный университет». Когда еще несколько лет назад мое здоровье позволяло посещать Харьков, мы с удовольствием встречались, беседовали на темы прошлого, настоящего и будущего наших уже разных стран.

За время моей службы и дальнейшей работы в ХАДИ было очень много значительных контактов в масштабе Киевского военного округа, Харьковского гарнизона. Здесь, в Харькове, хозяином гарнизона одно время был начальник Военно-инженерной радиотехнической академии ПВО имени маршала Говорова маршал артиллерии Бажанов Юрий Павлович. Ему я представлялся по прибытии на должность начальника военной кафедры ХАДИ, и он не однажды даже вручал мне грамоты за первое личное место в гарнизонных соревнованиях по пулевой стрельбе из пистолета. Узнав, что я прибыл из Уссурийска, рассказал мне, что с 1949 года командовал артиллерией Приморского военного округа, а после окончания Военной академии Генерального штаба в 1953 году был назначен командующим артиллерией Дальневосточного военного округа. На наших встречах, когда он проводил ежемесячные совещания состава руководителей гарнизона, он находил моменты спросить: «Ну как дела, земляк?»

В августе 1973 года по возрасту (почти 70 лет) Юрий Павлович ушел в почетную отставку — стал военным инспектором-советником Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Юрий Павлович умер в 1975 году, похоронен на центральной аллее 2-го городского кладбища Харькова у памятника Героям-освободителям. На бывшем здании академии в Харькове ему была установлена мемориальная доска. Сохранится ли она при нынешней власти в Украине — трудно сказать.

Его преемник, Герой Советского Союза генерал-полковник Василий Николаевич Кубарев, возглавлял ту же академию и немалый Харьковский гарнизон 8 лет. За это время мы узнали, что геройскую звезду в сентябре 1943 года ему вручал в Кремле лично Михаил Иванович Калинин. Последние победные вылеты В.Н. Кубарев совершил в небе над Берлином. За годы войны майор В.Н. Кубарев совершил около 300 боевых вылетов, сбил в воздушных боях 18 вражеских самолетов, успешно провел 36 штурмовок переднего края противника, уничтожив десятки единиц вражеской боевой техники и много живой силы.

В 1981 году по возрасту генерал ушел в отставку. В этом же году по болезни был уволен в запас и я. Но это не единственное совпадение. Тогда же Василий Николаевич переехал в Ленинград и возглавил кафедру в Академии гражданской авиации, стал кандидатом военных наук, автором нескольких военно-теоретических трудов. А когда я из Харькова переехал на постоянное место жительства в тот же самый Ленинград, ставший уже Санкт-Петербургом, то, связавшись с ветеранскими организациями города, узнал, что здесь председателем Объединенного комитета ветеранов войны и военной службы — однополчан мой давний начальник, Герой Советского Союза, генерал-полковник Кубарев. Сомневался я, вспомнит ли он одного из многих начальников военных кафедр гражданских вузов Харькова, но было приятно, что он вспомнил даже, что я возглавлял такую кафедру именно в автомобильно-дорожном институте. Встречались мы в Питере на разных научно-практических конференциях, ветеранских собраниях, я подарил ему свою книгу «Штрафной удар…» и был рад добрым словам Василия Николаевича о ней. Скончался генерал Кубарев 17 ноября 2006 года на 89-м году своей героической жизни.

Возвращаясь к моей службе в Харькове, скажу, что было в это время много других интересных встреч, например, очень памятной была встреча с советским космонавтом № 2, Героем Советского Союза, генерал-полковником авиации Германом

Степановичем Титовым в Москве во время Международного фестиваля молодежи в 1985 году, куда мы были приглашены почетными гостями.

О нем уже давали представление его «17 космических зорь», которые знал весь мир. После личного общения с ним осталось очень приятное впечатление как о человеке заботливом, душевном и глубоко благородном. С ним так легко было беседовать, его душа и сердце, казалось, были распахнуты настежь, его глаза светились добротой и участием. Эта встреча осталась во мне на всю жизнь, и неожиданная, безвременная кончина Германа Степановича отозвалась большой болью.

Считаю также, что мне крупно повезло, когда в конце марта 1983 года к нам в Харьковский автомобильно-дорожный институт приехал другой космонавт, дважды Герой Советского Союза Георгий Михайлович Гречко. Он оказался невероятно общительным, с хорошим чувством юмора, глубоко эрудированным не только в вопросах космонавтики человеком. Думаю, что многие, кто видел его только по телевидению, такого же мнения о нем. Его яркое выступление перед коллективом преподавателей и студентов института, мои личные контакты с ним были интересными, захватывающими и впечатляющими. Я уверен: все, кому повезло присутствовать на этой встрече, не забудут ее до конца дней своих. Вот только у моего четырехлетнего внука эта встреча, жаль, за пределами детской памяти.

Всего лишь два примера его находчивости и юмора из той давней встречи.

Однажды во время возвращения самолетом из какого-то дальнего города СССР в Москву, рассказывал Георгий Михайлович, к нему подошел юноша и, протянув ему фотографию самого Гречко, попросил автограф. И космонавт подписал эту фотографию так: «Владимиру (имярек) на память о совместном полете. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Г. Гречко». Представляю, что делалось в душе этого юноши от такого неожиданного и весьма остроумного автографа! Ведь, действительно, летели вместе! И не важно, в космос или только в Москву. На вопрос студента «Вот вам, космонавтам, наверное, даже выпить ничего, кроме чая или соков, нельзя?», Георгий Михайлович с ходу, как-то по-особенному прищурив и так всегда улыбающиеся глаза, ответил: «Если чего-нибудь, ну, уж совершенно нельзя, но очень хочется, то чуть-чуть можно!»

Вообще моя жизнь, как и жизнь многих, проживших ее активно, оказалась богатой на встречи с необыкновенными

людьми. Каждый из них оставил свой след в душе, каждый заронил в сердце доброе семя, и по сей день дающее всходы доброты, уважения к людям, высокой требовательности, прежде всего к себе и к тем, кто близок по работе, по соседству или даже по случайной беседе, но и нетерпимость ко лжи, непорядочности, хамству — тоже.

В 1981 году мне пришлось уволиться в запас по болезни. Да и возраст уже подходил к предельно допустимому для кадровой службы. И еще более десяти лет после увольнения, по просьбе меняющихся ректоров я оставался в институте на нештатной должности референта — помощника ректора. И я благодарен этим людям за доверие. За тринадцать лет руководства кафедрой и десять лет работы в ректорате произошло много событий, в том числе и трагическое для всех честных советских людей событие — тайно подготовленная ликвидация Союза Советских Социалистических Республик, развал и раздел его на «удельные княжества».

Когда произошли эти события, связанные с развалом страны, которой мы, старшее поколение, присягали на верность и клялись защищать до последней капли крови, мне и многим моим коллегам, вышедшим в запас или отставку, эту клятву, слава богу, не пришлось нарушать, присягая совсем другому руководству страны, в которой мы внезапно оказались. Я понимаю сегодня тех, кто тогда переприсягал, еще не зная, куда это приведет, в каком положении они будут находиться, когда эту присягу использует в своих грязных целях фашистско-бандеровская хунта, захватившая власть на Украине.

Глава 28
Заключение

Того, кем путь наш честно прожит,
Согнуть труднее, чем сломать.
Чем в самом деле жизнь нас может,
Нас, все видавших, испугать?

Константин Симонов

Мы пройденной дороги не стыдимся,
Мы честь свою достойно пронесли,
Мы жизни не щадили и гордимся,
Что Родину от нечисти спасли.

А. Матюнин, Лужский район Ленинградской области

Дорогие читатели, я рассказал не только о боевых действиях нашего штрафбата до самой Победы, а также обо всех послевоенных годах своей долгой, 40-летней армейской службы, которая может представить интерес для тех, кто хочет сопоставить нынешний, «новый облик» российской армии с прежними ценностями армии СССР.

О значении офицерских штрафных батальонов в войне, а также о роли заградительных отрядов, как и самого приказа № 227, вопреки сочинительству досужих вралей, состоящему подчас из полуправды, а иногда и из откровенной лжи, я старался рассказать подробно, правдиво и честно. И этот принцип неуклонно соблюдаю в воспоминаниях о событиях послевоенных и постсоветских. Радует то, что в последнее время стали выходить в свет публикации, открывающие истинную правду

малоизвестных страниц Великой Отечественной войны.

В моих воспоминаниях на документальной основе уже определено и количество одновременно действовавших штрафных батальонов, и количество штрафников в них. К моему огорчению, пока мне не удалось найти документальные данные именно о количестве офицеров-штрафников, временно разжалованных в рядовые, прошедших только через штрафбатовское «чистилище». Данные, основанные на архивных документах, опровергают домыслы и о «миллионах» штрафников, «обреченных на бесславную гибель». Документально доказано, как вы убедились, что за всю войну в штрафные части, то есть и в штрафбаты офицерские, и армейские штрафные (неофицерские) роты, было направлено всего 427 910 человек, то есть чуть больше ОДНОГО процента от всех воевавших граждан СССР, а не «миллионы», как любят считать «знатоки»-фальсификаторы нашей военной истории.

В период от 60-летия до следующего юбилея Победы не только московские «Яуза» и «Вече», но и некоторые другие издательства, в том числе и зарубежные, откликнулись публикациями исторически правдивых произведений о Великой Отечественной войне. Жаль, нынешние издатели в большинстве своем к 70-й годовщине Победы не проявили такой активности. Надеюсь, и моя эта книга о штрафбате, как средстве искупления вины за прегрешения перед Родиной и своим народом, встанет в ряд давно ожидаемых читателями произведений, правдиво освещающих страницы истории Великой Отечественной войны.

Моим главным желанием было убедить читателей в том, что бойцы штрафбатов были в большинстве своем не париями войны, утратившими понятия об офицерской или воинской чести, не «рваниной» из сплошной уголовщины. Это были офицеры разных рангов и степеней, разжалованные на 1–3 месяца в рядовые за нарушения дисциплины, своими поступками уронившие офицерское достоинство. Но большинство их понимали, что и в этих экстремальных условиях они оставались советскими патриотами, в основе своей не ронявших офицерской чести.

В России и других бывших республиках СССР ежегодно 30 октября начиная с 1991 года проходит День памяти жертв политических репрессий. В митингах и различных других мероприятиях, в некоторых школах организуют «живые» уроки истории, на которые приглашаются свидетели или «просветители» этих трагических событий. В основном просветители эти развивают тему солженицынского ГУЛАГА, ставшего обязательным в школах.

Кстати сказать, нас, фронтовиков, все реже приглашают в

школы на «уроки мужества и патриотизма», как это было даже несколько лет назад. Наверное, мы со своей правдой не стали вписываться в те «исторические» страницы учебников, которыми отмечены в них события Великой Отечественной. Понятны чувства тех, кто чтит репрессированных в те годы, в том числе и проведших самые страшные для страны годы войны не на фронтах, а в тюрьмах и лагерях, понятно, не на перинах и не «с кофе в постели».

Но почему-то не только не возвышается голос правозащитников в наше, постсоветское, время в защиту оболганных «искателями правды» штрафников, репрессированных военным временем за нарушения военной присяги и воинской дисциплины, а также тех, кто добился направления на фронт из мест заключения и был направлен в штрафные подразделения, где искупали свою вину перед Родиной. А ведь эти люди, став штрафниками в соответствии с приказом Сталина «Ни шагу назад!», отважно сражались с врагом, положив свои жизни или здоровье на тот самый алтарь Победы (без кавычек).

В середине 2009 года в ответ на обращение к известным мне родственникам штрафбатовцев об учреждении для нас Дня штрафника в день издания приказа «Ни шагу назад!» я получил поддержку не только их, но и честных журналистов и общественных деятелей, на чем я уже подробно останавливался в 21-й главе.

Дума о живых, как известно, начинается с памяти о павших. По истечении уже 70 лет можно и должно, если и не учреждать День штрафника, то создать особый военный мемориал, где и предусмотреть уникальный для СНГ хотя бы скромный знак бойцам штрафных рот и батальонов, первыми вставшим в атаки для разведки боем и штурма особо укрепленных рубежей противника, как это уже сделано в Беларуси и в Калининграде и других местах не только Российской Федерации. Пусть в государственном масштабе первым его соорудит Россия, например, на Поклонной горе. Чтобы каждый посетитель невольно осознавал цену нашей Победы!

Хотелось бы также, чтобы все, изложенное в моей книге, способствовало сохранению и возрождению правды, пусть об отдельной, но важной странице недалекого военного прошлого наших стран, некогда входивших в СССР, и истинному представлению о тех задачах и той роли, которые приходились на долю этих воинов, того патриотизма, которым сильна была наша страна во все времена. Надеюсь, что все мои книги, изданные в России и за ее рубежами, заполнят ту нишу, которая образовалась недостаточным старанием издательств в продвижении правдивой

военно-исторической продукции на книжный рынок вместо низкопробной фальшивой отсебятины некоторых авторов.

В нашей героической истории нынче все чаще звучат «открытия», будто со стороны нашего народа ушедшая в историю вместе с XX веком Великая Отечественная война была неправедной, а «настоящую правду» о ней можно будет, видите ли, сказать, когда уйдут из жизни все ее участники. Конечно, по мнению этих фальсификаторов, тогда будет легче лгать, ибо опровергать эту ложь будет уже некому. Но они, эти «оракулы», ошибаются. Мы еще живы, и многим из нас, может быть, для того и отмерено судьбой жить долго, чтобы не дать псевдоисторикам до неузнаваемости исказить истину.

А нас, победителей, и наших единомышленников настойчиво убеждают, что наша Родина должна покаяться за Победу, что мы должны с кем-то примириться, что-то забыть, кого-то простить, за что-то извиниться. Нам не за что ни перед кем извиняться, ни за то, что мы не вставали на колени перед любыми завоевателями, ни за то, что не покоряемся и теперь тем, кто точит зубы на российские богатые недра, на непокорных славян.

Пусть это громкие слова, но во имя павших и живых солдат Великой Отечественной, во имя неоспоримой нашей Победы, во имя славного будущего нашей Родины — ничего не забудем, не простим и не покаемся. Живы дети и внуки победителей, и не все они поддались антиисторической пропаганде многих современных СМИ, не все они стали поклонниками бизнеса за счет обездоленных и верят в то, что передаем мы им из своей памяти о давно прошедшей войне. И как метко об этом сказали в советское время наши знаменитые песенники Л. Дербенев и А. Зацепин в популярной некогда песне «Давным-давно была война»:

За годом год стучит в окно…
Была война давным-давно,
Давным-давно в запас ушли солдаты.
Но быль о ней всегда нужна,
О том, какой была война
Когда-то, когда-то, когда-то…

Пусть я слишком часто цитировал стихи, но вот это четверостишие харьковского поэта Валерия Болотова из поэмы, посвященной советским офицерам, по-моему, впрямую относится и к бойцам офицерских штрафбатов. Я повторю эти строки еще раз:

Когда ползли фашистские химеры,
Чтоб мою родину унизить, растоптать,
Советские вставали офицеры,
Вставали, чтоб бетонной глыбой стать.

Мне, прошедшему свою часть войны командиром взвода и роты в офицерском штрафбате, довелось увидеть его, так сказать, изнутри, и я в силу своих умений и своей памяти стараюсь об этом честно рассказать вам. И не мне, а вам судить, насколько эта моя фактически документальная повесть, или военно-историческая быль, подкрепленная ныне богатейшим материалом из Центрального архива Минобороны РФ, мой бесхитростный рассказ о прожитом и пережитом за все долгие годы армейской службы затронули ваши души и сердца, открыли для вас те малоизвестные страницы прошедшей войны и уже отдаленной временем истории Вооруженных сил СССР, вокруг которых наплетено столько недобросовестных измышлений.

Измышления эти далеко не безобидны, и едва ли к сложившейся ситуации подойдут слова известной восточной пословицы «Собака лает, а караван идет». Наши средства массовой информации уже широким фронтом ведут оголтелую пропаганду, восхваляющую все западное и опошляющую не только все советское, но и исконно русское. Они упорно проталкивают идеи дикости, децивилизации нашего народа, первобытного характера патриотизма советских людей, приравнивая социалистический строй советского общества к фашистскому. И если «караван идет», то, к сожалению, вовсе не туда, а к забвению, а то и к искажению истории, что еще хуже забвения. Такая позиция по отношению к прошлому нашей страны приводит к полному разрушению надежд на прогресс. Воистину «кто не знает прошлого, тот не имеет права на будущее».

Только активная позиция прогрессивных сил страны может остановить разгул предательства продавшихся нашим недругам, восхваляющим возрождение на соседней украинской земле бандеровщины, может, еще более фашистской, чем гитлеровщина, что очень убедительно показали события 2014 года на Украине. Хватит отступать перед наглеющими врагами Родины нашей. Ныне, как когда-то, актуален лозунг «Отечество в опасности!». Сегодня каждый истинный патриот Родины должен взять на вооружение бессмертные слова Сталина в Приказе № 227 «Ни шагу назад!», которые помогли в свое время победить, повергнуть врага, отстоять свободу и независимость нашей

державы. И так актуальны сегодня:

«Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв».

Пусть этот призыв, став главным и сегодня, возвратит нам всем уверенность в том, что сможем мы противостоять той лжи, злобной неправде, которая умышленно распространяется в нашем обществе, и не дать взойти ядовитым всходам фальсификации нашей героической истории.

Спасибо, дорогой читатель, если эту мою повесть вы дочитали до конца. Она, уверен, поможет вам понять антиисторическую сущность потуг современных зарубежных и доморощенных фальсификаторов в разрушении исторической памяти народа, в ослеплении его всякого рода лживыми «произведениями» и псевдолозунгами. С горечью и с сердечной болью приходится слышать и видеть, как все наглее и бессовестнее врут об этом героическом времени современные борзописцы от литературы и истории, всякого рода глашатаи многих современных СМИ, все более настойчиво вытесняют пласты нашей славянской культуры западными тлетворными идеями.

Полагаю, что всем известна еще с советских времен песня «О тревожной молодости» Александры Пахмутовой на слова Льва Ошанина. Я с извинениями перед авторами позволил себе интерпретировать ее ко времени нашей, теперь уже тревожной, старости:

Забота была простая,
У нас, молодых, такая:
Жила бы страна родная, —
Важнее не знали забот.

Но видно, не все одолели,
Фашисты опять осмелели.
Борись, чтобы люди прозрели, —
И враг тогда не пройдет.

Пока я бороться умею,
Пока писать я умею,
Пока я дышать умею,
Я буду идти вперед!

Буду рад, если теперь ваше представление о бойцах

штрафных подразделений стало не таким, как нам упорно и нагло пытаются внушить современные «правдоискатели». Будьте активны и настойчивы в утверждении правды, не отдавайте ее в руки нечестных и нечестивых, пусть вашим кредо станут слова малоизвестного в России белорусского поэта Григория Соколовского:

В строю навечно людям остается,
Кто не кривил душою и не лгал.

Но главное, чему посвящена эта моя книга, как и многие публицистические статьи, — не прервать связь поколений и времен, сохранить единство истории нашей Родины через историю ее армии.

Будь счастлив, дорогой читатель! Но помни правду о той Священной войне, чтобы не допустить в будущем очередных попыток недругов наших поработить гордое многоязычное и многонациональное славянство. И пусть минет тебя чаша, испить которую ради жизни и счастья грядущих поколений довелось нам тогда, «в сороковые пороховые».

Глава 29
Вместо эпилога

Потомок мой, не будь холодным к датам
Военных битв сороковых годов:
За каждой цифрой — кровь и смерть солдата.

Константин Мамонтов

Нас осталось совсем немного,

Каждый прожитый день в цене,
Внуки выросли, слава Богу,
Есть кому рассказать о войне.

Пусть теперь мы совсем седые
И болячек не перечесть,
Но остались душой молодые,
Не запятнана наша честь!

Юрий Максимов

С тех пор как отгремел победный салют 9 мая 1945 года, прошло уже семь десятков лет. Но еще больше река времени унесла впечатлений с каждого из 1418 огненных дней и ночей, в пусть очень малой степени отраженных в этой книге.

Безжалостная река времени уносит не только память о громовых раскатах взрывов и ливнях свинцовых, в которых гибли боевые друзья. Она уносит уже даже тех немногих участников памятных событий, которых пощадила война, но не щадит само время. Многих моих боевых друзей и тех, кто тогда имел отношение к нашему 8-му штрафбату, с кем читатель познакомился в этой повести, не стало уже в эти, такие неоднозначные послевоенные годы.

Из всех известных мне штрафбатовцев в последние годы у

меня оставалась связь только с двумя из них. Это бывший командир взвода нашего батальона, так и не успевший подобраться к своему 93-летию, подполковник в отставке Афонин Алексей Антонович, живший, но уже умерший в Омске, с которым мы бок о бок штурмовали немецкий Альтдамм на Одере. Это и бывший штрафник 8-го ОШБ, полковник в отставке Басов Семен Емельянович, с кем мы дружили в Харькове после войны, но, к сожалению, совсем немного не успевший перешагнуть 95-летний рубеж своей активной жизни.

Мой постоянный поиск тех, кого военная судьба свела с нашим штрафбатом, иногда приводит к результатам. С помощью Курского облвоенкомата мне удалось найти еще одного моего фронтового друга, офицера Костюкова Алексея Ивановича, который был, как и я, тяжело ранен в Берлинской операции на Одере в апреле 1945 года. Это был последний, с кем из наших штрафбатовцев держалась связь, но и он уже в 2013 году приказал долго жить.

Теперь мне бывает радостно, когда меня находят дети и внуки моих фронтовых друзей, как это произошло в 2014 году, когда внук моего фронтового друга Бориса Тачаева после прочтения моей книги, в которой увидел своего деда, разыскал меня, передал много документов, сохранившихся от Бориса. Мы все уже далеко не молоды, но эти связи с потомками есть та живая нить, которая все еще связывает нас с незабываемым героическим прошлым. Как сказал однажды поэт Межиров:

Огорчаться не надо —
Всяк получит свое:
Старость — это награда
Или кара за все.

Надеюсь, старость все-таки награда нам за все, что мы, наше поколение, сделали в те памятные сороковые, отстояв нашу Родину, но и, конечно же, кара за то, что не сумели организовать противостояние разрушителям, чтобы вместе с пришедшими новыми поколениями сохранить ее в девяностых. Но теперь мы делаем все, что в наших силах, чтобы вооружить потомков правдой о ней.

От сыновей и внуков тех, о ком речь в моих книгах, от потомков того героического поколения удается получать много исторических материалов, дополняющих мои книги. Так я получил очень ценные воспоминания и фотографии от сыновей первого комиссара нашего штрафбата Ларенка, политработника Пиуна, командира роты Тавлуя, внука начальника разведки

Тачаева и других.

Наверное, самой судьбою нам предопределено и мы действительно живем долго для того, чтобы вопреки хулителям истинной истории страны нашей успеть рассказать пришедшим нам на смену поколениям правду о той войне, которая завершилась сокрушительной, поистине Великой Победой над фашизмом, этим чудовищем, угрожавшим всем народам нашей планеты по имени Земля. И если мне это в какой-то степени удалось, значит, и я не зря живу на земле.

В День защитника Отечества в недалеком прошлом было принято чествовать тех, кто воевал, кто честно служил Родине в ее Вооруженных силах. Но в этот день справедливо бы вспоминать о тружениках тыла, чей вклад в защиту Родины ничуть не меньший, хотя они не ходили в атаки и над ними не свистели пули, не рвались снаряды, до них не долетали вражеские бомбардировщики. Но если бы не их трудовой героизм, не с чем и не в чем было бы и нам, фронтовикам, ходить в атаки, нечем было бы кормить многомиллионную армию. Между тем у нас все больше становится принятым считать праздник 23 февраля вообще Днем всех мужчин, даже не служивших в армии.

День защитника Отечества стараются переосмыслить под чисто мужской праздник, в альтернативу женскому Дню 8 марта. Ну это вообще уже из серии выхолащивания прежнего понятия «военно-патриотического воспитания».

Как-то Владимир Путин обронил фразу: «Наша армия, к сожалению, все еще остается советской». Ошибаетесь, Владимир Владимирович. Мне, как прослужившему 40 календарных лет в Советской Армии, очевидно, что, начиная особенно с того времени, когда министром обороны поставлен был гражданский специалист по продаже мебели, армия распродавалась, бездумно сокращались военные академии и училища, увольнялось большое число офицеров и генералов, практически свернута военная наука, только начинает возрождаться разрушенная за годы сердюковского развала военно-промышленная составляющая оборонной безопасности. Возможно, назначенный новый министр Шойгу вместо амнистированного по всем статьям Сердюкова да евро-американские санкции, объявленные России, как-то укрепят все виды безопасности нашей страны. А пока, Владимир Владимирович, совсем не похожа армия России на ту, советскую, ни по мощи своей, ни по международному воздействию на охотников задушить многовековое славянство. Иначе не смели бы всякие порошенки и эрдоганы откровенно угрожать нам.

Теперь совсем немного о личной жизни. В 1950 году я поступил в Ленинградскую Военно-транспортную академию и с семьей некоторое время жил на квартире моей тещи, фельдшера медпункта одного из заводов Кировского района Ленинграда. Она познакомила нас с 14-летней девочкой, круглой сиротой войны, которую она опекала. У Тонечки Куропятниковой (так звали девочку) отец Василий Васильевич, сержант-артиллерист, погиб, защищая Ленинград, и похоронен в братской могиле в Синявино. Мы часто посещаем братскую могилу, где он захоронен. Маму и младшего брата Тони тоже унесла война, и осталась она круглой сиротой в свои 6 лет, в совсем еще детские годы.

Эти трагические события, происшедшие одно за другим, так потрясли девочку, что она не помнит, как и когда ее эвакуировали в Сибирь. Там добрые люди, занятые самоотверженным трудом, где «Все для фронта, все для Победы», не оставляли без внимания и заботы девочку, оставшуюся совсем одной. В детском садике девочку-сиротку Тоню, как могли, одевали, а потом, когда ей пришла пора идти в школу, так из садика и проводили ее воспитатели в первый класс, а затем приютили люди с доброй сибирской душой. Потом ее разыскала тетя, и все сообща помогли ей окончить там 7 классов. Кроме школы, она каждый день посещала тяжелораненых в госпитале, размещавшемся рядом с детским садом, и росла под впечатлением страданий тяжелораненых воинов, в каждом из которых видела своего отца при защите Ленинграда. Вот и выросла она самостоятельной, рано начавшей думать о том, как построить свою жизнь. В таких случаях одни уповают на судьбу: куда она вывезет — туда и ладно. А эта девочка формировала свой характер под влиянием заботливых и добрых людей,

А тех раненых в сибирском госпитале ей поручали развлекать танцами и песнями. Сиротское детство не сломило характер девочки, и она выросла самостоятельной, строгих правил девушкой.

После окончания школы-семилетки 14-летней Тоня самостоятельно возвратилась в Ленинград и, несмотря на нелегкую послевоенную жизнь, нашла в себе силы учиться в техникуме. Тогда у нее еще не было паспорта, и ей пришлось, чтобы обеспечить себе жизнь и учебу, работать в ночную смену, а днем учиться. Пенсии за погибшего отца не хватало. Другой бы на ее месте смирился с судьбой, оставил все как есть, а там — как повернется, куда она, эта судьба, вынесет. Но у девочки уже сформировался твердый характер, и она самостоятельно решала свое будущее, несмотря на ох какие повороты судьбы в огромном городе, еще не залечившем последствия страшной блокады и

военной разрухи.

Естественно, мы, взрослые (у меня, женатого, было уже два сына), прониклись сочувствием к этой девочке, держали ее постоянно в поле зрения и старались помогать ей советами в жизни и в учебе. Я, слушатель инженерного факультета военной академии, нередко помогал ей в освоении технических предметов, поправлял неточности в чертежах. Когда в Ленинград на постоянное жительство переехала с Дальнего Востока моя повзрослевшая сестра, которую звали тоже Антониной, они подружились, и эта крепкая дружба длилась на протяжении 55 лет, до самой кончины сестры моей.

К окончанию мною академии девочка Тоня выросла в очень симпатичную девушку, вышла замуж за красавца-латыша Франциса Ружа, к тому времени только что закончившего армейскую службу, и с тех пор она стала носить его фамилию. Но наши добрые отношения не прерывались. Окончив техникум с дипломом художника-модельера, Тоня поступила работать на тот же завод, где работал ее муж, не по специальности, так как к этому времени у нее родился сынок, и это было удобнее, не нужно было тратить много времени на дорогу до предложенного ей довольно престижного места работы. А на заводе заметили ее грамотность, сообразительность и способности в бухгалтерском деле. Пришлось переучиваться с красивой, многообещающей профессии на прозаичную, бухгалтерскую.

Две Антонины-подружки (обе Васильевны!) продолжали дружить. Их мужья работали на одном заводе, и эти молодые семьи стали дружны домами.

Итак, пройдя путь от бухгалтера, а затем и начальника финансового отдела крупного предприятия всесоюзного значения, Антонина Васильевна была выдвинута на должность главного бухгалтера Ленинградской организации общества «Знание», где ей поручили навести порядок в запущенном финансовом хозяйстве. Там она стала одним из инициаторов и непосредственным участником разработки системы хозрасчета в новых экономических условиях. Эта система была принята Центральным правлением Всесоюзного общества «Знание» и внедрена в организации общества в большинстве регионов не только России, но и во многих постсоветских республиках. В годы перестройки приняла непосредственное участие в создании института ИВЭСЭП на базе Ленинградской организации общества «Знание» с филиалами в крупных городах России. Антонина Васильевна Ружа за свои труды отмечена присвоением ей почетного звания заслуженного экономиста Российской Федерации, ее имя занесено в энциклопедию РФ «Великая Россия.

Имена».

Мое скитание по Советскому Союзу, обусловленное армейской службой, не мешало, когда я по службе или в отпусках бывал в Ленинграде, навещать здесь мою сестру. Наши общие встречи с семьями сестры моей и ее лучшей подруги, Антонины Ружа, всегда были желанны и по-семейному приятны.

Прошли годы. Овдовел я, овдовела и Антонина Васильевна Ружа. Оба мы теперь пенсионеры. Наши многолетние добрые отношения, переросшие в более высокие чувства, привели нас к единственно правильному решению — соединить свои судьбы супружескими узами, что было одобрительно встречено нашими детьми и давно уже повзрослевшими внуками.

В результате у нас сложилась большая семья, в которой стало три сына. С двоими из них, Сергеем и Александром, читатели уже знакомы, а самый младший из них, Леонид Ружа, ленинский стипендиат Рижского института ГВФ, авиатор, долгие годы работал в аэропорту Пулково, в Санкт-Петербурге, теперь пенсионер. А из последующих наших поколений мы можем похвастаться четырьмя внуками, двумя внучками и даже пятью правнучками, младшая из которых отстает от старшей по возрасту почти на четверть века.

> «Внуки выросли, слава богу, есть кому рассказать о войне».

Старшему из внуков, Алексею, сыну Сергея, уже заметно за сорок лет, у него 4 наших правнучки, старшей из которых, Машеньке, уже 25.

Внучка Екатерина, младшая дочь Сергея, давно уехавшая на мой родной Дальний Восток, окончила там два вуза и подарила нам тоже девочку, еще одну правнучку.

У сына Александра (в нашей семье он Александр Второй) растут два других наших внука: старшему, Александру Третьему, уже за 35, а Олег — ровесник Машеньки.

У младшего нашего сына Леонида тоже двое детей. Старший из них, Василий, самостоятельный мужчина почти 35 лет, окончив в Питере престижный вуз, считается не только у нас «компьютерным гением». Нашел соответствующую своим способностям работу в Питере, периодически бывает в длительных командировках в Нью-Йорке. Дочь Леонида, наша внучка Зоя, как и ее ровесница, правнучка Маша, успешно окончила вуз по профилю иностранных языков, работает с увлечением.

На склоне лет здоровье у нас далеко не прежнее, а

катаклизмы и социальные потрясения, касающиеся больше всего нашего поколения, прямо скажем, не вызывают в нас того оптимизма, который владел нами даже в самые тяжелые годы войны. Наши сердца без электрокардиостимуляторов, или, как я говорю по старой шоферской терминологии, без «дополнительной катушки зажигания», работать уже не хотят. В дополнение к этому мне даже понадобилось перенести и сложнейшую операцию на открытом сердце.

Многими сердечными и суставными недугами страдаем оба. Наших пенсий едва хватает на аптеки и на оплату счетов по ЖКХ, где пусть хоть мизерные льготы, остававшиеся даже после злосчастного Закона о монетизации, теперь уже полностью отменены.

На стационарное лечение мы ложимся только вместе, так как не можем обходиться уже без взаимной помощи. А отдельная палата на двоих — роскошь, которую нужно недешево оплачивать, тем более что это практически возможно только в «хозрасчетных» отделениях больниц, где не только отдельная палата, но и само лечение, консультации специалистов и любые процедуры — все платное, несмотря на то что ты фронтовик, инвалид Отечественной войны. Мера всему — ДЕНЬГИ, и никакие заслуги, кроме богатства, — не в счет! Мои многократные обращения к руководителям России возродить бесплатное лечение в медучреждениях любой формы собственности для фронтовиков Великой Отечественной «последствий не имеют». А ведь нас осталось уже даже, наверное, не сотни тысяч, как это было в советское время, а только несколько сотен на всю страну.

Фактически постоянно дорожает потребительская корзина прожиточного минимума, а ее почему-то принято для нас, пенсионеров, считать значительно меньшей, чем для молодых, трудоспособных, хотя у пенсионеров с их серьезнейшими недугами расходы на лекарства в «корзину» почему-то не вписываются. Расходы же пожилых на постоянно дорожающую аптеку не сравнить с потребностями на лечение молодых, как правило, здоровых людей.

Именно сейчас взаимные уважение и любовь наших потомков продлевают нам оставшиеся годы жизни и дают силы бороться с возникающими проблемами по мере своих, уже вовсе не безграничных возможностей. Только забота наших взрослых потомков о нас, которую мы чувствуем постоянно, облегчает наш быт. На мои 85-летний и 90-летний юбилеи почти все они

собирались здесь, в Питере, и так было радостно видеть нашу большую семью.

Мы рады тому, что смогли воспитать не только в них чувства уважения к старшему поколению, и то, чего во многих случаях не хватает некоторым слоям современной молодежи — патриотизма и верности своему слову.

Значительная часть моей многолетней военной службы была посвящена подготовке офицерских кадров для советских Вооруженных сил в военном училище, а последние 13 лет — на военной кафедре гражданского вуза. Многие мои воспитанники достигли высоких постов и званий, твердо стоят на позициях истинного советского патриотизма и не приемлют нынешнего попустительства властей ко всякого рода извращенцам нашего славного исторического прошлого. Мы перезваниваемся, переписываемся, по мере возможностей встречаемся. Мне трудно перечислить всех, поддерживающих со мной связь от Уссурийска до Калининграда и выражающих единомыслие по оценке исторического прошлого и современных событий. Я особо отмечу одного из них, Георгия Ивановича Чешенко. Подготовленный офицером на военной кафедре, он отдал военной службе много лет, окончил военную академию, полковник в отставке, кандидат технических наук, доцент, один из ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Ко всему этому, поскольку мы оба живем в Питере, он у меня «связной» со многими моими воспитанниками, организует не только виртуальные встречи посредством видеоконференций в Skype, но и реальные.

Считаем это тоже своим вкладом в передачу эстафеты любви к Родине. Именно эта любовь была и есть главным критерием порядочности гражданина своей страны. Уверены, что и нашим последующим потомкам они сумеют передать те высокие чувства любви к земле Русской, к родине своих предков и к ее героическому прошлому.

Наши пожелания этого всем, кто считал и считает своей Родиной нашу многострадальную Россию, славную своей неповторимой историей.

Будьте все счастливы. И любите свою землю, как любили ее те, кто отдал жизнь за Родину. Пусть добрая память об этих истинных патриотах, не искаженная и не загаженная недругами нашими, передается из поколения в поколение на многие века, чтобы не иссякала духовная сила, способная в нужное время мобилизовать и привести в действие все качества в людях, необходимые для защиты своего Отечества, своего народа от

любых посягательств на них.

Приложения

Приложение № 1

ПРИКАЗ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

28 июля 1942 г. МОСКВА № 227 Без публикования

О МЕРАХ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ДИСЦИПЛИНЫ И ПОРЯДКА В КРАСНОЙ АРМИИ И ЗАПРЕЩЕНИИ САМОВОЛЬНОГО ОТХОДА С БОЕВЫХ ПОЗИЦИЙ

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства небезграничны. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне,

интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев, — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей

армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот призыв — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали далее около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали наконец специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого

поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать дальше на Восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов, и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях. Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны И. СТАЛИН

Приложение № 2

«Утверждаю»
Заместитель Народного комиссара обороны
генерал армии Г. Жуков. 26 сентября 1942 г.
Утверждено Приказом наркома обороны СССР
№ 298 28 сентября 1942 года

ПОЛОЖЕНИЕ О ШТРАФНЫХ БАТАЛЬОНАХ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

I. Общие положения

1. Штрафные батальоны имеют целью дать возможность лицам среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава всех родов войск, провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, кровью искупить свои преступления перед Родиной отважной борьбой с врагом на более трудном участке боевых действий.

2. Организация, численный и боевой состав, а также оклады содержания постоянному составу штрафных батальонов определяются особым штатом.

3. Штрафные батальоны находятся в ведении военных советов фронтов. В пределах каждого фронта создаются от одного до трех штрафных батальонов, смотря по обстановке.

4. Штрафной батальон придается стрелковой дивизии (отдельной стрелковой бригаде), на участок которой он поставлен распоряжением Военного совета фронта.

II. О постоянном составе штрафных батальонов

5. Командиры и военные комиссары батальона и рот, командиры и политические руководители взводов, а также остальной постоянный начальствующий состав штрафных батальонов назначаются на должность приказом по войскам фронта из числа волевых и наиболее отличившихся в боях командиров и политработников.

6. Командир и военный комиссар штрафного батальона пользуются по отношению к штрафникам дисциплинарной властью командира и военного комиссара дивизии; заместители командира и военного комиссара батальона — властью командира и военного комиссара полка; командиры и военные комиссары рот — властью командира и военного комиссара батальона, а командиры и политические руководители взводов —

властью командиров и политических руководителей рот.

7. Всему постоянному составу штрафных батальонов сроки выслуги в званиях, по сравнению с командным, политическим и начальствующим составом строевых частей действующей армии, сокращаются наполовину.

8. Каждый месяц службы в постоянном составе штрафного батальона засчитывается при назначении пенсии за шесть месяцев.

III. О штрафниках

9. Лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава направляются в штрафные батальоны приказом по дивизии или бригаде (по корпусу — в отношении личного состава корпусных частей или по армии и фронту — в отношении частей армейского и фронтового подчинения соответственно) на срок от одного до трех месяцев. В штрафные батальоны на те же сроки могут направляться также по приговору военных трибуналов (действующей армии и тыловых) лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава, осужденные с применением отсрочки исполнения приговора (примечание 2 к ст. 28 Уголовного кодекса РСФСР). О лицах, направленных в штрафной батальон, немедленно доносится по команде и военному совету фронта с приложением копии приказа или приговора.

Примечание. Командиры и военные комиссары батальонов и полков могут быть направлены в штрафной батальон не иначе как по приговору военного трибунала фронта.

10. Лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава, направляемые в штрафной батальон, тем же приказом по дивизии или бригаде (корпусу, армии или войскам фронта соответственно) (ст. 9) подлежат разжалованию в рядовые.

11. Перед направлением в штрафной батальон штрафник ставится перед строем своей части (подразделения), зачитывается приказ по дивизии или бригаде (корпусу, армии или войскам фронта соответственно) и разъясняется сущность совершенного преступления. Ордена и медали у штрафника отбираются и на время его нахождения в штрафном батальоне передаются на хранение в отдел кадров фронта.

12. Штрафникам выдается красноармейская книжка специального образца.

13. За неисполнение приказа, членовредительство, побег с поля боя или попытку перехода к врагу командный и политический состав штрафного батальона обязан применить все

меры воздействия вплоть до расстрела на месте.

14. Штрафники могут быть приказом по штрафному батальону назначены на должности младшего командного состава с присвоением званий ефрейтора, младшего сержанта и сержанта.

Штрафникам, назначенным на должности младшего командного состава, выплачивается содержание по занимаемым должностям, остальным штрафникам — в размере 8 руб. 50 коп. в месяц. Полевые деньги штрафникам не выплачиваются.

Выплата денег семье по денежному аттестату прекращается, и она переводится на пособие, установленное для семей красноармейцев и младших командиров Указами Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. и от 19 июля 1942 г.

15. За боевое отличие штрафник может быть освобожден досрочно по представлению командования штрафного батальона, утвержденному Военным советом фронта. За особо выдающееся боевое отличие штрафник, кроме того, представляется к правительственной награде. Перед оставлением штрафного батальона досрочно освобожденный ставится перед строем батальона, зачитывается приказ о досрочном освобождении и разъясняется сущность совершенного подвига.

16. По отбытии назначенного срока штрафники представляются командованием батальона Военному совету фронта на предмет освобождения и по утверждении представления освобождаются из штрафного батальона.

17. Все освобожденные из штрафного батальона восстанавливаются в звании и во всех правах.

18. Штрафники, получившие ранение в бою, считаются отбывшими наказание, восстанавливаются в звании и во всех правах и по выздоровлении направляются для дальнейшего прохождения службы, а инвалидам назначается пенсия из оклада содержания по последней должности перед зачислением в штрафной батальон.

19. Семьям погибших штрафников назначается пенсия на общих основаниях со всеми семьями командиров из оклада содержания по последней должности до направления в штрафной батальон.

Приложение № 3

Приказ

Ставки Верховного Главнокомандующего СССР

от 16.08.1941 № 0270

«Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия»

Не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, громадное их большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой — прямо героически. Даже те части нашей армии, которые случайно оторвались от армии и попали в окружение, сохраняют дух стойкости и мужества, не сдаются в плен, стараются нанести врагу побольше вреда и выходят из окружения. Известно, что отдельные части нашей армии, попав в окружение врага, используют все возможности для того, чтобы нанести врагу поражение и вырваться из окружения.

Зам. командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Болдин, находясь в районе 10-й армии около Белостока, окруженной немецко-фашистскими войсками, организовал из оставшихся в тылу противника частей Красной Армии отряды, которые в течение 45 дней дрались в тылу врага и пробились к основным силам Западного фронта. Они уничтожили штабы двух немецких полков, 26 танков, 1049 легковых, транспортных и штабных машин, 147 мотоциклов, 5 батарей артиллерии, 4 миномета, 15 станковых пулеметов, 8 ручных пулеметов, 1 самолет на аэродроме и склад авиабомб.

Свыше тысячи немецких солдат и офицеров были убиты. 11 августа генерал-лейтенант Болдин ударил немцев с тыла, прорвал немецкий фронт и, соединившись с нашими войсками, вывел из окружения вооруженных 1654 красноармейца и командира, из них 103 раненых.

Комиссар 8-го мехкорпуса, бригадный комиссар Попель и командир 406-го сп полковник Новиков с боем вывели из окружения вооруженных 1778 человек. В упорных боях с немцами

группа Новикова-Попеля прошла 650 километров, нанося огромные потери тылам врага.

Командующий 3-й армией генерал-лейтенант Кузнецов и член Военного совета армейский комиссар 2-го ранга Бирюков с боями вывели из окружения 498 вооруженных красноармейцев и командиров частей 3-й армии и организовали выход из окружения 108-й и 64-й стрелковых дивизий.

Все эти и другие многочисленные подобные факты свидетельствуют о стойкости наших войск, высоком моральном духе наших бойцов, командиров и комиссаров.

Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам.

Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробились из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу.

Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной как нарушитель военной присяги.

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск, вместо того чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выход из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13-го стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен.

Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу члены военных советов армий, командиры, политработники, особотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Понеделиным, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу.

Эти позорные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою

Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти трусливые элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а наоборот — прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать.

Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щелях во время боя, не видят поля боя, не наблюдают хода боя на поле и все же воображают себя командирами полков и батальонов? Нет, нельзя! Это не командиры полков и батальонов, а самозванцы.

Если дать волю таким самозванцам, они в короткий срок превратят нашу армию в сплошную канцелярию. Таких самозванцев нужно немедленно смещать с постов, снижать по должности, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего начсостава или из красноармейцев.

Приказываю:

Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским «собакам».

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего

начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться ему в плен, — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи.

Обязать командиров и комиссаров дивизий немедля смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.

Ставка Верховного Главного Командования Красной Армии

Председатель Государственного Комитета обороны
И. СТАЛИН
Зам. Председателя Государственного
Комитета обороны В. МОЛОТОВ
Маршал Советского Союза С. БУДЕННЫЙ
Маршал Советского Союза К. ВОРОШИЛОВ
Маршал Советского Союза С. ТИМОШЕНКО
Маршал Советского Союза Б. ШАПОШНИКОВ
Генерал армии Г. ЖУКОВ

Приложение № 4

ПРИКАЗ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

23 ноября 1944 года № 0380, г. Москва

214-й кавалерийский полк 63-й кавалерийской Корсуньской Краснознаменной дивизии (командир полка гвардии подполковник Данилевич) в бою 26 октября 1944 года утерял Боевое Красное Знамя полка.

Потеря Знамени произошла в обстановке, когда соседний 42-й гвардейский кавалерийский полк 10-й гвардейской кавалерийской дивизии, получив новую боевую задачу, оставил свой участок, не предупредив об этом командира 214-го кавалерийского полка, чем оголил фланг этого полка и дал возможность противнику выйти в район командного пункта 214-го кавалерийского полка.

В результате сложившейся обстановки 214-й кавалерийский полк вынужден был начать отход. Знамя полка, направленное с ассистентами к штабу дивизии, при отходе было утеряно.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 21.12 1942 года, командир полка и офицерский состав, виновный в таком позоре, подлежат суду военного трибунала, а войсковая часть расформированию.

Учитывая, что утеря Красного Знамени произошла не вследствие малодушия личного состава 214-го кавалерийского полка, а по причине нераспорядительности командира полка — гвардии подполковника Данилевича и что 214-й кавалерийский полк в предшествующих боях с немецко-фашистскими захватчиками успешно выполнял боевые задания командования — приказываю:

1. 214-й кавалерийский полк перевести в разряд штрафных и предупредить весь личный состав полка, что своими действиями в боях он должен искупить свою вину перед Родиной.

2. Виновника в утере Боевого Красного Знамени 214-го кавалерийского полка гвардии подполковника Данилевича снизить в звании до майора.

3. Командира 42-го гвардейского кавалерийского полка 10-й гвардейской кавалерийской дивизии гвардии подполковника

Чеглакова, не предупредившего своего соседа об отходе и тем самым поставившего 214-й кавалерийский полк в тяжелые условия боевой обстановки, снизить в звании до майора.

4. Военному совету 3-го Украинского фронта к 1 февраля 1945 года донести о боевой деятельности 214-го кавалерийского полка для решения вопроса о возможности снятия наказания и выдачи полку вновь Боевого Красного Знамени.

5. Настоящий приказ объявить всему личному составу Красной Армии.

Народный Комиссар Обороны Союза ССР
Маршал Советского Союза
И. СТАЛИН

Приложение № 5

Из Приказа НКО № ОРГ/2/1348 1 авг. 1943 г. о формировании Отдельных штурмовых стрелковых батальонов

Командующим войсками Московского, Приволжского и Сталинградского военных округов о формировании Отдельных штурмовых стрелковых батальонов

В целях предоставления возможности командно-начальствующему составу, находившемуся длительное время на территории, оккупированной противником, и не принимавшему участия в партизанских отрядах, с оружием в руках доказать свою преданность Родине приказываю:

Сформировать к 25 августа с. г. из контингентов командно-начальствующего состава, содержащегося в специальных лагерях НКВД:

1-й и 2-й Отдельные штурмовые стр. батальоны — в Московском военном округе,

3-й Отдельный штурмовой стрелковый батальон — в Приволжском военном округе,

4-й Отдельный штурмовой стрелковый батальон — в Сталинградском военном округе.

Формирование батальонов произвести по штату № 04/331, численностью 927 человек каждый. Батальоны предназначаются для использования на наиболее активных участках фронта. Укомплектование формируемых штурмовых батальонов произвести:

а) должностей командиров батальонов, зам. командиров батальонов по политической части, начальников штабов, командиров рот — за счет лучшего, тщательно отобранного и хорошо подготовленного начальствующего состава, имеющего боевой опыт;

б) рядового, младшего начальствующего и остального начальствующего состава — за счет среднего и старшего начальствующего состава спецконтингентов, находящихся в Люберецком, Подольском, Рязанском и Угольном спецлагерях НКВД, — для батальонов, формируемых в МВО;

Калачевском и Котлубанском спецлагерях НКВД — для батальона, формируемого в ПриВО;

Сталинградском, Белокалитвенском, Георгиевском спецлагерях НКВД — для батальона, формируемого в Сталинградском военном округе.

Недостающий состав для штурмового стрелкового батальона, формируемого в ПриВО, выделить из Ханларского спецлагеря НКВД по заявке штаба округа в оргуправление Генерального штаба КА.

Назначение на должности начальствующего состава как младшего, так и среднего произвести после тщательного отбора командиров из спецконтингентов;

…

Срок пребывания личного состава в отдельных штурмовых стрелковых батальонах установить два месяца участия в боях, либо до награждения орденом за проявленную доблесть в бою или до первого ранения, после чего личный состав при наличии хороших аттестаций может быть назначен в полевые войска на соответствующие должности командно-начальствующего состава.

Всему личному составу, назначенному из спецлагерей НКВД, установить форму одежды соответственно занимаемым ими должностям в штурмовом батальоне.

Личному составу батальонов установить оклады содержания по занимаемым в батальоне должностям.

Семьям личного состава, назначенного в батальоны из спецлагерей НКВД, предоставить все права и преимущества, определенные законом для семей начальствующего состава.

Начальникам главных управлений НКО к 5.8.1943 г. обеспечить формируемые батальоны необходимыми кадрами, материальной частью, вооружением, имуществом и транспортом.

Об исполнении донести.

Народный комиссар обороны
Маршал Советского Союза
И.Сталин
ЦАМО. Ф.3. ОП.11566. Д. 13. Л. 210–212.

Приложение № 6

Рецензии, презентации, письма, отзывы

Из рецензии А. Величко, гл. редактора газеты «Слово ветерана»:

> *После прочтения удивительно правдивой книги «Штрафной удар…» бывшего командира взвода и роты 8-го Отдельного штрафного (офицерского) батальона 1-го Белорусского фронта, ныне генерал-майора в отставке А.В. Пыльцына, приходишь к твердой уверенности, что автор не отошел от убедительной правдивости, чего бы ни коснулись его воспоминания: кровопролитных боев или личностных характеристик боевых товарищей, штрафников; высшего гуманизма командующих высоких рангов, в чьем подчинении оказывался штрафбат, и бесчеловечности некоторых их антиподов.*

Из рецензии Н. Говорущенко, заслуженного деятеля науки Украины:

> *Издание книги генерал-майора А.В. Пыльцына, в которой объективно освещены события времен Великой Отечественной войны, — своего рода мощный информационный всплеск, заставляющий фронтовиков и участников войны вспоминать, анализировать и переосмысливать героические события того времени с позиций сегодняшних дней.*
>
> *Очень хочется, чтобы наша молодежь воспитывалась и училась на героических примерах молодежи военных лет, которая смело шла на штурм немецких блиндажей, извергающих пулеметный огонь. И как было бы прекрасно, если бы каждый учитель истории получил прекрасно изданную книгу Пыльцына.*

Из рецензии В. Вохмянина (научно-историческое общество, г. Харьков):

> *Воспоминания А.В. Пыльцына о войне — это честный рассказ об увиденном с переднего края под огнем противника. Рецензируемая книга является уникальной, а изложение — предельно правдивым.*

Автор критически оценивает поступки и промахи командиров и военачальников — от комбата до командармов. Книга полностью лишена стремления к идеализации людей и событий, в ней жестокая правда о кровавой войне. Автору удалось, не будучи профессиональным литератором, написать повествование увлекательное и интересное. Когда сегодня молодой парень на вопрос «Знаете ли вы, кто такой Александр Матросов?» вполне серьезно отвечает: «Наверное, какой-нибудь криминальный авторитет», понимаешь, насколько нужна и полезна эта книга, она является едва ли не наиболее сильным и заметным явлением в ряду изданий последних лет.

В.В. Случевский, кандидат исторических наук, заместитель председателя Межрегиональной общественной организации «Общество „Знание“» Санкт-Петербурга и Ленинградской области:

Презентацией книги «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина», вышедшей в издательстве общества «Знание», мы начинаем серию мероприятий, посвященных 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. О штрафных батальонах писалось чрезвычайно редко, да и не совсем объективно. Поэтому мы издали эту уникальную книгу воспоминаний из области, недостаточно хорошо и не всегда правдиво освещенной в нашей военной литературе и военной истории вообще. Она нашла широкий отклик прежде всего среди военных историков.

М.В. Ежов, доктор исторических наук, президент Санкт-Петербургского отделения Академии военно-исторических наук:

Работа Александра Васильевича Пыльцына — это необычная книга, хотя она относится к известному жанру военных мемуаров. Эта книга избежала очень многих недостатков, присущих большинству мемуаров. Тема штрафных батальонов долгое время в нашей исторической литературе была крайне непопулярной и немодной, да и не в целях добросовестного научного анализа, а в плане того, чтобы лишний раз показать или «раскопать» какие-то негативные стороны того времени. Книга помогает преодолеть неправильное представление о штрафных батальонах, увидеть их в реальном и правдивом освещении. Для историков и для

интересующихся историей Великой Отечественной выход в свет такой книги — событие отрадное, это дань памяти нашим воинам, сложившим головы в то тяжелое время. Выражаю искреннюю благодарность автору от многих коллег — военных историков за труд, вложенный им в эту крайне необходимую в наше время книгу.

М.И. Фролов, доктор исторических наук, профессор, вице-президент Академии военно-исторических наук, Ленинград:

Эта книга достойна глубокого и вдумчивого изучения, автор дает в ней истинную картину событий, без уклона в сторону какой-либо сиюминутной конъюнктуры, которая до сих пор довлеет над многими фактами Великой Отечественной и порождает порой небылицы и относительно заградотрядов, вызванных Приказом № 227 1942 г. Автор убеждает, что за штрафными офицерскими батальонами они были просто не нужны. Меня как историка, занимающегося проблемами Великой Отечественной войны, приятно поразили объективность, историзм этой книги. Здесь нет шараханья в ту или иную сторону в угоду господствующих идеологий, что нередко присуще многим мемуаристам и даже историкам. Книга бесспорно станет хорошим помощником в патриотическом воспитании молодого поколения, это большой вклад в историческую науку.

Г.И. Датчиков, доктор философских наук, председатель Комитета ветеранов-однополчан:

Я эту книгу прочитал за две ночи. Удивительная книга! Оторваться от нее было практически невозможно, так захватывает она и своим содержанием, и своим стилем. Читал с удовольствием, и каждый, кто будет ее читать не с какой-то «особой» позиции, будет в восторге от нее.

Хорошо известны два подхода к анализу событий — исторический или с позиции намеренной фальсификации, с позиции лжи, чтобы исказить все в угоду чему-то (или кому-то). В книге А.В. Пыльцына четкий, научно обоснованный подход. Впервые в мемуарной литературе появилась книга, которая по праву станет новым, честным откровением о незаслуженно забытых, но очень важных событиях и людях Великой Отечественной войны, заметное явление в историографии. Это действительно

«Штрафной удар» по многочисленным псевдоисторикам и временщикам, кто пытается фальсифицировать историю нашего общества, а ее автор — глубокий, настоящий профессионал, излагающий все четко, ясно, доступно, убедительно.

О.Ю. Куц, кандидат исторических наук:

События Великой Отечественной войны для нас, молодых ученых, — связующее звено не столь далекого прошлого с настоящим, поколения уходящей эпохи — с современной молодежью. Ветераны уходят, к сожалению, а войны, уже другие, идут. И вот сегодня появилась особая книга генерала Пыльцына. Прорвались наконец к читателям неподцензурные воспоминания, и это особенно ценно потому, что написана книга со множеством деталей, золотыми крупицами правды о войне, дающими возможность нам, молодым историкам, и поколению, родившемуся после войны, узнать суровую правду о некоторых ее страницах.

В.С. Лялин, доктор экономических наук, профессор, президент Санкт-Петербургского регионального отделения Академии БОП РФ:

Генерал Пыльцын в годы войны командовал офицерским штрафным подразделением, дошел с ним до Берлина, и его боевой путь, на основе которого и написана книга, поучителен для многих, включая и старшее, и более молодое поколение. Сегодня вторую часть нашего мероприятия мы проведем в Кадетском корпусе, это «прямое попадание» в коллектив будущих офицеров. Книга эта — концентрат боевых примеров проявлений патриотизма, героизма, верности слову, преданности Родине, как никакая другая будет формировать такие качества и у кадетов — будущих офицеров.

Я ребенок блокадного Ленинграда, и будет справедливо поблагодарить автора и его соратников, думы которых тогда, в те тяжелые годы, были о нас, о будущих поколениях.

С.П. Летов, полковник, заместитель начальника Кадетского ракетно-артиллерийского корпуса:

Молодой человек, прочитавший книгу А.В. Пыльцына,

сердцем поймет, что такое честь и достоинство офицера. Эта книга ценна тем, что вышла в свет в наше смутное время. В книге убедительная правда, которая подтверждается сегодня. Наши кадеты об исторических личностях знают, как правило, лишь результат спекуляции информацией некоторых современных идеологов. В ряд с этим можно поставить и смутные представления многих из послевоенного поколения о штрафных батальонах, как о подразделениях, созданных из преступных элементов, а не из офицеров, сохранивших в большинстве честь и преданность Родине. Герои книги Александра Васильевича своей жизнью и даже гибелью на поле боя подтверждают истину, что Россия богата такими людьми, для которых ее честь превыше всего. Книга генерала Пыльцына служит нашим кадетам примером старта молодого офицера в нелегкую командирскую жизнь, и самое главное — будущий офицер может найти там образцы самовоспитания, дисциплины и самодисциплины. Спасибо автору за столь нужное всем произведение.

А.К. Близнюков, генерал-майор, начальник музея ракетно-артиллерийского Кадетского корпуса:

Не могу не сказать слов огромной благодарности всем, кто организовал эту встречу с автором уникальной книги Александром Васильевичем Пыльцыным. «Штрафной удар…», видимо, на эту тему истории Великой Отечественной пока единственная в своем роде. Тема эта была закрыта долгие годы, и генерал Пыльцын совершил если не подвиг, то Поступок с большой буквы. Никто пока так подробно и правдиво не писал, в книге открыто говорится о том, что было. Она написана правдиво, и эта правда — в каждой ее строке. Цель ее — опровергнуть исказителей и очернителей нашей славной истории. И цели этой она достигла!

История должна быть правдивой, и книга Александра Васильевича — яркий пример этого. Книга правдивая, книга нужная, и моя просьба к издателям — значительно увеличить тираж. Автору мой совет — написать продолжение. Воинская служба автора и после войны наверняка богата событиями, которые могут послужить примером для офицеров мирного времени.

Л.А. Куролесова, главный редактор энциклопедического

справочника «Великая Россия — имена»:

> *Для России, страны с таким богатым литературным наследием, стыдно преклоняться перед именами зарубежных авторов, которые звучат, как пророки, и если даже содержание их книг примитивно, то «какой стиль!», «какое изложение!» и т. п. На этом фоне очень приятно, что появилась книга литературно наполненная, без фальшивых панегириков, без исторического приукрашивания и без очернения. Это замечательная книга «Штрафной удар…». Одна из известных кинофраз гласит: «Есть такая профессия — защищать Родину». Этому и учит книга Александра Васильевича. Доброго ей пути к сердцам читателей.*

В.Г. Шевченко, президент Академии БОП РФ, доктор юридических наук, профессор, член научного совета РАН, действительный член РАЕН, член Союза писателей России, лауреат премии Президента РФ в области образования:

> *Презентация ставшей уже известной книги А.В. Пыльцына «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина» проходит сегодня в святом месте — Музее обороны и блокады Ленинграда, музее памяти героизма и великих страданий нашего народа.*
>
> *Хочу поблагодарить всех участников и самого автора презентуемой сегодня уникальной книги, генерал-майора Пыльцына Александра Васильевича и сообщаю всем о том, что Александр Васильевич Пыльцын избран действительным членом-академиком нашей академии, как выражение признательности за огромный личный вклад в историографию Великой Отечественной войны, который сделан широко признанной замечательной, уникальной книгой. Поздравляю Вас, Александр Васильевич, с избранием действительным членом нашей академии и передаю Вам от коллег по академии пожелания дальнейших успехов в Ваших творческих делах.*

Письма, отзывы

Из письма Юрия Бондарева, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР:

> *Материал интересный, скорее всего, — не просто*

материал, а документ Великой Отечественной войны. Тема Ваша очень меня интересует, мне тоже пришлось однажды воевать рядом со штрафниками, которых я хорошо помню. Примите от меня всяческие добрые слова и чистосердечные пожелания везения и удачи. Крепко жму руку. Бондарев.

От Героя Социалистического Труда, лауреата Госпремии СССР, генерал-полковника А.Т. Смирнова:

Книги «Правда о штрафбатах» и «Страницы истории 8-го штрафбата» прочитал, не отрываясь. Суровая правда и высокий литературный стиль, глубокая преданность Родине делают книгу бесценным даром в воспитании, особенно молодежи. Поражает большое количество исторических материалов и фактов, приведенных Вами в поистине документальных книгах. Восхищен, искренне благодарю. Смирнов.

От внучки легендарного командарма Горбатова Ирины Александровой (Москва):

Еще раз с большим удовольствием прочитала 3-е издание Вашей книги. Ваши воспоминания производят сильное впечатление своей достоверностью, искренностью и глубиной переживаний. Спасибо Вам за теплые слова, сказанные в адрес генерала Горбатова. Никто не останется равнодушным к Вашей правде и той боли, которую вы испытываете, когда сталкиваетесь с лживыми «произведениями» новых «летописцев» нашей Великой Отечественной. Чувствуется, что у вас терпение на исходе из-за горе-историков. Вы очень много делаете для восстановления справедливости в отношении исторической правды о штрафбатах. Никто не останется равнодушным к Вашей правде и той боли, которую вы испытываете, когда сталкиваетесь с такими лживыми произведениями новых «летописцев» нашей Великой Отечественной. У Вас много союзников и среди молодежи. Все же вы достучались до людей и, несмотря на рекламные кампании, уже редко кто считает тот фильм «по-володарски» о штрафбате истиной в последней инстанции и смотрит его.

Из письма сотрудников мемориала «Брестская крепость-герой»:

О штрафбатах правдивых книг написано немного, и тем ценнее Ваши собственные воспоминания и сведения, которые Вам удалось найти в архивах. Естественно, наибольший интерес у нас, музейных работников Брестского мемориала, вызвали главы, посвященные освобождению нашей родной Беларуси, битве за Брест. Вы расширили наше представление об отдельных командующих фронтами и армиями, представленных в экспозициях нашего музея. Спасибо Вам, солдату Победы, за то, что смогли проникновенно и правдиво рассказать о своих однополчанах и тем самым внести свой вклад в летопись Великой Отечественной войны.

Директор Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой»

Генерал-майор в отставке В.В. Губаренко

Ученый секретарь Е.В. Харичкова.

От дочери фронтового друга Загуменникова (Полтава):

Спасибо большое за книгу от нас всех — от детей, внуков и правнуков. И от всех, о ком эта книга, хотя большинства из них уже нет в живых. В семье потомков Петра Ивановича еще не все читали эту книгу, потому что она одна, а живем мы кто в Москве, кто в Оренбурге, кто в Полтаве. Многие знакомые хотят прочитать о штрафбате, и мы не знаем, как разделить эту книгу между нами и соседями. Моему сыну уже 25 лет, а Вам и папе тогда было по 17–20, и трудно представить, как вы, по нашим материнским меркам, почти дети, смогли вынести такое! Читаю, как шли через мины, как кого-то ранило, и думаю: «Господи, хоть бы проскочили, хоть бы выжили!!!» — как за своих детей переживаю. Уже в конце своей жизни папа что-то писал. Оказывается, он писал свои воспоминания для Вас, о чем мы узнали из Вашей книги. Из нее мы узнали о судьбах ваших боевых друзей, что Рокоссовский и Горбатов были не только генералами-командующими, а еще и просто настоящими, добрыми людьми.

Простите мое длинное письмо, но знайте, что значит для нас Ваша такая добрая, честная книга. С огромным уважением, Любимовы — Зубцовы (Загуменниковы).

От дочерей фронтового друга Усманова Фуада (Уфа):

Пишут Вам дочери Вашего фронтового друга Усманова, Клара и Людмила. Огромная благодарность Вам от всех Усмановых за присланную книгу, которую можно по праву отнести к разряду великих событий в мемуарной литературе. Вашу книгу читали, не отрываясь. После смерти отца нам хотелось узнать, как он в молодые годы жил, что чувствовал, как воевал. К сожалению, он умер, когда мы были еще детьми, и об этом он с нами почему-то не говорил. Поэтому книга для нас — это и диалог с отцом. Книгу прочитал от корки до корки и внук папы. Хотя ему уже более 30 лет, но он совсем не знал деда, так как родился после его смерти. Он просто в восторге, только и говорит о ней, рассказывает своей семье, своим друзьям.

Александр Васильевич! Мы очень Вам благодарны и, если возможно, хотели бы приобрести еще экземпляров 10–20. Помогите нам, напишите, куда подать заявку. Хочется иметь эту удивительную книгу как настольную, постоянно обращаться к ней и передать ее будущим правнукам отца.

Огромное спасибо, все мы низко кланяемся Вам, дочери Усманова, Людмила и Клара.

От семьи фронтового друга Семыкина Валерия (Воронеж):

Ответить Вам сразу не смогли: было очень плохо после инсульта с Валерием. Большущее спасибо за книгу, за Ваше умение и способность собрать, обработать весь материал о себе и о людях, переживших страшные испытания и своим героизмом и кровью защитивших свою Родину. Это не высокопарные слова! Сейчас для молодежи пишут в учебниках истории, что Победа для нас была добыта благодаря американцам. Какое кощунство! У нас внук учится в 10-м классе. И мы с Валерием с болью и возмущением просматривали учебник истории. Да за этот материал надо авторов казнить без суда и следствия! Вот почему Ваша книга (пусть и не для многих) откроет глаза на действительность тех лет. Валерий поражен, как точно и подробно Вы описали все, что было с ним на фронте.

Книгу мы читаем и перечитываем по несколько раз. Низкий Вам поклон за труд и память о тех годах! Валерий держится на лекарствах и моих заботах…

P.S. Высылаю письмо Валерия, которое он написал сам, у него плохо слушаются руки, но он так старался:

Дорогой фронтовой друг Саша, здравствуй! Книгу твою прочитали, перечитали. Особенно поразило описание боев на Наревском плацдарме и мое участие в них. Как все правильно! Молодец ты своей памятью, язык и стиль — прекрасные. Твоя жизнь — пример для патриотов. Прими самый горячий привет с праздником Победы.

Подполковник в отставке, почетный гражданин Воронежской области В. Семыкин

От сына фронтового друга Сергея Писеева (Одесса):

Прочитал Вашу книгу на одном дыхании. О штрафных батальонах раньше читать не приходилось — тема была запретная, наговаривают про заградительные заслоны НКВД, но не было признания боевых задач, выполняемых штрафбатами (а 9 мая наступило в том числе и за счет их большой крови), чтобы подтвердить имя честного советского человека-патриота. За истекшие годы написано много военных мемуаров, но Ваша книга — одна из самых ценных.

С уважением, Николай, сын Вашего фронтового друга Сергея Писеева.

От вдовы фронтового друга Гольдштейна (Киев):

Получила твою долгожданную книгу и безмерно тебе благодарна за добрую память о боевых друзьях и, конечно же, о твоем фронтовом друге, моем муже и отце наших детей. То, что узнала из этой удивительной книги, потрясло меня, так как я по рассказам Миши все-таки не так ярко представляла, сколько вами всеми, тогда еще молодыми офицерами, было пережито во время войны. Жаль, что Миша не дожил, чтобы прочесть твой «Штрафной удар». Софья, вдова Михаила Гольдштейна.

От сослуживца генерал-полковника Репина И.П.:

Большим и приятным сюрпризом стала для меня твоя замечательная книга «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина». С большим интересом и волнением прочитал не один раз твою откровенную повесть. Безгранично рад, глубоко тронут и сердечно благодарю тебя. Восхищен твоим литературным

даром, захватывающе, содержательно описал ты свой долгий и нелегкий жизненный путь. Повествование на эту тему читал впервые, до этого о действиях штрафных батальонов в годы войны читать не приходилось. Волнение мое связано с тем, что автором этой удивительной книги являешься ты, мой сослуживец по 38-й армии Прикарпатского военного округа. Выход в свет «Штрафного удара…» является достойным вкладом в освещение истории Великой Отечественной войны. Эта книга имеет большое значение для людей всех возрастов всего бывшего Советского Союза и особенно — для молодежи. Крепко обнимаю. Генерал-полковник в отставке И. Репин.

От генерал-лейтенанта в отставке В.М. Зюбко (Санкт-Петербург):

Не будучи писателем-профессионалом, автор очень умело, тактично вступает в доверительный контакт с читателем и проводит его по перипетиям своей многолетней нелегкой жизни с ее коллизиями и поворотами судьбы. Лаконично, но достаточно обстоятельно знакомит он читателя с целой плеядой людей, составляющих гордость нашего народа и о которых хочется знать, как действовали штрафники, проявляя свои офицерские качества: верность Родине, достоинство и честь, самоотверженность и храбрость. Следует отдать должное вкладу в военно-патриотическое воспитание молодежи, который сделал своей книгой Александр Васильевич Пыльцын.

Вадим Михайлович Зюбко, генерал-лейтенант в отставке.

От Л. Дурсенева (Харьков):

Прекрасным литературным языком, сделавшим бы честь иному профессиональному писателю, автор дает анализ боевых действий штрафбата. Но главное в книге — боевое братство офицеров, командовавших штрафниками, и штрафников, офицеров, временно разжалованных в рядовые. Обладая феноменальной памятью, автор увековечил в памяти потомков значительную часть командного состава и штрафников. Эта книга стоит в одном ряду с лучшими военными

мемуарами маститых военачальников, интересна бывшим фронтовикам и важна молодым поколениям, оказывая на них большое воспитательное влияние.

Майор в отставке Леонид Дурсенев, участник штурма Берлина и взятия Рейхстага.

От доктора философии Федора Цанкайси (г. Владимир):

Получил Вашу книгу, начал читать ее на почте. Пришел домой и закончил за один присест. Таких мемуаров я до сих пор не читал! Было много и маршальских, и генеральских, в них война предстает иной, чем в воспоминаниях командира роты офицерского штрафбата. Эти «лейтенантские» мемуары отличаются честностью, правдивостью, которые обнаруживаются в деталях, а не в декларациях и общих рассуждениях. Жаль, что тираж маленький, и нет обязательных экземпляров для библиотек.

Федор Цанкайси, доктор философии, профессор Владимирского государственного университета.

От А. Якобсона (Гомель, Беларусь):

Примите слова искренней благодарности за бесценный подарок — книгу «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина». Прочел ее с большим интересом и, можно сказать, не отрываясь. Доступное изложение событий Великой Отечественной войны, сопряженное с автобиографическим повествованием, боевые рейды штрафбата на территории Гомельской области дают четкое представление о тяготах и лишениях, пережитых тогда. Вам удалось на реальных событиях раскрыть образцы стойкости и героизма, подметить характерные черты многих военачальников и командиров. Сейчас главным является отдать дань уважения всем, кто, рискуя своей жизнью, вел ожесточенную борьбу с врагом, выстоял и победил! От всей души благодарю лично Вас за участие в увековечении фактов истории войны, патриотическом воспитании молодежи на примере отцов и дедов.

Александр Якобсон, председатель Гомельского облисполкома Республики Беларусь.

От семьи сослуживца по Дальнему Востоку Л. Эдельштейна (Киев):

Всей семьей прочитали Вашу книгу «Штрафной удар…» и о штрафных офицерских батальонах узнали только из нее. Она написана с таким откровением, с такой любовью к людям, к жизни, так удачно иллюстрирована, так ярко в ней описаны события, что мы не могли остаться равнодушными.

Такие книги надо широко тиражировать и использовать в создании телевизионных лент вместо всякой гадости, которую «крутят» и «крутят», удовлетворяя вкусы «новых» русских, украинцев и т. д., разлагая все более и более молодых.

Предложите книгу телевизионщикам, не смогут они остаться равнодушными. Ваш «штрафной удар» по многим псевдоисторикам не должен застыть на первом издании, ведь в книге так много любви к людям, к жизни, несмотря на все ее коллизии. Она даст силы старикам и поможет молодым найти себя в жизни.

Вы создали мемуарный шедевр, «достучались» до молодого, «потерянного», но еще живого поколения. Мы — славяне, и наша ментальность — человечность — не должна раствориться в достижении только сверхдостатка, мы люди с горячим сердцем, широкой открытой душой и хорошими мозгами и должны помочь новым поколениям найти себя, свое место в истории, и как же в этом поможет Ваша книга (и, думаем, будущий киносценарий)!

Здоровья Вам и творческих хлопот. Киев, август 2003 г.

Эдельштейн Леонид Абрамович, полковник в отставке. Попович Юрий Васильевич, полковник запаса. Кочкина Лариса Ивановна. Попович Валерия Леонидовна. Кривовяз Ольга Валентиновна.

От белорусских друзей (Гомель):

Читали Вашу книгу-исповедь со смешанным чувством гордости и горечи. Нам, участникам той войны, не приходилось читать о штрафниках-офицерах. Эта книга имеет величайшее значение для воспитания будущих защитников Родины. Мы будто посмотрели несколько

хороших фильмов о войне. Некоторые страницы книги так и просятся на экран. Жаль, что среди наших друзей нет сценаристов — из Вашей книги можно сделать добротный телесериал. Это честная и беспощадная книга, и пусть простят Вас потомки тех, чьи черствые, а иногда и преступные души Вы обнажили, не поддавшись на постулат: «О мертвых или хорошо, или ничего».

Хорошо, что наука ненависти не отравила Вашу душу, хорошо, что Вы умеете прощать. Мы много читаем литературы о войне, но мемуары простого взводного читаем впервые.

Желаем Вам быть таким же строптивым генералом, каким были лейтенантом.

Ваши друзья, полковник в отставке Иван Матвеев, капитан медслужбы Мария Матвеева, подполковник в отставке Борис Жарехин и его боевая подруга Алевтина. г. Гомель.

От однокурсника по ленинградской академии В. Петрича:

С каким удовольствием читала твою книгу вслух, Шура, жена (я совсем плохо вижу), часто оба со слезами на глазах. Она блокадница, дядя ее воевал после плена в штрафбате. Ей уж очень понравилось, как тепло ты пишешь о женщинах на войне, от нее особое спасибо. А мне все понравилось об армии, все вспомнилось и заново пережилось. Спасибо еще раз за книгу, как чистой родниковой водой умылись. Живи долго, рассчитывай свои силы, чтобы вышла твоя следующая книга, будем с нетерпением ее ждать.

Владимир Петрич, полковник в отставке, доктор технических наук, профессор.

От харьковских читателей:

Прочитав эту редкую по своей правдивости и откровенности книгу, читателя не оставляет ощущение, что написанное происходит с ним самим. Веришь автору, и кажется, что и сам испытываешь такие же переживания. Некоторые эпизоды невозможно читать без светлых слез и чувств, наполненных глубоким уважением к героям повести. Здесь, наверное, проявилась личность автора — сильного, жизнелюбивого человека, на которого хочется быть похожим. Человеколюбивая позиция

автора, проявившаяся в описании характеров и событий, вызывает теплые чувства у читателей разных поколений, в том числе и молодежи. Книга читается легко и быстро, несмотря на тяжелые, жесткие эпизоды кровавой войны. Мы совершенно уверены, что найдется деятель кино, который создаст художественный фильм по этому замечательному произведению.

От имени двух семей харьковчан их представители Бойко Н.В., Хворостенко Л.В.

От петербурженки Инны Сарафоновой:

«В школе нас учили, что заградительные отряды были угрозой отступающим солдатам, расстреливали их нещадно и т. п. Не хочу винить свою молодую учительницу истории, ее тоже так учили. Вашу книгу „Штрафбат в бою. От Сталинграда до Берлина без заградотрядов“ читаю на одном дыхании и не могу оторваться: столько в ней силы духа и любви к своей стране и своему народу. Не говорю уже о фактической информации, которая меняет многое из того, чему нас уже успели „научить“. Теперь и я понимаю, что от моего поколения, от меня лично зависит, какую историю будут изучать мои дети».

От профессора Деревянко С.Н. (Харьков):

Есть множество произведений писателей-фронтовиков, но в них трудно отличить правду от вымысла. Книга А. В. Пыльцына «Штрафной удар…» этот пробел в значительной мере устраняет. Читая эту книгу, приходишь к выводу, что, создавая в критический период войны штрафные подразделения, Верховное командование ошибки не совершало: возможность для проштрафившихся офицеров смыть свою вину кровью сама по себе представляла собой акт гуманный; в то же время для решения особо сложных задач командование получало элитные войска, предельно храбрые и отлично обученные.

Автор далек от самовосхваления, но, читая книгу, непроизвольно формируешь для себя в его лице образ русского, советского офицера, прекрасно подготовленного, образованного, беззаветно мужественного и честного, преданного Родине и данной ей единожды присяге.

Книга вообще написана прекрасным русским литературным языком, легко читается, вызывает много воспоминаний и заставляет задуматься о многом. Она представляет интерес не столько достоверным описанием военных действий, сколько как памятник героизму наших воинов, в том числе штрафников, о которых в ней идет речь.

Деревянко Сергей Николаевич, участник боевых действий, профессор.

От Владимира Пиуна (Москва), сына штрафбатовского политработника майора Пиуна:

В книгах А.В. Пыльцына не только приводятся сухие цифры. По сути дела, Александр Васильевич одним из первых своими книгами и выступлениями на телевидении нанес удар по одному из пропагандируемых телевидением мифов о том, что штрафники состояли сплошь из уголовников и именно они вынесли на себе тяжесть самых кровавых боев. Лживый телесериал «Штрафбат» не должен был оставаться «правдой» о войне. Правда о штрафбатах от первого лица — вот что такое книги А.В. Пыльцына В целом могу сказать, что эти книги — оружие идеологической борьбы с теми, кто хочет переиграть нашу историю и итоги Второй мировой войны.

От журналиста О. Солнышкиной (Сергиев Посад):

Вы и не предполагаете, какому количеству людей Вы дали новое рождение — новое понимание истории, новое осмысление войны, новое видение прошлого и взгляд на будущее. Я — одна из этих людей, и искренне благодарю Вас за этот дар. Год за годом Вы обретаете новых друзей и последователей, месяц за месяцем Вы даете людям свою мудрость, день за днем Вы горите, каждую секунду Вы любите жизнь. Спасибо за этот прекрасный пример Человека и за возможность и нам ощущать себя причастными к подвигу Вашей жизни.

Ольга Солнышкина

От Г. Каплина (Пятигорск):

Закончил читать Вашу новую книгу «Штрафбаты: наказание, искупление». Огромное Вам спасибо за этот

труд! Я был к Вашей книге, в общем-то, неплохо подготовленным читателем, поскольку читал изданную Вами ранее «Правду о штрафбатах», книги других авторов, видел фильм из серии «Алтарь Победы», да и довольно долгое время занимался изучением всего, что связано с другим штрафбатом — 10-м ОШБ 3-го Белорусского фронта.

Но и при этом вынес для себя из последней Вашей книги много нового.

Вами в книге очень четко сформулировано принципиальное для всех, кто пишет или создает фильмы о войне: «Подлость — это и есть предел для художественного вымысла». Мне уже не раз приходилось и в устных разговорах, и в переписке в Интернете отстаивать те позиции, которые Вы занимаете относительно телесериала «Штрафбат» «гениев» Досталя и Володарского. Так получилось, что «закрытый кинопоказ» — модную в свое время телерубрику — мне довелось посмотреть. Помню, как краснел и пыхтел на нем один из тех «гениев», отвечая на вопросы, уличающие во лжи. К сожалению, и новый Ваш труд вряд ли сам по себе переломит укоренившееся у многих, особенно у нынешней молодежи, отвратное представление о штрафных подразделениях Красной Армии в той войне. Его уже успели заложить упомянутые мерзавцы и иже с ними в создании фильма, как успешный актер Серебряков, но с гнилой душой. Надежда только на время, на честное отношение к теме нынешних и будущих историков, на их ориентацию в исследованиях на Ваши книги и труды других творцов и свидетелей той истории, что складывалась в военные годы. Ваш вклад в этот перелом в общественном сознании в будущем неоценим.

А еще хотелось бы, чтоб нашлись хорошие и честные сценарист и режиссер, которые сняли бы на основе Ваших книг правдивый фильм с не меньшими, а большими художественными достоинствами, но лишенный лжи и извращений. И чтобы привлек он не меньше зрителей и заставил сравнивать и задумываться: какова была правда о штрафбатах и в том времени вообще.

Геннадий Каплин.

Из Лоевского (Беларусь) «Музея битвы за Днепр»:

Читая Вашу новую книгу, хочется назвать ее

одновременно и книгой, и мемуарами, и монографией, потому что кроме художественного реалистического содержания, воспоминаний есть в них много такого материала, который дает возможность изучать ход военных действий на определенных этапах войны. Спасибо Вам огромное, будем с радостью знакомиться с Вашими новыми трудами. Книги займут достойное место в фондах музея. Благодаря Вашим книгам мы владеем информацией, которая известна немногим. И видим теперь свою задачу в том, чтобы она стала известна как можно большему кругу людей, потому что только через трансформацию информация доходит до общества, а вместе с ней, говоря Вашими словами, «вся правда о штрафбатах». Искренне радуемся Вашим литературным успехам, восхищаемся Вашей активной гражданской позицией. Мы рады, что имеем возможность из первых уст познавать правду войны.

С уважением, директор музея Стадникова Р.Г.

От Шпагина А. Н., 32 года (Ижевск):

Прежде всего хотелось бы поблагодарить Вас за такой гигантский труд, за который Вы взялись и довели до конца. Видно, что это не просто написание книги каким-то писателем, пусть даже и талантливым, но все же наблюдающим со стороны, а все это прожито, выстрадано, пережито самим автором, отчего это делает труд более ценным, значимым. Признаться, я давно хотел познакомиться с Вашими книгами, которые видел на полках книжных магазинов. А тут такая удача — «Штрафбат» 2015 года, которая, как говорится в аннотации, отличается от всех прежде изданных книг значительным расширением географии боевых действий штрафных частей Великой Отечественной войны, увеличением объема фактического исторического и иллюстративного материала, где впервые дана оценка взаимосвязи категорий «преступление», «наказание», «искупление вины» подвигом и др.

Шпагин Антон Николаевич.

Несколько отзывов из Интернета:

acrodat про Пыльцын: Правда о штрафбатах (Биографии и Мемуары, О войне) 09-11-2009

> *Этим воспоминаниям о войне веришь больше, чем мемуарам известных маршалов и генералов. Автор закончил войну в 21 год майором. Если жив, сейчас ему должно быть около 87 лет. Книга написана живым языком молодого душой человека. Интересно читать всю книгу без пропусков… Интересна оценка генерала Батова, отдавшего приказ штрафбату идти в атаку по минному полю. А ведь в нашей истории он герой. Из таких воспоминаний, по крупицам, устанавливается объективный взгляд на прошлое.*

Ivan62 про Пыльцын: Правда о штрафбатах (Биографии и Мемуары, О войне) 07-03-2010

> *Читать обязательно. Особенно любителям современных фильмов о войне, в большинстве из которых куча вранья, особенно в сериале «Штрафбат». Там все сплошное вранье.*
>
> *Оценка: отлично!*

Библиография

1. Литература

Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления, т 1, 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

К.К. Рокоссовский. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1997.

А.В. Горбатов. Годы и войны. М.: Центрполиграф, 2008.

Советские воздушно-десантные: Военно-исторический очерк. Авторский коллектив: канд. военных наук В.Ф. Маргелов, канд. ист. наук И.И. Лисов, Я.П. Самойленко и др. П.И. Батов. В походах и боях. М.: Воениздат, 1966.

С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны, кн. 2; М.: Воениздат, 1981.

Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ // Сост. Жадобин А.Т., Марковчин В.В., Сигачев Ю.В. М., 2000.

Ю.В.Бондарев. Мгновения. Бермудский треугольник. М.: ИТРК, 2001.

Л. Дударенко, Ю. Перечнев и др. Освобождение городов. М.: Воениздат, 1985.

В.К. Харченко. «…специального назначения». М.: Воениздат, 1973.

Н.В. Куприянов. С верой в Победу. М.: Воениздат, 1985.

А.В. Пыльцын. Правда о штрафбатах. М.: Яуза, 2007.

И.В. Пыхалов. Великая Оболганная война. М.: Яуза, Эксмо, 2005.

И.В. Пыхалов. Правда о заградотрядах. Газета «Спецназ России», №№ 5–6, 2004.

И.В. Пыхалов, А. Пыльцын и др. Штрафбаты по обе стороны фронта. М.: Яуза, 2007.

В.И. Кардашов. Рокоссовский. М.: Молодая гвардия, 1972.

К. Константинов. Рокоссовский. Победа не любой ценой. М.: Яуза, Эксмо, 2007.

Ю.В. Рубцов. Штрафники Великой Отечественной в жизни и на экране. М.: Вече, 2007.

Ю.В. Рубцов. Генеральская правда. 1941–1945. М.: Вече, 2012.

В.Н. Селеменев. 105-я гвардейская воздушно-десантная дивизия. Воспоминания о прошлом. СПб, 2014.

Чураков Александр. Бей своих («Историка и политика»).

М. И. Сукнев. Записки командира штрафбата. М.: Центрполиграф.

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001.
Книга памяти Рогачевского района «Памяць», Минск, 1994.
Книга памяти Жлобинского района «Памяць», Минск, 2000.
Брестская крепость. Минск: Поликрафт, 2000.

2. Архивные материалы ЦАМО РФ. По 8-му Отдельному (офицерскому) штрафному батальону:

Фонд № 310:
Опись 4376, дело 340.
Опись 80743, дело 4, кор. 22056/1276.
Опись 80743с, дело 4, 5 кор. 25, 26.
Опись 80745с, дело 2 кор. 10, 11, 91–95, 100, 101, 202.
Опись 80746с, дело 5 кор. 1, 2, 9, 11, 15, 17–20, 24.
Опись 80747с, дело 11 кор. 5–7, 30–33, 38,
дело 12 кор. 80,
дело 13 кор. 57, 68.
Опись 256347с, дело 2 кор. 1–3, 10, 11,
дело 7 кор. 1–4, 11, 12, 25, 26, 30, 32, 42, 43, 52, 53, 56, 59, 64, 65, 71–75, 82–86,
дело 8 кор. 1, 2, 17, 18, 23, 24, 41, 42,
дело 9 кор. 54, 55, 68, 69,
дело 13 кор. 9, 10, 78, 79, 126, 127, 142, 143,
дело 15 кор. 53, 54,
дело 16 кор. 66, 67.

3. Архивные материалы ЦАМО РФ. По заградотрядам:

дело 10, опись 36256, лист 37.
дело 12, опись 41259, лист 48.

notes

Примечания

1

Замкомвзводами тогда еще назначались офицеры постоянного состава.

2

Повышенное денежное содержание замполитов в отличие от просто заместителей обусловлено, по-видимому, тем, что оно было установлено, когда эта категория политработников состояла еще в ранге комиссаров.

3

В «Книге Памяти» Рогачевского района опубликовано письмо штрафника 8-го ОШБ, техника-интенданта 1 ранга Ларченко Прохора Степановича (№ 27 в списке), уроженца дер. Студенец Костюковичского района Могилевской области, написанное им жене перед рейдом батальона в тыл врага, за 3 дня до своей гибели. Вот это письмо:

18 февраля 1944 г.

Здравствуйте, мои милые и дорогие жена и дочки!

Я жив и здоров. Самочувствие хорошее. Скоро будем гнать врага из нашей родной Белоруссии и уничтожать его беспощадно. Приближается день Красной Армии, день ее победы над врагом. Милая и дорогая жена Тина, этот день, 23 февраля, ты знаешь, я всегда отмечал, так как с днем побед Красной Армии связан и день моего рождения. В этом 1944 году думаю провести его как никогда радостно, так как буду находиться на передовой и участвовать в окончательном разгроме врага. Думаю, что придется поднять и бокал вина в этот знаменательный день… Дорогая жена Тиночка! Закончится Отечественная война, и, если останусь жив, мы должны в этом же году встретиться. Этими мыслями и чувствами горячей любви к тебе, моя неоценимая подруга жизни Тиночка, и к нашим милым дочкам Людочке и Светочке весь проникнут и ими буду жить все года и везде, где бы я ни был. Этот 1944 год покажет, насколько мы, дорогая Тина, Людочка и Светочка, счастливы. Не скрывая от тебя, милая Тина, я должен сказать, что иду по серьезному пути и буду стойко сражаться за нашу любимую великую Родину…

Дорогая Тина! По хозяйственным вопросам и о своей поездке на территорию Белоруссии ты решай сама. В недалеком будущем, быть может, по этому вопросу помогу и я. Прошу, пиши старикам в Студенец, передавай и от меня всем привет и лучшие пожелания. Прошу не беспокоиться, если часто не буду тебе писать. Обстановка не позволяет. Будьте же здоровыми и счастливыми, мои славные Тиночка, Людочка и Светочка!

Целую крепко, крепко тебя и дочек,

Прохор.

4

Пометка (утонул в Одере) — так означено в донесении о потерях и, наверное, — в справках, высылаемых родным погибшего.

5

В этот список специально не включена фамилия Редкого, перечисленного в донесении о потерях, как утонувшего, по причинам, изложенным в главе о форсировании Одера.